

ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Журнал теоретических и прикладных исследований
Издается с 1999 г.

2014 № 2 (58) Т. 2

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Волчек В. А. – д-р ист. наук, проф., ректор КемГУ (г. Кемерово, Россия) – председатель совета.
Аникин А. Е. – д-р филол. наук, чл.-корр. РАН, Институт филологии РАН (г. Новосибирск, Россия).
Бабич М. – д-р юр. наук, проф. Баян-Лукского университета (г. Баян Лука, Респ. Сербская, Босния и Герцеговина).
Дружинин В. Г. – д-р биол. наук, проф., проректор по научной работе КемГУ (г. Кемерово, Россия).
Захаров Ю. А. – д-р хим. наук, проф., чл.-корр. РАН, зав. кафедрой химии твердого тела КемГУ (г. Кемерово, Россия).
Контарович А. Э. – д-р геол.-минерал. наук, академик РАН, председатель Президиума Кемеровского научного центра СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Кремер Р. – д-р, проф. Потсдамского университета, главный редактор журнала «Weltrends» (г. Потсдам, Германия).
Лаврик О. И. – д-р хим. наук, чл.-корр. РАН, Институт химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Милошевич Х. – проф. природно-математического факультета Приштинского университета (г. Косовска Митровица, Сербия).
Молодин В. И. – д-р истор. наук, академик РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Пихица П. В. – д-р филол. наук, Сеульский национальный университет (г. Сеул, Южная Корея).
Суслов В. И. – д-р экон. наук, чл.-корр. РАН, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Чистякова С. Н. – д-р пед. наук, чл.-корр. РАО, академик-секретарь РАО (г. Москва, Россия).
Шокин Ю. И. – д-р физ.-мат. наук, академик РАН, Институт вычислительных технологий СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Юревич А. В. – д-р психол. наук, чл.-корр. РАН, Институт психологии РАН (г. Москва, Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Дружинин В. Г. – д-р биол. наук, проф., гл. ред., председатель.
Араева Л. А. – д-р филол. наук, проф.
Бибило В. Н. – д-р юр. наук, проф. (Беларусь).
Бобров В. В. – д-р ист. наук, проф.
Гудов А. М. – д-р ф.-м.н., доцент.
Данилов Н. Н. – д-р физ.-мат. наук, проф.
Желтов В. В. – д-р филос. наук, проф.
Казин Э. М. – д-р биол. наук, проф.
Касаткина Н. Э. – д-р пед. наук, проф.
Лушников Г. И. – д-р филол. наук, проф.
Митько Н. В. – зам. директора науч. библиотеки.
Мороз А. А. – д-р хим. наук, проф.
Невзоров Б. П. – д-р пед. наук, проф., отв. редактор.
Поплавной А. С. – д-р физ.-мат. наук, проф.
Соколова Я. – канд. филол. наук, проф. (Словакия).
Черненко Т. Г. – д-р юр. наук, проф.
Шабашев В. А. – д-р экон. наук, проф.
Шадрин А. В. – д-р техн. наук, проф.
Щенников В. П. – д-р филос. наук, проф.
Яницкий М. С. – д-р психол. наук, проф.

Редакторы выпуска:

Н. С. Якимова, Л. С. Старикова, В. П. Долгих

Компьютерная верстка – *В. А. Шерина*

BULLETIN OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY

Journal of theoretical and applied research
Founded in 1999

2014 № 2 (58) Vol. 2

The Bulletin is included into the "List of leading peer-reviewed journals and issues" which should publish main research results of Doctor's and Candidate's theses by the Higher Attestation Commission

FOUNDER:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Kemerovo State University

EDITORIAL ADVISORY BOARD:

V. A. Volchek – Dr. of History, Prof., Rector of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Chair.
A. E. Anikin – Dr. of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
M. Babic – Dr. of Law, Prof. at Banja Luka University (Banja Luka, Republika Srpska, Bosnia and Herzegovina).
V. G. Druzhinin – Dr. of Biology, Vice-Rector for Science of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Yu. A. Zakharov – Dr. of Chemistry, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Chemistry of Solids of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Al. E. Kontorovich – Dr. of Geography and Mineralogy, Academician of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the Presidium of Kemerovo Scientific Centre of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Kemerovo, Russia).
R. Kraemer – Dr., Prof. at Potsdam University, Editor-in-Chief of WeltTrends Journal (Potsdam, Germany).
O. I. Lavrik – Dr. of Chemistry, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Chemical Biology and Fundamental Medicine of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
H. Milosevic – Prof. at the Faculty of Science and Mathematics of the University in Pristina, President of Impex Company (Kosovska Mitrovica, Serbia).
V. I. Molodin – Dr. of History, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
P. V. Pikhitsa – Ph.D., senior researcher at Seoul National University (Seoul, South Korea).
V. I. Suslov – Dr. of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
S. N. Chistyakova – Dr. of Pedagogic, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Academic Secretary of the RAE (Moscow, Russia).
Yu. I. Shokin – Dr. of Physics and Mathematics, Academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of Computational Technologies of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
A. V. Yurevich – Dr. of Psychology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

EDITORIAL BOARD:

V. G. Druzhinin – Dr. of Biology, Prof., Editor-in-Chief – Chair.
L. A. Araeva – Dr. of Philology, Prof.
V. N. Bibilo – Dr. of Law, Prof. (Belarus).
V. V. Bobrov – Dr. of History, Prof.
A. M. Gudov – Dr. of Physics and Mathematics, Associate Prof.
N. N. Danilov – Dr. of Physics and Mathematics, Prof.
V. V. Zheltov – Dr. of Philosophy, Prof.
E. M. Kazin – Dr. of Biology, Prof.
N. E. Kasatkina – Dr. of Pedagogic, Prof.
G. I. Lushnikova – Dr. of Philology, Associate Prof.
N. V. Mitko – Deputy Director of Scientific Library
A. A. Moroz – Dr. of Chemistry, Prof.
B. P. Nevzorov – Dr. of Pedagogic, Prof., Executive Editor.
A. S. Poplavnoy – Dr. of Physics and Mathematics, Prof.
Ya. Sokolova – Candidate of Philology, Prof. (Nitra, Slovakia).
T. G. Chernenko – Dr. of Law, Prof.
V. A. Shabashev – Dr. of Economics, Prof.
A. V. Shadrin – Dr. of Technical Science, Prof.
V. P. Shchennikov – Dr. of Philosophy, Prof.
M. S. Yanitskiy – Dr. of Psychology, Prof.

Issue editor:

N. S. Yakimova, L. S. Starikova, V. P. Dolgikh
Computer layout – *V. A. Sherina*

Журнал издается по решению редакционно-издательского совета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет».

Выходит 1 раз в квартал

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации:
ПН ФС77-40023 от 04.06.2010 г.

Адрес редакции:

650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, к. 2125.
Тел.: (3842) 58-13-01
Факс: (3842)58-44-03
E-mail: vestnik@kemsu.ru
Адрес сайта:
<http://vestnik.kemsu.ru>

Адрес издателя:

650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6.
Тел.: 8(3842) 58-28-39
Факс: 8(3842)58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Подписные индексы:

Объединенный каталог «Пресса России» – 42150

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в реферативную базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

<http://elibrary.ru>

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Printed by the decision of Scientific Editorial Publishing Council of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Kemerovo State University

Issued once a quarter

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

Certificate of registration:
ПН ФС77-40023 of 04.06.2010

Editorial Office Address:

650043, Kemerovo, 6 Krasnaya St., room 2125.
Tel.: 8 (3842) 58-13-01
Fax: 8 (3842) 58-44-03
E-mail: vestnik@kemsu.ru
Web-site:
<http://vestnik.kemsu.ru>

Publisher Address:

650043, Kemerovo, 6 Krasnaya St.
Tel.: (3842) 58-28-39
Fax: (3842)58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Subscription indices:

42150 – in the United catalogue "The Press of Russia"

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Li-brary. The Journal is included into the database of the "Russian Science Citation Index".

<http://elibrary.ru>

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

БИОЛОГИЯ

- 8 **Берестенева Т. В.** Продолжительность вегетационного периода у сортов ячменя с нейтральным фотопериодом
- 12 **Ковалевский А. В., Ильяшенко В. Б., Скалон Н. В., Ключева А. А.** Общая характеристика осенней миграции и привязанность к местам гнездования воробьинообразных птиц *passeriformes* в долине среднего течения р. Томь
- 17 **Ливанов С. Г.** Сезонные аспекты населения птиц северного Предуралья

ИСТОРИЯ

- 24 **Адаменко А. А.** Традиционный костюм народа акха в северном Таиланде
- 27 **Алексеева Л. С.** Деятельность духовенства томской епархии по сохранению исторического и культурного наследия в XIX – начале XX вв. (по материалам «Томских епархиальных ведомостей»)
- 32 **Атнагулов И. Р.** Русские исследователи второй половины XIX – начала XX вв. о нагайбаках
- 35 **Барышева Н. Р.** Из истории всесоюзного общества изобретателей
- 40 **Воронин Д. В.** Развитие органов государственного арбитража Кемеровской области в 1950-е – начале 1960-х гг.
- 43 **Гузаров В. Н.** Зарплата сотрудников партийного аппарата Томской губернской организации РКП(б): 1920 – 1925 гг.
- 48 **Красильникова Е. И.** Создание мемориалов на братских могилах «жертв колчаковщины» в Новосибирске и Томске: политический заказ и диалог с традицией (1920 – 1930-е гг.)
- 53 **Кулемзин А. М.** Изучение охраны памятников в современной России
- 58 **Куликова А. С.** Изображения лодок Северной Евразии
- 69 **Соколов А. А.** Взаимодействие государства и общественности в деле охраны памятников истории и культуры в Крыму (конец 60-х – 70-е гг. XX века)

МАТЕМАТИКА

- 74 **Гудов А. М.** Оценка эффективности внедрения it-технологий в организации

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

- 77 **Хисматуллин И. Р.** Геоэкологический анализ Стерлитамакских шиханов: последствия и перспективы антропогенного воздействия на комплексные памятники природы

BIOLOGY

- 8 **T. V. Beresteneva.** Length of vegetation period in barley cultivars with neutral photoperiod
- 12 **A. V. Kovalevskiy, V. B. Ilyashenko, N. V. Skalon, A. A. Klyuyeva.** General description of autumn migration and attachment to the nesting place of passeriformes passerine birds in the middle reaches of the Tom river
- 17 **S. G. Livanov.** Seasonal aspects of bird communities of the Northern Urals foothills

HISTORY

- 24 **A. A. Adamenko.** Traditional costume of the Akha people in Northern Thailand
- 27 **L. S. Alekseeva.** Activities of Tomsk diocese clergy to preserve historical and cultural heritage in the 19th–early 20th centuries (based on «Tomsk diocesan bulletin»)
- 32 **I. R. Atnagulov.** Russian researchers on the Nagaibaks of 2nd half of the 19th – early 20th centuries
- 35 **N. R. Barysheva.** From the history of the all-union society of inventors
- 40 **D. V. Voronin.** Development of the state arbitration bodies in Kemerovo region in the 1950s – early 1960s
- 43 **V. N. Guzarov.** Salary of the party staff in Tomsk gubernia organization of the Russian Communist Party (of Bolsheviks): 1920 – 1925
- 48 **E. I. Krasilnikova.** Erection of memorials at mass graves of the «Kolchak victims» in Novosibirsk and Tomsk: political order and dialogue with tradition (1920s – 1930s)
- 53 **A. M. Kulemzin.** The study of the protection of monuments in contemporary Russia
- 58 **A. S. Kulikova.** Images of boats in Northern Eurasia
- 69 **A. A. Sokolov.** State and public cooperation in the protection of historical and cultural heritage in the Crimea (the late 1960s – 1970s)

MATHEMATICS

- 74 **A. M. Gudov.** Estimation of efficiency of IT-technologies introduction in organization

EARTH SCIENCE

- 77 **I. R. Khismatullin.** Geoecological analysis Sterlitamak Shikhans: implications and prospects of anthropogenic impact on the complex natural monuments

ПЕДАГОГИКА

- 83 **Бирюкова А. С.** Педагогические аспекты полиэтнической образовательной среды школы
- 87 **Васильева Т. В.** Проблема формирования ценностных ориентаций студентов
- 91 **Иванова С. Ю., Касаткина Н. Э., Игонина Т. Б., Конькова Р. В.** Формирование потребности студентов в здоровом образе жизни в процессе их обучения в вузе
- 95 **Игнатова И. Б., Умут П.** Аналитическая работа над паремиологическими единицами при изучении иностранного языка как средство выработки грамматических навыков (на материале русского и турецкого языков)
- 99 **Игнатова И. Б., Умут П.** Распознавание ситуативного контекста как основная цель обучения паремиям при изучении иностранного языка (на материале турецкого и русского языков)
- 103 **Карташова В. Н.** Игра в подготовке будущего учителя
- 106 **Ковальчук В. И.** Отношение мастеров производственного обучения ПТУЗ к развитию педагогического мастерства в системе повышения квалификации
- 111 **Колмогорова Н. В., Костихина Н. М.** Индивидуальные особенности студентов физкультурного вуза в решении проблемных ситуаций
- 114 **Скрыпник Н. С.** О педагогических условиях формирования субъектной позиции студентов технических вузов во внеаудиторной деятельности
- 118 **Удалова И. Н., Жукова Т. А.** Развитие познавательного интереса к предметам естественнонаучной направленности у студентов гуманитарного профиля
- 122 **Урусова Л. Х.** Гендерная толерантность в современном обществе
- 124 **Храмченко В. Е.** Вклад экспертно-криминалистического отдела ФСКН в реализацию приоритетного национального проекта "образование"
- 127 **Чиркова О. В.** Подготовка будущих менеджеров к проектной деятельности по математике

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ И СОЦИОЛОГИЯ

- 131 **Журавлева О. В.** Ресурсы НКО и добровольческих объединений в социализации детей с ограниченными возможностями
- 136 **Левицкая И. А.** Профессиональное самоопределение как социокультурный процесс
- 141 **Неваева Д. А.** Особенности социальной эксклюзии лиц пожилого возраста (по материалам социологического опроса)
- 147 **Сайфутдинова В. М.** Представительство регионов в Совете Федерации: политико-правовой аспект
- 152 **Соколов А. В.** Особенности реализации политического участия в интернете в современной России

PEDAGOGICS

- 83 **A. S. Birukova.** Pedagogical aspects of multiethnic educational environment in schools
- 87 **T. V. Vasilieva.** Problem of formation of students' value orientations
- 91 **S. Yu. Ivanova, N. E. Kasatkina, T. B. Igonina, R. V. Konkova.** Formation of students' needs in a healthy lifestyle during their training in high school
- 95 **I. B. Ignatova, P. Umut.** Analytical work on the paremiological units within foreign language study as a means of forming grammatical skills (examples of Russian and Turkish languages)
- 99 **I. B. Ignatova, P. Umut.** Identification of the situational context as the main purpose of teaching paremiological units to foreign students (examples of Russian and Turkish languages)
- 103 **V. N. Kartashova.** Games in training of future teachers
- 106 **V. I. Kovalchuk.** The attitude of vocational schools' industrial training foremen to the pedagogical skill development in the professional development system
- 111 **N. V. Kolmogorova, N. M. Kostikhina.** Specific features of students of Sports higher education institution in solving problem situations
- 114 **N. S. Skrypnyk.** About pedagogical conditions for forming personal position of students of technical higher education institutions in extra-curricular activity
- 118 **I. N. Udalova, T. A. Zhukova.** The cognitive interest to the Sciences in students majoring in the Humanities
- 122 **L. Kh. Urusova.** Gender tolerance in the modern society
- 124 **V. E. Khramchenko.** The FSCN forensic laboratory contribution to implementation of the Priority national project "Education"
- 127 **O. V. Chirkova.** Preparation of future managers for project activities in Mathematics

POLITICAL SCIENCE AND SOCIOLOGY

- 131 **O. V. Zhuravleva.** Resources of nonprofit organizations and volunteer associations in the socialization of children with disabilities
- 136 **I. A. Levitskaya.** Professional self-determination as a social and cultural process
- 141 **D. A. Nevaeva.** Features of social exclusion of elderly people (based on sociological survey)
- 147 **V. M. Sayfutdinova.** The representation of regions in the Federation Council of Russia: political and legal aspect
- 152 **A. V. Sokolov.** Features of political participation on the internet in contemporary Russia

- 157 **Чернега А. А.** Специфика социальных ресурсов: от понимания к применению

ПСИХОЛОГИЯ

- 162 **Михайлова В. П., Корытченкова Н. И., Матюшенко Л. М., Осипова Т. Ю.** Типы отношений и психологические защиты

ФИЗИКА

- 169 **Сарапулова В. В.** Особенности преломления и отражения звука на границе раздела между водой и пузырьковой жидкостью

ФИЛОЛОГИЯ

- 176 **Арипова Д. А.** Лексико-грамматические и грамматические средства репрезентации категории understanding в современном английском языке
- 180 **Балакина А. А.** К вопросу о модальном статусе глагола *lassen*
- 184 **Исламова Ю. В.** Этнолингвистическая специфика топонимии Обь-Иртышского междуречья (на материале гидронимов хантыйского происхождения)
- 187 **Макушин А. Б.** Современная трактовка понятия новости в условиях медиаконвергенции
- 190 **Петроченкова И. Л.** Корреляционный анализ хронологических признаков английских имен существительных со значением «артефакты»
- 194 **Полежаева Ж. Ю.** Лексико-семантическая классификация русских глаголов-светобозначений
- 200 **Сизых О. В.** Механизм действия метафоры небытия в рассказе А. А. Кабакова «проект “Бабилен”»
- 204 **Сипкина Н. Я.** Сатирические образы и приёмы в поэзии Р. И. Рождественского в сопоставительном аспекте с сатирой В. В. Маяковского
- 210 **Тойкина О. В.** Способы формирования смыслового единства жанра резюме

ФИЛОСОФИЯ

- 215 **Гаврилов Е. О.** Закономерности корреляционных взаимосвязей религиозного и социального
- 219 **Шляков А. В.** Нарратив дома в пространстве культуры оседлости и номадности

ХИМИЯ

- 223 **Ле В. М., Жевняк В. Д., Пак В. Х., Невоструев В. А.** Влияние общей поглощенной дозы облучения на содержание гель-фракции в полимерных ионообменных гидрогелях
- 226 **Ускова И. К., Булгакова О. Н.** Изучение условий вольтамперометрического определения фенола на уровне ПДК

ЭКОНОМИКА

- 232 **Ващилова О. И.** Методология системного подхода к планированию и результативность деятельности
- 236 **Загороднова Л. В., Новиков Н. И.** Коэффициент q-Тобина – показатель инвестиционного потенциала предприятий черной металлургии

- 157 **A. A. Chernega.** Specifics of social resources: from understanding to using

PSYCHOLOGY

- 162 **V. P. Mikhaylova, N. I. Korytchenkova, L. M. Matyushenko, T. YU. Osipova.** Types of relations and the psychological protection

PHYSICS

- 169 **V. V. Sarapulova.** Refraction and reflection sound at the interface between water and bubble liquid

PHILOLOGY

- 176 **D. A. Aripova.** Lexical-and-grammatical and grammatical means of representation of the category *Understanding* in modern English language
- 180 **A. A. Balakina.** On the problem of modal status of the verb *lassen*
- 184 **Yu. V. Islamova.** Ethnolinguistic specificity of toponymS of Ob-Irtysh interflue (as revealed by hydronyms of Khanty origin)
- 187 **A. B. Makushin.** Modern treatment of the concept of *news* in the conditions of media convergence
- 190 **I. L. Petrochenkova.** Correlation analysis of chronological characteristics of English nouns denoting “artIfacts”
- 194 **Zh. Y. Polezhaeva.** The lexical-semantic classification of the Russian verbs denoting *light*
- 200 **O. V. Sizykh.** The mechanism of action of the non-existence metaphor in A. A. Kabakov’s story «Project “Babylon”»
- 204 **N. I. Siphkina.** Satirical images and tricks in R. I. Rozhdestvenskiy’s poetry in the comparison with V. V. Mayakovskiy’s satire
- 210 **O. V. Toykina.** Methods of forming semantic cohesion in the genre of résumé

PHILOSOPHY

- 215 **E. O. Gavrilov.** Regularities of correlation interrelations of religious and social
- 219 **A. V. Shlyakov.** Narrative of the Home in the culture of Sedentism and Nomadism

CHEMISTRY

- 223 **V. M. Le, V. D. Zhevnyak, V. H. Pak, V. A. Nevostruyev.** Influence of general absorbed radiation dose on the content of the gel-fraction in ion-exchange polymer hydrogels
- 226 **I. K. Uskova, O. N. Bulgakova.** Study of voltammetric determination of phenols on the level of maximum permissible concentration

ECONOMICS

- 232 **O. I. Vashchilova.** Methodology of system approach to planning and performance
- 236 **L. V. Zagorodnova, N. I. Novikov.** Q-Tobin coefficient as an indicator of the investment potential of ferrous metallurgy enterprises

- 240 **Зуев К. Н.** Оценка влияния изменения цены на золото при технико-экономическом обосновании постоянных кондиций золоторудных месторождений на финансовые результаты будущего предприятия
- 249 **Малышкина М. В.** Характеристика кластерного подхода к управлению инновациями в зарубежных странах
- 254 **Новиков Н. И., Подъяпольский Д. В., Новикова Г. В.** Роль черной металлургии в развитии национальной и региональной экономики
- 258 **Павликова О. В.** Оценка производственно-экономического потенциала региона как фактор повышения его инвестиционной привлекательности (на примере Белгородской области)
- 264 **Шевченко И. Л.** Безопасность труда на рабочем месте и корпоративная социальная ответственность

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- 268 **Балаян Э. Ю.** Отдельные конституционно-правовые аспекты проблемы взаимоотношений государства и индивида в контексте защиты прав человека
- 275 **Драпезо Р. Г.** Способы причинения смерти огнем и оперативно-розыскные ситуации раскрытия убийств, где огонь выступает как оружие (способ) сокрытия преступления
- 283 **Красняков Н. И.** Эволюция имперской иерархии бюрократии в России в начале XIX в.
- 288 Правила для авторов журнала
- 290 Подписка на «Вестник КемГУ»

- 240 **K. N. Zuyev.** Assessment of changes in the price of gold with feasibility study of permanent conditions of gold deposits influencing the financial results of the future enterprise
- 249 **M. V. Malyskhina.** Characteristics of cluster approach to managing innovations in foreign countries
- 254 **N. I. Novikov, D. V. Podyapolskiy, G. V. Novikova.** Role of steel in the development of national and regional economy
- 258 **O. V. Pavlikova.** Estimation of the production and economic potential of a region as the factor of increase in its investment attractiveness (based on the example to Belgorod region)
- 264 **I. L. Shevchenko.** Labour safety in the workplace and corporate social responsibility

JURISPRUDENCE

- 368 **E. Yu. Balayan.** Particular constitutional and legal facets of the problem of interaction between the state and an individual within the scope of human rights protection
- 275 **R. G. Drapezo.** Methods of causing death with fire and special investigation procedures for solving murders where the fire acts as means concealing the crime
- 283 **N. I. Krasnyakov.** Evolution of imperial bureaucratic hierarchy in Russia at the beginning of the XIX century
- 288 Information and instructions for authors
- 290 Subscribe to Bulletin of KemSU

БИОЛОГИЯ

УДК 57.045: 581.14: 631.963

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ВЕГЕТАЦИОННОГО ПЕРИОДА
У СОРТОВ ЯЧМЕНЯ С НЕЙТРАЛЬНЫМ ФОТОПЕРИОДОМ

Т. В. Берестенева

LENGTH OF VEGETATION PERIOD IN BARLEY CULTIVARS WITH NEUTRAL PHOTOPERIOD

T. V. Beresteneva

В условиях Западной Сибири изучено 28 сортов ячменя с нейтральным фотопериодом в сравнении с возделываемыми в Кемеровской области сортами Биом и Никита. Они достоверно различались по общей продолжительности вегетационного периода. Выделено 7 сортов с наиболее длинным межфазным периодом всходы-колошение (48 – 52 сут.), причем в эту группу вошел стандартный сорт Никита. Эта специфическая реакция генетических источников способствует тому, что в условиях Кемеровской области такие сорта могут переждать действие весенне-летних засух, что скажется не так негативно на числе общих и продуктивных побегов, а значит и на урожае зерна [8; 3]. Самый короткий период (38 сут.) отмечен у сорта O'conner (Австралия). Самый короткий межфазный период «колошение-созревание» был у сортов Australish (Австралия) – 28 суток, а самый продолжительный у Clipper (Австралия) – 46 суток. В результате изучения коллекции скороспелых сортов ячменя по продолжительности вегетационного периода выявлено варьирование в пределах от 79 до 87 суток.

28 barley cultivars with a neutral photoperiod grown in Western Siberia were studied in comparison with *Biom* and *Nikita* cultivars grown in Kemerovo region. They differed significantly in the total length of vegetation period. 7 cultivars with the longest period of "shoots-to-headings" interphase (48 – 52 days.) were identified, with the standard *Nikita* cultivar entering this group. This specific reaction of genetic sources contributes to the fact that in Kemerovo region conditions such varieties can survive spring and summer droughts, which would affect not number of common and productive shoots, and hence the grain harvest less negatively [8; 3]. The shortest period (38 days) was observed in *O'conner* cultivar (Australia). The shortest "shoots-to-headings" interphase was observed in *Australish* cultivar (Australia) – 28 days, and the longest – in *Clipper* cultivar (Australia) – 46 days. The study of the duration of the vegetation period in the collection of early-ripening cultivars of barley revealed a variation in the range of 79 to 87 days.

Ключевые слова: ячмень, вегетационный период, скороспелость, фотопериод, гены, генетические источники.

Keywords: barley, vegetation period, early ripening, photoperiod genes, genetic sources.

Одной из важнейших зерновых культур в нашей стране является яровая ячмень, который занимает значительную часть посевных площадей страны. В структуре посевных площадей Западно-Сибирского региона ячменем засеивается до 2 млн га (20 – 24 %) площади зерновых культур. Ячмень является важной культурой по разным направлениям использования (на фураж, пищевые, медицинские цели и т. д.). Кроме того, может быть страховой культурой в неблагоприятные по климатическим условиям годы.

Получение высоких урожаев ячменя, как и других культур, лимитируется разными экологическими факторами. К числу этих факторов в Кемеровской области относятся короткий вегетационный период (продолжительность периода с температурой выше 10°С и длительность безморозного периода в основном составляют 105 – 125 суток), возврат весенних и ранее наступление осенних холодов, периодически проявляющаяся засуха, распространение болезней и вредителей. Самый теплый месяц (июль) характеризуется средней температурой воздуха +16 – 18°С. Умеренные температуры июля в сочетании с высокой влажностью воздуха и большими запасами воды создают хорошие условия для роста и развития зерновых культур. Отличительной особенностью летнего периода являются резкие перепады дневных и ночных

температур от +18 – 20°С до +6 – 12°С, что неблагоприятно может отражаться на развитии злаковых культур. Кроме того, частые дожди во второй половине лета и начале осени препятствуют дозреванию хлебов и уборке урожая. Сумма активных температур выше 10°С составляет в среднем 1800°С. Для полного развития ячменя требуется сумма активных температур 1800...2000°С для позднеспелых сортов и 1000...1500°С для скороспелых сортов (А. В. Заушин-цена, 2001; Н. А. Сурин, Н. Е. Ляхова, 1993).

Учитывая нестабильные климатические условия Кузбасса, становится очевидна проблема создания скороспелых сортов ячменя с высокой продуктивностью. Современный генофонд сортов ячменя создавался не один год. Привлечение широкого генофонда из первичных генетических центров происхождения культуры позволило вывести новые сорта ячменя разного направления использования (на фураж, пищевые, медицинские цели и т. д.). Длительная целенаправленная работа в Кемеровской области по селекции ячменя с использованием коллекции мирового генофонда ВНИИР им. Н. И. Вавилова и включением местного материала привела к внедрению многих иммунных, высокопродуктивных и скороспелых сортов [4]. Допущены в реестр к использованию в производ-

стве и успешно выращиваются следующие сорта ячменя: Никита, Биом, Симон, Сибиряк и др.

Сорта ярового ячменя отличаются большим разнообразием по отношению к длине светового дня. Фотопериодическая чувствительность у ячменя в значительной степени определяется задачами селекции на скороспелость, так как фотопериодическая чувствительность влияет на длительность вегетации [6]. По типу фотопериодической реакции выделяют растения короткого (зацветание и плодоношение наступает при 8 – 12-часовом освещении) и длинного дня (продолжительность дня – 12 ч и более), а также нейтральные к длине дня растения (цветение наступает при любой длине дня).

Скороспелость сорта обозначает рано созревающий, быстро достигающий зрелости сорт той или иной культуры. У скороспелых форм процессы роста и развития происходят интенсивнее, чем у позднеспелых, поэтому продолжительность вегетационного периода у них короче [2]. Общая продолжительность вегетационного периода зависит от длины межфазных периодов: всходы-колошение и колошение-созревание. У ячменя контроль продолжительности периода всходы-колошение в основном осуществляют генетические системы генов Vrn-реакция на яровизацию и Prd – чувствительность к фотопериоду [6].

Термин "фотопериод" предложили в 1920 г. американские учёные У. Гарнер и Г. Аллард, открывшие это явление. Фотопериодизм – это реакция растений на соотношение длины дня и ночи, проявляющаяся в изменении процессов их роста и развития. Наиболее ярким проявлением фотопериодизма является переход растений в генеративное состояние [5]. Проблему нейтрального фотопериода растений изучали и другие исследователи: Борлоуг Норман Эрнест (*Borlaug, Norman Ernest*) (р. 1914), американский селекционер и фитопатолог, отец "зеленой революции". В Мексике вместе с другими учеными он занимался проблемой обеспечения этой страны ее собственными продуктами сельского хозяйства, работал с пшеницей в рамках программы «Зеленая революция». В 1970 был удостоен Нобелевской премии мира. В. А. Кошкин изучил наследование нейтрального фотопериода у таких растений, как пшеница, картофель.

Как считают L. Hohnson и A. Taylor (1958), скороспелость – это количественный признак, определяемый взаимодействием между генотипом и окружающими условиями. Слабая фотопериодическая чувствительность (ФПЧ) контролируется доминантными генами Prd, сильная – рецессивными prd [6]. В большинстве случаев сорта со слабой ФПЧ – это скороспелые сорта, у которых доминантные гены Prd воздействуют через фитохромную пигментную систему на хлорофилл-белковый комплекс, процессы роста и развития. По-видимому, такой же физиологический механизм и его генетическая регуляция осуществляется у растений ячменя, что согласуется с законом гомологических рядов Н. И. Вавилова, согласно которому изменчивость близких по происхождению родов и видов растений осуществляется общим (параллельным) путем. Генетически близкие роды и виды характеризуются сходными рядами наследственной измен-

чивости с такой правильностью, что зная ряд форм в пределах одного вида, можно предвидеть нахождение параллельных форм у других родственных видов и родов.

Сорта ячменя с нейтральным фотопериодом представляют большую ценность для региона и востребованы в Кемеровской области для селекции на скороспелость.

Цель исследований: оценка исходного материала по продолжительности вегетационного периода.

Задачи исследований:

- провести фенологические наблюдения в коллекции скороспелых сортов ярового ячменя;
- выявить взаимосвязь продолжительности вегетационного периода в изучаемой группе образцов с температурой воздуха и количеством осадков;
- на основании продолжительности межфазных периодов и всего вегетационного периода выделить перспективные скороспелые формы для практического использования в селекции.

Материал, условия и методы исследования

В качестве материала для исследований использована коллекция ячменя из ВНИИР им. Н. И. Вавилова в количестве 28 образцов. Исследования проведены в полевых и лабораторных условиях. В полевых условиях на научном полигоне Кемеровского государственного университета заложено испытание коллекции скороспелых сортов ячменя с нейтральным фотопериодом из 8 стран мира, в том числе 3 сорта – из Сибири. Почвы в опыте – темно-серые лесные, среднеглинистые по гранулометрическому составу с достаточным содержанием гумуса (7,5 %) и макроэлементов ($N-NO_3$ – 47 мг/кг; P_2O_5 – 83; K_2O – 171 мг/кг) для благоприятного роста и развития растений ячменя.

Посев проведен на делянках площадью 1 м² по систематической схеме расположения в ярусе. Стандартные сорта Биом и Никита высеваны через 18 сортообразцов и окаймляющими в опыте.

Погодные условия в год исследования (2013 г.) были неустойчивыми. Количество осадков за вегетационный период (май – август) превысило многолетнюю норму за этот же период на 64 %, причем в период активного кущения (1 декада июня) осадков выпало меньше нормы на 60 %, а в момент налива зерна и его созревания осадков было больше. Температура воздуха в период вегетации была ниже нормы. Сумма эффективных температур в целом за сезон составила – 7926 °С, что меньше нормы на 568 (7 %) (рис. 1). Это отразилось в реакции сортов на гидротермический режим, в их устойчивости к поражению листовыми болезнями и на формировании зерновой продуктивности растений.

Исследования проведены в соответствии с Методическими указаниями по изучению и сохранению мировой коллекции ячменя и овса (2012). Дату полного наступления той или иной фенологической фазы отмечали в день, когда 75 % растений на делянке отвечало этим требованиям.

Статистическая обработка полученных материалов была произведена с помощью прикладного пакета программ Statistika 5.5A. на ПК.

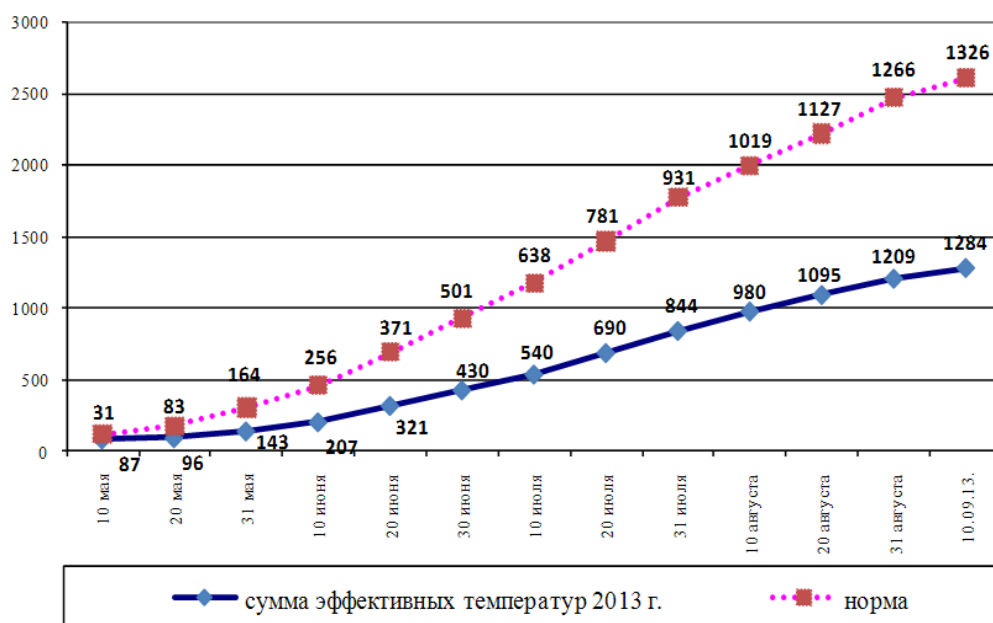

Рис. 1. Сумма эффективных температур выше +5° С (2013 г.)

Результаты исследований и их обсуждение

В результате изучения (2013 г.) коллекции скоро-спелых сортов ячменя с нейтральным фотопериодом были отмечены фазы появления массовых всходов, колошения и полного созревания зерна. Выделены два межфазных периода: всходы-колошение, колошение-созревание, продолжительность которых оказывает влияние на продуктивность растений [8; 3].

Продолжительность межфазного периода **всходы-колошение** изменяется под влиянием температурных и световых факторов и влияет на число общих и продуктивных побегов, положительно действует на облиственность и в конечном счете на урожай зерна.

В условиях Кемеровской области сорта ячменя с более длительным первым межфазным периодом мо-

гут переждать действие весенне-летних засух, что скажется не так негативно на числе общих и продуктивных побегов, а значит и на урожае зерна [8; 3]. В сложившихся погодных условиях 2013 г. (температура и количество осадков ниже нормы) продолжительность межфазного периода всходы-колошение у стандартных сортов Биом и Никита составил 41 и 48 суток соответственно (рис. 2). Самый длительный этот межфазный период был отмечен у сорта Australish (52 суток), а самый короткий у O'conner (38 суток). Размах варьирования признака составил 14 суток. Продолжительность данного периода в среднем по опыту – 44 суток.

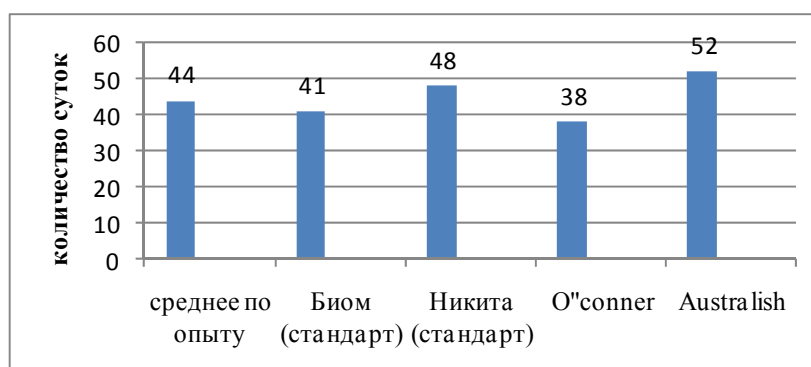

Рис. 2. Продолжительность межфазного периода «всходы-колошение», сутки (2013 г.)

Продолжительность и условия протекания межфазного периода **колошение-созревание** влияют на урожай и технологические качества зерна [8]. В период от колошения до налива зерна главным лимитирующими факторами являются уровень температур и влагообеспеченность. Теплая и сухая погода ускоряет выколашивание. Вынужденное быстрое созревание, усыхание зерна приводит к низкому накоплению крахмала, снижению урожая в целом. Прохладная и

дождливая погода наоборот затягивает. Причем во втором случае колос формируется с большим числом зерен, величина и вес их также возрастают. В результате урожай ячменя увеличивается. Однако длительная дождливая погода в период налива зерна не только удлиняет срок созревания, но и снижает его товарные свойства [8]. В 2013 году температурный режим в межфазный период колошение-созревание был ниже нормы от 3 до 15 % и сочетался с частым выпадением

осадков. При сложившихся метеорологических условиях 2013 года у стандартных сортов Биом и Никита этот период составил 41 и 37 суток соответственно (рис. 3). Самый короткий межфазный период колошение-созревание был у сортов Australish (Австралия) – 28 суток, а самый продолжительный у Clipper (Австралия) – 46 суток. Размах варьирования составил

18 суток. Продолжительность данного периода в среднем по опыту – 37 суток.

В результате изучения коллекции скороспелых сортов ячменя по продолжительности вегетационного периода выявлено довольно широкое варьирование в пределах от 79 до 87 суток (таблица).

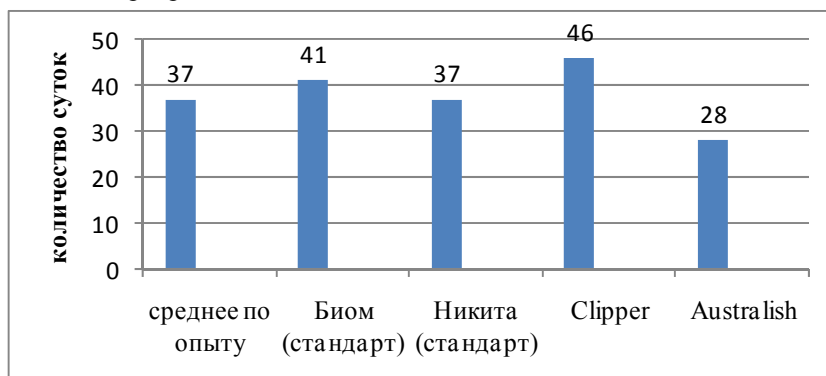

Рис. 3. Продолжительность межфазного периода «колошение-созревание», сутки (2013 г.)

Таблица

Продолжительность вегетационного периода (суток)

Группы спелости, сутки	Количество об-разцов		Сорта
	шт.	%	
Скороспелые (79 – 80 суток)	16	55	– Varde, Herze, Bonus, Voll, Frag, Polar (Норвегия), – Bankuti Korai (Венгрия), – Clipper, Australish, O’conner (Австралия), – Kall ohra, Ava, JO 1479, Hg 87061, Botnia (Финляндия), – Пастбищный (Казахстан).
Среднеспелые (81 – 87 суток)	12	45	Биом (стандарт), Никита (стандарт), Козак (Украина), Импульс (Россия), Jnar (Финляндия), Filippa (Швеция), Margit (Швеция), Soler (Норвегия) и др.

Выводы

1. В результате изучения коллекции сортов ячменя с нейтральным фотопериодом выделено две группы спелости:

1) скороспелые образцы (55 %), завершившие вегетацию за период до 80 суток;

2) среднеспелые (45 %), которым до полного созревания потребовалось 81 – 87 суток.

2. Для дальнейшего испытания и включения в селекционную программу по выведению скороспелых сортов ячменя для условий Западной Сибири представляют интерес следующие сорта: Varde, Herze, Bonus, Voll, Frag, Polar (Норвегия), Bankuti Korai (Венгрия), Clipper, Australish, O’conner (Австралия), Kall ohra, Ava, JO 1479, Hg 87061, Botnia (Финляндия), Пастбищный (Казахстан).

Литература

1. Биологические особенности роста и развития полевых культур. – Режим доступа: <http://do.gendocs.ru/docs/index-66875.html?page=3>
2. Евгеньева, А. П. Малый академический словарь / А. П. Евгеньева. – М.: Институт русского языка Академии наук СССР 1957 – 1984.
3. Заушинцева, А. В. Селекция ярового ячменя в условиях Кузнецкой котловины: дис. ... д-ра биол. наук: 03.00.16 / А. В. Заушинцева. – Кемерово, 2001. – 300 с.
4. Заушинцева, А. В. Сохранение и использование биоразнообразия культурных растений в Сибири. Флора и растительность антропогенно нарушенных территорий / А. В. Заушинцева // сборник научных трудов Кемеровского отделения РБО; под ред. А. Н. Куприянова. – Кемерово: Ирбис, 2010. – Вып. 6. – 186 с.

5. Коровкин, О. А. Анатомия и морфология высших растений. Словарь терминов. – М.: Дрофа, 2007.
6. Кошкин, В. А. Морфофизиологические закономерности развития и продуктивность пшеницы в связи с эволюцией и селекцией на скороспелость: автореф. дис. ... д-ра биол. наук / В. А. Кошкин. – СПб., 1998. – 49 с.
7. Мельников, В. И. Фотопериодическая реакция яровых сортов ячменя и использование ее в селекции: автореф. дис. ... канд. с.-х. наук / В. И. Мельников. – Одесса, 1991. – 20 с.
8. Трофимовская, А. Я. Ячмень (Эволюция, классификация, селекция) / А. Я. Трофимовская. – Л.: Колос, 1972. – 294 с.
9. Фотопериодизм. – Режим доступа: <http://prom-ecologi.ru/?p=3466>

Информация об авторе:

Берестенева Татьяна Викторовна – магистрант по профилю «Ботаника» КемГУ, 8-905-949-13-22, tatyana.beresteneva@yandex.ru.

Tatiana V. Beresteneva – Master's Degree student at the Department of Botany, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 01.04.2014 г.

УДК 571.17 (598.28/29)

**ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОСЕННЕЙ МИГРАЦИИ И ПРИВЯЗАННОСТЬ
К МЕСТАМ ГНЕЗДОВАНИЯ ВОРОБЬИНООБРАЗНЫХ ПТИЦ *PASSERIFORMES*
В ДОЛИНЕ СРЕДНЕГО ТЕЧЕНИЯ Р. ТОМЬ**

А. В. Ковалевский, В. Б. Ильяшенко, Н. В. Скалон, А. А. Ключева

**GENERAL DESCRIPTION OF AUTUMN MIGRATION & ATTACHMENT TO THE NESTING PLACE
OF *PASSERIFORMES* PASSERINE BIRDS
IN THE MIDDLE REACHES OF THE TOM RIVER**

A. V. Kovalevskiy, V. B. Ilyashenko, N. V. Skalon, A. A. Klyuyeva

В статье анализируется общая характеристика осенней миграции воробьинообразных птиц в долине среднего течения р. Томь. Для наиболее многочисленных видов приводятся данные по срокам массового пролёта. Анализируется результативность возвратов окольцованных птиц.

The paper examines the general characteristics of autumn passerine migration in the middle reaches of the Tom valley. The data on mass migration periods is provided for the most numerous species. The ratio of ringed birds returns is assessed.

Ключевые слова: орнитология, миграция, кольцевание птиц, *Passeriformes*.

Keywords: ornithology, migration, birdbanding, *Passeriformes*.

Ежегодные стационарные наблюдения за миграциями мелких воробьинообразных с применением метода сетевых отловов позволяют уточнить видовой состав птиц, сроки и другие особенности, связанные с сезонными перемещениями пернатых в долине среднего течения р. Томь. В бассейне Томи таких масштабных исследований прежде никогда не проводилось.

Исследования проводились с 2005 по 2013 гг. на биостанция Кемеровского государственного университета «Ажандарово», расположенной на берегу р. Томь. Сетевые отловы проводились в долине реки и её прибрежных комплексах. Согласно геоботаническому районированию Кемеровской области, биостанция находится в северной части Томь-Кондомского переходного предгорного района Кузнецкой котловины. Этот ландшафт характеризуется низкогорным рельефом, расчленённым глубоко врезающимися речными руслами среднего течения реки Томь и её притоков. Эта территория входит в состав достаточно увлажнённого Нарыкского таёжного экологического района с вторичными осиново-березовыми лесами и послелесными лугами на горных дерново-подзо-

листых, горно-лесных и светло-коричневых почвах [1; 16]. Стоит отметить, что биостанция находится на территории предполагаемого ложа не достроенного Крапивинского водохранилища, где в 1979 – 1984 гг. происходило обширное сведение лесов на площади около 620 км².

Наибольшая концентрация мигрирующих птиц отмечается вдоль крупных рек [15], поэтому регистрация птиц по берегам рек наиболее полно отражает протекание миграции. Кемеровская область лежит в стороне от главных миграционных путей, которые, как правило, пролегают вдоль крупных рек. В Западно-Сибирском регионе эту роль выполняет пойма Оби и её притоки Иртыш и Ишим, по которым мигранты движутся в южном и юго-западном направлениях. Вдоль Томи пролетает очень небольшое количество северных мигрантов воробьинообразных. Вместе с тем долинные комплексы Томи как локальные миграционные пути являются исключительно важными при формировании и протекании миграций большинства мелких воробьинообразных, гнездящихся в первую очередь в Кузнецко-Салаирской горной области и Кузнецкой котловине. Поэтому в долине Томи фик-

сируются преимущественно местные птицы без фона пролёта северных популяций, что позволяет лучше понять механизмы начальных стадий миграций.

Сетевые отловы птиц на территории биостанции КемГУ «Ажандарово» ведутся с 2005 г. на протяжении летнего и осеннего периодов с конца июня до начала октября. Это позволяет получать сведения о динамике численности и сроках перемещений разных видов в сезоны послегнездовой и послелинной миграций. Отлов паутинными сетями является одним из универсальных и наиболее эффективных методов, позволяющий точно диагностировать видовую принадлежность, иметь информацию о половом и возрастном составе мигрантов и встречах редких видов [5].

За 2005 – 2013 гг. попало в сети и было зарегистрировано около 65 тыс. особей 93 видов воробьинообразных. По проценту в сетевых отловах виды разделены на: массовые – 2 вида ($\geq 10\%$ от всех отловленных птиц), обычные – 19 видов (1 – 9%), редкие – 25 видов (0,1 – 0,9%) и очень редкие – 47 видов ($< 0,1\%$).

Массовыми видами являются: садовая камышевка *Acrocephalus dumetorum* и пеночка-теньковка *Phylloscopus collybita*. Эти виды ежегодно ловятся в большом количестве, на эти два вида в разные годы приходится около 25 – 40% от всех регистрируемых птиц.

Среди обычных видов, чья доля в сетевых отловах составляет 1 – 9%, большую часть представляют кустарниковые (садовая славка *Sylvia borin*, серая славка *Sylvia communis*, славка-завирушка *Sylvia curruca*, обыкновенный соловей *Luscinia luscinia*, соловей-красношейка *Luscinia calliope*, варакушка *Luscinia svecica*, обыкновенная чечевица *Carpodacus erythrinus*) и

таёжные виды (обыкновенная горихвостка *Phoenicurus phoenicurus*, певчий дрозд *Turdus philomelos*, буроголовая гаичка *Parus montanus*, москковка *Parus ater*, большая синица *Parus major*, длиннохвостая синица *Aegithalos caudatus*, зяблик *Fringilla coelebs*, вьюрок *Fringilla montifringilla*, седоголовая овсянка *Emberiza spodocephala*); из луговых видов можно выделить только один вид (черноголовый чекан *Saxicola torquata*).

Летне-осенние миграции птиц в районе исследования охватывают довольно продолжительный период с середины июля до середины октября.

Стоит отметить, что передвижения птиц в летний и осенний периоды миграции представляют собой различные явления в их годовом цикле. Передвижения в летний период представляют собой послебрачные миграции взрослых и ювенальные миграции молодых особей [6, с. 52 – 83]. В результате этих передвижений многие виды (рябинник, певчий дрозд и др.) исчезают из района исследований уже в летний период, некоторые виды (обыкновенная чечевица, обыкновенный соловей и др.) вновь появляются уже во время послелинной (осенней) миграции. Часть видов (садовая камышевка, обыкновенная чечевица) начинают линять в местах зимовок или в промежуточной части ареала.

Для миграции птиц характерна высокая степень пульсации, количество волн различается по годам, вероятно, подобная волнообразность связана с изменением погодных условий и не отражает прохождение отдельных популяций [3].

Сроки массовых перемещений (наименьший промежуток времени, за который пролетает не менее 50% от всех зарегистрированных птиц) некоторых видов представлены на рисунке.

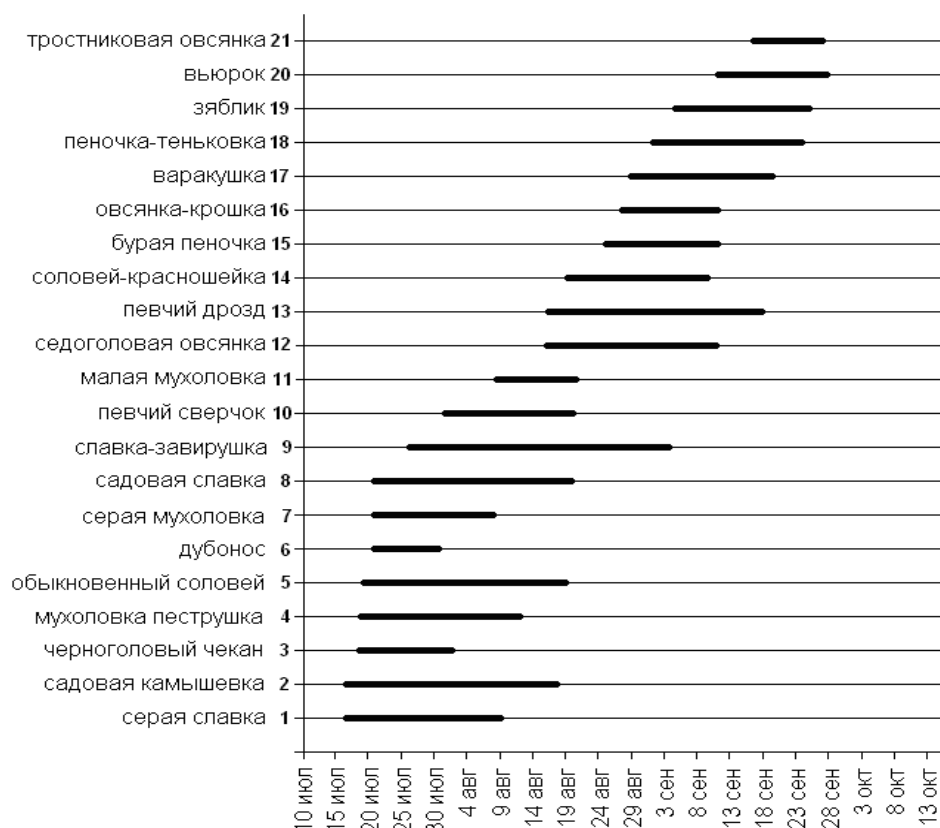

Рис. Сроки массового пролёта воробьинообразных на биостанции «Ажандарово» по результатам ежегодных отловов в 2006 – 2012 гг.

Условно миграцию воробьинообразных можно разделить на три типа различающихся в очередности пролёта взрослых и молодых особей.

Первому типу соответствуют виды, у которых взрослые особи сразу после гнездового периода улетают на зимовку и только потом стартуют молодые. Такие виды, как правило, за сезон гнездятся всего один раз, многие из них линяют в местах зимовок или в промежуточной части ареала, они не формируют крупных стай. К этому типу относится садовая камышевка, обыкновенная чечевица и вероятно сверчки ведут себя подобным образом. По второму типу летят птицы, которые не образуют крупных стай, хотя взрослые и молодые особи зачастую стартуют одновременно или с небольшими различиями в сроках, в процессе осенней миграции взрослые особи за счёт большего опыта в целом мигрируют быстрее, некоторые виды этой группы производят несколько выводков за сезон. К этому типу можно отнести варакушку, возможно и другие соловьи ведут себя подобным образом. К третьему типу относятся виды, которые, как правило, гнездятся не меньше двух раз за сезон, а перед отлётом сбиваются в крупные стаи, которые стартуют одновременно и после них не образуется шлейф поздно летящих птиц или он довольно мал. Обычно это наиболее поздно летящие зерноядные виды (зяблик, вьюрок, тростниковая овсянка) [4, с. 12 – 17].

Изменение типа пролёта птиц разного возраста, вероятно, наиболее тесно связано с протеканием линьки. У большинства птиц с первым типом миграционного поведения линька протекает в местах зимовок, поэтому у этих птиц начало миграционных подвижек по времени не привязано к окончанию процесса линьки, скорее даже этим видам выгоднее как можно скорее покинуть места гнездований с неизношенным оперением. В результате взрослые особи покидают места гнездовой сразу после окончания гнездового периода, растянутость которого тесно связана с погодными условиями, хотя молодые птицы ещё могут задержаться. У птиц второго типа пролёта линька протекает в местах гнездования, из-за этого спусковым механизмом начала миграционных перемещений выступает её окончание, которое в свою очередь связано с изменением соотношения длин дня и ночи [7, с. 18 – 60]. По нашим наблюдениям в период массового пролёта у варакушки все особи были перелинявшими или на последней стадии линьки. Однако этот вид образует не стаи, а скорее скопления, и как показали исследования И. Н. Панова [9, с. 93 – 104; 10, с. 173 – 183], взрослые мигрируют значительно быстрее, нежели молодые. У птиц третьего типа миграции пусковым механизмом начала пролёта также является окончание линьки, из-за чего сроки миграции довольно стабильны. Однако в отличие от второго типа, здесь перед началом миграции птицы сбиваются в крупные стаи, в результате чего взрослые и молодые не только одновременно покидают места гнездований, но и вместе регистрируются на дальнейшем пути миграции.

Межгодовые амплитуды колебаний периодов массовых перемещений у большинства видов относительно лабильны и обычно не превышают двух недель. В целом наблюдается общая тенденция, что у

поздноотлетающих зерноядных видов период осенних перемещений несколько скоротечнее, а амплитуды межгодовых колебаний меньше по сравнению с раноотлетающими насекомоядными птицами.

Многолетние стационарные наблюдения за миграциями птиц на путях массового пролёта позволяют выявить тенденции к увеличению или снижению численности отдельных видов. Исследования показали, что для птиц выявлены годы пиков и депрессий численности, совпадающие у целого ряда видов, что предполагает наличие определённой цикличности, но имеющийся ряд наблюдений пока не позволяет выявить её периодичность.

В целом обилие и разнообразие птиц в районе исследования, как на гнездовании, так и на осеннем пролёте подвержено колебаниям. Характер многолетней динамики рассмотренных видов птиц позволяет утверждать, что направленное влияние оказывают две группы факторов изменения мест обитаний: во-первых, зарастание вырубок и частичное восстановление черневой тайги; во-вторых, заболачивание и зарастание лугов и пойм высокотравьем и кустарником в районе исследований.

Факторы первой группы, прежде всего, способствуют распространению таёжных видов (синий соловей, рябинник, пеночки и др.). Процессы восстановления природных сообществ черневой тайги, подвергшихся мощному антропогенному воздействию в конце 80-х годов XX века, приводят к тому, что фауна вырубок всё больше приобретает черты сходства с таёжной. Увеличение численности свойственно для всех видов, связанных с таёжными формациями, за исключением птиц-дуплогнезdnиков, чьё гнездование лимитируется количеством старых дуплистых деревьев. Расширение мест обитания для птиц таёжного комплекса приводит к нарастанию и повышению стабильности их численности.

Факторы второй группы способствуют распространению видов прибрежных и болотистых мест обитания (певчий сверчок, восточный соловей, садовая камышевка, славки и др.). Одновременно происходит снижение численности видов, предпочитающих низкотравные луга (чеканы, каменки, овсянка-дубровник). Все виды этой группы характеризуются менее стабильной численностью, некоторые в отдельные годы могут отсутствовать. Непостоянная численность видов этой группы и определяет значительные колебания численности птиц в целом. Следует отметить, что существенное влияние на гнездование птиц луговых ценозов оказывают ежегодные весенние палы.

В настоящее время известны лишь общие сведения о результативности кольцевания, сводящиеся к следующим основным положениям: доля сведений о находках окольцованных птиц от числа окольцованных значительно выше у крупных птиц и особенно у охотничьих видов, чем у мелких певчих птиц, и значительно выше, когда пути миграций и места зимовок находятся в густонаселённых местностях [8]. Наблюдения за птицами в паутинных сетях показывают, что значительная их часть уходит из ловушек, а наличие кольца на ноге увеличивает вероятность запутывания при повторном отлове, чего не наблюдается при отло-

ве тех же птиц различными «объёмными» ловушками, также отмечено, что птицы, побывавшие в ловушке, запоминают её расположение [14, с. 72 – 73].

За 2006 – 2013 гг. кольцевания на биостанции отмечен только один возврат в 60 км от места кольцевания у большой синицы.

Общая доля повторно отловленных птиц не менее чем через год на месте кольцевания составляет около 1,3 % от общего количества окольцованных особей (таблица).

Таблица

Доля повторно отловленных птиц более чем через год на месте кольцевания

<i>Вид</i>	<i>% возвратов окольцованных до 15.07</i>	<i>Окольцовано до 15.07</i>	<i>Кол-во возвратов окольцованных до 15.07</i>	<i>% возвратов окольцованных после 15.07</i>	<i>Окольцовано после 15.07</i>	<i>Кол-во возвратов окольцованных после 15.07</i>	<i>% общих возвратов</i>	<i>Кол-во возвратов окольцованных за 2006 – 2012 гг.</i>	<i>Окольцовано всего за 2006 – 2012 гг.</i>
Белая трясогузка	15,4	13	2	0,0	15	0	7,1	2	28
Маскированная трясогузка	7,8	90	7	2,1	95	2	4,9	9	185
Сибирский жулан	5,3	19	1	0,0	74	0	1,1	1	93
Обыкновенный жулан	22,2	9	2	0,0	42	0	3,9	2	51
Черногорлая завирушка	-	0	0	0,0	18	0	0,0	0	18
Таёжный сверчок	4,0	25	1	10,3	39	4	7,8	5	64
Певчий сверчок	11,1	45	5	0,0	125	0	2,9	5	170
Садовая камышевка	5,3	1206	64	1,1	4668	50	1,9	114	5874
Северная бормотушка	0,0	20	0	0,0	43	0	0,0	0	63
Садовая славка	1,2	81	1	1,2	678	8	1,2	9	759
Серая славка	2,0	101	2	1,0	289	3	1,3	5	390
Славка-завирушка	0,9	117	1	0,1	1786	2	0,2	3	1903
Пеночка-теньковка	2,2	225	5	0,5	4685	25	0,6	30	4910
Буряя пеночка	0,0	7	0	0,0	119	0	0,0	0	126
Желтоголовый корлэк	-	0	0	0,0	44	0	0,0	0	44
Мухоловка-пеструшка	1,8	109	2	0,4	245	1	0,8	3	354
Серая мухоловка	5,0	20	1	0,0	172	0	0,5	1	192
Черноголовый чекан	0,0	140	0	0,0	177	0	0,0	0	317
Обыкновенная горихвостка	0,0	46	0	0,0	260	0	0,0	0	306
Обыкновенный соловей	4,7	106	5	1,6	515	8	2,1	13	621
Соловей-красношейка	2,3	43	1	0,8	948	8	0,9	9	991
Варакушка	0,0	19	0	0,0	613	0	0,0	0	632
Синий соловей	0,0	63	0	0,0	27	0	0,0	0	90
Чернозобый дрозд	0,0	16	0	0,0	56	0	0,0	0	72
Рябинник	2,1	190	4	1,9	107	2	2,0	6	297
Белобровик	0,0	20	0	4,8	21	1	2,4	1	41
Певчий дрозд	2,8	142	4	1,0	415	4	1,4	8	557
Бледный дрозд	0,0	5	0	12,5	8	1	7,7	1	13
Длиннохвостая синица	3,8	53	2	1,5	809	12	1,6	14	862
Буроголовая гаичка	0,6	159	1	0,3	1662	5	0,3	6	1821
Московка	1,9	52	1	0,03	2348	0	0,04	1	2400
Большая синица	2,3	130	3	0,7	1055	7	0,8	10	1185
Обыкновенный поползень	0,0	23	0	0,0	169	0	0,0	0	192
Полевой воробей	0,0	10	0	5,6	18	1	3,6	1	28
Зяблик	4,7	129	6	0,2	2148	5	0,5	11	2277
Вьюрок	0,0	12	0	0,0	609	0	0,0	0	621
Обыкновенная зеленушка	6,2	65	4	0,0	57	0	3,3	4	122
Черноголовый щегол	9,0	166	15	2,9	137	4	6,3	19	303
Обыкновенная чечевича	19,2	224	43	2,4	1161	28	5,1	71	1385
Длиннохвостая чечевича	0,0	1	0	1,4	147	2	1,4	2	148
Дубонос	3,7	81	3	4,1	49	2	3,8	5	130
Обыкновенная овсянка	9,1	99	9	2,3	220	5	4,4	14	319
Тростниковая овсянка	-	0	0	0,0	62	0	0,0	0	62
Овсянка-крошка	-	0	0	0,0	38	0	0,0	0	38
Седоголовая овсянка	11,0	118	13	1,4	1896	26	1,9	39	2014

Считается, что в Западной Сибири основной отлёт птиц к местам зимовок начинается во второй половине лета, примерно с 15 июля [12, с. 66 – 75]. У птиц, окольцованных во время гнездования, возврат колец обычно значительно выше, нежели помеченных во время миграций (таблица). В среднем возврат колец у птиц, окольцованных до 15 июля, составил около 5 %, а после – менее 1 %. Однако, у разных видов доля возвратов довольно сильно колеблется. Одним из самых высоких результатов по возвратам окольцованных особей на место кольцевания в первую половину лета оказалась обыкновенная чечевица. У этого вида 1/5 помеченных птиц ловится повторно в последующие годы, а у окольцованных после 15 июля – 2,4 %. У славки-завирушки, которая гнездится в окрестностях биостанции и является обычным видом в сетевых отловах, доля возвратов в последующие годы – менее 1 %.

Доля возвратов на место кольцевания объясняется привязанностью птиц к местам гнездования, однако, этот фактор может также существенно зависеть от обилия подходящих биотопов для гнездования и возможности выбора соседнего участка. В 2011 г. были проведены отловы на удалении до 1000 м от биостанции, всего за пределами стационара было помечено около тысячи птиц. Птицы, окольцованные на расстоянии свыше 500 м от стационара, почти не регистрировались повторно на стационаре в течение этого же года, в то время как особи, помеченные ближе 400 м, неоднократно повторно отлавливались как в гнездовой период, так и во время миграции непосредственно на стационаре. На всём удалении от биостанции были повторно отловлены птицы, помеченные в предыдущие годы. У буроголовой гаички доля возвратов < 1 %, что связано с возможностью значительной части птиц гнездиться на новых местах [2, с. 1334 – 1335; 11, с. 39 – 59; 13, с. 536 – 538]. Немалую роль на вероят-

ность повторной поимки в последующие годы играет смертность, в работах В. А. Паевского [8, с. 51 – 56] указывается, что у разных видов воробьинообразных средняя годовая выживаемость взрослых птиц колеблется от 26 % до 78 %.

В целом вероятность повторного отлова птиц на месте кольцевания зависит от выживаемости, степени привязанности к местам гнездования и эффективности работы ловушки, а для мигрирующих птиц от постоянности миграционных путей.

Заключение

Организация ежегодного стационарного исследования в среднем течении р. Томь позволило положить начало углубленному изучению миграций птиц в Кузнецкой котловине. Особенность расположения стационара и характер миграционных потоков позволяют собрать массовый материал по многим видам без фона пролёта северных популяций, при этом большая часть гнездящихся в Кемеровской области воробьинообразных отмечена во время миграций и гнездования на стационаре, исключение составляют горные виды Кузнецкого Алатау и редкие, а также залётные. В районе исследования пролёт длится с середины июля до начала октября. По данным сетевых отловов установлены сроки начала и конца массового пролёта отдельных видов и их амплитуда в различные годы.

Установленные особенности и закономерности миграций птиц отдельных видов существенно расширяют наши представления о сложном и во многих отношениях слабоизученном процессе их сезонных перемещений.

Кольцевание птиц для ряда видов позволяет накопить информацию о привязанности к местам гнездования и другие индивидуальные изменения, протекающие в течение их жизни.

Литература

1. Атлас Кемеровской области / сост. и подг. к изд. Производственным объединением «Инженерная геодезия» Роскартографии в 1996 г.; отв. ред. Н. М. Берёзова. – Новосибирск, 1996. – 32 с.
2. Бардин, А. В. К вопросу о причинах инвазий у московки *Parus ater* / А. В. Бардин, С. П. Резвый, А. П. Шаповал // Русский орнитологический журнал. – СПб., 2008. – Т. 17. – Вып. 438.
3. Гаврилов, Э. И. Сезонные перелёты птиц в предгорьях Западного Тянь-Шаня / Э. И. Гаврилов, А. П. Гисцов. – Алма-Ата: Наука, 1985. – 244 с.
4. Ковалевский, А. В. Очерёдность пролёта молодых и взрослых птиц во время осенней миграции различных групп воробьинообразных / А. В. Ковалевский, В. Б. Ильяшенко // Вестник Кемеровского государственного университета. – Кемерово, 2012. – № 3(51).
5. Кольцевание в изучении миграций птиц фауны СССР / под ред. В. Д. Иличёва. – М.: Наука, 1976. – 256 с.
6. Летние и осенние миграции птиц в Свирской губе Ладожского озера / Г. А. Носков [и др.] // Изменение динамики популяций мигрирующих птиц и тенденций их изменений на северо-западе России. – СПб.: Тускарора, 2006. – Вып. 5.
7. Носков, Г. А. Формы миграционной активности в форме в годовом цикле птиц / Г. А. Носков, Т. А. Рымкевич // Орнитологические исследования в Приладожье. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2005.
8. Паевский В. А. Демографическая структура и популяционная динамика певчих птиц / В. А. Паевский. – СПб.; М.: Товарищество научных изданий КМК, 2008. – 235 с.
9. Панов, И. Н. Миграционная стратегия варакушки (*Luscinia svecica*) в Восточной Фенноскандии. Сообщение 1: Основные параметры миграционных остановок / И. Н. Панов, Н. С. Черенцов // Труды Зоологического института РАН. – СПб., 2010. – Т. 314. – № 1.
10. Панов, И. Н. Миграционная стратегия варакушки (*Luscinia svecica*) в Восточной Фенноскандии. Сообщение 2: Реакция на акустические маркёры и выбор биотопа на миграционной остановке / И. Н. Панов, Н. С. Черенцов // Труды Зоологического института РАН. – СПб., 2010. – Т. 314. – № 2.

11. Преображенская, Е. С. Динамика численности лесных зимующих птиц Восточно-Европейской равнины и Урала (некоторые итоги работы программы «Parus») / Е. С. Преображенская // Динамика численности птиц в наземных ландшафтах. – М.: ИПЭЭ РАН, 2007.
12. Равкин Ю. С. К методике учёта птиц лесных ландшафтов / Ю. С. Равкин // Природа очагов клещевого энцефалита на Алтае. – Новосибирск: Наука, 1967.
13. Рябицев, В. К. Птицы Урала, Приуралья и Западной Сибири / В. К. Рябицев. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2008. – 634 с.
14. Черничко, И. И. Избирательность к ранее отловленным куликам при их отлове паутинными сетями / И. И. Черничко, М. Е. Жмуд // Вестник зоологии. – Киев, 1985. – № 2.
15. Штейнбахер, И. Перелёты птиц и их изучение / И. Штейнбахер; под ред. Г. П. Дементьева. – М.: Издательство иностранной литературы, 1956. – 164 с.
16. Экологическая карта Кемеровской области / сост. и подг. к изд. Новосибирской картографической фабрикой в 1995 г.; ред. О. П. Адрахалова [и др.]. – Новосибирск, 1995. – 2 л.

Информация об авторах:

Ковалевский Александр Викторович – инженер биостанции «Ажendarово» КемГУ, 8(3842)58-07-46, passer125@yandex.ru.

Alexander V. Kovalevskiy – Engineer at “Azhendarovo” biostation, Kemerovo State University.

Ильяшенко Вадим Борисович – кандидат биологических наук, доцент кафедры зоологии и экологии КемГУ, 8(3842)580746, vadilj@kemsu.ru.

Vadim B. Ilyashenko – Candidate of Biology, Assistant Professor at the Department of Zoology and Ecology, Kemerovo State University.

Скалон Николай Васильевич – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой зоологии и экологии КемГУ, 8(3842)580746.

Nikolay V. Skalon – Doctor of Pedagogics, Professor, Head of the Department of Zoology and Ecology, Kemerovo State University.

Клюева Анастасия Александровна – студентка кафедры зоологии и экологии КемГУ.

Anastasiya A. Klyuyeva – student at the Department of Zoology and Ecology, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 05.03.2014 г.

УДК 591.9(571.1)+591.526

СЕЗОННЫЕ АСПЕКТЫ НАСЕЛЕНИЯ ПТИЦ СЕВЕРНОГО ПРЕДУРАЛЬЯ

С. Г. Ливанов

SEASONAL ASPECTS OF BIRD COMMUNITIES OF THE NORTHERN URALS FOOTHILLS

S. G. Livanov

Исследование выполнено по проекту № 13-04-00265а Российского фонда фундаментальных исследований.

В 1995 – 1997 гг. проведены круглогодичные маршрутные учеты птиц на равнинном участке Печоро-Илычского заповедника. С помощью многомерного факторного анализа выявлено 8 сезонных аспектов населения птиц Северного Предуралья: 1 – зимних кочевков; 2 – относительной зимней стабилизации; 3 – предвесенних кочевков и прилета; 4 – гнездования на фоне прилета и пролета; 5 – гнездования и вылета молодых; 6 – послегнездовых кочевков и начала отлета; 7 – отлета и осеннего пролета; 8 – окончания массового пролета и отлета. Приведена краткая количественная характеристика каждого аспекта. Проведены сравнения отличий внутригодовых изменений в населении птиц разных регионов. Проведенный анализ показал следующее. Климатические отличия внутригодовой динамики населения птиц заключаются в значительной близости по срокам и количеству сезонных аспектов орнитокомплексов юга бореальных областей и последующему нарастанию отличий как на север, к средней тайге, так и на юг, к пустынной зоне.

In 1995 – 1997 year-round route counts of birds on the flat section of the Pechora-Ilytch biosphere reserve were held. Using multidimensional factorial analysis, 8 seasonal aspects of bird assemblages of the Northern Urals foothills were revealed, namely: 1) winter migration; 2) relative winter stabilization; 3) pre-spring movement and arrival; 4) nesting amidst arrival and flyby; 5) nesting and departure of young birds; 6) after-breeding movement and beginning of departure; 7) departure and autumn flyby; 8) end of mass flyby and departure. A quantitative characteristic of each aspect is provided. Differences in yearly changes in bird assemblages in the different regions were compared. The analysis revealed the following: climatic differences of the year dynamics of bird assemblages are pretty close in timing and

number of seasonal aspects of bird assemblages in the South of boreal areas with subsequent escalation of differences both to the North, to the Middle taiga, and to the South, to the desert zone.

Ключевые слова: птицы, круглогодичные учеты, многомерный анализ, сезонные аспекты.

Keywords: birds, year-round counts, multidimensional analysis, seasonal aspects.

Введение

Исследования пространственной неоднородности населения птиц в последние десятилетия получили широкое распространение, в то время как внутригодовую динамику орнитокомплексов изучают реже, а среди опубликованных работ лишь немногие посвящены оценке связи сезонной аспектированности населения птиц и ритмики природы по сезонам. Поэтому до сих пор актуально выявление по регионам пространственного и временного разнообразия орнитокомплексов. Это сообщение имеет своей целью отразить особенности сезонной периодизации облика населения птиц Северного Предуралья и обобщить все имеющиеся в настоящее время литературные сведения.

Материалы и методы

В анализ включены материалы круглогодичных маршрутных учетов птиц, проведенных с июня 1995 г. по май 1997 г. на территории равнинного участка Печоро-Илычского заповедника, расположенного в пределах среднетаежных лесов близ границы их уральских горных аналогов западного макросклона (п. Якша Троицко-Печорского района Республики Коми). Подходы, методы учета и обработки материала подробно описаны ранее [15], поэтому здесь не приведены. Всего за два года обследовано 7 местообитаний и в совокупности пройдено около 1500 км учетов. Сосняки сфагновые и малые поселки обследованы в первый год; ельники, свежие вырубки, низкорослые рямы и открытые верховые болота – во второй, в сосняках долгомошниково-зеленомошных наблюдения велись в течение двух лет. Выяснение границ сезонных аспектов проведено с использованием классификации упорядоченных объектов [8]. За меру сходства облика орнитокомплексов принят коэффициент Жаккара в модификации Р. Л. Наумова [11; 17]. Сначала для каждого местообитания в отдельности рассчитаны хронологически упорядоченные матрицы коэффициентов сходства 24 вариантов орнитокомплексов, населяющих этот выдел в течение года. За-

тем ряд коэффициентов без права их перестановки последовательно делился на 2, 3 и т. д. классов таким образом, чтобы общность внутри классов была наибольшей, а сходство между ними наименьшим. При этом оценивалось не только сходство между пробами соседних хронологических отрезков, но и сходство каждой пробы со всеми остальными. Это снижает вероятность проведения ошибочных границ в результате возможного резкого отличия двух соседних вариантов на фоне общего высокого сходства этой части временного ряда. Для рассматриваемых орнитокомплексов выделено по 8 – 11 границ.

Результаты фенологических наблюдений, проведенных в районе учетных работ в те же сроки, взяты из Летописей природы Печоро-Илычского государственного природного заповедника (исполнитель фенологических разделов Т. К. Тертица). Видовые названия птиц приведены по "Каталогу птиц СССР" [4].

Результаты

Сопоставление выявленных границ показало совпадение, или близость наиболее значимых из них, и сходство причин их проявления. Исключение составляют верховые болота, где с ноября по конец февраля птицы не зарегистрированы. Имеющиеся межгодовые отличия в облике населения незначительны и преимущественно обусловлены инвазией клеста-еловика и чечетки во второй год наблюдений. Вышеизложенное позволило выделить 8 общих для всех местообитаний сезонных аспектов населения птиц (рис. 1): 1 – зимних кочевок (ноябрь – декабрь); 2 – относительной зимней стабилизации (январь – февраль); 3 – предвесенних кочевок и прилета (март – апрель); 4 – гнездования на фоне прилета и пролета (май); 5 – гнездования и вылета молодых (июнь); 6 – послегнездовых кочевок и начала отлета (июль – первая половина августа); 7 – отлета и осеннего пролета (вторая половина августа – первая половина сентября); 8 – окончания массового пролета и отлета (вторая половина сентября – октябрь).

А																														
Зимние кочевки				Относительная зимняя стабилизация				Предвесенние кочевки и прилет				Гнездование на фоне прилета и пролета				Гнездование и вылет молодых				Послегнездовые кочевки и начало отлета				Отлет и массовый осенний пролет		Окончания массового пролета и отлета				
Б																														
1. ЗИМА								2. ВЕСНА								3. ЛЕТО						4. ОСЕНЬ				1.				
1.1		1.2						1.3		2.1		2.2		2.3		2.4		2.5		3.1		3.2		4.1		4.2		4.3		1.1
I	II	I	II	I	II	I	II	I	II	I	II	I	II	I	II	I	II	I	II	I	II	I	II	I	II	I	II	I	II	
ноябрь		декабрь		январь		февраль		март		апрель		май		июнь		июль		август		сентябрь		октябрь								

Условные обозначения: Зима: 1.1 – первозимье; 1.2 – глубокая; 1.3 – предвесенье. 2. Весна: 2.1 – первовесенье; 2.2 – пестрая; 2.3 – голая; 2.4 – зеленая; 2.5 – предлетье. 3. Лето: 3.1 – перволетье; 3.2 – полное и спад. 4. Осень: 4.1 – начальная; 4.2 – глубокая; 4.3 – спад. Римские цифры I и II обозначают первую и вторую половины месяца.

Рис. 1. Сезонные аспекты населения птиц (А) и фенологические периоды (Б) Северного Предуралья

Аспект зимних кочевков. За исключением верховых болот, где в это время птицы не зарегистрированы, суммарное обилие в различных местообитаниях составляло 67 – 740 особей км², общее количество встреченных за период видов 6 – 20, фоновых, в среднем за аспект 4 – 17; в числе первых трех, в различных сочетаниях, лидируют 8 видов (табл. 1).

Аспект относительной зимней стабилизации. На верховых болотах птицы не отмечены. В остальных местообитаниях суммарное обилие повсеместно снизилось (5 – 338), а общее количество видов составило 4 – 12, из них фоновых – 2 – 10. В качестве лидеров зарегистрировано 11 видов.

Аспект предвесенних кочевков и прилета характеризуется повсеместным нарастанием суммарного обилия (3 – 687), видового богатства (4 – 28) и количества фоновых видов (1 – 15). В качестве лидеров зарегистрировано 12 видов.

Аспект гнездования на фоне прилета и пролета. Суммарное обилие, видовое богатство и количество фоновых видов продолжают нарастать (121 – 2036, 11 – 61 и 9 – 55 соответственно). В составе первых трех лидеров в различных местообитаниях зафиксировано 15 видов птиц.

Аспект гнездования и вылета молодых. В сравнении с предыдущим аспектом, показатели суммарного обилия, общее и фоновое количество видов в целом снижается (соответственно, 97 – 774, 14 – 46 и 12 – 36). Состав лидеров, напротив, наиболее разнообразен – 16.

Аспект послегнездовых кочевков и начала отлета от предыдущего отличается нарастанием суммарного обилия (35 – 1499) на фоне продолжающегося снижения общего количества встреченных видов. За счет возрастания толерантности у птиц в это время к специфике местообитаний, видовое и фоновое богатство в большинстве местообитаний возрастает (12 – 59; 6 – 40). Разнообразие лидеров снижается (13).

Аспект отлета и массового пролета. В облюбованных местообитаниях суммарное обилие снижается (84 – 727), на болотах и в поселках, напротив, возрастает (194, 2936). Видовое богатство и количество фоновых видов ниже, чем в предыдущем аспекте и составляет 11 – 54 и 9 – 45 соответственно. В качестве первых трех лидеров зафиксировано 12 видов.

Аспект окончания пролета и отлета. Для этого периода дальнейшее повсеместное снижение всех рассматриваемых суммарных показателей (соответственно, 5 – 1273, 5 – 39, 1 – 28). В то же время состав лидеров – один из самых разнообразных (15).

Обсуждение и заключение

Сравнительный анализ собственных и опубликованных материалов показал, что по близости внутригодовой аспектности населения птиц обследованные регионы можно объединить в две группы. Первую составляет население птиц юга лесной и севера лесостепной зоны и гор юга Сибири, вторую – пустынной зоны (рис. 2, 3). Отличия между ними заключаются не только в разных ка-

лендарных сроках смены периодов, но и в самом характере аспектности.

Так, на Южном и Среднем Урале, в северной лесостепи Приобья и на Центральном Алтае [2; 3; 9; 16] при обследовании территории каждые полмесяца разделение годового цикла населения птиц возможно лишь на шесть – семь периодов.

При той же дробности обследования, идентичных методах учета птиц и обработки полученных данных в зоне пустыни для долин рек Мургаба и Теджена выявлено 10 сезонных аспектов населения птиц [6]. Для подтаежных лесов Подмоскovie удавалось выявить сходное количество (одиннадцать) сезонных периодов, но при еженедельном обследовании местообитания (т. е. при 2-кратном увеличении дробности обследования). Подобные различия в числе выделенных сезонных периодов в целом предполагают большую внутригодовую дифференциацию облика населения птиц в пустыне, нежели на юге бореальных растительных областей и Алтае. Повышенная аспектность орнитокомплексов в течение года в пустынной зоне определяется сложным сочетанием сезонной динамики местных гнездящихся птиц и значительного количества видов, обитающих в разные отрезки внегнездовых периодов (на пролете, во время кочевков, на зимовке). Этими же причинами объясняется и низкое межсезонное сходство вариантов населения птиц.

Вполне понятно, что к северу (соответственно к горам Алтая, лесостепи, подтаежным лесам и южной тайге) число видов, населяющих эти территории только во внегнездовое время, и их значимость в орнитокомплексах снижаются. Иное дело, что на пролете, во время летних и зимних кочевков Алтай, север лесостепи и юг лесной зоны в значительном количестве могут населять птицы более северных гнездовых популяций, но тех же видов, что и местные птицы. Подобное наложение годовых циклов жизнедеятельности местных гнездящихся птиц и мигрантов одних и тех же видов, вследствие их временного смещения, может даже усиливать континуальность изменения облика населения птиц. В результате только зимние орнитокомплексы очень резко отличаются от остальной совокупности вариантов, а в пределах теплого или холодного периодов года характерна плавная изменчивость населения птиц и, как следствие этого, меньшее количество сезонных аспектов.

Таблица 2

Краткая количественная характеристика сезонных аспектов населения птиц Северного Предуралья

Населе- ние птиц	Сезонный аспект							
	зимних кочевков	относи- тельной зимней стабильности	предве- сенных кочевков и прилета	гнездова- ния на фо- не прилета и пролета	гнездова- ния и вылета молодых	после- гнездовых кочевков и начала отлета	отлета и массового осеннего пролета	оконча- ния мас- сового пролета и отлета
сосняков долго- мошничко- зелено- мошных	большой пестрый дя- тел, пухляк, малый пест- рый дятел; 90; 11(7)*	большой пестрый дятел, пух- ляк, серо- головая гаичка; 42; 10(7)	большой пестрый дятел, пух- ляк; зяблик; 54; 16(8)	юрок, ов- сянка- ремез, пух- ляк; 534; 24(21)	юрок, лесной конек, пухляк; 244; 25(22)	юрок, пухляк, сероголо- вая гаич- ка; 920; 26(22)	пухляк, зяблик, большой пестрый дятел; 727; 22(20)	пухляк, большой пестрый дятел, снегирь; 302; 19(15)
сосняков сфагно- вых	клест-еловик, пухляк, большой пестрый дя- тел; 139; 19(8)	большой пестрый дятел, клест- еловик, пухляк; 64; 12(7)	клест- еловик, пухляк, большой пестрый дятел; 174; 6(11)	клест- еловик, юрок, зяб- лик; 485; 42(28)	клест- еловик, юрок, зяблик; 332; 46(30)	юрок, пухляк, клест- еловик; 610; 46(35)	зяблик, пухляк, желтого- ловый королёк; 449; 36(29)	пухляк, свирист- ель, клест- еловик; 310; 31(21)
ельников	клест-еловик, пухляк, боль- шой пестрый дятел; 740; 20(17)	пухляк, клест- еловик, большой пестрый дятел; 338; 9(6)	клест- еловик, пухляк, московка; 687; 27(17)	клест- еловик, юрок, московка; 867; 45(38)	клест- еловик, чиж, зяблик; 542; 46(36)	клест- еловик, пухляк, зяблик; 965; 40(28)	пухляк, клест- еловик, зяблик; 480; 28(21)	пухляк, клест- еловик, зяблик; 794; 23(22)
свежих вырубок	клест-еловик, сорока, большой пестрый дя- тел; 69; 6(5)	свиристель, сорока, тетерев; 14; 5(4)	клест- еловик, серая ворона, белокры- лый клест; 33; 9(6)	рогатый жаворонок, белая тря- согузка, каменка; 207; 11(9)	серая ворона, черного- ловый чекан, каменка; 308; 14(12)	белая тря- согузка, желтая трясогуз- ка, черно- головый чекан; 293; 17(17)	каменка, лесной конек, белая тря- согузка; 221; 11(10)	свирист- ель, зяблик, пуночка; 382; 10(9)
низко- рослых рямов	клест-еловик, пухляк, че- четка; 67; 8(4)	клест- еловик, пухляк, глухарь; 5; 4(2)	клест- еловик, пухляк, серого- ловая гаичка; 30; 13(5)	желтая трясогузка, лесной конек, юрок; 121; 33(24)	серая ворона, черный стриж, лесной конек; 181; 19(15)	лесной конек, черный стриж, клест- еловик; 144; 26(18)	лесной конек, желтая трясогузка, кряква; 84; 18(13)	зяблик, клест- еловик, четчетка; 70; 12(10)
открытых верховых болот	Птицы не встречены	Птицы не встречены	глухарь, серая ворона, серый журавль; 3; 4(1)	желтая трясогузка, лесной конек, большой кроншнеп; 351; 27(20)	серая ворона, желтая трясогуз- ка, боль- шой улит; 97; 20(12)	черный стриж, фифи, лесной конек; 35; 12(6)	лесной конек, широко- носка, каменка; 194; 12(9)	лесной конек, широко- носка, зимняя, чеглок; 5; 5(1)
малых поселков	домовый воробей, сорока, большая синица, 458; 17(14)	сорока, домовый воробей, большая синица; 221; 12(10)	сорока, домовый воробей, полевой воробей; 297; 28(15)	обыкновен- ная овсянка, домовый воробей, зяблик; 2036; 61(55)	домовый воробей, каменка, белая трясогуз- ка; 774; 34(26)	домовый воробей, белая тря- согузка, рябинник; 1499; 59(40)	зяблик, домовый воробей, юрок; 2936; 54(45)	домовый воробей, юрок, сорока; 1273; 39(28)

Примечание: * – здесь и далее в таблице приведены в среднем по аспекту первые три лидера по обилию, суммарное обилие в особях/км², видовое и (фоновое) богатство.

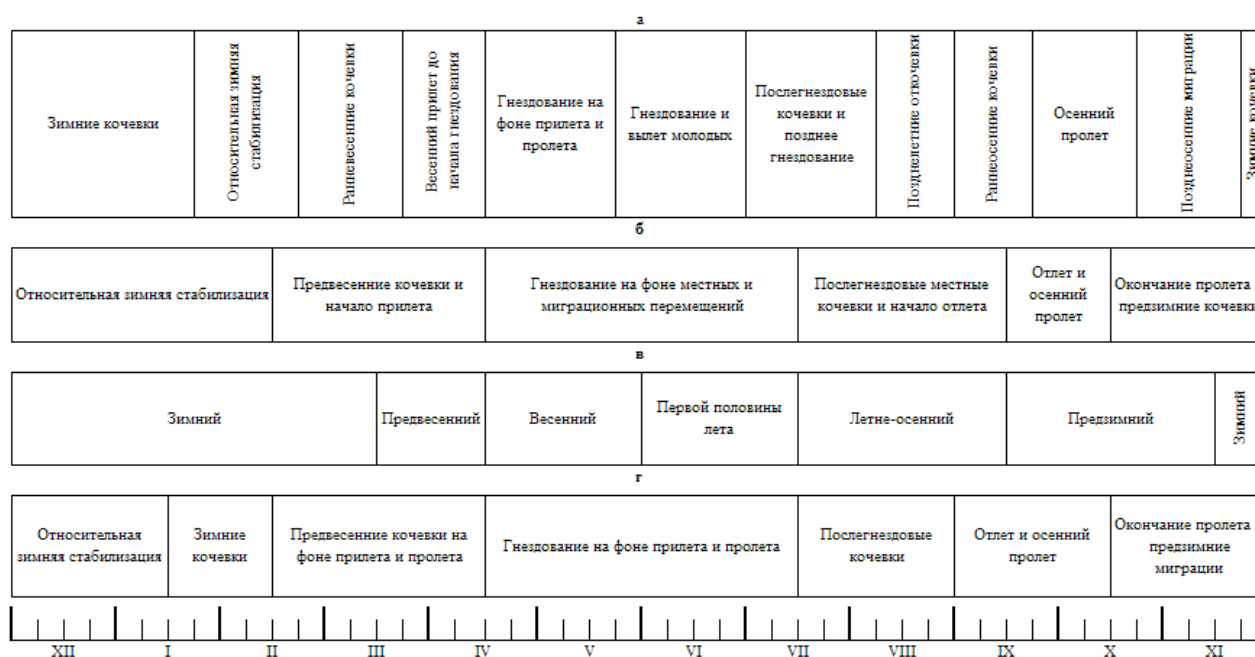

Рис. 2. Сезонные аспекты населения птиц: а – смешанных лесов Подмосквья [13], б – Среднего Урала [9], в – северной лесостепи Приобья [16] и г – Центрального Алтая [2].

Рис. 3. Сезонные аспекты населения птиц: а – в Северном Предуралье, б – на Среднем [9] и в – Южном Урале [3], и г – в оазисах пустынь Туркмении [7].

Кроме того, для обследованных провинций юга лесной и северной лесостепной зон и гор Алтая характерно хронологическое совпадение (или близость) трех-четырех границ сезонных аспектов. Интересен тот факт, что при всех фенологических различиях и специфике хода самой весны наиболее значимая весенняя граница аспектов в лесах совпадает и приходится на середину апреля, почти не изменяясь в разные годы. Близость в сроках наступления периода массового гнездования и основных волн весеннего пролета в лесах всех вышеуказанных регионов и их межгодовая устойчивость может быть обусловлена генетической и экологической близостью населяющих эти провинции форм. Устойчивость сроков мо-

жет поддерживаться также сочетанием толерантности к низким температурам круглогодично обитающих и раноприлетающих птиц с достаточной кормностью, количеством укрытий и относительной термостатичностью лесов в это время.

В результате облик типично лесного населения птиц относительно мало зависит от хода и характера самой весны, что в пределах рассмотрения приводит к отсутствию широтно-долготной специфики в сроках начала этого аспекта. Формирование облика населения птиц теплого периода года в полуоткрытых и открытых местообитаниях, естественно, в значительной мере зависит от снеготаяния и весенних снегопадов. В связи с этим начало аспекта массового гнездования на

фоне пролета, с одной стороны, может быть раньше, чем в лесах, с другой – во многом зависит от хода весны конкретного года исследований. Отсюда понятно, что говорить о подзонально-провинциальной специфике наступления весеннего аспекта населения птиц полуоткрытых и открытых местообитаний можно лишь как о среднемноголетнем явлении. Характеризуя сезонную изменчивость населения птиц природных ландшафтов юга бореальных областей, должно отметить относительную межгодовую устойчивость весенних сезонных аспектов (если не по календарным срокам, то по дискретности и силе изменений облика). Подобную жесткость весенних изменений населения определяет необходимость достаточно длительного времени для ежегодного репродуктивного периода у птиц при сравнительно коротком оптимальном времени в годовом цикле развития природы. Во II половине лета – осенью характер сезонной аспектированности населения птиц больше зависит от фенологического хода конкретного года, вплоть до невыраженности в отдельные годы некоторых аспектов. Даже в зимнее время в отдельные годы население птиц может отличаться по количеству аспектов, хотя общие отличия орнитокомплексов теплого и холодного периодов постоянно высоки.

Вполне вероятно, что нарастание континентальности климата усиливает асинхронность внутригодовой изменчивости облика населения птиц по отношению к годовому циклу развития природы. На первый взгляд это логично и отчасти подтверждается проведенными исследованиями. Так, выделенные границы 11 сезонных аспектов населения птиц Подмосковных смешанных лесов (область умеренного климата) близки среднемноголетним фенологическим границам. Для северной лесостепи Приобья (область резкоконтинентального климата), напротив, показано смещение границ аспектов населения по отношению к среднемноголетним феносезонам [16]. Для южной тайги Среднего Урала (область умеренно-континентального климата) также выявлена асинхронность этих циклов [9]. Между тем, в лесах Подмосковья, Среднего Урала и Приобья самая значительная из весенних границ аспектов населения и, судя по Подмосковью и Приобью, почти не флуктуирующая по годам, приходится на середину апреля. Она во всех трех регионах, в большей или меньшей степени, но запаздывает по отношению к началу фенологической весны. При этом в Подмосковье данная граница приходится на начало оживления весны, а на Урале фенологически раньше – на середину первовесенья. Самая значимая осенняя граница в Подмосковье и на Среднем Урале упреждает окончание осени, совпадая с окончанием одного из осенних субсезонов – глубокой осени.

Выявленные границы весенних аспектов для смешанных лесов Подмосковья, близкие началу и ходу развития весны по силе проявления в значительной мере слабее, поэтому их выявление может быть обусловлено высокой степенью дробности проведенных исследований, в сравнении с Уралом и Приобьем. Из этого следует, что утверждать о наличии долготной изменчивости в совпадении или несовпадении

границ сезонных аспектов и фенопериодов, видимо, преждевременно. В целом же необходимо подчеркнуть нарастание количества аспектов и, соответственно, большую дискретность изменения облика населения птиц в течение года от бореальных растительных областей к горам юга Сибири и особенно к пустынной зоне.

Для гор, начиная с низкогорий, характерна неустойчивая весна с частыми снегопадами и метелями. Резкие похолодания, вплоть до заморозков, возможны и в начале фенологического лета. Такие природно-климатические особенности накладывают отпечаток на ход динамики облика населения птиц, приводя его к ненаправленной пульсирующей изменчивости и, как следствие, к слабой дифференциации периода относительной летней стабилизации. На равнинах, как в Подмосковье, так и в Приобье, аспект относительной летней стабилизации выражен в населении гораздо четче.

Количество сезонных аспектов населения птиц в малых поселках и природных местообитаниях одинаково, а их границы близки и в большинстве своем совпадают по значимости. В то же время граница сходных аспектов населения птиц природных и селитебных местообитаний Новосибирского Академгородка может различаться по срокам на две недели (начало – середина апреля). При этом в среднем она приходится на середину апреля и наиболее значима в сезонной периодизации облика [16], а внутригодовая изменчивость населения птиц собственно г. Новосибирска имеет свои специфические черты [7]. Во-первых, довольно заметны отличия в значимости границ, т. к. переход к весеннему облику населения птиц в различных городских местообитаниях обозначен далеко не первой по значимости границей. Во-вторых, намечается тенденция к снижению количества сезонных аспектов: в трех из шести обследованных местообитаниях разделения хронологического ряда вариантов населения возможно лишь на пять, а не на шесть сезонных аспектов. Отмеченное явление подтверждается исследованиями и в незастроенных местообитаниях урболандшафтов, которые показали снижение количества сезонных аспектов в городских лесопарках, в сравнении с их пригородными аналогами [14]. Постоянно достаточное количество кормов антропогенного происхождения и благоприятный мезоклимат создают условия для большей внутригодовой стабильности и континуальности смены облика населения птиц крупных городов. Сопоставления полученных результатов по Уралу и Предуралья с аналогичными исследованиями, проведенными в Подмосковных и Приокских смешанных лесах, северной лесостепи Приобья, на Центральном Алтае, в тугах Мургаба и Теджена зоны пустынь Туркмении, городах Новосибирске, Кемерово, Бийске и Горно-Алтайске [1; 2; 5; 6; 7; 9; 10; 12; 13] позволили сформулировать общую схему географической изменчивости сезонной динамики населения птиц.

На юге бореальной зоны (от южной тайги до лесостепи включительно) количество и календарные сроки весенне-летних сезонных аспектов в различных регионах близки и слабо зависят от нарастания кон-

тинентальности. При этом они в большей степени совпадают со среднесезонными фенодатами. В то же время осенне-зимние аспекты по количеству и срокам могут зависеть от феноклиматических условий конкретного года. В целом с нарастанием урбанизации нарастает внутригодовая стабильность облика орнитокомплексов, что приводит к снижению количества аспектов.

На фоне постепенного нарастания климатических отличий специфика внутригодовой изменчивости населения птиц заключается в значительной близости по срокам и количеству сезонных аспектов орнитокомплексов от южной тайги до лесостепи включительно и

последующему нарастанию отличий как на север, к средней тайге, так и на юг, к пустынной зоне. При этом для среднетаежного Северного Предуралья и оазисов пустынь Туркмении характерно более позднее по календарным срокам наступление весенней смены облика населения. В оазисах пустынь это объясняется подавляющей долей еще не улетевших зимующих птиц и массовым весенним пролетом, на севере – это более поздние сроки массового прилета и пролета. Сходство в осенне-зимней периодизации населения птиц обоих регионов обусловлено в средней тайге более ранними сроками отлета и пролета, в пустынях – пролета и прилета на зимовку.

Литература

1. Беликова, Е. А. Сезонная динамика населения птиц г. Бийска Алтайского края / Е. А. Беликова // Вестник КрасГАУ, 2008. – № 1. – С. 82 – 92.
2. Бочкарева, Е. Н. Сезонная динамика населения птиц среднегорий Центрального Алтая / Е. Н. Бочкарева // Алтайский зоологический журнал. – Барнаул, 2008. – С. 58 – 65.
3. Захаров, В. Д. Сезонная динамика птиц лесов Южного Урала / В. Д. Захаров // Сибирский экологический журнал. – 2005. – Т. 12. – № 3. – С. 435 – 449.
4. Иванов, А. И. Каталог птиц СССР / А. И. Иванов. – Л.: Наука, Ленинград. отд-ние, 1976. – 276 с.
5. Климова, Н. В. Сезонная динамика населения птиц г. Кемерово / Н. В. Климова // Современные проблемы орнитологии Сибири и Центральной Азии. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. университета. – Ч. II. – 2003. – С. 185 – 187.
6. Козлов, А. Н. Птицы тугаев долин Мургаба и Теджена и перспективы их охраны: автореф. дис. ... канд. биол. наук / А. Н. Козлов. – Новосибирск, 1988. – 23 с.
7. Козлов, Н. А. Птицы Новосибирска (пространственно-временная организация населения) / Н. А. Козлов. – Новосибирск: Наука, 1988. – 156 с.
8. Куперштох, В. Л. Классификация упорядоченных объектов / В. Л. Куперштох, В. А. Трофимов // Алгоритмы статистической обработки информации. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1974. – С. 88 – 89.
9. Ливанов, С. Г. Сезонная динамика населения птиц Среднего Урала / С. Г. Ливанов // Сибирский экологический журнал. – 2002. – Т. 9. – № 5. – С. 549 – 564.
10. Малкова, А. Н. Сезонная динамика суммарных характеристик населения птиц города Горно-Алтайска / А. Н. Малкова // Биоресурсы трансграничной биосферной территории (ТБТ): Российский Алтай. – Томск: ТГУ, 2008. – С. 150 – 153.
11. Наумов, Р. Л. Птицы в очагах клещевого энцефалита: автореф. дис. ... канд. биол. наук / Р. Л. Наумов. – М., 1964. – 19 с.
12. Носкова, О. С. Динамика населения птиц хвойно-широколиственных лесов Северного Приволжья (многолетняя, сезонная, территориальная): автореф. дис. ... канд. биол. наук / О. С. Носкова. – Н. Новгород, 2007. – 24 с.
13. Равкин, Е. С. Пространственно-временная и временная структура населения птиц. Подмосковные смешанные леса / Е. С. Равкин // Пространственно-временная динамика животного населения (птицы и мелкие млекопитающие). – Новосибирск, 1985. – С. 139 – 159.
14. Равкин, Е. С. Сезонная динамика населения птиц городских лесопарков и пригородных лесов Москвы / Е. С. Равкин // Зоология и ландшафтная зоогеография. – М.: Изд-во МОИП, 1993. – С. 139 – 157.
15. Равкин, Ю. С. Факторная зоогеография / Ю. С. Равкин, С. Г. Ливанов. – Новосибирск: Наука, 2008. – 205 с.
16. Цыбулин, С. М. Птицы диффузного города (на примере новосибирского Академгородка) / С. М. Цыбулин. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1985. – 163 с.
17. Jaccard, P. Lois de distribution florale dans la zone alpine / P. Jaccard // Bull. Soc. Vaund. Sci. Nat. – 1902. – Vol. 38. – P. 69 – 130.

Информация об авторе:

Ливанов Станислав Генрихович – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник лаборатории зоологического мониторинга Института систематики и экологии животных СО РАН, г. Новосибирск, 8-913-486-98-54, stanislav.livanov@yandex.ru.

Stanislav G. Livanov – Candidate of Biology, Senior Research Associate at the Laboratory of Zoo-Monitoring of the Institute of Systematics and Ecology of Animals of the Siberian Branch of the RAS.

Статья поступила в редколлегию 28.01.2014 г.

ИСТОРИЯ

УДК 391

ТРАДИЦИОННЫЙ КОСТЮМ НАРОДА АКХА В СЕВЕРНОМ ТАИЛАНДЕ

А. А. Адаменко

TRADITIONAL COSTUME OF THE AKHA PEOPLE IN NORTHERN THAILAND

A. A. Adamenko

Традиционная материальная культура народа акха в северном Таиланде на сегодняшний день почти не освещена в российской гуманитарной науке. Остаются не исследованными традиционная культура, история и языковые процессы этого народа. Между тем усиливающиеся социокультурные связи между Россией и Таиландом обуславливают необходимость взаимного изучения традиционной культуры обеих стран. Актуальность изучения этносоциальных процессов акха подтверждается быстрой и зачастую насильственной интеграцией этого народа в процесс модернизации тайского общества и государства. Возможность изучения акха как этнического целого может остаться актуальной в течение только ближайших десятилетий. В статье предпринимается попытка исследовать материальную культуру народа акха в северных провинциях Таиланда (Чианг-Рай, Чианг-Май), охарактеризовать основные тенденции социокультурного развития этого народа.

At present, the traditional material culture of the Akha people in Northern Thailand is hardly covered in the Russian science. The traditional culture, history and linguistic processes of this nation remain unexplored. In the meanwhile, the growing sociocultural relations between Russia and Thailand are calling forth the necessity of reciprocal research into the traditional culture of both countries. The urgency of investigating the traditional material culture of the Akha is confirmed by the rapid and, not infrequently, coercive integration of these people into the process of modernization of the Thai society and state. The opportunity to study the Akha as an ethnic whole may only remain possible within the oncoming few decades. In the paper an attempt is undertaken to explore the traditional material culture of the Akha people in the northern provinces of Thailand (Chiang-Rai, Chiang-Mai), to characterize the main tendencies of their sociocultural development.

Ключевые слова: акха, Таиланд, этническая группа, традиционная культура, материальная культура.

Keywords: Akha, Thailand, ethnic group, traditional culture, material culture.

Уникальное этнокультурное пространство северного Таиланда в течение длительного времени является предметом пристального внимания со стороны целого ряда научных дисциплин. В общепринятый обиход англоязычных и тайских ученых прочно вошло определение «Hill Tribe» [2], под которым традиционно понимаются горные этносы, проживающие на территории северных провинций Таиланда. Традиционная культура, быт и само существование этих народов немыслимо в отрыве от горной среды в которой они сформировались и живут сегодня. Между тем ни один из проживающих в северном Таиланде т. н. «горных народов» не является для этого региона автохтонным. Проживающие здесь народы акха, лаху, лису, карены, мяо, хмонги являются переселенцами с территории Бирмы, Китая и Лаоса, эмигрировавшими на территорию Таиланда, спасаясь от социально-политических потрясений в соседних странах. Для многих из них процесс переселения продолжается до сих пор, несмотря на достаточно жесткую миграционную политику Таиланда.

Среди перечисленных горных народов особый этнографический интерес представляет, на наш взгляд, наиболее изолированный и локализованный в районах высокогорья народ акха, эмигрировавший на территорию северного Таиланда из Бирмы и Китая. Для данного этноса характерен не только уникальный тип традиционной культуры, выделяющий

его среди других горных народов, но и наличие специфических механизмов сохранения сложившихся культурных форм даже в условиях интенсивной экономической модернизации региона.

Отметим, что традиционная культура акха вызывает широкий интерес среди западных и азиатских исследователей, однако почти не освещена в отечественной гуманитарной науке. Так, в числе российских авторов, затрагивающих в своих работах данную тематику, необходимо упомянуть Э. О. Берзина, В. И. Гохмана, Е. В. Иванову, В. И. Корневу, Л. Н. Мореву, Ю. М. Осипова, Ю. Я. Плам, Е. Н. Афанасьеву, В. Н. Шинкарева и др.

Среди западных исследователей наибольшее внимание традиционной культуре акха уделено в работах Х. А. Бернатзика, П. Льюиса, Д. Фэйнгольда, Дж. Гудмэна, Дж. Хэнкса, К. Камерера, Д. Тукера, Т. Вонгспрасэт, Б. Хенин, Т. Холлвэй, Ф. Шольц, Ш. Такехара, Ж. Янг.

В рамках данной статьи мы стремились охарактеризовать традиционный костюм народа акха в северном Таиланде как наиболее яркий элемент материальной культуры данного этноса. Сегодня головные уборы, украшенные традиционным орнаментом рубашки, сумки и куртки, сделанные акха, являются одним из наиболее востребованных товаров на туристических рынках юго-восточной Азии и без преувели-

личения могут быть названы одним из культурных символов этого народа.

В современном Таиланде, несмотря на широкое распространение дешевой современной одежды, в изолированных горных поселениях по-прежнему используются национальные костюмы из тканей, изготовленных традиционным способом. Для большинства акха производство и использование национального костюма является неотъемлемой частью религиозной традиции и носит обязательный характер. Независимо от клановой принадлежности, социального и семейного статуса, акха украшают свои костюмы затейливым орнаментом со сложной семантикой цвета и формы.

Тщательно продуманное художественное оформление ткани определяется тем, для чего используется материал. Ткань украшают комбинациями дополнительной вышивки, вышивкой атласными стежками, вышивкой из рыбной кости и т. д. Также используют аппликации в виде геометрических форм, делая их на отдельном куске ткани и затем пришивая к законченному предмету одежды. У каждой субэтнической группы акха, наряду с уникальным фасоном традиционной одежды, есть их собственные украшения и узоры [1].

На сегодняшний день среди акха, проживающих на территории северных провинций Таиланда, распространены три основных традиционных стиля одежды. Первый – это так называемый «U Lo – Akha», его носят большинство акха, переселившихся в Таиланд в первой половине 20 века с территории Бирмы. Второй стиль, «Loimi-Akha», назван в честь горного массива в Бирме, с территории которого часть акха мигрировала в Таиланд в течение последних десятилетий. Третий стиль, «Phami-Akha», назван в честь деревни, расположенной недалеко от пограничного города Mae Sai. Этот стиль носят в основном представители субэтнической группы Lawn Po как в Таиланде, так и на территории Китая и Бирмы [4].

Рис. 1. Женский головной убор в традиционном стиле «U Lo – Akha»

В традиционном стиле «U Lo-Akha» женский головной убор состоит из двух основных частей. Основная часть представляет собой широкую полосу,

украшенную серебряными монетами, серебряными пуговицами и бисером. Выше прикрепляется рамка из бамбука конической (конусообразной) формы, которую покрывают тканью оттенка индиго. Все это также декорируется серебряными украшениями и цепочками, монетами, бусами, окрашенными в красный цвет, перьями, кисточками, шерстью гиббона и другими уникальными предметами (например, небольшими круглыми зеркалами). Количество украшений и типы декорирования зависят от семейного и экономического положения, возраста, а также от того, насколько давно женщина родила ребенка. Длина мужских курток чуть ниже талии, на спине обычно имеется вышивка, а также несколько линий спереди.

В рамках традиции «Loimi-Akha» женский головной убор характеризуется плоской трапециевидной формой и покрытием из серебряных монет в задней части. Макушка украшена чередующимися рядами бус и серебряных пуговиц. К боковым поверхностям крепятся нити с полыми серебряными шариками, монетами, бисером, свисающие до плеч.

Рис. 2. Женский головной убор в традиционном стиле «Loimi-Akha»

Задняя часть женской куртки украшается аппликациями преимущественно красного цвета. Аппликации обшиваются по контуру нитью контрастных цветов. Ромбовидные, треугольные и другие формы аппликации чередуются с яркой вышивкой. Добавляют маленькие белые пуговицы, серебряные пуговицы, семена, бисер, ракушки и кисточки. Другие элементы костюма украшаются точно так же. Для парадных случаев надеваются поверх куртки пояса, которые инкрустированы ракушками каури и семенами. Женщины, не состоящие в браке, носят обычно широкий пояс с большим количеством ракушек. Головные уборы девушек украшаются серебром, перьями, кисточками, семенами, шерстью гиббона и бисером [8].

Куртки с поясом и разрезами на обеих сторонах и спине носят мужчины и подростки, украшаются они аналогично. Некоторые из них носят на груди прямоугольный отрезок ткани, окаймленный полосками из красного сукна с серебряной пряжкой.

В стиле «Phami-Akha» одежды женский головной убор, формой напоминающий шлем, полностью инкрустирован серебряными пуговицами, монетами, бисером. Многочисленные нити, в основном из красных шариков, ниспадающей дугой прикрепляются к боковым сторонам головного убора и опускаются почти до талии. На куртке расположены полосы оттенка индиго с белыми краями, сшитые в несколько ярусов и спускающиеся вниз по спине. Каждая полоска вышита тонкими узорами. Рукава расшиты тем же орнаментом, что и пояс, леггинсы и наплечная сумка. Пояс украшается круглыми и ромбовидными серебряными украшениями, и пуговицами. Головные уборы молодых девушек покрываются похожими украшениями, и бусы свисают от макушки до плеч и по спине [8].

Длинные мужские куртки украшены простым перекрытием полос, окрашенных в оттенок индиго, с белыми краями. Часто ряд серебряных монет или серебряную цепочку с колокольчиками пришивают по краям куртки [5].

Рис. 3. Женский головной убор в традиционном стиле «Phami-Akha»

В рамках любого стиля традиционной одежды к костюму прилагается большое количество ювелирных украшений. Женщины носят плоские серебряные кольца на шее. А также широкие, гладкие или украшенные гравировкой серебряные браслеты. Мужчины носят круглые кольца на шее и браслеты и иногда серебряные кольца ромбовидной формы на пальцах или в головных уборах. В настоящее время серебро повсеместно заменяют на алюминий, по-

скольку серебро продается для того, чтобы купить европейские вещи, еду или опиум

Монеты используются при украшении головных уборов и других предметов одежды и бывают нескольких типов. Те, кто может себе позволить, используют серебряные монеты такие, как серебряные индийские рупии, широкие и плоские китайские доллары или пиастры Французского Индокитаа. Также используются бирманские, индокитайские и мелкие тайские монетки [4].

Несмотря на интенсивные процессы экономической модернизации, протекающие в регионе, а также бурное развитие туристической индустрии, изготовление и использование традиционной одежды остается сегодня актуальным почти в любом поселении акха в северном Таиланде. Для старшего поколения, равно как и для молодых людей, ведущих традиционный образ жизни, ношение национального костюма является не только практичным, но и необходимым ввиду вышеописанных социальных функций одежды. Напротив, среди акха, переселившихся в город, ушедших на заработки или же получающих образование в тайских учебных заведениях, ношение традиционной одежды не практикуется [3]. Отдельно стоит упомянуть использование национальных костюмов акха в поселениях, являющихся своего рода этническими инсталляциями, пользующимися значительным спросом среди туристов. Здесь, наряду с продажей этнических сувениров, акха за деньги демонстрируют праздничную одежду, позируют и фотографируются вместе с посетителями. Негативной особенностью такого рода поселений является скептическое отношение к традиционной культуре со стороны самих акха, воспринимающих одежду и предметы быта как способ заработка. Консервация сложившихся культурных форм в таких деревнях отнюдь не способствует сохранению и развитию традиционных ценностей, а напротив, обесценивает и нивелирует накопленный народом культурный опыт.

На сегодняшний день в регионе северного Таиланда развитие традиционных культурных форм горных народов возможно только при условии целенаправленных усилий со стороны государства, национального омбудсмана акха и ряда правозащитных организаций, представляющих интересы этнических меньшинств. Мы надеемся, что в ближайшем будущем будет выработана стратегия сохранения материальной и духовной культуры акха, позволяющая ей сохранять свою актуальность и оставаться подлинным культурным достоянием северного Таиланда.

Литература

1. Иванова, Е. В. Одежда народов Таиланда / Е. В. Иванова // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
2. Bernatzik, H. A. Akha and Miao: Problems of Applied Ethnography in Father India / Hugo Adolf Bernatzik. – Innsbruck, 2012
3. Boonchana, T. Akha Women, Working in the City and Selling themselves and AIDS / Thongsae Boonchana // Paper Presentation at 1st International Conference on Hani/Akha Culture. – 1993. – P. 9.
4. Bragg, K. The Akha: Folk Botany and Forest Traditions / K. Bragg // Northern Miscellany / Geoffrey Walton ed. – Chiang Mai, 2011.
5. Minority Groups in Thailand / Department of the Army, Ethnographic Study Series. – Washington, 1998.

6. Guseau, L. Dialectics of Akhazang / Leo Alting von Guseau // McKinnon-Bruksasri. Highlanders of Thailand. – 2007. – P. 38 – 47.
7. IMPECT Inter-mountain People's Educational and Cultural Center in Thailand. Programs: South East Asian Mountain People Culture and Development: Research, Documentation, Information Programmes. – Chiang Mai, Thailand. – 2011. – 218 p.
8. Lewis, P. Akha Village and Political Systems / P. Lewis. – University of Oregon. – 2004.

Информация об авторе:

Адаменко Александр Александрович – старший преподаватель кафедры религиоведения Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева, 8-903-921-48-17, alex_adamenko@mail.ru.

Aleksander A. Adamenko – Senior Lecturer at the Department of Religious Studies, Astafyev Krasnoyarsk State Pedagogical University.

Статья поступила в редколлегию 08.04.2014 г.

УДК 27-725 (571.16)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДУХОВЕНСТВА ТОМСКОЙ ЕПАРХИИ ПО СОХРАНЕНИЮ ИСТОРИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. (по материалам «Томских епархиальных ведомостей»)

Л. С. Алексеева

ACTIVITIES OF TOMSK DIOCESE CLERGY TO PRESERVE HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE IN THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES (based on «Tomsk diocesan bulletin»)

L. S. Alekseeva

В данной работе обобщен дореволюционный опыт сохранения памятников древности членами Русской православной церкви на примере Томской епархии. В основу исследования легли публикации священнослужителей историко-краеведческого характера в дореволюционном официальном епархиальном издании «Томские Епархиальные Ведомости».

Особое внимание в данной статье уделено культуроохранной деятельности членов Томского Церковного Историко-Археологического Общества, открытие которого состоялось в 1916 г. Выявлены основные направления деятельности Общества, в том числе – организация Томского епархиального древлехранилища.

В целом автор приходит к выводу, что духовенство Томской епархии, как и другие организации Русской Православной Церкви, начиная со II половины XIX – начала XX вв. стремится сохранить церковные реликвии и использовать их в целях духовного и нравственного просвещения общества.

The paper highlights the experience of Tomsk diocese clergy to preserve the cultural heritage in the 2nd half of the 19th – early 20th century. This study is based on the publications on local history in the pre-revolutionary official bulletin of the clergy – "Tomsk diocesan bulletin".

The author notes that one of the brightest events in the protection of monuments of spiritual legacy in the diocese was the opening of Tomsk Church History and Archaeological Society, which set itself the objective of preservation and study of the monuments of antiquity and the local church history.

In general, the author concludes that since the 2nd half of 19th – early 20th centuries the clergy of Tomsk diocese, as well as other organizations of the Russian Orthodox Church seeks to preserve the church relics and use them for the purpose of spiritual and moral education of society.

Ключевые слова: историко-культурное наследие, Томская епархия, «Томские епархиальные ведомости», Томское Церковное Историко-Археологическое Общество, Томское церковное древлехранилище, памятники церковной старины.

Keywords: historical and cultural heritage of the church, Tomsk diocese, «Tomsk diocesan bulletin», Tomsk Church Historical and Archaeological Society, Tomsk church museum, monuments of spiritual legacy.

Почтительное отношение к реликвиям было свойственно человеку с глубокой древности. На протяжении многих веков в монастырских и церковных ризницах происходило накопление исторических реликвий, рукописей, произведений живописи и даже военных трофеев. Однако к церковным предметам, не использовавшимся по назначению или выведенными из богослужебного употребления, не было бережного отношения, в силу чего они утрачивались. В России, особенно во второй половине XIX века, на фоне об-

щего оживленного интереса к церковным памятникам стали изучаться рукописи, церковное искусство и другие исторически значимые предметы.

Интерес к сохранению и изучению памятников церковной старины поддерживал и Святейший Синод. Так, Св. Синодом инициировано издание циркуляра о необходимости передачи предметов богослужения, изъятых из обращения, в специальные заведения. «Не в сырых чуланах и заброшенных сундуках место уцелевшим ещё остаткам церковной старины, а их следу-

ет сосредоточить в местных епархиальных древлехранилищах; здесь они не только будут целы, но и принесут пользу науке и будут доступны всякому исследователю. Оставить же на местах, хотя и зарегистрировав в особую опись, значит, ещё ничего не сделать и делу охранения памятников не помочь» [16].

Для предотвращения действий, способствующих разрушению и распродаже церковного достояния памятников среди духовенства и общественности, а также прецеденты случались достаточно часто, с 60-х гг. XIX в. в официальных церковных изданиях также стали печататься материалы по истории монастырей, церквей и чудотворных икон. Отметим, что большинство епархий России, а их к концу XIX столетия было 69, одна из которых, Алеутская, находилась за пределами страны, имели свои периодические издания – Епархиальные Ведомости.

Идея создания особой епархиальной газеты по примеру «Губернских ведомостей» принадлежала выдающемуся богослову, церковному историку и археологу – херсонскому архиепископу Иннокентию (Борисову). В 1853 году была разработана примерная программа епархиального повременного издания, которая вследствие тяжких обстоятельств Крымской войны осталась без продвижения. Уже после смерти архиепископа его приемник на кафедре архиепископ Димитрий (Муретов) в 1859 году предложил данную программу на обсуждение Святейшему Синоду. Синод удовлетворил ходатайство, а также признал полезным распространение аналогичных изданий во всех епархиях. Для этого в циркулярном указе от 31 декабря 1859 года разослал программу «Херсонских епархиальных ведомостей» во все епархии [9, с. 174 – 182].

В Сибири первыми по времени публикации стали выходить «Иркутские Епархиальные Ведомости» (1862 г.), за ними – «Томские Епархиальные Ведомости» (с июля 1880 г.), далее – «Тобольские Епархиальные Ведомости» (1882 г.) и «Енисейские Епархиальные Ведомости» (1884 г.) [4, с. 1 – 15].

Особый интерес для истории Русской Православной Церкви представляет мало изученный вопрос деятельности духовенства по сохранению памятников церковной старины в печатном органе Томской Епархии – «Томских епархиальных ведомостях». Наряду с этим, изучение опыта работы дореволюционных церковно-исторических обществ имеет большое значение для тех, кто занимается церковно-историческими и археологическими исследованиями, а также устройством церковных музеев и периодических церковных выставок.

Первый номер «Томских епархиальных ведомостей» был выпущен в июле 1880 г., последний дореволюционный номер вышел в декабре 1917 г. Выходили вести 2 раза в месяц 1-го и 15 числа. Первым редактором «Томских Епархиальных ведомостей» стал и. д. ректора семинарии А. Варфоломей. В период с 1881 по 1904 гг. редактором назначен преподаватель Томской семинарии М. И. Соловьев. С января 1904 по июль 1906 г. – ректор семинарии протоиерей И. Панормов. В течение с 01.07.1906 г. по 1917 г. включительно редактором был протоиерей С. Путодиев.

Содержательная сторона Томских Епархиальных ведомостей, как и многих других церковных периодических изданий, была основана на образцовой программе «Херсонских епархиальных ведомостей» и состояла из двух отделов: официального и неофициального. По необходимости структура Ведомостей изменялась. Так, например, в период с 1898 по 1904 гг. книга состояла из трех разделов, последний из которых назывался «Миссионерским». В данном разделе публиковались отчеты Алтайской Духовной Миссии и ее отделов, а также известия, воспоминания о просветительской деятельности духовенства среди сибирского коренного населения. В связи с русско-японской войной в период с 1905 по 1906 гг. выходило приложение «Современные известия».

Поступающие в редакцию историко-краеведческие изыскания условно можно подразделить на следующие категории:

1. Исторические сведения о завоевании и освоении Сибири.

Здесь рассматривается история завоевания Сибири Ермаком, а также распространение христианства в Сибири.

2. Сведения об образовании и развитии Томской Епархии и ее структур (история Томской Духовной Семинарии, Алтайской Духовной Миссии, храмов и причтов и др.).

Вторая, обозначенная нами группа, является достаточно обширной, так как она касается непосредственно истории развития самой Томской Епархии. В данную группу вошли следующие статьи: «Монастыри в Западной Сибири (обзор)». Представлен обзор монастырей Тобольской и Томской епархий Автор статьи не указан [10]. Сюда же можно отнести и такие статьи, как «О бывшем Томском Девиче Монастыре, закрытом в 1776 г.» [10].

3. Биографические данные томских архиереев и священнослужителей неоднократно размещались на страницах ведомостей в виде статей, которые печатались в дни хиротонии или дня рождения, а также в виде некрологов. Особое внимание уделялось апостолам Алтая – миссионерам архимандриту Макарию (Глухареву) и Макарию (Невскому), митрополиту Московскому и Коломенскому.

4. Агиография сибирских и томских святых

Большое внимание на страницах Ведомостей уделялось не только сведениям повсеместно чтимых святых, но и подвижникам, которые подвизались на территории Томской епархии. Православное духовенство неоднократно делилось с воспоминаниями о Домне Карповне и старце Феодоре Томском. В свое время о святых писали Алтайский миссионер протоиерей М. Путинцев [12], протоиерей Николай Митропольский [7].

5. Сказание о святых иконах.

Уже первые годы своего существования на страницах Ведомостей была опубликована рукопись «Сказание о явлении образа святителя Николая Чудотворца града Томска в веси Семилужное еже бысть в лето от Р. Х. 1702», которая была приобретена за Байкалом в 1873 г. и чудесным образом уцелела от пожара. Публикуя рукопись в 1881 году, редакция обращалась к читателям с целью выяснить, есть ли у чите-

лей еще какие списки рукописи, которые также предлагалось опубликовать и сличить их [14].

Одним из первых, кто откликнулся на просьбу редакции, стал протоиерей Томского собора Алексей Лавров, предоставивший «Описание иконы Чердацкой Божией Матери и летопись церкви Чердацкой». Многочтимая икона из Мариинского округа Колыонской волости села Чердацкого на р. Чулыме была подарена Митрополитом Тобольским и всея Сибири Иоанном Максимовичем ясажным князьям Чулымских татар в 1714 г. (икона была привезена святителем в 1712 г. из Чернигова) [3].

К образу местночтимой иконы святителя Николая Чудотворца из с. Семилужного исследователи обращались неоднократно. В 1887 г. священник Антонин Мисюрев, переработав «Указатель по делам и рукописям, относящимся до Сибири и принадлежащим Московскому главному архиву Министерства Иностранных Дел», составленный Пуцилло в 1879 г., вновь обращается к чудотворному образу свт. Николая. В своей статье священник приводит копию о явлении образа святителя Николая, снятую Миллером с креста, который, вероятно, находился в первой томской Троицкой церкви [5].

Также в епархиальном печатном органе публиковались и статьи иногородних священников-краеведов. Статья Каинского благочинного протоиерея Николая Митропольского «Икона святителя Иннокентия Иркутского чудотворца церковь села: Осиновы-Колки, что близ Каинска» была опубликована в 1881 году [6]. Протоиерей в своей статье рассказывает как верующие люди села Осиновы Колки, совершив паломничество в Иркутский Знаменский женский монастырь, получили в благословение икону святителя Иннокентия Иркутского, изготовленную на полотне. Подводя итог, протоиерей отмечает, что вероятно эта икона является прижизненным портретом иркутского святителя.

В январе 1887 г. в г. Томске состоялся очередной Епархиальный съезд, на котором Преосвященный Исаакий, епископ Томский и Семипалатинский, поднял вопрос о приведении в известность имеющихся в томской епархии церковных древностей через публикацию предметов в «Епархиальных Ведомостях». Здесь же впервые прозвучала идея о местном церковно-археологическом музее. Однако сразу же было оговорено, что за отсутствием фонда и неимением средств для содержания, такая идея является преждевременной. Поэтому в условиях того времени важное значение приобрело собирание и исследование церковного наследия с научной точки зрения. В заключение своего выступления епископ представил свои предложения о приведении в известность древних церковных памятников путем их публикации в печатных органах, что в свою очередь способствовало бы сохранению материальных ценностей [13, с. 1 – 5].

Вслед за январским Епархиальным съездом на страницах томских Епархиальных ведомостей появляется публикация священника Антонина Мисюрева «О необходимости помещения в неофициальной части Томских епархиальных ведомостей материалов исторического содержания», где он обобщает и расширяет доклад епископа [4]. Священник в своей про-

странной статье знакомит читателя с историографией сибирских летописцев о становлении первой в Сибири тобольской типографии Василия Корнильева, которая способствовала распространению церковно-исторических знаний и дала толчок к более глубокому исследованию Сибири. Главная цель статьи – привлечение широкого круга исследователей памятников старины Томской епархии, как из светской среды, так и из духовенства. А также это адресовано обучающимся в духовной гимназии, действующей при Алексеевском монастыре и студентам Томской духовной семинарии. Итоги исследовательской деятельности священник Антонин, вслед за Томским архипастырем, предлагает публиковать в неофициальной части «Томских Епархиальных ведомостей», что поможет сохранить от «губительных случайностей разнообразного исторического материала по епархии, находящихся в одном, большей частию, экземпляре» и повысит интерес к сибирским памятникам столичных ученых и любителей старины [4].

Новую страницу в исследовательско-охранительной деятельности священства открыло Томское Церковное Историко-Археологическое Общество, Устав которого был утвержден Святейшим Синодом 04.10.1914 г. Общество ставило перед собой следующие цели:

1. Изучение церковно-религиозной жизни Томской епархии, совместно с Алтайской Духовной Миссией, в их прошлом и настоящем.

2. Обследование, охранение и собирание памятников местной церковной древности и истории.

Для сосредоточения и хранения письменных и вещественных памятников церковной старины, древностей первобытной истории и предметов археологического и исторического значения, Обществом была поставлена задача устройства древлехранилища [15, с. 619 – 624].

1 мая 1916 г. в читальном зале Архиерейского дома состоялось торжественное открытие Томского церковно-историко-археологического общества. Автору статьи в архивах не удалось обнаружить документального подтверждения данного факта, но стоит отметить, что это культурное событие было подробно освещено на страницах «Томских Епархиальных Ведомостей». Согласно церковного протокола, собрание началось краткой молитвой, а затем – пространном докладом о значении открываемого Общества для Томской епархии, преподавателя церковной археологии Духовной Семинарии, протоиерея Сергея Дмитриевского, после которого священник К. Полетаев ознакомил присутствующих с Уставом Общества.

В заключение торжественного заседания Преосвященнейший Анатолий, епископ Томский и Барнаульский, он же Председатель Общества, выступил с предложением избрать Почетными Членами открытого Общества: Митрополита Московского и Коломенского Макария (Невского), Министра народного Просвещения В. Т. Шевякова, епископов Якутского Евфимия и оренбургского Мефодия, Попечителя Западно-Сибирского Учебного округа Н. И. Тихомирова, ректора Томского университета М. Ф. Попова, директора технологического института Н. И. Карташева, П. И. Макушина, ученого Г. Н. Потанина, инженера

А. Д. Крячкова и профессора университета П. А. Прокошева.

На очередных майских заседаниях рассматривались направления работы Общества. Первое из них – Собрание памятников древности. Второе – изучение литературы по вопросам, касающимся Томской епархии. Единогласное мнение членов Общества – необходимость организации древлехранилища, куда бы стекались рукописи, церковные древности, церковно-археологические памятники. О последних вопрос стоял остро, т. к. из-за повышенного к ним интереса памятники археологии в большом количестве уходили в заграничные музеи [11, с. 408 – 410]. На последующем заседании Общества для осуществления намеченных целей из числа членов были образованы Комиссии.

В первую комиссию по «приведению в известность архивов церквей, монастырей, духовно-учебных заведений и Епархиальных учреждений» вошли инженер А. А. Крячков, директор 1-й мужской гимназии Н. Н. Бакай и прот. С. Дмитриевский, профессор Императорского университета П. А. Прокошев, священники В. Огороков и И. Акулов. Председатель Комиссии – Н. Н. Бакай.

Во вторую комиссию по «изучению местных религиозных обычаев, преданий, песен, церковных обрядов и проч.» вошли – почетный член общества Г. Н. Потанин, А. В. Анохин, епархиальный наблюдатель Церковно-Приходских школ В. Е. Мироносицкий, преподаватель Семинарии Н. Глаголев и епархиальные миссионеры. Советом общества также предлагалось для работы в этой комиссии привлечь учителей народных школ и духовенство, в том числе священника с. Парабели М. Пинтусова и с. Уалы – священника П. Сорокина как проявивших себя в успешном собирании народных преданий и религиозных обычаев (председатель – Г. Н. Потанин, помощник председателя – Н. Глаголев).

Третья комиссия по «сбору сведений, описанию, наблюдением за сохранностью старинных храмов, часовен, кладбищ, древних икон, старинной церковной утвари и т. п., а также принятию мер против их порчи и уничтожения» состояла из инженеров А. Крячкова, Н. Баумгартена, Н. И. Карташева, художника М. М. Полякова, секретаря общества изучения Сибири Михайлова и протоиереев П. Мстиславского, С. Дмитриевского и епархиального миссионера П. Волкова, секретаря Консистории С. Г. Шалаева. На эту же комиссию возлагалось составление «Инструкций и указаний для Епархиального духовенства по описанию и приведению в известность историко-археологических материалов, рассеянных по селениям Томской Епархии» (председатель – А. В. Крячков) [15].

Четвертая комиссия, которая обязывалась «Производить историческое обследование внешнего и внутреннего развития местной церковно-религиозной жизни, возникновение раскола и сектантства, а также и местных язычеств и магометанства в их отношениях к христианству» состояла из протоиерея П. Мстиславского, делопроизводителя братства Св. Димитрия Ростовского священника Н. Климова, преподавателя раскола и сектантства в духовной Се-

минарии Н. Глаголева, смотрителя духовного училища, священника И. Ливанова а также противораскольнических и противосектантских миссионеров Епархии (председатель – прот. П. Мстиславский);

Также членам Общества и комиссий, согласно Устава Общества, вменялось проводить публичные чтения, печатать материалы и научные исследования по церковной истории и археологии местного края [15]. Кроме того, на этом же Собрании члены Общества ходатайствовали перед Преосвященнейшим Анатолием, епископом Томским и Алтайским о выделении для работы с архивами и памятниками древности комнаты в Епархиальном доме им. И. М. Некрасова, отводимую под Церковное древлехранилище, которую, прежде всего, необходимо было оборудовать.

Активная деятельность членов общества также подтверждается тем, что они выходили на уровень руководителей благочиний. На съезде благочинных Томской епархии, который проходил в декабре 1916 г., был заслушан доклад Председателя Общества Епископа Гавриила и протоиерея С. Дмитриевского с просьбой оказать сочувствие и поддержку Обществу привлечением в ряды его членов возможно большего числа епархиального духовенства и прихожан. Также в докладе еще раз была обоснована необходимость создания «Музея церковной местной древности» и призыв на оказание финансовой помощи на приобретение музейного оборудования [2, с. 15 – 19].

Член историко-археологического общества протоиерей С. Дмитриевский в декабре 1917 г. вновь обратился к духовенству, где призывал «принять меры к сохранению памятников церковной старины», а также «ради лучшей сохранности для науки старинных предметов, ненужных для церковного употребления... переслать их в томский археологический музей» [1, с. 388].

Активную деятельность Церковно-археологического общества, как и другие церковно-краеведческие исследования духовенством, прервали исторические изменения 1917 года.

Таким образом, начиная с 60-х гг. XIX века в Томской Епархии, как и во всей России, постепенно формировался интерес к сохранению историко-культурного достояния в виде документов, предметов. В сохранении же церковного наследия были заинтересованы и священнослужители, которые совмещали научные интересы со своими богослужебными обязанностями. Именно сейчас, когда частные коллекционеры стали рассматривать церковные предметы не как святыни, а как памятники старины или произведений гениальных мастеров, духовенство считало необходимым сохранить выведенные из литургического обихода церковное наследие. В данный период разрабатываются механизмы в сфере охраны культурного наследия Церкви. Одним из ярких примеров сохранения и знакомства широкой публики с наследием являлось и является публикация памятников. Одним из источников опубликования церковного наследия в конце XIX – начале XX века являлись периодические издания – «Епархиальные ведомости». Так как изучение памятников предполагает непосредственное «общение» и скрупулезного исследования, то как следствие большинство ценных предметов бы-

ли перемещены из церквей в древлехранилища. Таким образом, Русская Православная Церковь, в том числе и Томская епархия, в дореволюционный период на практике вела контроль за вышедшим из литургического обихода имуществом и использовала свои рели-

квии с целью изучения и духовного просвещения общества. Тем самым Церковь показала свою дееспособность в отношении сохранения своего культурного наследия.

Литература

1. Дмитриевский, С. Вниманию духовенства / С. Дмитриевский // Томские Епархиальные Ведомости. – 1917. – № 23.
2. Журнал № 5 съезда благочинных томской епархии // Томские Епархиальные Ведомости. – 1917. – № 1.
3. Лавров, А. Описание иконы Чердацкой Божией Матери и летопись церкви Чердацкой / А. Лавров // Томские Епархиальные Ведомости. – 1881. – № 19 – 20.
4. Мисюрев, А. О необходимости помещения в неофициальной части Томских епархиальных ведомостей материалов исторического содержания / А. Мисюрев // Томские Епархиальные Ведомости. – 1887. – № 2.
5. Мисюрев, А. К сведениям о чудотворной иконе свт. Николая, ежегодно переносимой из Семилужков в Томск / А. Мисюрев // Томские Епархиальные Ведомости. – 1887. – № 14.
6. Митропольский, Н. Икона святителя Иннокентия Иркутского чудотворца церковь села: Осиновые-Колки, что близ Каинска / Н. Митропольский // Томские Епархиальные Ведомости. – 1881. – № 13.
7. Митропольский, Н. Юродивая Домна Карповна / Н. Митропольский // Томские Епархиальные Ведомости. – 1883. – № 9.
8. Монастыри в Западной Сибири (обзор) // Томские Епархиальные Ведомости. – 1881. – № 12, 13, 24.
9. Нетужилов, К. Е. Епархиальная периодическая печать в дореволюционной России / К. Е. Нетужилов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, 2006. – № 21-1. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=12827600> (дата обращения: 16.03.14).
10. О бывшем Томском Девиче Монастыре, закрытом в 1776 г. // Томские Епархиальные Ведомости. – 1883. – № 4.
11. Организационное собрание Историко-археологического общества // Томские Епархиальные Ведомости. – 1916. – № 12.
12. Путинцев, М. Юродивая Домнушка / М. Путинцев // Томские Епархиальные Ведомости. – 1882. – № 16.
13. По вопросу о приведении в известность церковно-археологических памятников Томской епархии // Томские Епархиальные Ведомости. – 1888. – № 12.
14. Сказание о явлении образа святителя Николая Чудотворца града Томска в веси Семилужное еже бысть в лето от Р. Х. 1702 // Томские Епархиальные Ведомости. – 1881. – № 6 – 7.
15. Собрание Совета Церковно-археологического общества // Томские Епархиальные Ведомости. – 1916. – № 22.
16. Устав Томского Церковного Историко-Археологического Общества // Томские Епархиальные Ведомости. – 1914. – № 21.
17. Церковные ведомости. – 1912. – № 22 – 24. – С. 17.

Информация об авторе:

Алексеева Лариса Сергеевна – заведующая Музеем истории Православия на земле Кузнецкой (Кемеровская Епархия), аспирант по научной специальности 24.00.03 «Музееведение, реставрация и консервация историко-культурных объектов» Кемеровского государственного университета культуры и искусств, 8-961-704-2960, alekslora@rambler.ru.

Larissa S. Alekseeva – Head of the Museum of the History of Orthodoxy in Kuznetsk Land (Kemerovo Diocese), post-graduate student at Kemerovo State University of Culture and Arts.

Статья поступила в редколлегию 09.04.2014 г.

РУССКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.
О НАГАЙБАКАХ
И. Р. Атнагулов

RUSSIAN RESEARCHERS OF THE NAGAIBAKS
IN THE 2ND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES
I. R. Atnagulov

Данная статья является историографическим обзором литературы о нагайбаках второй половины XIX – начала XX вв. Этот промежуток времени в истории нагайбаков является важным потому, что именно с середины XIX в. произошло их географическое обособление от материнского этноса, что повлияло на формирование особого группового самосознания. Русские исследователи этого периода – П. И. Небольсин, В. Н. Витевский, Е. А. Бектеева, Ф. М. Стариков и др. – обратили внимание на данную группу и зафиксировали целый ряд очень важных этноидентифицирующих признаков нагайбаков. В работе П. И. Небольсина слово «нагайбаки» впервые прозвучало как этноним. Практически все авторы ставят вопросы о происхождении нагайбаков, предлагая в основном две версии. Согласно первой, нагайбаки являются потомками казанских крещёных татар, согласно другой версии – нагайбаки имеют тесные генетические связи с выходцами из Ногайской Орды. Свои предположения авторы подкрепляют данными по материальной и духовной культуре, а также хозяйственной деятельности нагайбаков.

This paper is an overview of the historiography of the Nagaibaks in the 2nd half of 19th – early 20th centuries. This period of time in the history of the Nagaibaks is important because it is from the middle of the 19th century that their geographical isolation from the mothers ethnic group began, which influenced the formation of the special group identity. Russian researchers of this period – P. I. Nebolsin, V. N. Vitevsky, E. A. Bekteeva, F. M. Starikov and others drew attention to the group and recorded a number of very important features – ethnic identity signs. In the work of P. I. Nebolsin the word "Nagaibaks" first appeared as an ethnonym. Almost all the authors raise questions about the origin of the Nagaibaks, offering mainly two versions. According to the first, the Nagaibaks are descendants of the baptized Tatars of Kazan; according to the other version, the Nagaibaks have close genetic relationships with the people of the Nogai Horde. The authors prove their assumptions with data on material and spiritual culture, as well as economic activity of the Nagaibaks.

Ключевые слова: нагайбаки, крещёные татары, ногайцы, оренбургские казаки.

Keywords: Nagaibaks, baptized Tatars, Nogai, Orenburg Cossacks.

Во второй половине XIX – начале XX в. в российской научной литературе и периодике появляется целый ряд публикаций о нагайбаках Оренбургской губернии. Этот промежуток времени в историографии нагайбаков совпадает с периодом, когда они географически отделились от материнского этноса – волгоуральских татар, что повлияло на их дальнейшую судьбу и сформировало особое самосознание.

В середине XIX в. о нагайбаках впервые как о самостоятельном этносе упомянул П. И. Небольсин [7, с. 21 – 22]. Ссылаясь на сообщения астраханских татар, он пишет об участии ногайцев в формировании нагайбаков. По заданию ИРГО автор в 1851 г. отправился в Оренбургскую и Астраханскую губернии. Часть его путешествия проходила через Верхнеуральский уезд, точнее – от Верхнеуральска через посёлки Кассель, Остроленка, Фершампенуаз, Париж, Велюпетровка, Кулевчи и далее до Николаевской крепости. Среди этнического состава населения края он отмечает следующие народы – русские, нагайбаки и калмыки [7, с. 21 – 22]. Перечисление народов у П. И. Небольсина, вероятнее всего, происходит по принципу убывания численности населения каждого этноса. Список народов, проживающих в казачьих поселениях, полностью отражает их этнический состав. Автор не упоминает только казахов, обитавших в степи.

В. Н. Витевским в 1897 г. была издана книга «И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе». В данной работе автором отмечается слабая освещённость вопросов о происхождении и религиозном состоянии нагайбаков. Ссылаясь на различные источники, например книги П. И. Рычкова и другие документы XVIII в., он отмечает, что в состав нагайбаков проникали выходцы из киргизского плена, но в основном он считает нагайбаков потомками казанских татар [2, с. 439 – 440]. Версия В. Н. Витевского о том, что нагайбаки являются потомками арских татар, в основном мурз, принявших крещение сразу после 1552 г., была опубликована впервые.

В. Н. Витевский собрал богатейший песенно-фольклорный материал, на основе которого им было раскрыто немало ценных сведений о повседневной жизни, одежде, пище и хозяйственной деятельности казаков-нагайбаков. Из текста доклада на IV Археологическом Съезде следует, что нагайбаки – крещёные татары, названные так по селу Нагайбак Белебеевского уезда. В религиозном быту нагайбаков заметна смесь понятий христианских с языческими. Было сообщено о жертвоприношениях, воспроизведены сказки, загадки и песни [5, с. 263]. Представленные на IV Археологическом съезде песни и загадки отражают хозяйственную деятельность нагайбаков. Здесь упоминаются орудия труда, полевые и огородные куль-

туры, особенности охоты, ремёсел, строительные материалы, наружные украшения построек, средства передвижения, одежда, домашняя утварь, изготовление сливочного масла, кормление молоком детей, культура употребления спиртных напитков [5, с. 268 – 280].

Содержание данного сообщения отразилось в других публикациях автора – в газетах «Оренбургский листок» [4] и «Волжско-Камское слово» [3]. Значительное место в публикациях занимают описание годового цикла общественных и семейных обрядов и праздников, свадебные торжества, проводы казака на службу, погребально-поминальные и т. п. В «Волжско-Камском слове» сообщается о духовной культуре, хозяйственной деятельности и системе питания нагайбаков. Духовная культура рассматривается синкретично в комплексе с остальными сферами жизнедеятельности нагайбаков. В материале о празднично-ритуальной кухне исследователь сообщает о породах скота и пищевых предпочтениях. Имеются сведения о земледелии, скотоводстве, промыслах, ремёслах и других занятиях [3]. В. Н. Витевский отмечает положительную роль первого губернатора Оренбургской губернии И. И. Неплюева по вопросу об укреплении нагайбаков в православии. Он сообщает о том, что в Уфимском уезде губернатором была проведена работа по изоляции нагайбаков от мусульманского влияния и по его же распоряжению в Нагайбакской крепости была построена Троицкая церковь, ставшая форпостом миссионерской деятельности в регионе [3].

Все сведения, имеющиеся у В. Н. Витевского, получены автором от Р. Г. Игнатьева – члена Уфимского статистического комитета, И. Тимофеева – учителя фершампенуазской школы, а также от станичных атаманов [5, с. 267]. Аутентичность материала несомненна уже потому, что информантами В. Н. Витевского были респонденты, лично знакомые с жизнью нагайбаков.

В конце XIX в. было издано несколько книг Ф. М. Старикова – атамана II (Верхнеуральского) Военного отдела Оренбургского казачьего войска, уроженца Верхнеуральского уезда, крупного знатока казачьего быта. В одной из публикаций имеется материал по этнографии нагайбаков, которые, как известно, были локализованы на территории Верхнеуральского уезда [9]. Материалы, опубликованные Ф. М. Стариковым, представляют несомненную научную ценность, поскольку сам автор являлся свидетелем и участником большого числа событий в уезде. С 1881 по 1891 г. им было опубликовано четыре книги и ряд статей по истории казачества в целом и Оренбургского казачьего войска в частности.

В VII выпуске Трудов Оренбургской учёной архивной комиссии от 1900 г. было опубликовано исследование Н. М. Чернавского, где есть краткая информация о происхождении нагайбаков [10, с. 129], в основном по данным, обнаруженным в работах П. И. Рычкова. Описывая духовное состояние инородцев Оренбургской губернии, он упоминает о нагайбаках и Нагайбакской крепости как центре распространения христианства. По мнению Н. М. Чер-

навского, этногенез нагайбаков есть результат смешения крещёных татар с выбежавшими из киргизского плена азиатами [10, с. 129].

Вопрос о происхождении нагайбаков затрагивает Е. А. Бектеева [1], которая, считая их выходцами из татар, упоминает при этом и о ногайских корнях [1, с. 165]. Она считает, что в составе крестившихся татар – будущих нагайбаков, были также и татарские мурзы. Здесь же замечено, что в состав нагайбаков вошли некоторые азиатские группы, сбежавшие из казахского плена. К более ранним материалам автор добавляет, что в правление Екатерины II к нагайбакам присоединились турки и арабы из числа тех же пленников [1, с. 165]. По всей видимости, частью источниковой базы данной статьи были исследования П. И. Рычкова, П. И. Небольсина и В. Н. Витевского, поэтому работа в некоторых случаях выглядит компиляцией.

В этой же статье Е. А. Бектеева обращает внимание на хозяйство, материальную и духовную культуру, антропологические особенности, взаимоотношения нагайбаков с соседними этносами. Статья разделена на отдельные части, посвящённые жилищу и его принадлежностям, одежде, пище, быту и занятиям, семейным нравам и обычаям, проводам на службу, похоронно-поминальным обрядам и др. В отношении жилища и одежды Е. А. Бектеева усматривает татарские и русские влияния. Система питания, по её мнению, как ежедневная, так и празднично-ритуальная, не отличается от русской. Считаем, что данное замечание автора ошибочно. Подтверждение тому мы находим здесь же: большой удельный вес мясомолочной пищи. Е. А. Бектеева пишет о больших земельных наделах у нагайбаков. Участки по 30 десятин земли на человека были обычными. Также Е. А. Бектеева сообщает об особенностях хозяйственной деятельности и климатических условиях региона [1, с. 165].

Рассуждая о нагайбаках, она не уточняет, о какой конкретно группе идёт речь. Считаем, что статья была подготовлена на материале нагайбаков не только Верхнеуральского, но и Оренбургского с Орским уездов, у которых огородничество было развито в меньшей степени, по сравнению с верхнеуральской группой и компенсировалось бахчеводством. Например, Е. А. Бектеева сообщает, что огородничество за малым исключением не развито [1, с. 169], а Ф. М. Стариков говорит, что огороды у нагайбаков Верхнеуральского уезда – дело обычное [8, с. 133], а Р. Г. Игнатьев отмечал, что нагайбаки хорошие земледельцы и огородники [11, л. 96 – 97]. Ф. М. Стариков и Р. Г. Игнатьев имели в виду только верхнеуральскую группу нагайбаков. Е. А. Бектеева пишет о том, что кроме сельскохозяйственной деятельности нагайбаки должны были нести казачью службу, часто выезжая в командировки, выполнять подводную повинность, заботиться о наличии обмундирования за свой счёт.

Большую долю в статье занимает раздел о семейных нравах, обычаях и этнических характеристиках нагайбаков. Автор замечает, что в отличие от татар и казахов нагайбакская женщина более свободна, хотя в

прошлом была чуть ли в состоянии рабства. Отмечается, что браки совершаются рано, но автор не указывает возрастные ограничения. Описание свадебного ритуала, в точности повторяет материал Ф. М. Старикова. Интересны данные об архаичных и уже исчезнувших к началу XX в. семейных традициях – бесправии женщины, обычая избежания. В религиозно-духовной сфере жизнедеятельности нагайбаков Е. А. Бектеева замечает пережитки и инновации. Первые связаны с языческими представлениями, сохранявшимися у нагайбаков, вторые – с православно-христианскими. Автор внимательно наблюдает за взаимоотношениями нагайбаков с соседями – русскими, казахами, калмыками. В финальной части публикации говорится немного об оренбургско-орской группе нагайбаков, локализованных в посёлках Неженский, Ильинский, Подгорный, Гирьял и Алабайтал. Автора волнует переход нагайбаков из христианства в ислам.

Писатель и этнограф М. А. Круковский посетил Южный Урал на исходе первого десятилетия XX в. и оставил этнографические материалы о нагайбаках. Он имел возможность наблюдать за северной (троицко-бакалинской) группой [6, с. 260 – 267]. Характеризуя

их, он выделил некоторые особенности, не замеченные у других территориальных групп нагайбаков. М. А. Круковскому удалось обнаружить, что северная группа не использовала как самоназвание слово нагайбак. Единственным общеупотребляемым эндоэтнонимом у них являлось «бакалы», которое, очевидно, возникло от наименования населённого пункта, из которого они переселились в 1842 г. Кроме всего прочего, М. А. Круковский сообщает, название «нагайбак» большинство из них не знает. М. А. Круковского интересует происхождение нагайбаков, степень их родства с другими народами. Со слов местного священника автор передаёт версию о башкирских и даже монгольских корнях народа [6, с. 261]. Однако сам М. А. Круковский считает нагайбаков потомками волго-уральских татар, башкир и астраханских татар [6, с. 262, 267].

Публикации российских исследователей второй половине XIX – начале XX в. фиксируют целый ряд этноидентификационных признаков нагайбаков. Принципиальная важность этих публикаций в том, что именно в этот хронологический период нагайбаки сформировались как самостоятельный этнос.

Литература

1. Бектеева, Е. А. Нагайбаки. (Крещёные татары Оренбургской губернии) / Е. А. Бектеева // Живая старина. Периодическое издание Отделения этнографии Русского географического общества; под ред. председательствующего в отделении этнографии В. И. Ламанского. – Вып. II. – СПб.: Типография В. И. Мещерского, 1902.
2. Витевский, В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года / В. Н. Витевский. – Казань, 1897. – 616 с.
3. Витевский, В. Н. Нагайбаки Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии / В. Н. Витевский // Волжско-Камское слово. – Самара, 1882. – № 72, 74, 80, 138, 144.
4. Витевский, В. Н. Нагайбаки, их песни, сказки и загадки / В. Н. Витевский // Оренбургский листок. – Оренбург, 1878. – № 14 – 17, 19, 38, 39, 45, 46, 48, 49.
5. Витевский, В. Н. Сказки, загадки и песни нагайбаков Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии / В. Н. Витевский // Труды IV Археологического Съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 года. – Т. II. – Казань: Типография Императорского университета, 1891.
6. Круковский, М. А. Южный Урал. Путевые очерки / М. А. Круковский. – М.: Издание К. И. Тихомирова, 1909. – 311 с.
7. Небольсин, П. И. Отчёт о путешествии в Оренбургский и Астраханский край / П. И. Небольсин // Вестник ИРГО; под ред. В. А. Милютина. – Ч. IV. – Кн. I. – СПб: Тип. Э. Праца, 1852.
8. Стариков, Ф. М. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамён и карты / Ф. М. Стариков. – Оренбург: Типография Б. Бреслина, 1891. – 249 с.
9. Стариков, Ф. М. Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска, с приложением статьи о современном быте оренбургских казаков и карты / Ф. М. Стариков. – Оренбург: Типография К. Бреслина, 1890. – 180 с.
10. Чернавский, Н. М. Оренбургская епархия в прошлом её и настоящем. – Вып. I / Н. М. Чернавский // Труды Оренбургской учёной архивной комиссии. – Вып. VII. – Оренбург, 1900. – 346 с.
11. ГАОО, ф. 168, оп. 1, д. 40. Рукопись Р. Г. Игнатьева по этнографии Оренбургской губернии.

Сокращения:

ГАОО – Государственный архив Оренбургской области

Информация об авторе:

Атнагулов Ирек Равильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры Истории древнего мира и средних веков Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова, 8-912-798-11-12, i.atnagulov@mail.ru.

Irek R. Atnagulov – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Ancient and Medieval History, Nosov Magnitogorsk State Technical University.

Статья поступила в редколлегию 30.04.2014 г.

ИЗ ИСТОРИИ ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА ИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ

Н. Р. Барышева

FROM THE HISTORY OF THE ALL-UNION SOCIETY OF INVENTORS

N. R. Barysheva

В статье рассматривается история Всесоюзного общества изобретателей, созданного в годы довоенных пятилеток как массовая общественная организация новаторов производства. Новизна работы состоит в том, что автор показывает необходимость создания, особенности деятельности, причины и последствия ликвидации общества.

The paper deals with the history of the all-Union society of inventors, created in the pre-war five-year periods as a mass public organization of innovators in production. The novelty of the research consists in the fact that the author shows the necessity of creation, peculiarities of activity, causes and consequences of the liquidation of the society.

Ключевые слова: движение новаторов производства, Всесоюзное общество изобретателей, техническое творчество, изобретатели-рационализаторы.

Keywords: movement of innovators in production, all-Union society of inventors, technical creativity, inventors-innovators.

Индустриализация и техническая реконструкция народного хозяйства в годы довоенных пятилеток сопровождались ростом трудовой активности и инициативы работников, широко развернувшимся движением новаторов производства. Массовое движение изобретателей-рационализаторов поставило на повестку дня вопрос о его организационном оформлении.

Тенденции к организационному оформлению движения новаторов появились еще в самом начале 20-х гг., когда в ряде промышленных центров – Москве, Ленинграде, Туле, Одессе, Ростове-на-Дону – были созданы так называемые ассоциации изобретателей. Эти ассоциации имели общие серьезные недостатки: они были совершенно оторваны от производства, не поддерживали связи с основными кадрами рабочих-новаторов и не могли решить проблемы массового организованного движения изобретателей-рационализаторов. Прием в члены ассоциаций ограничивался лишь владельцами патентов. Председатель ВСНХ СССР Ф. Э. Дзержинский в апреле 1925 г. отмечал: «Мы имеем ассоциацию изобретателей, организацию, где собираются специалисты и создают касту изобретателей. Нет, надо понести изобретение к тому рабочему, который стоит у станка...» [3, с. 188].

Исключением составляла Всеукраинская ассоциация рабочих изобретателей (ВУАРИЗ). Созданная в начале 1926 г., она к 1929 г. объединяла 1600 человек, подавляющее большинство из них – около 70 % – были рабочими [31, л. 185]. Организационное оформление движения новаторов на Украине имело следствием рост их творческой активности. За год существования ВУАРИЗ поступление изобретений и рационализаторских предложений на Украине увеличилось более чем в два раза, экономический эффект от внедрения их в производство – почти в десять раз [30, л. 74].

Параллельно с замкнутыми ассоциациями инициативой самих рабочих были организованы многочисленные кружки изобретателей на предприятиях. Так, изобретатели Северного Кавказа в 1930 г. были объединены в 123 «ячейки» [32, л. 2].

Создаваемые в целях объединения и координации усилий новаторов на основе широкой взаимопомощи, кружки изобретателей способствовали повышению эффективности технического творчества рабочих. Интересные в этом отношении данные по ряду московских предприятий приводит А. Гельбрас. Так, на московском заводе «Каучук» в 1927 – 1928 гг. поступило 16 рационализаторских предложений с учтенной экономией 30 тыс. руб., а после организации кружка изобретателей в 1928 – 1929 гг. – 66 предложений с учтенной экономией 307 тыс. руб. На заводе МОГЭС за полтора года поступило 14 рационализаторских предложений с учтенной экономией 4,3 тыс. руб., а за три с половиной месяца после организации кружка изобретателей – 7 предложений с учтенной экономией 9,1 тыс. руб. [2, с. 12].

Рост рабочего изобретательства, а также усложнение задач, встававших перед новаторами в период технической реконструкции народного хозяйства, все более настойчиво выдвигали необходимость создания единой массовой общественной организации изобретателей-рационализаторов. В отдельных регионах страны уже в 1925 – 1926 гг. стали возникать инициативные группы по организации Всесоюзного общества изобретателей [20, с. 7]. Вопрос об учреждении Всесоюзного общества изобретателей поднимался на многочисленных совещаниях и слетах изобретателей-рационализаторов.

В январе 1928 г. в газете «Правда» была опубликована статья, в которой анализировались преимущества организации Всесоюзного общества изобретателей и намечались основные направления его деятельности [21].

В июне 1929 г. резолюцию о необходимости создания «классово-построенного общества изобретателей» приняло бюро ЦК ВЛКС [18].

Стремление самих рабочих к организации массового Всесоюзного общества изобретателей выразила группа новаторов, обратившись с соответствующим открытым письмом в ЦК ВКП(б) [17].

В мае 1929 г. Коллегия НК РКК СССР вынесла постановление, в котором подчеркивалось: «Не может быть никаких препятствий к созданию добровольного общества изобретателей, в какой угодно форме, любой группой и в любом городе» [29, л. 67]. Указания Коллегии НК РКК внесли значительное оживление в работу по организации общества.

Вплотную стал заниматься формированием Всесоюзного общества изобретателей ВЦСПС, который ранее считал это нецелесообразным. В начале 1930 г. на специальном заседании Президиум ВЦСПС, признав создание Всесоюзного общества изобретателей своевременным и необходимым, обсудил вопрос о принципах организации и основных задачах общества [4, с. 1]. 28 марта 1930 г. Президиум ВЦСПС принял постановление, подтверждавшее решение о создании Всесоюзного общества изобретателей (ВОИЗ), и предложил профсоюзам немедленно приступить к организации его ячеек на предприятиях [4, с. 2].

«Вопрос об организации рабочего изобретательства, – говорилось на XVI съезде ВКП(б), который дал установку на форсирование темпов технической реконструкции народного хозяйства страны, – назрел как очередная крупная проблема...» [28, с. 688]. В принятой съездом резолюции предлагалось принять «энергичные меры к ... вовлечению через посредство специальных общественных организаций широких рабочих масс в дело внедрения новой техники, к использованию творческой инициативы масс в целях технической реконструкции промышленности» [19, с. 445].

В октябре 1930 г. ЦК ВКП(б) в постановлении «О положении массового изобретательства под углом его влияния на рационализацию производства» одобрил решение ВЦСПС об организации Всесоюзного общества изобретателей и сформулировал стоявшие перед ним задачи. Общество, согласно постановлению, создавалось «для проведения массовых мероприятий по развитию общественной самодеятельности, коллективных методов работы и общественного контроля в деле продвижения и реализации всякого рода усовершенствований и изобретений» [25, с. 245]. ВОИЗ должно было работать под непосредственным руководством профсоюзов. От ВСНХ, всех хозяйственных наркоматов и организаций требовалось принять активное участие в работе общества, оказывать ему всемерное содействие и помощь. Всесоюзное общество изобретателей должно было стать проводником политики государства в деле технического творчества, последовательно проводить курс на превращение движения изобретателей-рационализаторов в массовое.

В соответствии с уставом высшим органом Всесоюзного общества изобретателей был Всесоюзный съезд. Непосредственное руководство обществом осуществляли Центральный совет, президиум Центрального совета, в республиках, краях и областях – республиканские, краевые и областные конференции или съезды, советы общества изобретателей, президиумы советов. На предприятиях создавались первичные организации (ячейки) общества и их советы.

В структуру Центрального совета Всесоюзного общества изобретателей входили организационно-

массовый, технико-правовой, финансовый и оборонный отделы, несколько секторов – производства и планирования, сельского хозяйства, иностранный, технической пропаганды, научно-исследовательский, улучшения быта изобретателей, информационно-статистический, проверки исполнения, а также издательство и Всесоюзная выставка рабочего изобретательства и рационализации.

Через год была создана разветвленная сеть организаций ВОИЗ. Всесоюзное общество изобретателей объединяло в своих рядах в Московской области 20 тыс. человек, в Ленинградской – 40 тыс., в Ивановской – 8 тыс., на Украине – 17,8 тыс., Северном Кавказе – 10 тыс., Закавказье – 3,5 тыс., Узбекистане – 1,5 тыс., Казахстане – 2 тыс. человек [33, л. 62 – 63].

Для подготовки первого Всесоюзного съезда общества изобретателей была создана Политкомиссия в составе членов ЦК ВКП(б), ЦКК ВКП(б)-БК РКК СССР, Президиума ВСНХ и ЦК ВЛКСМ. Она сформулировала круг вопросов, подлежавших обсуждению, выработала проекты резолюций, установила порядок представительства и регламент работы съезда [34, л. 1].

На первом Всесоюзном съезде общества изобретателей, открывшемся 15 января 1932 г. в Колонном зале Дома союзов в Москве, были обсуждены итоги организационного периода и определены основные задачи ВОИЗ. 652 делегата съезда представляли 400 тыс. членов Общества изобретателей [5, с. 2].

Число членов Всесоюзного общества изобретателей быстро росло. За годы первой пятилетки оно превратилось в массовую организацию, объединявшую в своих рядах около 600 тыс. членов [41, л. 1]. В середине 30-х гг. подавляющее большинство членов ВОИЗ – 69,4 % – составляли рабочие [41, л. 2].

От качества работы ВОИЗ во многом зависела эффективность творчества новаторов. В конце 1932 – начале 1933 гг. деятельность ВОИЗ рассматривалась бригадой ЦКК ВКП(б)-НК РКК СССР. Бригада указала на ряд недостатков в работе общества, прежде всего отметив бессистемность руководства местными организациями, отсутствие контроля над исполнением директив, отсутствие соревнования между организациями ВОИЗ, ненадежность учета местного опыта [26, с. 90].

На третьем пленуме Центрального совета ВОИЗ в феврале 1933 г. были проанализированы имевшиеся в работе общества недостатки, обсуждалось качество работы организаций Всесоюзного общества изобретателей. В резолюциях пленума всем организациям ВОИЗ было предложено поставить задачей создание новых и всемерное укрепление старых ячеек общества, добиваться вовлечения в члены ВОИЗ всех новаторов производства, организовать вокруг ячеек общества массовый добровольческий изобретательский актив. Пленум потребовал от всех работников общества гибкости и оперативности, ликвидации аппаратных методов работы, развертывания широкой самокритики. Для укрепления ячеек ВОИЗ и улучшения их работы пленум предложил развернуть между ячейками общества социалистическое соревнование и объявил всесоюзный конкурс на лучшую ячейку Всесоюзного общества изобретателей.

Решения третьего пленума Центрального совета ВОИЗ обсуждались и были одобрены на заседании Президиума ВЦСПС с участием представителей ЦКК ВКП(б) – НК РКК СССР [35, л. 60, 62]. Вскоре Президиум ВЦСПС принял соответствующее постановление [22].

Конкурс на лучшую ячейку ВОИЗ стимулировал движение новаторов. В период конкурса резко повысилось количество поступивших и внедренных предложений, возросла полученная экономия, снизились брак и себестоимость продукции, выросли ряды общества [39, л. 40, 55, 57, 60, 63, 66].

Общество объединяло лучших производственников-новаторов. Если на каждые 100 человек, работавших в 1934 г., поступало 13 изобретений и рацпредложений, то на каждые 100 членов ВОИЗ – 138, в том числе:

- в Ленинградской области – 180,
- Московской – 161,
- Азово-Черноморскому краю – 201,
- Татарской АССР – 248,
- Горьковскому краю – 135,
- Украине – 124,
- Белоруссии – 91 [41, л. 46, 48].

В 1933 г. были ликвидированы бюро рабочего изобретательства (бризы) на предприятиях и в наркоматах, что значительно повышало роль ВОИЗ в деле организации и руководства техническим творчеством. Однако деятельность руководящих работников общества, Центрального и местных советов ВОИЗ отставала от требований, предъявляемых к ним задачам реконструкции народного хозяйства и ростом производственной активности новаторов. Нарушались демократические основы деятельности ВОИЗ, что выражалось, в частности, в нарушении принципа выборности, широко распространенной практике произвольного назначения руководителей советов общества, отсутствии персональной ответственности за принятые решения, бюрократических методах работы, отрыве руководства ВОИЗ от новаторов. Нарушились связи между центральными и местными советами общества, оперативное руководство подменялось общими, отвлеченными директивами и многочисленными распоряжениями.

Текучесть кадров в организациях ВОИЗ была велика. За три года существования общества сменилось 80 % работников республиканских, краевых и областных советов [7, с. 11]. Еще большая текучесть кадров имела место в низовых советах ВОИЗ [43, л. 46].

Текучесть кадров и связанный с ней низкий стаж их работы (продолжительность работы 37,6 % работников ВОИЗ колебалась от одного месяца до одного года, 50 – 70 % инструкторов общества имели стаж 3 – 7 месяцев [42, л. 1; 43, л. 47]) не могли не отразиться на качестве работы организаций ВОИЗ. Оперативности и качеству работы мешало и наличие чрезмерно большого количества секторов и групп в советах ВОИЗ, в том числе и фабрично-заводских [48, л. 3 – 5]. Громоздкость аппарата довершал огромный штат освобожденных работников общества, составивший в 1934 г. 2,5 тыс. человек [8, с. 1].

Практическая помощь новаторам со стороны ВОИЗ была совершенно неудовлетворительной. Ха-

рактер и качество работы организаций ВОИЗ нашли яркое отражение в их финансовой деятельности. В 1933 г. из суммы, предназначенной на массовую работу, ВОИЗ было израсходовано 27,8%, из суммы на подготовку кадров – 33,2 %, на оказание помощи членам общества – 67,7 %, на издание литературы по изобретательству – 47 % выделенных для этой цели средств [40, л. 119; 9, с. 19]. В то же время на содержание аппарата тратилось значительно больше, чем полагалось. Так, на содержание совета было израсходовано Нижегородской организацией ВОИЗ 131 % запланированных средств, Крымской – 110 %, Северного края – 104 % [6, с. 24].

Возникшее осенью 1935 г. стахановское движение и связанный с ним новый подъем технического творчества предъявили к деятельности организаций ВОИЗ еще более высокие требования, вызвали необходимость коренного изменения характера и объема работы общества. На пятом пленуме ЦС ВОИЗ были определены основные задачи общества в новых условиях. Конкретная помощь стахановцам была определена пленумом в качестве критерия качества работы организаций ВОИЗ [10, с. 4 – 23].

Отдел науки, научно-технических изобретений и открытий ЦК ВКП(б), одобрив работу пятого пленума ЦС ВОИЗ, дал указание краевым и областным комитетам партии развернуть пропаганду его решений, оказывать помощь советам общества [47, л. 97].

Для повышения авторитета Всесоюзного общества изобретателей и улучшения его работы в 1936 – начале 1937 гг. были проведены перевыборы советов общества. В 1936 г. в целях избавления общества от формально числившихся членов, укрепления его связи с производством, вовлечения в него изобретателей-рационализаторов – стахановцев была проведена перерегистрация ВОИЗ. Однако ЦС ВОИЗ дал директиву оставить в обществе лишь тех, кто имел юридически оформленное изобретение или рационализаторское предложение [36, л. 280]. Таким образом, большинству новаторов, в первую очередь, рабочим, доступ во Всесоюзное общество изобретателей был фактически закрыт. Тем самым нарушался изначальный замысел создания общества изобретателей как массовой общественной организации новаторов. В результате перерегистрации из общества было исключено более 100 тыс. человек [36, л. 280]. Это решение ЦС ВОИЗ было подвергнуто резкой критике со стороны отдела науки, научно-технических изобретений и открытий ЦК ВКП(б), изучившего работу оргмассового отдела Центрального совета. Оно было расценено как «не что иное, как нарушение директивы ЦК партии о создании массового добровольного общества рабочих-изобретателей...» [36, л. 283].

Вступление изобретателей-рационализаторов – стахановцев в члены ВОИЗ затруднялось также множеством инстанций, которые им нужно было пройти: совет общества изобретателей, общее собрание членов ВОИЗ цеха, общезаводское собрание изобретателей, областной или краевой совет ВОИЗ [14, с. 3]. Это привело к тому, что в 1936 г. удельный вес стахановцев в общей массе членов ВОИЗ составлял всего 10 %, а в 1937 г. – 36 % [42, л. 107; 12, с. 25].

Руководство ВОИЗ по-прежнему было оторвано от массового движения новаторов производства. «Отставание есть, но не в изобретательской работе, а у органов и организаций, призванных помогать и руководить изобретательским движением», – подчеркивалось в журнале «Изобретатель» [11, с. 3].

Действительно, единственный съезд ВОИЗ состоялся в 1932 г., хотя по уставу общества он должен был собираться не реже раза в два года. Руководство и актив советов ВОИЗ в своем большинстве состоял из людей, не связанных с изобретательством. В Центральном совете ВОИЗ 90 % работников не имели к изобретательству никакого отношения [37, л. 156]. Среди руководителей общества было мало рабочих-новаторов с предприятий, в то время как в 1934 г. они составляли около половины председателей и заместителей областных, краевых и республиканских советов ВОИЗ [41, л. 11]. В практике работы советов ВОИЗ продолжались грубые нарушения финансовой дисциплины [38, л. 40 – 42, 54; 43, л. 155].

Центральный совет ВОИЗ редко заслушивал отчеты республиканских, краевых и областных организаций, которые, в свою очередь, фактически не проверяли работу нижестоящих организаций общества. Отчетность советов ВОИЗ перед изобретателями-рационализаторами, как правило, тоже не практиковалась.

В то же время на многих предприятиях – московских Электростанции и Станкостроительном заводе им. Г. К. Орджоникидзе, ленинградском Кировском, Челябинском тракторном заводе и других – организации ВОИЗ завоевали прочный авторитет, объединили широкие круги изобретателей-рационализаторов, оказывали им повседневную помощь.

Одной из причин неблагополучного в целом положения, сложившегося в организациях ВОИЗ, было недостаточное внимание к техническому творчеству со стороны профсоюзов, на которые было возложена полная ответственность за работу общества. Так, например, ЦК профсоюза рабочих предприятий железнодорожного транспорта в 1934 по 1938 гг. включительно ни разу не проверил работу заводских советов Всесоюзного общества изобретателей [24, с. 80], ЦК профсоюза угольщиков на протяжении 3 – 4 лет не проверял работу заводских советов общества [27], а ВЦСПС до 1937 г. ни разу не заслушал отчет ЦС ВОИЗ.

В апреле 1937 г. работа ВОИЗ была подвергнута резкой критике в передовой статье «Правды», где были указаны все основные ошибки, допущенные обществом [23]. В ответ на статью «Правды» президиум Центрального совета ВОИЗ 26 апреля 1937 г. принял постановление «О перестройке работы ВОИЗ в связи с передовой статьей «Правды» от 12 апреля 1937 г.». В нем ЦС признал свою деятельность неудовлетворительной и обязался перестроить работу ВОИЗ на основе восстановления демократических принципов работы общества, развития действительной общественной самостоятельности изобретателей-рационализаторов [13, с. 3 – 5].

Однако изменений в работе ВОИЗ не произошло. Большинство решений, принятых областными, краевыми и республиканскими советами ВОИЗ, свелось к

составлению планов подготовки к отчетам и выборам в советы, а планы конкретных мероприятий конструктивного характера, направленных на перестройку работы организаций общества, изменение методов руководства, приняты не были [44, л. 11 – 13].

Во второй половине 1937 г. отдел науки, научно-технических изобретений и открытий ЦК ВКП(б) направил более десяти бригад для изучения положения дел в крупнейших организациях Всесоюзного общества изобретателей. Ими были проверены, в частности, Украинский и Белорусский республиканские, Ленинградский и Московский областные советы ВОИЗ, а также ряд заводских советов общества [37, л. 78, 93, 111, 112; 36, л. 37, 39, 47, 50, 53, 54, 134, 214, 215, 219; 46, л. 36; 45, л. 9, 10, 12, 13]. По результатам проверки был сделан вывод, что состояние работы организаций ВОИЗ не изменилось.

Осенью 1937 г. отдел науки, научно-технических изобретений и открытий ЦК ВКП(б) проверил также работу оргмассового, финансового и технико-правового отделов Центрального совета ВОИЗ, обнаружив и здесь прежние серьезные упущения [36, л. 273, 276, 280, 283; 38, л. 40, 42]. Техничко-правовой отдел, в частности, «превратился в орган по обслуживанию отдельных групп изобретателей, в числе которых значительное количество составляют изобретатели профессионалы...» [37, л. 3]. По результатам проверки отдел науки, научно-технических изобретений и открытий ЦК ВКП(б) сделал заявление: «Вопрос о дальнейшей работе и жизни общества будет решаться ЦК ВКП(б)» [38, л. 69].

В связи с тем, что состояние работы ВОИЗ не изменилось, 7 марта 1938 г. Президиум ВЦСПС после долгих обсуждений принял решение о ликвидации Всесоюзного общества изобретателей и полной передаче его функций профсоюзам. 22 апреля 1938 г. СНК СССР своим постановлением утвердил это решение.

При центральных, краевых и областных комитетах профсоюзов создавались отделы массово-производственной работы и рабочего изобретательства [15, с. 6]. Однако профсоюзы в своей работе стали повторять ошибки, допускаемые ранее организациями ВОИЗ. Более того, ликвидация ВОИЗ нанесла движению новаторов производства ощутимый ущерб. Об этом свидетельствуют конкретные цифры. Например, на ленинградском Кировском заводе до ликвидации ВОИЗ ежемесячно поступало от 464 до 482 предложений, внедрялось – 147 – 189. После ликвидации общества и передачи дел производственному сектору завкома в 1938 г. поступало 175 – 180 предложений в месяц, реализовывалось – от 92 до 117 [16]. То же самое наблюдалось и на многих других предприятиях.

Отсутствие массовой общественной организации изобретателей-рационализаторов отрицательно сказалось на движении новаторов производства, затруднило решение многих вопросов технического творчества, касавшихся, в частности, технической учебы новаторов, обмена передовым опытом, оказания новаторам квалифицированной консультации, помощи при разработке и внедрении изобретений и рационализаторских предложений.

Литература

1. Алексеев, Г. М. История отечественного изобретательства (1917 – 1991) / Г. М. Алексеев. – М.: Известия, 2004. – 136 с.
2. Гельбрас, А. Фабрично-заводское изобретательство / А. Гельбрас. – М.; Л.: Госиздат, 1930. – 60 с.
3. Дзержинский, Ф. Э. Избранные произведения: в 2 т. – Т. 2 / Ф. Э. Дзержинский. – М.: Политиздат, 1977. – 414 с.
4. Изобретатель. – 1930. – № 5. Бюллетень.
5. Изобретатель. – 1932. – № 2.
6. Изобретатель. – 1933. – № 6.
7. Изобретатель. – 1934. – № 1.
8. Изобретатель. – 1934. – № 3.
9. Изобретатель. – 1934. – № 5.
10. Изобретатель. – 1936. – № 1.
11. Изобретатель. – 1936. – № 12.
12. Изобретатель. – 1937. – № 1.
13. Изобретатель. – 1937. – № 6.
14. Изобретатель. – 1937. – № 9.
15. Изобретатель. – 1938. – № 5.
16. Кировец. – 1938. – 15 октября.
17. Комсомольская правда. – 1928. – 13 июля.
18. Комсомольская правда. – 1929. – 29 июня.
19. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: в 14 т. – Т. 4. – М.: Политиздат, 1970. – 582 с.
20. Петухов, М. И. Практические задачи Общества Изобретателей / М. И. Петухов. – Л.; М.: Изд. НКТП, 1933. – 81 с.
21. Правда. – 1928. – 18 января.
22. Правда. – 1933. – 9 мая.
23. Правда. – 1937. – 12 апреля.
24. Профсоюзы СССР. – 1939. – № 8/9.
25. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: в 16 т. – Т. 2. – М.: Политиздат, 1967. – 798 с.
26. Смирнов, А. Изобретательство в СССР и за границей / А. Смирнов, А. Запольский. – М.; Л.: Техника управления, 1931. – 167 с.
27. Советская Украина. – 1938. – 27 января.
28. XVI съезд ВКП(б). Стенографический отчет. – М.; Л.: Госиздат, 1930. – 781 с.
29. ГАРФ. Ф. 374. Оп. 1. Д. 462.
30. ГАРФ. Ф. 374. Оп. 15. Д. 1241.
31. ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 13. Д. 333.
32. ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 14. Д. 315.
33. ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 15. Д. 242.
34. ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 16. Д. 509.
35. ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 17. Д. 9.
36. ГАРФ. Ф. 7752. Оп. 1. Д. 76.
37. ГАРФ. Ф. 7752. Оп. 1. Д. 78.
38. ГАРФ. Ф. 7752. Оп. 1. Д. 79.
39. ГАРФ. Ф. 7752. Оп. 1. Д. 171.
40. ГАРФ. Ф. 7752. Оп. 1. Д. 214.
41. ГАРФ. Ф. 7752. Оп. 1. Д. 215.
42. ГАРФ. Ф. 7752. Оп. 1. Д. 288.
43. ГАРФ. Ф. 7752. Оп. 1. Д. 293.
44. ГАРФ. Ф. 7752. Оп. 1. Д. 521.
45. ГАРФ. Ф. 7752. Оп. 1. Д. 545.
46. ГАРФ. Ф. 7752. Оп. 1. Д. 548.
47. ГАРФ. Ф. 7752. Оп. 1. Д. 604.
48. РГАЭ. Ф. 7996. Оп. 1. Д. 20.

Информация об авторе:

Барышева Наталья Робертовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии, политических отношений и права КузГТУ, n_barisheva@mail.ru.

Natalia R. Barysheva – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Sociology, Political Relations and Law, Kuzbass State Technical University.

Статья поступила в редколлегию 17.10.2013 г.

РАЗВИТИЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРБИТРАЖА
КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1950-е – НАЧАЛЕ 1960-Х ГГ.

Д. В. Воронин

DEVELOPMENT OF STATE ARBITRATION BODIES IN KEMEROVO REGION
IN THE 1950s – EARLY 1960s

D. V. Voronin

В статье анализируется процесс развития государственного арбитража Кемеровской области в 1950-х – начале 1960-х гг. Автором на основе архивных материалов рассматриваются меры, предпринимавшиеся по совершенствованию его деятельности. Отмечаются значительные сложности в работе арбитража, вызванные невысокой юридической квалификацией представителей сторон, трудными условиями, в которых трудились сотрудники арбитража.

The paper analyses the development of Kemerovo region state arbitration bodies in the 1950s and the early 1960s. The author exploits archive materials and investigates into the measures taken to improve the work of these bodies. The paper points out substantial difficulties in the work of the arbitration bodies caused by low legal competence of the parties and harsh conditions that the arbitration specialists had to work under.

Ключевые слова: Госарбитраж, Совет Министров СССР, претензии, сигнализации, облисполком.

Keywords: State Arbitration System, USSR Ministers Council, legal claims, signaling system.

С начала 1950-х годов в Кузбассе расширялась география угледобычи, строились новые шахты и разрезы, начал осваиваться богатый коксующимися углями Томь-Усинский угольный район. В Новокузнецке строился Западно-Сибирский металлургический комбинат. Рост количества предприятий усложнял связи между ними, что стало особенно заметно после учреждения советов народного хозяйства.

Органы государственного арбитража не были готовы адекватно реагировать на изменение экономической ситуации. В начале 1950-х годов государственный арбитраж при Кемеровском облисполкоме работал в напряженном ритме, не справляясь с растущим потоком исков. В январе 1953 г. еще не были рассмотрены жалобы, поступившие в марте 1952 г. 8 января 1953 г. Облисполком признал работу арбитража неудовлетворительной и освободил главного арбитра Н. А. Тимонова от занимаемой должности [1, л. 119]. На его место был назначен главный арбитр Ефремов. Арбитры обратили внимание Облисполкома на то, что для нормальной работы не хватало самого необходимого. Для улучшения работы арбитража было выделено дополнительно к смете 5 тыс. руб. на хозяйственные расходы, 4 тыс. руб. – на пишущую машинку, бумагу, была выделена третья комната [1, л. 119]. В результате принятых мер удалось добиться, чтобы исковое заявление передавалось арбитру на следующий день после поступления, а дело назначалось через 2 – 3 дня, вовремя рассылались повестки.

Значительные сложности в работе арбитража создавала невысокая квалификация представителей сторон. В 1950-е годы поступающие материалы оценивались арбитрами как «крайне низкого качества». Около 1000 жалоб в год арбитраж возвращал по неподсудности, из-за отсутствия в тексте иска претензий, неоплаты госпошлины, пропуска срока исковой давности, а часто и как «неудобочитаемые и неразборчивые» [1, л. 120]. Хозяйственники, в большинстве своем практики, слабо ориентировались в процессуальных нор-

мах. Грамотных юрисконсультов было мало, как правило, они обслуживали по 3 – 4 организации, нигде не успевали и отправляли в арбитраж сырые, недооформленные материалы. Это вело к отложению дел, на время пока стороны проводили сверку взаиморасчетов, представляли доказательственные данные и т. п. [1, л. 123]. В этих условиях арбитры настаивали на присутствии при разбирательстве руководителей или их заместителей.

Анализируя в 1953 г. деятельность подчиненных и арбитража в целом, главный арбитр М. С. Быков оценивал «общее качество решений» как «вполне удовлетворительное». «В большинстве случаев решения по существу являются правильными, – писал М. С. Быков. – Однако редакция решений ещё во многих случаях является недостаточно четкой. В мотивах отказов по искам зачастую отсутствуют ссылки на те или иные положения, пункты договора, основные условия и т. п. Сущность спора не всегда излагается четко и ясно. Недостаточно ясно и четко излагаются мнения представителей». Стороны обжаловали 1,5 % решений. Отменялось или изменялось около 1 % решений в основном по причине представления дополнительных доказательств [1, л. 125].

В 1953 г. штат Кемеровского областного арбитража состоял из девяти единиц. Главный арбитр (оклад 790 руб.), три государственных арбитра (оклад – 650 руб.), один старший консультант (740 руб.), два консультанта (500 руб.), секретарь (325 руб.), машинистка (310 руб.), бухгалтер на 0,5 ставки (200 руб.). Все сотрудники были «загружены до возможных пределов» [1, л. 127]. Одна машинистка обслуживала весь арбитраж.

Кемеровский госарбитраж официально соревновался с госарбитражем при Новосибирском облисполкоме, однако, условий и результатов соревнования в архивах того и другого арбитражей нам выявить не удалось.

Постановлением Совета Министров СССР от 15 марта 1953 г. № 768 «О Государственном арбитраже» Государственный арбитраж был передан в состав Министерства юстиции СССР. Через год постановлением Совета Министров СССР от 10 июня 1954 г. № 1153 «О Государственном арбитраже при Совете Министров СССР» Государственный арбитраж был выделен из Министерства юстиции СССР и подчинен непосредственно Совету Министров СССР. С этого момента систему государственного арбитража составляли: Государственный арбитраж при Совете Министров СССР; государственные арбитражи при советах министров союзных и автономных республик; государственные арбитражи при исполкомах краевых, областных, городских (в Москве, Ленинграде и Киеве) Советов народных депутатов.

Новый статус не внес существенных изменений в организацию работы Кемеровского государственного арбитража, который в середине 1950-х годов располагался в трех комнатах по 12 кв. м., не имея даже комнаты для заседаний. Штат арбитража состоял из шести человек. Главный арбитр М. С. Быков получал уже 1185 руб., государственный арбитр (2 штатные единицы) по прежнему – 650 руб. Кроме того, в штат входили старший консультант, секретарь и машинистка [1, л. 56]. Надзор за решениями арбитража осуществлял один из заместителей председателя Облсполкома, как показывала практика, не имевший для этого достаточной квалификации. В 1950-е годы Кемеровский арбитраж не проводил обобщений по актуальным категориям дел, по качеству принимаемых решений. Мало поступало инструкций, методической литературы. Для разъяснения нового хозяйственного законодательства и нормативных документов арбитража главный арбитр обращался в ГА РСФСР с предложением созвать совещание главных арбитров [1, л. 57].

Главная задача арбитража в новом статусе была определена через пять лет после подчинения непосредственно Совету Министров постановлением Совета Министров СССР от 23 июля 1959 г. № 824 «Об улучшении работы Государственного арбитража» как активное воздействие на предприятия, организации и учреждения в деле улучшения их работы, выполнения хозяйственных планов и укрепления хозяйственного расчета [3, ст. 105].

Совет Министров СССР осудил практику уклонения предприятий и организаций от добровольного удовлетворения бесспорных требований. Для того, чтобы не допустить перегруза арбитража необоснованными спорами, предусматривался обязательный претензионный порядок разрешения спора путем его урегулирования самими сторонами до предъявления иска [3, ст. 105]. Совет Министров СССР обязал руководителей предприятий и организаций обеспечивать быстрое рассмотрение претензий, удовлетворять обоснованные требования и мотивированно отклонять необоснованные.

Кемеровский госарбитраж вел активную переписку с предприятиями и организациями – поставщиками и потребителями продукции кузбасских предприятий по всему СССР. Претензии на качество и поставки вагонеток киселевского завода «Гормаш» предъявля-

ли в Казахстане. Магнитогорский металлургический комбинат жаловался на недогрузку угля объединением «Кузбассуглеобогащение» [2, л. 15]. Значительные претензии смежников были к Кузнецкому металлургическому комбинату, который не удовлетворял обоснованные, что подтверждалось решениями арбитража, претензии истцов. При этом арбитраж учитывал общегосударственный интерес, считая, что «такая порочная практика не только не совместима с принципами социалистических отношений между государственными предприятиями, но и приводила к излишним расходам по госпошлине». Действительно, расходы комбината только на пошлины составляли более 1000 рублей ежегодно [2, л. 59]. Арбитраж сообщал в министерство, КМК был вынужден соглашаться с замечаниями.

Во второй половине 1950-х гг. серьезной проблемой стало нарушение графиков поставок продукции. 24 апреля 1958 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «Об ответственности за невыполнение планов и заданий по поставке продукции».

Преддоговорные споры между предприятиями о ценах разбирались реже, чем споры о своевременности оплаты, поставках и качестве. Однако именно здесь арбитраж учитывал экономическую целесообразность принимаемого решения. Так разрешались преддоговорные споры между ЗАПСИБом (поставщик) и Западно-Сибирской ТЭЦ (потребитель) о цене на коксовый и доменный газ [2, л. 184]. В 1958 г. КЭМЗ недопоставил 15 заводам-потребителям более 1000 электродвигателей на 2,5 млн руб. [2, л. 140]. С завода было взыскано почти 100 тыс. рублей санкций. Аналогичная ситуация складывалась на Прокопьевском электромеханическом заводе «Электромашина». За срыв поставок предприятие уплачивало штрафы до 80 тыс. руб. в год [2, л. 148]. Машиностроительные предприятия лихорадило, арбитраж, разбирая споры, не всегда сообщал итоги в вышестоящие органы.

Самой большой системной проблемой была проблема грузоперевозок. Стороны в арбитраже, как правило, обвиняли друг друга в злоупотреблениях [2, л. 295]. Арбитры нередко констатировали, что по накладным нельзя определить, «каким образом определялся вес груза и кем» [2, л. 298].

На рубеже 1950 – 1960-х гг. в госарбитражах регионов Западной Сибири рассматривалось большое количество исков по недостаткам и недопоставкам продукции, особенно леса и угля. Типичные иски: трест «Осинникиуголь» получил 250 куб. м. леса при отправке 337 куб. м., в 1960 г. покупатели по трем шахтам «Шестаки», «Сигнал» и «Лапичевская» недополучили более 3 тыс. т. угля, что арбитраж объяснял плохо организованной приемкой на предприятиях. Потребители обращались в арбитраж с просьбами о воздействии на угольные тресты по вопросам поставок [2, л. 63, 79, 85]. Десятки лет поставщики недогружали в вагон 5 – 10 тонн, покупатели предъявляли претензии, арбитраж сигнализировал, но ничего не менялось.

Стремясь к выполнению плана по валовым показателям, руководители предприятий уделяли мало внимания вопросам соблюдения сроков поставок своей продукции, качества, себестоимости. Руководители

практически не занимались преддоговорной работой, поручая её, как справедливо отмечал кемеровский госарбитраж, «второстепенным лицам, что порождало волокиту и необоснованные обращения в арбитраж» [2, л. 223]. Когда возникал хозяйственный спор, руководители зачастую не предоставляли в арбитраж документы и обоснования. Арбитраж, в свою очередь, вынужден был констатировать, что «оснований для доведения дела до арбитража не вызывалось действительной в том необходимости, а обусловлено неправильными, сутяжническими действиями должностных лиц» [2, л. 180]. Сутяжничество можно было избежать, если бы значительная часть споров разрешалась в претензионном порядке, до обращения в арбитраж.

11 сентября 1958 г. в специальном письме Государственный арбитраж РСФСР подверг критике арбитражи краев и областей, медленно и несвоевременно сообщавших о фактах невыполнения планов и графиков поставок. Сообщения в адреса комиссии советского контроля, профильных министерств, прокуратуры должны были готовиться в недельный срок со дня рассмотрения дела [2, л. 158 – 159]. Арбитражи, считая «сигнализационную работу» по фактам срыва поставок не главной своей задачей, рекомендовали предприятиям не загружать арбитраж спорами между собой, а решать проблемы в претензионном порядке [2, л. 151]. Часть претензий по качеству продукции арбитраж рекомендовал решать путем устранения дефектов получателем груза на своей базе за счет поставщика, что обходилось дешевле поставки, претензии, арбитражного производства, возврата, ремонта, повторной поставки. Такая практика вынужденно применялась в годы Великой Отечественной войны, когда, в частности, Кемеровский «Карболит» поставлял на Омский завод «Красный Профинтерн» бракованные втулки, которые омиачи, чтобы не останавливать оборонное производство, «доводили» сами. В конце 1950-х гг. тот же подход был рекомендован покупателям кемеровских электродвигателей [2, л. 163]. Предложенный арбитражем метод «доведения» продукции до необходимых требований стандарта самим покупателем, широко применялся в народной практике «улучшения», производимых в Кузбассе товаров народного потребления.

Сложность соподчинения хозяйствующих субъектов и усложнение характера взаимоотношений между ними неизбежно вели к усилению государственного регулирующего воздействия по всем направлениям, в том числе и через государственный арбитраж. Инструктивным письмом Государственного арбитража при Совете Министров СССР от 4 октября 1958 г. был установлен порядок возбуждения производства дел по инициативе государственного арбитра без ограничения категорий дел. Основанием для возбуждения дела могли быть материалы от сторон рассматриваемого спора, так и другие источники-сообщения в газетах и т. п. Таким образом, государственный арбитраж, приобретая некоторые полномочия прокуратуры, должен был проявлять инициативу в борьбе с недостатками в хозяйственной деятельности.

В начале 1960-х гг. розничные торгующие организации Кемеровской области категорически отказывались закупать швейные изделия Кемеровской

швейной фабрики «по причине их некачественности» [2, л. 320]. В 1963 г. Кемеровская швейная фабрика отчиталась перед областным госарбитражем по улучшению качества продукции. На предприятии было установлено новое оборудование, проводились конференции покупателей, регулярно заполнялись фотовитрины бракоделов, однако, как констатировал арбитраж, «качество оставалось на низком уровне». В числе основных причин называлось отсутствие нормального снабжения. Кроме того, вышестоящие организации постоянно меняли фабрике номенклатуру изделий. Не имея четкой специализации, на предприятии переводили цехи с одной продукции на другую. Увеличение количества моделей, как констатировал арбитраж, «в некоторой степени превзошли свои возможности по силам производства и конструкторов». Особенно плохая репутация сложилась у моделей, разработанных Кемеровским домом моделей [2, л. 311 – 312]. В 1966 г. Кемеровский областной арбитраж в очередной раз проверил качество швейных изделий Прокопьевской фабрики № 6 и Ленинск-Кузнецкой фабрики «Восход». По результатам проверки были проведены семинары с мастерами, снято с производства 37 и принято – 247 новых моделей [2, л. 349 – 360].

Все это свидетельствовало о том, что арбитраж в своей деятельности фактически подменял как планирующие органы, так и министерства, которые должны были решать вопросы, стоящие перед подведомственными им предприятиями.

Таким образом, госарбитраж выполнял две основные функции – контрольно-предупредительную и разрешения споров. Причем первая, дополненная аналитической работой, выработкой конкретных рекомендаций предприятиям, постепенно начинала преобладать. Выявить причины плохой работы предприятия или отрасли, вскрыть недостатки или злоупотребления и устранить их было важнее, нежели взыскивать штрафы, платившиеся из государственного бюджета в государственный бюджет. Государственные арбитры, в отличие от многих хозяйственных руководителей, осознавали ненормальность существующего положения. Последним же оно позволяло прикрыть бесхозяйственность и некомпетентность.

Между тем в специальной литературе не прекращалась, начатая ещё в 1920-е гг., дискуссия о судебной природе арбитража, возможности и преимуществах его трансформации в хозяйственный суд. При подготовке реформ управления народным хозяйством на рубеже 1950 – 1960-х гг. в кругу специалистов обсуждались преимущества судебного порядка разрешения хозяйственных споров. Аналогичные предложения поступали и в ходе попытки хозяйственных реформ середины 1960-х гг. Практика показывала, что предложения о придании арбитражу статуса суда усиливались в периоды экономических реформ, совершенствования управления экономикой страны, усиления экономических рычагов, попыток изменения административных методов руководства. Все это настоятельно требовало внесения определенных корректив в законодательство, принятия новых нормативных актов, разработки неотложных проблем в теории права, связанных с обновлением законодательства.

На практике Кемеровский арбитраж, как и в целом Госарбитраж, продолжал оставаться лишь «сигнальщиком». Поэтому многолетние обобщения по нарушениям сроков и ассортимента поставок, припискам, недостачам и хищениям, незавершенному строительству и бракованной продукции и других

недостатков социалистической экономики не могли сколько-нибудь эффективно способствовать их устранению. В конце 1950-х, как и в начале 1930-х годов, вновь встал вопрос о возможности принятия специального закона по арбитражу.

Литература

1. Государственное казенное учреждение Кемеровской области Государственный архив Кемеровской области (ГКУ КО ГАКО) Ф. р-255. Оп. 1. Д. 1.
2. Государственное казенное учреждение Кемеровской области Государственный архив Кемеровской области (ГКУ КО ГАКО) Ф. р-255. Оп. 1. Д. 2.
3. Сборник постановлений СССР. – 1959. – № 11.

Информация об авторе:

Воронин Дмитрий Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и исторического краеведения исторического факультета ТГУ, 8-983-340-74-00, voronin-tsu@yandex.ru.

Dmitriy V. Voronin – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Archaeology and Historical Regional Studies, National Research Tomsk State University.

Статья поступила в редколлегию 12.03.2014 г.

УДК 329. 15; 331. 214:94 (517. 16) «1920-1925»

ЗАРПЛАТА СОТРУДНИКОВ ПАРТИЙНОГО АППАРАТА ТОМСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РКП(б): 1920 – 1925 гг.

В. Н. Гузаров

SALARY OF THE PARTY STAFF IN TOMSK GUBERNIA ORGANIZATION OF THE RUSSIAN COMMUNIST PARTY (of Bolsheviks): 1920 – 1925

V. N. Guzarov

Статья посвящена выявлению динамики заработной платы сотрудников партийного аппарата. В 1920 – 1923 гг. оклады секретарей губернского и районного уровня были подвержены резким колебаниям вследствие падения курса рубля. Натурализация заработной платы позволяла компенсировать потери от инфляции. В 1922 – 1923 гг. Центральный комитет РКП(б) ограничивал денежную часть зарплаты секретарей местных организаций. В 1924 г., в результате стабилизации финансового положения страны, ЦК РКП(б) разрешил надбавки к окладам сотрудников партийного аппарата. Размер денежного вознаграждения партийных работников напрямую зависел от занимаемой должности. Уровень оплаты губернских секретарей был на порядок выше районных.

In 1920 – 1923 years salaries of the party apparatus were not stable due to the devaluation of the ruble. Naturalization of the salary allowed to compensate for inflation. In 1922 – 1923 the Central Committee of the RCP (b) restricted the monetary part of the salaries of secretaries at the provincial and district levels. In 1924, the financial situation stabilized, and party officials were allowed to receive supplements to salaries. The amount of money depended on their position in the party hierarchy. Secretaries of the provincial committee received much bigger salary than in district and township ones.

Ключевые слова: партийный аппарат, Томский губком РКП(б), заработная плата, разряд, основной оклад, надбавка, советский денежный знак, товарный рубль, золотой рубль.

Keywords: salary, rank, basic salary, salary increments, soviet money, trade ruble, gold ruble.

В советской историографии второй половины XX века недостаточно акцентировалось внимание на проблемах партийного аппарата. Если структура аппарата и его штаты все же частично освещались в отдельных публикациях, то этого нельзя сказать о зарплате номенклатуры. Первый шаг в решении интересующей нас проблемы на материалах Сибирского региона предпринял Г. Л. Олех [5], проследивший изменения тарифной сетки оплаты труда руководящих кадров в 1920 – 1922 гг. Он указал месячный ок-

лад секретаря уездного комитета партии в ноябре 1922 г. и секретаря райкома в октябре 1923 года. Приведены сравнения зарплат партийных секретарей и шахтеров. В статье упоминаются дополнительные вознаграждения номенклатуры в виде специальных пайков, вещевого довольствия, пособий на лечение. К сожалению, примеры таких доплат не даны. Подобная публикация Л. Н. Лютова основана на материалах Симбирской губернии [4]. Автором приведены интересные данные не только по зарплате, но и по различ-

ным доплатам, пайкам, коммунальным льготам. Аналогичные статьи опубликованы Н. И. Бубличенко [2] по Башкирии и Е. П. Антоновым [1] по Якутии. При этом Е. П. Антонов повторил ошибку Г. Л. Олеха, приписав установление 17-ти разрядной тарифной сетки XI Всероссийской партийной конференции. Денежная реформа 1924 г. отменила расчеты в товарных рублях. Однако Е. П. Антонов пытался утверждать обратное. Первым обобщающим трудом, посвященным политике государства в области заработной платы, стала монография А. А. Ильюхова [3].

В отличие от своих предшественников, автор проследил динамику зарплаты не только рабочих, но и служащих, к которым А. А. Ильюхов отнес и руководящих партийных работников. Однако уровень их денежного вознаграждения так и не стал предметом специального рассмотрения. Сегодня можно утверждать, что проблема денежного жалования и льгот партийной номенклатуры двадцатых годов прошлого века остается слабо изученной. Ликвидация этого пробела позволит конкретизировать наши представления об аппарате РКП(б) и его роли в построении нового общества.

Фонды Центра документации новейшей истории Томской области хранят отчеты, сводки различных отделов парткомов, ведомости на получение зарплаты, распоряжения советских исполнительных органов о выделении одежды, обуви, предоставлении коммунальных льгот. Совокупность этих документов позволяет достаточно полно восстановить реальный уровень заработной платы сотрудников партийного аппарата.

В январе 1920 г., после изгнания колчаковской армии, в Томске была восстановлена советская власть. Началось формирование партийного аппарата коммунистической партии. Первые сведения об окладах партийных руководителей относятся к февралю 1920 г.

Данные таблицы показывают, что руководители губернского комитета как более высокопоставленные сотрудники имели оклады наполовину больше так называемых технических работников.

Надежными помощниками партийных работников были комсомольцы. К середине 1920 г. заведующие отделами губернского комитета комсомола получали оклады по 4440 руб. в месяц, а канцеляристы – 1260 – 1560 рублей [8, л. 3].

Таблица 1

Оклады сотрудников Томского губернского комитета РКП(б) в феврале 1920 г. (в рублях) [7, л. 1]

<i>Фамилия</i>	<i>Должность</i>	<i>Месячный оклад</i>
Озол К. А.	председатель парткома	2160
Веженков П.	член комитета	2160
Екишев Т. Д.	член комитета	2160
Кириллов А. П.	член комитета, секретарь	2160
Данкевич И. В.	заведующий курсами	1680
Колон Ксения	делопроизводитель	1440
Ботоев К. Б.	помощник секретаря	1380
Никифоров Д. Д.	Канторщик	1212
Душкина Р. В.	библиотекарь	1164
Карлович М. М.	библиотекарь	1164
Колон Клавдия	машинистка	1068
Дикаль И.	кочегар	нет сведений
Шкилтер Ф.	рассылная	924

Нам не удалось обнаружить данные об окладах партийных секретарей, относящихся к середине 1920 г., однако можно предположить, что они не могли быть ниже окладов комсомольских секретарей. Более высокая оплата комсомольских секретарей в сравнении с партийными объясняется также ростом инфляции за полгода. Курс рубля стремительно падал. Уже через год, в июле 1921 г. технические сотрудники губкома РКП(б) получали на руки от 32 до 35 тыс. рублей в месяц. В итоге их номинальный оклад, по сравнению с февралем 1920 г., вырос в 27 раз. Однако высокий уровень инфляции превращал денежные оклады в фикцию. Первоначально выход из этого положения был найден в виде выплаты премий. Размер премиальных в 24 раза превышал оклад сотрудника. Дальнейший рост инфляции вынудил парт-

комы перейти к политике натурализации заработной платы.

Партийные комитеты снабжали своих сотрудников не только деньгами, но и продуктами. С мая 1920 г. руководители губернского бюро РКП(б) Верховуров Пантелемон Александрович, Озол Карл Андреевич, Сафронова Александра Николаевна и другие получали в кредит обеды и чай. К августу 1920 г. секретари губернского комитета РКП(б) были зачислены на усиленный паек, которым в январе 1921 г. снабжали 31 товарища, а в октябре – только 25, что составляло около половины руководящих работников губернского комитета РКП(б). В среднем на одного сотрудника губкома приходилось в месяц: 47 тыс. рублей, 11 кг. муки, 0,6 кг. масла, 2,7 коробок спичек. В январе 1922 г. на всех работников партийного аппарата губернского, уездного и районного уровня выделя-

лось 190 пайков. Наибольшее количество пайков – 30 и более – приходилось на Щегловский, Кузнецкий и Мариинский уездные комитеты РКП(б). К январю 1922 г. минимальный размер пайка вырос и составлял: муки – 20 кг., мяса – 2,5 кг., сала – 285 гр., меду – 409 грамм [9, л. 26 – 27]. И в последующий период сохранялась практика, согласно которой принимаемый на службу в губернский комитет РКП(б) зачислялся на все виды довольствия, а увольняемый – снимался.

Помимо продуктов партийные секретари снабжались одеждой и обувью, купить которые в государственном магазине было нереально. В сентябре 1920 г. губком РКП(б) запросил для своих сотрудников в отделе распределения губернского исполнительного комитета Совета (губисполкома): мужской обуви 32 пары, женской – 24, детской – 7, простыней – 5, полотенец – 23, носовых платков – 33, носок – 31, чулок – 23, брюк – 29, белья мужского – 46, белья женского – 26 и т. д. [10, л. 349]. В ноябре 1921 г. среди сотрудников губернского, уездного и районного масштаба местная власть распределила 290 полушубков, 250 пар валенок и 300 шапок. Кроме того, в октябре 1920 г. ЦК РКП(б) выделил для партработников Томской губернии 800 пар обуви [11, л. 1].

На 1 июля 1923 г. губернский отдел коммунального хозяйства (губкомхоз) оплачивал коммунальные расходы 19 руководящих работников партийного аппарата. В 1924 г. сотрудники губернского комитета РКП(б) получали кредиты на приобретение мануфактуры и швейных изделий. В 1924 – 1925 хозяйственным году секретарей губкома бесплатно снабжали дровами для отопления квартир. В декабре 1925 г. коммунистическая фракция окружного исполкома понизила оплату коммунальных услуг работникам окружкома на 50 %. Эти меры увеличили реальную заработную плату сотрудников партийного аппарата.

В соответствии с партийной иерархией, жалование секретарей городских райкомов РКП(б) было на порядок ниже губернских. В июле 1921 г. секретари второго городского райкома Томска И. С. Пляпис, В. В. Летунов получали денежного содержания по 4200 руб. в месяц. Постоянное падение курса советского денежного знака (совзнака) вынуждало людей соотносить текущий курс рубля с довоенным, или так называемым товарным рублем. Разница между старыми и новыми деньгами была велика. Например, в марте 1922 г. секретарь Нарымского райкома РКП(б) получал по 14 разряду 32,2 товарных руб. или 8284800 в совзнаках [12, л. 78].

Высокий уровень инфляции, как следствие глубокого экономического кризиса охватившего страну, урезал зарплату бюджетников. Курсовые потери жалования в тот период составляли 20 – 30 % [6]. В августе 1922 г. месячный оклад секретарей Щегловского уездного комитета РКП(б) А. Г. Бабия, Я. Я. Зенса, М. В. Колесникова достиг 29400000 рублей [13, л. 19].

В 1922 г. Народный комиссариат финансов провел деноминацию советского денежного знака с уменьшением всех величин в 10 тыс. раз. В октябре 1922 г. правительство воссоздало Госбанк. В августе 1922 г. XII конференция РКП(б) приняла решение о срочном улучшении материального положения актив-

ных партийных работников. Каждый губернский комитет мог повысить зарплату не более чем семнадцати активистам. Секретари губернских комитетов были причислены к высшему 17-му разряду тарифной сетки наравне с членами ЦК РКП(б). Данные таблицы 2 дают представление о реальных денежных выплатах секретарям губкома РКП(б) в ноябре 1922 г.

Таблица 2
Ставки ответственных работников губкома РКП(б) за ноябрь 1922 г. (в рублях)
[14, л. 144 – 145]

Разряд	Основной оклад	Процент надбавки	Итого
17	26000	50	39000
16	24640	45	35728
15	22720	40	31808
14	20800	30	27040
13	19240	25	24050
12	18250	20	21900
11	16640	15	19136
10	15600	10	17160

В 1923 г. правительство провело вторую деноминацию с уменьшением стоимости рубля еще в сто раз. 100 рублей образца 1922 г. стали равны 1 рублю образца 1923 г. С учетом деноминации курса рубля в январе 1923 г. заведующий организационным отделом губернского комитета РКП(б) М. Д. Каменский получил 790 руб.; С. О. Челядин – 713 руб.; инструктор Н. А. Пономарев – 616 руб. В июне 1923 г. секретарю губернского комитета В. А. Строганову начислили 2325 рублей.

5 марта 1923 г. губком довел до сведения своих сотрудников постановление СНК о персональных пенсиях. Размер максимальной пенсии устанавливался в пределах двух тарифных ставок, а пособий – не выше троекратного размера назначаемой пенсии, или троекратного размера высшей тарифной ставки ответственного работника в Москве. Незначительные расходы на жилье увеличивали реальную заработную плату. У секретаря губернского комитета РКП(б) Василия Андреевича Строганова они составляли менее 7 % от получаемой зарплаты. За вторую половину 1923 – 1924 бюджетного года новый глава губернской партийной организации Василий Степанович Калашников внес подоходно-имущественного налога в сумме 15 рублей. Аналогичную сумму заплатили Л. Б. Денис, М. А. Вольфович и Э. Ф. Лагздин.

Высокие оклады хозяйственных и партийных руководителей вызывали недовольство трудящихся. 18 октября 1923 г. Сибирское бюро ЦК РКП(б) (Сиббюро) дало директиву проверить целесообразность назначенных персональных ставок. 5 ноября 1923 г. в Томске для выполнения этой директивы была создана специальная комиссия из представителей партийных и профсоюзных организаций. Однако материалов о ее деятельности в фондах Томского архива не сохранилось. 18 декабря 1923 г. Сиббюро ЦК РКП(б) установило максимальное жалование для руководителей производства в 200 червонных рублей в месяц. Ди-

ректор Яшкинского цементного завода получил в ноябре 1923 г. 150 товарных рублей [15, л. 218 – 219]. В ноябре 1923 г. секретарям Томского уездного комитета РКП(б) выдали по 48 руб., а секретарям волостных партийных комитетов по 20 – 27 руб.

Директива ЦК РКП(б) о денежной реформе от 7 марта 1924 г. предусматривала прекращение расчетов в товарных рублях и изъятие советских денежных знаков из обращения. Червонец заменялся стабильным купонным кредитным рублем. Один червонец приравнивался к 10 рублям золотом государственным или казначейскими билетами. Цены устанавливались в рублях – золотом, в копейках – серебром.

В марте 1924 г. Москва установила новый тариф для ответственных работников Томской губернии в размере 10 руб. по первому разряду при тарифной сетке 1:8. В результате оплата номенклатуры уездного звена существенно выросла. В апреле 1924 г. секретарь Томского уездного комитета РКП(б) А. Г. Бабий получал по 15 разряду 67 руб. оклада и 33,5 руб. надбавки.

Таким образом, надбавка к окладу ставки уездных секретарей 15 разряда превышала 33 %, а секретарей 12 разряда – только 20 %. 13 мая 1924 г. ЦК РКП(б) внес изменения в оплату труда ответственных работников губернских комитетов РКП(б). Надбавка к 17-му разряду их тарифной сетки повышалась до 50 %. Тем самым отменялось постановление XII конференции РКП(б) (август 1922 г.) о запрещении надбавок к ставкам 17 разряда. Сумма всех отчислений с зарплаты губернского секретаря, в том числе партий-

ные и профсоюзные членские взносы – не должны были превышать 6 % заработка. 9 августа 1924 г. заседание президиума Томского губернского комитета РКП(б) утвердило новые ставки окладов сотрудников партийного аппарата.

Месячное жалование секретарей губкома РКП(б) с августа 1924 по июнь 1925 гг. составляло от 80 до 120 руб. Во втором полугодии 1925 г. оно несколько увеличилось.

Ставки номенклатуры были строго дифференцированы. Жалование работников районного масштаба 14 разряда составляло от 37 до 74 рублей.

Объективная оценка уровня зарплаты партийных секретарей предполагает ее сравнение с другими категориями населения, и прежде всего с рабочим классом, от имени которого выступала РКП(б).

Данные таблицы 4 показывают, что зарплата секретарей губернского комитета РКП(б), за исключением 1922 и 1925 гг., была почти в 8 – 10 раз больше, чем у рабочих. До конца 1923 г. зарплата партийных руководителей оставалась крайне нестабильной вследствие падения курса советского денежного знака. Реальная заработная плата определялась покупательной способностью рубля. Финансовая реформа 1924 г. стабилизировала цены. Представление о масштабе цен в то время дает таблица 5.

Получается, что в конце 1925 г. секретарь губернского комитета РКП(б) мог купить на одну зарплату 4 пары ботинок, около 130 кг. мяса и более 50 метров ситца.

Таблица 3

Месячная зарплата с надбавкой сотрудников губкома РКП(б) к концу 1925 г. (в рублях) [16, л. 64]

Фамилия	Должность	Месячный заработок
Калашников В. С.	Секретарь	144
Проскуряков С. А.	заведующий орготделом	144
Цехер А. А.	заведующий агитотделом	144
Гозенпуд И. И.	заместитель заведующего агитотделом	112
Иванова	заведующий отделом работниц	112
Романов А. А.	заведующий счетно-финансовым подотделом	96,72
Зенс Я. Я.	следователь контрольной комиссии	96,32
Гаврилов	Лектор	72
Мануйлов Д. Д.	заместитель заведующего Истпартом	62

Таблица 4

Уровни месячной денежной зарплаты партийных секретарей и рабочих в 1921 – 1925 гг. (в рублях)

Месяц, год	Месячная зарплата		
	секретарей губкома	секретарей уездных и районных комитетов	средняя зарплата рабочего
11.1921	нет сведений	4200	1200
05.1922	нет сведений	1177	1750
09.1922	39000	16734	4800
09.1923	790	нет сведений	1565
10.1923	нет сведений	48	22 – 31
03.1924	120	100,5	12
07.1924	120	67	12
01.1925	120	нет сведений	28-33
10.1925	144	74,4	38 – 40

Рыночные цены в Томской губернии в 1920 – 1925 гг. (в рублях)

Дата	Мука ржаная за 1 кг.	Мясо за 1кг.	Ситец за метр	Сапоги
01.1920 г.	4,76	15,86	нет данных	нет данных
08.1921 г.	8437	9768	21126	190000
1922 г.	108508	87912	нет данных	нет данных
12.1923 г.	21,8	нет данных	нет данных	нет данных
11.1924 г.	0,04	0,39	0,4	нет данных
01.1925 г.	нет данных	0,29	0,7	10,5

Итак, секретари Томского губернского комитета правящей партии входили в число высокопоставленных руководителей, персонально подбираемых аппаратом ЦК РКП(б). Естественно, их зарплата превышала заработок уездных и районных секретарей, но была ниже, чем у директора крупного завода, расположенного на территории губернии. Если хозяйственники широко использовали персональные ставки для оплаты квалифицированных управленцев, то ЦК

РКП(б) до 1924 г. ограничивал денежную часть зарплаты секретарей губернского и районного уровня. Падение курса рубля компенсировалось натурализацией заработной платы. Стабилизация денежного обращения и ликвидация ограничений по надбавкам существенно улучшили материальное положение партийных секретарей, стимулировали их политическую активность.

Литература

1. Антонов, Е. А. Материальное положение партноменклатуры Якутии в 1920 – 1930-е годы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, Филология. – 2009. – Т. 8. – Вып. 1: История. С. 147 – 150.
2. Бубличенко, Н. И. «Спецснабжение» партноменклатуры Башкирской АССР в период нэпа // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. – № 106. – С. 28 – 36.
3. Ильюхов, А. А. Как платили большевики: Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917 – 1941 гг. – М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2010. – 415 с.
4. Лютов, Л. Н. Система привилегий членов правящей партии в 1921 – 1923 годах // Вопросы истории. – 2006. – № 10. – С. 98 – 107.
5. Олех, Г. Л. К вопросу о денежном содержании чиновников РКП(б) в начале 1920-х гг. По материалам сибирских архивов // Сибирская заимка. – 1999. – Режим доступа: <http://zaimka.ru/pover/olekh2.shtml>
6. Правда. – 1924. – 7 марта.
7. Центр документации новейшей истории Томской области – (далее – ЦДНИТО). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 5.
8. ЦДНИТО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 246.
9. ЦДНИТО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 184.
10. ЦДНИТО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 164.
11. ЦДНИТО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 253.
12. ЦДНИТО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 262.
13. ЦДНИТО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 267.
14. ЦДНИТО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 264.
15. ЦДНИТО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 105.
16. ЦДНИТО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 244.

Информация об авторе:

Гузаров Владимир Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и регионоведения Национального исследовательского Томского политехнического университета, 8-913-816-84-05, vladimirguzarov@mail.ru.

Vladimir N. Guzarov – Candidate of History, National Research Tomsk Polytechnic University.

Статья поступила в редколлегию 26.02.2014 г.

**СОЗДАНИЕ МЕМОРИАЛОВ НА БРАТСКИХ МОГИЛАХ «ЖЕРТВ КОЛЧАКОВЩИНЫ»
В НОВОСИБИРСКЕ И ТОМСКЕ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЗАКАЗ
И ДИАЛОГ С ТРАДИЦИЕЙ (1920 – 1930-е гг.)**

Е. И. Красильникова

**ERECTION OF MEMORIALS AT THE MASS GRAVES OF THE «KOLHCAK VICTIMS»
IN NOVOSIBIRSK AND TOMSK: POLITICAL ORDER AND DIALOGUE
WITH TRADITION (1920s – 1930s)**

E. I. Krasilnikova

Статья посвящена проблемам возведения мемориалов на братских могилах жертв Гражданской войны в Томске и Новосибирске 1920 – 1930-х гг. Цель статьи – описать основные этапы создания этих памятников и определить содержание политики памяти государства, отраженной в их символическом решении. В статье уделено внимание истории конкурсов проектов военно-революционных мемориалов в Новосибирске и Томске, дана интерпретация их символики, связанной с культурными традициями классицизма и романтизма. В методологическом отношении автор опирается на разработки, известные в западной науке как «memory studies». Сделан вывод о постепенном изменении идеологического значения этих монументов на протяжении межвоенного периода.

The paper is devoted to the erection of memorials at the mass graves of the Civil War victims in Tomsk and Novosibirsk in the 1920s – 1930s. The paper aims at describing the basic steps for creating these sites and determining the content of state memory policy, which was reflected in their symbolic decision. The paper paid attention to the history of revolution-military projects competitions in Novosibirsk and Tomsk; to the interpretation of their symbolism, associated with the cultural traditions of classicism and romanticism. Methodologically, the author relies on the theory, known in Western science as «memory studies». It is concluded, that the ideological values of these monuments gradually changed during the period between the Civil War and the Great Patriotic War.

Ключевые слова: памятник, мемориализация, коммеморация, политика памяти, Новосибирск, Томск.

Keywords: monument, memorialization, commemoration, memory politics, Novosibirsk, Tomsk.

Военно-революционные памятники относятся к сфере намеренной коммеморации, порождающей памятные знаки, которые позволяют судить о том, что именно хотела передать та или иная культура будущему – ближайшему и отдаленному. Для полноты анализа тенденций мемориализации того или иного исторического периода целесообразно обращать внимание не только на существующие памятники, но и на нереализованные проекты. Именно с этой позиции хотелось бы еще раз обратиться к истории военно-революционных мемориалов в Новосибирске (до 1926 г. Новониколаевск) и в Томске. Этим памятникам посвящено немало исследований [10; 19; 20 и др.], однако до сих пор история их создания изучена фрагментарно. Требуется уточнения идеологическое значение символики этих памятников, а также нереализованных проектов, которые отвергались конкурсными комиссиями не только из соображений дороговизны и сложности исполнения, но и по причине неточного отражения идеологии. Цель данной статьи – описать основные этапы создания этих памятников и определить содержание политики памяти государства, отраженной в символическом решении и пластических формах этих монументов.

Методологической опорой нашего исследования служат, прежде всего, труды виднейших специалистов в области так называемых «memory studies», получивших развитие в Западной Европе и США. Работы М. Хальбвакса [25], П. Нора [24], Д. Лоуэнталя [9] раскрывают сущность феномена коллективной исторической памяти и коммеморации. Пониманию спе-

цифики российских коммемораций способствуют также разработки отечественного культуролога А. В. Святославского [22]. Под коммеморацией мы понимаем сознательный акт передачи мировоззренчески значимой информации (или ее актуализации) путем увековечения определенных лиц и событий, то есть введения образов прошлого в пласт современной культуры [22, с. 4]. Особенности сохранения коллективной памяти посредством некрокультуры (сферы культуры общества, в которой закрепляется понимание сущности смерти в различных видах и формах воздействия на нее) поясняются в работах нижегородского исследователя А. А. Качемцевой [8, с. 278]. Мы также учитываем, что военно-революционные мемориалы создавались, прежде всего, по заказу государства, осуществлявшего собственную политику памяти с помощью различных средств. Под политикой памяти мы подразумеваем способы и сам процесс идеологизации прошлого, создания необходимых власти социальных представлений и национальных символов [21, с. 41].

Основными источниками нашего исследования послужили делопроизводственные документы томских архивов, газеты «Советская Сибирь» и «Красное знамя» 1920 – 1930-х гг., также в качестве вещественных источников мы рассматриваем сами мемориалы, существующие в Новосибирске и Томске до сих пор.

В 1920 г. местные органы власти располагали ограниченными денежными средствами, но задача мемориализации героев и жертв Гражданской войны воспринималась как первоочередная, поскольку

власть стремилась к «проработке прошлого» военно-революционных лет «по горячим следам». Считалось необходимым создать монументальные памятные знаки, которые выполняли бы функции аккумуляции и транслирования «правильной» версии коллективной памяти о военно-революционных событиях. Еще в 1918 г. В. И. Ленин разработал план монументальной пропаганды, основополагающим документом которого стал декрет Совета Народных Комиссаров «О памятниках республики». В соответствии с этой программой в 1919 г. на Марсовом поле в Петрограде был установлен памятник борцам за свободу, послуживший всей стране образцом для подражания.

В поисках художественных средств выражения политических идей деятели искусства в начале 20-х гг. обращались к образам, характерным для разных культурных эпох. При этом соблюдалась установка на отвержение православной традиции памяти и форм мемориальной культуры, присущей серебряному веку. Актуализировались же традиции классицизма и романтизма, ассоциировавшиеся с Французской буржуазной революцией и с Парижской коммуной.

По замыслу военно-революционные мемориалы должны были появиться на братских могилах «жертв колчаковщины», существовавших как в Томске, так и в Новосибирске. Эти могилы напоминали о последнем кровопролитном этапе войны и о «колчаковских зверствах». Конкурс проектов памятника для братской могилы в Новосибирске уже рассматривался омским историком В. Г. Рыженко [19, с. 184 – 191; 20, с. 198 – 213]. В Государственном архиве Новосибирской области этим историком был найден проект, составленный секцией ИЗО Томского отдела народного образования. Проект датирован 29-м апреля 1920 г. Сохранились пояснения к проекту, составленные его автором. Памятник на проектом изображении напоминает высокую стрелу, увенчанную пятиконечной звездой. Эта форма, тяготеющая к обелиску, ассоциируется с мемориальными формами классицизма, известными в России с XVIII в. Надгробные памятники эпохи раннего классицизма отражали добродетель добросовестного исполнения человеком гражданского или религиозного долга вплоть до кончины; настраивали на сдержанную и обезличенную скорбь, восприятие смерти без страха [1, с. 9]. Для надгробий эпохи классицизма была характерна имперсональная аллегоричность. Важно и восприятие времени в контексте культуры классицизма, которое, как считалось, одновременно убивает и увековечивает. Могила же становилась не просто святым местом, но местом, предназначенным для назиданий потомству, в том числе гражданского и политического значения. Форма памятника – столп (колонна), использовавшаяся и в мемориальном искусстве, в классической традиции означает триумф, победу и славу [3, с. 75 – 76]. Высота памятника впечатляет: он выше среднего роста человека более чем в тридцать раз. В пояснениях говорилось, что грандиозные масштабы памятника отвечают мировому масштабу революции. Для Новониколаевска, где самые высокие здания не превышали двух этажей, реализация этого проекта был невообразима. Его автор заявлял, что «отодвинутый ото всех зданий

и поставленный посередине площади в указанном на генеральном плане месте, он явится пунктом, вокруг которого будет развиваться новая пролетарская, общественная жизнь такого же масштаба, как и он сам». Лаконичность формы этого памятника была эстетически новой для сибирского городка. Предполагалось, что памятник не должен «заклучать ни надгробий, ни саркофагов, ни жалких тленных, обыкновенных реликвий об умерших, как то венков, лент, именных досок», а «должно развертывать мозаикой по стенам и полу ход Русской и Мировой Революции» [19, с. 184 – 186]. Русские православные надгробия, сохранившиеся на кладбищах имперского периода как в Москве, Санкт-Петербурге, так и в провинциальных городах, в определенной мере отражают индивидуальность усопшего. До революции могила рассматривалась обществом как место для молитвы и коллективных воспоминаний семьи, тесного круга друзей, коллег, почитателей умершего, а также мысленного или даже мистического общения с человеком, «отошедшим в мир иной» [27, с. 177 – 178]. Памятник, изображенный на этом проекте, был далек от такого представления о назначении надгробия, он мыслился как сугубо публичный, адресованный не близким людям усопших, а абстрактному человечеству. Прием изложения великих событий в виде мозаики на полу и на стенах издавна применялся в религиозном искусстве. Полы и стены византийских и ранних русских храмов украшала такая «библия для неграмотных» – священное писание, представленное в мозаичных картинках. Идея изложить революционные события подобным образом говорит о догматизме большевистской версии революции и Гражданской войны, о попытке использовать в идеологических целях хорошо известный народу прием кодирования и передачи «священной» информации. Памятник мыслился как важнейший, центральный элемент городского ландшафта коллективной памяти, видный отовсюду, постоянно напоминающий о великих событиях, но совершенно оторванный от локальных культурных традиций. Безусловно, замысел этого монумента был максималистским и невыполнимым на практике в Новониколаевске, охваченном хозяйственной разрухой.

В. Г. Рыженко обнаружила среди архивной документации и другой проект революционного монумента. Этот проект был разработан тоже в 1920 г. томскими художниками и озаглавлен «Нина» [19, с. 187 – 189]. Памятник отвечал эстетическим традициям позднего классицизма. Его сложная пирамидальная форма восходила к «жертвеннику» – типу надгробного памятника (вертикальный объем, в сечении близкий к квадрату, с прямыми, или суживающимися кверху боковыми гранями). Монумент представлял собой сравнительно небольшую четырехгранную пирамиду. Каждая грань снабжалась надписями и изображениями. На стороне А предполагалось изобразить «грудю тел замученных Борцов за свободу» и разместить надпись «Вы сеяли разумное доброе вечное, спасибо сердечное скажет Вам освобожденный народ». Эта формулировка соответствовала традициям мемориального искусства классицизма демонстрировать подвиги и добродетели усопших. На стороне Б по проекту находилась фигура матери убитых героев,

склонившаяся над своими детьми и надпись «Дети мои, жаль мне Вас, но Ваша смерть есть гордость Вашей матери». Этот образ ассоциируется с традиционной для позднего классицизма фигурой плакальщицы, выражающей яркое и драматическое переживание смерти с обнажением личных чувств, но и гордость матери героев. На стороне В планировали изобразить живого борца за свободу, который готов продолжать борьбу и надпись «Товарищи, память о Вас не умрет и Ваша смерть в каждом из нас родит жажду мести». Наконец, на стороне Г автор проекта хотел изобразить жен героев и поместить надпись «Дорогие наши Друзья, Мужественно Вы встретили смерть, но с не меньшим мужеством мы перенесем с Вами разлуку». Этот монумент был по проекту значительно меньше и человечнее первого. Здесь идеологические мотивы смешивались с чувствами недавнего свидетеля войны, был замечен оттенок местных событий.

В конечном итоге был реализован проект монумента, который отличал наиболее оригинальный в художественном отношении замысел. Его авторами были художник В. И. Невский (это имя было незаслуженно забыто на долгие годы и «восстановлено» благодаря поискам В. Г. Рыженко), художник-скульптор В. Н. Сибиряков и инженер В. И. Кудрявцев. Руку, сжимающую факел, создавали на народные деньги. Памятник по проекту не был таким исполинским, как обелиск с первого томского проекта, но благодаря своей образности выглядел он впечатляюще. Однако формализм, неизбежно проявившийся как следствие обезличивания памятника, способствовал, на наш взгляд, стиранию памяти о тех настоящих людях, которые покоились под «красным факелом».

Отношение к гибели героев, выразившееся в художественном решении новониколаевского памятника созвучно, на наш взгляд, характеристике восприятия смерти человеком романтической культуры. Французский историк Ф. Арьес отмечал, что «романтическая революция чувств создала между нами и другими людьми такие связи, разрыв которых кажется нам невыносимым и нестерпимым. Поколение ранней эпохи романтизма было первым, отвергшим смерть. Оно возвеличивало ее, гиперболизировало, и в то же время сделало любимого человека бессмертным, ибо даже смерть не может с ним разлучить» [4, с. 477].

Далеко не случаен образ руки, держащей факел, который использовали авторы этого памятника. Символичен и жест каменной руки, и факел, который она сжимает. Американский историк П. Берк обращает внимание на символы свободы, характерные для европейской культуры. В период Парижской коммуны во Франции распространились скульптурные и живописные изображения аллегории свободы – полуобнаженной женщины, держащей в высоко поднятой руке знамя революции. Среди таких изображений наибольшую известность получила «Свобода на баррикадах» Э. Делакруа – прославленного художника эпохи романтизма. Жест центральной фигуры Свободы на этом полотне выражает страстный и решительный призыв к революционной борьбе. Американская статуя Свободы держит в также высоко поднятой руке фонарь, который П. Берк интерпретирует как символ просвещения. Ведь по античной легенде Прометей

дал людям огонь, благодаря которому появились искусства и ремесла. Аллегорическая статуя жестом призывает к просвещению в духе свободы всего мира. Данные изображения восходят к традиционным античным образцам [26, с. 60 – 65]. В начале 20-х гг. этот жест воспроизводился во многих скульптурных изображениях аллегорий и героев. Показателен в этом смысле пример проекта памятника Я. М. Свердлову («Пламя революции»), созданного скульптором В. И. Мухиной. По проекту – это вновь фигура полуобнаженной женщины, окутанной вихрем развевающихся на ветру драпировок. Женщина тоже держит факел на вытянутой руке, выражая прорыв, натиск, неодолимость [6, с. 83]. В начале 20-х гг. образ горящего факела часто актуализировался в прощальных речах на гражданских панихидах. К примеру, на похороны томского революционера Л. П. Шишкова, погибшего во время так называемого «кулацкого мятежа» в Колывани, комсомольцы принесли траурный венок с лентой, на которой было написано: «Твой подвиг будет гореть ярким факелом молодому поколению на пути к коммунизму» [17].

Важно, что скульпторы, работавшие над памятником в Новосибирске, использовали уже устоявшиеся в культуре символы. По смыслу новониколаевский памятник схож с проектом В. И. Мухиной. Однако стоит подчеркнуть, что памятник стоит на братской могиле. По всей видимости, авторы скульптуры не просто традиционно использовали широко известную символику свободы и борьбы, но и решились «сломать» одну из старых традиций, связанных с оформлением надгробий. В декоре сохранившихся русских надгробий и кладбищенских оградок первой половины XIX в. нередко встречаются изображения опущенных вниз факелов, означающих угасание жизни (характерно, прежде всего, для мемориальной культуры классицизма) [2, с. 79]. Этот символ скорби использовался еще в античное время и, безусловно, был известен скульпторам, работавшим над новосибирским памятником. Изображение поднятого вверх факела на надгробии – это вызов традиции. По нашему мнению, данный символ стоит читать как уверенность в бессмертии дела, начатого людьми, отдавшими свою жизнь за советскую власть, как оптимистичное подтверждение ненеправды жертв, как преодоление безысходности смерти.

Из речи, произнесенной председателем губернского исполнительного комитета Лавровым в день открытия памятника 7 ноября 1922 г. следует, что скала символизирует не могилу, а капитал, который пробивает рабочая рука. По словам Лаврова монумент не просто напоминает о случившемся событии, но и одновременно «победно зовет нас вперед» [16]. Получается, образ памятника, как иконописный образ, не принадлежит только лишь прошлому, настоящему, или будущему, он мысленно помещается в особое временное измерение – в вечность, где существует лишь то, что всегда было, есть и будет. Из данной формулировки, ассоциирующейся с восприятием гибели в контексте романтизма, следует, что погибшие, словно не умерли на самом деле, а незримо присутствуют рядом и способны влиять на помыслы и поступки живых.

Авторы проектов, не победившие в новониколаевском конкурсе, участвовали и в других конкурсах, вновь предлагая свои ранее отвергнутые работы на суд жюри. Нами были обнаружены документы о конкурсах революционных памятников, устраивавшихся в Томске в начале 20-х гг. В частности, в декабре 1920 г. состоялся конкурс проектов памятника на братской могиле жертв «колчаковщины» в Томске. Главный городской военно-революционный мемориал по плану должны были установить на площади Революции (бывшей Новособорной площади).

Комиссия конкурсного бюро рассмотрела ряд работ, авторство которых, к сожалению, документы уже не всегда позволяют установить. Победа (первое и второе место) была присуждена художнику А. Н. Тихомирову, создавшему проекты под девизами «Молот с винтовкой в руке» и «Инона» [12, л. 10 – 10 об.]. Проекты этих памятников и авторские комментарии к ним на сегодняшний день утрачены. Сохранилось лишь описание символического значения памятника под девизом «Звезда», автор которого не занял призового места. Идея, сформулированная автором, отражает общие тенденции советской политики памяти. Автор пояснял, что задуманный им монумент не просто посвящается памяти жертв подавленного восстания, но является «трибуной свободного слова над гробами замученных героев» [11, л. 27]. Эту фразу стоит понимать буквально: в начале 1920-х гг. у братских могил героев и жертв Гражданской войны в праздники устраивались политические митинги, коммеморативный аспект которых подчинялся идеологическим целям.

После конкурса памятник по проекту победителя в Томске так и не появился. По всей видимости, сказался финансовый кризис. Вероятно и то, что городские власти не были удовлетворены результатами местного конкурса. Возможно, в соответствии с дореволюционной практикой им хотелось устроить конкурс всероссийского уровня, что и было предпринято в 1923 г. Однако можно расценивать конкурс 1920 г. и как подготовительный этап к основному всероссийскому конкурсу 1923 г. На втором конкурсе основное требование к идейному содержанию памятника было сформулировано следующим образом: «В общей основе он должен воплощать в исторической перспективе идею классово-вой борьбы и победы диктатуры пролетариата Советской власти над белогвардейщиной в Сибири и славную память жертв этой титанической борьбы» [7, л. 17]. В итоговом информационном письме, объявлявшем о всероссийском конкурсе, значилось, что памятник посвящается «жертвам Октябрьской революции» [7, л. 22]. Там же сообщалось, что «монумент должен увековечивать память передовых борцов, героев Октября, положивших жизнь за дело Пролетарской Революции и Светлого Будущего; памятник должен быть историческим монументом Октябрьской революции, символизирующим титаническую войну двух миров – старого и нового, крушения первого и торжество последнего».

Объявление о конкурсе публиковалось в газетах «Известия ВЦИК», «Правда», «Экономическая жизнь» по семь раз через неделю и в журнале «Коммунальное дело», в нескольких региональных изданиях, также рассылались индивидуальные приглашения к конкурсу

отдельным «наиболее компетентным» организациям и лицам [7, л. 30]. На конкурс, проходивший летом 1923 г., было представлено 26 проектов. Девизы некоторых из них повторяли девизы проектов прошлого конкурса, однако общее число участников стало больше. Документы этого конкурса почти не содержат фамилий его участников. Но мы можем назвать города, откуда в Томск присылали проекты: Владивосток, Екатеринбург, Иркутск, Москва, Одесса, Омск, Пермь, Петроград, Саратов. Участвовал в конкурсе и томич А. Н. Тихомиров – победитель прошлого конкурса, представивший новый проект под девизом «Радио» (возможно, был переименован один из проектов 1920 г.). В деле мы нашли единственный проект памятника (карандашное и цветное изображения) [7, л. 13; 26]. Практически такой же рисунок ранее удалось обнаружить В. Г. Рыженко среди документов новосибирского конкурса, устроенного в 1920 г. (проект под девизом «Нина»). А это дает основания предполагать, что автором проекта мог быть не А. Л. Шиловский, как предположила В. Г. Рыженко, а именно А. Н. Тихомиров (кроме него из томичей в конкурсе 1923 г. участвовали только авторы из «колонии инвалидов»). К тому же А. Л. Шиловский скончался в 1920 г. и не мог принять участия в конкурсе 1923 г. Мы полагаем, этот проект был повторно отвергнут, поскольку он вызывал скорбные чувства, напоминал надгробие с традиционного кладбища, фиксировал внимание на памяти о конкретных жертвах, в то время как устроители конкурса хотели видеть воплощение оптимистичной идеи победы пролетарской революции.

Победителями стали петроградцы М. Г. Манизер и В. А. Витман. Но, видимо, нужную денежную сумму на возведение монумента так и не удалось собрать. В год десятилетия освобождения Сибири от «колчаковщины» томичи обращали внимание на то, что братская могила на площади Революции имеет лишь «убогую деревянную ограду», в то время как, к примеру, в Новосибирске и в Красноярске на братских могилах были установлены памятники. Отмечалось, что не было даже мемориальной доски с перечнем фамилий погибших [13, л. 5]. В 1931 г. Томский горком ВКП(б) снова обсуждал вопрос о памятнике борцам революции на братской могиле. На этот раз с инициативой выступили комсомольцы, предложив свой проект памятника для братской могилы, а также проект памятника В. И. Ленину. Изначально планировалось открыть эти монументы к четырнадцатой годовщине Октябрьской революции [14, л. 41 – 42]. Газеты сообщали, что на памятники томские водники пожертвовали по два процента от своих августовских заработных плат и по одному проценту от сентябрьских заработков, призывая и другие организации последовать их примеру [23]. Но то ли собранная денежная сумма оказалась недостаточной, то ли проект памятника жертвам «колчаковщины» не устроил местные власти, но в итоге в 1931 г. на площади Революции было решено возвести лишь памятник В. И. Ленину [15, л. 28 об.]. Но и его открыли только к восемнадцатой годовщине Октября – в 1935 г. [5].

Создание памятника «жертвам колчаковщины» фактически началось лишь в 1939 г. – в год двадцатилетия со дня достопамятной гибели «жертв колчаков-

щины» [18, с. 86]. В день юбилея освобождения Сибири от «колчаковщины» печать напомнила историю братской могилы. Прозвучала и пафосная мысль об очевидных успехах советской власти и оправданности жертв: «Мимо памятника бегут юноши, девушки. Они здоровы, счастливы, веселы. И, может быть, многие из них не знают о тех, кто в братской могиле. Но они знают другое. Они знают, что кровь, пролитая трудящимися в бою, не пропала даром, она дала свои результаты» [2]. Памятник имел скромные размеры, был лаконичен и прост в художественном решении. Расположенный в стороне от более монументальной фигуры Ленина, этот памятник не доминировал в мемориальном пространстве площади. В этом проявилось отличие томского памятника от проектов и реально возведенных памятников начала 20-х гг. Его форма столпа отвечала мемориальным традициям эпохи классицизма, отражая идеи славы и победы, подчеркивая заслуги павших героев. Традиционная ограда и характер размещения табличек с информацией о погибших у подножия стелы роднили этот памятник с надгробием на кладбище, создавая ощущение некоторой интимности (в смысле камерности, намек на частные биографические обстоятельства конкретных жертв), отвергавшейся сообществом деятелей искусства в начале 20-х гг.

Итак, каковы же общие смыслы политики памяти, выраженные памятниками в Томске и Новосибирске, а также их нереализованными проектами? Эти монументы изначально были ориентированы на трансляцию вполне определенной, единственно верной, с точки зрения власти, версии военно-революционных событий. Эти памятники воспевают гиперболизированный героизм погибших, не акцентируют внимания на случайных жертвах колчаковцев. Новосибирский памятник совершенно обезличивает подвиг и романтизирует

его. И это понятно – в братской могиле покоились не только большевики, но и эсеры, и узники тюрьмы из числа колчаковцев, и люди, не имевшие отношения к политике, и неопознанные лица. Обстоятельства их гибели были установлены лишь приблизительно. Томский памятник выглядит человечнее именно потому, что под ним покоились люди, признанные жертвами антиколчаковского восстания, их имена и суть их подвига были лучше известны современникам. Использование классической формы столпа выражает идею «триумфа побежденных». Монументы должны были также дискредитировать память о враге, постоянно напоминая о масштабах его «зверств». Более ярко эти идеи выражены в Новосибирске. Памятники также отражали добродетель Советской власти, благодарной героям и достойно почтившей их память. В 1930-х гг. революционная героика и жертвенность постепенно утрачивала прежнюю актуальность. Государство уделяло больше внимания мемориализации героев национального масштаба: В. И. Ленина, С. М. Кирова, В. В. Куйбышева, А. М. Горького и др. Власть акцентировала все меньше внимания на героях и жертвах Гражданской войны локального масштаба. Теперь военно-революционные монументы были нацелены, прежде всего, на политическую социализацию молодого поколения, на его приобщение к социалистическим ценностям, на повышение «градуса доверия» общества к власти. В 30-х гг., как это видно из материалов печати, военно-революционные памятники были по-прежнему необходимы власти, но уже для того, чтобы оттенять «благополучную» эпоху, когда была создана сталинская конституция, преподносившаяся властью как величайшее социально-политическое достижение. Эти монументы служили символической точкой начала отсчета начал тернистого пути к светлому будущему.

Литература

1. Акимов, П. А. Русское надгробие XVIII – первой половины XIX в.: автореф. дис. ... канд. искусствоведения / П. А. Акимов. – М., 2008. – 29 с.
2. Александровский, В. У братской могилы / В. Александровский // Красное знамя. – 1939. – 14 декабря.
3. Александров-Невская лавра. Архитектурный ансамбль и памятники некрополей. Альбом / авт. сост. А. И. Кудрявцев, Г. Н. Шкода. – Л.: Художник РСФСР, 1986. – 304 с.
4. Арьес, Ф. Человек перед лицом смерти / Ф. Арьес; пер. с фр. В. К. Ронина; общ. ред. С. В. Оболенской. – М.: Прогресс-Академия, 1992. – 527 с.
5. В день 18-й годовщины Октября на площади Революции открыт памятник Владимиру Ильичу Ленину // Красное знамя. – 1935. – 10 ноября.
6. Воронов, Н. В. Вера Мухина / Н. В. Воронов. – М.: Изобраз. искусство, 1989. – 336 с.
7. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-199. Оп. 1. Д. 126.
8. Качемцева, А. А. Традиции некрокультуры как форма сохранения социально-исторической памяти / А. А. Качемцева // Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. – № 6.
9. Лоуэнталь, Д. Прошлое – чужая страна / Д. Лоуэнталь; пер. с англ. А. В. Говорунова. – СПб.: Фонд "Ун-т", 2004. – 622 с.
10. Мемориальный сквер героев революции // Памятники Новосибирска / Л. М. Горюшкин [и др.]. – Новосибирск: Зап.-сиб. кн. изд., 1980. – С. 52 – 61.
11. ОГАУК «ТОКМ им. М. Б. Шатилова» (Областное государственное автономное учреждение культуры «Томский областной краеведческий музей имени Михаила Бонифатьевича Шатилова»). Ф. 1. Оп. 3. Д. 118.
12. ОГАУК «ТОКМ им. М. Б. Шатилова». Ф. 1. Оп. 1. Д. 119.
13. ОГУ ЦДНИТО (Областное государственное учреждение «Центр документации новейшей истории Томской области»). Ф. Р-4204. Оп. 4. Д. 28.
14. ОГУ ЦДНИТО. Ф. Р-80. Оп. 1. Д. 115.
15. ОГУ ЦДНИТО. Ф. Р-80. Оп. 1. Д. 141.
16. Открытие памятника // Советская Сибирь. – 1922. – 8 ноября.
17. Погибшему товарищу // Советская Сибирь. – 1919. – 14 июля.

18. Привалихина, С. В. Мой Томск / С. В. Привалихина. – Томск: изд. ТГУ, 1999. – 187 с.
19. Рыженко, В. Г. Образы и смыслы советского города в современных исследовательских опытах (региональный аспект) / В. Г. Рыженко; науч. ред. В. П. Корзун. – Омск, 2010. – 340 с.
20. Рыженко, В. Г. Пространство советского города (20-е – 50-е гг.): теоретические представления, региональные социокультурные и историко-культурологические характеристики (на материалах Западной Сибири) / В. Г. Рыженко, В. Ш. Назимова, Д. А. Алисов; отв. ред. В. Г. Рыженко. – Омск, 2004. – 292 с.
21. Савельева, И. М. Социальные представления о прошлом: типы и механизмы формирования / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – М.: ГУ ВШЭ, 2004. – 56 с.
22. Святославский, А. В. Среда обитания как среда памяти: к истории отечественной мемориальной культуры: автореф. дис. ... д-ра культурологи / А. В. Святославский. – М., 2011. – 53 с.
23. Создадим памятник Ленину в Томске // Красное знамя. – 1931. – 4 августа.
24. Франция – память / П. Нора [и др.]; пер. с фр. Д. Хапаевой. – СПб.: изд-во СПбГУ, 1999. – 328 с.
25. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс; пер. с фр. и вст. ст. С. Н. Зенкина. – М.: Новое изд-во, 2007. – 348 с.
26. Burke, P. Eyewitnessing. The Uses of Images as Historical Evidence / P. Burke. – Ithaca, New York: Cornell university press, 2001. – 224 p.
27. Merridale, C. Revolution among the dead: cemeteries in twentieth-century Russia / C. Merridale // Mortality. – Vol. 8. – № 2. – May 2003. – P. 176 – 188.

Информация об авторе:

Красильникова Екатерина Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии Новосибирского государственного технического университета, 8(383) 201-29-31, katrina97@yandex.ru.

Ekaterina I. Krasilnikova – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of History and Political Sciences, Novosibirsk State Technical University.

Статья поступила в редколлегию 19.02.2014 г.

УДК 930.85:351.853

ИЗУЧЕНИЕ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А. М. Кулемзин

STUDY OF THE PROTECTION OF MONUMENTS IN CONTEMPORARY RUSSIA

A. M. Kulemzin

Рассматриваются публикации и диссертационные исследования двух последних десятилетий, посвященные охране памятников истории и культуры, опубликованные в новых исторических условиях современной России. Анализируются новые подходы государства и общественности к пониманию социокультурной роли исторического и культурного наследия.

The author considers the publications and dissertation researches of the past two decades devoted to protection of historical and cultural monuments, published in the new historical conditions of contemporary Russia. The new state and public approaches to the understanding of the socio-cultural role of historical and cultural heritage is analyzed.

Ключевые слова: историческое и культурное наследие, памятники истории и культуры, сохранение и использование культурного наследия, российское государство, российское общество.

Keywords: historical and cultural heritage, historical and cultural monuments, preservation and use of cultural heritage, Russian state, Russian society.

Произошедшие в нашей стране с начала 90-х годов принципиальные изменения в устройстве государства и идеологии общества прямым образом отразились на отношении к историческому и культурному наследию. Если прежде ему придавалось в основном идеолого-просветительное значение, то теперь культурное наследие трактуется как «материальные и духовные ценности, созданные в прошлом...» [33, с. 30]. Государство рассматривает объекты историко-культурного наследия как важный экономический ресурс, фактор формирования национального самосознания народа, как эффективное средство в образовательном и воспитательном процессах. Федеральная власть ста-

ла больше уделять внимания задачам сохранения и использования культурного наследия. Эти вопросы стали чаще рассматриваться на коллегии Министерства культуры, на заседаниях Правительства и Государственной Думы. Новое понимание роли и значения исторического и культурного наследия нашло отражение и в современном российском законодательстве. Оно стало значительно ближе к международным правовым нормам.

Все это свидетельствует о том, что охрана и использование историко-культурного наследия в нашей стране вступили в новое качественное состояние. Соответственно эти изменения требуют своевременного

глубокого научного осмысления как нового явления в российской культурной жизни. Охрана исторического и культурного наследия находит свое проявление в нескольких направлениях: законодательное регулирование, деятельность государства и общественных организаций по сохранению, восстановлению и использованию объектов культурного наследия, исследование проблем по сохранению наследия, разработка методик сохранения и использования, исторические исследования деятельности в нашей стране по сохранению наследия, наконец, теоретические исследования эволюции общественного сознания по отношению к культурному наследию и исследование философских аспектов понимания наследия как самостоятельной культурологической категории.

Одной из частей историко-культурного наследия являются памятники истории и культуры или, как принято их называть, «памятники».

В настоящей статье мы попытаемся кратко охарактеризовать лишь одно из направлений в памятникоохранительной деятельности – это изучение охраны памятников современными исследователями.

Углубленное изучение и обобщение предыдущего теоретического и эмпирического материала по охране памятников в нашей стране было вызвано введением в конце 80 – начале 90 гг. XX в. во многих вузах страны новых специальностей «Музейное дело и охрана памятников» и «Музеология». В связи с этим возникла необходимость в специальной учебной литературе по охране памятников. Одним из первых таких изданий было учебное пособие автора настоящей статьи, вышедшее в 1992 г. [18]. В нем впервые был систематизирован исторический материал о зарождении и развитии охраны памятников в России от средневековья до современности, дана периодизация. Вслед за этим им же был издан спецкурс [19]. В нем помимо истории имеется методологический раздел, а также анализ памятникоохранительной деятельности российской государственности в новых исторических условиях. В 1994 г. было издано учебное пособие коллективом авторов Санкт-Петербургской академии культуры об общих тенденциях и принципах охраны культурных ценностей [23].

Позже выходит целая серия учебной литературы, посвященной охране культурного наследия и памятников в частности. Это два учебных пособия Ю. Г. Галая. В одном из них раскрывается эволюция государственной системы, законодательных и нормативных актов на всем протяжении охраны историко-культурного наследия в России [6]. Другая его работа посвящена формированию законодательства об охране археологических памятников [9].

В 2005 г. было издано учебное пособие М. А. Поляковой [34]. В нем изложен материал об охране памятников и частично о развитии музейного дела от начала XVIII в. до начала XXI в. Одним из достоинств этой работы является то, что в ней помещены портреты многих российских деятелей по сохранению культурного наследия и их краткие творческие биографии. В приложении помещены выдержки из современного закона об объектах культурного наследия. В этом же году было издано учебное пособие А. Б. Шаманаева [41]. В нем охвачен период от начала XVIII в. до

70-х гг. XX в. Вместе с тем имеются фрагменты, отмечающие почитание святых со времен Киевской Руси. Существенным достоинством этого учебного пособия является то, что в нем приводятся фрагменты документов разных исторических эпох, а также биографические справки о выдающихся подвижниках охраны памятников. Большое внимание здесь уделено формированию государственной системы и законодательной базы охраны памятников, а также деятельности научных исторических обществ. В учебном пособии Е. Н. Мастеницы, вышедшем также в 2005 году, значительное место занимает изложение теоретико-методологического материала о функциях культурного наследия в различные исторические периоды, всесторонне рассматриваются понятия «культурное наследие» и «культурные ценности». На фоне фрагментов изменения отношения к культурному наследию в европейских странах рассматриваются главные этапы культуроохранной политики в России во все её времена [28].

В публикациях современного периода большое внимание уделяется анализу государственной системы и законодательства по охране культурного наследия, действовавших в предшествующие исторические эпохи нашей страны. Этому вопросу посвящен ряд работ Ю. Г. Галая [5; 7; 8]. В его исследованиях охватываются все периоды охраны памятников в России. В них анализируется положительный опыт и юридические проблемы, а также формулируются предложения для принятия современных юридических мер охраны культурного наследия. В последнее время вышли в свет работы и других авторов о развитии и современном состоянии законодательства об охране памятников. Это исследования С. М. Шестовой [43], Н. В. Михайловой [31], Т. П. Кудрявцевой [17].

Рост научного профессионализма среди идеологов охраны памятников в новое время сказался и на количестве защищенных диссертаций, посвященных культурному наследию. Исследованием памятниковедческих проблем занимались историки, культурологи, философы, искусствоведы. Одной из первых в 2000 г. была защищена кандидатская диссертация по культурологии Т. Н. Мироновой [29]. Она раскрыла органическую связь между политической системой государства и его культурной политикой. В работе был проведен сравнительный анализ культурной политики некоторых западных стран и России. Автор отметила, что нарастание некоторых негативных тенденций в сфере культуры, охвативших весь мир, заставило ряд европейских стран перейти к активной защите национального культурного достояния. В связи с этим были высказаны рекомендации по принятию аналогичных мер и в России во избежание потери этносоциального своеобразия национальных культур российскими народами.

В докторской диссертации по философии Е. Н. Селезневой рассматриваются теоретические вопросы различных подходов к пониманию культурных ценностей и культурного наследия, традиционного (классического) мировоззрения и постмодернового (современного) быстро меняющегося общества. Если в первом случае отношение к историческому и культурному наследию было как к сакральным ценностям,

то современное мировоззрение допускает «смещение разных культурных контекстов, стилей, создание новых ценностных конструкций из артефактов разных уровней сложности и функционального назначения» [37].

В культурологической кандидатской диссертации Е. В. Андреевой, защищенной в 2007 г. отмечается, что в настоящее время увеличивается разрыв между поколениями в знании и оценке прошлой истории и культуры своей страны. Он опасен тем, что происходит в обстановке нарастания процессов глобализации и унификации культуры в тот исторический момент, когда в России после долгих десятилетий исторического нигилизма и исключительной тенденциозности в оценке прошлой истории делаются попытки восстановления культурной памяти [1].

Особого внимания заслуживает кандидатская диссертация по философии А. Б. Шухободского [50]. В отличие от многих исследователей феномена «памятник» исследователь рассматривает его в комплексном философски ориентированном подходе. Это позволило автору найти грань, отделяющую «памятник истории и культуры» от «объекта культуры». Он еще раз убедительно доказал, что статус памятника определяется социокультурным контекстом политической и экономической ситуации в конкретном социуме.

Возросло количество фундаментальных диссертационных исследований по проблемам государственно-правовой охраны культурного наследия. Одной из первых была защищена докторская диссертация по историческим наукам В. Г. Качаловой о государственной политике по охране культурных ценностей в России на всем протяжении её существования [13]. Вслед за ней были защищены докторская диссертация по культурологии А. М. Кулемзиным, в которой значительное место заняла теория памятниковедения [20] и докторская диссертация по юридическим наукам Н. В. Михайловой [30] о государственно-правовой охране историко-культурного наследия во второй половине XX века. Были также защищены кандидатские диссертации по культурологии С. М. Шестовой по проблемам нормативно-правового регулирования охраны и использования памятников [42], и по историческим наукам – И. В. Глозиным о государственной политике охраны памятников в нашей стране в 50 – 80-х гг. XX века [10].

Большинство кандидатских диссертаций об охране культурного наследия были защищены по юридическим наукам: Н. В. Соколовой [39], И. М. Чуковой [40], П. А. Васке [2], Л. В. Порватовой [35]. Их диссертации были посвящены правовым вопросам охраны и использования церковных культурных ценностей. В диссертациях О. В. Давлетшиной [11], Е. А. Лачиной [24], Е. Н. Прониной [36] также решались вопросы уголовно-правовой защиты исторического и культурного наследия в России на различных исторических периодах. Общим, что объединяет эти исследования, является обеспокоенность авторов несовершенством современного памятниковоохранительного законодательства и в связи с этим обращение к предыдущему как к положительному, так и к отрицательному опыту.

Другая большая проблема, которая поднималась в современных исследованиях – это необходимость совершенствования методики охраны и использования памятников. В них основное внимание уделялось разработке комплексного подхода к освоению исторического, культурного, этнографического и природного наследия. Одной из первых по данной проблематике была опубликована статья Ю. Л. Мазурова [25]. Но более всего этой проблеме удели внимание такие крупные ученые, как Ю. А. Веденин [3; 4], П. М. Шульгин [48; 49], М. Е. Кулешова [21; 22]. Значительный вклад в разработку теории и практики сохранения этнографического наследия внесли работы В. М. Кимеева, создателя нескольких экомузеев в Кемеровской области [15; 16].

Их исследования объединены общей идеей: культурное и природное наследие неразрывны, они есть единый информационный потенциал конкретной территории, заключенный в предметной форме объектов наследия. Особенно важно, считают они, такое понимание связи при подходе к культурному наследию бесписьменных исторических периодов и территорий, то есть при сохранении археологического и этнографического наследия народов Сибири и Крайнего Севера.

Реальное признание государством религии и церкви в качестве социальных институтов и равноправных партнеров в духовном возрождении российского общества, в сохранении и развитии культурных традиций послужило условием для исследования этих процессов. Это публикации Т. Н. Заднепровской, посвященные проблемам взаимодействия церкви, общества и государства в сохранении культурного наследия о вкладе церковно-археологических комитетов в памятниковоохранительную деятельность [12], а также руководителя Федеральной службы РФ по надзору за соблюдением законодательства в области охраны культурного наследия А. Кибовского [14].

Имеются многочисленные публикации, содержащие материал об участившихся случаях нарушения законодательства по охране памятников, о несанкционированных грабительских раскопках и разрушениях археологических памятников при хозяйственных работах, о необходимости использования положительного зарубежного опыта освоения культурного наследия, о необходимости совершенствования методики реставрационных работ и по другой актуальной проблематике. К их числу, прежде всего, относятся публикации Э. А. Шулеповой [44 – 47], Т. М. Никольской [32], Н. А. Макарова [26; 27], А. С. Смирнова [38] и многих других авторов.

К сожалению, в одной небольшой статье невозможно охарактеризовать все работы, посвященные более чем за два десятка лет проблемам сохранения и использования памятников истории и культуры, однако фабула их такова: одним из признаков новизны в отношении общественности к историко-культурному наследию является значительное увеличение научных публикаций, посвященных охране памятников при относительном сокращении публицистических выступлений в средствах массовой информации. Увеличилось число учебных и научных специализированных изданий. Другой особенностью современных

публикаций является увеличение доли профессиональных ученых в дискуссиях о дальнейшей судьбе культурного наследия, тогда как в предыдущую историческую эпоху основной пафос выступлений в защиту культурного наследия исходил из-под пера писателей, художников, архитекторов, деятелей культуры. Если прежде основной мотив проблемных выступлений был направлен на вскрытие недостатков, критику властей и убеждение общества в необходимости сохранять памятники, то в настоящее время увеличилась доля публикаций, посвященных выработке общей стратегии в охране и использовании наследия, исследований методологии памятниковедения, разработкам конкретных методов работы с историческим и культурным наследием.

Общий лейтмотив названных и многих не названных современных публикаций состоит в том, что в культурной политике государства и в отношении общества забота о сохранении и разумном использовании исторического и культурного наследия должна занять достойное место. Для этого в нашей стране в настоящее время в основном сложились благоприятные условия: большая, чем в прежние времена, гласность, отказ от леворадикальной идеологии, отрицавшей исторический и культурный опыт прошлого, утверждающиеся начала демократического гражданского общества, наличие специальных кафедр и факультетов, готовящих специалистов по сохранению и использованию наследия.

При этом содержательная часть публикаций изменилась не существенно. По-прежнему остро крити-

куется власть за несовершенство памятниковоохранительного законодательства и за медлительность в принятии более совершенных юридических актов по охране памятников, за декларативность принимаемых законов, сокращение и без того мизерного финансирования мероприятий по охране памятников, бездействие местных властей. Основной пафос современных публикаций сводится к более смелому высказыванию о негативных проявлениях к наследию со стороны бизнес-структур и слабой реакции на это государства, о недостаточном внимании местных властей к проблемам сохранения и использования наследия.

Судя по публикациям, сохранение культурного наследия в новой России еще не стало совместной заинтересованной деятельностью государства, общественных организаций, науки, церкви, бизнеса и местных органов власти, а продолжение нескончаемой борьбы прогрессивных патриотически настроенных одиночек с огромной бюрократической машиной власти, предпринимательства, безразличием значительной части общества к своему историческому и культурному наследию. Однако круг защитников памятников стал значительно шире, а их научная квалификация выше. В этих условиях государство уже не может не считаться с их мнением и должно встать в один ряд с цивилизованными странами, ибо действенная забота о сохранении культурного наследия является одним из признаков авторитетности страны на международной арене.

Литература

1. Андреева, Е. В. Культурное наследие как ядро культурной памяти и его роль в сохранении духовной целостности Российской цивилизации: дис. ... канд. филос. наук / Е. В. Андреева. – Ростов н/Д, 2007.
2. Васке, П. А. Государственно-правовое регулирование охраны православных церковных памятников истории и культуры в советской России 1917 – 1941 гг.: дис. ... канд. юрид. наук / П. А. Васке. – Н-Новгород, 2006.
3. Веденин, Ю. А. Государственная стратегия формирования историко-культурных заповедников и музеев-заповедников в Российской Федерации / Ю. А. Веденин // Наследие и современность: история наследия. – 2006. – Вып. 13.
4. Веденин, Ю. А. Необходимость нового подхода к культурному и природному наследию России / Ю. А. Веденин // Актуальные проблемы сохранения культурного и природного наследия. – М., 1995.
5. Галай, Ю. Г. «Комиссия Горького» и проблема сбережения памятников истории и культуры при Временном правительстве / Ю. Г. Галай // «Человек и мир в творчестве М. Горького: Горьковские чтения 2006. – Н. Новгород, 2008. – С. 370 – 378.
6. Галай, Ю. Г. Государственно-правовая охрана памятников истории в России. XVIII – XX вв.: учеб. пособие / Ю. Г. Галай. – Н. Новгород, 2004.
7. Галай, Ю. Г. Государственно-правовое регулирование охраны памятников в Советской России в послевоенное пятнадцатилетие / Ю. Г. Галай // Научн. труды Нижегородского филиала института бизнеса и политики. – 2008. – № 1. – С. 7 – 26.
8. Галай, Ю. Г. Охрана памятников старины как культурно-экономическая мера безопасности России XXVIII – начала XX века / Ю. Г. Галай. – Нижегородская академия МВД России, 2008.
9. Галай, Ю. Г. Российское законодательство об охране памятников археологии: учеб. пособие: Очерки по истории государства и права России XVIII – начала XX веков / Ю. Г. Галай // НА МВД РФ. – 2005. – С. 198 – 210.
10. Глотин, И. В. Государственная политика в области охраны памятников истории и культуры в 1953 – 1985 гг.: дис. ... канд. ист. наук / И. В. Глотин. – Ярославль, 2011.
11. Давлетшина, О. В. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук / О. В. Давлетшина. – Ростов н/Д, 2003.
12. Заднепровская, Т. Н. Церковно-археологические комитеты и их роль в деле охраны и изучения памятников церковной старины / Т. Н. Заднепровская // Санкт-Петербург и отечественная археология: историографические очерки. – СПб., 1995. – С. 46 – 55.

13. Качалова, В. Г. Государственная политика России в области охраны культурных ценностей, XVIII – XX вв.: дис. д-ра ист. наук / В. Г. Качалова. – СПб, 2000.
14. Кибовский, А. Отсутствие эффективной системы охраны памятников - общая проблема государства и Церкви / А. Кибовский. – М., 2010. – 25 марта. ИНТЕРФАКС. – Режим доступа: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=34809>
15. Кимеев, В. М. Экомuzeи Притомья в постиндустриальном обществе: генезис, архитектура, функции / В. М. Кимеев. – Кемеровский государственный университет; Томск: Издат. Томского гос. педагогического университета, 2008.
16. Кимеев, В. М. Экомuzeология: национальные экомuzeи Кузбасса / В. М. Кимеев, А. Г. Афанасьев. – Кемерово, 1996.
17. Кудрявцева, Т. П. Новый закон об объектах культурного наследия / Т. П. Кудрявцева // Справочник руководителя учреждений культуры. – М., 2003. – № 1.
18. Кулемзин, А. М. Охрана памятников в РСФСР: учебное пособие / А. М. Кулемзин. – Красноярск: Изд-во Красноярского гос. ун-та, 1992. – 108 с.
19. Кулемзин, А. М. Охрана памятников в России (спецкурс) / А. М. Кулемзин. – Томск: Издание МУ «Томск исторический», 1999. – 170 с.
20. Кулемзин, А. М. Охрана памятников в России как историко-культурное явление: дис. д-ра культурол. наук / А. М. Кулемзин. – Кемерово, 2001.
21. Кулешова, М. Е. Наследие и природно-культурный каркас территории / М. Е. Кулешова // Известия Самарского научного центра РАН. – Т. 9: Природное наследие. – 2007. – № 1. – С. 7 – 14.
22. Кулешова, М. Е. Факторы культурно-ландшафтной дифференциации – природный каркас, его экологические функции и природно-культурный каркас / М. Е. Кулешова // Культурный ландшафт как объект наследия. – М.: Институт наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004.
23. Сохранность и защита культурных ценностей: учеб. пособие / В. С. Ласквий [и др.]. Санкт-Петербургская гос. академия культуры. Кафедра охраны здоровья и защиты населения. – СПб.: СПбГАК, 1994.
24. Лачина, Е. А. Уголовно-правовая охрана памятников природы, истории и культуры: дис.... канд.юрид. наук / Е. А. Лачина. – Рязань, 2006.
25. Мазуров, Ю. Л. Уникальные территории: концептуальный подход к выявлению, охране и использованию / Ю. Л. Мазуров // Уникальные территории в культурном и природном наследии регионов. – М., 1994. – С. 31 – 40.
26. Макаров, Н. А. Грабительские раскопки: продолжение разговора / Н. А. Макаров. – Режим доступа: <http://www.archaeolog.ru/?id=130>
27. Макаров, Н. А. Грабительские раскопки как фактор уничтожения археологического наследия России / Н. А. Макаров. – Режим доступа: <http://www.archaeolog.ru/?id=129>;
28. Мастеница, Е. Н. Основы культурологи: учебное пособие / Е. Н. Мастеница; отв. ред. И. М. Быховская. – М.: Едитореал УРСС, 2005.
29. Миронова, Т. Н. Сохранение природного и культурного наследия как императив культурной политики постиндустриального общества: дис. канд.культурол. наук / Т. Н. Миронова. – М., 2000.
30. Михайлова, Н. В. Государственно-правовая охрана историко-культурного наследия России во второй половине XX в.: дис. ... д-ра юрид. наук / Н. В. Михайлова. – М., 2002.
31. Михайлова, Н. В. Государственная правовая охрана историко-культурного наследия / Н. В. Михайлова // Справочник руководителя учреждений культуры. – М., 2004. – № 2.
32. Никольская, Т. М. Стратегия охраны памятников искусства и истории и перспективы развития / Т. М. Никольская. – Режим доступа: http://www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/233-article_45.html
33. Основы российского законодательства о культуре: Закон Российской Федерации от 09 окт. 1992 г. № 3612 // Российская культура в законодательных и нормативных актах. Музейное дело и охрана памятников (1991 – 1996). – М., 1998.
34. Полякова, М. А. Охрана культурного наследия в России: учебное пособие для вузов / М. А. Полякова. – М.: Дрофа, 2005. – 271 с.
35. Порватова, Л. В. Организационно-правовые основы взаимодействия государства и Русской православной церкви по сохранению памятников религиозной культуры: дис. ... канд. юрид. наук / Л. В. Порватова. – М., 2011.
36. Пронина, Е. Н. Правовая деятельность российского государства в сфере сохранения и охраны культурного достояния в XIX – XX веках: историко-теоретическое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е. Н. Пронина // disserCat – электронная библиотека диссертаций. – Тамбов, 2009.
37. Селезнева, Е. Н. Культурное наследие России в политических дискурсах 1990-х годов: дис. ... д-ра филос. наук / Е. Н. Селезнева. – М., 2004.
38. Смирнов, А. С. Сохранение археологического наследия России в современных условиях / А. С. Смирнов. – Режим доступа: http://www.archaeology-russia.org/infdoc/sohr_smirnov.shtml
39. Соколова, Н. В. Государственно-правовое регулирование церковных отношений в советской и современной России: историко-правовой аспект: автореф. дис. ... канд.юрид. наук / Н. В. Соколова. – Н-Новгород, 2004: – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/gosudarstvenno-pravovoe-regulirovanie-tserkovnykh-otnoshenii-v-sovetskoi-i-sovremennoi-rossii>

40. Чукова, И. М. Государственно-правовая охрана церковных памятников старины в дореволюционной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И. М. Чукова. – Н. Новгород, 2004. – Режим доступа: <http://www-namvd.ru/sciense/dis/Autoref/353.html>
41. Шаманаев, А. Б. Охрана культурного наследия в России (XXVIII – конец XX вв.): учебное пособие / А. Б. Шаманаев. – Екатеринбург, 2005.
42. Шестова, С. М. Историко-культурологический анализ нормативного регулирования охраны и использования памятников истории и культуры в России: дис. ... канд. культурол. наук / С. М. Шестова. – СПб, 2009.
43. Шестова, С. М. Российское законодательство об охране и использовании памятников истории и культуры / С. М. Шестова // Обсерватория культуры. – 2008. – № 4.
44. Шулепова, Э. А. Историческая память в контексте культурного наследия / Э. А. Шулепова // Культура памяти: сб. науч. ст. – М., 2003. – С. 11 – 26.
45. Шулепова, Э. А. Культурное наследие: актуальные проблемы трансляции / Э. А. Шулепова // Обсерватория культуры: журнал-обозрение. – М., 2009. – № 2. – С. 61 – 65.
46. Шулепова, Э. А. Культурный опыт и проблема его сохранения: (к постановке проблемы) / Э. А. Шулепова // Обсерватория культуры: журнал-обозрение. – 2005. – № 1. – С. 78 – 81.
47. Шулепова, Э. А. Наследие и современность: проблема изучения и сохранения / Э. А. Шулепова // Наследие в эпоху социокультурных трансформаций. – М., 2010. – С. 3 – 10.
48. Шульгин, П. М. Концепция культурного ландшафта и практика охраны этнографического наследия (на примере территорий Российского Севера) / П. М. Шульгин // Мир России. – 2007. – № 3.
49. Шульгин, П. М. Современные подходы к формированию программ в сфере культуры и наследия / П. М. Шульгин // Наследие и современность. Информационный сборник. – Вып. 7. – М., 1999.
50. Шухободский, А. Б. Статус памятника истории и культуры в современной России: дис. ... канд. филос. наук / А. Б. Шухободский. – СПб., 2012.

Информация об авторе:

Кулемзин Анатолий Михайлович – доктор культурологи, профессор, заведующий кафедрой музейного дела Кемеровского государственного университета культуры и искусств, kulemzin41@mail.ru

Anatoly M. Kulemzin – Doctor of Culturology, Professor, Head of the Department of Museum Work, Kemerovo State University of Culture and Arts.

Статья поступила в редколлегию 17.01.2014 г.

УДК 7.031.1

ИЗОБРАЖЕНИЯ ЛОДОК СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

А. С. Куликова

IMAGES OF BOATS IN NORTHERN EURASIA

A. S. Kulikova

Статья посвящена анализу изображений лодок по источниковым материалам петроглифов двух природно-исторических зон Северной Европы и Северной Азии. Лодка выступает в качестве обобщенного названия всех водных транспортных средств передвижения. Рассматривается связь памятников наскального искусства с гео-средой. Делается вывод о двух зонах наскального искусства на Евразийском пространстве, функциональности изображения водного транспорта.

The paper analyzes the images of boats on the material petroglyphs of two natural and historical areas of Northern Europe and Northern Asia. The boat serves as a generalized name of all water means of transportation. The relations of rock art sites with geological environment are examined. The author makes conclusions about the two areas of rock art in the Eurasian space and the functionality of water means of transportation.

Ключевые слова: наскальное искусство, водные средства передвижения, лодки, Северная Европа, Северная Азия.

Keywords: rock art, water means of transportation, boat, Northern Europe, North Asia.

Водные средства передвижения на протяжении всей истории человечества играют важную роль в осуществлении хозяйственных и культурных связей, расселения людей и освоении новых территорий, развития системы жизнеобеспечения. Средства передвижения нашли свое отражение в идеологических представлениях многих народов мира и были воплощены в

наскальном искусстве. Проведенная автором фиксация памятников наскального искусства (см. карту) с изображениями водных средств передвижения показала, что рисунки лодок (кораблей) на петроглифах Евразии являются одним из устойчивых сюжетов наряду с другими образами: лосями, медведями, водоплавающими птицами. В то же время эти изображе-

ния связаны с определенными прибрежными территориями морей, озер и рек северной, лесной Евразии. Очевидно, эта особенность связана с тем, что водные

пути традиционно играли основную роль как средство коммуникаций на территории Северной Азии и Северной Европы.

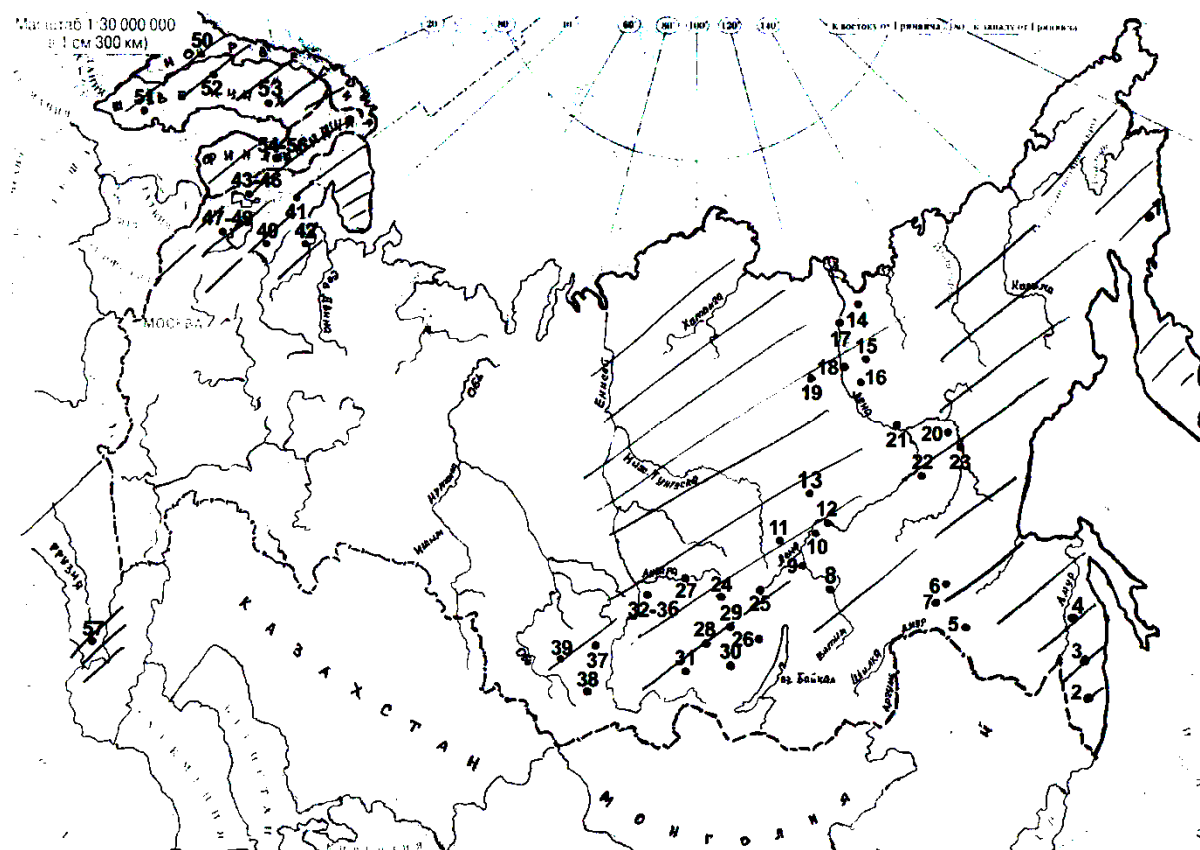

Рис. Карта Евразии с изображениями лодок на памятниках наскального искусства

Примечание к карте:

Северная Азия, Чукотка: 1. Пегтымель; Дальневосточный регион: 2. Сикачи-Алян, 3. Шереметьево, 4. Кия, 5. Сукпай, 6. Калиновка, 7. Май, 8. Олекма, 9. Баасынай, 10. Токко, 11. Чаре, 12. Арбинская, 13. Средне-Шайкино; Восточная Сибирь: 14. Кегей, 15. Бэс-Юрах, 16. Майя, 17. Тойон-Ары, 18. Олгуйдах, 19. Чуру, 20. Кегей, 21. Тельма, 22. Воробьево, 23. Давыдово, 24. Шишкинская писаница; Центральная Сибирь: 25. Свирск, 26. Маруктай, 27. I Каменный остров, 28. II Каменный остров, 29. III Каменный остров, 30. Каменка, 31. Манзя, 32. Шалаболино, 33. Черемушин Лог, 34. Тепсей, 35. Усть-Туба, 36. Усть-Кулог; Западная Сибирь: 37. Томская писаница, 38. Новоромановская писаница, 39. Никольская писаница; Северо-Западная часть России: 40. Бесовы следки, 41. Мелкие группы скопления петроглифов Беломорья (I, II, III), 42. Залавруга I, 43. Залавруга II, 44. Петроглифы о. Горелый, 45. Петроглифы о. Еловый, 46. Петроглифы о. Каменный, 47. Петроглифы скалы Одинокая, 48. Карецкий нос, 49. Пери нос, 50. Бесов нос; Скандинаво-Балтийский регион: 51. Альта, 52. Танум, 53. Падьеланта, 54. Немфорсен, 55. Астувансалми, 56. Уйтомонсалми; Прикаспийская зона: 57. Гобустан.

Изучение транспортных средств, отраженных в петроглифоведении, – одно из направлений в наскальном искусстве. Известно большое количество работ по колесницам, повозкам, публикаций, связанных с изображениями лыж, следов животных, саней [9; 22]. Давно обращено внимание на изображения водных средств передвижения на петроглифах Евразии. В большинстве публикаций фиксируются места с рисунками лодок, их связь с другими образами наскального искусства, в некоторых работах поднимаются вопросы семантики изображений [1 – 5; 7 – 13; 15 – 24]. В последнее десятилетие происходит качественный скачок в исследовании памятников на-

скального искусства на таких территориях, как Онега, Беломорье, Канозера, Томская писаница, Пегтымель, Шалаболино. Появляются новые данные, вводятся в научный оборот, публикуются аналитические статьи [11; 12; 23; 24].

Геосреда и памятники наскального искусства.

Природа и ее особенности являются культурообразующим фактором в исторических процессах [15, с. 45]. Автором выделен ареал наскальных памятников с водными средствами передвижения (см. карту), который территориально соответствует огромной природно-исторической макроне Евразии: север-

ной лесной с основными водными артериями крупных рек. К югу от нее располагалась степная и горно-долинная Евразийская макророна. В пределах каждой природной зоны наблюдается хозяйственная и культурная особенность, традиционность развития культур. Северная лесная и южная степная зоны – разные как в природном отношении, так и по наличию памятников наскального искусства, основных образов и сюжетов. Это демонстрирует их различие как двух культурно-исторических макророн. Для каждой макророны были характерны диктуемые гео-средой особенности производящего и присваивающего хозяйства, свой культово-мировоззренческий комплекс представлений, духовные ценности, которые выразились в искусстве с основными образами: изображений лосей и лодок на основных памятниках наскального искусства Евразии: Пегтымель, Сикачи-Алян, писаницы реки Олёкмы и Басынай, Шишкинские писаницы, Томская писаница и др.; изображений баранов, козлов и колесниц, повозок – петроглифы Монгольского Алтая, российского Алтая, петроглифы саянского Енисея и др. [9; 28].

Распространение памятников наскального искусства представлено двумя природно-историческими ареалами в Северной Азии и Северной Европе (таблица, карта). Внутри каждого ареала автором выделены отдельные территориальные комплексы. Северо-Азиатский регион с изображением лодок достаточно обширный и простирается от р. Томи и Енисея до р. Пегтымель. Основные писаницы расположены на прибрежных скалах рек и озер в бассейнах рек Лены, Енисея, Томи, Ангары, Олекмы, Амура, Уссури, Селенги, Пегтымель. Учитывая имеющиеся сейчас памятники наскального искусства на территории Северной Азии, автором выделены следующие регионы наскального искусства, в которых содержится 41 писаница с изображениями водных средств передвижения.

1. *Чукотка (петроглифы Пегтымеля)*. Памятники наскального искусства находятся в приполярной зоне Чукотского автономного округа на р. Пегтымель. В данном регионе находится один памятник наскального искусства с изображениями лодок. Основные образы представлены изображением оленей с узкими мордами, медведей, собак, «людей-мухоморов», птиц, многочисленных сцен охоты на оленей, морских животных, лодки в виде каяков или байдарок – традиционный тип одноместных лодок народов Арктики (карта, рис. 1; таблица, рис. 1, 2, 3) [2].

2. *Дальневосточный регион (писаницы реки Олекмы и верхнего Приамурья)* Территория Приамурского региона включает в себя южную часть территории Республики Саха (Якутия), Приморский край, Амурскую область с речными пространствами рек. В составе региона 20 писаниц на реке Амур (в устьях рек Калиновка, Джалинды и у с. Смирновка), Зея (по рекам Геткану, Олену, Арби, большому Онону, ключу Горелому), Олекмы (по рекам Уркиму, Нюкже, Тургунче, Тургунчану, Ковуйбуту, Жуе, Чаре, Токо, Укурума, Басынай, Крестя), только на 12 памятниках обнаружены изображения лодок. Писаницы отличаются своим своеобразием – нанесением

различных оттенков охры. Основные образы: солярные и лунарные знаки, бизоны, фигурки человечков и характерное изображение масок и личин, лосей, которые декоративно заполнены внутри завитками и спиралями, изображение схематичных лодок с многочисленными гребцами, подобные схематичные изображения водных средств передвижения ярко выражено присутствуют в других регионах Северо-Азиатской макророны и Северо-Европейской (карта, рис. 2 – 7; таблица, рис. 4 – 8) [19].

3. *Восточная Сибирь (писаницы р. Алдан, писаницы бассейна р. Лены, петроглифы верхней Лены, Шишкинские писаницы)* В Восточно-Сибирский регион входит территория Республики Саха (Якутия) с основной рекой Леной и ее притоками Вилюй, Алдан, Муна, Амга, Гонан, Майя, Учур. 11 памятников наскального искусства с изображениями лодок находятся в бассейне реки средней Лены и Алдан. Основные образы представлены изображением диких лошадей и быков с отвислым брюхом и маленькой головой, одиночных и парных изображений лосей, схематичных изображений лодок в виде линий и многочисленных вертикальных черточек (карта, рис. 8 – 23; таблица, рис. 9 – 15) [8; 13; 16; 17; 20].

4. *Центральная Сибирь (петроглифы Среднего Енисея (Шалаболинская писаница, Усть-Туба, Теспей-I, петроглифы Ангары))*. Регион Центральной Сибири включает в себя территории Красноярского края, Эвенского авт. Округа, Таймырского авт. Округа, Тувы, Республики Хакасия с прилегающей к ним рекой Енисей и притоками р. Туба, Чума, Бирюса, Сым, в бассейне р. Ангары. Петроглифы расположены на территории Красноярского края. Всего обнаружено 12 памятников наскального искусства с изображениями лодок. Основные образы: изображение быков, лосей, антропоморфных личин, схематичные изображения лодок, изображения лодок с антропоморфными человечками в «рогатых» головных уборах (карта, рис. 24 – 35; таблица, рис. 16 – 35) [21; 28; 30].

5. *Западная Сибирь (Новоромановская, Никольская, Томская писаницы)* Западная Сибирь включает в себя территорию Кемеровской области с прилегающей к ней рекой Томь (правый приток р. Оби). Томская писаница представляет собой самобытный регион наскального искусства. Основная часть петроглифов схожа по образам и исполнению с памятниками наскального искусства Средней Лены, Ангары, Среднего Енисея. Это изображение птиц, лосей, медведей, антропоморфных фигур, схематичные изображения лодок с головой лося в кормовой части (карта, рис. 37 – 39; таблица, рис. 36 – 45) [14; 18].

Зона Северной Европы. Североевропейская территория распространения писаниц с изображением лодок в наскальном искусстве Евразии охватывает территорию северо-западной части России и Скандинавии.

6. *Северо-запад Европейской части*. Основные писаницы расположены на прибрежных скалах рек и озер (Онежского, Канозера). Территория Беломорских петроглифов не сохранилась в первоначальном виде. Она изменилась в связи со строительством ББК и ГЭС. Одна из групп рисунков на острове Шойрук-

шин засыпана плотинной Выгостровской ГЭС. Над северной группой этого острова возведён защитный павильон из бетона. В Карелии петроглифы известны только в двух местах – на мысах и островах восточного берега Онежского озера и на островах р. Выг, в 7 – 8 км от ее впадения в Белое море. Северо-запад Европейской части России охватывает территорию Республики Карелии, побережье Онежского озера, Беломоро-Балтийский канал, Беломорский район, Мурманскую (озера Канозер) и Архангельскую области (р. Онега, р. Пенег, р. Мезень, р. Северная Двина), Ненецкий автономный округ (р. Печера) и Республику Коми с прилегающими к ним реками Варзуга, Воронья. Основные памятники наскального искусства: Бесовы следки, мелкие группы петроглифов Беломорья, петроглифы Залавруги I, II, Онежские петроглифы, петроглифы Канозера. Основные изображения представлены образами морских животных, массивными изображениями лодок с головой лося в кормовой части судна (карта, рис. 39 – 49; таблица, рис. 45 – 58), северных оленей, лосей, водоплавающих птиц, рыб, гарпунов, луков со стрелами, солярных и лунарных знаков, антропоморфных изображений. Отличительная особенность этих памятников наскального искусства – значительная плотность изображений на камнях, массивные лодки, фигуры соприкасаются [10; 11; 12; 22; 25].

Балтийско-Скандинавский регион (Уппланд, Квиле, Альта, Астувансалми, Немфорсен, Танум др). Балтийско-Скандинавский регион охватывает страны Скандинавии (Финляндия, Швеция, Норвегия). Памятники наскального искусства расположены на юге западной Швеции (Богуслен, Танум и др.), на севере Норвегии (Альта) и Финляндии (карта, рис. 50 – 56; таблица, рис. 78 – 105) [29; 31]. Основные образы представлены изображениями оленей, антропоморфными фигурами, солярными знаками, птицами, морскими животными, рыбами, схематичными изображениями лодок писаницы Финляндии

(Саараакалио, Уйттамонсалми (таблица, рис. 59 – 67) [29; 31], изображениями лодок «драккаров» с детально прорисованными антропоморфными фигурами, морским промыслом. Основная часть петроглифов по образам схожа с петроглифами Средней Лены, Ангары, Онежскими, Беломорскими и Канозерскими петроглифами.

Помимо двух основных макрозон (Северная Азия и Северная Европа) с образом лодок нами выделены две отдельные группы памятников наскального искусства с изображениями – *прикаспийская и приальпийская контактная. Прикаспийская зона – Гобустан* (Беюкдаш, Кичикдаш) на 700 скальных плоскостях и отдельных валунах обнаружено свыше 4000 изображений, надписей, баранов, быков, лошадей, мужчин-лучников. Там же обнаружены и лодки, солярные знаки, колесницы (карта, рис. 57) [5]. В альпийской *контактной зоне (петроглифы Валь-Камоника, Италия)* также имеются изображения лодок. Основные изображения: антропоморфные изображения, танцующие люди, солярные знаки, олени, изображения колесного транспорта, схематичные лодки с пассажирами внутри в виде линий, всадники с щитами и копьями.

Наскальные изображения водных средств передвижения являлись своего рода знаковым символом территории лесной Евразии. Они становятся наиболее устойчивым традиционным образом на пространстве двух территорий Северной Азии и Северной Европы в железном веке, средневековье и доживают до нашего времени. Мнения ученых на этот счет почти всегда расходятся, новые данные по полевым работам иной раз зачастую меняют сложившиеся устойчивые мнения, как это происходило в работах Ю. А. Савватеева, с памятниками Залавруга I, II [22], в исследованиях Пегтымельских петроглифов: хронологии и культурной принадлежности [4; 21].

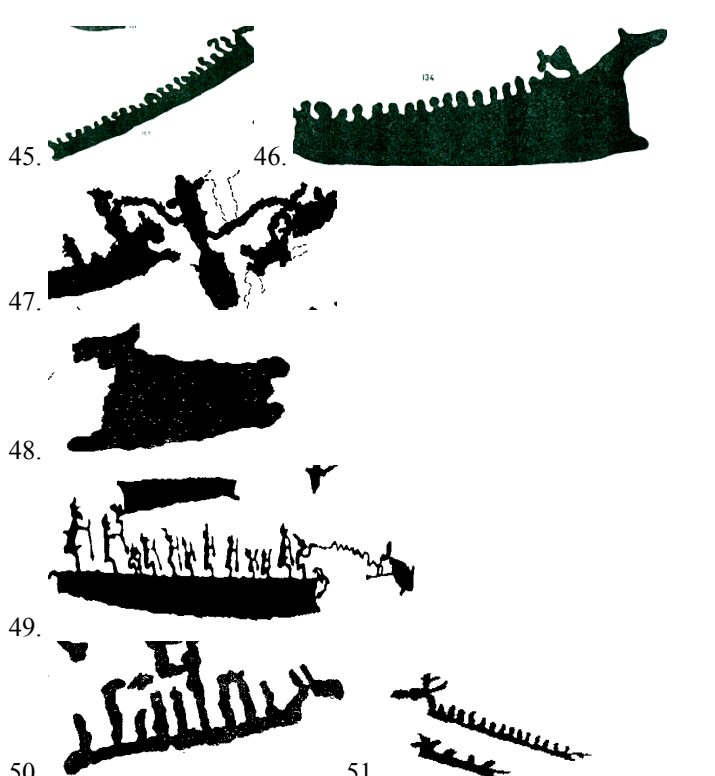
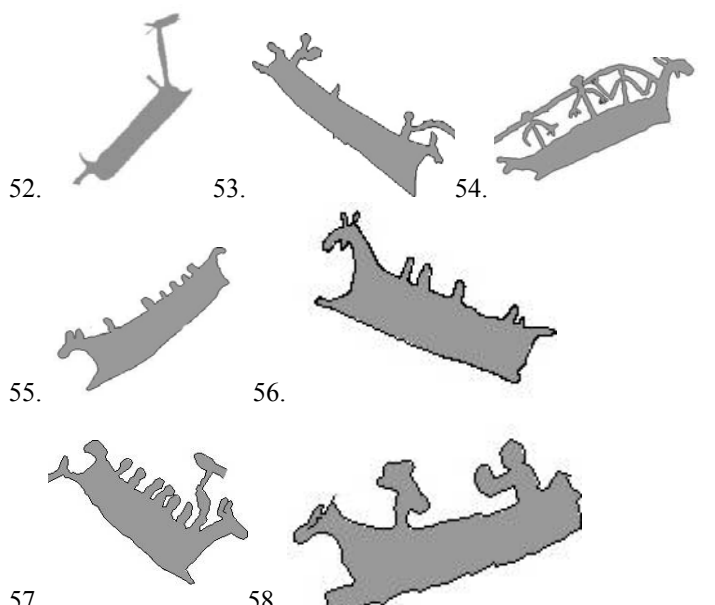
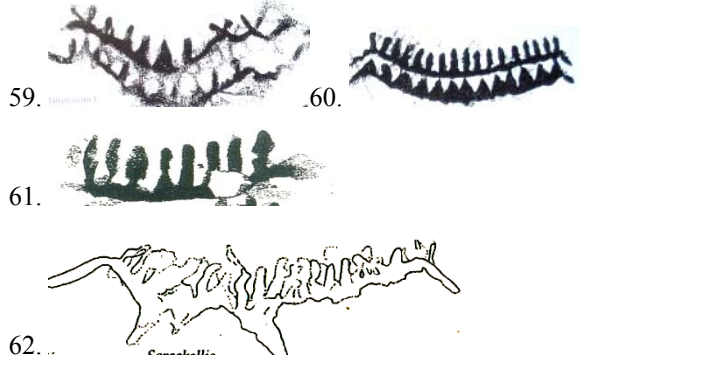
Таблица

Изображение лодок в наскальном искусстве Евразии

Регион	Памятники наскального искусства	Основные образы водного транспортного средства
Северная Азия		
1. Чукотка	Петроглифы Пегтымеля	

2. Дальневосточный регион (писаницы реки Олекмы и верхнего Приамурья)	Сикачи-Алян Калиновка Басынай Олекма Писаница Чара	
3. Восточная Сибирь	Писаница Чуру Тойон-Ары Олгуйдах Шишкинские писаницы	
4. Центральная Сибирь (петроглифы Среднего Енисея, Ангара)	Усть-Туба IV-2.1. Усть-Туба III-72.3. Усть-Туба III. Усть-Туба III-3.2, 3.3. 5 Тепсей-I. Третий каменный остров. Второй каменный остров. Писаница у Свирска. Каменка-1, плоскость 3,5	

		25. 26. 27. 28. 29. 30. 31. 32. 33. 34.
5. Западная Сибирь	Томская писаница. Новоромановская писаница. Никольская писаница.	35. 36. 37. 38. 39. 40. 41. 42. 43. 44.

6. Северо-запад Европейской России	Залавруга I. Залавруга II. Пери Нос. Мыс II.	
	Петроглифы Канозера.	
7. Балтийско-скандинавский регион	Уйттамонсалми I, II. Саараакалио. Руоминкапия. Саркаведан. Хауккавуори. Миллилампи. Астувансалми.	

63.

64.

65.

66.

67.

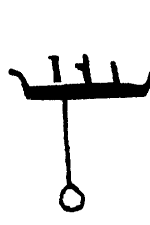
68.

69.

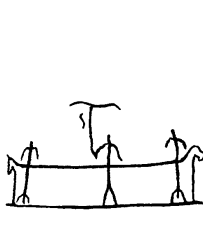
70.

71.

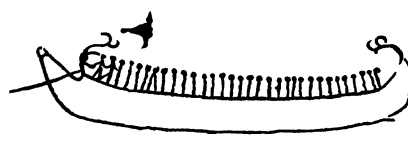
72.

73.

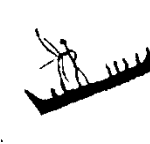
74.

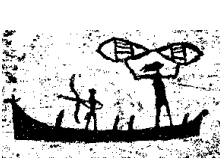
75.

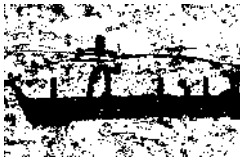
76.

77.

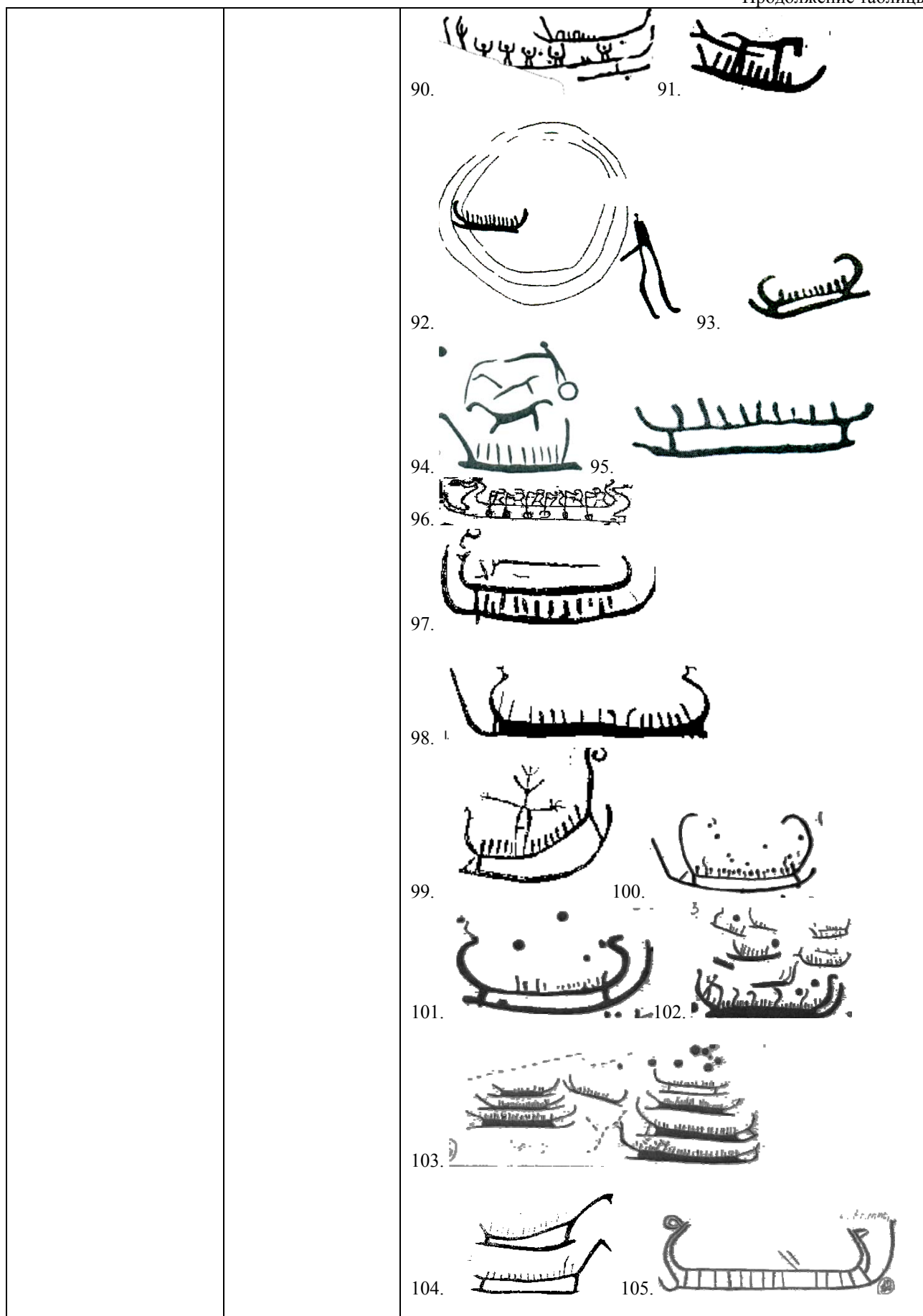

78.

79.

Примечания:

Северная Азия, Чукотка: 1 – 3 – Пегтымель [2]; *Дальневосточный регион:* 4 – Сикачи-Алян [16], 5 – Калиновка [16]; 6 – Басынай [19]; 7 – Олекма [19]; 8 – Писаница Чара [19]; *Восточная Сибирь:* 9 – Чуру, средняя Лена, 10 – Тойон – Ары, средняя Лена 11 – Олгуйдах, средняя Лена [15]; 12 – Мая, р. Алдан [12], 13 – 15 – Шишкино, Верхняя Лена [15]; *Центральная Сибирь:* 16 – Третий каменный остров [18], 17 – 19 – Второй каменный остров [18], 31 – Писаница у Свирска [18], 21 – Каменка-1, плоскость 3; 22 – Каменка-1, плоскость 5 [7], 16 – Усть-Туба-IV-2.1, 17 – Усть-Туба-III-72.3, 18 – Усть-Туба III, 19 – 22 – Усть-Туба III-3.2, 3.3, 20 – Тепсей-I, За3 [30], 21, 22 – Усть-кулог [30], 23 – 30 – Шалаболино, средний Енисей Мартынов, Пяткин, 1985) [4]; *Западная Сибирь:* 35 – 37, 41, 42, 44 – Новоромановская писаница [16], 39, 40, 43 – Томская писаница [16]; *Северо-Запад Европейской части России:* 45 – 48 – Залавруга I [19], 49, 50 – Залавруга I [22], 51 – Карецкий Нос [19], 52 – 58 – Канозеро, о. Каменный, о. Еловый [11]; *Балтийско-скандинавский регион:* 59 – 61 – Уйттамонсалми I [29]; 62, 71, 74 – Сааракалио [29]; 63 – Руоминкапия [29]; 64, 65, 66 Уйттамонсалми II [29]; 67 – Саркаведан, Хауккавуори [29], 68, 69 – Астувансалми [25]; 70, 71 – Бербуктен 4 Б [31], 72, 73 – Альта [31], 74 – Йиебмалуокта [29], 80 – 89 – Богуслен [31], 90 – 105 – Упланд [31].

Автором были выделены хронологические рамки данного образа. К V тыс. до н. э. относятся первые изображения лодок на писаницах Альты и Богуслена [4, с. 164]. XIX в. н. э. датируются петроглифы Пегтымеля с использованием трассологического метода [24, с. 43].

Водное транспортное средство и семантика образа. Наскальное искусство в современной науке является одним из важнейших видов археологических источников, который является наиболее трудно интерпретируемым материалом. «Прочтение» смысла, заложенного в наскальные рисунки их создателями, является одной из наиболее сложных проблем петроглифологии [26, с. 237].

На протяжении многих десятилетий такие ученые, как В. И. Равдоникас [22], А. М. Линевский [10]; А. Я. Брюсов [1]; Ю. А. Савватеев [25]; А. П. Окладников [16–21], А. И. Мартынов [14; 15]; М. А. Дэвлет [3]; А. Л. Заика [7] пытались решить проблему особенностей семантических изображений лодок в наскальном искусстве Евразии.

Несмотря на большой интерес к проблеме, семантика изображений лодок остается на сегодняшний день открытым вопросом, в связи с этим автор может отметить следующие основные на его взгляд объяснения.

Изображение лодок является достаточно устойчивым в наскальном искусстве Евразии и в известной мере особенностью и изобразительным символом огромной территории. Это проявлялось не только в широкой распространенности изображений лодок на скалах регионов, но и в проникновении самого образа в иные сюжеты человеческого мировоззрения. В настоящее время существует несколько объяснений изображений лодок в наскальном искусстве. Наиболее распространенной является гипотеза о «соляных лодках» и «мифических лодках мертвых». Эта точка зрения была высказана В. И. Равдоникасом и в дальнейшем поддержана рядом других исследователей. Вместе с тем еще в 40-е годы прошлого века А. Я. Брюсовым было высказано мнение, что на скалах изображались реальные лодки [1, с. 21]. Символ лодок, связанный с водой, движением, выполнял связующую роль в сознании людей между средним и нижним миром мертвых (предков) [14].

На взгляд автора, устойчиво придерживаться двух противоположных точек зрения («соляные лодки» или «лодки мертвых») и применять его ко всем изображе-

ниям является неуместным, поскольку данный образ в искусстве имеет более глубокую разъяснительную семантику и традицию. Понятно, что лодки были и есть реальные, вопрос: в какой степени петроглифы изображают реальные лодки.

Изобретение водного транспортного средства получило отражение в наскальном искусстве, что воссоздавало общую мировоззренческо-мифологическую специфику распространения древних обитателей регионов. По этой причине рисунки с образом лодок известны на костяных и металлических предметах (шаманские бляхи из Сибири, бронзовые бритвы с соляными ладьями) [27, с. 108], изображениях на погребальных плитах и камнях церкви Санда (Готланд), Хеггебу (Упланд), камне из Спарлеза, на каменных печатях (о. Крит), на стенах Хакасско-Минусинского региона, поминальных вендельских плитах [6]. Известны устные и письменные источники, упоминания историографического плана; мифологические и эпические памятники народов Сибири, Дальнего Востока, Скандинавии, Полинезии и других территорий, где известны сюжеты с лодкой.

Использование ладьи в различных обрядах находит широкое распространение у тех народов, чья жизнь и благополучие были связаны с водой. Это подтверждается тем, что нет аналогов этого образа в контексте культурно-исторического ландшафта в горно-долинные и степные районы Евразии, где преобладала верховая езда, сложившаяся в палеометаллической эпохе, диктуемые геосредой, различные типы скотоводства.

Водные транспортные средства как исторический источник. В процессе изучения лодок как исторического источника мы можем получить представление о судостроении и кораблестроении различных эпох и регионов, а также рассмотреть стадиальную эволюцию от простейших плотов до кораблей с парусами, проследить, как усложнялись их конструкции в связи с необходимостью наращивания скорости, мореходности и грузоподъемности.

Проводя параллели и анализируя археологический материал, мы можем выявить, что при создании образа лодки древние мастера ориентировались на ее реальный прототип. Поэтому во многих случаях эти изображения могут служить источником для анализа технических и конструктивных особенностей лодок как транспортного средства, а также для установки дати-

ровки изображений их на скалах и многих других вопросов.

Выводы

Памятники изобразительного искусства являются важным историческим источником по истории и культуре, особенно дописьменного периода. Использование наскальных изображений Северной Европы и Северной Азии с образом водных транспортных средств в качестве источника для реконструкции наиболее важных культурно-исторических процессов, которые происходили на территории Евразии.

Таким образом, на Евразийском пространстве существуют две основные глобальные зоны петроглифов с колесницами, образами баранов, козлов и оленей, и с лодками, изображениями северных оленей. Зона лодок выделена автором на 2 макрзоны – Северная Азия и Северная Европа. В неолите с помощью лодок активно осваивали новые территории, и этот факт нашел отражение в наскальном искусстве. А в палеометалле юга центральной и средней Азии аналогичное значение имели колесницы и повозки, которые использовали как в хозяйственной деятельности, так и в кочевой жизни.

Изобразительные памятники от эпохи неолита до этнографического времени ценны не только в эстетическом отношении: они являются важным историческим источником по истории и культуре древнейших зон трансконтинентальных коммуникаций, особенно дописьменного периода. Использование наскальных изображений Северной Европы и Северной Азии с образом водных транспортных средств в качестве источника для реконструкции наиболее важных культурно-исторических процессов, которые происходили на территории Евразии, позволит путем анализа и интерпретации раскрыть их смысловое содержание, выявить общие закономерности развития систем духовно-мировоззренческих ценностей населения обозначенного региона в древности.

Схожесть и различие образов, сюжетов на двух естественноисторических территориях – Северной Азии и Северной Европы – дает нам возможность выявить общую мировоззренческую основу населения на весьма обширной территории Северной Евразии, которая была зоной интенсивных контактов, перемещений больших масс людей и активной культурно-исторической интеграции.

Литература

1. Брюсов, А. Я. История древней Карелии / А. Я. Брюсов // Труды ГИМ. – Вып. IX. – М., 1940.
2. Диков, Н. Н. Наскальные загадки древней Чукотки. (Петроглифы Пегтымеля) / Н. Н. Диков. – М.: Наука, 1971. – 134 с.
3. Дэвлет, М. А. Средства передвижения сибирских аборигенов в древности (по материалам петроглифов) / М. А. Дэвлет // Археолого-этнографические исследования в южнотаежной зоне Западной Сибири. – Томск, 2003. – С. 42 – 64
4. Дэвлет, Е. Г. Мифы в камне: мир наскального искусства России / Е. Г. Дэвлет, М. А. Дэвлет. – М.: Алетейя, 2005. – 472 с.
5. Джафарзаде, И. М. Гобустан. Наскальные изображения / И. М. Джафарзаде. – Баку: Изд-во Элм, 1973. – 347 с.
6. Ерофеева, Н. Н. Мифы народов мира. Энциклопедия: Ладыя / Н. Н. Ерофеева. – М.: Наука, 1987. – С. 134.
7. Заика, А. Л. Лодки в страну предков: (анализ сюжета в петроглифах Нижней Ангары) / А. Л. Заика // История и культура Приенисейской Сибири. – Красноярск: РИО КГПУ, 2003. – С. 21 – 31.
8. Кочмар, Н. Н. Писаницы Якутии. История и культура Востока Азии / Н. Н. Кочмар – Новосибирск: Наука, 1994. – 262 с.
9. Кубарев, В. Д. Петроглифы Алтая / В. Д. Кубарев, Е. П. Маточкин. – Новосибирск: Наука, 1992. – 123 с.
10. Линецкий, А. М. Петроглифы Карелии. Ч. 1. / А. М. Линецкий. – Петрозаводск, Каргосиздат, 1939. – 194 с.
11. Лихачев, В. А. Рисунки Канозера. Открытие, изучение, сохранение / В. А. Лихачев. – Апатиты, 2011. – 126 с.
12. Лобанова, Н. В. Тайны петроглифов Карелии / Н. В. Лобанова. – Петрозаводск: Изд-во Острова, 2005. – 32 с.
13. Мазин, А. И. Таежные писаницы Приамурья / А. И. Мазин. – Новосибирск: Наука, Сибир. отделение, 1986. – 260 с.
14. Мартынов, А. И. Лодки – в страну предков / А. И. Мартынов. – Кемерово, 1966. – 35 с.
15. Мартынов, А. И. Археологические факты и исторический процесс в степной Евразии / А. И. Мартынов // ВАК ТГУ. История. – 2013. – № 3 (23). – С. 45.
16. Окладников, А. П. Петроглифы Нижнего Амура / А. П. Окладников. – Л., 1971. – 335 с.
17. Окладников, А. П. Ленские писаницы / А. П. Окладников, В. Д. Запорожская. – М.; Л.: Наука, 1959. – 198 с.
18. Окладников, А. П. Сокровища Томских писаниц / А. П. Окладников, А. И. Мартынов. – М., 1972. – 255 с.
19. Окладников, А. П. Писаницы р. Олекмы и Верхнего Приамурья / А. П. Окладников, А. И. Мазин. – Новосибирск, 1976. – 188 с.
20. Окладников, А. П. Шишкинские писаницы. Памятники Древней культуры Прибайкалья / А. П. Окладников. – Иркутск: Иркутское книжное изд-во, 1959. – 212 с.
21. Окладников, А. П. Петроглифы Ангары / А. П. Окладников. – М.; Л.: Наука, 1966. – 322 с.
22. Равдоникас, В. И. Наскальные изображения Онежского озера и белого моря. Ч. 1 – 2 / В. И. Равдоникас – М.; Л.: АН СССР, 1936 – 1938. – Ч. 1. Наскальные изображения Онежского озера. – 1936 – 213 с.

23. Тарасов, А. Ю. Новые материалы с поселения Залавруга I и проблемы датирования петроглифов Новой Залавруги / А. Ю. Тарасов, А. И. Мурашкин // Археологические Вести. – СПб, 2002. – № 9. – С. 123 – 127.
24. Питулько, В. В. Пегтымельские петроглифы: датировка и события / В. В. Питулько // II Диковские чтения: материалы научно-практической конференции, посвященные 70-летию Дальностроя. – Магадан, 2001. – С. 43.
25. Савватеев, Ю. А. Рисунки на скалах / Ю. А. Савватеев. – Петрозаводск: Карельское книжное издательство, 1967. – 108 с.
26. Советова, О. С. Язык жестов в наскальном искусстве / О. С. Советова // Мир наскального искусства: сб. докл. Междунар. конф. – М., 2005. – С. 237.
27. Формозов, А. А. Очерки по первобытному искусству: наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР / А. А. Формозов. – М.: Наука, 1969. – 253 с.
28. Шер, Я. А. Петроглифы средней и центральной Азии / Я. А. Шер. – М.: Наука, 1980. – 328 с.
29. Kivikas, P. Vorhistorische Felsmalerei in Finnland / P. Kivikas. – Berlin: Atena, 1997. – 64 p.
30. Sher, J. A. Sibirie du Sud 4: Cheremushny Log, Ust-Kulog. (Russie, Khakassi) / J. A. Sher, N. Legtchilo, D. Savinov // Repertoire des Petroglyphes в Asie Centrale. – Paris, 1999. – Fascicule № 4. – 125 с.
31. Sveen, A. Rock Carvings / A. Sveen. – Jiepmaluokta: Alta. 1999. – 76 p.

Информация об авторе:

Куликова Анна Сергеевна – аспирант кафедры археологии КемГУ, 8-913-316-33-67, kulikova@phkp.ru.

Anna S. Kulikova – post-graduate student at the Department of Archaeology, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 04.04.2014 г.

УДК 94(477.74) 351.853 «196/197»

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВЕННОСТИ В ДЕЛЕ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ В КРЫМУ (конец 60-х – 70-е гг. XX века)

А. А. Соколов

STATE AND PUBLIC COOPERATION IN THE PROTECTION OF HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE IN THE CRIMEA (late 1960s – 1970s)

A. A. Sokolov

Рассмотрены наиболее показательные практические мероприятия, которые отображают совместную деятельность Украинского общества охраны памятников истории и культуры и государственных властей в Крыму. Особое внимание уделено вопросам проведения реставрационных работ, паспортизации и постановки памятников на государственный учет.

The most significant activities are considered. They show the collaboration of the Ukrainian society for protection of historical and cultural heritage and the government of Crimea. Special attention is given to the aspects of the heritage sites restoration, their certification and public registration.

Ключевые слова: памятники истории и культуры, разрушение, учет, реставрация, Украинское общество охраны памятников истории и культуры.

Keywords: historical and cultural heritage, destruction, registration, restoration, Ukrainian society for historical and cultural heritage protection.

Важное место в деле охраны недвижимых памятников истории и культуры занимает проблема сосуществования и взаимодействия двух ее форм – государственной и общественной. Первая из них, как правило, выражается в принятии законов, надзоре за исполнением, ремонте, реставрации и др. Общественная охрана памятников стремится к защите, изучению и популяризации объектов культурного наследия среди широких слоев населения.

Изучению истории дела охраны памятников Крыма в рассматриваемый период посвящен ряд исследований. Среди последних – научные штудии А. А. Непомнящего и Н. В. Кармазиной [21]. Однако эти работы, несмотря на их актуальность, не дают обобщенного

представления о всей системе охраны памятников включая взаимодействие общественных и государственных форм. В этой связи комплексное исследование истории памятникоохранительного дела представляется весьма интересным.

В СССР партийное руководство определяло формирование составляющих культурной политики и направлений его развития. Главным органом, координирующим всю памятникоохранительную работу, было Министерство культуры СССР и союзных республик. Свою деятельность данное ведомство осуществляло централизованно: в областях – через областные управления культуры, в районах и городах – через районные

и городские отделы при местных исполкомах [1, с. 182].

Сфера культуры в советское время представляла собой мощное средство воздействия на сознание людей, инструмент внедрения господствующих идеологических ценностей. Культурная политика оставалась в прямой зависимости от влияния действующего политического режима, определяющего его финансовую и юридическую основу. В 60-е гг. XX века государственные и общественные институты столкнулись с целым комплексом проблем, связанных с изучением, сохранением и использованием памятников. Причиной этому стало и низкое качество реставрационных работ, и неэффективность мер по обеспечению сохранности памятников, и недостаточное финансирование и слабое общественное участие. Остро чувствовалась практически полная неразработанность вопросов методического и практического обеспечения охраны памятников на местах. Поиску путей из сложившейся ситуации способствовало наступление нового периода в развитии памятниковоохранительного дела, связанного с образованием Украинского общества охраны памятников истории и культуры (далее – УООПИК).

УООПИК – массовая общественная организация, занимавшаяся сохранением и популяризацией недвижимых памятников истории и культуры. Его членами были представители самых разных профессий и слоев населения. Принцип добровольности при вступлении в организацию действовал весьма формально, что характерно для данного периода. Региональные организации Общества создавались под покровительством местных управлений и отделов культуры. Для придания новой организации солидности в числе ее руководителей были высокие должностные лица из государственных и партийных структур. Активной прослойкой Общества стали преподаватели высших и среднеспециальных учебных заведений Крыма. В Крымской области и г. Севастополе создание большинства организаций проходило в 1965 – 1968 годах [21, с. 31].

При правлении Крымской организации в 1967 г. были созданы секции: пропаганды, историко-революционная, военно-историческая, археологии, памятников письменности, юных следопытов, научно-методический совет. В 1968 г. к ним добавилась секция архитектуры и искусства, а в 1969 году – правовой защиты историко-культурного наследия [11, с. 32]. В Севастопольской городской организации действовали секции военно-исторических памятников, историко-революционных, юношеская, памятников археологии, градостроительства и архитектуры [11, л. 78].

Основным источником финансирования УООПИК были членские взносы, доходы от которых шли не только на потребности организации, но и на проводимые охранные мероприятия. Поэтому привлечение новых членов имело большое значение для деятельности Общества. Четко планируя свою работу и распределяя обязанности, Общество сумело быстро создать разветвленную сеть отделений в городах и районах.

Свою деятельность Общество осуществляло в тесном контакте с государственными органами, часто помогая в решении сложных вопросов и осуществлении масштабных проектов охраны памятников. Основными

направлениями их взаимодействия были: реставрация памятников, пропаганда памятниковоохранительного дела среди населения, проведение общественных смотров, контроль за соблюдением советского законодательства в области охраны культурного наследия.

К середине 60-х гг. XX века состояние многих памятников истории и архитектуры вызывало серьезные опасения, а иногда угрожало полному исчезновению. Предыдущие десятилетия разрешений, целенаправленного уничтожения, безразличия и нещадной эксплуатации пагубно сказались на их внешнем виде. В результате бесконтрольности некоторые организации, арендовавшие здания, являвшиеся памятниками, своевременно их не ремонтировали, допуская произвольные внутренние переделки и разрушения отдельных элементов [14, л. 3]. В 1968 – 1969 гг. начались реставрационные работы в евпаторийской мечети Джума-Джами, в Судакском крепости, в церкви Иоанна Предтечи в Керчи, в монастыре Сурб-Хач в Старом Крыму, в мечете Муфти-Джами и церкви Архангелов в Феодосии. На эти мероприятия только в 1970 г. из государственного бюджета было выделено 78600 рублей, из средств Крымской областной организации УООПИК – 1500 рублей, за счет спецсредств – 35000 рублей [14, л. 21]. УООПИК принимало долевое участие практически во всех реставрациях памятников данного периода [3, с. 4].

Однако, даже наличие средств не могло обеспечить выполнение намеченных планов работ. В Крыму не было специализированных научно-реставрационных организаций, а также квалифицированных кадров. Порой выделенные финансы оставались неосвоенными. Так, в 1969 – 1970 гг. из 300 тысяч рублей, выделенных Госстроем УССР и УООПИК, неизрасходованными остались 100 тысяч. Это обстоятельство подтолкнуло Крымские власти к организации уже в 1970 г. собственных мастерских [7, л. 163]. Разместить их было решено было в здании памятника архитектуры «Воронцовский дворец» [9, л. 16]. Практически сразу деятельность мастерской положительно сказалась на ходе реставраций. В сообщении в Госстрой УССР начальник отдела по делам строительства и архитектуры Виктор Парурович Мелик-Парсаданов 10 июля 1972 г. отмечал, что в связи с организацией Крымской научно-реставрационной мастерской, ведение работ по реставрации мечети Джума-Джами в Евпатории значительно улучшилось [11, л. 28].

С середины 70-х гг. наблюдалось устойчивое повышение бюджетных ассигнований на реставрацию и благоустройство памятников, а также расширение источников финансирования. Отрицательную роль играло и наличие планового характера освоения средств, выделяемых центральными и местными бюджетами на реставрацию памятников. Руководителей реставрации часто заботило не качество отреставрированных объектов, а количество израсходованных по плану ассигнований. Наиболее показательна в этом плане реставрация «Братского кладбища» времен Крымской войны. Начавшись в 1969 г., работы затянулись почти на десять лет и вызывали серьезные нарекания архитекторов. Все это время исполнители отчитывались только по факту освоенных средств, иногда специально завы-

шая смету [12, л. 4]. Участие Общества в процессах восстановления памятников позволило сделать их более открытыми для критики и поощрения. С начала 70-х гг. XX века в практику большинства районных и городских организаций вошли публичные доклады и защиты проектов реставрационных работ. Такие слушания позволили контролировать работу подрядчиков, особенно на объектах, восстановление которых шло на средства Общества, вовремя выявить и приостановить некачественную реставрацию, принять меры по выделению дополнительных ассигнований [12, л. 30 – 31].

Одной из основных форм привлечения общественности к решению памятникоохранительных задач явились всенародные смотры памятников. В 60 – 80-х годах в честь важных исторических дат в УССР было проведено несколько таких смотров. В 1965 – 1967, 1976 – 1977, 1986 – 1987 годах – смотр памятников, связанных с завоеваниями Советской власти, посвященных юбилейным датам Великой Октябрьской Социалистической революции; в 1965 году – смотр-конкурс в честь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина; в 1972 году – смотр-конкурс к 50-летию образования СССР; в 1975, 1980, 1985 годах – смотр памятников боевой славы, посвященный юбилеям Победы в Великой Отечественной войне и др. Смотры были рассчитаны на активизацию памятникоохранительной деятельности на местах с целью улучшения их благоустройства, изучения, учета и популяризации. Для их организации под эгидой исполкомов создавались Организационные комитеты, состоявшие из представителей управления культуры, районных исполкомов, горкома партии, депутатов городских советов и УООПИК. Целью деятельности комитетов было определение основного плана работы предстоящего смотра.

В период смотра, как правило, активизировалась работа Общества по созданию тематических выставок, проведению научных семинаров и конференций. Предприятия, шефствовавшие над памятниками, организовывали субботники и занимались их благоустройством. Силами УООПИК, городских и районных властей устанавливались новые памятники, мемориальные доски, памятные камни и др. Широко практиковался обмен передвижными выставками, показ документальных фильмов, демонстрации экспонатов из фондов музеев. Большое участие в смотре принимали школы и высшие учебные заведения. Учащиеся были задействованы практически во всех мероприятиях. Специально к праздничным дням готовили театрализованные представления, шествия, экскурсии, вечера памяти, возложения цветов [2; 4; 19; 23].

Вместе с этим при подготовке смотров было и много проблем. Не всегда шефствующие организации проводили работу качественно и в срок, а некоторые только формально осуществляли уход за памятниками. В целом сами смотры проходили с чрезмерной показательностью, что должно было демонстрировать «заботу» руководства партии и советского правительства о своем культурном и историческом наследии [18; 25].

Первостепенная роль государства, с одной стороны, и расширение участия общественных сил, с другой стороны, характерные для этого периода, нашли свое отражение и в советском законодательстве. Решения и

постановления, принятые на протяжении 60-х – 70-х гг. XX века, создали предпосылки для появления не только скоординированной централизованной системы охраны памятников, но и единого закона, объединившего все предложения и замечания [27, с. 9].

Принятие Общесоюзного (1976 г.) и республиканского (1978 г.) Законов «Об охране и пользовании памятников истории и культуры» стало новым этапом нормотворческой деятельности советского государства в этом направлении. Следует отметить, что в отличие от предыдущих документов проекты Закона, в обеих редакциях опубликованные в периодической печати, были вынесены на всеобщее обсуждение. Свои рекомендации и предложения внесли различные министерства, ведомства, президиумы областных и республиканского правления УООПИК.

Принятие законов имело большое значение. По своему значению они стали актами первичного характера, правовые предписания которых должны были зафиксировать отправные начала дальнейшей системы нормотворчества в сфере сбережения культурных ценностей. Важным стало то, что в законах давалось более точное и полное определение памятникам истории и культуры. Были выработаны общие для всех памятников и типов их собственности требования охраны и использования, соблюдать которые были обязаны все граждане, государственные и общественные структуры. Привлечение внимания общественности к обсуждению статей закона вынудило местные органы более тщательно относиться к различным аспектам охраны памятников.

Однако, несмотря на очевидные достоинства, закон не был избавлен от декларативности. По причине размытости ряда статей требовалась детализация практических действий в области сохранения культурного наследия. Часто государственные органы слабо использовали закон на практике. Так, фактически отсутствовала всякая практика по привлечению лиц к уголовной или административной ответственности за порчу памятников.

Через призму Закона «Об охране памятников истории и культуры СССР» стали рассматриваться вопросы сохранения исторических городов и других населенных пунктов в которых были сосредоточены ценные историко-культурные памятники. Одним из этапов реализации закона стало издание постановления Совета Министров УССР от 31 января 1978 г. о создании Херсонесского государственного историко-культурного заповедника в г. Севастополе. На площади 38,4 гектара расположено более тысячи памятников археологии и архитектуры, в том числе 600 раскопанных памятников Херсонесского городища VI – IV веков до н. э., уникальных в своем роде клеров («Гераклейские клеры»), крепостей Чембало и Каламита [24, с. 39 – 40]. Уже в первые годы существования заповедника было отреставрировано десять архитектурных комплексов, восемь жилых кварталов, 300 кв. метров мозаики VI – X вв. н. э., 1650 предметов материальной культуры, 20 кв. метров фресковой живописи. Но в последующие годы из-за недостаточного финансирования существенной проблемой в деятельности Херсо-

несского заповедника было замедление темпов ремонтно-реставрационных работ [5, с. 84].

В связи с принятием закона исполкомы городов Крымской области и города Севастополя обратили пристальное внимание на проблемы использования памятников и утверждение проектов охранных зон. Решением облисполкома от 15 января 1980 г. «Об утверждении охранных зон на памятниках истории и культуры» председателям райисполкомов, главным архитекторам городов и руководителям строительных организаций Крыма указывалось на ответственность за нарушение режима охранных зон [6, л. 205]. Подобная информация хоть и не всегда доходила до всех адресатов, но имела важное профилактическое воздействие.

Так, в 1980 г. по заданию Министерства культуры СССР была разработана «Генеральная схема зон охраны памятников культуры и природы г. Керчи», которая определяла охранные территории, зоны охраны памятников и регулирования застройки. Схема являлась составной частью разработанного в 1979 году «Исторического опорного плана центральной части г. Керчи», суммировавшего многолетнюю работу исследователей на территории города [26, с. 206].

Одним из мероприятий, в котором активную роль играли крымские краеведы и активисты УООПИК, стало проведение унификации памятникоохранительной документации. К концу 70-х гг. к уже существовавшим республиканским и местным была учреждена еще одна категория памятников – общесоюзная. Необходимость усовершенствования системы выявления и учета памятников выдвинуло задачу создания обобщающего научно-справочного издания – «Свода памятников истории и культуры СССР». Предполагалось, что эта работа должна была стать не только основным документом учета памятников, но и энциклопедией культуры страны, материалы которой послужили бы основой для патриотического воспитания, роста интереса к истории и национального самосознания [20, с. 6]. Работа над Сводом, начатая еще в 1965 г., предполагала привлечение большого количества специалистов на местах [22, с. 96]. При подготовке материалов для «Свода памятников» в Крымской области до 1985 г. было обследовано 294 памятника археологии, 1079 истории и 208 искусства [24, с. 5]. Несмотря на определенные трудности, значение Свода нельзя недооценить. В эти годы было выявлено и описано большое количество ранее не известных памятников, многие из которых были приняты на государственную охрану. Работа по составлению Свода активизировала научные и общественные силы регионов, что в свою очередь повлияло на изучение и сохранение местного историко-культурного наследия [22, с. 96].

Работа над статьями Свода была тесно связана с составлением паспортов памятников. В 1972 г. была утверждена единая форма учетных документов на недвижимые памятники истории и культуры – «паспорт» и «учетная карточка». В целом по Крымской области паспортизация проходила организованно, но не без сложностей, с которыми пришлось столкнуться на начальном этапе: не хватало специалистов – историков, архитекторов, искусствоведов; ограниченным было количество архивных источников, на основе которых

составлялись паспортные данные о памятниках. Управление культуры Крымоблисполкома регулировало ход паспортизации. Приказами № 334 от 14 октября 1976 г. и № 45 от 23 февраля 1977 г. были утверждены графики выездов сотрудников на обследование памятников, обозначены сроки завершения паспортизации в каждом из городов и районов области. Завершилась паспортизация памятников в Крымской области, как и в целом по УССР, в 1978 году. На составление учетной документации было потрачено 34411 рублей, причем за счет местного бюджета – 29411 рублей, а за счет областной организации Общества – 5 тыс. рублей. В итоге на государственный учет было взято 3495 памятников. Из них:

- археологии – 847,
- архитектуры и градостроительства – 232,
- истории и культуры – 2416, кроме того, 78 памятников имели статус союзного значения, 29 – республиканского [16, с. 113].

Рассматривая достижения государственных органов и общественности в деле охраны памятников истории и культур, нельзя не отметить факты целенаправленных уничтожений памятников. Наиболее подверженными разрушениям в исследуемый период были памятники археологии. Основными причинами этому были расширение пахотных земель колхозами и совхозами, а также увеличение темпов жилого, шоссежного и промышленного строительства. Так, в 1977 г. по вине руководителей таких хозяйств были уничтожены: курганы на 55 километре шоссе Симферополь – Феодосия в Белогорском районе; курган на 4 километре дороги Белогорск – Александровка, курган около села Карасивка в этом же районе; курганы Новоандреевского, Денисовского сельсоветов Симферопольского района, а также братское кладбище воинов, погибших в Альминском сражении (1854 г.) в Бахчисарайском районе. При возведении комплекса платин на землях колхоза им. А. В. Суворова Белогорского района по вине подрядчика был частично уничтожен культурный слой палеолитической стоянки Сари-Кая. Для установления степени уничтожения памятника по распоряжению заместителя главы облисполкома Р. М. Чепуриной была создана комиссия. В результате был составлен договор между Институтом археологии АН УССР и Крымским областным управлением сельского хозяйства на проведение в 1978 г. раскопок стоянки под руководством кандидата исторических наук Ю. Г. Колосова [8, л. 6].

Таким образом, конец 60-х – 70-е гг. XX века стали качественно новым этапом в развитии памятникоохранительного дела в Крыму. В этот период практически во всех сферах государственной культурной политики произошли изменения. Были приняты единые нормы законодательства по охране памятников, увеличены объемы реставрационных работ и их ассигнование, возросло количество учтенных, изученных и взятых под государственную охрану памятников, появились новые комплексные формы пропаганды наследия, в частности смотры. Крымская областная и городские организации УООПИК, работая в тесном взаимодействии с государственными органами, сформировали систему общественного контроля за состоянием памятни-

ков. Многие практические меры активно поддерживались и финансировались Обществом, в особенности когда речь шла о реставрации.

Вместе с этим в деле охраны памятников имели место серьезные недостатки и нерешенные проблемы. Часто принятые нормативно-правовые акты не исполнялись и грубо нарушались при проведении строительных и сельскохозяйственных работ. Под ковшом экс-

каваторов оказались десятки уникальных памятников археологии. Не был налажен должный контроль за шефствующими над памятниками организациями, что позволяло им формально относиться к своим обязательствам. Отсутствовал комплексный подход к охране памятников, с учетом необходимых потребностей и существующих проблем.

Источники и литература

1. Акуленко, В. І. Охорона пам'яток культури в Україні / В. І. Акуленко. – К.: Вища школа, 1991. – 274 с.
2. Барбух, Н. А. Беречь и помнить / Н. А. Барбух // Крымская правда. – 1973. – 8 февраля. – С. 4.
3. Барбух, Н. А. Благородное дело / Н. А. Барбух // Крымская правда. – 1972. – 22 марта.
4. Барбух, Н. А. Смотр памятников истории и культуры / Н. А. Барбух // Крымская правда. – 1969. – 25 июля. – С. 3.
5. Войналович, В. А. Досвід і проблеми охорони пам'яток історії та культури в 60 – 80-х роках / В. А. Войналович, Ю. З. Данилюк // Охорона, використання та пропаганда пам'яток історії та культури в УРСР / Інститут історії АН УРСР: у 6 ч. – К., 1989. – Ч. 4.
6. ГААРК, ф. Р-1066, оп. 2, д. 425.
7. ГААРК, ф. Р-3287, оп. 7, д. 987.
8. ГААРК, ф. Р-3319, оп. 1, д. 1494, л. 6.
9. ГААРК, ф. Р-3385, оп. 1, д. 1242.
10. ГААРК, ф. Р-3385, оп. 1, д. 1325.
11. ГААРК, ф. Р-3385, оп. 1, д. 879.
12. ГАГС, ф. Р-504, оп. 1, д. 98.
13. Горбик, В. О. Участь бібліотек у підготовці «Зводу пам'яток історії і культури» / В. О. Горбик // Охорона, використання та пропаганда пам'яток історії та культури в УРСР / Інститут історії АН УРСР: у 6 ч. – К., 1989. – Ч. 6.
14. Государственный архив в Автономной Республике Крым (далее – ГААРК), ф. Р-3319, оп. 1, д. 706.
15. Государственный архив города Севастополя (далее – ГАГС), ф. Р-504, оп. 1, д. 106.
16. Кармазина, Н. В. З історії збереження історико-культурної спадщини в Криму в 60 – 80 рр. ХХ ст. / Н. В. Кармазина // Красзнавство. – 2009. – № 3 – 4.
17. Кармазіна, Н. В. Нариси розвитку історичного красзнавства в Криму (1954 – 1991 рр.) / Н. В. Кармазіна // Таврійський нац. ун-т ім. В. І. Вернадського; за ред. А. А. Непомнящего. – Сімферополь, 2005. – 177 с. – (Серія: Біобібліографія кримознавства. – Вип. 4).
18. Ляхович, А. А. Большой смотр / А. А. Ляхович // Слава Севастополя. – 1969. – 12 марта. – С. 4.
19. Марченко, П. В. В памяти народной / П. В. Марченко // Крымская правда. – 1970. – 12 марта. – С. 3.
20. Методические рекомендации по подготовке Свода памятников истории и культуры / под ред. Л. Г. Бескровного, П. В. Маковецкого, О. А. Швидковского. – М., 1972. – 244 с.
21. Непомнящий, А. А. Українське товариство охорони пам'яток історії та культури в Криму / А. А. Непомнящий, Н. В. Кармазіна // Збережена спадщина: Українському товариству охорони пам'яток історії та культури 40 років : зб. матер. і док. / Центр пам'яткознавства НАН України і УООПІК. – К., 2007. – С. 29 – 48.
22. Полякова, М. А. Охрана культурного наследия России: учеб. пособие для вузов / М. А. Полякова – М.: Дрофа, 2005. – 271 с.
23. Посадков, К. И. Беречь памятники / К. И. Посадков // Победа. – 1978. – 13 июля. – С. 2.
24. Сборник постановлений и распоряжений правительства УССР. – К., 1978. – № 2. – 442 с.
25. Спасеба, Л. А. Памятникам павшим – заботу живых / Л. А. Спасеба // Слава Севастополя. – 1973. – 14 апреля. – С. 4.
26. Федосеев, Н. Ф. Пантикапей и охрана памятников в Керчи / Н. Ф. Федосеев // Историческое наследие Крыма. – 2005. – № 9.
27. Шулепова, Э. А. О роли государственного и общественного руководства охраной памятников истории и культуры / Э. А. Шулепова // Вопросы охраны, реставрации и пропаганды памятников истории и культуры: сб. науч. труд. / НИИ культуры. – М., 1979.

Информация об авторе:

Соколов Андрей Андреевич – помощник проректора по научной работе Севастопольского морского института, 8-066-02-55-162, (0692) 44-04-95, saa.sev@rambler.ru.

Andrey A. Sokolov – Assistant to Vice-Rector for Scientific Work, Sevastopol Maritime Institute.

Статья поступила в редколлегию 21.04.2014 г.

МАТЕМАТИКА

УДК 519.7

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ВНЕДРЕНИЯ ИТ-ТЕХНОЛОГИЙ В ОРГАНИЗАЦИИ

А. М. Гудов

ESTIMATION OF EFFICIENCY OF IT-TECHNOLOGIES INTRODUCTION IN ORGANIZATION

A. M. Gudov

В статье представлен один из подходов к оценке результатов внедрения в организации ИТ-решений. Предлагается математическая модель оценки на основе упрощенного подхода. Демонстрируется применение модели для расчета интегрального показателя на основе данных образовательного учреждения при поэтапном внедрении элементов информационной среды.

The paper presents an approach to assessing the results of IT-solutions implementation in an organization. A mathematical model of estimation based on simplified approach is suggested. The author demonstrates how to use the model for calculation of integral index on the basis of an educational institutions data in phased implementation of the information environment elements.

Ключевые слова: оценка эффективности, ИТ-решения, распределенные информационные системы, оценочные комплексы.

Keywords: estimation of efficiency, IT-solutions, distributed information systems, evaluation complexes.

На сегодняшний день не существует общепринятого подхода к расчету эффективности использования информационных технологий в организации [6]. Проведенная систематизация существующих методик выявила, что они раскрывают разные параметры эффективности, как правило, результаты их применения разнородны и несогласованны. Большинство из предлагаемых методик заимствованы из финансового анализа и направлены только на оценку финансового эффекта от использования ИТ. Кроме того, в существующих методиках предполагается, что анализ эффективности проводится один раз после окончания внедрения ИТ-проекта, что не позволяет планировать и управлять эффективностью на стадиях реализации проекта.

Среди таких методик наиболее широкое распространение получила система сбалансированных показателей (Balanced Scorecard, BSC, ССП) [3]. ССП включает показатели для повышения эффективности работы организации в четырех сферах деятельности: финансы, работа с клиентами, обучение персонала и организация внутренних процессов. По каждому из данных направлений определяются факторы успеха и связанные с ними наборы измеряемых показателей, отражающие специфические требования по оценке эффективности бизнеса.

Однако использование таких методик представляет собой отдельную долговременную и сложную задачу, требующую наличия высококвалифицированных специалистов, определенных технических и финансовых ресурсов, а зачастую и серьезного детального исследования конкретного предприятия.

Поэтому для предварительной (качественной) оценки результатов внедрения элементов информационной среды можно использовать упрощенный локальный подход, учитывающий технологические ре-

шения, разработанные в рамках реализации ИТ-проекта.

Отличительными чертами предлагаемой модели являются:

- учет факторов, характерных для распределенных информационных систем (ИС);
- учет факторов жизненного цикла функционирования отдельной ИС в рамках информационной среды;
- учет факторов использования разработанных технологических решений;
- использование для оценки интегральных показателей;
- комплексная оценка совместного использования мультипликативного и аддитивного подходов.

В основе оценки эффективности функционирования распределенных информационных систем, основанных на портальных технологиях, лежат следующие методологические предпосылки [5].

1. Системы принадлежат к классу человеко-машинных систем (ЧМС), это относится и к их отдельным функциональным модулям. Следовательно, при исследовании эффективности таких систем независимо от их принадлежности к тому или иному типу ЧМС необходимо учитывать параметры и характеристики всех трех компонентов: человека (обслуживающего и управленческого персонала и пользователей), машины (программно-аппаратных и информационных средств) и производственной среды.

2. Процесс функционирования системы определяется рядом существенных показателей, параметров и факторов. Поэтому проводить оценку его эффективности как единого целого не всегда целесообразно, а зачастую трудно. Оценку можно выполнять отдельно для крупных функциональных частей, а затем полу-

ченные дифференциальные оценки использовать для формирования интегральных оценок всей системы.

3. Эффективность таких систем должна оцениваться с учетом влияния на процесс их функционирования всех оцениваемых факторов.

Среди факторов, определяющих эффективность функционирования распределенных систем, можно выделить: готовность, надежность, целостность и управляемость [2].

Определим коэффициенты эффективности исходя из возможности влияния основных факторов жизненного цикла ИС на ее функционирование в информационной среде и используемых технологических решений:

– количество обращений пользователей в ИТ-службу, повлекших за собой изменение в программном коде относительно общего количества обращений $Er_j = (Er1 / Er2)_j$;

– коэффициент времени 100 % обработки запросов, поступивших в систему, к общему времени работы системы за промежуток времени $T_j = (T1 / T2)_j$;

– коэффициент отказоустойчивости j -й компоненты системы за время эксплуатации системы $\lambda_j = n_j / N$, где N – общее число компонентов системы;

– коэффициент объема обработанных документов с использованием j -й ИС $V_j = ((V_s - V_b) / V_b)_j$, где V_s – объем документов, обработанный с использованием ИС за определенный период (один рабочий день); V_b – объем документов, обработанный без использования ИС (принимается за базовый) [2];

– коэффициент уменьшения времени обработки одной заявки пользователя с использованием j -ой системы $\tau_j = ((T_s - T_b) / T_b)_j$, где T_s – время обработки одной заявки с использованием ИС; T_b – время обработки одной заявки «вручную» [2];

– коэффициент управляемости системы при настройках на новую конфигурацию $\theta_j = (T_c / T_{imp})_j$,

где T_c – время, затраченное на конфигурирование системы; T_{imp} – время, затраченное на ввод системы в эксплуатацию;

– коэффициент управляемости системы при вводе начальных данных $\eta_j = (T_d / T_{imp})_j$, где T_d – время на ввод начальных данных в систему;

– коэффициент удобства изучения системы конечным пользователем $\alpha_j = (T_l / T_{mnt})_j$, где T_l – время изучения интерфейса системы; T_{mnt} – общее время эксплуатации системы;

– коэффициент удобства выполнения типовой операции пользователем $\beta_j = (n_T T_{op} / N_T T_{wrk})_j$, где

T_{op} – время выполнения типовой операции в системе; T_{wrk} – общее время работы в рамках одного сеанса; n_T – количество выполненных типовых операций в рамках одного сеанса; N_T – нормативный показатель;

– коэффициент стоимости владения компьютерным и телекоммуникационным оборудованием $K_{ct} = D_{ct} / D$, где D_{ct} – средства, затраченные на приобретение и установку компьютерного и телекоммуникационного оборудования; D – общий уровень затрат на увеличение основных фондов университета;

– коэффициент стоимости владения программным обеспечением $K_{sf} = D_{sf} / D$, где D_{sf} – стоимость приобретения и лицензирования «внешнего» ПО;

– коэффициент стоимости разработки ИС $K_{dev} = D_{dev} / D_{sc}$, где D_{dev} – стоимость средств, затраченных на разработку системы; D_{sc} – затраты на заработную плату специалистов, разрабатывающих и обслуживающих информационные системы.

Применим мультипликативный подход [1] и составим оценочные комплексы, характеризующие группы показателей эффективности. Получим набор следующих факторов.

1. Факторы готовности ИС выполнять свои функции: $F_j^1 = \sqrt[2]{T_j \lambda_j}$.

2. Факторы производительности при обработке документов и заявок: $F_j^2 = \sqrt[2]{V_j \tau_j}$.

3. Факторы управляемости системы: $F_j^3 = \sqrt[2]{\theta_j \eta_j}$.

4. Факторы удобства использования системы: $F_j^4 = \sqrt[2]{\alpha_j \beta_j}$.

5. Факторы стоимости владения программно-аппаратными средствами: $F^5 = \sqrt[3]{K_{ct} K_{sf} K_{dev}}$.

6. Фактор сопровождаемости системы: Er_j .

На основе этих оценочных групп составим комплексную оценку показателей эффективности F использования ИС через учет оценки эффективности ее компонент, используя аддитивный подход:

$$F = \frac{F^5}{N} \sum_{j=1}^N (\delta_1 F_j^1 + \delta_2 F_j^2 + \delta_3 F_j^3 + \delta_4 F_j^4 + \delta_5 Er_j)$$

где $\sum_k \delta_k = 1$; N – количество систем в рамках информационной среды.

Для расчета интегрального показателя используем данные, полученные в кемеровском государственном университете (КемГУ) при поэтапном внедрении элементов информационной среды за три года (Таблица 1).

Таблица 1

Средние значения коэффициентов по годам

<i>N n/n</i>	<i>Фактор</i>	<i>2008 г.</i>	<i>2009 г.</i>	<i>2010 г.</i>	<i>Среднее значение</i>
1.	$\sum E_{r_j}$	0,320	0,047	0,046	0,138
2.	$\sum T_j$	0,917	0,934	0,949	0,933
3.	$\sum \lambda_j$	1,0	0,5	0,32	0,607
4.	$\sum V_j$	0,250	0,282	0,315	0,282
5.	$\sum \tau_j$	0,9	0,925	0,94	0,922
6.	$\sum \theta_j$	0,180	0,081	0,036	0,099
7.	$\sum \eta_j$	0,278	0,312	0,082	0,224
8.	$\sum \alpha_j$	0,110	0,031	0,008	0,047
9.	$\sum \beta_j$	0,36	0,342	0,314	0,339
10.	K_{ct}	0,013	0,013	0,019	0,015
11.	K_{sf}	0,01	0,08	0,017	0,036
12.	K_{dev}	0,0082	0,0079	0,0087	0,0083

Таблица 2

Суммарные значения оценочных комплексов

<i>N n/n</i>	<i>Оценочный комплекс</i>	<i>Значение</i>
1.	$\sum F_j^1$	0,753
2.	$\sum F_j^2$	0,510
3.	$\sum F_j^3$	0,149
4.	$\sum F_j^4$	0,126
5.	$\sum F_j^5$	0,046
6.	$\tilde{F}$	1,584

Поскольку в течение рассматриваемого периода количество элементов среды постоянно менялось, используем для окончательных вычислений усредненные данные. Значения показателей измерялись в результате

руководства группой разработчиков, а также брались из открытых источников.

Считая, что все коэффициенты δ_k равны между собой, на основании вычисленных значений оценочных комплексов (таблица 2) получаем значение среднего комплексного показателя эффективности:

$F = \frac{\tilde{F}}{6} = 0,264$, что в процентном отношении составляет 26,4 %.

Несмотря на то, что предложенная модель опирается на получение только количественных оценок эффективности в достаточно узкой области использования информационных технологий и почти не учитывает финансовые показатели организации, полученные оценки достаточно хорошо согласуются с общепринятыми показателями (от 20 % до 45 % в зависимости от набора решаемых задач автоматизации) [4].

Литература

1. Алашина, Ю. Г. Показатели эффективности использования информационных технологий в управленческом труде / Ю. Г. Алашина // Вестник Саратовского государственного технического университета. – Саратов: СГТУ, 2007. – №. 1. – Т. 1. – С. 141 – 145.
2. Бумагин, С. В. Эффективное функционирование корпоративного информационного портала / С. В. Бумагин // Инфокоммуникационные технологии. – 2008. – Т. 6. – № 4. – С. 116 – 120.
3. Каплан, Р. Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию / Р. Каплан, Д. Нортон. – М.: Олимп-Бизнес, 2003.
4. Колесников, С. Об оценке эффективности внедрения и применения систем управления ресурсами предприятия / С. Колесников // XVI техническая конференция «Корпоративные базы данных-2011» Москва, 14 – 15 апреля, 2000. – Режим доступа: http://citforum.ru/cfin/articles/sys_upr.shtml (дата обращения: 22.03.2010).
5. Пятибратов, А. П. Вычислительные системы, сети и телекоммуникации / А. П. Пятибратов, Л. П. Гудыно, А. А. Кириченко. – М.: Финансы и статистика, 2005. – 509 с.
6. Янченко, Н. С. Применение оценки сбалансированных показателей для оценки эффективности ИТ-проектов / Н. С. Янченко // Вестник УГТУ-УПИ. Серия: Экономика и управление. – Екатеринбург: Изд-во Уральского федерального университета, 2008. – №. 4. – С. 86 – 95.

Информация об авторе:

Гудов Александр Михайлович – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры ЮНЕСКО по новым информационным технологиям КемГУ, 8 (3842) 58-44-03, good@kemsu.ru.

Alexander M. Gudov – Candidate of Physics and Mathematics, Associate Professor, UNESCO Chair for New Information Technologies, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 30.04.2014 г.

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

УДК 502.33

ГЕОЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТЕРЛИТАМАКСКИХ ШИХАНОВ: ПОСЛЕДСТВИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ АНТРОПОГЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА КОМПЛЕКСНЫЕ ПАМЯТНИКИ ПРИРОДЫ

И. Р. Хисматуллин

GEOECOLOGICAL ANALYSIS OF STERLITAMAK SHIKHANS: IMPLICATIONS AND PROSPECTS OF ANTHROPOGENIC IMPACT ON THE COMPLEX NATURAL MONUMENTS

I. R. Khismatullin

В статье анализируется современное геоэкологическое состояние комплексных памятников природы Республики Башкортостан – Стерлитамакских шиханов. Определён правовой статус и на основе полевых исследований изучены флора, фауна, стратиграфия и палеонтология. Дана оценка влияния хозяйственной деятельности человека на экологию Стерлитамакских шиханов и сделана попытка прогноза последствий дальнейшего увеличения антропогенной нагрузки. Установлена уникальность современного и ископаемого органического мира шиханов, и на примере деградации ландшафта одного из них вследствие проведения горных разработок показан результат нерационального природопользования. Актуализируется проблема сохранения уникальных экосистем оставшихся шиханов в природоохранных, научных, образовательных и рекреационных целях.

The paper analyzes the current geoeological state of complex natural monuments of the Republic of Bashkortostan – Sterlitamak Shikhans. Their legal status was defined, and the flora, fauna, stratigraphy and paleontology were studied on the basis of field research. An assessment of human activities influence on the environment of Sterlitamak Shikhans is provided, and an attempt to forecast the consequences of further increasing of the anthropogenic load is made. The uniqueness of modern and fossil organic world of Shikhans is defined, and the example of landscape degradation as a result of mountain developments is provided to show the result of irrational use of nature. The problem of preservation of the unique ecosystems of remaining Shikhans for environmental, scientific, educational and recreational purposes is highlighted.

Ключевые слова: Стерлитамакские шиханы, памятники природы, природоохранное положение, флора, фауна, стратиграфия, палеонтология, антропогенное влияние, проблема сохранения.

Keywords: Sterlitamak Shikhans, natural monuments, nature protection status, flora, fauna, stratigraphy, paleontology, anthropogenic influence, problem of preservation.

Республика Башкортостан (РБ) – один из самых живописных уголков России, славящийся своими уникальными сокровищами природы. Так, в радиусе 50 – 60 км, в Стерлитамакско-Салаватско-Ишимбайском промышленном узле, расположено целое созвездие уникальных природных объектов. Среди них своей непревзойдённой эстетикой, исключительностью и многогранным значением выделяются Стерлитамакские (Башкирские) шиханы – изолированные возвышенности в Башкирском Предуралье, состоящие из 4–х гор-одиночек под г. Стерлитамак, образующих узкую цепочку, вытянутую на расстоянии 20 км вдоль р. Белая в меридиональном направлении. Горы Юрактау (338 м), Куштау (374,5 м), Тратау (406 м) и бывшая некогда самой величественной среди них Шахтау – часть грандиозной системы нижнепермских (поздний палеозой) рифовых массивов, которая прослеживается вдоль всего Урала от Прикаспия до Северного Ледовитого океана, сложенные в основном рифогенными известняками и состоящие из скопления окаменелостей, принадлежащих разнообразным представителям органического мира того времени [8]. По времени своего образования, установленного радиологическими методами, их возраст определён в 285 млн лет. Отличительной особенностью Стерлитамакских шиханов является то, что в результате тектонических движений они были подняты на дневную поверхность, в

то время как на остальном пространстве рифы перекрыты толщей более молодых отложений или плохо обнажены. Эта особенность дала геологам удивительную возможность видеть и непосредственно изучать рифовые постройки в деталях. Нижнепермские рифовые постройки известны во многих регионах планеты – в Китае, Средней Азии, в Канаде и США, но нигде более они не представлены столь эффектно и доступно для изучения. Поэтому геологические разрезы Стерлитамакских шиханов хорошо известны в мировой геологической литературе и отражены в Международной стратиграфической шкале.

Стерлитамакские шиханы имеют особое природоохранное положение. Статус охраняемого комплексного памятника природы гор Юрактау и Тратау, а также оз. Тугар-салган, расположенного в 0,8 км к северу от г. Тратау, определён постановлениями Совета Министров Башкирской АССР от 17 августа 1965 г. № 465 «Об охране памятников природы Башкирской АССР» и от 26 декабря 1985 г. № 212 «Об охране дикорастущих видов растений на территории Башкирской АССР». Режим охраны памятников установлен Положением о памятниках природы в РБ, утверждённым постановлением Кабинета Министров РБ от 26 февраля 1999 г. № 48 [7, с. 216 – 219, 305 – 306]. Согласно данным инвентаризации особо охраняемых природных территорий

(ООПТ) Российской Федерации (РФ), проведённой Росприроднадзором в 2006 – 2007 гг., памятники природы «гора Тратау» и «гора Юрактау» общей площадью 342 га включены в Государственный кадастр ООПТ регионального значения. Шихан Тратау включён в Список геологического наследия всемирного значения «GEOSITES», который составляется и находится под эгидой Европейской ассоциации по охране геологического наследия ProGEO. Также Стерлитамакские шиханы включены во Всемирный предварительный список геологических памятников под эгидой ЮНЕСКО [10]. В связи с особенностями природного комплекса на территории рассматриваемых памятников природы запрещены добыча горных пород, выпас скота, посадка леса, сбор полезных растений, гербаризирование растений, коллекционирование насекомых, любое строительство, добыча окаменелостей, геологоразведка, охота, проведение массовых мероприятий и т. д. На уникальном карстовом болоте под шиханом Юрактау запрещена добыча торфа и строительного мха.

Несмотря на значительную деградацию под влиянием антропогенного фактора, биоразнообразие органического мира Стерлитамакских шиханов пока остаётся весьма богатым. Наиболее разнообразна и богата редкими видами флора шихана Тратау. Растительность шихана представлена по преимуществу каменистыми, а также настоящими степями, остепнёнными лугами и широколиственными лесами. Лесная растительность занимает только подножие северо-восточного склона. На самом северном из шиханов – Юрактау – на северном склоне по ложинам поднимается мелкостойный лес. Склоны других экспозиций – степные, склоны южной экспозиции – отличаются каменистостью. Склоны шихана Куштау большей частью покрыты широколиственным лесом, только выпуклые части южного и юго-восточного склонов и каменистые обнажения на западном склоне заняты степной растительностью.

Л. М. Абрамова и Д. Н. Карпов в своих исследованиях указывают о наличии на Стерлитамакских шиханах богатейшей флоры, включающей более 300 видов сосудистых растений по состоянию на 2006 г. [1]. Аналогичные данные приводят учёные и по результатам более ранних наблюдений. Однако проведённые нами полевые исследования в летний период 2013 г. выявили только 170 видов сосудистых растений (165 видов из отдела покрытосеменных – *Magnoliophyta*, 1 вид из отдела голосеменных – *Pinophyta*, 4 вида из отдела папоротниковидных – *Polypodiophyta*) из 130 родов и 45 семейств, в т. ч. на шихане Тратау – 94 вида (55,3 % всех видов, выявленных на шиханах) из 73 родов и 31 семейства, на шихане Куштау – 62 вида (36,5 % всех видов) из 54 родов и 25 семейств, на шихане Юрактау – 59 видов (34,7 % всех видов) из 48 родов и 24 семейств, на шихане Шахтау – 43 вида (25,3 % всех видов) из 43 родов и 25 семейств [11]. Как видим, динамика видового состава флоры шиханов резко негативная, особенно в последние годы.

Также вышеуказанными учёными установлены 24 высших сосудистых вида растений, произрастающих на Стерлитамакских шиханах и занесённых в Красные книги РБ и РФ. Нами же выявлено лишь 18 краснокнижных видов, что составляет 6,3 % от всего числа видов (284), включённых в Красную книгу РБ (2011 г.). Из них 1 вид – остролодочник башкирский (*Oxytropis*

baschkiriensis Knjaz.) – имеет природоохранный статус «I категория. Вид, находящийся под угрозой исчезновения», 2 вида – ясенец голостолбиковый (*Dictamnus gymnostylis* Steven), тимьян клоповый (*Thymus cimicinus* F. K. Blum ex Ledeb.) – «II категория. Уязвимый вид», 15 видов – полынь солянковидная (*Artemisia salsoloides* Willd.), астрагал Гельма (*Astragalus helmii* Fisch.), хвойник двухколосковый (*Ephedra distachya* L.), рябчик русский (*Fritillaria ruthenica* Wikstr.), копеечник крупноцветковый (*Hedysarum grandiflorum* Pall.), тонконог жестколистный (*Koeleria sclerophylla* P. A. Smirn.), лён уральский (*Linum uralense* Juz.), минуарция Крашенинникова (*Minuartia krascheninnikovii* Schischk.), прострел желтеющий (*Pulsatilla flavesces* (Zucc.) Juz.), ковыль Коржинского (*Stipa korshinskyi* Roshev.), ковыль перистый (*Stipa pennata* L.), ковыль красивейший (*Stipa pulcherrima* K. Koch), ковыль сарептский (*Stipa sareptana* A. K. Becker), ковыль Залесского (*Stipa zalesskii* Wilensky), тюльпан Биберштейна (*Tulipa biebersteiniana* Schult. & Schult. f.) – «III категория. Редкий вид» [3]. 9 видов из них – полынь солянковидная, рябчик русский, копеечник крупноцветковый, тонконог жестколистный, минуарция Крашенинникова, ковыль перистый, ковыль красивейший, ковыль Залесского, тимьян клоповый – охраняются на федеральном уровне и включены в Красную книгу РФ (2008 г.). Все они отнесены к различным подкатегориям III категории [5]. В ценоотическом отношении 12 выявленных краснокнижных видов – хвойник двухколосковый, рябчик русский, копеечник крупноцветковый, тонконог жестколистный, лён уральский, минуарция Крашенинникова, остролодочник башкирский, ковыль Коржинского, ковыль красивейший, ковыль сарептский, ковыль Залесского, тимьян клоповый – являются степными видами, 2 вида – ковыль перистый, тюльпан Биберштейна – лугово-степные виды, 2 вида – полынь солянковидная, астрагал Гельма – скальные виды, 2 вида – ясенец голостолбиковый, прострел желтеющий – лесные виды. Среди них также 9 видов – полынь солянковидная, астрагал Гельма, копеечник крупноцветковый, тонконог жестколистный, лён уральский, минуарция Крашенинникова, остролодочник башкирский, ковыль Коржинского, тимьян клоповый – являются эндемиками, 1 вид – ясенец голостолбиковый – реликтом.

На известняковых обнажениях Стерлитамакских шиханов распространены уникальные эндемичные сообщества петрофитных степей, которые не встречаются больше нигде на Южном Урале. В эколого-флористической классификации растительности эти сообщества относятся к ассоциации *Trinio muricatae-Centauretum sibiricae*, описанной именно со склонов Стерлитамакских шиханов. Здесь произрастают сотни тысяч экземпляров растений, относящихся к редким и исчезающим видам.

Фауна рассматриваемых шиханов также не менее богата и интересна. Комплексных исследований животного мира шиханов учёными никогда не проводилось, что делает невозможным проследить динамику его видового состава. Нами же в ходе полевых фаунистических наблюдений, проводимых параллельно с флористическими исследованиями, выявлено 125 видов представителей животного мира (50 видов из типа членистоногих – *Arthropoda*, 75 видов из типа хордовых – *Chordata*) из 99 родов и 51 семейства, в т. ч. на шихане

Тратау – 120 видов (96 % всех видов, выявленных на шиханах) из 97 родов и 52 семейств, на шихане Куштау – 96 видов (76,8 % всех видов) из 80 родов и 48 семейств, на шихане Юрактау – 103 вида (82,4 % всех видов) из 84 родов и 48 семейств, на шихане Шахтау – 94 вида (75,2 % всех видов) из 78 родов и 46 семейств. Как видим, животный мир Стерлитамакских шиханов в отличие от растительного имеет менее разнообразный, но более однородный видовой состав.

Так же как и флора, фауна шиханов имеет значительное количество редких и исчезающих видов. Нами выявлено 24 краснокнижных вида, из которых 23 вида включены в Красную книгу РБ (2004 г.) (20,5 % всех видов (112), включённых в книгу) и 13 видов – в Красную книгу РФ (2001 г.) (5,6 % всех видов (231), включённых в книгу). Из видов, включённых в Красную книгу РБ, 6 видов – беркут (*Aquila chrysaetos* Linnaeus, 1758), могильник (*Aquila heliaca* Savigny, 1809), змееяд (*Circetus gallicus* Gmelin, 1788), выхухоль русская (*Desmana moschata* Linnaeus, 1758), балобан (*Falco cherrug* Gray, 1834), сапсан (*Falco peregrinus* Tunstall, 1771) – имеют природоохранный статус «I категория. Вид, находящийся под угрозой исчезновения»; 3 вида – выдра (*Lutra lutra* Linnaeus, 1758), аполлон (*Parnassius apollo* Linnaeus, 1758), удода (*Upupa epops* Linnaeus, 1758) – «II категория. Сокращающийся в численности вид»; 8 видов – тушканчик большой (*Allactaga major* Kerr, 1792), веретеница ломкая (*Anguis fragilis* Linnaeus, 1758), медянка обыкновенная (*Coronella austriaca* Laurenti, 1768), богомол обыкновенный (*Mantis religiosa* Linnaeus, 1758), мнемозина (*Parnassius mnemosyne* Linnaeus, 1758), усач альпийский (*Rosalia alpina* LeConte, 1852), дыбка степная (*Saga pedo* Pallas, 1771), гадюка степная (*Vipera ursinii* Bonaparte, 1835) – «III категория. Редкий и малочисленный вид, распространённый на ограниченной территории»; 5 видов – пчела медоносная (*Apis mellifera* Linnaeus, 1758), шмель армянский (*Bombus armeniacus* Radoszkowski, 1877), шмель необыкновенный (*Bombus confusus* Schenck, 1859), подалирий (*Iphiclides podalirius* Linnaeus, 1758), махаон (*Papilio machaon* Linnaeus, 1758) – «IV категория. Вид, неопределённый по статусу»; 1 вид – куропатка серая (*Perdix perdix* Linnaeus, 1758) – «V категория. Вид с восстанавливающейся численностью» [4]. Из видов, включённых в Красную книгу РФ, 12 видов – могильник, шмель армянский, шмель необыкновенный, змееяд, выхухоль русская, слоник острокрылый (*Euidosomus acuminatus* Boheman, 1840), балобан, сапсан, аполлон, мнемозина, усач альпийский, дыбка степная – имеют природоохранный статус «II категория. Сокращающийся в численности вид», 1 вид – беркут – «III категория. Редкий вид» [6].

Помимо наличия значительного числа краснокнижных видов растений и животных, Стерлитамакские шиханы имеют высокую стратиграфическую и палеонтологическую ценность. По данным Э. З. Гареева, на шиханах выявлено большое разнообразие морских обитателей древних рифов: известковых водорослей – 35 видов, фораминифер – более 100 видов, кораллов – более 30 видов, мшанок – более 80 видов, брахиопод – более 150 видов и др. [2, с. 70]. На шихане Юрактау обнажён один из лучших геологических разрезов нижней перми. На дневной поверхности по склонам горы обнажены известняки ассельского, сакмарского, артинского и кунгурского ярусов нижней перми. Завершается разрез от-

ложениями уфимского яруса верхней перми. Гора сложена преимущественно массивными органогенными известняками с разнообразными окаменелостями водорослей, кораллов, брахиопод, остракод, конодонтов, мшанок и фузулинид. В основании Юрактау известен сернистый минеральный источник, связанный с галогенно-сульфатным карстом, развитым в этом горном массиве. По склонам шихана Тратау обнажён геологический разрез от верхнего карбона до артинского яруса нижней перми. Большую часть геологического разреза горы составляют светло-серые крепкие массивные известняки шиханского (верхнего) горизонта ассельского яруса (мощность обнажённой части около 80 – 100 м), а более молодые отложения сакмарского яруса, представленные тастубским и стерлитамакским горизонтами, отмечаются в привершинной части горы. Основными организмами-рифообразователями известняков Тратау были известковые водоросли *Tubifites* и в меньшей степени мшанки, одиночные кораллы и разнообразные (более 150 видов) брахиоподы. В известняках артинского яруса на отдельных участках западного склона найден комплекс мшанок, характерный для бурцевского (нижнего) горизонта этого яруса. Отложения саргинского (верхнего) горизонта, выделенные как верхнеартинские отложения, раскрыты канавами в ложбинах, пронизывающих склоны Тратау. В этих породах были найдены немногочисленные раковины пермских амmonoидей. В основании Тратау известен солёный источник, который связан с галогенно-сульфатным карстом массива Тратау. Определённый научный интерес представляет оз. Тугарсалган, расположенное у подножия Тратау. Это глубочайшее озеро РБ карстового происхождения (максимальная глубина – 27 м). На шихане Шахтау в связи с горными разработками для изучения доступна не только периферия известнякового массива, но и его внутренняя часть. В строении выступающей на поверхность части массива Шахтау участвуют известняки обоих горизонтов сакмарского яруса и верхней части ассельского. Известняки ассельского яруса выходят на поверхность на юго-западном и южном склонах Шахтау. Вскрытая мощность яруса оценивается в несколько десятков метров, общая мощность, по данным бурения у подножия Шахтау, вероятно, не менее 400 м. Сакмарский ярус представлен на Шахтау тастубским и стерлитамакским горизонтами. Светло-серые биогермные и органогенно-детритусовые известняки тастубского горизонта с раковинами фузулинид, остатками морских лилий, детритами и целыми зоариями мшанок, раковин брахиопод, полипняков и колониальных кораллов обнажены на юго-западном склоне горы. Общая мощность тастубского горизонта изменяется на Шахтау примерно от 40 до 100 м. Стерлитамакский горизонт, для которого г. Шахтау является стратотипом, хорошо обнажён на её северо-западном и западном склонах. Сложен массивными светло-серыми известняками, часто с многочисленными пластинами палеоаплезин, остатками брахиопод, колониальных кораллов, мшанок и других групп ископаемых. Фузулиниды встречаются реже, чем в тастубском горизонте. Мощность стерлитамакского горизонта составляет приблизительно 100 – 150 м. Непрерывных разрезов артинского яруса на Шахтау не обнаружено. Однако на поверхности массивных известняков и в крупных трещинах встречаются буровато-серые слабоблинные известняки с редкими остатками кораллов

Cladochonus и члениками морских лилий, а местами глинистые известняки и коричневые мергели, аналогичные верхнеартинским известнякам Тратау [12]. Шахтау представляет интерес и как минералогический памятник природы. Нами здесь были обнаружены кристаллы и друзы кальцита, арагонита, целестина и родохрозита. Как видим, по существу, Стерлитамакские шиханы – геологический музей под открытым небом. Стерлитамакские горы-одинокы ещё в XIX в. неоднократно посещались русскими и зарубежными геологами и являлись местом сбора значительных коллекций ископаемой фауны. Шиханы были объектами экскурсий XVII и XXVII сессий Международного геологического конгресса в 1937 г. и 1984 г. соответственно, а также VIII Международного конгресса по стратиграфии и геологии карбона в 1975 г. [9].

Деятельность человека оказывает разрушающий эффект на столь ценные и неповторимые природные ландшафты Стерлитамакских шиханов. Нами установлено, что на шихане Тратау, в местах, где растительность испытала значительное влияние выпаса, постепенно начинают доминировать популяции овсяницы ложноовечьей (*Festuca pseudovina* Hack. ex Wiesb.) и полыни австрийской (*Artemisia austriaca* Jacq.), происходит угнетение прочего разнотравья. Угрозу для краснокнижных видов представляет выпас скота и рекреационное влияние жителей близлежащих гг. Стерлитамак, Ишимбай и Салават. Стерлитамак является вторым по численности населения городом в РБ (277 тыс. жителей на 2014 г.) и расположен вблизи от шихана (12 км), который является излюбленным местом отдыха горожан. В весенние и летние дни посещаемость шихана составляет до 100 и более человек в день, что при небольших размерах горы приводит к вытаптыванию растительности, особенно на её вершине. В реальности, несмотря на особое природоохранное положение, растительность шихана практически не охраняется, отсутствуют даже элементарные опознавательные знаки, указывающие на статус горы. Люди беспрепятственно рвут цветы, собирают ягоды, лекарственные растения, разжигают костры, при этом, по результатам многочисленных опросов, никто из отдыхающих не осведомлён ни о статусе шихана, ни о редких растениях, ни о штрафах за каждый сорванный краснокнижный цветок. Вышеперечисленные факторы приводят к засорению бытовым мусором и внедрению в растительный покров сорных видов растений, таких как чертополох шиповатый (*Carduus acanthoides* L.), синяк обыкновенный (*Echium vulgare* L.), крапива двудомная (*Urtica dioica* L.), болиголов пятнистый (*Conium maculatum* L.), чистотел большой (*Chelidonium majus* L.), дурнишник зобовидный (*Xanthium strumarium* L.).

Аналогичные проблемы характерны и для других шиханов. Шихан Юрактау испытывает сильное воздействие выпаса скота и высокую рекреационную нагрузку. У подножья горы летом расположен лагерь спортсменов-альпинистов из г. Стерлитамак, которые используют её как объект для практики скалолазания. Обычны и отдыхающие из г. Стерлитамак. Уникальное карстовое болото, находящееся у подножья горы и изобилующее редкими видами, страдает от заготовок сфагнома местными жителями.

Что касается шихана Куштау, то здесь с южной стороны к нему прилегает территория Стерлитамакского

дома отдыха «Шиханы» вместе с горнолыжной базой «Куштау». Горнолыжные трассы проложены по восточному склону шихана. Развитие рекреационной инфраструктуры привело к значительному сведению лесов на склонах, вытаптыванию и деградации травяного покрова.

Животный мир шиханов также испытывает значительное антропогенное воздействие. Нами выделены следующие лимитирующие факторы, оказывающие негативное влияние на фауну: сведение лесов, сокращение кормовой базы, неумеренное применение в близлежащих сельскохозяйственных угодьях пестицидов, инсектицидов и прочих ядохимикатов, антропогенное разрушение естественных местообитаний (распашка ковыльных степей и лугов, интенсивный выпас скота), неконтролируемый отлов редких и исчезающих видов коллекционерами, неоправданное прямое преследование и уничтожение человеком, браконьерство и т. д.

Некогда самая крупная из Стерлитамакских шиханов, а ныне полностью уничтоженная горными разработками, г. Шахтау является наглядным примером вопиющей человеческой жестокости и халатности по отношению к уникальным экосистемам природной среды. Природные запасы Шахтау, являющиеся основным источником сырьевых ресурсов для Стерлитамакского ОАО «Сода» и ЗАО «Строительные материалы» (немецкая компания Heidelberg Cement), интенсивно разрабатываются с 50-х годов XX в. и к настоящему времени практически истощены (выработано 90 % запасов, полное исчерпание ожидается к 2017 – 2019 гг.). По состоянию на 2014 г. вершинная часть горы снижена на 83 м (первоначально возвышалась на 210 м над уровнем р. Белая и на 336 м над уровнем моря). До разработки карьера на склоне северной экспозиции Шахтау преобладали широколиственные леса с разнообразием редких видов растительности и только на обнажениях известняков были каменистые степи. Добыча известняка здесь происходит открытым способом, что обусловило разработку уникальных природных ландшафтов. В результате горных разработок на месте шихана образуется впадина, а недалеко от неё возвышаются шламонакопители с твёрдыми отходами, занимая природные земли. Жидкие хлорсодержащие отходы в период паводков сбрасываются в водоёмы, загрязняя окружающую среду. Кроме указанных экологических проблем стоит проблема загрязнения атмосферы при буровзрывных работах на месторождении известняка, а также загрязнения подземных вод рассолом и нерастворителями при размывке месторождений каменной соли.

Таким образом, все Стерлитамакские шиханы испытывают значительную антропогенную нагрузку.

Руководства предприятий-разработчиков шихана Шахтау, начиная с 2008 г., постоянно обращаются в Правительство РБ с просьбой снять с гор Юрактау и Тратау статус охраняемого природного памятника и начать их промышленную разработку, мотивируя это необходимостью обеспечения дальнейшего развития производства, сохранения действующей инфраструктуры, рабочих мест и т. д.

Вопрос о сырьевой базе для ОАО «Сода» ставился уже давно. С самого начала в качестве источника сырья рассматривались остальные шиханы. Предварительная геологоразведка показала, что известняк наименее ценного в природоохранном отношении шихана Куштау

непригоден для содового производства. Наиболее подходящим оказался известняк Тратау, несколько менее – г. Юрактау. Одновременно рассматривались и альтернативные варианты. В качестве такового было просчитано Альмухаметовское месторождение в Абзелиловском районе РБ (около 170 – 200 км от г. Стерлитамак). В дальнейшем за счет средств бюджета республики были разведаны ещё два месторождения – Каранское (в 80 км) и Гумеровское (в 45 км). Однако данные варианты не устроили менеджмент предприятия по причине несения дополнительных финансовых расходов, в связи с чем попытки получить шиханы для освоения не прекратились и по сей день.

Федеральное и республиканское законодательство не позволяют разрабатывать шиханы (Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», Федеральный закон от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире» и т. д.) и даже проводить на них геологоразведку до тех пор, пока они остаются в статусе памятников природы. В Правительстве РБ уже готовилось постановление об упразднении памятника природы «гора Юрактау». Только просочившаяся в прессу информация помогла поднять волну негодования среди жителей республики, и решение по данному вопросу пока не принято.

Многие ученые, общественные деятели и просто жители Башкортостана возмущены попыткой решить сырьевые проблемы содового производства за счет уничтожения уникального наследия мирового значения. Против разработки Стерлитамакских шиханов выступает и Управление по недропользованию по РБ «Башнедра». Экономические интересы небольшой группы людей не должны ставиться выше общественных, тем более что разработке шиханов есть реальная альтернатива.

Авторитетные российские и башкирские учёные-геологи высказываются категорически против снятия со Стерлитамакских шиханов статуса охраняемого комплексного памятника природы. В адрес Правительства РБ ими было направлено научно обоснованное заключение о необходимости сохранения Стерлитамакских шиханов как бесценного геологического памятника мирового значения. Кроме того, в феврале 2010 г. от имени Президента Европейской ассоциации по охране геологического наследия ProGEO В. Вимбильдона Президенту РБ и Премьер-министру Правительства РБ было направлено письмо с просьбой взять под личный контроль принятие необходимых мер дополнительной охраны целостности гор Юрактау и Тратау. Однако официальных ответов со стороны властей на эти обращения не поступило.

Сохранение Стерлитамакских шиханов стало актуальным и зарубежом, однако здесь имеется обратная сторона, никак не связанная с природоохранной составляющей. В частности, речь идёт о турецких производителях, активно поддерживающих защиту шиханов, но на деле преследующих исключительно коммерческие интересы. Сохранение шиханов и задержка освоения новых месторождений кальцинированной соды в России выгодна турецким компаниям, поскольку облегчит им доступ на российский рынок. Среди интересантов фигурируют корпорация Eti Soda и известная своей агрессивной маркетинговой политикой группа SISECAM. Проблема защиты российского рынка заключается в том, что себестоимость производства натуральной соды, до-

бываемой в Турции, в 2 – 3 раза ниже себестоимости соды синтетической, производимой в России (на территории РФ отсутствуют месторождения натуральной соды). Эксперты указывают на возможную взаимосвязь между постепенным завершением разработки существующей сырьевой базы на территории Башкортостана и запуском новых мощностей в Турции. В январе 2013 г. министр энергетики и природных ресурсов Турции объявил о начале строительства крупнейшего в мире производства кальцинированной соды, ввод которого в эксплуатацию должен состояться в 2017 г. – одновременно с окончательным исчерпанием сырьевой базы ОАО «Сода», которая является крупнейшим производителем на территории СНГ [13, с. 7].

В случае дальнейшего увеличения антропогенного воздействия на Стерлитамакские шиханы и начала промышленной разработки гор Юрактау и Тратау, нами выявлены следующие необратимые последствия: исчезновение более 100 видов растений и животных, в т. ч. краснокнижных видов, реликтов и эндемиков; значительное ухудшение экологической ситуации в регионе. По прогнозам специалистов-геологов, велика вероятность, что основная часть запасов известняка гор Юрактау и Тратау залегают в сложных и неблагоприятных гидрогеологических условиях со значительным водопротоком подземных вод с повышенной минерализованностью и наличием сероводорода; потеря уникальной базы для научного исследования условий формирования коллекторов нефти и газа в рифовых структурах. Стерлитамакские шиханы – самый высокий скальный массив Южного Урала и являются единственным в мире объектом, образовавшимся 285 млн лет назад в тропическом море и представляющим морские шельфовые палеорифы. Только шиханы позволяют увидеть рифовые постройки в непосредственном обнажённом виде на дневной поверхности; утрата Стерлитамакскими шиханами культурологического и этнографического значения, исчезновение зоны отдыха и рекреации для огромного агломерата с общим населением в 700 тыс. человек, невозможность получить в будущем значительный экономический и социальный эффект в случае создания на их территории первого в России геологического парка.

Природа очень нежна, ранима и любое нежелательное воздействие на неё со стороны человека может привести к непоправимым последствиям. И сегодня вопрос о разработке следующего шихана вызывает серьёзную обеспокоенность. Шиханы не должны повторить судьбу самого величественного и красивого из них – Шахтау, возвышавшегося когда-то над степью. Теперь от него остались лишь груды камней и развалин, его тело поглощено непомерным аппетитом ОАО «Сода» и другими, не отличающимися особой этикой экономическими структурами. Мелкие кусочки шахтауского известняка теперь отравляют воздух и воду. Искажают сотни гектаров ландшафта и прекрасные заливные луга, долины рр. Белая и Селеук т. н. «белые моря» – отстойники, грозящие уничтожить саму р. Белая.

Построить шиханы, каркас которых состоит из мириад связанных между собой известковых стеблей древних водорослей и окаменелых телец морских беспозвоночных, вымерших более 200 млн лет назад, будет уже невозможно. Это действительно неповторимые в истории Земли явления природы.

Стерлитамакские шиханы отличаются богатейшей флорой и фауной с массой редких, эндемичных и реликтовых видов. Необходимо использовать их для проведения научно-исследовательских работ, в учебных целях, для развития внутреннего и международного туризма. Богатый органический мир шиханов ещё до конца не исследован, не изучены, в частности, трилобиты и гастроподы, из остатков растительного происхождения – водоросли (сине-зелёные водоросли – строматолиты) и т. д. Шиханы являются также важным культурным объектом, имеют высокую историческую ценность. Историки свидетельствуют, что эти горы почитали все жившие здесь народы. Для юрматинских башкир, потомки которых населяют близлежащие сёла, шиханы священны.

Сохранение столь уникальных ландшафтов Стерлитамакских шиханов возможно лишь при правильном научно организованном внедрении малоотходной технологии производства и при разумном использовании финансовых средств, направленных на природоохран-

ные мероприятия. Без специальных мер по реальной охране шиханов произойдёт быстрая деградация растительных и животных сообществ ценных природных памятников. Необходимо срочно принять меры по реальной охране шиханов: регламентировать численность отдыхающих, запретить отдых с разжиганием костров, выпас скота в окрестностях гор, поставить контейнеры для сбора мусора и аншлаги с информацией о памятниках природы и произрастающих здесь редких растениях, а также о штрафах за сбор краснокнижных цветов и лекарственных растений. У гор в летнее время должен быть организован пункт охраны с постоянным дежурством сотрудников природоохранных организаций или общественников, наделённых полномочиями. И самое главное, необходимо на государственном уровне принять срочные меры по усмирению хищнических амбиций стерлитамакских промышленников и предотвратить разрушение шиханов. Лишь так мы сможем сохранить неповторимые природные сокровища Башкортостана мирового значения.

Литература

1. Абрамова, Л. М. К проблеме сохранения биоразнообразия ботанических памятников природы «Стерлитамакские шиханы» / Л. М. Абрамова, Д. Н. Карпов. – Режим доступа: <http://oren-icn.ru/index.php/enzoren/stepene/129-stepenecat/749-2012-01-24-06-17-55> (дата обращения: 20.03.2014).
2. Гареев, Э. З. Геологические памятники природы Республики Башкортостан / Э. З. Гареев. – Уфа: Тау, 2004. – 295 с.
3. Красная книга Республики Башкортостан / под ред. Б. М. Миркина. – Уфа: МедиаПринт, 2011. – 383 с.
4. Красная книга Республики Башкортостан: в 3 т. – Т. 3: Животные / под ред. М. Г. Баянова. – Уфа: Башкортостан, 2004. – 180 с.
5. Красная книга России (растения и грибы) / сост. Р. В. Камелин [и др.]. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2008. – 855 с.
6. Красная книга Российской Федерации: Животные / Министерство природных ресурсов РФ, РАН. – М.: АСТ, 2001. – 861 с.
7. Реестр особо охраняемых природных территорий Республики Башкортостан. – 2-е изд. – Уфа: МедиаПринт, 2010. – 414 с.
8. Хисматуллин, И. Р. IX Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Организация территории: статика, динамика, управление» / И. Р. Хисматуллин // Новый университет. – 2012. – № 3(6). – С. 86-90. – (Серия: Вопросы естественных наук).
9. Хисматуллин, И. Р. Стерлитамакские шиханы: история исследования и научное значение геологических памятников природы / И. Р. Хисматуллин // Молодой учёный. – 2014. – № 4(63). – С. 407 – 409.
10. Хисматуллин, И. Р. Стерлитамакские шиханы: экономическое значение и правовой статус геологических памятников природы / И. Р. Хисматуллин // Новый университет. – 2013. – № 11(33). – С. 25 – 27. – (Серия: Экономика и право).
11. Хисматуллин, И. Р. Флористический анализ Стерлитамакских шиханов и степень антропогенной нагрузки / И. Р. Хисматуллин // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. – 2014. – № 1(88). – С. 249 – 261.
12. Хисматуллин, И. Р. Шихан Шахтау: палеонтологическая ценность геологического памятника природы / И. Р. Хисматуллин // Наука и образование в жизни современного общества: материалы Международной научно-практической конференции // Консалтинговая компания Юком. – Тамбов, 2013. – Ч. 18. – С. 172 – 173.
13. Экологические конфликты в российских регионах. Аналитический обзор. – СПб.: Петербургская политика, 2013. – 28 с.

Информация об авторе:

Хисматуллин Ильгиз Рафитович – магистрант кафедры географии и географического образования Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, +79177540815, hismatullin87@mail.ru.

Ilgiz R. Khismatullin – Master's Degree student at Akmuulla Bashkir State Pedagogical University.

Статья поступила в редколлегию 18.04.2014 г.

ПЕДАГОГИКА

УДК 373.1

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ШКОЛЫ

А. С. Бирюкова

PEDAGOGICAL ASPECTS OF MULTIETHNIC EDUCATIONAL ENVIRONMENT IN SCHOOLS

A. S. Birukova

Статья определяет актуальность изучения педагогического потенциала полиэтнической образовательной среды в условиях инновационных преобразований системы воспитания и образования, в условиях решения новых национальных, культурных и экономических задач. Выводы, полученные в ходе исследования, опираются на анализ работ ученых по данной проблематике, а также на результаты проведенного авторами исследования. Статья содержит определение полиэтнической образовательной среды, описание ее структуры, подробное представление всех ее компонентов (субъекты, психодидактический компонент, социальный компонент, пространственно-предметный компонент). Кроме структурных компонентов образовательной среды, представлены принципы ее построения, научные подходы и их взаимосвязь, этапы построения. Изложено проведенное на территории Беловского района исследование, в ходе которого был проанализирован педагогический потенциал полиэтнической образовательной среды. В ходе аналитического исследования разработаны две группы организационно-педагогических условий, способствующих использованию педагогического потенциала полиэтнической образовательной среды.

The paper proves the relevance of studying the pedagogical potential of the multiethnic educational environment, arisen in the conditions of innovative transformations of the educational system to solve the new national, cultural and economic tasks. The conclusions received during research are based on the analysis of scientific works on this perspective, and also on the results of the research conducted by the author. The paper provides the definition of multiethnic educational environment, description of its structure, detailed representation of all its components (subjects, psychodidactic component, social component, spatial and subject component). Beside the structural components of the environment, the principles of its construction, scientific approaches and their interrelation and construction stages are presented. The paper presents the research carried out in the territory of Belovo area, research during which the pedagogical potential of the multiethnic educational environment was analyzed. During analytical research two groups of the organizational and pedagogical conditions promoting use of pedagogical potential of the multiethnic educational environment were developed.

Ключевые слова: полиэтническая образовательная среда, компоненты, педагогический потенциал.

Keywords: multiethnic educational environment, components, pedagogical potential.

Инновационные преобразования системы воспитания и образования в нашей стране, связанные с изменениями в экономической, социальной и культурной жизни российского общества, определили одним из направлений ее дальнейшего развития использование педагогического потенциала полиэтнической образовательной среды школы. Необходимость специального изучения данного направления обусловлена социальными и собственно педагогическими факторами. К их числу можно отнести рост национального самосознания, повышение внимания к сохранению и развитию национальных культур и языков, к возрождению народных традиций, религиозных верований, что, в свою очередь, часто приводит в такой многонациональной стране, как Российская Федерация, к межэтническим и межнациональным конфликтам. Активизирование перечисленных факторов, развитие положительных тенденций и снижение, по возможности, роста отрицательных факторов в процессе возрождения наций, этносов, регионов – новая социальная функция образования.

В современных условиях образование народов России превратилось из пассивного структурного компонента региональной системы образования в активный компонент, призванный решать новые цели, полно и разносторонне выполняя социальный заказ общества в соответствии с решаемыми национальными, культурными и экономическими задачами [2].

Непонимание или намеренный отказ от рассмотрения разнообразных этносоциальных, культурных проблем создает не только серьезные препятствия в развитии государственной образовательной системы, но и в конечном счете тормозит развитие региональных культур и становится причиной межэтнического дискомфорта или конфликтов в профессиональных сферах. Несбалансированная образовательная политика в отношении малочисленных этносов или регионов их традиционного проживания, как показывает опыт последних десятилетий, приводит к существенным социальным деформациям, имеющим далеко идущие негативные последствия – это и профессиональная диспропорция представителей малочисленных этносов среди лиц со среднеспециальным и выс-

шим образованием, это и гендерный сдвиг уровня образования, вследствие которого более высокий образовательный уровень имеют женщины [1].

Считаем, что рассмотрение полиэтнической образовательной среды и ее потенциала необходимо для целесообразного сопровождения современного педагогического процесса.

Построению полиэтнической образовательной среды в учебных заведениях и формированию личности в этой среде посвящены работы многих авторов. Так, в работах Л. Н. Бережновой, Н. М. Борытко, Г. Н. Волкова, Т. В. Пошгаревой представлено определение полиэтнической образовательной среды, ее характеристики, способы развития этнокультурной толерантности и сглаживания межэтнических противоречий. Этнопедагогический подход в воспитании представлен в работах Ш. М. Арсалиева, О. Д. Мукаевой. Основные положения исследований о диалоге культур как пути освоения и формирования духовных ценностей и развития личности представлены в работах В. С. Библера, Л. А. Волова, Г. М. Гогиберидзе и др. Идеи и положения, связанные с обучением и воспитанием в условиях поликультурного образовательного пространства и полиэтнической среды, – в работах О. В. Гукаленко, А. Н. Джурицкого, Г. Д. Дмитриева, И. П. Ильинской.

Проанализировав работы данных авторов, определяем, что *полиэтническая образовательная среда* – это целостная совокупность условий в культурно разнородном социуме, способствующих развитию личности в процессе решения образовательных задач, обеспечивающих гармонию в реализации гуманистической основы и этнокультурной направленности учебно-воспитательного процесса.

Выделяем подходы, посредством которых планируем формирование полиэтнической образовательной среды: средовой, комплексный, диалоговый, личностно-ориентированный подход. Взаимосвязь всех перечисленных подходов представлена на рисунке.

Рис. Подходы к формированию полиэтнической образовательной среды

Так, комплексный подход является основой, создает и оптимизирует функционирование положений разных систем полиэтнической образовательной среды.

Средовой подход – надстроечный, влияющий на преобразование, изменение качественных характеристик процессов, объектов, субъектов, объединение воздействий всех общественных воспитательных инструментов в пределах окружающей среды.

Личностно-ориентированный проявляется в раскрытии природы и условий реализации личностно-

развивающих функций полиэтнической образовательной среды, ориентации на учащегося в процессе обучения, реализации индивидуального образовательного маршрута.

Диалоговый характеризуется тем, что формирование полиэтнической образовательной среды реализуется в процессе диалога или полилога, но не монолога, приобщения обучающихся к различным культурам.

Главными принципами построения полиэтнической образовательной среды, с нашей точки зрения, становятся: открытость – возможность ее расширения в зависимости от личностных образовательных потребностей обучающихся; преемственность – последовательность и непрерывность личностно-ориентированного подхода на дошкольной и школьной ступенях образования; ориентация на региональные особенности, обуславливающая внесение в образовательный процесс региональных социокультурных традиций и ценностей.

Отметим, что исследование полиэтнической образовательной среды было проведено на этнической территории проживания телеутов Кемеровской области – Беловском муниципальном районе, Бековском сельском поселении, на базе муниципального бюджетного образовательного учреждения (МБОУ) «Бековская основная общеобразовательная школа». Спецификой данного учреждения является: смешанный состав учащихся и использование регионального компонента в содержании образования. Выбор определялся тем, что на территории Бековского сельского поселения находятся наиболее крупные места компактного проживания телеутов. Из 2643 телеутов, проживающих в Российской Федерации, в населенных пунктах сельского поселения Беловского муниципального района проживает 1238 телеутов. Основное население данных территорий – телеуты и русские, помимо этого, на территории проживают представители двадцати одной национальности. В Бековском сельском поселении проживает 1717 человек, 1100 из них – телеуты. В Бековской основной общеобразовательной школе обучается 149 детей, из них 118 – телеуты.

В структуре полиэтнической образовательной среды выделяем следующие компоненты: субъекты среды, психодидактический компонент (содержание, формы и методы деятельности); социальный компонент (отношения, возникающие между субъектами); пространственно-предметный компонент (возможности для организации деятельности и развития учащихся, обеспечиваемые предметной средой) [3]. Рассмотрим эти компоненты подробнее.

Механизм обеспечения интеграции воспитательных усилий педагогов, родителей, учреждений, взаимодействия со сверстниками разных национальностей – основа полиэтнической образовательной среды сельской школы. Поэтому выделяем контактирующие учреждения, семью и сверстников как **субъектов среды**.

Контактирующие учреждения на территории Беловского района Бековского сельского поселения следующие: МБОУ "Бековская основная общеобразовательная школа"; учреждения культуры: историко-этнографический музей "Чолкой", дом культуры с.

Беково, национальная библиотека с. Беково; МДОУ "Бековский детский сад".

К приоритетным направлениям в работе школы отнесены: качество образования, здоровьесбережение обучающихся, воспитание учащихся в традициях народа, сохранение и развитие материальной и духовной культуры. Предполагаем, что взаимосвязь всех перечисленных учреждений позволит сделать развитие этих направлений более успешным.

Считаем, что полиэтническая образовательная среда должна реализовываться через следующую комплексную модель: "Дошкольное образовательное учреждение – общеобразовательная школа – учреждения культуры", т. к. во-первых, данные учреждения находятся в тесной взаимосвязи на исследуемой территории, во-вторых, переход из одного учреждения в другое позволит облегчить процесс сопровождения учащегося, обеспечивая преемственность в реализации поставленных задач поликультурного образовательного процесса.

Следующий субъект, выделенный нами, – *семья*. С одной стороны, семья – это модель общества, с другой – это интимная сфера, в которой формируется и раскрывается нравственный и духовный потенциал человека. Семья является важнейшим институтом социализации подрастающего поколения, персональной средой жизни и развития детей (А. В. Мудрик). В семье ребенок познает первоначальные сведения о предметном мире, осваивает язык, знакомится с культурой, осознает свою причастность к родословной. Передача сведений о родословной, поддержание тесных взаимоотношений с родственниками до "седьмого колена" – все это семейные этнопедагогические средства приобщения детей к общественной жизни, подготовка к социальному взаимодействию. Вследствие этого считаем необходимым введение этого субъекта как значимого в полиэтнической образовательной среде, влияние его на личность школьника доказана работами К. Д. Ушинского, П. Ф. Лесгафта, П. Ф. Каптерева, В. Н. Сорока-Росинского, Л. В. Загика, В. П. Дубровой, В. М. Ивановой, Д. О. Дзинтаре и др.

Субъект *сверстники* позволяет в полиэтнической образовательной среде выделить особенности взаимоотношений людей, нормы и правила поведения в разных сообществах одного поколения. Данный субъект, также как и другие субъекты, влияет на создание и использование полиэтнической образовательной среды, т. к. непосредственно влияет на ее функционирование.

Выделенный нами *психодидактический компонент* в пространстве полиэтнической образовательной среды раскрывает содержание этнопедагогической деятельности через взаимосвязь трех элементов:

1) *познавательный* элемент включает в себя формирование базисных знаний учащихся о культуре, традициях народа; обогащение их внутреннего мира; накопление опыта народного воспитания, способствующего активизации самовоспитания подростка.

2) *процессуальный* элемент ориентирован на формирование конкретных умений, использование предоставляемых народной педагогикой средств воспитания гуманной личности, применение методов и форм работы, умение планировать деятельность учащихся.

3) *контролирующий* элемент позволяет вести постоянный мониторинг соответствия поставленных задач реализуемой цели, отражает эффективность используемых средств, методов, форм и приемов в воспитании гуманной личности.

Анализ *социального компонента* (отношений, возникающих между субъектами, социокультурных особенностей) позволил сделать выводы.

Отношения между школьниками и сверстниками представлены следующим образом: среди всех опрошенных 71 % никогда не сталкивались с недоброжелательным отношением к себе со стороны этноконтактных групп. И никто из опрошенных не указал на то, что при межличностном взаимодействии с представителями других этнических групп постоянно сталкивается с недоброжелательным отношением к себе. В то же время среди респондентов-телеутов больше 10 % указали, что иногда сталкиваются с недоброжелательным отношением к себе при общении с представителями другой национальности. Респонденты отмечали, что в школе их дразнили, обижали русские сверстники, т. к. класс был смешанным.

В сфере работы с коренными малочисленными народами образовательные учреждения и учреждения культуры администрации Беловского района находятся в постоянном взаимодействии, обоюдно осуществляют свою деятельность по следующим направлениям:

- создание условий для местного традиционного народного художественного творчества – организация культурных мероприятий, выставок народного творчества, ярмарок национальной кухни;

- защита исконной среды обитания, традиционного образа жизни и хозяйствования коренных малочисленных народов – сохранение рекреационных ресурсов территории, возрождение национальных ремесел, технологий ведения домашнего хозяйства;

- создание условий для деятельности музеев: расширение экспозиций, финансирование;

- сохранение и пропаганда культурно-исторического наследия;

- анализ тенденций в развитии межнациональных отношений и организации практической работы по предотвращению межнациональных проблем и конфликтов;

- разработка и реализация региональных и районных целевых программ по экономическому и культурному развитию наций, народностей и этнических групп, проживающих на территории Беловского района, подготовка предложений в соответствующие федеральные и областные программы;

- содействие народностям в сфере образования, сохранения и развития родного языка, получении информации на родном языке;

- содействие местному самоуправлению коренных малочисленных народов района, национальных меньшинств с учётом национально-территориальных особенностей;

- сотрудничество с общественными организациями в сфере национальных отношений;

- создание национально-культурных центров на территории Беловского района в местах компактного проживания представителей различных народов и национальностей;

– совершенствование организационного и экономического механизмов функционирования сферы культуры и национальной политики на территории муниципального района.

Контактирующие учреждения стремятся вовлечь в обсуждение и реализацию перечисленных направлений телеутские семьи, на территории создана ассоциация телеутского народа, которая, взаимодействуя с учреждениями образования и культуры, решает проблемы своего народа.

Пространственно-предметный компонент (этнопедагогические возможности для организации деятельности и развития учащихся, обеспечиваемые предметной средой). В самом общем виде считаем, что возможности организации полиэтнической образовательной среды складываются из формирования индивида, готового к активной созидательной деятельности в современной поликультурной и многонациональной среде, сохраняющего свою социально-культурную идентичность, стремящегося к пониманию других культур, уважающего иные культурно-этнические общности, умеющего жить в мире и согласии с представителями разных национальностей, рас, верований.

В ходе экспериментальной работы нами выделены три этапа создания полиэтнической образовательной среды.

Первый этап – направленный на поиск новых подходов к созданию, функционированию и развитию, используя потенциал образовательной среды.

Второй этап – включающий формирование на базе проведенного исследования методически обоснованных рекомендаций по созданию и использованию полиэтнической образовательной среды в образовательном процессе на разных ступенях обучения при решении конкретных образовательных задач, теоретическое формирование модели полиэтнической образовательной среды школы.

Третий этап – использование полиэтнической образовательной среды и пополнение информационно-методических материалов инновационной педагогической практики.

К числу важных организационно-педагогических условий, способствующих созданию и использованию полиэтнической образовательной среды мы отнесли 2 группы.

Литература

1. Бережнова, Л. Н. Этнопедагогика: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Л. Н. Бережнова, И. Л. Новак, В. И. Щеглов. – М.: Академия, 2007. – 240 с.
2. Пашкин, Г. П. Методическая работа в системе педагогического образования / Г. П. Пашкин // Проблемы педагогической инноватики в профессиональной школе: материалы IV Межрегиональной межотраслевой научно-практической конференции. Кн. 2. – СПб.: УМЦ, 2003.
3. Ясвин, В. А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию. – М.: Смысл, 2001. – 365 с.

Информация об авторе:

Бирюкова Анастасия Сергеевна – аспирант межвузовской кафедры общей и вузовской педагогики, ассистент кафедры социальной работы и менеджмента социальной сферы КемГУ, 8-923-507-25-27, birukova.anastasiya@gmail.com.

Anastasia S. Birukova – post-graduate student at the Inter-University Department of General and High School Pedagogics, Assistant Lecturer at the Department of Social Work and Social Sphere Management, Kemerovo State University.

Для субъектов полиэтнической образовательной среды это: взаимодействие и преемственность в деятельности входящих в нее элементов; формирование атмосферы взаимоподдержки и взаимопомощи специалистов всех контактирующих учреждений; обеспечение вариативности, предполагающей изменение среды в соответствии с потребностями в образовательных услугах населения; использование новых технологий образовательного процесса.

Для школьников это: создание в полиэтническом классе здорового морально-этнопсихологического климата; обеспечение единства когнитивного, эмоционально-оценочного и деятельностно-поведенческого компонентов обучения; привлечение учащихся всех национальностей к различным видам совместной деятельности.

Таким образом, можно сделать выводы, что потенциал полиэтнической образовательной среды огромен, если она создана с учетом всех перечисленных компонентов.

В современных условиях будет востребована активная творческая личность, которая, как показывают этнопедагогические исследования, может быть воспитана в процессе освоения национальной культуры, языка, обычаев и традиций своего народа как исходной и составляющей части российской и общечеловеческой культуры.

Опыт показывает, что эффективность учебно-воспитательной работы зависит от умелого использования педагогических традиций народа, в которых, что очень важно, обучение и воспитание осуществляются в гармоническом единстве. Формируя новую педагогическую концепцию, которая отражает многообразие этнокультур, систему ценностей, социальные нормы, язык, народное и профессиональное искусство, педагоги должны разработать модель воспитания нравственной, высокообразованной личности в условиях многонациональной, поликультурной страны.

Популяризация культурных ценностей, знаний, языков, повышение уровня образования коренных народов позволяют им более активно участвовать в жизни общества, если они этого желают, сохраняя при этом свою уникальную культурную самобытность.

Статья поступила в редколлегию 03.03.2014 г.

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СТУДЕНТОВ

Т. В. Васильева

PROBLEM OF FORMATION OF STUDENTS' VALUE ORIENTATIONS

T. V. Vasilieva

Статья посвящена проблеме формирования ценностных ориентаций студентов в современном российском обществе. Рассмотрены основные компоненты ценностных ориентаций, определено место ценностных ориентаций в структуре личности. Раскрываются особенности ценностных ориентаций студентов и сущность профессиональных ценностных ориентаций.

The paper considers the problem of formation of students' value orientations in the contemporary Russian society. The main components of value orientations are considered, the place of value orientations in the structure of the personality is defined. The peculiarities of students' value orientations and the essence of professional value orientations are revealed.

Ключевые слова: ценности, ценностные ориентации, личность, студенты, образование, профессиональные ценностные ориентации.

Keywords: values, valuable orientations, personality, students, education, professional value orientation.

Проблема ценностей и ценностных ориентаций личности является одной из важнейших тем, изучаемых в педагогической науке. В современных условиях переосмысления и пересмотра ценностей тема ценностных ориентаций личности приобретает особую значимость, так как именно они определяют функционирование и развитие человека. Ценностные ориентации составляют важнейший компонент структуры личности, являясь социальными в виду исторической обусловленности и индивидуальными по отношению к опыту конкретного субъекта. Они проявляются во всех областях человеческой жизнедеятельности и выполняют функцию регуляторов поведения.

Процесс формирования ценностных ориентаций личности является сложным и многогранным, так как в различные периоды жизни видоизменяется иерархия ценностных ориентаций, не теряя при этом определяющего значения для жизнедеятельности личности.

Изучению проблемы ценностных ориентаций личности посвящены труды К. А. Альбуханово-Славской, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна и др. Теоретические основы формирования ценностных ориентаций личности исследованы в работах О. Г. Дробницкого, А. Г. Здравомыслова, В. П. Тугаринова и др.

В педагогических исследованиях ценностные ориентации личности изучаются на разных этапах ее развития: учащихся общеобразовательных учреждений (Е. Н. Белова, Н. П. Карпова, Т. Н. Семенкова), студентов (Н. А. Долгушина, Н. Э. Касаткина, С. С. Королева, Е. Л. Руднева, Е. Б. Храмова) и др.

Человечество во все времена стремится осознать смысл своего существования через разрешение проблемы сущности личности. Понятие ценности своей жизни, принятие ценности своей личности является одной из самых уязвимых сторон человеческого бытия. Человек воспринимает себя целостной личностью только в связи со всем миром, в единении со всем обществом. Подобное восприятие формируется в течение всей жизни человека, и созданные социальные институты должны помочь ему на этом пути.

И одним из главнейших социальных институтов, выполняющих функции «проводника», является институт образования.

Проблема формирования нравственных ценностей как ядра личности является центральной в воспитательной системе. Значимый фактор формирования нравственных ценностей – создание благоприятного эмоционального фона. На особую роль эмоций в формировании нравственных ценностей указывал еще К. Д. Ушинский. По его мнению, ни слова, ни мысли, ни поступки человека не выражают так ясно и верно его самого и его отношение к миру, как его чувствования; в них слышен характер не отдельной мысли, не отдельного решения, а всего содержания души человека и ее строя.

В основе воспитания, по мнению К. Д. Ушинского, лежат общечеловеческие ценности: доброта, любовь, милосердие, вера в личную свободу человека. А воспитание – это личностная ценность, которая создает «вторую природу человека», формирует, просвещает сознание человека, открывая перед ним путь к добру [13].

В педагогике ценности выступают как нравственный принцип воспитания, как условие для формирования нравственных отношений между педагогом и обучающимися, как средство развития интеллектуальной культуры – мыслей, чувств, переживаний. Главная педагогическая функция ценности реализуется в ее ориентирующей, направляющей роли в жизнедеятельности человека, которая выступает в качестве «оси сознания», саморегуляции его поведения в настоящем и будущем [8, с. 30 – 37].

Таким образом, ценностные ориентации мы включаем в структуру личности, так как именно они, выступая важнейшим компонентом структуры личности, как бы резюмируют весь жизненный опыт, накопленный личностью за период ее индивидуального развития. И представляют собой ось сознания, вокруг которой вращаются все мысли и чувства человека и с точки зрения, которой решаются многие жизненные вопросы.

Особенность ценностных ориентаций состоит в том, что данная категория управляет поведенческим процессом субъекта как осознанным действием.

Ценностные ориентации представляют систему ценностных предпочтений, которые выражают субъективное отношение личности к объективным условиям жизни, определяют поступки и действия человека, проявляя себя в практическом поведении.

Структурно в ценностной ориентации можно выделить три компонента.

1. Когнитивный (смысловой) компонент, который обобщает социальный опыт личности, с помощью которого осуществляется научное познание действительности, способствующее становлению ценностного отношения.

2. Эмоциональный компонент, который определяет личностный смысл отношения индивида к ценностям.

3. Поведенческий компонент, который является результатом взаимодействия первых двух компонентов. На основе познания действительности и ее ценностного переживания субъектом формируется готовность действовать в соответствии с продуманным планом.

Таким образом, ценностные ориентации являются результатом внутреннего и внешнего взаимодействия в процессе развития личности и представляют собой субъективное отражение объективного мира в сознании конкретного индивида. Ценностные ориентации представляют собой общечеловеческие позиции, в соответствии с которыми строится поведение индивида в различных жизненных ситуациях. Они обозначают фундамент, определяющий качество жизни человека.

В свою очередь ценностные ориентации определяют содержательную сторону направленности личности и составляют основу мировоззрения и мотивации, основу ее отношений к окружающему миру, событиям, ситуациям, к людям, к себе.

Подводя итог общей характеристике ценностных ориентаций человека и их месту в структуре личности, отметим, что ценностные ориентации являются важнейшими элементами внутренней структуры личности, они закреплены жизненным опытом индивида, совокупностью его внутренних переживаний и разграничивают значимое и незначимое, существенное и несущественное для данного человека. Сложившиеся ценностные ориентации человека образуют определенную ось сознания, которая обеспечивает устойчивость личности, связывает определенный тип поведения и деятельность, выражается в направленности потребностей и интересов. Значимым фактором, регулирующим и определяющим ценностные ориентации личности, является мотивация. Основным результатом сформированности ценностных ориентаций личности является ее мировоззренческие и нравственные убеждения, глубокие и постоянные привязанности, принципы поведения и т. д.

В последние годы ценностные ориентации российской молодежи стали активно исследоваться учеными (Н. А. Буравлева, Н. А. Долгушина, С. С. Королева, Е. Л. Руднева, Т. Н. Семенова и др.). Ситуация смены общественного строя и переоценки цен-

ностей подтолкнула исследователей к изучению трансформаций ценностных ориентаций россиян.

Студенты, как особая социальная группа, постоянно находятся в центре внимания исследований социологов, психологов, педагогов, так как именно они являются индикатором происходящих перемен и определяют потенциал развития общества. От того, какие ценностные ориентации будут сформированы у молодого поколения, во многом зависит будущее состояние общества. Вместе с тем в условиях ломки сложившихся устоев неизбежна переоценка ценностей, и их кризис более всего проявляется в сознании этой социальной группы [2, с. 124 – 129].

Молодежь является важным субъектом социальных перемен, огромной инновационной силой, которую необходимо разумно использовать. Современному молодому поколению предстоит решать множество приоритетных задач в различных сферах жизни. От этих решений зависит развитие страны, сохранность и передача базовых ценностей следующему поколению [12, с. 71 – 75].

Мы придерживаемся позиции Е. Л. Рудневой, которая считает, что «ценностные ориентации студентов являются необходимым компонентом их жизненного самоопределения, выражающегося в ценностном выборе ведущих научных идей, образа гражданина, проектирования себя как гражданина и как профессионала» [10, с. 78].

Каждый абитуриент приходит в учебное заведение со своими ценностными ориентациями, сложившимися у него за время учебы в школе, но еще в большей мере вследствие влияния семьи. И чаще всего эти ценностные ориентации имеют узко личностный характер. Профессиональное образование в меру своих сил имеет возможность влиять на ценностные ориентиры учащихся, поскольку в этот период происходит отдаление его от семьи, в том числе и территориальное (переезд в другой город и т. п.), и прежние ценностные ориентации, не подкрепляемые примером извне, могут заменяться другими [3, с. 116 – 120].

Ценностные ориентации личности, являясь отражением образа жизни, определяют не только стиль поведения студента в процессе обучения в вузе, но и мотивацию, и направление его деятельности.

Ценностные ориентации являются одной из основ, опираясь на которую, у студентов можно формировать определенную направленность в образе жизни, в приоритете ценностной шкалы сознания студентов, в развитии целого комплекса их позитивных качеств, направленных на активно-деятельное участие в жизни общества.

Образование в ценностных ориентациях студенческой молодежи в первую очередь относится к инструментальным ценностным ориентациям. Обусловлено это тем, что большинство студентов придерживаются установки на получение диплома как условия поиска выгодной работы, чтобы заложить основу материального благополучия, получить более высокий социальный статус, иметь возможности профессионального роста, улучшения качества жизни. Такая позиция характеризует снижение значимости общечеловеческих ценностей, рассогласование

личных и социальных ценностей и норм. Таким образом, высшее образование все более приобретает прагматическую и инструментальную ценность в молодежной студенческой среде [12, с. 71 – 75].

Система ценностных ориентаций современных студентов характеризуется индивидуализацией ценностных ориентаций. В ситуации мировоззренческой дезориентации произошла скрытая деформация норм и образов поведения молодежи, произошла переориентация с общественных проблем на личные, наблюдается преобладание материальных ценностей. Изменились и смысловое содержание, и интерпретация базовых ценностей, среди которых ценности рынка и жизненные стратегии успеха оказались на первом месте. У студенческой молодежи наблюдается несогласованность между ценностными ориентациями и социальным поведением.

Особенностью российского студенчества является то, что кризис, поставивший значительную его часть в режим выживания, побуждает многих все чаще обращаться к высшим ценностям, пытаясь в них найти опору существования. Однако все больше молодых людей видят выход из кризиса не только в высших ценностях, но и в ориентации на девиантное поведение. В сознании студентов в центр перемещаются ценности экзистенциальной направленности, помогающие адаптироваться к изменяющейся социокультурной среде. В ценностных ориентациях сочетаются свобода личности, конкуренция, связи, необходимость влиятельных друзей, личная инициатива, материальное благополучие, высокий социальный статус. Снижается ценность знания, усиливается прагматизм и утилитаризм, преобладают инструментальные установки, но наблюдается тенденция к сокращению расхождения между инструментальными и терминальными ценностями [7, с. 22 – 125].

Таким образом, наличие определенной системы ценностных ориентаций личности является необходимым условием возникновения и формирования зрелых жизненных планов, личного и профессионального самоопределения студенческой молодежи.

Достаточно сложная структура ценностных ориентаций личности, противоречивость источников их развития, разнохарактерность выполняемых ими функций определяют наличие множества классификационных моделей, различающихся критериями, положенными в их основание [14].

О. Г. Дробницкий, учитывая сложную природу субъектно-объектного отношения, отражаемого в виде ценностных ориентаций, выделил два рода ценностных ориентаций (предметные и ценности сознания). Предметные ценности выступают объектами направленных на них потребностей и одновременно являются объектами наших оценок. Ценности сознания, или ценности-представления, являются высшими критериями для таких оценок [6].

В. А. Ядов, классифицируя ценностные ориентации, в качестве терминальных ценностей выделяет творчество, любовь, семью, здоровье и т. д. К инструментальным ценностям он относит образованность, честность, широту взглядов и т. д. Л. А. Аза, В. А. Поддубный, А. А. Ручка классифицируют ценностные ориентации по сферам действия: ориента-

ции на ценности трудовой деятельности; ориентации на ценности свободного времени. Н. А. Волкова выделяет соматические, волевые, эмоциональные, интеллектуальные, морально-нравственные, культурные и материальные ценностные ориентации, а также ценностные ориентации, связанные с ориентацией на людей и общество [цит. по: 9, с. 58 – 59].

Мы придерживаемся мнения Е. Л. Рудневой, которая различает жизненные, материальные, духовные, нравственные и профессиональные ценностные ориентации [9, с. 65].

Именно в студенческом возрасте происходит качественный скачок в профессиональном развитии студентов, формируются основные личностные характеристики, выражающие принадлежность человека к определенной профессии.

Влияние системы ценностных ориентаций в процессе подготовки профессионала проявляется в:

- освоении общечеловеческих идеалов и ценностей (мировоззренческий аспект);
- создании положительной установки на освоение профессионально-образовательной программы подготовки специалиста, бакалавра или магистра (мотивационный аспект);
- освоении социально значимой информации и технологии деятельности в различных сферах социокультурного бытия (социальный аспект);
- формировании гражданских качеств, нравственного сознания и поведения, развитии творческого потенциала личности (гражданско-нравственный аспект); формирование ценностного отношения к профессиональной деятельности (профессиональный аспект) [4, с. 37 – 40].

Профессиональные ценностные ориентации могут быть показателем приобщения будущего специалиста к методологическим, теоретическим и прикладным знаниям о профессиональных ценностях, их природе, механизмах развития, способах функционирования, в том числе и о ценностях, характеризующих профессиональное становление и самосовершенствование личности современного специалиста.

В. А. Сластенин, Г. И. Чижакова подчеркивают, что профессионально-ценностные ориентации являются ядром целостности личности и выражают качественную характеристику смысловой структуры сознания специалиста, служат критерием реализации социальной и профессиональной активности [11].

Профессиональные ценностные ориентации составляют базовую характеристику личности профессионала, основным содержанием которой является система отношений к ценностям профессии и готовность реализоваться в профессиональной деятельности в соответствии с ценностями, значимыми для общества и личности в сфере реализации профессиональной деятельности, а также для различных сторон профессиональной деятельности, к которой у субъекта формируется отношение. В то же время для специалиста важны и ценностные ориентации, не отражающие сущностных характеристик профессиональной деятельности. Эти ценностные ориентации могут отражать социальную значимость профессии, её статусность, ценности, связанные с теми условия-

ми, в которых осуществляется профессиональная деятельность и др.

По мнению К. А. Абульхановой-Славской, профессиональные ценностные ориентации являются основой жизни человека, через которую реализуется личность, это материальное вознаграждение за труд, средства удовлетворения потребности личности через общественное признание, способы самовыражения, признание обществом индивидуальности личности [1].

По мнению Н. А. Долгушиной, профессиональные ценностные ориентации являются личностным образованием и отражают систему установок, характеризующих отношение личности к профессиональной деятельности как значимой для неё [5, с. 86 – 87].

Е. Л. Руднева под профессиональными ценностными ориентациями студента понимает «элементы внутренней структуры личности, выражающие ее субъективное отношение к общественно значимым ценностям труда и компонентам будущей профессиональной деятельности» [9, с. 130].

Таким образом, профессиональные ценностные ориентации составляют базовую характеристику личности профессионала, основным содержанием которой является система отношений к ценностям профессии и готовность реализоваться в профессиональной деятельности в соответствии с ценностями, значимыми для общества и личности в сфере реализации профессиональной деятельности, а также для различных сторон профессиональной деятельности, к которой у субъекта формируется отношение. В то же время для специалиста важны внешние ценности, не отражающие сущностных характеристик профессиональной деятельности. Эти ценности могут отражать социальную значимость профессии, её статус-

ность, ценности, связанные с теми условиями, в которых осуществляется профессиональная деятельность и др.

Под профессиональными ценностными ориентациями студентов мы понимаем важный компонент профессионального самоопределения, выражающийся в ценностном выборе ведущих научных и профессиональных идей, проектирования себя как профессионала и как гражданина.

Формирование профессиональных ценностных ориентаций происходит в основном в студенческом возрасте. Именно в период студенчества формируются ценности, определяющие отношение к конкретной профессии; ценности, определяющие характер взаимодействия с субъектами профессиональной деятельности; ценности, закрепляющие отношение к себе как будущему профессионалу и выступающие в качестве эталона в процессе профессионально-личностного самосовершенствования.

Исходя из того, что у каждого студента существует собственная система ценностей, в процессе формирования профессиональных ценностных ориентаций необходимо учитывать, во-первых, степень сформированности ценностных ориентаций и содержание профессиональных ценностных ориентаций, которое характеризуется конкретными профессиональными ценностями, входящими в его структуру. Во-вторых, особенности функционирования профессиональных ценностных ориентаций, что дает возможность квалифицировать содержательную сторону направленности личности.

Таким образом, формирование системы ценностных ориентаций происходит на протяжении многих лет, и изменяется она постепенно в соответствии с внешним воздействием социума и внутренними потребностями человека.

Литература

1. Абульханова-Славская, К. А. Деятельность и психология личности / К. А. Абульханова-Славская. – М.: Наука, 1980. – 335 с.
2. Буравлева, Н. А. Ценностные ориентации студентов / Н. А. Буравлева // Вестник Томского государственного педагогического университета – 2011. – № 6.
3. Воронкова, Е. С. Проблема формирования ценностных направлений в процессе профессионального образования / Е. С. Воронкова // Профессиональное образование в современном мире. – 2011. – № 2.
4. Григорьева, Н. Г. Проблема формирования ценностей в системе профессионального образования / Н. Г. Григорьева, Н. М. Опарина // Высшее образование сегодня. – 2012. – № 4.
5. Долгушина, Н. А. Теоретическое исследование профессионально-ценностных ориентаций / Н. А. Долгушина // Альманах современной науки и образования. – 2009. – № 11-2.
6. Дробницкий, О. Г. Проблемы нравственности / О. Г. Дробницкий. – М.: Наука, 1977. – 333 с.
7. Лебеденко, О. А. Социально-философский анализ ценностных ориентаций студентов современной России / О. А. Лебеденко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, – 2011. – № 3 (9): в 3-х ч. – Ч. II.
8. Михальцова, Л. Ф. Феномен понятия «ценность» и его генезис в психолого-педагогических исследованиях / Л. Ф. Михальцова // Педагогическое образование и наука. – 2009. – № 5.
9. Руднева, Е. Л. Теоретические основы формирования жизненных и профессиональных ценностных ориентаций студентов: монография / Е. Л. Руднева; под общ. ред. Б. П. Невзорова. – Кемерово: Изд-во КРИП-КиПРО, 2002. – 302 с.
10. Руднева, Е. Л. Формирование жизненных и профессиональных ценностных ориентаций студенческой молодежи: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01 / Е. Л. Руднева. – Кемерово, 2002. – 443 с.
11. Слостёнин, В. А. Педагогическая аксиология: монография / отв. ред. В. А. Слостёнин, Г. И. Чижакова. – Красноярск: СибГТУ. – 2008. – 293 с.

12. Тырнова, О. А. Особенности ценностных ориентаций современной молодежи / О. А. Тырнова // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Педагогика и психология. – 2010. – № 3.

13. Ушинский, К. Д. Педагогические сочинения: в 6 т. / К. Д. Ушинский. – М.: Педагогика, 1990. – 528 с.

14. Яницкий, М. С. Ценностные ориентации личности как динамическая система / М. С. Яницкий. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. – 203 с.

Информация об авторе:

Васильева Татьяна Владимировна – аспирант межвузовской кафедры общей и вузовской педагогики КемГУ, sledding@yandex.ru, 8-904-995-7311.

Tatiana V. Vasilieva – post-graduate student at the Inter-University Department of General and High School Pedagogics, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 25.02.2014 г.

УДК 613.2:378

ФОРМИРОВАНИЕ ПОТРЕБНОСТИ СТУДЕНТОВ В ЗДОРОВОМ ОБРАЗЕ ЖИЗНИ В ПРОЦЕССЕ ИХ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

С. Ю. Иванова, Н. Э. Касаткина, Т. Б. Игонина, Р. В. Конькова

FORMATION OF STUDENTS' NEEDS IN A HEALTHY LIFESTYLE DURING THEIR TRAINING IN HIGH SCHOOL

S. Yu. Ivanova, N. E. Kasatkina, T. B. Igonina, R. V. Konkova

В данной работе рассмотрено понятие «потребность», выявлены теоретические подходы к проблеме формирования потребности студентов вуза в здоровом образе жизни, представлена педагогическая модель формирования потребности студентов в здоровом образе жизни в процессе обучения.

The paper considers the concept of “need”. Theoretical approaches to the problem of formation of students’ needs in a healthy lifestyle are identified. The pedagogical model of the formation of students’ needs in a healthy lifestyle during their training in high school is presented.

Ключевые слова: студенты, здоровье, потребность в здоровом образе жизни, физическая культура.

Keywords: students, health, need in a healthy lifestyle, physical training.

В связи со снижением общего уровня здоровья населения современный человек все больше осознает потребность в здоровом образе жизни, личной активности в повышении уровня здоровья и его сохранения. В то же время сложившиеся обычаи и привычки, выработанные предыдущими поколениями, не соответствуют современным требованиям общества, что усугубляется крайним обострением социальных проблем в России, недостаточным вниманием к проблемам развития системы образования. Состояние здоровья учащейся молодежи в Российской Федерации вызывает обеспокоенность у работников образования, здравоохранения и общества в целом. Поэтому перед нами стояла задача научно обосновать создание педагогических условий сохранения и укрепления здоровья студентов образовательных организаций и развития личности.

Важнейшими слагаемыми здоровья и физического потенциала молодых людей являются двигательная активность и физическое воспитание, обладающие высоким потенциалом оздоровления человека. Успешность здоровьесберегающей деятельности в системе физического воспитания в значительной степени определяется адекватностью организационно-педагогических условий реализации воспитательно-образовательного процесса задачам повышения физического

воспитания, развития личности и формирования его здоровьесберегающих компетенций [5].

Студенты высших учебных заведений составляют особый социальный слой населения, объединенный определенным возрастом, специфическими условиями обучения и образом жизни. Несомненно, обучение в вузах следует отнести к категории специфического умственного труда, то есть труда, требующего постоянного, длительного активного напряжения интеллектуальных, эмоциональных, волевых и других функций. Здоровье студенческой молодежи является необходимым условием учебы в вузе.

Проблема состояния здоровья современного человека обуславливает необходимость включения молодых людей в решение вопросов, связанных с укреплением и сохранением здоровья, вне зависимости от их профессионального выбора. Система высшего образования направлена на то, чтобы в последующие годы студенты, окончившие вуз, продолжали постоянно самосовершенствоваться. Это касается и аспектов физического воспитания. Важным средством на пути к самосовершенствованию является сформированная в студенческие годы потребность в регулярных занятиях физической культурой и спортом, в здоровом образе жизни [4].

Формирование потребности студентов вуза в здоровом образе жизни необходимо для того, чтобы бу-

дуций специалист ещё в студенческие годы пришёл к осознанию значимости регулярных занятий физической культурой и спортом, стал не только специалистом в своей области знаний, но и человеком, который бы обладал умениями и навыками восстановления организма после напряжённой работы.

Знания теории физической культуры позволяют студентам осознать абстрактное «здоровье» как реальное психическое или функциональное состояние различных органов и систем организма, уровень развития физических качеств, на которые можно воздействовать. Однако, сложившаяся система преподавания дисциплины «Физическая культура» не способствует соблюдению студентами норм здорового образа жизни. Действительно, большинство студентов знают, что курить, принимать алкоголь и употреблять наркотики вредно, но очень многие из них подвержены вредным привычкам. Никто не спорит с тем, что надо двигаться, закаляться, но большинство студентов ведут малоподвижный образ жизни. Неправильное, нерациональное питание приводит к увеличению числа студентов с избыточным весом и всеми вытекающими последствиями. Трудности современной жизни оставляют мало места для положительных эмоций, а следовательно, чтобы удовлетворить потребность в положительных эмоциях, студенты пытаются их получить посредством искусственных стимуляторов (алкоголь, табак, наркотики и др.), наносящих вред здоровью организма человека [3].

Причины несформированной потребности студентов вуза в здоровом образе жизни, на наш взгляд, заключаются в том, что педагогическая теория не даёт достаточного представления о сущности, структуре и специфике здорового образа жизни студентов, не раскрывает в полной мере возможности воспитательно-образовательного процесса вуза по формированию потребности студентов вуза в здоровом образе жизни. Вопрос о том, как научить студентов постоянно заботиться о своём здоровье, заинтересовать их регулярно использовать различные методы и формы физического воспитания в повседневной жизни, является значимым. Необходимо, с одной стороны, создать условия, при которых студенты приобретают знания об основных понятиях физической культуры в широком понимании, приобретают навыки к здоровому образу жизни, у них формируются потребности в занятиях физической культурой и спортом, в здоровом образе жизни, с другой, они повышают и развивают двигательные качества и уровень физического развития студентов.

Однако, чтобы формировать потребность студентов вуза в здоровом образе жизни, необходимо определить само понятие «потребность» и выявить теоретические подходы к рассматриваемому процессу.

История развития личности связана с историей развития её потребностей. Потребности человека побуждали его к деятельности. «Потребность» в нашем понимании – это состояние внутреннего требования человека, испытывающего нужду в чём-либо и являющегося выражением отношения к объекту потребности и источником его активности по отношению к этому объекту для удовлетворения (получения результата) данной потребности [3].

Потребность в здоровом образе жизни – это главная побудительная, направляющая и регулирующая

сила поведения личности. Она имеет широкий спектр: потребность в движениях и физических нагрузках; общении, контактах и проведении свободного времени в кругу друзей; играх, развлечениях, отдыхе, эмоциональной разрядке; самоутверждении, укреплении позиции своего Я; познании; эстетическом наслаждении; улучшении качества физкультурно-спортивных занятий, комфорте и др.

Формирование потребности в здоровом образе жизни начинается в детстве, а в школьные и студенческие годы актуализируется потребность в формировании здорового образа жизни и позволяет активно реализоваться в повседневной жизни. Так, на основании изучения литературных источников, в соответствии с выделенными структурными группами здорового образа жизни (нравственная, оздоровительная, развивающая), мы пришли к выводу, что процесс формирования потребности студентов вуза в здоровом образе жизни включает три ведущих компонента: информационно-пропагандистский, мотивационно-потребностный и деятельностный [3].

Информационно-пропагандистский компонент формирования потребности студентов вуза в здоровом образе жизни включает: систему знаний и представлений о способах, формах, методах сохранения и укрепления здоровья, составляющих здорового образа жизни (рациональном сбалансированном питании и сне, режиме труда и отдыха, личной гигиене и закаливании, адекватном режиме двигательной активности, способах избавления от вредных привычек), его организации, потребность в постоянном их развитии и др.

Мотивационно-потребностный компонент формирования потребности студентов вуза в здоровом образе жизни: осознание необходимости ведения здорового образа жизни, желание заниматься физической культурой и спортом, интерес к занятиям физической культурой и спортом, устойчивая потребность в ведении здорового образа жизни, преобладание внутренних мотивов сохранения, укрепления здоровья, ведения здорового образа жизни и др.

Деятельностный компонент формирования потребности студентов вуза в здоровом образе жизни предполагает участие студентов в массовых физкультурно-оздоровительных мероприятиях; активные занятия спортом по интересам; участие в физкультурных минутках, физкультурных паузах в воспитательно-образовательном процессе вуза; активный отдых с учётом состояния здоровья и уровнем физического развития студентов, участие в оздоровительных мероприятиях, турнирах, фестивалях, днях здоровья, туристических походах, Спартакиадах, пребывание студентов в оздоровительных и спортивных лагерях, турбазах и др. Выделенные компоненты процесса формирования потребности студентов в здоровом образе жизни взаимосвязаны и взаимообусловлены [2].

Формируя потребность студентов вуза в здоровом образе жизни, необходимо добиваться осознанного, активного отношения студентов к своему здоровью, чему способствует физическое воспитание. Сложность решения поставленной задачи состоит в том, что здоровый образ жизни есть производное многих составляющих в их взаимосвязи. Потребность студентов вуза в здоровом образе жизни необходимо формировать в

неразрывном единстве системы воспитания в целом, во взаимосвязи компонентов целостной структуры личности, в полном соответствии с её реальными возможностями. Такой подход к проблеме требует выявления возможностей воспитательно-образовательного процесса вуза по формированию потребности студентов в здоровом образе жизни, а потому в ходе исследования нами разработана педагогическая модель формирования потребности студентов вуза в здоровом образе жизни.

При разработке педагогической модели формирования потребности студентов вуза в здоровом образе жизни мы исходили из предположения, что внедрение в воспитательно-образовательный процесс вуза педагогической модели формирования потребности студентов вуза в здоровом образе жизни позволит регулировать процесс сохранения, укрепления здоровья студентов и учитывали: влияние как способствующих, так и препятствующих факторов на рассматриваемый процесс; состояние здоровья студентов вуза; интерес и желание студентов к занятиям физической культурой и спортом.

Разработанная нами педагогическая модель формирования потребности студентов вуза в здоровом образе жизни включает структурные компоненты, предложенные Н. Э. Касаткиной: цель, задачи, принципы, функции, содержание деятельности субъектов воспитательно-образовательного процесса вуза, методы, формы, средства, критерии и показатели, предполагаемый результат. Она имеет организационную структуру, в которой представлены субъекты воспитательно-образовательного процесса вуза: студенты, преподаватели [4].

Педагогическая модель формирования потребности студентов вуза в здоровом образе жизни ориентирована на сохранение, укрепление здоровья студентов, развитие их физических качеств, формирование знаний по укреплению здоровья, ведения здорового образа жизни и потребности в нём.

Для студентов основная цель – формировать мотивационно-ценностное отношение к здоровому образу жизни и потребности в нём. Для преподавателей – способствовать формированию потребности студентов в здоровом образе жизни. Для достижения поставленных целей решаются следующие задачи:

- образовательные: формировать целостное представление о физической культуре как элементе общей культуры человека; овладеть знаниями по вопросам сохранения, укрепления, развития здоровья, здорового образа жизни и потребности в нём; овладеть комплексом физических упражнений по выбору, оптимальному сочетанию комплекса физических упражнений в соответствии с состоянием здоровья для предотвращения заболеваний; формировать и развивать двигательные навыки в обеспечении общей и профессионально-прикладной физической подготовленности и др.;

- воспитательные: осознать значимость систематических занятий физической культурой и спортом, ведения здорового образа жизни; проявлять волевые усилия по соблюдению норм здорового образа жизни; развивать физические, моральные, интеллектуальные, нравственные качества; стремиться к формированию нега-

тивного отношения к употреблению алкоголя, наркотиков, табака и др. вредным привычкам и др.

- развивающие: осознать значимость и необходимость сохранения и укрепления здоровья, развития интереса и желания вести здоровый образ жизни, разностороннего развития физических способностей, эмоционально-волевых качеств и др.

Согласно поставленным целям и задачам, мы определили следующие принципы, которые являются основополагающими для реализации данной педагогической модели: принцип взаимосвязанности целей, задач, принципов, функций, содержания деятельности субъектов воспитательно-образовательного процесса вуза, методов, форм, средств, критериев и показателей, направленных на формирование потребности студентов вуза в здоровом образе жизни; принцип диагностичности позволяет выявлять состояние здоровья, его изменения, физической подготовленности субъектов воспитательно-образовательного процесса вуза; принцип организации индивидуально-дифференцированной деятельности, направленной на организацию деятельности субъектов воспитательно-образовательного процесса вуза в специально созданных педагогических условиях, сосредоточенных на выявление способностей субъектов рассматриваемого процесса по формированию потребности студентов вуза в здоровом образе жизни; принцип активизации деятельности субъектов воспитательно-образовательного процесса вуза, направленный на включение субъектов воспитательно-образовательного процесса вуза в аудиторную и внеаудиторную деятельность, направленную на сохранение, укрепление, развитие здоровья, формирование потребности в здоровом образе жизни; принцип систематичности и последовательности рассматриваемого процесса направлен на обеспечение преемственности и последовательности в реализации деятельности субъектов воспитательно-образовательного процесса вуза, направленное на формирование потребности студентов в здоровом образе жизни [1].

Основными функциями являются:

- аксиологическая – способствует формированию устойчивого представления студентов о здоровье как предпочитаемом благе, значимой ценности, являющейся одной из основных потребностей человека;

- обучающая – формирование и углубление знаний, умений и навыков по основам сохранения, укрепления и развития здоровья, ведения здорового образа жизни, профессионально-прикладной физической подготовке;

- воспитательная – развитие волевых усилий в ведении здорового образа жизни, сохранении и укреплении здоровья и формирование культуры здоровья;

- рефлексивная – осознание полноты, глубины знаний, умений и навыков по вопросам здоровьесбережения, пополнения, накопления и совершенствования их в процессе ведения здорового образа жизни.

Содержание деятельности субъектов воспитательно-образовательного процесса вуза включает аудиторную и внеаудиторную деятельность, физкультурно-массовую и физкультурно-оздоровительную деятельность. Аудиторная и внеаудиторная деятельность включает занятия «Физической культуры» в вузе; занятия в спортивных отделениях и спортивных секциях;

физкультминутки и физкультпаузы; занятия «Общества любителей активного отдыха»; занятия в спортивной комнате в профилактории; теоретические занятия по «Физической культуре»; научно-исследовательская деятельность студентов; научно-практические конференции по проблемам сохранения и укрепления здоровья молодежи, агитацию и пропаганду здорового образа жизни и др. Физкультурно-массовая и физкультурно-оздоровительная деятельность предполагает оздоровительные мероприятия: соревнования в группах, между группами, факультетами; турниры, фестивали, дни здоровья, «Весёлые старты»; туристические походы, Спартакиады; спортивно-оздоровительные лагеря, турбазы; самостоятельные занятия физической культурой и спортом и др.

Для достижения поставленной в педагогической модели цели формирования потребности в здоровом образе жизни нами определены следующие группы методов: организации деятельности, контроля и самоконтроля, диагностики. Среди методов организации деятельности мы выделяем анализ состояния здоровья, анализ знаний о сохранении, укреплении, развитии здоровья, физические упражнения, самостоятельная работа, научно-практические конференции и др. Методы контроля и самоконтроля направлены на планирование, самонаблюдение и самоконтроль за состоянием здоровья, физической подготовленностью, анализ уровня сформированности потребности в здоровом образе жизни и др. Методы диагностики включают анкетирование, тестирование, беседы, опрос и др.

Формами организации деятельности формирования потребности студентов в здоровом образе жизни в разработанной нами педагогической модели являются: спортивные отделения, спортивные секции, соревнования, турниры, фестивали, дни здоровья, туристические походы, Спартакиады; самостоятельные занятия физической культурой и спортом и др.

К средствам формирования потребности студентов вуза в здоровом образе жизни мы относим стенды, видеоматериалы, литературные источники по проблеме сохранения и укрепления здоровья, физические упражнения, тренажёры и др. Для реализации педагогической модели и сформированности потребности студентов вуза в здоровом образе жизни в образовательной практике необходимо было определить показатели сформированности потребности студентов вуза в здоровом образе жизни по каждому критерию, позволяющие для каждого студента определить уровень сформированности потребности в здоровом образе жизни. С этой целью нами определены информационно-познавательный, эмоционально-волевой, мотивационно-деятельностный и рефлексивный критерии.

Информационно-познавательный критерий характеризует система знаний студентов о здоровье, здоровом образе жизни, наличие устойчивой потребности в постоянном их пополнении. Показателями информационно-познавательного критерия являются: полнота и

глубина знаний о здоровье, составляющих здорового образа жизни (рациональном, сбалансированном питании и сне, режиме труда и отдыха, личной гигиене и закаливании, оптимальном режиме двигательной активности, способах избавления от вредных привычек и др.), потребность в постоянном их пополнении и совершенствовании и др. Эмоционально-волевой критерий характеризует положительное отношение студентов к занятиям физической культурой и спортом, к своему здоровью, состояние устойчивого положительного отношения к выбранному виду физкультурно-оздоровительной деятельности, удовлетворение от двигательной активности, стремление к физическому совершенствованию. Показатели эмоционально-волевого критерия: наличие волевых усилий в ведении здорового образа жизни, положительное отношение к занятиям физической культурой и спортом, заботливое отношение к своему здоровью, удовлетворённость в занятиях физической культурой и спортом и др. Мотивационно-деятельностный критерий характеризует активная позиция студентов в использовании знаний в повседневной жизни. Показатели мотивационно-деятельностного критерия: устойчивый интерес к здоровому образу жизни, соблюдение и использование знаний о здоровом образе жизни, проявление активности в занятиях физической культурой и спортом, осознание необходимости ведения здорового образа жизни, соблюдение рационального режима дня, умения выбора оптимального режима двигательной активности, систематические занятия физической культурой и спортом и др. Рефлексивный критерий характеризует степень осознания студентами уровня своего здоровья, знаний о сохранении и укреплении здоровья, формирования здорового образа жизни и потребности в нём, степень развития физических качеств. Показатели рефлексивного критерия: знание своих индивидуальных особенностей, самооценка соответствия знаний о сохранении, укреплении здоровья, знания об уровне сформированности потребности в здоровом образе жизни и самооценка определённого уровня в соответствии с состоянием здоровья, осуществление самоанализа, самоконтроля своих действий.

Предполагаемый результат: в процессе реализации педагогической модели формирования потребности студентов вуза в здоровом образе жизни студентами осознаётся значимость ведения здорового образа жизни, повышается интерес субъектов воспитательно-образовательного процесса вуза к занятиям физической культурой и спортом, ведению здорового образа жизни и формируется потребность в нём. Данная педагогическая модель может быть внедрена в воспитательно-образовательный процесс любого вуза с учётом специфики будущей профессиональной деятельности. Она поможет заложить фундамент крепкого здоровья всех субъектов воспитательно-образовательного процесса вуза.

Литература

1. Здоровьесберегающая деятельность в системе образования: теория и практика: уч. пос. / под научной ред. Э. М. Казина; ред. коллегия: Н. Э. Касаткина [и др.]. – Кемерово: Изд-во КРИПКиПРО, 2009. – 347 с.
2. Кириченко, В. В. Оптимизация здоровьесберегающего сопровождения учебно-тренировочного процесса в детско-юношеской спортивной школе / В. В. Кириченко // Вестник КемГУ. – 2013. – Вып. 3(55). – Т. 1. – С. 75 – 79.

3. Ковтун, Л. О. Формирование потребности будущего педагога к обеспечению социальной безопасности / Л. О. Ковтун // Вестник КемГУ. – 2013. – № 3(55). – Т. 1. – С. 84 – 90.
4. Онтогенез. Адаптация. Здоровье. Образование: учебно-методический комплекс. Книга III. Адаптация и здоровье студентов: учебно-методическое пособие / ред. колл.: Е. Л. Руднева [и др.]; отв. ред. Э. М. Казин. – Кемерово: Изд-во КРИПКиПРО, 2011. – 627 с.
5. Оптимизация двигательной активности школьников в системе непрерывного физического воспитания: анализ регионального опыта / В. В. Кириченко [и др.] // Вестник КемГУ. – 2013. – Вып. 3(55). – Т. 1. – С. 80 – 84.

Информация об авторах:

Иванова Светлана Юрьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры физического воспитания Кемеровского технологического института пищевой промышленности, 89133050205, svivanova@yandex.ru

Svetlana Yu. Ivanova – Candidate of Pedagogical Science, Assistant Professor at the Department of Physical Training, Kemerovo Institute of Food Science and Technology.

Касаткина Наталья Эмильевна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая межвузовской кафедрой общей и вузовской педагогики КемГУ, (384-2) 58-29-55, kasatkina@kemsu.ru.

Natalya E. Kasatkina – Doctor of Pedagogics, Professor, Head of the Inter-University Department of General and High-School Pedagogics, Kemerovo State University.

Игонина Татьяна Борисовна – кандидат педагогических наук, доцент межвузовской кафедры общей и вузовской педагогики КемГУ, (384-2) 58-29-55.

Tatyana B. Igonina – Candidate of Pedagogics, Assistant Professor at the Inter-University Department of General and High-School Pedagogics, Kemerovo State University.

Конькова Раиса Васильевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры физического воспитания КемГУ, 89059485526.

Raisa V. Konkova – Candidate of Pedagogics Sciences, Assistant Professor at the Department of Physical Training, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 20.02.2014 г.

УДК 371.3

АНАЛИТИЧЕСКАЯ РАБОТА НАД ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИМИ ЕДИНИЦАМИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА КАК СРЕДСТВО ВЫРАБОТКИ ГРАММАТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ (на материале русского и турецкого языков)

И. Б. Игнатова, П. Умут

ANALYTICAL WORK ON THE PAREMIOLOGICAL UNITS WITHIN FOREIGN LANGUAGE STUDY AS A MEANS OF FORMING GRAMMATICAL SKILLS (examples of Russian and Turkish languages)

I. B. Ignatova, P. Umut

Данная статья посвящена методике формирования грамматических навыков у студентов, изучающих иностранный язык, посредством аналитической работы над паремиологическими единицами. В статье представлены основные несоответствия в грамматическом строе русского и турецкого языков, а также упражнения, позволяющие одновременно работать с пословицами и поговорками изучаемого языка и отрабатывать грамматические навыки.

The paper deals with the methodology of forming grammatical skills in students of foreign languages by means of analytical work with paremiological units. The study presents the main discrepancies in the grammatical systems of the Russian and Turkish languages and the exercises combining the work with proverbs and sayings in the foreign language and training the needed grammatical skills.

Ключевые слова: паремиологические единицы, грамматический навык, аналитическое изучение иностранного языка, методика.

Keywords: paremiological units, grammatical skills, analytical study of the foreign language, methodology.

Паремии являются одним из важных аспектов обучения иностранным языкам, являясь не только средством пополнения словарного запаса, но и носителем культуры и менталитета народа. Однако мы

полагаем, что изучение пословиц и поговорок можно сделать еще более продуктивным, если использовать аналитический подход к обучению. Данный подход предполагает не заучивание пословиц, а анализ их

лексико-грамматической структуры, в результате чего студент, во-первых, допускает меньше ошибок в самих пословицах, а во-вторых, одновременно приобретает необходимые грамматические навыки для общения. Более того, и для русских, и для турецких пословиц характерна некоторая вариативность, в результате которой пословица приобретает более естественный вид и легче встраивается в предложение, и следовательно, студент должен уметь перестраивать пословицу в зависимости от контекста (Например, пословица «За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь» легко может трансформироваться в «Не гонись за двумя зайцами» или «Ну что, погнался за двумя зайцами, вот и не поймал ни одного»).

В данной статье мы приведем ряд несоответствий в грамматическом строе русского и турецкого языков, которые чаще всего вызывают затруднения у студентов, и покажем, как на материале пословиц можно вырабатывать необходимый навык. При составлении упражнений мы учитывали частотность как некоторого грамматического явления в пословицах, отобранного нами для тренировки, так и соответствующего грамматического явления в эквивалентах данных пословиц.

Настоящее широкое время

В турецком языке есть такая разновидность настоящего времени, как *Geniş zaman*, которое в переводе на русский чаще всего обозначают как «настоящее широкое время». Оно выражает действие, которое длится в течение неограниченного периода времени, либо называет некий факт. Как отмечает А. Н. Кононов [4], «это время обозначает действие, выражающее постоянное свойство подлежащего, обычно присущее ему, регулярно с ним совершающееся». Очевидно, именно поэтому данное время является очень распространенным в паремиях, в отличие от настоящего длительного времени, которое практически никогда не встречается в пословицах. Настоящее широкое время не сообщает, когда действие началось или закончилось, а только информирует, что действие осуществлялось, осуществляется и будет осуществляться. А. В. Бондарко видит знаковую функцию отсутствия субъекта в таких предложениях «в выражении идеи несущественности субъекта действия и тем самым существенности проявления самого действия – акцентировки действия, а не «неопределенности лица» [1].

Положительная и положительно-вопросительная форма настоящего широкого времени формируется при помощи добавления к основе глагола суффикса -ı, (-iğ, -eğ), а также личных суффиксов.

Поскольку подобного рода время отсутствует в русском языке, при переводе используются следующие преобразования:

– используется настоящее время: *Akılsız başın cezasını ayaklar çeker.* – Дурная голова ногам покоя не дает;

– глагол имеет форму будущего времени, при этом само предложение чаще всего становится определенно-личным: *Acele işe şeytan karışır.* (букв. В по-

спешном деле бывает замешан дьявол.) – Поспешишь – людей насмешишь;

– предложение становится безличным: *Baş nereye giderse, ayak da oraya gider.* (букв. Куда голова, туда и нога.) – Куда иголка, туда и нитка;

– предложение становится неопределенно-личным: *Çivi çiviği söker.* (букв. Гвоздь вырывает гвоздь.) – Клин клином вышибают.

Согласно проведенным нами подсчетам, наиболее частотным вариантом перевода становится использование настоящего времени, которое в русском языке аналогичным образом используется для описания истин, наблюдений, фактов. Несколько реже используется будущее время, причем, как мы уже отмечали, предложения при этом становятся определенно-личными.

Таким образом, мы делаем вывод о том, что в упражнениях следует обращать внимание на перевод пословиц на русский язык настоящим и будущим временем, одновременно уделяя внимание определенно-личным предложениям, которые в турецкой грамматике не выделяются в отдельную группу и относятся к предложениям со скрытым субъектом, а потому всегда оказываются сложными для восприятия и перевода турецкими студентами. Напротив, для русскоговорящего человека проблема заключается в распознавании контекста, в котором должно использоваться не настоящее длительное, а настоящее широкое время. В этом случае пословицы также могут помочь понять логику турецкого языка и при переводе русских пословиц на турецкий преобразовывать определенно-личные предложения, а также предложения в настоящем времени в предложения в настоящем широком времени.

Приведем пример предлагаемых нами упражнений.

Раскройте скобки, употребляя глаголы в настоящем широком времени.

- 1) Son gülen iyi _____ (gülmek).
- 2) Denize düşen yılana _____ (sarılmak).
- 3) Parayı veren, düdüğü _____ (çalmak).
- 4) Herkes kendi aklını _____ (beğenmek).
- 5) Yarası olan _____ (gocunmak).
- 6) Aç tavuk, kendini buğday ambarında _____ (görmek).
- 7) Saçı uzun olanın aklı kısa _____ (olmak).
- 8) Arı, bal alacak çiçeği _____ (bilmek).
- 9) Dağ dağa kavuşmaz, insan insana _____ (kavuşmak).
- 10) Boş teneke çok ses _____ (çıkarmak).

Отрицательная форма настоящего широкого времени образуется путем добавления особого суффикса -maz (-mez) и обозначает действие, которое не может или не должно совершаться в принципе, т. е. никогда. Это время используется для различного рода запретов. При переводе отрицательной формы настоящего широкого времени на русский язык чаще всего используются простые предложения в настоящем времени, определенно-личные предложения, а также будущее время и неопределенно-личные предложения.

Приведем для примера упражнение, позволяющее отработать подобные конструкции:

Придумайте нужные глаголы и поставьте в отрицательную форму настоящего широкого времени.

1. Нет дыма без огня. – Ateş olmayan yerden duman _____.

2. Дареному коню в зубы не смотрят. – Hediye atın dişine _____.

3. Сердцу не прикажешь. – Gönlü ferman _____.

4. Насильно мил не будешь. – Zorla güzellik _____.

5. Два медведя в одной берлоге не уживутся. – Bir çöplükte iki horoz _____.

6. За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь. – Bir taşla iki kuş _____.

Отглагольное прилагательное

В турецком языке отглагольные прилагательные являются гораздо более разнообразными и частотными, чем в русском. Отчасти это обусловлено тем, что в турецком языке отсутствует понятие причастия – его функцию выполняют отглагольные прилагательные. Возможность присоединения множественных суффиксов (пассива, будущего или прошедшего времени, лица, числа, отрицания) позволяет уместить в одном слове целое предложение. Таким образом, и для турецко-, и для русскоговорящих студентов данное грамматическое явление представляет собой сложность: им предстоит либо самостоятельно составить придаточное предложение, либо выразить достаточно распространенное придаточное предложение одним словом.

В турецком языке отглагольные прилагательные (sıfat-fiil) образуются от глагольных корней с помощью суффиксов -an, -ası, -mez, -ar, -dik, -ecek, -miş. Данное явление является очень частотным в речи и достаточно частотным в пословицах:

Son gülen iyi güler. ~ Хорошо смеется тот, кто смеется последним.

Akacak kan damarda durmaz. (букв. Кровь, которая должна пролиться, в жилах не удержится.) ~ Чему быть, того не миновать.

При переводе отглагольных прилагательных наиболее частотными оказываются причастие и придаточное предложение.

Приведем пример упражнения.

Раскройте скобки, употребляя глаголы в нужном склонении отглагольного прилагательного.

1) Arkadaşımı söyle, sana kim _____ söyleyeyim. (olmak)

~ Скажи, кто твой друг, и я скажу, кто ты.

2) İp _____ yerden kopar. (incelmek)

~ Где тонко, там и рвется.

3) Kalbe _____ yol, mideden geçer. (gitmek)

~ Путь к сердцу мужчины лежит через его желудок.

1) _____ köpek ısırmaz. (havlamak)

~ Собака, которая лает, не кусает.

2) Dostun _____ taş, baş yarmaz. (atmak)

(букв. Камень, брошенный другом, голову не проломит.)

Отглагольное существительное

Данное грамматическое явление в турецком языке совмещает в себе черты герундия и субстантива. Оно образуется от глагольных корней с помощью

суффиксов -me (ближе к германскому герундию или русскому деепричастию), -mek (ближе к немецкому варианту субстантива, когда глагол в неопределенной форме без изменений становится существительным) или -ış (немного напоминает деепричастие совершенного вида в русском языке). Подобное явление очень частотно в турецком языке, в частности в разговорной речи, в то время как в русском языке в разговорной речи крайне редко встречаются деепричастия, поэтому подобное явление может вызывать затруднение у русскоязычных студентов. В то же время для турецкоговорящих учащихся всегда возникают проблемы с переводом подобных субстантивов/герундиев на русский язык. Аналитическая работа над пословицами может помочь студентам привыкнуть к необычному явлению/переводу и одновременно добиться грамматической точности произнесения пословиц.

Посмотрим, как используется описанное нами грамматическое явление в пословицах:

Öğrenmenin yaşı yoktur. (букв. У образования нет возраста.)

~ Учиться никогда не поздно.

Başlamak, bitirmenin yarısıdır. (букв. Начинать – половина окончания.)

~ Хорошее начало – полдела откачал.

Наиболее частотными вариантами перевода становятся инфинитив либо подходящее по смыслу существительное. Следовательно, именно над этими грамматическими соответствиями (isim fiil – инфинитив, isim fiil – существительное) мы будем работать со студентами.

Приведем пример упражнения.

Найдите имя существительное от глаголов в следующих пословицах.

1) Ayıyı görmektense çalıyı dolaşmak iyidir. ~ Береженого бог бережет.

2) Ateş olmayan yerden duman çıkmaz. ~ Нет дыма без огня.

3) Şimşek çakmadan gök gürlemez. ~ Без молнии гром не гремит.

4) Yıkamak yarmaktan daha kolaydır. ~ Ломать – не строить.

5) Can çıkmayınca huy çıkmaz. ~ Горбатого могила исправит.

6) Cahile söz anlatmak, deveye hendek atlatmaktan güçtür. ~ Научи дурака Богу молиться – он и лоб расшибет.

7) Kendi düşen ağlamaz. ~ Как постелешь, так и поспишь.

8) Parmak acımadan gül derilmez. ~ Нельзя реку перейти, не замочив ноги.

В турецком языке, помимо привычных для носителей русского языка родительного, дательного и винительного падежей, есть также исходный и местный падежи.

Исходный падеж (Ayrılma hali) образуется путем добавления суффикса -den (-dan, -ten, -tan) и обозначает исходный пункт действия или движения. Он отвечает на вопросы Nereden? (Откуда?), Kimden? (От кого?), Neden? (От чего?).

Приведем примеры данного падежа в пословицах:

Ateş olmayan yerden duman çıkmaz.

~ Нет дыма без огня (букв. *От места, где не горит огонь, дым не поднимается*)

Bir ağızdan çıkan, bin ağza yayılır. (букв. *Выходящее из одних уст, распространяется на тысячу уст.*) ~ Знала бы наседка – узнает и соседка.

Местный падеж (Bulunma hali) используется для обозначения местонахождения предмета и образуется при помощи суффикса -da (-de, -ta, -te) и отвечает на вопросы Nerede? (Где?), Kimde? (У кого?).

В пословицах данный падеж встречается достаточно часто:

Demir tavında dövülür. (букв. *Железо куют, когда оно в печи*)

~ Куй железо, пока горячо.

Her şerde bir hayır vardır. (букв. *В каждом зле есть добро.*)

~ Нет худа без добра.

Приведем пример упражнения.

Найдите в следующих пословицах формы исходного и местного падежей.

1. Sürüden ayrılanı kurt kapar. (букв. Ягненка, отбившегося от отары, хватает волк).

2. Kurunun yanında yaş da yanar. (букв. Рядом с сушняком горит и зелень).

3. Et, tırnaktan ayrılmaz. (букв. Ноготь от пальца не отделяется).

4. İki cambaz bir ipte oynamaz. (букв. Два канатных плясуна на одном канате не пляшут).

5. Denizdeki balığın pazarlığı olmaz. (букв. Рыбу, которая в море, не продают).

В отличие от русского языка, в турецком языке существует три разновидности прошедшего времени: прошедшее длительное, прошедшее категорическое и прошедшее субъективное.

Прошедшее длительное время (или неопределенный имперфект) крайне редко встречается в пословицах. Так, как отмечает М. В. Порхоновский [5], из 1621 пословицы данное время встречается только в семи пословицах. Поэтому мы не будем останавливаться на данном времени подробнее.

Прошедшее категорическое время (görülen (bilinen, belirtili, -di'li) geçmiş zaman) воспринимается носителем русского языка легко, поскольку соответствует прошедшему времени в русском языке. Эта форма времени обозначает действия, совершенные в прошлом и законченные к моменту речи, но не обязательно приведшие к конкретному результату. Однако отличие от русского языка, тем не менее, существует. Глаголы в форме этого времени описывают только те прошедшие события, очевидцем которых был сам говорящий. Образование этого времени происходит при помощи суффикса -dı и особых личных аффиксов, так называемых личных аффиксов

второй группы, отличающихся от других времен. Из-за этого прошедшее категорическое время может представлять собой сложность при спряжении глаголов. Тем не менее данное время крайне редко используется в пословицах, поскольку очевидно, что говорящий не мог быть свидетелем тех событий, о которых в ней говорится, поэтому мы остановимся подробнее на такой разновидности прошедшего времени, как **прошедшее субъективное** время (образуемое при помощи суффикса -mış). Как отмечает А. Н. Кононов [4], «это время обозначает действие, имевшее место в прошлом; однако это действие не приурочивается к какому-нибудь определенному моменту в прошлом и не имеет отношения к законченности или незаконченности; это время устанавливает факт совершения действия в прошлом, причем говорящий не был свидетелем совершения действия или оно проходило без сознательного участия говорящего». С. Н. Иванов [3] полагает, что прошедшее субъективное время «точнее всего может быть квалифицировано как прошедшее-настоящее время». Модально-оценочный компонент значения глагола в данном времени во многих случаях оттесняет его акциональный компонент. Например, в пословице:

Taş üstünde taş kalmamış. – Камня на камне не осталось.

-mış привносит оттенки оценочной модальности («смотри-ка», «оказывается», «ничего себе...»). В форме на -dı оценочная модальность, напротив, отсутствует, что является еще одной причиной нераспространенности данного вида прошедшего времени в пословицах.

Работа над грамматическим построением пословиц позволяет студентам лучше понять данные оттенки значений двух разновидностей прошедшего времени. Упражнения могут иметь следующий вид:

Поставьте глагол в нужную форму прошедшего времени:

Akıllı düşününceye kadar deli oğlunu (evermek). (букв. Покуда умный думал, дурак женил своего сына).

(Almamak) vermem, (görmemek) bilmem. (букв. Чего не брал, того не отдам, чего не видел, того не знаю).

В рамках одной статьи не представляется возможным проанализировать все несоответствия грамматического строя русского и турецкого языков, поэтому мы ограничились перечисленными языковыми явлениями, которые являются наиболее частотными и представляют наибольшую сложность для студентов, изучающих данные языки как иностранные.

Литература

1. Бондарко, А. В. Основы функциональной грамматики: языковая интерпретация идеи времени / А. В. Бондарко. – СПб., 1999.
2. Даль, В. И. 1000 русских пословиц и поговорок / В. И. Даль. – М.: РИПОЛ-классик, 2010. – 512 с.
3. Иванов, С. Н. Курс турецкой грамматики. – Ч. I. Грамматические категории имени существительного / С. Н. Иванов. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. – 99 с.
4. Кононов, А. Н. Грамматика турецкого языка / А. Н. Кононов. – М. -Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – 312 с.

5. Порхо́мовский, М. В. Язык турецких пословиц (грамматический и лексический аспекты): дис. ... канд. филол. наук / М. В. Порхо́мовский. – М., 2009.
6. Aksoy, Ö.A. Atasözleri ve deyimler sözlüğü. Cilt 1 / Ö. A. Aksoy. – İstanbul: İnkılap Kitabevi, 2010. – 486 s.
7. Aksoy, Ö.A. Atasözleri ve deyimler sözlüğü. Cilt 2 / Ö. A. Aksoy. – İstanbul: İnkılap Kitabevi, 2010. – 708 s.
8. Aksoy, Ö.A. Atasözleri ve deyimler sözlüğü / Ö. A. Aksoy. – Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 1984. – 392 s.
9. Gültek, V. Atasözleri Sözlüğü / V. Gültek, B. Gültek. – İstanbul: Sosyal Yayınlar, 2000. – 240 s.
10. Köksal, N. Rusça Dilbilgisi / N. Köksal. – Ankara: Engin, 2006. – 504 s.

Информация об авторах:

Игнатова Ирина Борисовна – доктор педагогических наук, профессор, ректор Белгородского государственного института искусств и культуры.

Irina B. Ignatova – Doctor of Pedagogics, Professor, Rector of Belgorod State University of Arts and Culture.

Умут Пынар – аспирантка кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Белгородского государственного института искусств и культуры, 8-920-203-855-8, pnarumut@yandex.com.

Pynar Umut – post-graduate student at the Department of the Russian Language and Intercultural Communication, Belgorod State University of Arts and Culture.

Статья поступила в редколлегию 21.04.2014 г.

УДК 371.3

РАСПОЗНАВАНИЕ СИТУАТИВНОГО КОНТЕКСТА КАК ОСНОВНАЯ ЦЕЛЬ ОБУЧЕНИЯ ПАРЕМИЯМ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

(на материале турецкого и русского языков)

И. Б. Игнатова, П. Умут

IDENTIFICATION OF SITUATIONAL CONTEXT AS THE MAIN PURPOSE OF TEACHING PAREMIOLOGICAL UNITS TO FOREIGN STUDENTS (examples of Russian and Turkish languages)

I. B. Ignatova, P. Umut

Цель данной статьи – предоставить методические рекомендации по обучению иностранных студентов распознаванию паремиологического контекста, а также наиболее точному подбору паремиологической единицы для описания ситуации. Помимо этого, затрагиваются такие вопросы, как вариативность и недосказанность паремий как характерная черта русского и турецкого языков, а также приводятся примеры упражнений, развивающих языковую компетенцию студентов.

The purpose of this article is to present some methodological recommendations for teaching foreign students to recognize the paremiological context and select the most precise paremiological unit for description of the situation. Besides, the article concerns such aspects as variability and incompleteness of proverbs and sayings as a typical feature of Russian and Turkish languages. The examples of exercises forming students' language competence are given.

Ключевые слова: паремиологический контекст, вариативность, языковая компетенция.

Keywords: paremiological context, variability, language competence.

Изучение иностранного языка предполагает, как правило, овладение наиболее распространенными грамматическими конструкциями, разговорными клише, а также максимальное обогащение словарного запаса. Тем не менее практически все учебники как русского, так и турецкого языка не уделяют достаточного внимания паремиологическому аспекту, что приводит к различным казусным ситуациям, начиная с простого недопонимания носителя языка и заканчивая коммуникативной неудачей. В настоящей статье мы предлагаем способы решения данной проблемы.

Как правило, заучивание паремий иностранного языка не вызывает особых трудностей у студентов: пословицы обычно характеризуются четкой ритмической организацией, часто содержат рифмующиеся слова. Наибольшую проблему представляют, во-

первых, культурологические различия в паремиях (к примеру, когда в пословице упоминаются явления или традиции, отсутствующие в родной культуре) либо различия в менталитете своего народа и носителей иностранного языка. Например, частотной является турецкая поговорка *Kızı gönlüne bırakırsan ya davulcuya varır, ya zurnacıya*. (букв. Предоставь девушке свободу – она выйдет замуж или за барабанщика, или за зурниста.)

В данной пословице имеет место несовпадение реалий двух языков и для того, чтобы полностью ее понимать, нужно знать, что зурнист (музыкант, играющий на зурне, виде духовых инструментов) в Турции не считается почетной профессией и, как правило, играет такой музыкант только на свадьбах. В русской культуре подобный музыкальный инструмент

отсутствует, а потому смысл желаемого послания может теряться. Аналогично русская поговорка «злиться, как будто я у него корову украл» не может в полной мере быть понята иностранцем, если он не знает, какое значение имела для русского подворья корова, которую иначе как «кормилицей» не называли. Различия в мышлении приводят к тому, что, к примеру, турецкая пословица *Akilsiz misafir ev sahibini ağırlar*. (букв. Глупый гость прислуживает хозяину) трудна для понимания носителями русского языка, поскольку в России нет настолько развитого «культы гостя», как на востоке. Однако эту проблему можно решить путем изучения культуры народа изучаемого языка. Гораздо большим препятствием на пути овладения паремиями иностранного языка становится неумение студентов видеть ситуацию, в которой следует употребить некоторую пословицу/поговорку, а также подобрать к ситуации паремиологическую единицу, наиболее точно описывающую ее. Мы полагаем, что следует уделить наибольшее внимание именно этим этапам овладения паремиологической единицей, а именно распознаванию ситуативного контекста и подбору наиболее точного выражения для описания ситуации.

Ситуативный контекст мы будем понимать вслед за В. Н. Комиссаровым как «обстановку, время и место, к которому относится высказывание, а также любые факты реальной действительности» [2].

Таким образом, предлагаемые нами упражнения также делятся на две группы:

1. Упражнения, нацеленные на распознавание ситуативного контекста, предполагающего употребление некоторой паремиологической единицы.

2. Упражнения, развивающие способность студентов наиболее точно описывать ситуацию посредством пословицы или поговорки.

Следует сразу отметить, что не все пословицы и поговорки нуждаются в подобных тренингах, поскольку существует ряд единиц, которые полностью идентичны в русском и турецком языках, что объясняется отчасти заимствованием из латинского языка, отчасти взаимопроникновением русской и турецкой культур в результате экономических и геополитических связей. Нами было проанализировано около 1000 русских и турецких пословиц, которые мы распределили в пять групп:

1) пословицы и поговорки, полностью совпадающие в русском и турецком языках:

Arkadaşımı söyle, sana kim olduğunu söyleyeyim.

~ Скажи, кто твой друг, и я скажу, кто ты.

2) пословицы и поговорки, имеющие незначительные различия:

Boş laf karın doyurtmaz. (букв. Пустой разговор не кормит.)

~ Соловья баснями не кормят.

3) пословицы, имеющие одинаковый смысл и практически полностью отличающиеся по лексическому наполнению:

Kimse yoğurdum ekşi demez. (букв. Никто не говорит, что его йогурт кисел.) ~ Каждый купец свой товар хвалит.

4) пословицы, существующие только в турецком языке и не имеющие аналогов в русском:

Tavşan dağa küsmüş, dağın haberi olmamış. (букв. Заяц рассердился на гору, а она и не знала об этом.)

5) пословицы, существующие в русском языке и не имеющие аналогов в турецком:

Глаза боятся, а руки делают.

Естественно, наибольшие затруднения будут вызывать паремии четвертой и пятой групп, поскольку в этом случае некоторая ситуация не будет вызывать у студента, изучающего иностранный язык, никаких паремиологических ассоциаций, поскольку паремии, описывающие данную ситуацию, отсутствуют в его родном языке. Мы будем называть такую ситуацию «паремиологически немаркированной ситуацией». Следовательно, упражнения, нацеленные на распознавание ситуативного контекста, должны развивать у студентов навык соотнесения определенных признаков ситуации с нужной паремией. Добиться этого можно как дедуктивным, так и индуктивным способом. Дедукция будет предполагать анализ ряда ситуаций, в которых была употреблена некоторая паремиологическая единица, с целью выявления их общих признаков, что позволит сделать данный набор признаков узнаваемым для студентов. В этом случае преподаватель может использовать подборку литературных текстов, в которых в разных ситуациях встречается одна и та же пословица/поговорка. Например,

Кормиться было уже не на что, стало скучно без дела, и он решил, что, должно быть, надо ехать к себе домой, в деревню. Дома и хворать легче, и жить дешевле; и недаром говорит: дома стены помогают (А. П. Чехов. Мужики).

– Дома, доченька, дома! – с волнением осматриваясь, отвечала мать. – Ничего нет на свете теплее родного гнезда. – Да, внучка, дома и стены помогают, – поддержал дед (Б. Полевой. Глубокий тыл).

Анализ данных отрывков (мы привели два, но на занятии их может быть намного больше) позволяет студентам сделать вывод о том, что маркерами ситуации, в которой следует употреблять данное выражение, являются:

1) наличие некоторой проблемы;

2) увеличение вероятности разрешения данной проблемы благодаря тому, что некто вернулся домой либо не покидал дома.

Приведем еще один пример:

– А Фауст был ученый, а не аспирант. Можно сказать, академик. А у вас, Ричард, еще конь не валялся. Все рассуждаете. Так вы и останетесь вечно-зеленым деревом (Даниил Гранин. Иду на грозу).

“Авось проснулся Меркулов”, – подумал Морковников и пошел в гостиницу Ермолаева, но у Меркулова, как говорится, и конь ещё не валялся (П. И. Мельников-Печерский. На горах).

Ситуативными маркерами данной поговорки будут:

1) ожидание некоторого действия от кого-либо;

2) разочарование по поводу невыполнения этого действия.

В дальнейшем студентам может быть предложено инсценировать различные ситуации, в которых имели бы место данные признаки. Вообще, мы полностью согласны с мнением Г. Акдоган, что при обучении паремиям следует отдавать предпочтение различного

рода интересным заданиям, которые позволяют разнообразить занятие и создать положительный эмоциональный фон [5].

Индуктивное изучение пословиц и поговорок также предполагает знакомство с многочисленными отрывками из литературных текстов, а также анализ отрывков из интернет-форумов, где участники беседы используют паремии в качестве аргументов своих мыслей или как эмоционально-экспрессивное средство. Множество различных ситуативных контекстов, суммируясь, создают в сознании студентов обобщенный вид ситуации, которую описывает та или иная паремиологическая единица. Упражнения, следующие за подобной работой, будут также включать в себя различные ситуации, к которым студентам предлагается подобрать наиболее точно описывающие их пословицы/поговорки. Приведем примеры подобных упражнений:

Найдите правильную поговорку, соответствующую данной ситуации.

1. У Вашего друга есть машина и Вам она очень нравится, Вы говорите кому-либо:

- İş yerinde ona çelme takmak istediler.
- Ona göz koydum.
- Onun eli uzundur.
- Beni ayakta uyuttu.

2. Девушка ждет парня из армии, она говорит своей маме:

- Sen benim gözümden düştü.
- Onun gözü pektir.
- Onu dört gözle bekliyorum.
- Ona göz kulak olurum.

3. Полиция долгое время не может поймать преступника, ему все время удается убежать. Вы говорите:

- Tabanları yağladı.
- Kendimi kuş gibi hissettim.
- Bindığı dalı kesti.
- Avucumun içi gibi bilirim.

Составьте пословицы и используйте их в диалоге:

Açık	ekersen	altındır	az
Olmasın	gümüşse	Biçer	tuz
Onu	ekilmez	Sükut	ne
Olsun	söz	öz	yaraya

Соотнесите турецкие пословицы с обобщенной ситуацией:

Aman diyene kılıç kalkmaz.	Безвыходная ситуация
Denize düşen yılanı sarılır	Надежда
Aç tavuk kendini buğday ambarında sanır.	Необходимость экономить
Ayağını yorganına göre uzat	Мечты
Gün doğmadan neler doğar	Прощение

Найдите эквиваленты и составьте короткие рассказы, заканчивающиеся данными пословицами:

Sütten ağzı yanan, yoğurdu üfleyerek yer.	На халяву и укус сладок.
Bedava sirke baldan tatlıdır.	Кто рано встает, тому Бог дает.
Baş nereye giderse, ayak da oraya gider.	Соловья баснями не кормят.
Boş laf karın doyurmaz.	Обжегшись на молоке, будешь дуть и на воду.

Пантомимы. Один учащийся получает карточку с заданием изобразить какое-либо действие, группа старается подобрать как можно более точное описание этого действия при помощи паремиологической единицы. Например, к пантомиме, изображающей праздного человека, могут быть подобраны пословицы «Под лежащий камень вода не течет», «Хочешь есть калачи – не лежи на печи», «Как потопашь, так и полопашь» и т. д.

Собери пословицу. Студенты делятся на две команды, каждая из которых получает карточки со словами из нескольких пословиц. Например: «Старый. Конь. Борозда. Портить. Дым. Огонь. Два. Заяц». Карточки перемешаны. Задача команд – как можно быстрее составить из карточек несколько пословиц/поговорок. Затем группы по очереди показывают короткие инсценировки, в которых употребляются данные пословицы/поговорки.

Услышь пословицу. Данная игра была описана у Ф. М. Достоевского в романе «Вечный муж». Участники делятся на две команды, каждая из которых загадывает пословицу. Затем команды по очереди представляют свою пословицу следующим образом: называют предложения, объединяющиеся в текст, в каждом из которых встречается по одному слову из задуманной пословицы. Задача команды противника – угадать, какое именно слово из предложения относится к пословице, и назвать пословицу целиком. Например:

Вчера я шел по лесу и увидел **двух** белок, которые ссорились. Но в это время мимо проходил **медведь**. Он был **один**, но очень большой. Я испугался и побежал, но медведь не тронул меня и пошел к себе в **берлогу**. **Никогда** я еще так не боялся! А белки даже не заметили медведя и продолжали ссориться, и я понял, что они **не уживутся**.

В процессе работы над паремиями мы замечали, что как для турецкого, так и для русского языка характерна высокая вариативность паремиологических единиц. Пословицы (реже – поговорки) встраиваются в ситуативный и лексический контекст, приобретая различные грамматические формы. Так, например, пословица «Дареному коню в зубы не смотрят» может трансформироваться в «Не смотри дареному коню в зубы», «А он дареному коню еще и в зубы смотрит», «Конь-то дареный, я в зубы не смотрю» и т. д. Именно подобное владение паремиями воспринимается носителями языка как наиболее естественное в отличие от несколько менторского тона устойчивого варианта пословицы, которого в повседневной речи общающиеся на равных люди стараются избегать. Изу-

чающему иностранный язык студенту следует стремиться именно к подобному владению паремиями, в этом ему может помочь, например, следующее упражнение:

Несколько преобразуйте пословицу, приспособив ее к контексту:

Ну а что ж ты не задал вопрос, а ждал, пока все разойдутся? (Куй железо пока горячо).

Я уже понял, что поступил нехорошо, мне и так неловко, а ты все время мне об этом напоминаешь. (Сыпать соль на рану).

Ну и что, что он не звонит. Позвони сама. (Если гора не идет к Магомету, Магомет идет к горе).

Мы, конечно, могли бы подождать и продать наше изобретение подороже. Но аренду платить нечем, зарплату задержали. (Утопающий хватается за соломинку).

Помимо верного и точного употребления паремий следует обращать внимание и на формирование навыков их распознавания. На первый взгляд, кажется, что это достаточно просто, поскольку и пословицы, и поговорки представляют собой вполне устоявшиеся сочетания. Однако не следует забывать о том, что в повседневной речи как в турецком, так и в русском языке не всегда используется привычная формулировка паремий. Мы уже сказали о вариативности данных

единиц, следует также сказать о таком явлении повседневной речи, как их незавершенность. Очень часто бывают ситуации, когда узнаваемого словосочетания оказывается достаточно для того, чтобы собеседник – носитель языка – понял мысль говорящего, например: «И так уж она со мной ласково говорила, но я-то уже знаю, что она только стелет мягко». Для того чтобы понять смысл предложения, важно уметь вычленить из него часть пословицы и затем достроить ее. Подобные незавершенные пословицы также можно предлагать в виде отрывков из произведений либо с форумов и анализировать данные предложения со студентами, добиваясь узнавания пословицы по ее части. Для тренировки можно также использовать простые упражнения, например:

Назовите пословицу, в которой встречается данная фраза, целиком:

- за двумя зайцами;
- яблоко от яблони;
- шило в мешке;
- своя ноша;
- семь раз отмерь.

Работа с данными упражнениями, по нашему мнению, может существенно улучшить владение паремиологическими единицами в разговорной речи студентами, изучающими иностранный язык.

Литература

1. Даль, В. И. 1000 русских пословиц и поговорок / В. И. Даль. – М.: РИПОЛ-классик, 2010. – 512 с.
2. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / В. Н. Комиссаров. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
3. Мансурова, О. Турецко-русский словарь пословиц / О. Мансурова. – М.: АСТ, Восток-Запад, 2005. – 96 с.
4. Порхоновский, М. В. Язык турецких пословиц (грамматический и лексический аспекты): дис. ... канд. филол. наук / М. В. Порхоновский. – М., 2009.
5. Akdoğan, G. ve diğerleri Türkiye’de Türkçenin Yabancı Dil Olarak: Avrupa’da Türkçenin Yabancı Dil Olarak Öğretimi Sempozyumu, 25 – 26 Ekim 2001. – Ankara: Öğretimi ve Ankara Üniversitesi Tömer, 2001.
6. Aksoy, Ö. A. Atasözleri ve deyimler sözlüğü. Cilt 1 / Ö. A. Aksoy. – İstanbul: İnkılap Kitabevi, 2010. – 486 s.
7. Aksoy, Ö. A. Atasözleri ve deyimler sözlüğü. Cilt 2 / Ö. A. Aksoy. – İstanbul: İnkılap Kitabevi, 2010. – 708 s.
8. Aksoy, Ö. A. Atasözleri ve deyimler sözlüğü / Ö. A. Aksoy. – Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 1984. – 392 s.
9. Gültek, V. Atasözleri Sözlüğü / V. Gültek, B. Gültek. – İstanbul: Sosyal Yayınlar, 2000. – 240 s.

Информация об авторах:

Игнатова Ирина Борисовна – доктор педагогических наук, профессор, ректор Белгородского государственного института искусств и культуры.

Irina B. Ignatova – Doctor of Pedagogics, Professor, Rector of Belgorod State University of Arts and Culture.

Умут Пынар – аспирантка кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Белгородского государственного института искусств и культуры, 8-920-203-855-8, pnarumut@yandex.com.

Pynar Umut – post-graduate student at the Department of the Russian Language and Intercultural Communication, Belgorod State University of Arts and Culture.

Статья поступила в редколлегию 21.04.2014 г.

ИГРА В ПОДГОТОВКЕ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ

В. Н. Карташова

GAMES IN TRAINING OF FUTURE TEACHERS

V. N. Kartashova

В статье рассматривается проблема профессиональной подготовки будущего учителя иностранного языка. В рамках фронтальной модели познавательного процесса обоснована правомерность использования игровой технологии для включения студента в будущую профессию.

The paper addresses the problem of vocational training of future foreign language teachers. Within the face-to-face model of informative process, the use of game technology for inclusion of students in the future profession is justified.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, будущий учитель иностранного языка, познавательный процесс, игровая технология.

Keywords: vocational training, future foreign language teachers, informative process, game technology.

Одним из важнейших направлений совершенствования профессиональной подготовки учителя иностранного языка является ранняя профессионализация, т. е. активное конструктивное включение студента в будущую профессиональную деятельность в первый год обучения педагогической специальности.

В процессе поиска путей освоения опыта обучающей деятельности, выбора форм занятий, направленных на практическое ознакомление с профессиональной деятельностью учителя иностранного языка, мы исходили из многих факторов. Во-первых, нам необходимо было получить такое отражение профессиональной деятельности в содержании обучения и воспитания студентов, которое дает им правильное и полное представление целостной профессиональной деятельности от целеполагания до самоанализа. Отличительной особенностью введения в педагогическую профессию является возможность как бы препарировать процесс деятельности педагога, выделять характерные ее стороны на разных этапах, побуждать студентов к самоанализу, при этом замыслы, идеи и способы решения учебных и воспитательных задач сознательно и постоянно раскрываются преподавателем и инструктивными установками перед студентами. Во-вторых, требовалось организовать пространство гуманистически-ориентированного взаимодействия, ведущего к слиянию обучаемых и обучающего, пересечению индивидуальных смыслов, интериоризации педагогических ценностей. На наш взгляд, наиболее эффективно процесс ранней профессионализации проходит в том случае, если студенты с первого курса с помощью квалифицированных преподавателей подходят к осознанному овладению технологией педагогической деятельности. В-третьих, для введения в профессию учителя необходимо создавать в педагогическом взаимодействии межсубъектное пространство, где возможны подлинные диалоговые отношения. Для этого, как отмечают философы образования, необходим ряд условий: открытость целевых установок; возможность импровизации; сформированность установки на встречу со смыслом другого человека, с другим смыслом, что предполагает умение (у)слышать, (у)видеть партнера в диалоге, войти с ним в информа-

ционный и эмоциональный резонанс; наличие общего языка, понятного той и другой стороне [5, с. 263].

Очень важно создать условия, позволяющие студентам овладеть способами, средствами, методами профессиональной деятельности, совершенствовать свои профессиональные качества для реального выполнения педагогических функций, овладения ими необходимым профессионально-коммуникативным ролевым репертуаром.

В учебной литературе широко распространена трехступенчатая «вертикальная» модель познавательного процесса, представляющая его в виде движения от чувственно-эмпирического к высоте теоретического мышления и от него – к верховенству практики. К недостаткам данной модели, как считает С. Б. Крымский, следует отнести ограниченную роль чувственно-эмпирического, которое сопровождает не только начало, но и конец познания, а инструментально-практическая ориентация присуща всем фазам познавательного процесса. «Трехступенчатая вертикальная модель познания отодвигает на какую-то неведомую периферию важнейшую зону познавательного процесса, связанную с взаимопереходами абстрактно-теоретического и чувственно-эмпирического, с творческим воображением, интуицией, конструктивизацией опытного материала, символическо-образной активностью и опосредующей функцией языкового сознания. Именно на этой зоне заострил внимание И. Кант, рассматривая ее как центральную область познавательного процесса, определяемую категориальным синтезом апостериорных и априорных формообразований» [5, с. 44]. Известная история с завязыванием узелка, «чтобы не забыть», стала, по словам Б. М. Теплова, «своего рода символом всякой культурной операции». С его помощью процесс запоминания выносится наружу, объективируется, становится произвольным, чтобы затем снова погрузиться внутрь. Л. С. Выготский писал: «Именно включение символических операций делает возможным возникновение совершенно нового по составу психологического поля, не опирающегося на наличное в настоящем, но набрасывающего эскиз будущего и создающего свободное действие, независимое от непосредственной ситуации» [2, с. 57].

Философы предлагают к рассмотрению «фронтальную» модель познавательного процесса, центральная зона которой, предполагая деятельность, комбинирующую черты чувственности и духовности, замыкает познание на экзистенциальных (присущих только человеку) способностях интуиции, продуктивного воображения, символического и языкового сознания. Поскольку частью процесса учения должны стать удивление, вопрошание, педагогу следует найти основные точки удивления. «Это могут быть загадки слова, языка, как основы сообщения, информации, загадки числа, явлений природы, Я-сознания, момента истории. В этих точках происходит закрепление исходных челноков психологического и логического взаимопревращения сознания – в мышление, мышления – в сознание. Эти узлы, точки удивления должны стать спорами (зачатками спора) во всех последующих классах, возрастах, культурах. Новой гранью между сознанием и мышлением являются игровые средоточия: физические игры, словесные игры, с элементами поэтики, с особым вниманием к интонационной составляющей речи; музыка, рождающаяся в сопряжении ритма и интонации – мелодии, исполнения и импровизации; театр, обычное театральное действо» [7, с. 122].

Итак, суммируя, мы можем констатировать, что использование творческой активности, интуиции, воображения, переживания, символических представлений, категориальных матриц синтеза эмпирического и теоретического, способность наглядного и языкового моделирования становится возможным, на наш взгляд, при организации игровой деятельности на практических занятиях по иностранному языку в процессе профессиональной подготовки будущего учителя.

Исследования в философии и гуманитарных науках показывают, что игра, как и другие символические формы жизни (искусство, сновидения, фантазии и т. п.), – это не просто мимезис, т. е. вторичное выражение, изображение чего-то существующего, но, напротив, самостоятельная действительность и реальность, в лоне которой рождаются и изменяются как события, так и сам человек. «Игра меняет систему отношений человека с миром, меняет его социальную позицию и тем самым создает условия для самопознания и изменения личности. Игра переносит человека в иное ценностно-смысловое пространство, которое создается путем абстрагирования от привычного повседневного значения предметов и введения новой системы правил» [9, с. 115]. Т. А. Апинян также видит значимую роль игры в уравнивании отношений человека с миром [1].

Благодаря семиотичности, «в игре открывается новая смысловая перспектива привычных явлений и понятий, и происходит недоступное в обычных условиях познание мира и себя в этом мире. Проигрывание одного и того же сюжета может обернуться проживанием и переживанием некоей жизненной ситуации. Любое же переживание – это событие внутренней жизни личности. И не важно, реальная или мнимая ситуация стоит у истоков состояния переживания. В силу этого из игры извлекается не только игровой, но и самый настоящий жизненный опыт, который ос-

танется с человеком и вне игры. Человек придумывает себе игру, а игра преобразует человека» [9, с. 115].

Значимость игры для развития человека подчеркивает и Р. Кайуа. По мнению ученого, в игре человек устремляется к преодолению собственной ограниченности и скованности, к динамическому выявлению возможной полноты экзистенции [3].

Игра активно используется в обучении. Согласно многочисленным исследованиям, игровая деятельность является наиболее эффективным способом в изучении иностранного языка. Выделение исследователями таких аспектов игры, как инструментального (обучение конкретным навыкам и умениям иноязычной деятельности), межличностного (обучение в процессе игры межличностному взаимодействию, связанному с ролью), гностического (получение определенных знаний, формирование мышления), развивающего (развитие необходимых способностей и психических функций), позволяет рассматривать игру как основную форму реализации учебного процесса по иностранному языку. В игре обеспечивается речемыслительная активность участников образовательного процесса. Е. И. Пассов, характеризуя игру, пишет, что «игра – это, прежде всего, деятельность (в нашем случае речевая)», «индивидуализированная, глубоко личная», «мотив которой задается игровой задачей», это «развитие психических функций и способностей» [6, с. 205]. Только в игре познавательное действие, включенное в контекст социально и личностно значимой ситуации, обретает иную мотивацию и смысловую структуру. Вместо традиционной цели «запомнить и ответить» возникает цель реального достижения, а процесс учения приобретает черты непроизвольности, сотрудничества, методологической рефлексии. Игра используется для моделирования процесса профессиональной подготовки, это так называемая «деловая игра». Деловая игра может выступать в качестве имитационной схемы той ситуации в широком смысле (объекта, поля предметов, системы, процессов и т. д.), которая интересует специалиста. При этом в качестве модели деловая игра обладает «знаковыми возможностями» широкого диапазона: могут применяться как собственно знаковые средства – правила, блок-схемы, структурные изображения и т. д., так и собственно игроки.

«Учебная игра – это особо организованное задание, требующее напряжения эмоциональных и умственных сил. Она представляет собой небольшую ситуацию со своим сюжетом и действующими лицами, у которых есть общая и/или особенная роль, специфическая цель в конкретной процедуре общения» [8, с. 216].

Учебная игра используется для моделирования процесса профессиональной подготовки, это так называемая «деловая игра». Деловые игры характеризуются воссозданием контекста будущего труда. Деловая игра может выступать в качестве имитационной схемы той ситуации в широком смысле (объекта, поля предметов, системы, процессов и т. д.), которая интересует специалиста. При этом в качестве модели деловая игра обладает «знаковыми возможностями» широкого диапазона: могут применяться как собственно

знаковые средства – правила, блок-схемы, структурные изображения и т. д., так и собственно игроки.

Приведем пример деловой игры, применяемой на занятиях по английскому языку со студентами первого курса. Деловая игра моделирует фрагмент занятия по раннему обучению иностранному языку в детском саду или в первом классе начальной школы. Один студент исполняет роль «учителя», 3 – 4 студента – роли детей, остальные выступают в качестве наблюдателей, аналитиков игры и действий ее участников. Цель игры: ознакомиться с деятельностью учителя английского языка дошкольного профиля, «изнутри» и «снаружи». Студенты выполняют задания, которые позволяют им повторить языковой материал программы обучения иностранному языку на раннем этапе основными приемами его подачи. Проведение деловой игры позволяет выработать у будущих учителей определенный алгоритм действий для осуществления аспектных игр (фонетических, лексических, грамматических), а также некоторых приемов решения различных педагогических ситуаций, возникающих в процессе занятий. Поскольку курс методики еще не прочитан студентам, посредством игровых заданий демонстрируются функции учителя как организатора игры, доводятся до осознания основные сведения об игре, ее компонентах, фиксируется внимание на принципах включения иноязычной речи в игровую контекст и схемах действий с языковым материалом.

Выполнение игровых заданий создает предпосылки начальной профессионализации обучения: студенты знакомятся с основными задачами в обучении дошкольников фонетическому, лексическому, грамматическому аспектам языка, основными этапами презентации и активизации языкового материала. В процессе

игры идет не только совершенствование произносительных, лексических, грамматических навыков у самих студентов, но и происходит активизация психологических схем взаимодействия обучающихся и обучаемых, благоприятных для создания нормальной коммуникации.

Анализ игры проходит в двух планах: как с точки зрения правильности решения педагогической задачи, положенной в основу игры, так и с точки зрения владения студентами иноязычными и технологическими умениями. Для решения задачи первого плана в деловую игру вводятся ситуации, имитирующие педагогические затруднения. Чтобы студенты, исполняющие роль учеников, не превратились в некое искусственное образование, им поручаются роли детей с различными типами поведения: «моторный», «репродуктивный», «пассивный». Данные роли они исполняют согласно инструкции, обуславливающей поведение во время игры: «моторные» дети – гиперактивные, подвижные, допускающие незначительные нарушения дисциплины. «Репродуктивные» – не участвующие активно в занятии, повторяющие ответ за соседом, и, наконец, «пассивные» – это не принимающие участия в игре дети, молчащие. Главной задачей при проведении таких игр является выработка у студентов определенных приемов эффективного включения «детей» со всеми типами поведения в коллективную игровую деятельность.

Безусловно, отдать пальму первенства игре как ведущей образовательной технологии профессионального становления студента не совсем рационально, но использовать данную технологию на этапе интродукции как катализатор, стимулирующий профессиональное и личностное развитие студентов, полезно и продуктивно.

Литература

1. Апинян, Т. А. Игра в пространстве серьезного. Игра, миф, ритуал, сон, искусство и другие / Т. А. Апинян. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2003. – 400 с.
2. Выготский, Л. С. История развития высших психических функций / Л. С. Выготский // Собр. соч. в 6 т. – Т. 3. – М., 1983. – 324 с.
3. Кайуа, Р. Игры и люди. Статьи и эссе по социологии культуры / Р. Кайуа; пер. с фр. – М.: ОГИ, 2007. – 304 с.
4. Колесникова, И. А. Педагогическая реальность: опыт межпарадигмальной рефлексии / И. А. Колесникова. – СПб.: Детство-Пресс, 2001. – 288 с.
5. Крымский, С. Б. Культурно-экзистенциальные измерения познавательного процесса / С. Б. Крымский // Вопросы философии. – 1998. – № 1.
6. Пассов, Е. И. Методика как теория и технология иноязычного образования: Кн. 1. / Е. И. Пассов. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2010. – 543 с.
7. Селевко, Г. К. Современные образовательные технологии / Г. К. Селевко. – М.: Народное образование, 1996. – 127 с.
8. Соловова, Е. Н. Методика обучения иностранным языкам: продвинутый курс: пособие для студентов пед. вузов и учителей / Е. Н. Соловова. – 2-е изд. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 272 с.
9. Тендрякова, М. В. Игра и расширение смыслового пространства (взаимопереходы игры и реальности) / М. В. Тендрякова // Мир психологии. – 2000. – № 3.

Информация об авторе:

Карташова Валентина Николаевна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков педагогического профиля Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, kartashova_vn@mail.ru.

Valentina N. Kartashova – Doctor of Pedagogics, Professor, Head of the Department of Foreign Languages of Pedagogical Profile, Bunin Yelets State University.

Статья поступила в редколлегию 24.03.2014 г.

ОТНОШЕНИЕ МАСТЕРОВ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ОБУЧЕНИЯ ПТУЗ К РАЗВИТИЮ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО МАСТЕРСТВА В СИСТЕМЕ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ**В. И. Ковальчук****THE ATTITUDE OF VOCATIONAL SCHOOLS' INDUSTRIAL TRAINING FOREMEN TO THE PEDAGOGICAL SKILL DEVELOPMENT IN THE PROFESSIONAL DEVELOPMENT SYSTEM****V. I. Kovalchuk**

Охарактеризовано отношение мастеров производственного обучения ПТУЗ к развитию педагогического мастерства в системе повышения квалификации. Кросстабуляция данных анкетирования выявила, что между мужчинами и женщинами – мастерами производственного обучения – существуют кардинальные различия в отношении к своей профессиональной деятельности, а также к личному профессиональному развитию. Это обуславливает необходимость реализации индивидуального подхода в процессе развития их педагогического мастерства в цикле повышения квалификации. Выявлен ряд противоречий в системе повышения квалификации мастеров производственного обучения ПТУЗ, связанных с развитием их педагогического мастерства.

The paper describes the current state of developing pedagogical mastership of vocational training masters in vocational colleges. The author ascertains their attitude towards development of this professional quality in career development system. Data cross-tabulation of the survey has discovered the existence of fundamental differences between men and women-masters of vocational training in terms of their own professional activity, as well in their own professional development. This determines the necessity of individual approach realization in the process of development of their pedagogical mastership in improvement of professional skills cycle. The paper displays the range of contradictions in improvement of professional skills in the system of master's vocational training in vocational colleges connected with the development of their pedagogical mastership.

Ключевые слова: педагогическое мастерство, мастер производственного обучения, ПТУЗ, современное состояние.

Keywords: pedagogical mastership, master of vocational training, vocational colleges, current state.

Постановка проблемы. Необходимым условием модернизации профессионально-технического образования является повышение педагогической квалификации мастеров производственного обучения профессионально-технических учебных заведений (ПТУЗ), которые обязаны личным примером, педагогическими способностями и добросовестным трудом поднять престиж трудовых профессий, воспитать ценностное отношение учащихся к квалифицированному производственному труду, способствовать их личностному развитию.

Анализ действующих квалификационных характеристик мастеров производственного обучения ПТУЗ указал на отсутствие в них требований, касающихся наличия специального педагогического образования [3]. В определенной степени преодолению этого недостатка способствует психолого-педагогическая и методическая подготовка мастеров производственного обучения ПТУЗ в процессе обязательного повышения квалификации.

Одним из возможных целевых ориентиров психолого-педагогической и методической подготовки мастера производственного обучения ПТУЗ выступает его педагогическое мастерство, сущность и характеристики которого описаны в монографии И. Зязюна «Педагогическое мастерство в учреждениях профессионального образования» [2].

Анализ последних исследований и публикаций. Отдельные аспекты развития педагогического мастерства мастеров производственного обучения освещены в ряде российских и украинских диссертационных исследований (Г. Басаргина [1], А. Кривошеева [4], В.

Кузнецов [5], Ю. Торба [8], В. Олейник [6], Л. Шевчук [9], А. Юртаева [11], А. Ягупов [12] и др.). Анализ имеющихся исследований показывает, что приведенные в них результаты не дают возможности оценить реальную картину отношения работающих мастеров производственного обучения к развитию педагогического мастерства в системе повышения квалификации, а также определить затруднения, с которыми они сталкиваются в учреждениях последиplomного образования в процессе развития этого профессионального качества.

Цель исследования заключается в выявлении отношения мастеров производственного обучения ПТУЗ к развитию своего педагогического мастерства в системе повышения квалификации, а также к своему профессиональному развитию в целом.

Изложение основного материала исследования.

Для выявления отношения мастеров производственного обучения ПТУЗ к развитию педагогического мастерства в системе повышения квалификации нами проведено анкетирование этой категории педагогических работников. Анкетирование проводилось при поддержке учебно-методического центра профессионально-технического образования в Луганской области. Инструментом исследования стала анкета, содержащая 14 вопросов в основном закрытого типа, распределенных на 2 блока. Вопросы анкеты конструировались в соответствии с традициями социологических исследований [7].

Первый блок интегрировал вопросы, касающиеся социально-профессиональных данных о мастере производственного обучения. В частности, он содержал

вопросы о поле, профиле учебного заведения, возрасте, педагогическом стаже.

Второй блок интегрировал вопросы, касающиеся отношения мастеров производственного обучения к своей профессиональной деятельности, а также педагогическому мастерству как к профессиональному качеству.

Всего в анкетировании приняло участие 30 мастеров производственного обучения ПТУЗ различных профилей, которые участвовали в работе авторской школы «Инновационные подходы к организации учебно-производственного процесса в ПТУЗ» в 2010–2012 гг. Обработка результатов осуществлялась с использованием программы Statistica 6 [10].

В анкетировании принимало участие одинаковое количество мужчин и женщин. При этом среди них 16,7 % мастеров работали в ПТУЗ строительного профиля, 10 % – в ПТУЗ сферы услуг, 13,3 % – в ПТУЗ сферы связи, 20 % – в ПТУЗ сферы сельского хозяйства; 16,7 % – в ПТУЗ сферы промышленности; 13,3 % – в ПТУЗ сферы транспорта, 10 % – в ПТУЗ других профилей.

Возрастные параметры респондентов были такими: 30 % имели возраст от 25 до 35 лет; 33,3 % – от 35 до 40 лет; 13,3 % – от 40 до 50 лет, 20 % – от 50 до 60 лет; 3,3 % – более 60 лет. Педагогический стаж до пяти лет имели 10 %, от пяти до десяти лет – 30 %, от десяти до пятнадцати лет – 50 %, более 15 лет – 10 % респондентов.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что, с одной стороны, подавляющее количество мастеров производственного обучения принадлежит к среднему поколению, а с другой – многие мастера начали преподавать сравнительно недавно. В целом же такой возрастной разброс респондентов является типичным для контингента сферы профессионального образования нашей страны.

Обобщение ответов на первый вопрос анкеты «Реализовались ли Вы как педагог?» позволило констатировать, что 30 % мастеров чувствуют себя реализованными педагогами, 30 % считают, что они не реализовались как педагоги, 40 % затрудняются с ответом.

Такие результаты свидетельствуют о том, что подавляющее большинство мастеров производственного обучения имеют затруднения в профессиональной самореализации, однако, скорее всего, не осознают причины этих затруднений. Также полученные результаты указывают на то, что в системе повышения квалификации должны быть предприняты меры, позволяющие повысить уровень удовлетворенности мастеров своей профессиональной деятельностью.

На основании обобщения ответов респондентов на вопрос анкеты «Воспринимают ли Вас ученики как настоящего педагога?» констатировано, что 50 % респондентов считают, что ученики их воспринимают как настоящего педагога. 50 % респондентов ответили, что ученики настоящим педагогом их не считают.

По нашему мнению, такие данные свидетельствуют о том, что в целом мастера производственного обучения ПТУЗ не имеют надлежащего педагогического контакта со своими учениками. Возможным следствием этого является то, что они проводят заня-

тия с установкой «на конфронтацию». В таких условиях даже ценные знания и умения, передача которых является профессиональной задачей мастеров производственного обучения ПТУЗ, не могут быть эффективно переданы ученикам.

Анализ ответов на вопрос анкеты «Отдаете ли Вы себе отчет об уровне развития своих педагогических способностей, качеств, внешности, эффективности своей работы?» позволил констатировать, что 60 % мастеров считает, что могут адекватно оценить свои педагогические способности. Соответственно, 40 % мастеров ответили на этот вопрос отрицательно.

Такие результаты свидетельствуют о недостаточной направленности сознания мастеров производственного обучения на рефлексию своих профессиональных действий. Возможно, это связано с недостаточной заинтересованностью мастеров результатами своей профессиональной деятельности.

Ценную информацию дал анализ ответов мастеров на вопрос «Уважаете Вы себя за то, что работаете педагогом?». Выяснено, что лишь 20 % респондентов уважают себя за это. 20 % ежедневно огорчаются из-за того, что работают педагогом. Еще 20 % ненавидят себя за это. 40 % мастеров производственного обучения указали, что для них нет разницы, кем работать.

Считаем, что такие ответы свидетельствуют, во-первых, о восприятии респондентами своей профессии как второсортной, имеющей невысокий социальный статус, а во-вторых, об отсутствии ценностного восприятия своей профессиональной деятельности.

Такое отношение мастеров к своей профессиональной деятельности проявляется и в ответах на вопрос «Хотите ли Вы выделиться среди коллег за счет индивидуального стиля своей педагогической деятельности?». В частности, лишь 30 % респондентов указали, что действительно хотят этого. 50 % респондентов отметили, что не желают этого, а 20 % респондентов отметили, что им все равно, будут ли они выделяться стилем своей педагогической деятельности или не будут.

По нашему мнению, высокий уровень конформности мастеров производственного обучения объясняется тем, что установка на то, чтобы «быть как все», позволяет с наименьшими усилиями оставаться на должности, не прилагая никаких усилий к профессиональному росту.

В определенной связи с изложенными выше результатами анкетирования находятся ответы респондентов на вопрос о том, чего они, прежде всего, ожидают от курсов повышения квалификации? В частности, 20 % респондентов ответили, что ожидают педагогических и психологических знаний. 20 % ожидают повышения уровня знаний в своей предметной области. 20 % – продуктивного общения с коллегами. 40 % – своеобразного отдыха от выполнения повседневных профессиональных обязанностей. Анализ ответов на этот вопрос анкеты позволил констатировать, что значительное количество мастеров производственного обучения ПТУЗ отмечает у себя дефицит профессиональных знаний и умений и желает пополнить его в процессе повышения квалификации. В то же время значительная часть мастеров не имеют никакого интереса к повышению квалификации.

На вопрос «Считаете ли вы необходимым повышение уровня своего педагогического мастерства в цикле повышения квалификации?» респонденты дали следующие ответы: лишь 10 % ответили утвердительно, 30 % ответили, что да, но при некоторых условиях, 20 % ответили, что не хотели бы на это тратить время, 40 % респондентов отметили в ответах, что им все равно.

Такие результаты коррелируют с ответами респондентов на другие вопросы анкеты и указывают на то, что развитие такого профессионального качества, как «педагогическое мастерство», подавляющим количеством мастеров воспринимается как необязательное. При этом значительная часть мастеров считает развитие этого качества полезным, хотя и при условии определенных изменений в традиционном процессе повышения квалификации.

На вопрос «Цените ли Вы профессию мастера производственного обучения?» 20 % респондентов ответили утвердительно. 10 % дали ответ «скорее да, чем нет», 30 % – «скорее нет, чем да», 20 % дали ответ «нет», 20 % – никогда не задумывались над этим.

Интерпретируя полученные данные, можно сказать, что подавляющее количество мастеров не относится к своей профессии как к ценности, а это обозначает, что ценности-цели и ценности-средства (по терминологии М. Рокича), связанные с профессиональной деятельностью, у них не сформированы.

На вопрос «Готовы ли Вы к дифференцированной оценке своего педагогического труда в баллах?» получены следующие ответы: 26,7 % респондентов ответили утвердительно; 6,7 % мастеров выбрали ответ «скорее да, чем нет», 10 % – «скорее нет, чем да»; 16,7 % – «нет», 40 % ответили «не знаю».

Такие ответы позволяют констатировать, что подавляющее большинство мастеров не уверены в своих профессионально-педагогических компетенциях, что проявляется в опасении сравнения своей работы с работой коллег.

Поскольку так или иначе мастера производственного обучения ПТУЗ должны периодически проходить курсы повышения квалификации, мы сочли целесообразным включить в анкету вопрос «Какие вопросы, касающиеся проблематики педагогического мастерства, заинтересовали бы Вас на курсах повышения квалификации?». В анкете было предложено выставить ранг каждому из предложенных направлений обучения. В процессе обработки данных были получены следующие результаты:

- наибольшее количество респондентов (n = 18) первый ранг присвоила такому направлению, как «формирование паттернов поведения, обеспечивающих выполнение отдельных педагогических действий в различных условиях общения с учениками»;

- второй ранг больше всего респондентов (n = 21) присвоили направлению «формирование и развитие профессионально-технологических навыков и умений, передача которых станет содержанием профессиональной деятельности»;

- третий ранг наибольшее количество респондентов (n = 18), присвоило «формированию педагогической техники и педагогического артистизма»;

- по мнению наибольшего количества респондентов, участвовавших в анкетировании (n = 15), четвертый ранг присвоено такому направлению, как «обучение методикам самооценки уровня развития профессионально-ценностной и профессионально-деятельностной сферы»;

- пятый ранг наибольшее количество респондентов (n = 15) присвоило «обучению методам развития психофизических качеств, необходимых для обеспечения педагогического процесса»;

- шестой ранг наибольшее количество респондентов (n = 21) присвоило такому направлению, как «формирование ценностных ориентиров, определяющих, что хорошо, а что плохо в конкретной ситуации учебного процесса»;

- седьмому рангу, по мнению большинства респондентов (n = 15), соответствовали разнообразные вопросы, касающиеся зарубежного опыта организации учебно-производственного процесса в профессионально-технических учебных заведениях.

Приведенные результаты позволили, с одной стороны, зафиксировать смещение интересов мастеров производственного обучения на развитие прикладных умений, имеющих непосредственное отношение к их профессиональной деятельности, о чем свидетельствуют три верхних позиции рейтинга.

Интересная информация о мнениях мастеров производственного обучения получена в результате кросстабуляции данных – распространенного способа их представления в виде таблиц, в которых значения одной переменной соотносятся со значениями другой [10].

Так, например, было выяснено, что на вопрос «Состоялись ли вы как педагог?» большинство (60 %) мужчин-мастеров дали утвердительный ответ, при этом 40 % ответили на этот вопрос отрицательно. Среди женщин ответы на этот вопрос распределились следующим образом: 20 % ответили на него отрицательно, а 80 % затруднились с ответом.

Ответы респондентов указали на то, что: с одной стороны, женщины и мужчины по-разному относятся к своей профессиональной деятельности, а с другой – значительное количество мастеров считают уровень своей профессиональной самореализации недостаточным.

Особое внимание привлекают результаты соотношения ответов мужчин и женщин на вопрос «Воспринимают ли Вас ученики как настоящего педагога?». Так, было выявлено, что все мужчины дали утвердительный ответ на этот вопрос, а женщины, наоборот, отрицательный.

По нашему мнению, такие результаты указывают, с одной стороны, на определенную напускную «самоуверенность» мужчин-мастеров, а с другой – на явное недовольство женщин-мастеров своим профессиональным статусом.

Ответы на вопрос «Отдаете ли вы себе отчет об уровне развития своих педагогических способностей и эффективности своей работы?» распределились следующим образом: в то время, когда все мужчины ответили на этот вопрос утвердительно, утвердительный ответ дали только 20 % женщин, а 80 % ответили отрицательно.

Такие результаты указывают на то, что мужчинам присущ более решительный подход к самооценке своих профессиональных способностей. В то же время такой подход вряд ли всегда можно назвать адекватным. Возможно, что женщины в самооценке своих профессиональных способностей более объективны. При этом большинство из них оценивает эти способности невысоко.

Кросстабуляция данных, касающаяся ответов респондентов на вопрос «Уважаете ли Вы себя за то, что работаете педагогом?», показала, что среди мужчин лишь 40 % уважают, 40 % не уважают, а 20 % – ненавидят себя за это. Среди женщин 20 % отметили, что ненавидят себя за работу педагогом, а 80 % отметили, что им вообще безразлично, кем работать.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что большинство женщин-мастеров производственного обучения в целом безразлично относятся к своей профессиональной деятельности и очевидно, что эта деятельность имеет внешнюю мотивацию. При этом высокий процент мужчин, которые не уважают или ненавидят себя за то, что вынуждены работать на своей должности, свидетельствует о высокой степени их недовольства своим профессиональным статусом.

Анализ распределения ответов мужчин на вопрос «Хотите ли Вы выделиться среди коллег за счет индивидуального стиля своей педагогической деятельности?» показал, что 60 % мужчин хотели, а 40 % не хотели бы этого. В то же время, среди женщин-мастеров 60 % не хотели бы этого, а 40 % респондентов это вообще безразлично.

По нашему мнению, такие результаты указывают на большую степень конформизма у женщин-мастеров, чем у мастеров-мужчин. Считаем, что мужчины в силу специфики их социальных функций более склонны к выработке индивидуального стиля той или иной деятельности.

Привлекает внимание то, что между женщинами и мужчинами-мастерами производственного обучения ПТУЗ имеются значительные различия в ответах на вопрос анкеты «Что вы, прежде всего, ожидаете от системы повышения квалификации?». Так, 40 % мужчин отметили, что их интересуют психологические и педагогические знания, 40 % – знания и умения в своей предметной области, 20 % – ожидают продуктивного общения со своими коллегами. В то же время 20 % женщин отметили, что их основным ожиданием от системы повышения квалификации является общение с коллегами с целью обмена опытом, а 80 % основной целью определили получение своеобразного «отпуска» от выполнения повседневных профессиональных функций.

В целом же выявленные особенности распределения ответов свидетельствуют о том, что между мужчинами и женщинами существуют значительные различия в ожиданиях от процесса повышения квалификации. При этом ожидания мужчин более предметны, чем ожидания женщин-мастеров.

Показательно, что при ответе на вопрос «Считаете ли вы необходимым повышение уровня своего педагогического мастерства в цикле повышения квалификации?» 20 % мужчин дали утвердительный ответ, еще 20 % ответили «да, но при определенных услови-

ях», 20 % не хотели бы на это тратить время. Среди женщин распределение ответов на этот вопрос было другим: 20 % отметили, что не хотели бы на это тратить время, а 80 % ответили, что они безразлично относятся к повышению уровня своего педагогического мастерства.

Анализ ответов респондентов на этот вопрос анкеты, позволяет констатировать, что мужчины более активны в профессиональном саморазвитии, чем женщины. Хотя при этом общий уровень направленности мастеров производственного обучения на профессиональное саморазвитие не высок.

Выяснено, что, отвечая на вопрос «Цените ли Вы свою профессию?», 40 % мужчин ответили утвердительно, 20 % ответили «скорее да, чем нет», 40 % ответили «скорее нет, чем да». Распределение ответов женщин-мастеров на этот вопрос значительно отличался от такового у мужчин. Так, среди женщин 20 % ответили «скорее нет, чем да», 40 % – «нет», и еще 40 % отметили, что никогда не задумывались над этим.

Считаем, что такое распределение ответов свидетельствует о том, что степень профессиональной самореализации у мужчин в целом выше, чем у женщин. При этом очевидна кардинальная разница между мужчинами и женщинами в отношении к своей профессиональной деятельности.

Значительная разница в распределении ответов зафиксирована и при анализе ответов на вопрос «Готовы ли Вы к дифференцированной оценке своего педагогического труда в баллах, категориях?». Так, среди мужчин 53,33 % отметили, что они готовы к такой оценке; 13,33 % отметили, что они скорее готовы, чем не готовы, 20 % – скорее не готовы, чем готовы; 13,33 % – не готовы. В то же время 20 % женщин отметили, что они не готовы к такой оценке, а 80 % отметили, что не могут ответить на этот вопрос.

Мы считаем, что результаты анкетирования указывают на более активную профессиональную позицию мастеров-мужчин. Хотя, возможно, полученные результаты анкетирования в большой степени обусловлены социальной желательностью ответов.

Вообще, кросстабуляция данных анкетирования выявила, что между мужчинами и женщинами-мастерами производственного обучения существуют кардинальные различия в отношении к своей профессиональной деятельности, а также к личному профессиональному развитию. Сказанное обуславливает необходимость реализации индивидуального подхода в процессе развития их педагогического мастерства в цикле повышения квалификации.

Выводы

Таким образом, проведенное анкетирование позволило констатировать следующее:

- большинством мастеров производственного обучения ПТУЗ собственная профессия воспринимается как имеющая низкий социальный статус;
- большинство мастеров производственного обучения имеют затруднения в профессиональной самореализации, причины которой ими не осознаются;
- мастера производственного обучения ПТУЗ не имеют надлежащего педагогического контакта со

своими учениками, что обусловлено недостаточным уровнем развития эффективных навыков поведения в конкретных ситуациях, а также психофизиологических свойств, обеспечивающих реализацию этих навыков;

- мастера производственного обучения ПТУЗ уделяют недостаточное внимание рефлексии своих педагогических действий, что, вероятно, связано с их недостаточной заинтересованностью результатами своей профессиональной деятельности;

- мастера производственного обучения в целом имеют высокую степень конформности, что позволяет с наименьшими усилиями оставаться на должности, не прилагая усилий к профессиональному росту;

- у подавляющего большинства мастеров не сформирован комплекс ценностных установок, определяющих мотивы профессиональной деятельности и регулирующих отдельные ее операции;

- подавляющее большинство мастеров недостаточно уверены в уровне своих профессиональных знаний и умений, что проявляется в опасении сравнения результатов своей работы с результатами работы коллег;

- значительное количество мастеров производственного обучения отмечает у себя дефицит профессиональных знаний и умений, который желают пополнить в процессе повышения квалификации. В то же время значительная часть мастеров не имеют интереса к повышению собственной квалификации;

- развитие такого профессионального качества, как педагогическое мастерство, подавляющим большинством мастеров воспринимаются как необязательное. В то же время значительная часть мастеров считает развитие этого качества полезным, хотя и при условии определенных изменений в традиционном процессе повышения квалификации. При этом наблюдается «смещение» интересов на развитие прикладных знаний и умений;

- между мужчинами и женщинами-мастерами производственного обучения ПТУЗ существуют кардинальные различия в отношении к своей профессио-

нальной деятельности, а также к личному профессиональному развитию, что обуславливает необходимость реализации индивидуального подхода в процессе развития педагогического мастерства в цикле повышения квалификации.

Таким образом, проведенное исследование выявило следующие противоречия:

- между низким уровнем удовлетворенности мастеров производственного обучения ПТУЗ процессом и результатами своей профессиональной деятельности и отсутствием обязательных мероприятий по повышению их профессиональной самооценки в системе повышения квалификации;

- между социально обусловленной необходимостью высокого уровня развития у мастеров производственного обучения ПТУЗ эффективных навыков поведения в конкретных ситуациях, а также психофизиологических свойств, обеспечивающих реализацию этих навыков, и отсутствием должной мотивации мастеров производственного обучения к профессиональному саморазвитию;

- между необходимостью индивидуального подхода к развитию педагогического мастерства в процессе обязательного повышения квалификации мастеров производственного обучения ПТУЗ и неразработанностью научно-методических основ индивидуализации процесса развития этого профессионального качества в системе повышения квалификации.

Описанное в статье исследование проведено на небольшой выборке, что обуславливает высокую вероятность того, что полученные результаты имеют локальное значение и не отображают общего отношения мастеров производственного обучения к своему профессиональному развитию в масштабах СНГ. В связи с этим перспективным направлением исследования считаем проведение аналогичного исследования на большой выборке. Также дальнейшие усилия планируем направить на разработку авторской концепции развития педагогического мастерства мастеров производственного обучения ПТУЗ в цикле повышения квалификации.

Литература

1. Басаргина, Г. В. Педагогические условия повышения профессионализма мастеров производственного обучения в системе профессионального образования: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Г. В. Басаргина. – Барнаул, 2005. – 235 с.
2. Зязюн, І. А. Педагогічна майстерність у закладах професійної освіти: монографія / І. А. Зязюн. – К., 2003. – 246 с.
3. Кваліфікаційні вимоги до майстрів виробничого навчання професійних навчальних закладів на оплату їх праці за відповідними тарифними розрядами [затверджено заступником Міністра освіти України В.О. Зайчуком 07 травня 1993 року, № 1/9– 51.
4. Кривошеєва, О. І. Розвиток професійної етики майстрів виробничого навчання в професійно-технічних навчальних закладах: автореф. дис. ... канд. пед. наук: спец. 13.00.04 «Теорія та методика професійної освіти» / О. І. Кривошеєва. – Вінниця, 2007. – 20 с. – укр.
5. Кузнецов, В. В. Методика профессионального обучения как фактор развития деятельности и личности педагога / В. В. Кузнецов // Вестник ОГУ. – 2011. – №2 (121). – С. 192 – 197.
6. Олійник, В. В. Теоретико-методологічні засади управління підвищення кваліфікації педагогічних працівників профтехосвіти: автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01 / Олійник Віктор Васильович. – К., 2004. – 48 с.
7. Толстова, Ю. Н. Измерение в социологии: учебное пособие / Ю. И. Толстова. – М.: КДУ, 2007. – 288 с.
8. Торба, Ю. І. Педагогічна підготовка викладачів спеціальних дисциплін та майстрів виробничого навчання ПТНЗ у системі післядипломної освіти: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.04 / Торба Юрій Іванович. – К., 2004. – 260 с.

9. Шевчук Л. І. Розвиток професійної компетентності викладачів спеціальних дисциплін закладів профтехосвіти у системі післядипломної освіти: автореф. дис.... канд. пед. наук: 13.00.04 / Л. І. Шевчук. – К., 2001. – 398 с.

10. Электронный учебник по статистике. – М.: StatSoft Inc., 2012. – Режим доступа: <http://www.statsoft.ru/home/textbook/default.htm>

11. Юртаєва, О. О. Розвиток професійно-педагогічної компетентності майстрів виробничого навчання будівельного профілю в системі післядипломної педагогічної освіти: автореф. дис. ... канд. пед. наук: спец. 13.00.04 «Теорія та методика професійної освіти» / О. О. Юртаєва. – К., 2011. – 20 с. – укр.

12. Ягупова, О. В. Особливості розвитку практичного мислення майстрів виробничого навчання: автореф. дис. ... канд. психол. наук: спец. 19.00.03 «Психологія праці, інженерна психологія» / О. В. Ягупова. – Х., 2009. – 20 с. – укр.

Информация об авторе:

Ковальчук Василий Иванович – кандидат педагогических наук, доцент, заместитель директора Института последипломного педагогического образования Киевского университета им. Бориса Гринченка, докторант Классического частного университета (г. Запорожье, Украина), +380978166202, shuparka@bk.ru.

Vasiliy I. Kovalchuk – Candidate of Pedagogics; Deputy Head of the Institute of Postgraduate Education, Grinchenko Kiev University; doctoral student at Classic Private University (Zaporozhye, Ukraine).

Статья поступила в редколлегию 25.03.2014 г.

УДК 378.178

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТУДЕНТОВ ФИЗКУЛЬТУРНОГО ВУЗА В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМНЫХ СИТУАЦИЙ

Н. В. Колмогорова, Н. М. Костихина

SPECIFIC FEATURES OF STUDENTS OF SPORTS HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS IN SOLVING PROBLEM SITUATIONS

N. V. Kolmogorova, N. M. Kostikhina

В статье обоснована необходимость использования проблемных ситуаций как одного из активных методов обучения. Изучены индивидуальные особенности творческого педагогического мышления и на этой основе выяснены возможности управления его развитием в процессе обучения студентов физкультурного вуза. Анализ результатов исследования позволил выявить три уровня развития творческого мышления, в каждом из которых проявились индивидуальные особенности. В зависимости от типов решений проблемных ситуаций изучены особенности познавательных процессов студентов с преобладанием сигнальных систем.

Проведенный констатирующий эксперимент позволил заключить, что у студентов физкультурного вуза при различных подходах к решению проблемных ситуаций проявились следующие индивидуальные особенности: «субъективизм», отсутствие глубины анализа и рассуждения, пессимизм. Полученные результаты свидетельствуют о том, что у большинства студентов вне зависимости от типов решений проблемных ситуаций выявлено равновесие в соотношении сигнальных систем.

The paper proves the need of using problem situations as an active method of training. Specific features of creative pedagogical thinking are studied and on this basis the possibilities of managing its development in the course of training students of Sports higher education institutions are found out. The analysis of research results allowed to reveal three levels of creative thinking development, at each of which specific features were shown. Depending on types of solutions to problem situations, features of informative processes in students with prevalence of alarm systems are studied.

The stating experiment allowed to conclude that students of Sports higher education institutions showed the following specific features at various approaches to solving problem situations: “subjectivity”, lack of depth of the analysis and reasoning, pessimism. The received results testify that the majority of students reveal balance in the alarm systems ratio regardless of the types of solving problem situations.

Ключевые слова: активные методы обучения, проблемные ситуации, индивидуальные особенности, студенты физкультурного вуза.

Keywords: active methods of training, problem situations, specific features, students of Sports higher education institutions.

В Федеральных государственных образовательных стандартах указано, что реализация компетентного подхода должна предусматривать широкое использование в учебном процессе активных и инте-

активных форм проведения занятий (компьютерных симуляций, деловых и ролевых игр, разбор конкретных ситуаций, психологические тренинги) в сочетании с внеаудиторной работой с целью формирования

и развития профессиональных навыков обучающихся. Удельный вес занятий, проводимых в интерактивных формах, определяется главной целью основной образовательной программы бакалавриата, особенностью контингента обучающихся и содержанием конкретных дисциплин, и в целом в учебном процессе должны составлять не менее 20 % аудиторных занятий [5].

К активным методам обучения относят проблемное обучение. Как отмечает в своих работах М. В. Буланова-Топоркова, проблемным обучением можно назвать обучение решению нестандартных задач, в ходе которого обучаемые усваивают новые знания, умения и навыки [4].

Формирование профессионального мышления студентов – это выработка творческого, проблемного подхода. Проблемы творческого усвоения знаний в процессе обучения и проблемы развития творческих мыслительных способностей обучающихся являются чрезвычайно актуальными и для образовательной и для высшей школ. Педагоги и психологи постоянно стремятся найти такие способы, дидактические методы и средства, которые обеспечивали бы возможности развития творческого мышления. Естественным результатом поисков явилось проблемное обучение [1; 3].

Проблемное обучение не исключает, а опирается на основные принципы дидактики, дает возможность более эффективно решать задачи профессиональной подготовки, развивать творческие способности будущих специалистов в сфере физической культуры и спорта, умение находить правильный подход к определенным педагогическим ситуациям.

С 2011 года мы ввели специальные приемы в традиционную методику проведения семинарских занятий по педагогике. Так, например, в разделах «Дидактика» и «Теория воспитания» студентам предлагались педагогические задачи, являющиеся конкретной моделью педагогической ситуации. Материалом для этого служили наблюдения на уроках в школе, публикации из газет и педагогических журналов.

Задания для студентов предусматривали два возможных варианта решения проблемной ситуации:

- первый – с использованием программирования (акцент на алгоритмизацию мышления);
- второй предполагал свободное творческое решение и давал возможность проверки уровня и организации работ по развитию творческих педагогических способностей студента.

Анализ результатов работы в экспериментальных группах (100 человек) позволил выявить три уровня развития творческого мышления, в каждом из которых проявились индивидуальные особенности. Полученные данные позволили перейти к формирующему эксперименту, так как без учета индивидуальности невозможно развивать мышление студента в желаемом направлении.

Основываясь на различных подходах к решению проблемных ситуаций, мы выделили следующие индивидуальные особенности:

1. Первая индивидуальная особенность проявлялась в различной степени объективности при решении ситуации. У многих студентов вся логика рассуждений строилась только на фактах, которые даны в проблемной ситуации. В противоположность этому у других студентов проявлялся «субъективизм», т. е. включение в логику рассуждения в качестве посылок таких фактов и положений, о которых в ситуации не упоминалось. В данном случае «субъективизм» мы рассматриваем как серьезный недостаток логического мышления, т. к. в будущем он может привести к ошибкам в работе педагога. Для студентов с проявлением «субъективизма» предполагалась система упражнений на развитие логического мышления.

2. Следующая индивидуальная особенность проявилась в количестве предлагаемых вариантов решения проблемных ситуаций. Большое число предложенных возможных исходов не сочеталось с глубиной анализа и рассуждения и неизбежно было поверхностным. Анализ ответов показал, что максимум вариантов с глубоким обоснованием не превышает двух. В дальнейшем для развития творческого мышления таких студентов необходимо специально ограничивать для них количество вариантов решения. Это заставит их глубже анализировать предложенные варианты.

3. Обнаружены значительные индивидуальные различия у студентов в эмоциональном и рациональном подходе к решению проблемных ситуаций. Это в некоторой степени зависело от самой ситуации. Но в большей степени эмоциональный и рациональный подход зависит от особенности личности.

На наш взгляд интересно соотнести особенности познавательных процессов студентов с преобладанием сигнальных систем (таблица).

Таблица

Соотношение сигнальных систем с типом решения проблемных ситуаций

Тип решения проблемных ситуаций	Кол-во студентов	Особенности соотношения сигнальных систем (%)		
		1 с.с.	2 с.с.	равновесие
Высокий уровень эмоционального и логического мышления	23,8	10	20	70
Преобладание рационального мышления	7,4	Один человек 2 с.с., остальные не обследованы		
Преобладание эмоционального решения	30,9	53	-	47
Низкий уровень логического мышления при бедности эмоций	30,9	42,6	8,3	50,1

В таблице суммированные результаты вариантов решения проблемных ситуаций сопоставлены с данными лабораторного обследования в плане соотношения 1 и 2 сигнальных систем по методикам М. Н. Борисовой и Б. Б. Косова [2].

Анализ данных, представленных в таблице, показывает, что наиболее благоприятным вариантом при решении творческих педагогических задач был высокий уровень развития и 1 и 2 сигнальных систем. Однако типологические различия по сигнальным системам еще не обуславливают недостатков в творческом мышлении. Это видно на примере 1 типа, где было 10 % первосигнальников и 20 % второсигнальников. Но когда большая эмоциональность (3 тип) или полное ее отсутствие (4 тип) сочетаются с неправильным решением проблемной ситуации, это не должно оставаться без внимания. В дальнейшей работе со студентами мы хотим найти тот оптимальный уровень эмоций, который активизирует творческое мышление.

4. Проявление педагогического пессимизма или оптимизма – это следующая индивидуальная особенность. Иногда проявление пессимизма связано также с содержанием самой ситуацией, что говорит о том, что пессимистические ответы не являются устойчивыми. Поэтому в процессе профессиональной подготовки важно определять проявление педагогического

пессимизма и искоренять его путем показа оптимальных решений проблемных ситуаций.

В некоторых случаях педагогический пессимизм определяется отрицательным прошлым опытом. Так, например, студент, который в прошлом имел случай обмана со стороны учителя или тренера (уважаемого лица) показывает при решении ситуации неверие вообще в человеческую справедливость и доброту. Если же в прошлом они видели факты нечестности в условиях соревнований (подставные лица, подделка документов) или у них закрепились в памяти случаи неправильной оценки знаний в школе, они обязательно дают пессимистический ответ в таких ситуациях, где говорится как раз о подобных извращениях в спорте или в школе.

В этом случае надо хорошо изучить прошлый жизненный опыт студента и проводить работу по искоренению его неправильных убеждений, т. к. учитель и тренер с такой пессимистической направленностью не сможет должным образом воспитывать детей.

Итак, выявленные индивидуальные особенности в решении проблемных ситуаций дают возможность в дальнейшем найти научно-обоснованные пути развития тех творческих способностей, которые обеспечивают профессиональную подготовку студентов.

Литература

1. Колмогорова, Н. В. Формирование типов направленности к педагогической деятельности у студентов физкультурного вуза: дис. ... канд. пед. наук / Н. В. Колмогорова. – Омск, 2005. – 179 с.
2. Косов, Б. Б. Личность: теория, диагностика и развитие: учебно-методическое пособие для высших учебных заведений / Б. Б. Косов. – М.: Академический Проект, 2000. – 240 с.
3. Костикина, Н. М. Роль проблемного обучения в формировании педагогических умений студентов физкультурного вуза: учеб. пособие для преп. педагогики и студ. ин-тов физ. культ. / Н. М. Костикина. – Омск: Изд-во СибГУФК, 2005. – 54 с.
4. Педагогические технологии: учебное пособие для студентов педагогических специальностей / М. В. Буланова-Топоркова [и др.]; под ред. В. С. Кукушина. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: MapT, 2010. – 333 с.
5. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 034300 физическая культура (квалификация (степень) "бакалавр") от 15 февраля 2010 г. – Режим доступа: <http://минобрнауки.рф>

Информация об авторах:

Колмогорова Наталья Владимировна – кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой педагогики Сибирского государственного университета физической культуры и спорта, 8-913-617-35-85, 75780007@rambler.ru.

Natalia V. Kolmogorova – Candidate of Pedagogics, Head of the Department of Pedagogics, Siberian State University of Physical Culture and Sports.

Костикина Нина Мефодьевна – кандидат педагогических наук, профессор кафедры педагогики Сибирского государственного университета физической культуры и спорта, 8-960-994-83-42.

Nina M. Kostikhina – Candidate of Pedagogics, Professor at the Department of Pedagogics, Siberian State University of Physical Culture and Sports.

Статья поступила в редколлегию 29.04.2014 г.

**О ПЕДАГОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ СУБЪЕКТНОЙ ПОЗИЦИИ СТУДЕНТОВ
ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗОВ ВО ВНЕАУДИТОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ****Н. С. Скрыпник****ABOUT PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR FORMING PERSONAL POSITION OF STUDENTS OF
TECHNICAL HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS IN EXTRA-CURRICULAR ACTIVITY****N. S. Skrypnik**

Статья посвящена теоретическому обоснованию педагогических условий формирования субъектной позиции студентов высших технических учебных заведений во внеаудиторной деятельности. К выделенным условиям отнесены: овладение студентами психолого-педагогическими знаниями по вопросам субъектной позиции личности, организация субъект-субъектного взаимодействия участников внеаудиторной деятельности, педагогическая поддержка процесса формирования субъектной позиции студентов.

The paper is devoted to theoretical substantiation of pedagogical conditions for forming personal position of students of technical higher education institutions in extra-curricular activity. Mastering the psychological and pedagogical knowledge about personality's subject position by students, organizing subject-subject interaction of participants of extra-curricular activity, pedagogical support of the process of personal' subject position formation have been determined as necessary pedagogical conditions.

Ключевые слова: субъектная позиция, студенты, внеаудиторная деятельность, педагогические условия.

Keywords: personal position, students, extra-curricular activity, pedagogical conditions.

Современная система высшего образования приобретает личностно-ориентированный характер, при котором на первый план выходит личностное развитие, формирование способности к самообразованию, самообучению, самовоспитанию, рефлексии собственной деятельности. Образовательные стандарты указывают на то, что выпускник вуза должен обладать такими характеристиками, как высокий уровень профессиональной образованности, креативность, знание новейших методов и технологий в соответствующей сфере деятельности, стремление к самообразованию, навыки самостоятельной работы и работы в команде, высокая адаптивность. Все эти качества формируются успешнее, если студент занимает субъектную позицию по отношению к собственному образованию. Именно студенты с субъектной позицией могут в полной мере использовать потенциал современного высшего образования, а в дальнейшем развивать свою субъектность в процессе своего профессионального и личностного совершенствования.

В этой связи проблема формирования субъектной позиции студентов обретает особую актуальность, что подтверждается появлением целого ряда педагогических исследований, посвященных данной проблематике. Отдельные вопросы формирования субъектной позиции личности у студенческой молодежи исследованы в работах, посвященных: формированию субъектной позиции курсантов (Н. Щукина), студентов педагогических вузов (А. Гогоберидзе, А. Лебедев), студентов языкового вуза (Н. Пронина) и неязыкового вуза (Н. Иванцова), в процессе последипломного образования (А. Акулинина), в волонтерской деятельности (А. Богданова), в процессе изучения дисциплин педагогического цикла (О. Цымбал). Вместе с тем проблема формирования субъектной позиции студентов технических вузов во внеаудиторной деятельности еще не была предметом специального исследования. Отметим, что внеауди-

торную деятельность в рамках исследования рассматриваем как систему взаимосвязанной деятельности субъектов образовательного процесса, которая является неотъемлемой составляющей профессиональной подготовки и реализуется вне расписания учебных занятий. На основе анализа направлений, форм и методов внеаудиторной деятельности, и изучения практики ее организации можно сделать вывод, что она предоставляет большие возможности для формирования субъектной позиции студентов, а именно: для мотивирования студентов, формирования позитивного отношения к собственному образованию и будущей профессии; для выбора видов и форм деятельности, степени своего участия, то есть степени активности; для углубления знаний о себе как о личности и профессионале; для обогащения личного опыта (опыта общения, социальной и образовательной деятельности), для развития организаторских и коммуникативных умений, развития навыков самостоятельной работы и работы в команде; для совершенствования рефлексивных умений, для развития инициативности, ответственности, самостоятельности, креативности.

Субъектная позиция студентов любого вуза имеет общие черты, связанные с возрастными и социально-психологическими характеристиками, но субъектная позиция студента высшего технического учебного заведения является особенной именно в силу специфики технического образования. Профессиональная подготовка студентов инженерных специальностей прежде всего направлена на формирование профессиональных, узкоспециализированных технических знаний, умений и навыков, так как профессиональная деятельность будущих инженеров связана с функционированием в системе человек – техника. Однако ученые (С. Резник, А. Романовский, Н. Саенко и др.) отмечают, что современный инженер – это не только профессионал в своей области, это человек с высоким уровнем общей культуры, инженер-интеллигент, эф-

фективный менеджер с развитыми управленческими, лидерскими, организаторскими, коммуникативными качествами, который стремится к самореализации и саморазвитию в личностной и профессиональной сферах. Поэтому внимание ученых сейчас сосредоточено на предупреждении формирования технократизма, прагматизма и утилитаризма через гуманизацию и гуманитаризацию высшего технического образования, воспитание творческой личности каждого студента. Важная роль в этом процессе принадлежит формированию субъектной позиции студентов высших технических учебных заведений, поскольку она позволяет им определить личностное отношение и смысл получаемого образования; субъектно использовать имеющиеся возможности для собственного образования; проектировать и реализовывать собственный образовательный и дальнейший профессиональный маршрут.

Подробно не останавливаясь на анализе различных подходов к трактовке ключевых понятий исследования, отметим, что под субъектной позицией студента высшего технического учебного заведения мы понимаем интегративную характеристику личности, которая отражает активно-избирательное, инициативно-ответственное, преобразующее отношение студента к самому себе, к тем или иным сторонам действительности, к собственному образованию. В процессе исследования нами сделан вывод о том, что структура субъектной позиции студента высшего технического учебного заведения включает в себя четыре структурных компонента: мотивационно-отношенческий, когнитивный, деятельностный и личностный.

Мотивационно-отношенческий компонент предусматривает самодетерминацию, то есть осознание студентом себя субъектом своей жизнедеятельности и образования в частности, наличие осознанных мотивов и отношений к себе и к образованию, которые определяют положительное отношение к образованию и будущей профессии и обеспечивают осознание значимости субъектной позиции для будущего инженера (познавательный мотив, профессиональный мотив, мотив достижения успеха).

Когнитивный компонент субъектной позиции предполагает усвоение студентом системы психолого-педагогических знаний о позиции личности, субъектности, сущности и структуре субъектной позиции студента, а также содержит опыт студента как совокупность событий, поступков, переживаний, отношений, как результат взаимодействия с окружающим миром.

Деятельностный компонент отражает поведение студента как субъекта собственного образования, связан с реализацией субъектной активности личности и предполагает овладение группами учений (коммуникативные, организаторские, рефлексивные).

Личностный компонент содержит личностные качества студента, которые характеризуют его как субъект — активность, ответственность, инициативность, самостоятельность, креативность.

Позиция является устойчивым образованием психики человека, однако, может меняться или корректироваться под влиянием определенных внешних и внутренних условий. Это значит, что эффективность формирования субъектной позиции студентов технических вузов можно повысить при определенных пе-

дагогических условиях. Для обоснования таких педагогических условий уточним, что же понимается нами под таковыми. В справочной литературе «условие» понимается как: 1) обстоятельство, от которого что-нибудь зависит; 2) правила, установленные в какой-нибудь области жизни, деятельности; 3) обстановка, в которой что-нибудь происходит [8, с. 588].

Сущность понятия «условие» в педагогическом аспекте характеризуется современными учеными такими положениями: 1) условие есть совокупность причин, обстоятельств, каких-либо объектов и т. д.; 2) обозначенная совокупность влияет на развитие, воспитание и обучение человека; 3) влияние условий может ускорять или замедлять процессы развития, воспитания и обучения, а также воздействовать на их динамику и конечные результаты [5, с. 9].

Педагогические условия трактуют как один из компонентов педагогической системы, который отражает совокупность возможностей образовательной и материально-пространственной среды, воздействующих на личностный и процессуальный аспекты данной системы, и обеспечивает её эффективное функционирование и развитие [5, с. 11].

Как свидетельствует анализ современных педагогических исследований и собственный опыт работы в техническом вузе, психолого-педагогические знания о позиции личности, субъектности, субъектной позиции личности в полном объеме студенты не получают. Так, например, с понятием «субъект» студенты знакомятся только в рамках курса философии. Информация касательно позиции личности, личностного развития, субъектных характеристик и качеств личности изучается в таких дисциплинах, как психология и педагогика. Но эти дисциплины, как и другие из гуманитарного и социально-экономического цикла, в связи с переходом на новые стандарты высшего образования отнесены к дисциплинам по выбору. И например в Харьковском национальном автомобильном университете на механическом факультете эти дисциплины объединены в один курс «Психология и педагогика высшей школы», который преподается только магистрам. Такое положение является следствием того, что в технических вузах ограничено количество часов по социально-гуманитарным дисциплинам. Мы провели пилотажное исследование, в котором было задействовано 290 студентов 1 – 5 курсов механического, автомобильного факультетов и факультета управления бизнесом Харьковского национального автомобильно-дорожного университета. Как свидетельствуют его результаты, адекватные представления о субъектной позиции сформированы только у 21,7 % опрошенных студентов. На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что первым педагогическим условием формирования субъектной позиции студентов высших технических учебных заведений во внеаудиторной деятельности является обеспечение овладения студентами психолого-педагогическими знаниями по вопросам субъектности и субъектной позиции личности (знания о позиции личности, субъектности, сущности и структуре субъектной позиции студента, знания о себе, своих психологических особенностях и возможностях, о собственной «Я»-концепции).

Также отметим, что субъектная позиция предполагает наличие у будущего инженера определенных умений и личностных качеств. Следовательно, взаимодействие преподавателя и студентов во внеаудиторной деятельности должно быть направлено на формирование таких умений и личностных качеств. Важным условием эффективности данного процесса существенно выступает характер этого взаимодействия.

В научно-педагогической литературе понятие «взаимодействие» определяется как «процесс непосредственного или опосредованного воздействия объектов (субъектов) друг на друга, порождающий их взаимную обусловленность», а по отношению к педагогическому процессу оно конкретизируется как «согласованная деятельность по достижению совместных целей и результатов, по решению участниками значимой для них проблемы или задачи» [9, с. 16]. В авторитарной парадигме взаимодействие понимали как активное, одностороннее педагогическое воздействие педагога на студента, как обусловленность и порождение поведения студента за счет активных действий преподавателя. Очевидно, что субъект-объектный характер взаимодействия между преподавателем и студентами не способствует формированию и проявлению их субъектных качеств, и, следовательно, субъектной позиции студентов. Учитывая современные подходы к образованию, студент сегодня рассматривается как его субъект, соучастник педагогического процесса, творческая личность, а не только как объект воздействий и влияний педагогов. Соответственно, взаимодействие преподавателя и студентов во внеаудиторной деятельности должно носить субъект-субъектный характер.

Субъект-субъектное взаимодействие современные ученые определяют как «особые отношения, при которых педагог и его воспитанники воспринимают друг друга в качестве равноправных партнёров общения» [2, с. 16]. Рассмотрение преподавателя и студентов как равноправных партнеров не означает, что их мнения обязательно одинаковы или похожи, но оно позволяет каждому иметь своё мнение и предоставляет право отстаивать его в диалоге. Субъект-субъектное взаимодействие трактуют как наивысший уровень педагогического взаимодействия, характеризующийся сотрудничеством преподавателя и студентов, партнерскими отношениями и рефлексивным типом управленческой деятельности [7, с. 53]. Для такого взаимодействия характерны признание другого как ценности взаимодействия (общения), развивающиеся и продуктивные отношения в системе «преподаватель – студент», «студент – студент», высокий самоконтроль, направленность субъектной преобразовательной активности, высокий уровень рефлексии, сотрудничество. Субъект-субъектное взаимодействие обеспечивает субъект-субъектную ориентированность, направленную на стимулирование и качественное преобразование процессов «самости»: самопознание, творческое самоопределение, самоуправление, творческая самореализация и самосовершенствование личности [1, с. 21]. На наш взгляд, во внеаудиторной деятельности важно организовать именно субъект-субъектное взаимодействие преподавателя и студентов, при котором общение строится на принципах

диалога, а совместная деятельность – как сотрудничество. В результате такого взаимодействия активизируются собственные усилия студентов, понимание личностного смысла внеаудиторной деятельности, стимулируется саморазвитие личности. Таким образом, вторым педагогическим условием считаем организацию субъект-субъектного взаимодействия участников внеаудиторной деятельности, ориентированного на формирование у студентов умений (коммуникативных, организаторских, рефлексивных) и развитие личностных качеств (активности, инициативности, ответственности, самостоятельности, креативности).

К необходимым педагогическим условиям, способствующим формированию субъектной позиции студентов во внеаудиторной деятельности, также относим педагогическую поддержку данного процесса. В научно-педагогических исследованиях рассматривается два основных подхода к определению этого понятия – широкий и узкий [3, с. 8]. Педагогическая поддержка в широком смысле трактуется как создание благоприятных условий для развития и саморазвития личности, раскрытия и реализации ее внутренних сил и способностей, формирование способности к самостоятельной деятельности, свободному выбору, принятию решений и так далее. В узком смысле ее связывают с помощью педагога в решении проблем воспитанника в области обучения, общения, здоровья, самоопределения. Нам близко мнение А. Зёлко [4, с. 13], согласно которому поддержка определяется как последовательность следующих совместных шагов преподавателя и студента: обнаружение проблемы, которая реально или потенциально существует; выявление возможностей ее решения; проектирование и осуществление деятельности по ее преодолению; рефлексия и оценка результативности действий. Педагогическая поддержка как систематическая, целенаправленная деятельность преподавательского состава высшего технического учебного заведения предусматривает оказание помощи будущим инженерам в формировании их субъектной позиции во внеаудиторной деятельности. На основе анализа научной литературы (О. Газман, Т. Дейниченко, И. Карапузова, В. Павленко и другие) можно выделить следующие виды педагогической поддержки: непосредственная и опосредованная, которые могут носить превентивный или оперативный характер. Непосредственная педагогическая поддержка подразумевает прямое привлечение студента к деятельности по преодолению разного рода трудностей и препятствий в формировании его субъектной позиции, она предусматривает совместное осуществление преподавателем со студентом таких действий, как планирование, анализ, сотрудничество, рефлексия, которые необходимы для самостоятельного преодоления трудностей студентом в дальнейшем. Опосредованная поддержка осуществляется без активного участия студента в виде направления, одобрения, создания ситуаций успеха, вариативности мероприятий и возможности их выбора, степени участия и тому подобное. Превентивный характер педагогической поддержки направлен на выявление причин, вызывающих трудности и проблемы у студентов для предотвращения их появления во внеаудиторной деятельности. Оперативный характер означает реак-

цию педагога на просьбу студента о помощи [6, с. 9 – 10]. В педагогической поддержке процесса формирования субъектной позиции студентов во внеаудиторной деятельности выделяем такие методы, как: помощь (непосредственные действия преподавателя и студента в процессе внеаудиторной деятельности, обеспечивающие выполнение студентом определенных заданий, создание эмоционального комфорта за счет преодоления страха перед решением проблем); консультирование (обеспечивает информацию и советы по применению полученного опыта внеаудиторной деятельности для формирования своей субъектной позиции, по анализу и преодолению трудностей в этом процессе, по овладению знаниями о субъектной позиции студента); создание ситуаций успеха (позволяет студенту получать удовлетворение от собственной деятельности, предвкушение успеха, проектирование позитивного в деятельности, вселяет в студента веру в собственные возможности).

Таким образом, к педагогическим условиям, которые способствуют формированию субъектной позиции студентов высших технических учебных заведений, относим:

1) обеспечение овладения студентами психолого-педагогическими знаниями по вопросам субъектности и субъектной позиции личности (знания о позиции личности, субъектности, сущности и структуре субъектной позиции студента, знания о себе, своих психологических особенностях и возможностях, о собственной «Я»-концепции);

2) организацию субъект-субъектного взаимодействия участников внеаудиторной деятельности, ориентированного на формирование у студентов умений (коммуникативных, организаторских, рефлексивных) и развитие личностных качеств (активности, инициативности, ответственности, самостоятельности, креативности);

3) педагогическую поддержку процесса формирования субъектной позиции студентов.

Литература

1. Анфисова, С. Е. Влияние форм организации педагогического взаимодействия на творческое саморазвитие студента / С. Е. Анфисова // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2008. – № 76-2.
2. Ахмерова, Д. Ф. Субъект-субъектное взаимодействие студентов и преподавателей в воспитательно-образовательном процессе вуза / Д. Ф. Ахмерова // Начальная школа плюс До и После. – 2011. – № 8.
3. Дейніченко, Т. І. Диференціація навчання в процесі групової форми його організації (на прикладі предметів природничо-математичного циклу): автореф. дис. ... канд. пед. наук, спец. 13.00.09 «Теорія навчання» / Т. І. Дейніченко. – Харків, 2006. – 22 с.
4. Зёлко, А. С. Педагогическая поддержка студентов вузов при переходе на двухуровневую систему подготовки: автореф. дис. ... канд. пед. наук: спец. 13.00.08 «Теория и методика профессионального образования» / А. С. Зелко. – Калининград, 2011. – 23 с.
5. Ипполитова, Н. Анализ понятия «педагогические условия»: сущность, классификация / Н. Ипполитова, Н. Стерхова // General and Professional Education. – 2012. – № 1.
6. Карапузова, І. В. Організація педагогічної підтримки майбутніх учителів у процесі навчання: автореф. дис. ... канд. пед. наук, спец. 13.00.04 «Теорія та методика професійної освіти» / І. В. Карапузова. – Полтава, 2010. – 22 с.
7. Линник, Е. О. Сущностная характеристика понятия «субъект-субъектное взаимодействие»: психолого-педагогический аспект / Е. О. Линник // Инновационные образовательные технологии. – 2013. – № 4 (36).
8. Ожегов, С. И. Словарь русского языка: ок. 53000 слов / С. И. Ожегов; под общ. ред проф. Л. И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М.: Оникс: Мир и образование, 2007. – 640 с.
9. Современный образовательный процесс: основные понятия и термины / авторы-составители М. Ю. Олешков и В. М. Уваров. – М.: Компания Спутник+, 2006. – 191 с.

Информация об авторе:

Скряпник Наталья Станиславовна – аспирант кафедры общей педагогики и педагогики высшей школы Харьковского национального педагогического университета им. Г. С. Сковороды, +38 067 709-63-99, sk_nataly25@mail.ru.

Nataliia S. Skrypnik – post-graduate student at the Department of General Pedagogics and Pedagogics of Higher Education, Skovoroda Kharkiv National Pedagogical University.

Статья поступила в редколлегию 08.04.2014 г.

РАЗВИТИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ИНТЕРЕСА К ПРЕДМЕТАМ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ У СТУДЕНТОВ ГУМАНИТАРНОГО ПРОФИЛЯ

И. Н. Удалова, Т. А. Жукова

DEVELOPING COGNITIVE INTEREST TO THE SCIENCES IN STUDENTS MAJORING IN THE HUMANITIES

I. N. Udalova, T. A. Zhukova

Статья содержит описание опыта развития познавательного интереса к предметам естественнонаучной направленности у студентов гуманитарного профиля. Результаты работы подтверждают эффективность применения в данном процессе: совершенствования логической структуры, содержания учебных дисциплин; усиления их профессионально-практической направленности; демонстрацию межпредметных связей; реализацию исследовательского подхода; использование мультимедийных средств; индивидуализацию обучения, развитие творческого потенциала студентов. Приведены конкретные примеры их практической реализации в процессе преподавания дисциплины «Концепции современного естествознания» на гуманитарных факультетах университета.

The paper describes the experience of developing cognitive interest in the Sciences in students majoring in the Humanities. The results confirm the effectiveness of this process of improving the logical structure of the content of academic disciplines; strengthening their professional and practical orientation; demonstration of inter-discipline connections; implementation of research approach; use of multimedia tools; individualization of education, development of students' creative potential. Examples of their practical implementation in the process of teaching «Concepts of modern natural science» to students majoring in the Humanities at Kemerovo State University are provided.

Ключевые слова: высшее профессиональное образование, студенты гуманитарного профиля, познавательный интерес, предметы естественнонаучной направленности.

Keywords: higher professional education, students majoring in the Humanities, cognitive interest, the Sciences.

Актуальность изучения проблемы развития познавательного интереса у студентов-гуманитариев к естественнонаучным дисциплинам определяется тем, что наличие познавательных интересов в области естественнонаучных дисциплин способствует формированию у них творческого мышления, познавательной активности, расширению общенаучного кругозора, совершенствованию профессиональной предрасположенности как основы профессиональной пригодности к дальнейшей профессиональной деятельности в научно-исследовательских сообществах.

Общие подходы к разработке проблемы познавательных интересов рассматривали в своих исследованиях следующие учёные: К. А. Абульханова-Славская, А. В. Барабанщиков, Г. Е. Глезерман, Г. Н. Волков, В. В. Давыдов, А. Г. Здравомыслов, Ю. О. Злотников, В. Ф. Константинов, О. И. Кочетов, П. Е. Кряжев, В. И. Куценко, А. Я. Шляхова и др. В их научных трудах проведено разностороннее исследование законов общественного развития и интересов, взаимодействия потребностей, интересов и ценностей, роли интересов в механизме социального управления, раскрывается специфика функционирования интересов в различных сферах общественной жизни и областях человеческой деятельности. При этом процесс формирования познавательного интереса рассматривается как ключевой этап воспитания личности, как результат психолого-педагогического влияния. Вместе с тем новые условия и специфика подготовки будущего профессионала требуют проведения специальных исследований в области проблемы развития познавательного интереса студентов к изучению естественнонаучных дисциплин.

Интерес является мотивом (мотивационным образованием), определяющим (ориентирующим) деятельность личности независимо от конкретных ситуаций, задающим вектор её поведения, стимулирующим активность. Побуждение связано с удовлетворением потребности. Значит, именно она в основе интереса. Интерес – осознанное, эмоционально окрашенное, избирательное (предметное) отношение субъекта к объектам, явлениям, процессам окружающего мира, побуждающее его действовать (то есть наполненное активным замыслом) с целью удовлетворения потребности [4, с. 464]. Интерес – психическое образование, состоящее из трёх взаимосвязанных компонентов: эмоционального, интеллектуального, волевого – соответственно чувства, мыслительные процессы, действия субъекта по отношению к предмету интереса. Исходя из этого, определим познавательный интерес как эмоционально окрашенное побуждение к познавательной деятельности, направленной на удовлетворение познавательной потребности.

Причём при познавательной деятельности активность субъекта по отношению к объекту не модифицирует, не разрушает, не реконструирует его, а отражается им и возвращается к субъекту в виде представления об этом объекте. Материальное переводится в идеальное: в процессе отражения физическое (тот или иной объект действительности) преобразуется в физиологическое (функционирование нервной системы) и, наконец, в психическое (мысленный образ рассматриваемого фрагмента действительности). Познавательная деятельность реализуется в виде деятельности индивидуальной, мифотворческой, религиозной, философской, научно-исследовательской, учебной. Итогом познавательной деятельности является удовлетворение позна-

вательной потребности, развитие которой включает в себя: элементарную ориентацию в окружающем мире; избирательное отношение к предметам и явлениям; устойчивый жизненный приоритет личности.

Наиболее продуктивно и целенаправленно познавательный интерес человека формируется – «слагается, приобретает законченность» [8, с. 21] – при обучении посредством обращения к различным учебным предметам (дисциплинам).

Результаты педагогических экспериментов свидетельствуют о низком уровне естественнонаучной грамотности большинства студентов гуманитарных направлений подготовки. Основной причиной этого является отсутствие мотивации к формированию естественнонаучных знаний как следствие непонимания их роли в дальнейшей профессиональной деятельности. Но именно естествознание развивает человека как «личность, осознающую последствия для природы техногенной цивилизации, целостность и единство мира, взаимосвязь явлений и процессов, личность, способную жить в обществе при увеличении источников и потоков информации» [6]. Указанная проблема усугубляется направленностью содержания естественнонаучных дисциплин на представление системы знаний о природе и отсутствием должного внимания к смысловой и ценностной сферам естествознания; малым количеством часов, предусмотренных учебным планом на изучение естественнонаучных дисциплин, приоритетом традиционных форм и методов организации занятий без учёта профессиональной ориентации студентов-гуманитариев, низким качеством их школьной естественнонаучной подготовки [6]. Определяя пути повышения эффективности преподавания естественнонаучных дисциплин студентам высших учебных заведений гуманитарных направлений подготовки, считаем, что в содержании учебного материала необходимо акцентировать внимание на достижениях общекультурного и общенаучного характера, иллюстрирующих единство, целостность науки и культуры, рассматривая их в контексте жизненных и профессиональных проблем, имеющих ценностно-ориентационную направленность, личностную значимость для студентов, способствующих формированию нового типа мышления (критического, нелинейного) и выводящих на осмысление мировоззренческих проблем, усвоение рациональных методов их решения. В процессе преподавания естественнонаучных дисциплин считаем необходимым сделать приоритетным не предметное содержание, а приобретение опыта и овладение способами естественнонаучной деятельности как основного условия познания данной предметной области; учесть интересы, психологические особенности, познавательные способности студентов-гуманитариев, специфику их будущей профессиональной деятельности. Практическая реализация намеченного пути предполагает прохождение трёх стадий: информационной, операционной, интегрирующей.

На информационной стадии у студентов формируется мотивация к усвоению новых и актуализации изученных в средней школе естественнонаучных знаний, выявляются связи между ними; осознаются естественнонаучные принципы, законы, теории, области и границы их применимости.

Операционная стадия предполагает развитие умений устанавливать причинно-следственные связи явлений природы, поиска новой информации в печатных и электронных изданиях; навыков выполнения творческих заданий, представления их на лекционных и практических занятиях.

Интегрирующая стадия – закрепление убеждённости студентов в возможности и необходимости использования естественнонаучных знаний для осуществления будущей профессиональной деятельности.

Итак, уточним основные пути формирования познавательного интереса, реализуемые в процессе преподавания учебной дисциплины «Концепции современного естествознания»: актуализация содержания учебного материала; самостоятельная творческая деятельность студентов.

Для осуществления намеченного необходима интенсификация мышления студентов – это первое условие, второе – организация учебного процесса в соответствии с уровнем их развития.

У студентов гуманитарных факультетов – особое восприятие окружающего мира. В большинстве своём, как свидетельствуют результаты анкетирования, они не отрицают ведущей роли естественных наук в его познании: физика «расширяет кругозор, поясняет устройство мира, законы, по которым он живёт», знакомство с результатами химического взаимодействия веществ даёт возможность «узнать новое о привычных вещах», «представления о строении и функционировании живых организмов практически необходимы каждому человеку». Но неприятие математических формул, слабые вычислительные навыки, преимущественно образное мышление (неумение абстрагироваться) существенно усложняют изучение природных объектов и явлений. Поэтому содержание учебной дисциплины «Концепции современного естествознания» необходимо формировать так, чтобы, с одной стороны, оно соответствовало государственному стандарту высшего профессионального образования, с другой – представляло и познавательный, и практический, особенно профессиональный интерес для обучающихся.

Умение анализировать различные тексты является отличительной чертой студентов филологического факультета. Каждому из них предлагается представить на семинарском занятии цитату из литературного произведения, содержащую описание природного явления (например, восхода солнца, грозы, снегопада и т. п.), выразительно её прочитать и прокомментировать с естественнонаучной точки зрения. Для будущих педагогов в первую очередь интересны произведения, рассматриваемые на уроках литературы в средней школе. Желаящим предлагается попрактиковаться в переводе сочинений, созданных в античности, например, поэмы Лукреция Кара «О природе вещей», на современный «физический» язык или сравнить описания Луны у Э. По, Ж. Верна, Э. Ростана, А. Платонова с результатами современных исследований. Студентам предоставляется возможность поработать в соавторстве с преподавателем при подготовке лекционного материала. Например, проиллюстрировать рассказ о звёздах строками из произведений М. Ломоносова, М. Лермонтова, А. Фета, Ф. Тютчева, В. Маяковского, М. Волошина, Л. Толстого, П. Флоренского.

Студентам, будущим журналистам, предлагается взять интервью у учёных (реальных или вымышленных) о сегодняшних проблемах естественных наук, перспективах их развития, наиболее интересные фрагменты которых воспроизводятся на семинарских занятиях.

Примером реализации исследовательского подхода в учебном процессе является задание показать на конкретных примерах взаимосвязь природных и социальных объектов (явлений), различных уровней организации материи, например, рассказать о роли электрона (углерода, воды, Солнца) в живой и неживой природе, в экономической, политической, социальной, духовной сферах человеческого общества; изобразить подготовленный материал наглядно в компьютерном или «меловом» вариантах в виде информационно-графической структуры, проще говоря, разветвлённой цепочки.

Составной частью информационных технологий являются мультимедийные средства обучения. В ходе учебных занятий возникает необходимость в демонстрации самой разнообразной информации.

Одним из типов мультимедийных проектов являются компьютерные презентации, созданные с помощью программы PowerPoint из пакета Microsoft Office. Указанная программа проста в применении и позволяет определять степень теоретической сложности учебного материала и глубину «погружения» в него сообразно возрастным и индивидуальным особенностям студентов. Выбирается определённый темп прохождения материала, адаптируются графики, схемы, таблицы; используются, что немаловажно для эстетического воспитания, произведения искусства – картины, отрывки литературных произведений известных авторов и самих студентов. Отдельный слайд – это порция информации, транслируемая в статическом, либо в динамическом режимах. В первом случае на экране «застывают» определения основных понятий учебной дисциплины, формулировки законов, таблицы, портреты учёных.

Динамический режим подразумевает последовательное анимационное построение рисунков, «логических цепочек» (схем, поясняющих, например, взаимосвязь структурных уровней организации материи), моделей природных и технических процессов, воспроизведение формул, а также озвученных видеосюжетов. Движущееся изображение в сочетании со звуком повышает внимание и способствует пониманию увиденного иногда в десятки раз сильнее, чем при использовании статических объектов. Поэтому современный учебный фильм, включающий в себя сюжетные видеоматериалы, звуковое сопровождение, трёхмерное моделирование объектов, программное управление анимацией и спецэффектами, как средство обучения, не утратил своей значимости. Такие лекции с использованием мультимедийных средств существенным образом повышают качество организации познавательной деятельности студентов. Об этом, в частности, свидетельствуют опросы студентов: «Не все изучаемые явления можно представить самому, наглядность – это хорошо!»; «Графическое изображение лучше воспринимается с экрана, чем с доски»; «Наглядный материал помогает в какой-то степени систематизировать получен-

ные знания», становится «живым», «реальным»; «Многие из нас – визуалы, и поэтому видеосопровождение способствует более детальному усвоению материала», оно «позволяет проиллюстрировать схемы, таблицы, графики», «повышает уровень внимания», «улучшает качество запоминания информации».

Использование мультимедийных средств позволяет также обеспечить глубину, корректность и достоверность изложения содержания учебного материала с учётом самых «свежих» достижений теории и практики. Для этих целей использовались цветные иллюстрации, отсканированные со страниц авторитетных российских и зарубежных научно-популярных изданий, например, ежемесячного журнала «Вокруг света», текстовые пояснения к ним, видеофильмы производства компании BBC, рисунки, фотографии, видео- и аудио-файлы, флэш-анимации, интерактивные модели из энциклопедий на CD-дисках «Кирилл и Мефодий», «Физика вокруг нас», доступные непосредственно без применения специальных интерфейсных программ. Необходимая для занятий и самостоятельной работы информация высокого качества представлена и в Интернете, например, на сайте физического факультета МГУ phys.web.ru.

Формированию познавательного интереса студентов способствует проблемное обучение, семинары-исследования, практические занятия с применением групповых форм работы и др. Для создания проблемной ситуации на занятии бывает достаточно использовать фотографии, например, представителя флоры или фауны, небольшого фрагмента мультипликационного или художественного фильма с заданием прокомментировать увиденное и услышанное. Использование мультимедийных средств даёт большие возможности для творчества студентов при подготовке к семинарским занятиям. Это и создание анимаций, видеоклипов, кроссвордов, короткометражных видеофильмов, что им вполне по силам, особенно с применением групповых форм работы.

Важным условием формирования познавательного интереса является развитие творческого потенциала – интегративного качества, отражающего уровень развития мышления, познавательной самостоятельности и интереса, степень готовности к производству новых по замыслу культурных и материальных ценностей. Для развития творческого потенциала студентов конструируем занятия так, чтобы они самостоятельно находили новый содержательный и функциональный смысл у хорошо знакомых объектов, применяли ранее усвоенные знания в неизвестных, подчас совершенно неожиданных ситуациях. Например, принципиальные различия форм познания мира предлагаем показать, представив себя сначала художником (писателем, кинорежиссёром), потом священником, учёным, наконец, человеком с богатым жизненным опытом, при этом отвечая на вопрос: «Как будет меняться Ваше представление об одном и том же природном явлении?». Другое задание: «Совершите мысленное путешествие по Млечному Пути, загляните в его центр, обследуйте рукава, посмотрите на него со стороны. Расскажите о том, что увидели». Стимулирование творческой активности студентов идет постоянно и различными способами:

а) представлением к рассмотрению неожиданной информации: о нейтрине – бывшем «призраке физического мира», об «окнах в прошлое» – квазарах и «воронках в пространстве» – чёрных дырах;

б) оригинальной формой её изложения – в стихах (об элементарных частицах, звёздах, человеке);

в) «интеллектуальной разминкой» – фронтальным опросом на семинарах, который начинается повторением определений основных понятий, а заканчивается обсуждением фрагмента современной научной картины мира;

г) ролевыми играми, где действующие лица – врач и пациент, телеведущий (журналист) и его собеседники, «крошка сын» с отцом;

д) конкурсами на лучшую заметку в стенгазету «Достижения разума» с изложением идеи решения научной проблемы или оригинальную фотографию природного явления, представителя флоры, фауны.

Необходимо особо отметить влияние личности преподавателя, его мастерства, авторитета, умения не только убедительно рассказать, но и показать примеры творческой деятельности, создав атмосферу взаимопонимания и сотрудничества, увлечь студентов поиском оригинального решения предложенной задачи.

Результативность проведённой работы подтверждается как успешным ежегодным прохождением федерального интернет-тестирования (80 – 90 %), так и оценкой, данной студентами в ходе опросов по итогам изучения дисциплины. На вопрос «Способствует ли изучение «Концепций современного естествознания» развитию вашего творческого потенциала (мышления, способностей, интереса)?» «Да» ответили 63 % обучающихся на четвёртом курсе филологического факультета. Комментарии предложены следующие: «чем

больше мы будем знать, тем проще направить в то или иное русло свою деятельность», на занятиях «предлагалось выполнить множество интересных заданий, развивающих воображение, умение систематизировать, сравнивать, обобщать знания из разных областей», ещё они «способствовали развитию логики, необходимой для построения развёрнутого ответа на любой вопрос», «позволяли применять теорию на практике, создавать что-то новое: очень интересные презентации, подготовленные на разные темы, стихи, которые оказывается можно писать и об элементарных частицах»; «творческий процесс – активный, напрямую связан с мышлением, а значит, и с развитием личности», «даёт возможность посмотреть на мир другими глазами». Солидарны в своих ответах с филологами студенты первого курса математического факультета: 53 % – «Да», 13 % – «Нет». Из числа опрошенных пятикурсников этого факультета 43% дали положительный ответ, так как занятия по этой дисциплине «стимулировали поиск интересной информации в литературе и Интернете», «приходилось делать наглядные пособия», формировали «умение выражать свои мысли в процессе дискуссии», «учили выделять ключевые моменты в большом количестве информации», показывали «примеры взаимной связи различных областей жизни», а «новые знания – это новые идеи».

Так, совершенствуя учебный процесс: варьируя содержание материала, методику его изложения, структуру занятия, используя творческий потенциал студентов, преподаватель развивает их познавательный интерес к учебной дисциплине, что всемерно способствует всестороннему развитию личностных качеств обучающихся.

Литература

1. Зеер, Э. Ф. Профессионально-образовательное пространство личности / Э. Ф. Зеер. – Екатеринбург, 2002. – 126 с.
2. Максимова, В. Н. Познавательный интерес и проблемное обучение / В. Н. Максимова // Вопросы психологии. – 1973. – № 4. – С. 84 – 91.
3. Морозова, Н. Г. Учителю о познавательном интересе / Н. Г. Морозова. – М., 1979. – 120 с.
4. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М., 1999. – 750 с.
5. Плетенева, И. Ф. Формирование у студентов готовности к самообразовательной деятельности / И. Ф. Плетенева. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2007. – 195 с.
6. Старостина, С. Е. Естественнонаучное образование студентов гуманитарных направлений подготовки в условиях интеграции научного знания: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / С. Е. Старостина. – Чита, 2011. – 22 с.
7. Суховерова, Е. А. Развитие познавательного интереса у студентов гуманитарных вузов: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13 / Е. А. Суховерова. – М., 2003. – 22 с.
8. Щукина, Г. И. Педагогические проблемы формирования познавательного интереса учащихся / Г. И. Щукина. – М.: Педагогика, 1998.

Информация об авторах:

Удалова Ирина Николаевна – старший преподаватель кафедры современного естествознания КемГУ, 8-951-162-17-79, elfkby@rambler.ru.

Irina N. Udalova – Senior Lecturer at the Department of Modern Natural Science, Kemerovo State University.

Жукова Татьяна Александровна – кандидат педагогических наук, доцент межвузовской кафедры общей и вузовской педагогики КемГУ, 8(384-2)58-29-55, Arik_00@list.ru.

Tatiana A. Zhukova – Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Assistant Professor at the Inter-University Department of General and High-School Pedagogics, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 25.03.2014 г.

ГЕНДЕРНАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Л. Х. Урусова

GENDER TOLERANCE IN THE MODERN SOCIETY

L. Kh. Urusova

Гендерная толерантность играет важную роль в нормализации гендерных отношений. На основе эмпирического исследования выявляются противоречия между желаемыми и действительными моделями мужчин и женщин в современном обществе. Данное противоречие обуславливает весьма критичное отношение. Изменения, происходящие в современном российском обществе, свидетельствуют о неоднозначности проблем гендерной толерантности.

Gender tolerance plays a big role in the process of normal gender relations. On the basis of empirical research the contradictions between wish and real models of males and females in modern society are covered. This contradiction explain very critical attitude. The changes happening in the modern Russian society reflect the ambiguousness of gender tolerance.

Ключевые слова: гендер, гендерная толерантность, мужчина и женщина, традиционные гендерные стереотипы.

Keywords: gender, gender tolerance, man and woman, traditional gender stereotypes.

Для современной России вопрос гендерной толерантности, относящийся к сфере межполовых отношений, является не только новым, но и особенно актуальным и сложным, поскольку касается сферы межличностных отношений и успешной социальной реализации человека. В условиях глобализации человек часто сталкивается с новыми образцами поведения, новыми мнениями, обычаями и традициями. Одни принимают и понимают человеком сразу, к другим привыкают постепенно, а третьи отталкивают и вызывают негативное отношение.

В современном российском обществе в условиях взаимодействия различных культур все чаще обсуждается проблема толерантности по отношению к представителям другой национальности, проблема формирования терпимости как профилактика экстремизма. Однако стоит отметить, что проблема толерантности сложнее, чем кажется на первый взгляд. И было бы не совсем справедливо сводить данную проблему исключительно к решению вопросов национальной толерантности. Как справедливо отмечает Н. В. Круглова, «для современной России актуален вопрос толерантного отношения во всех сферах – политической, социальной, экономической, религиозной, межэтнической, а также межполовой» [3, с. 211].

Изменения в отношениях между мужчинами и женщинами, трансформация гендерных ролей, «подчиненные нормам индивидуализации и плюрализации» [2], породили новые формы межполового взаимодействия. Именно осмысление проблем гендерной толерантности и стало предметом изучения данной статьи.

Остановимся более подробно на определении термина «толерантность».

Так, толковый словарь Д. Н. Ушакова отсылает нас к понятию терпимый, то есть «способный, умеющий терпеть что-нибудь чужое, мириться с чужим (мнением, характером и т. п.)» [5]. Такое же определение дает и большой толковый словарь: «способный, умеющий терпимо относиться к чуждому мнению, поведению» [1].

Под гендерной толерантностью мы будем понимать «непредвзятое отношение к представителям дру-

го пола, недопустимость априорного приписывания человеку недостатков другого пола, отсутствие идей о превосходстве одного пола над другим» [4].

Антиподом гендерной толерантности выступает сексизм, т. е. такая ориентация, которая ставит в неблагоприятные условия один пол по отношению к другому, тем самым ограничивая его права и возможности на индивидуальную реализацию. Выражаясь в актах индивидуального и группового поведения, сексизм ограничивает возможности полноценного участия женщин в профессиональной, экономической и политической сферах социума.

Проанализировав основные составляющие элементы понятия толерантности, попытаемся дополнить их применительно к гендерной терпимости. В первую очередь, стоит отметить уважение личности независимо от его половой принадлежности. Признание равенства между мужчинами и женщинами выступает важной составляющей гендерной толерантности. Помимо этого, стоит назвать и готовность принимать мнение индивида противоположного пола, исходящее из специфичности его социального бытия.

В условиях перманентной трансформации гендерных ролей сегодня все острее встает проблема терпимого отношения между полами. Нами было проведено эмпирическое исследование, целью которого стало выявление тех качеств мужчин и женщин, с которыми респонденты готовы мириться, а также тех, по отношению к которым возникает неприязненное отношение.

Исследование проходило в два этапа. На первом этапе было проведено анкетирование. Выборку составили 287 человек в возрасте от 25 до 55 лет, в числе которых оказались 151 женщина и 136 мужчин. На втором этапе было проведено интервью со 135 юношами и 150 девушками в возрасте 18 – 20 лет.

Необходимо отметить, что по отношению к сильной половине человечества были критично настроены не только женщины, но и сами мужчины. В результате опроса нами были выделены наиболее часто упоминаемые качества, с которыми ни в коем случае не согласны мириться респонденты («безответственность», «леность», «эгоизм», «грубость», «слабость», «вредные

привычки)). Респонденты могли называть несколько вариантов.

Данные ответы были типичны как для женщин, так и для мужчин. Вместе с тем были выявлены некоторые несоответствия между ответами мужчин и женщин. Так, среди ответов респондентов-женщин чаще упоминалось такое качество мужчин, как «безответственность», среди ответов мужчин чаще упоминалось такое качество, как «слабость».

Приведенные данные показывают высокий процент неудовлетворенности мужской половиной человечества, весьма критичное отношение к ней. Следует обратить внимание на высокую неудовлетворенность мужчин своими же собственными качествами.

Респондентов также попросили оценить качества современных женщин, в результате чего были выявлены некоторые особенности в восприятии слабой половины человечества.

Как оказалось, мужчины более терпимы к противоположному полу. Зачастую они давали женским качествам положительную оценку: «целеустремленность» (75 %), «сила» (67 %), «деловитость», «активность» (63 %), «трудолюбие» (59 %), «независимость» (55 %), «ум» (51 %). Однако были выделены и отрицательные качества женщин, с которыми мужчины не могут мириться. Среди них на первом месте оказались «вредные привычки» (45 %) и «вульгарность» (25 %). Помимо этого, у мужчин вызывает отрицательные чувства желание некоторых женщин «жить за чужой счет» (10 %).

Женщины же по отношению к своему полу оказались непримиримы и назвали ряд неприемлемых качеств, характеризующих современный слабый пол. На первом месте оказались «вредные привычки». Это отметили 73 % опрошенных респондентов-женщин. На втором месте, как и у мужчин, оказался ответ «вульгарность» (63 %), далее – «наглость» (58 %) и «глупость» (57 %).

Таким образом, по результатам первого этапа исследования нами были выявлены, во-первых, достаточно критическое отношение женщин как к своему, так и к противоположному полу; во-вторых, более терпимое отношение мужчин к женщинам, нежели наоборот. При этом стоит отметить, что мужчины в возрасте от 40 лет и старше обладают по отношению к женщинам большей терпимостью, нежели мужчины в возрасте 25 – 33 лет, которые высказывали больше критических оценок по отношению к слабому полу.

На втором этапе нашего исследования было проведено интервью со 135 юношами и 150 девушками в возрасте 18 – 20 лет. В ходе беседы были выяснены позиции каждого респондента в оценке своего и противоположного пола. В результате интервью нами были получены следующие результаты.

Так, на первом месте среди негативных качеств мужчин оказались «безответственность» и «инфантилизм» (87 %). Их назвали практически все девушки. На втором месте оказались «вредные привычки» (49 %), в частности непримиримые позиции респондентки заняли в отношении «алкоголизма» (84 %). По поводу других качеств мнения опрашиваемых разошлись. Девушками были названы «непорядочность» (45 %), «наглость» (38 %), «агрессия» (34 %).

Необходимо отметить, что респонденты-юноши также критично оценили сильную половину человечества. Среди неприемлемых качеств мужчины были названы «женоподобность» (93 %). Респонденты понимали под этим отнюдь не внешний вид мужчин, а поступки и манеру поведения.

Что касается внешнего вида мужчин, то он вызвал особую негативную реакцию как у самих юношей, так и у девушек. Респонденты отметили такие качества, как «нарциссизм» (73 %) и «эгоизм» (47 %).

Качествами слабого пола респонденты также были не удовлетворены. Юноши, высказывая свое мнение, выражали недовольство в весьма эмоциональной форме. На первом месте оказались такие неприемлемые качества, как «наглость» (80 %) и «желание жить за чужой счет» (45 %). Помимо этого, были названы «вредные привычки» (68 %). Большинство респондентов-юношей указали, что курящая или пьющая женщина «никогда не привлечет их внимания».

Девушки были более многословны и указали на целую совокупность качеств женщин, которые вызывают раздражение и отторжение. Среди таковых на первом месте оказалась «вульгарность» (87 %). Респондентки отметили, что девушки «много себе позволяют», иногда «не знают границ». На данную характеристику указали практически все опрошенные девушки (98 %). На втором месте оказалась «вульгарность в одежде» (73 %), далее – «вредные привычки» (69 %) и «беспричинная агрессия» (59 %). Некоторых респонденток поразила жестокость по отношению к детям, которая, по их мнению, является немотивированной.

В ходе интервью нами были выявлены желательные качества мужчин и женщин с точки зрения респондентов. Респонденты назвали следующие качества, которыми должна обладать женщина – «доброта», «хозяйственность», «красота», «ум», «нежность» и «заботливость». Следует отметить, что респонденты назвали традиционный набор качеств женщины. Традиционными качествами был наделен и идеальный тип мужчины – «ум», «сила», «ответственность», «способность обеспечивать семью», «порядочность», «честность», «доброта». В предпочитаемой модели качество «ответственность» упоминается среди девушек в 1,5 раза, а «доброта» в 2,5 раза чаще, чем у мужчин, что свидетельствует об особом недостатке данных качеств для женщин, в то время как у мужчин они не являются преобладающими.

В результате интервью с юношами и девушками наиболее предпочитаемыми качествами оказались: у женщин – «женственность», «доброта», «скромность»; у мужчин – «ответственность», «мужественность». Однако стоит отметить сходное мнение респондентов в том, что современная женщина должна уметь делать все: «уметь зарабатывать», «быть сильной», «самостоятельной», «мудрой» и т. д.

В заключение беседы респонденты пришли к мнению, что мужчина должен оставаться «мужественным», «сильным» и «ответственным», а женщина – «кроткой», «женственной» и «беззащитной».

В целом итоги проведенных исследований демонстрируют наличие глубоких противоречий между желаемыми и действительными моделями мужчин и женщин в современном обществе. Подобное несоот-

ветствие обуславливает весьма критичное отношение мужчин и женщин как к самим себе, так и по отношению друг к другу, порождая тем самым как внутрилличностный, так и гендерный конфликт. Данная ситуация во многом вызвана тем, что социально-экономическое неблагополучие современного общества вынуждает женщин принимать образцы маскулинного поведения, что влечет за собой повышение требований к мужчинам. Последние же, оказываясь в ситуации, когда, с одной стороны, им необходимо сохранять традиционные качества, с другой – соответствовать новым требованиям изменяющейся социальной реальности.

Литература

1. Круглова, Н. В. Перспективы гендерной толерантности в России / Н. В. Круглова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – СПб., 2009.
2. Кон, И. С. Сексуальная культура XXI века / И. С. Кон // Юридическая психология. – 2007. – № 2.
3. Толковый словарь Д. Н. Ушакова. – Режим доступа: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=77190> (дата обращения: 01.03.2014).
4. Грамота. ру. – Режим доступа: <http://www.gramota.ru/slovari/dic/> (дата обращения: 03.02.2014).
5. Мацковский, М. Толерантность как объект социологического исследования / М. Мацковский // «Век толерантности»: федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе. – Режим доступа: <http://www.tolerance.ru/vek-tol/3-0.html> (дата обращения: 2.02.2014).

Информация об авторе:

Урусова Лаура Хабаловна – кандидат педагогических наук, старший преподаватель Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России, 89287118678, lauraurusova@gmail.com.

Laura Kh. Urusova – Candidate of Pedagogics, Senior Lecturer at North-Caucasian Institute of Advanced Training (branch) of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Статья поступила в редколлегию 03.03.2014 г.

УДК 378

ВКЛАД ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОТДЕЛА ФСКН В РЕАЛИЗАЦИЮ ПРИОРИТЕТНОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА "ОБРАЗОВАНИЕ" *В. Е. Храмченко*

THE FSCN FORENSIC LABORATORY CONTRIBUTION TO IMPLEMENTATION OF THE PRIORITY NATIONAL PROJECT "EDUCATION" *V. E. Khrumchenko*

В статье рассматривается передовой опыт деятельности экспертно-криминалистического отдела Управления ФСКН России по Кемеровской области, способствующий реализации приоритетного национального проекта. Показано, что эффективное сотрудничество органа исполнительной власти и учреждения высшего профессионального образования даёт положительные результаты для обеих сторон.

The paper is devoted to the best practices of the forensic laboratory of Kemerovo Drug Control Service (FSCN) that make a valuable contribution to implementation of the priority national project. The efficient cooperation between the executive body and educational institutions is regarded to be worthwhile to both parties.

Ключевые слова: национальный проект «Образование», ФСКН, КеМГУ.

Keywords: national project "Education", FSCN, Kemerovo State University.

Важнейшим фактором устойчивого развития страны и общества, роста благосостояния её граждан и совершенствования общественных отношений является своевременная государственная молодежная политика, важная часть которой состоит в выстраивании эффективной системы образования, обеспечивающей подготовку квалифицированных специалистов. В настоящее

время в стране реализуется государственная программа Российской Федерации "Развитие образования" на 2013 – 2020 годы, направленная на обеспечение доступности качественного образования, соответствующего требованиям инновационного развития экономики, современным потребностям общества и каждого гражданина, и обеспечивающая условия для формирования

у граждан компетенций "инновационного человека". Однако в настоящее время в молодежной среде существует целый комплекс проблем (алкоголизм, употребление наркотиков, насилие, ксенофобия), который сдерживает ее развитие и приводит к снижению репродуктивного, интеллектуального и экономического потенциала российского общества. Поэтому стратегическая цель государственной молодежной политики направлена на усиление участия образования в решении задач воспитания, в частности, на привлечение в систему профессионального образования учреждений и организаций с различными миссиями и задачами, связанными с формированием и развитием здорового общества [2]. И поскольку Федеральная служба Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН) в соответствии с возложенными на него задачами обеспечивает контроль за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и осуществляет меры по противодействию их незаконному обороту, в частности, посредством проведения профилактической деятельности по предупреждению незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ, а также путём участия в разработке и реализации государственной политики в области оборота наркотических средств [1], то может и должна внести свой вклад в реализацию приоритетного национального проекта "Образование".

Целью данной статьи является рассмотрение передового опыта конкретного взаимодействия экспертно-криминалистического отдела с учреждением высшего профессионального образования, который приносит положительные результаты ФСКН и является примером эффективного сотрудничества органа исполнительной власти с системой образования, способствующим реализации приоритетного национального проекта.

Новые требования стандартов третьего поколения к структуре и качеству образования ориентированы на повышение роли работодателей в развитии профессионального образования и обусловлены, прежде всего, необходимостью формирования социальных компетенций и гражданских установок молодых специалистов. Поэтому федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет» (КемГУ) и Управление ФСКН России по Кемеровской области в соответствии с Законом Российской Федерации «Об образовании» от 10.07.1992 № 3266-1 (ред. от 10.11.2009), Федеральным законом «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» от 22.08.1996 № 125-ФЗ (ред. от 10.11.2009) и Государственным образовательным стандартом профессионального высшего образования заключили договор о сотрудничестве.

В рамках подписанного договора на базе материально-технической базы экспертно-криминалистического отдела для студентов естественнонаучных факультетов КемГУ в год проводится порядка трёх экскурсий и десяти занятий в виде лекций и практических занятий, в ходе которых обучающиеся знакомятся с физико-химическими методами анализа и их применением с целью идентификации конкретных органических соединений. В ходе проводимых занятий решаются не только образовательные цели, но также прово-

дится комплекс профилактических мероприятий, направленный на пропаганду здорового образа жизни. Кроме того, встречи со студентами также полезны в целях обеспечения профессиональной ориентации и создания положительной мотивации в обучении.

Стратегической целью государственной молодежной политики является создание условий для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи, развитие потенциала молодежи и его использование в интересах инновационного социально ориентированного развития страны. Поэтому приоритетом государственной политики на данном этапе развития образования является организация мероприятий по развитию и укреплению взаимодействия учреждений профессионального образования с организациями и структурами, которые могут являться потенциальными работодателями.

Так, новой для отечественной системы профессионального образования является задача обеспечения выпускников не только профессиональными, но и базовыми социальными компетенциями и установками, в том числе через радикальное обновление системы производственных практик. ФСКН России активно поддерживает проводимую государством образовательную политику и содействует в организации и проведении практик. В качестве положительного примера решения данной задачи можно упомянуть опыт межотраслевого регионального центра повышения квалификации и переподготовки кадров Кемеровского государственного университета, который осуществляет обучение выпускников химического факультета по программе ДПО «Физические и физико-химические методы криминалистической экспертизы». В рамках указанной программы ознакомительные и производственные практики студенты проходят в разных судебно-экспертных учреждениях города, в том числе в экспертно-криминалистическом отделе Управления ФСКН России по Кемеровской области, который в год принимает пять студентов. За девятичасов трёхнедельной производственной практики студенты знакомятся с задачами эксперта-криминалиста, его правами и обязанностями, осваивают правила фиксации, изъятия и исследования вещественных доказательств, знакомятся с физическими основами различных методов анализа и приобретают навыки работы на приборной базе, которой не располагают естественнонаучные факультеты КемГУ. Например, на этапе самостоятельного решения конкретной экспертной задачи обучающимся предоставляется возможность всестороннего исследования определённого вещества методом газовой хроматографии с масс-селективным детектированием, высокоэффективной жидкостной хроматографии, ИК-Фурье спектроскопии, спектрофотометрии. В ходе самостоятельной работы практиканты пользуются современнейшими микроскопами и фототехникой.

Главной дидактической целью производственной практики является решение приоритетной задачи обучения "на рабочем месте", способствующей подготовке специалистов с современными компетенциями, позитивными трудовыми установками и опытом практической деятельности. При этом самостоятельная работа практикантов направлена на формирование умений и навыков, являющихся ресурсом и инструментом ос-

воения студентами компетентностей поиска, анализа, освоения и обработки информации. Так, программа производственной практики, которую проходят студенты под руководством наставника, направлена на формирование общекультурных компетенций (например, способность ориентироваться в условиях производственной деятельности и адаптироваться в новых условиях; понимание принципов работы и умения работы на современной научной аппаратуре) и способствует овладению профессиональными компетенциями (способностью анализировать полученные результаты, делать необходимые выводы и формулировать предложения; умением представлять полученные в исследованиях результаты в виде отчетов; владением основами делового общения, навыками межличностных отношений и способностью работать в коллективе и т. д.) [3].

В тоже время договор о безвозмездном сотрудничестве с учреждением высшего профессионального образования даёт положительные результаты экспертно-криминалистическому отделу. Так, в ходе производства исследования вещества растительного происхождения эксперты столкнулись с проблемой грамотного описания морфологии и идентификации спор грибов. В рамках договора о сотрудничестве специалисты кафедры ботаники КемГУ оказали консультативную и методическую помощь, в результате чего была установлена родовая принадлежность исследуемых спор. К помощи специалистов биологического факультета неоднократно приходилось обращаться при появлении в незаконном обороте растительных смесей и наркотических средств, наносимых на растительный субстрат, с целью исключения возможного наличия частей подконтрольных растений.

Кроме того, плотное взаимодействие с образовательным учреждением позволяет сотрудникам экспертно-

но-криминалистического отдела непрерывно повышать уровень знаний и получать представления о наиболее актуальных направлениях исследований в современной теоретической и экспериментальной химии.

Помимо консультативной помощи сотрудничество с Кемеровским государственным университетом помогло решить проблему обеспечения экспертного отдела высококвалифицированными кадрами. В настоящее время в ЭКО Управления ФСКН России по Кемеровской области проходят службу три кандидата наук и пять выпускников естественнонаучных факультетов КемГУ. При этом активное взаимодействие с университетом ещё на этапе обучения позволило сориентировать и направить молодых специалистов на углублённое изучение определённых разделов химии и приобретение необходимых навыков, требуемых для успешной работы в экспертном отделе.

Таким образом, основным направлением сотрудничества экспертно-криминалистического отдела с естественнонаучными факультетами КемГУ является организация и проведение лекционных занятий, экскурсий и производственных практик. В свою очередь Кемеровский государственный университет обеспечивает экспертное подразделение ФСКН высококвалифицированными кадрами, а в случае необходимости специалисты естественнонаучных факультетов КемГУ оказывают консультативно-методическую помощь в решении конкретных научно-исследовательских задач. Подобный опыт эффективного взаимодействия экспертно-криминалистического отдела с учреждением высшего профессионального образования является ярким примером возможного вклада органов наркоконтроля в реализацию приоритетного национального проекта "Образование", приносящего положительные результаты для обеих сторон.

Литература

1. Вопросы Государственного комитета Российской Федерации по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ: Указ Президента РФ от 06.06.2003 № 624 // Рос. газ. – 2003. – 11 июня.
2. Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Развитие образования" на 2013 – 2020 годы: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15 мая 2013 г. № 792-р г. Москва // Рос. газ. – 2013. – 27 мая.
3. Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 020100 Химия (квалификация (степень) "магистр"): Приказ Минобрнауки РФ от 20.05.2010 № 547 (ред. от 31.05.2011): зарегистрировано в Минюсте РФ 16.07.2010 № 17876). Методические рекомендации по проведению практики студентов образовательных учреждений высшего (среднего) профессионального образования в органах наркоконтроля одобрены на заседании учебно-методической комиссии ФСКН России 26.04.2007.

Информация об авторе:

Храмченко Владимир Евгеньевич – кандидат физико-математических наук, ведущий эксперт ЭКО Управления ФСКН России по Кемеровской области, преподаватель кафедры химии твёрдого тела КемГУ, hvrus@hotmail.com.

Vladimir E. Khrumchenko – Candidate of Physics and Mathematics, Senior Expert at Kemerovo region forensic laboratory of Russian Federal Drug Control Service, Lecturer at the Department of Solid State Chemistry, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 09.04.2014 г.

ПОДГОТОВКА БУДУЩИХ МЕНЕДЖЕРОВ К ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО МАТЕМАТИКЕ

О. В. Чиркова

PREPARATION OF FUTURE MANAGERS FOR PROJECT ACTIVITIES IN MATHEMATICS

O. V. Chirkova

В статье обоснована целесообразность использования метода проектов в обучении будущих менеджеров и представлены этапы их подготовки к проектной деятельности по математике, основанные на организации самостоятельной работы по коррекции, углублению, расширению знаний, использовании профессионально ориентированных задач и кейсов. Приводятся примеры профессионально ориентированных проектов по математике.

The paper proves the usefulness of the project method in training future managers and presents the stages of their preparation for the project activities in mathematics, based on the organization of independent work on correction, deepening, expansion of knowledge, the use of professionally oriented problems and cases. The examples of professionally-oriented projects in mathematics are given in the paper.

Ключевые слова: проектная деятельность, профессионально ориентированная задача по математике, кейс, адаптация математической модели к реальным условиям.

Keywords: project activities, professionally-oriented task in mathematics, case, adaptation of the mathematical model to the real conditions.

В современных экономических условиях на рынке труда востребованы независимо мыслящие менеджеры, способные оперативно принимать эффективные управленческие решения. Поэтому обучение будущих менеджеров в вузе должно носить активный характер, когда они вовлечены в процесс самостоятельного поиска путей решения профессиональных задач, возникающих в предстоящей профессии.

Специалисты в области менеджмента (Н. Д. Стрелкова, Э. А. Фияксель, Н. Г. Шубнякова и др.) [11; 13] к числу наиболее эффективных технологий обучения относят метод проектов, позволяющий объединить разрозненные знания по отдельным дисциплинам в единое целое, перевести студента из пассивного потребителя знаний в деятельного их творца.

Проектный метод обучения адекватен профессиональной деятельности менеджера, так как согласно ФГОС ВПО [12, с. 4 – 5] бакалавры по направлению подготовки «Менеджмент» должны уметь решать профессиональные задачи, такие как *разработка и реализация проектов, направленных на развитие организации, оценка эффективности проектов* и др.

На необходимости использования метода проектов в общем и профессиональном образовании акцентировано внимание в Государственной программе Российской Федерации «Развитие образования» на 2013 – 2020 годы, в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, в Концепции развития математического образования в Российской Федерации [2; 6; 7]. Так, в последнем документе подчеркивается: «студенты, изучающие математику, включая информационные технологии, и их преподаватели должны участвовать в математических исследованиях и проектах» [7, с. 7].

Успешность проектной деятельности студентов зависит от создаваемых преподавателем условий, поэтому задача данной статьи – показать этапы подготовки студентов к выполнению проектов по математике.

Наш опыт показывает, что для организации содержательной профессионально ориентированной проектной деятельности по математике огромным потенциалом обладает тема «Линейное программирование». Однако на её всестороннее и глубокое изучение отведено, на наш взгляд, недостаточное количество аудиторных занятий. В связи с этим для углубления и расширения теоретических знаний студентов, а также для освоения программных средств решения задач линейного программирования нами разработан и собран в программе AutoPlay Media Studio интегрированный электронный продукт «Линейное программирование для менеджеров». Данный продукт объединяет в себе обучающий и контрольно-корректирующий блоки. Обучающий блок включает теоретический материал и примеры решения задач как вручную, так и с помощью различных программных средств. Контрольно-корректирующий блок содержит тесты, разработанные в программе MyTestXPro, позволяющие оценить и скорректировать знания студентов по теме «Линейное программирование», обратить внимание на ключевые моменты в её изложении.

Естественно, что погружению студента в проект предшествует работа по обучению математическому моделированию ситуаций, возникающих в избранной профессии. Первичные навыки математического моделирования профессионально значимых проблемных ситуаций студенты приобретают в ходе решения профессионально ориентированных задач, примеры которых приведены ниже.

Пример 1. Фирма получила от шахты заказ: изготовить для крепления выработок стойки длиной 1,4; 2,2 и 2,8 м в количестве 12, 10 и 6 штук соответственно. Какое минимальное количество брёвен длиной 5 м потребуется для выполнения заказа? (*Ответ: 12 брёвен*).

Пример 2. Менеджеру нового предприятия необходимо набрать сотрудников, каждый из которых будет работать пять дней подряд, затем два дня отды-

хоть. Начиная с понедельника, необходимо обеспечить наличие на работе 12, 12, 14, 16, 18, 20 и 18 сотрудников соответственно. Дневная оплата труда каждого работника равна 1000 рублей. Определите минимальное количество работников (минимальный фонд заработной платы) и график предоставления им выходных. (Ответ: 22 сотрудника, фонд заработной платы 22000 рублей в день, никто не отдыхает подряд в субботу и в воскресенье, со вторника по воскресенье приступают к работе бригады в количестве 4, 6, 4, 4, 2, 2 работников соответственно).

Множество других интересных и полезных для будущих менеджеров задач можно найти в учебных пособиях [1; 3; 4; 8; 9], в которых показано, что с помощью моделей линейного программирования можно эффективно назначить сотрудников на должности в соответствии с уровнем их квалификации, составить оптимальный план выпуска продукции, загрузки оборудования, грузоперевозок, закупок и т. п.

Решение профессионально ориентированных задач линейного программирования мы организуем в несколько этапов. На первом этапе проводится *содержательно-семантический* анализ задачи. Здесь акцентируется управленческая ситуация, идеализированное содержание которой представлено в условии, разъясняется смысл профессиональных терминов, определяется цель (максимизация прибыли, минимизация времени, минимизация себестоимости), выделяются известные параметры и искомые переменные, распознаётся тип задачи (задача об ассортименте, о смесях, транспортная задача, задача о назначениях, задача оптимального раскроя и др.).

На втором (*формализующем*) этапе в соответствии с типом задачи определяется вид математической модели. При необходимости задача визуализируется с помощью таблицы или матрицы. Затем уточняются детали модели: вид целевой функции, математические отношения (уравнения или неравенства), отражающие связи в ограничениях. В итоге составляется математическая модель.

Следующий этап (*инструментальный*) связан с выбором и использованием математических методов и компьютерных программ, позволяющих решить математическую модель. Как известно, общая задача линейного программирования решается графическим и симплексным методом, транспортная задача – методом потенциалов и распределительным методом, задача о назначении – венгерским методом и методом Мака, задача целочисленной оптимизации – методом Гомори и методом ветвей и границ. Данные методы студенты реализуют как вручную, так и с помощью различных онлайн-калькуляторов (math.semestr.ru, reshmat.ru, math-pr.com и др.).

На четвертом (*интерпретационном*) этапе решения профессионально ориентированной задачи осуществляется интерпретация полученных результатов на экономическом языке.

Последний (*аналитико-обобщающий*) этап ориентирован на выявление общих свойств модели: насколько она идеализирована, степень практической применимости и т. п. На этом же этапе сравнивается трудоёмкость различных способов решения профессионально ориентированной задачи.

Некоторые преподаватели рассматривают профессионально ориентированные задачи в качестве доминирующего средства формирования математической компетентности студентов, так как подобные задачи способствуют становлению мотивации к изучению математики, овладению навыками формализации профессионально значимых ситуаций и решения математической модели, интерпретации и анализа полученных результатов.

Не отрицая эффективности использования профессионально ориентированных задач в математической подготовке менеджеров, мы тем не менее согласны с М. Г. Зайцевым и С. Е. Варюхиным, которые считают, что в задаче ситуация рафинирована, в ней заретушированы сложность и неоднозначность, присущие реальным управленческим условиям, а применение количественных методов прямолинейно и носит скорее характер упражнения, чем поддержки принятия решения [3, с. 16]. Поэтому погружение студентов в проектную деятельность мы предвараем не только решением задач, но и кейсов, содержащих развёрнутую реалистическую ситуацию с большим количеством деталей, в том числе избыточных для построения модели.

В силу правдивости содержания кейсов их называют «кусочком реальной жизни», «фотографией действительности». По нашему мнению, с методической точки зрения, кейс по математике – это мостик между овладением навыками формализации, приобретенными в ходе решения профессионально ориентированных задач, и умением *адаптировать модели к реальным условиям*, необходимым в проектной деятельности. Так, в одном из кейсов, представленном в книге М. Г. Зайцева и С. Е. Варюхина [3, с. 42], описывается ситуация, когда маленькая кондитерская фабрика должна закрыться на реконструкцию. Молодой человек, владеющий знаниями линейного программирования, оппонирует мастеру, предлагающему «на глазок» спланировать производство кондитерских изделий из остатков сырья. После анализа полученного решения, общения с мастером юноша не раз корректирует математическую модель и, благодаря компьютерной поддержке, быстро проводит многочисленные «модельные» эксперименты, изучая «поведение» модели в изменённых условиях.

Методика решения кейсов подробно изложена в статье В. А. Спивака [10] и ею многие пользуются, так как она позволяет развивать у студентов умения выявлять проблему, генерировать альтернативные пути её решения, дискутировать, принимать решения с учетом конкретных условий. Однако, работа над математическими кейсами, как показывает наш опыт, имеет некоторые особенности: анализируя различные, зачастую противоположные интересы и точки зрения лиц, заинтересованных в решении проблемы, приходится строить несколько математических моделей или составлять задачу линейного программирования как задачу оптимального смешения различных стратегий. Для этого студентам необходимо научиться чётко структурировать информацию в кейсе, чтобы облегчить потом отбор данных для составления модели. Составив несколько различных математических моделей важно провести их анализ по типу «что если»,

оценивая возможные негативные последствия различных вариантов решения кейса.

Аналогичное происходит и в проектной деятельности. Проектанты, общаясь со специалистами-практиками, анализируют степень адекватности найденной математической модели реальным условиям. Из огромного числа параметров исследуемого объекта они выделяют наиболее существенные, понимая, что в противном случае можно получить модель, не поддающуюся не только ручному, но и компьютерному решению, и, значит, не имеющую практического применения.

Приобретённый в ходе решения кейсов опыт (выявления проблемы, математического моделирования профессионально значимых ситуаций, адаптации математических моделей к реальным условиям, работы в команде) помогает студентам выполнять практически ценные проекты, которые затем могут использоваться как в учебном процессе, так и на производстве.

К примеру, нашим студентом профиля подготовки 080206Г «Производственный менеджмент в горной промышленности» был выполнен проект по теме «Оптимизация планирования добычных работ в режиме усреднения качества». Целью проекта стало определение Таштагольскому филиалу ОАО «Евраз-руда» оптимального (с минимальными затратами) месячного плана добычи железной руды, качество которой соответствует требованиям, предъявляемым дробильно-обогащительной фабрикой.

Практически значимыми продуктами проектной деятельности студентов являются разработанные ими задачи, которые могут использоваться в обучении будущих менеджеров:

Задача 1. Для откатки добытой железной руды используются составы двух типов. Состав первого типа состоит из 9 вагонеток вместимостью 6 м³ каждая, на один цикл затрачивается 1 ч 20 мин. Состав второго типа состоит из 9 вагонеток, вместимостью 8 м³; на один цикл затрачивается 1 ч 40 мин. С учетом количества электровозов разных марок число составов первого и второго типов не должно превосходить 8 и 3 соответственно. За какое минимальное время можно вывезти 1620 т добытой железной руды плотностью 3 т/м³? (*Ответ: за 13 ч, используя 6 составов первого типа и 3 состава второго типа*).

Задача 2. Для бесперебойной работы нового участка требуется закупить не менее 20 буровых станков НКР-100 НА и не менее 3 буровых станков БП-100. С учетом крепости пород техническая производительность станка НКР-100НА составляет 2 м/ч, а станка БП-100 – 4 м/ч. Рыночная стоимость первого станка 450 тыс. р., а второго – 800 тыс. р. Определите оптимальный план закупок буровых станков, если на приобретение оборудования выделяется 13000 тыс. руб. (*Ответ: 20 станков НКР-100 НА и 5 станков БП-100*).

Из приведенных примеров видно, что в проектной деятельности студенты знакомятся с технологией ведения горных работ, учатся адаптировать найденные математические модели к реальным условиям, интегрировать знания различных дисциплин для решения профессиональных задач.

Резюмируя сказанное, подчеркнём, что метод проектов – это эффективный метод обучения менед-

жеров, согласующийся с их будущей профессией. Успешность профессионально ориентированной проектной деятельности студентов зависит от подготовки к ней.

Практика показывает, что подготовку будущих менеджеров к выполнению проектов по математике целесообразно проводить в несколько шагов.

Сначала студенты изучают теоретический материал (лекции и самостоятельная работа), а затем углубляют и пополняют свои знания, работая с электронным пособием.

Следующий шаг – решение профессионально ориентированных задач с целью овладения опытом математического моделирования профессионально значимых ситуаций, решения конкретных моделей с помощью математических методов и программных средств.

Наконец, решая кейсы, будущие бакалавры учатся выявлять проблему, отбирать информацию для построения модели, адаптировать модель к реальным условиям, прогнозировать последствия управленческих решений, аргументировать свою точку зрения, рационально организовывать групповую деятельность.

Только после такой подготовительной работы студенты выбирают тему профессионально ориентированного проекта. Обучение студентов выбору актуальной темы профессионально ориентированного проекта по математике подробно описано в одной из наших публикаций [5].

В проводимом в течение 2011 – 2013 гг. на базе филиала ФГБОУ ВПО «Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачёва» в г. Таштаголе эксперименте участвовало 37 студентов бакалавриата профиля подготовки 080206Г «Производственный менеджмент в горной промышленности». Студенты экспериментальной группы изучали тему «Линейное программирование» по методу проектов. Обучение студентов контрольной группы было традиционным, но профессионально направленным (решались профессионально ориентированные задачи).

Сравнительный анализ достигнутого во II семестре уровня сформированности математической компетентности студентами контрольной и экспериментальной групп (динамика развития показателей математической компетентности отслеживалась методом портфолио), результаты контрольного компьютерного тестирования по теме «Линейное программирование», итоги сессии позволяют сделать вывод о результативности проектного обучения.

По мнению членов жюри, оценивавших проекты студентов, последние показали активную позицию, исследовательские умения, способность к самообразованию. Преподаватели математики отмечали, что главное преимущество профессионально ориентированных проектов по математике перед другими средствами формирования математической компетентности заключается в том, что при наполнении математической модели достоверными данными проектанты общаются со специалистами-практиками и, благодаря этому, глубоко погружаются в будущую профессиональную деятельность.

Несмотря на многие достоинства метода проектов, считаем целесообразным использовать его не как альтернативу, а как дополнение к другим педагогиче-

ским технологиям, учитывая, что проектное обучение требует значительных временных затрат как от студента, так и от преподавателя.

Литература

1. Глухов, В. В. Математические методы и модели для менеджмента / В. В. Глухов, М. Д. Медников, С. Б. Коробко. – СПб.: Лань, 2005. – 528 с.
2. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013 – 2020 годы // Министерство образования и науки РФ. – Режим доступа: www.минобрнауки.рф/документы/3409 (дата обращения: 12.03.2014).
3. Зайцев, М. Г. Методы оптимизации управления и принятия решений: примеры, задачи, кейсы: учебное пособие, 2-е изд., испр. / М. Г. Зайцев, С. Е. Варюхин. – М.: Дело АНХ, 2008. – 664 с.
4. Коломейченко, А. С. Математическое моделирование в экономике. Лабораторный практикум: учебно-методическое пособие / А. С. Коломейченко, Н. В. Польшакова. – Орёл: ОрелГАУ, 2011. – 128 с.
5. Любичева, В. Ф. Обучение студентов выбору темы профессионально ориентированного проекта по математике / В. Ф. Любичева, О. В. Чиркова // Актуальные проблемы качества математической подготовки школьников и студентов: методологический, теоретический и технологический аспекты: Мат. I Всероссийской научно-методической конференции. Красноярск, 2013. – С 784 – 789. – Режим доступа: <http://www.kspu.ru/page-10228> (дата обращения: 12.03.2014).
6. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года // Министерство экономического развития РФ. – Режим доступа: <http://www.economy.gov.ru/minrec/activity/sections/strategicplanning/concept/> (дата обращения: 12.03.2014).
7. Концепция развития математического образования в Российской Федерации // Министерство образования и науки РФ. – Режим доступа: www.минобрнауки.рф/документы/3894 (дата обращения: 12.03.2014).
8. Просанов, И. Ю. Математические модели в теории управления и исследование операций: учебное пособие / И. Ю. Просанов // Единое окно доступа к образовательным ресурсам. – Режим доступа: <http://www.window.edu.ru/library/pdf2txt/278/79278/59879> (дата обращения: 12.03.2014).
9. Резниченко, С. С. Экономико-математические методы и моделирование в планировании и управлении горным производством: учебник для вузов / С. С. Резниченко, М. П. Подольский, А. А. Ашихмин. – М.: Недра, 1991. – 429 с.
10. Спивак, В. А. Кейсы и методика их решения / В. А. Спивак // Управление персоналом. – 2006. – № 3. – С. 34 – 42.
11. Стрекалова, Н. Д. Проектное обучение и компетентностный подход в профессиональной подготовке современных менеджеров / Н. Д. Стрекалова // Вестник Балтийской педагогической академии. – 2010. – № 95. – С. 37 – 40.
12. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 080200 Менеджмент. Квалификация (степень) – «бакалавр» // Министерство образования и науки РФ. – Режим доступа: www.минобрнауки.рф/документы/1936 (дата обращения: 12.03.2014).
13. Фияксель, Э. А. Подготовка менеджеров инновационных проектов на основе проектного метода обучения / Э. А. Фияксель, Н. Г. Шубнякова // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. – 2009. – № 4. – С. 11 – 13.

Информация об авторе:

Чиркова Ольга Владимировна – соискатель кафедры математики и методики обучения математике центра педагогического образования НФИ КемГУ, 8-905-918-31-90, dfuythxbhrjdf@mail.ru

Olga V. Chirkova – post-graduate student at the Department of Mathematics and Methods of Teaching Mathematic, Centre for Pedagogical Training, Novokuznetsk Institute (branch) of Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 11.04.2014 г.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ И СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.614-056.26: 316.627: 364.4-053.2

РЕСУРСЫ НКО И ДОБРОВОЛЬЧЕСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ
С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ*О. В. Журавлева*RESOURCES OF NONPROFIT ORGANIZATIONS AND VOLUNTEER ASSOCIATIONS IN THE
SOCIALIZATION OF CHILDREN WITH DISABILITIES*O. V. Zhuravleva*

В статье представлен инновационный подход к использованию ресурсов некоммерческих организаций, добровольческих объединений в решении задач содействия социально-профессиональному самоопределению, социальной адаптации, повышению качества жизни детей с ограниченными возможностями.

Описываются организационные условия, направления их деятельности по внедрению технологий профориентационной работы, подготовки старшеклассников к интеграции в социум, которые оказывают положительное влияние и перспективны не только для социализации данных детей, но и профессионального, гражданского развития студенческой молодежи и других категорий добровольцев.

The paper presents an innovative approach to the use of resources of nonprofit organizations and volunteer associations in the task to promote social and professional self-determination and social adjustment, and to improve the quality of life for children with disabilities.

It describes the organizational conditions, the directions of their activities in implementing forms, methods, content of career guidance and training of high school students to integrate into the society. Experience of the project showed its effectiveness and is promising not only for socialization such children, but also for professional and civic development of students.

Ключевые слова: некоммерческие организации; добровольческая деятельность; дети с ограниченными возможностями; профессиональная ориентация; качество жизни; социально-профессиональное самоопределение; социальная адаптация детей с ограниченными возможностями.

Keywords: nonprofit organizations, volunteering, children with disabilities, professional orientation, quality of life, social and professional self-determination, social adaptation of children with disabilities.

В России в последние десятилетия стало заметно увеличение влияния сектора некоммерческих негосударственных организаций и накоплен положительный опыт благотворительной деятельности в решении социальных задач и проблем государства и общества. Прежде всего, таких как поддержка малоимущих слоев населения, безработица, социально опасные зависимости и заболевания, социализация детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, детей с ограниченными возможностями здоровья и др. Отмечается и рост гражданской социальной активности населения России, его стремления к участию в общественно-значимой деятельности.

В условиях кадрового дефицита дети с ограниченными возможностями здоровья представляют собой не только трудовой ресурс, которому необходимо помочь найти оптимальные сферы трудовой деятельности для решения экономических задач государства, но и человеческий капитал, которому необходимы внимание, поддержка в интеграции в общество, полноценном функционировании в нем. Сегодня общество выражает заинтересованность в смене данной молодежью инфантильной, пассивной позиции на равноправную социальную и профессио-

нальную активность. При этом у нас еще не созданы необходимые условия для получения детьми с ограниченными возможностями здоровья актуальной профессиональной практической помощи в выборе профессии, подготовке к выходу на рынок труда и дальнейшем трудоустройстве.

Большое значение в развитии данных процессов имеют новые стратегии государства, региональных властей: новый Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ, «Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012 – 2017 гг.» (Указ Президента РФ № 761 от 01.06.2012), долгосрочная целевая программа «Формирование здорового образа жизни населения и комплексная профилактика неинфекционных заболеваний в Кемеровской области на 2013 – 2017 гг.» и план мероприятий: «дорожная карта» «Повышение эффективности и качества услуг в сфере социального обслуживания в Кемеровской области на 2013 – 2018 гг.», распоряжение Президента РФ о разработке и реализации комплекса мер по профессиональной ориентации подростков и молодежи до 2015 г., перспективы в областях кадровой политики, формирования гражданского общества, социальной поддержки лиц, находящихся в трудной жизненной ситуа-

ции, в т. ч., инвалидов, молодежной политики, где профориентация рассматривается как неотъемлемая часть успешной социализации молодежи.

В них особая роль отводится участию общества, делегированию части функций государственных структур, оказывающих социальные (в т. ч. образовательные) услуги различным категориям населения, некоммерческим, негосударственным организациям и объединениям. В числе приоритетных направлений, где необходимо участие общественности, отмечено и оказание психолого-педагогической и социальной помощи, разработка новых технологий содействия социализации детей с ограниченными возможностями.

В этой связи Кемеровским благотворительным фондом Лиги здоровья нации разработан и апробируется проект «Профессия и качество жизни детей с ограниченными возможностями», поддержанный Фондом поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации (г. Москва). Он направлен на содействие социально-профессиональному самоопределению и повышение качества жизни детей с ограниченными возможностями, проживающих в семьях, как важнейшим факторам подготовки их к самостоятельной жизни и интеграции в общество.

Целевую группу проекта составляют все субъекты процесса социально-профессионального самоопределения: дети с ограниченными возможностями, члены их семей, специалисты реабилитационных центров для детей и подростков с ограниченными возможностями (РЦДПОВ), педагогические работники образовательных организаций, добровольцы. Это позволяет обеспечить комплексный, системный подход к решаемой проблеме.

Проект согласован с департаментом социальной защиты населения Кемеровской области, который является главным партнером. Поддержка в реализации обеспечивается также Уполномоченным по правам ребенка в Кемеровской области, Общественной палатой, департаментом образования и науки, управлениями и комитетом образования городов Кемерово, Прокопьевск, Новокузнецк, КемГУ, филиалом МЭСИ, КРОО КЦ «Инициатива», КРО МОД «Сибирский народный собор», ООО «Центр развития личности» и др.

Возраст детей составляет 14 – 18 лет, они обучаются в специальных (коррекционных) образовательных учреждениях (школах-интернатах) (СКОУ) для детей с ограниченными возможностями, которые проживают в семьях, или обучаются в обычных образовательных организациях общего образования и посещают реабилитационные центры для семей и детей с ограниченными возможностями, имеют сохраненный интеллект. В качестве пилотных выбраны территории с наибольшим количеством детей с ограниченными возможностями: г. Кемерово, г. Новокузнецк, г. Прокопьевск. В эксперимент включены следующие организации: СКОУ № 100 и СКОУ № 22 г. Кемерово, РЦДПОВ «Радуга» г. Прокопьевск и СКОУ № 38 г. Новокузнецк.

Специфика заболеваний детей, участвующих в проекте, представляется следующим образом:

- 23 % детей имеют детский церебральный паралич;
- 17 % детей – заболевания, связанные с нарушением моторики;
- 37 % детей – общее недоразвитие речи третьего уровня, дизартрия;
- 30 % детей – нарушения слуха и др.

Привлечение ресурсов добровольцев является одной из задач проекта «Профессия и качество жизни детей с ограниченными возможностями», и для ее решения нами проведена работа по формированию и подготовке данной целевой группы из числа студентов вузов и, прежде всего, добровольческого отряда Кемеровского государственного университета, который является партнером КБФ Лиги здоровья нации. Большинство молодых людей, проявивших инициативу, обучается на социально-психологическом факультете.

Фактическая ситуация особенностей профессионального самоопределения детей с ограниченными возможностями характеризуется тем, что подавляющее большинство из них не готово к осуществлению этого важного шага, поэтому выбор профессии и организации профессионального образования они, как правило, совершают по принципу случайного или безальтернативного выбора.

Профессиональное самоопределение предполагает выбор карьеры, сферы приложения сил и личностных возможностей. Старшеклассники с ограниченными возможностями здоровья имеют в силу особенностей состояния здоровья ряд ограничений в трудовой деятельности. Для многих выпускников с тяжелыми нарушениями развития (сложный сочетанный дефект) в СКОУ завершается и общее, и профессиональное образование. Этот фактор необходимо учитывать в первую очередь, и как можно раньше необходимо организовать такому ребенку помощь в формировании реальных профессиональных и трудовых планов, образовательно-профессионального маршрута.

По данным мониторинга выявлено: около 90 % старшеклассников не имеют обоснованного и оптимального для себя профессионального выбора. Все дети отметили наличие трудностей профессионального выбора, необходимость помощи в информировании о профессиях, в том числе востребованных на рынке труда, об организациях профессионального образования, хотели бы получить индивидуальные консультации и принимать участие во всех профориентационных мероприятиях.

Имеющиеся у старшеклассников с ограниченными возможностями социально-психологические проблемы трудно решать только усилиями работников образовательных организаций или организаций социальной защиты. При этом большинство детей имеет ограниченный круг общения в семье и в условиях обучения не может получить положительный семейный опыт, а у части из них «домашнее» влияние носит явно выраженный отрицательный характер, неблагоприятную ситуацию развития [1, с. 145 – 146]. Характерна и ограниченность социокультурной

среды для развития, плохо развитые навыки анализа, оценки и разрешения разнообразных жизненных ситуаций, в том числе связанных с социально-профессиональным самоопределением, самостоятельным и ответственным функционированием в социуме.

В этой связи добровольческое участие перспективно, может восполнить сложившийся дефицит и целенаправленно, систематически участвовать в процессе социально-профессионального самоопределения и социальной адаптации детей с ограниченными возможностями, приобретения ими социально-позитивного опыта, социализации в целом.

Студенты являются одной из наиболее привлекательных для старшеклассников с ограниченными возможностями здоровья категорий населения. Во-первых, дети проявляют мотивацию, интерес к общению, взаимодействию со своими почти сверстниками. Во-вторых, ими приобретается опыт общения с молодыми людьми, имеющими активную жизненную позицию, определенные достижения, и это хороший пример, который может оказать влияние на цели, ценности, позиции. Добровольцы также получают дополнительный шанс для прохождения профессиональных проб, реализации своих инициатив, что помогает им в профессиональном и гражданском становлении.

Сложность решаемых проблем требует работы НКО по формированию команды добровольцев и подготовки их к участию в проекте. Она включает в себя знакомство с формами и методами работы, целями, задачами проекта, особенностями целевой группы; развитие и закрепление компетенций, необходимых для целенаправленного взаимодействия со специфической группой детей. Особое внимание уделено проектированию содержания проводимых мероприятий и др., что, несомненно, сегодня является актуальным и обогащает опыт молодых людей.

Как показал опыт, программа подготовки добровольцев оптимально должна состоять из следующих модулей:

1. *Теоретический* – расширение представлений об особенностях подростков, нуждающихся в социальной и психологической помощи в процессе социально-профессионального самоопределения, интеграции в общество.

2. *Практический* – тренинг необходимых навыков для выполнения профориентационно значимых видов деятельности и формирование репертуара добровольческих инициатив.

3. *Консультативный* – консультирование по актуальным проблемам добровольческих инициатив: пробы и рефлексия «полезности» для целевых групп и развития своей личности, гражданской активности.

Одним из условий развития личности является специально организованная поддержка ее развития. Поддержка в этом случае состоит в изменении представлений о себе и своей успешности. Обучающиеся должны быть уверены в благожелательном, доверительном отношении со стороны взрослых, независимо от успеха или неудач. Им важно быть восприимчивыми с позиций личности в целом, а не только с позиций обучающегося, и тем более проблемного.

Нами психолого-педагогическая поддержка профессионального самоопределения старшеклассников с ограниченными возможностями рассматривается как комплекс взаимосвязанных организационных, психодиагностических, профилактических и коррекционно-развивающих, психолого-педагогических видов деятельности, осуществляемых в целях их оптимального профессионального самоопределения, коррекции отклонений и личностного развития, реабилитации и позитивной социализации. Это целенаправленная ненасильственная интегрированная деятельность профессионалов и добровольцев в условиях воспитательно-образовательного процесса, направленная на оказание помощи в профессиональном самоопределении, превентивном и оперативном решении их индивидуальных проблем, коррекции отклоняющегося поведения, личностном развитии и адекватной социализации.

В качестве основных принципов нами применялись следующие:

- доступности и открытости, основанной на оперативном реагировании специалистов на запросы субъектов поддержки в решении проблем;

- интеграции, основанной на объединении усилий заинтересованных учреждений и служб, специалистов;

- личностно-ориентированный подход, обеспечивающий условия для формирования у подростков позитивного, эмоционально-ценностного отношения к себе как субъекту деятельности;

- дифференциации и индивидуализации, направленные на организацию поддержки с учетом психологических особенностей и ограничений в здоровье, индивидуальных трудностей школьников;

- развивающего воспитания, предусматривающий приобретение детьми позитивного опыта в совместной деятельности со специалистами, добровольцами.

Единая гуманистическая установка профессионалов, участвующих в проекте, является и принципом, и условием.

Педагоги, специалисты, ответственные за работу, стремятся к созданию условий, обеспечивающих социальную, психолого-педагогическую поддержку обучающихся в условиях образовательной организации или организации социальной защиты. Но их деятельности не достаточно для столь специфической категории детей. Поэтому в ходе реализации мероприятий проекта мы стремились создавать специальные условия для самовыражения детей в деятельности, где они могли демонстрировать свои истории успеха: активизирующие методы (игры, дискуссии и др.).

В проекте значительная роль отведена просветительской работе, информированию всех субъектов по различным аспектам профориентации и ЗОЖ, которые осуществлялись выездной бригадой специалистов НКО и добровольцев, обеспечивались печатными материалами: буклетами, листовками и включались в содержание всех мероприятий.

Высокую оценку всей целевой группы проекта получили Дни профориентации, экскурсии-занятия, акция «Профессия и здоровье» – инновационное мероприятие как по идее интегрирования разных ведомств и людей различных возрастов, уровней образования, социального статуса для содействия социально-профессиональному самоопределению и интеграции в социум детей с ограниченными возможностями, так и по содержанию, достигнутым результатам.

Приоритеты в проведении акций целенаправленно отданы добровольцам. В ходе группового взаимодействия обеспечивалось: повышение компетенций участников в планировании своих жизненных и профессиональных перспектив с учетом возможностей здоровья; информирование о здоровом образе жизни как основе качества жизни, оздоровительном питании.

Среди положительных результатов такого рода мероприятий участниками отмечено не только то, что заинтересованные взрослые (в т. ч. родители), но и старшеклассники, студенты получили неоценимый опыт взаимного общения, увидели новые перспективы и стратегии в своих добровольческих делах, приобрели новый позитивный опыт социально-значимой деятельности. Отмечена полезность для всех информации, которую получили участники акции, общаясь с представителями власти, общественности, детьми, имеющими ограничения в здоровье и социализации.

Старшеклассники увидели не только пример социальной активности, доброжелательности, партнерского, равного отношения, решали значимые для себя проблемы профессионального самоопределения, но и смогли удивить даже своих педагогов неожиданной воодушевленностью, заинтересованностью работой в командах, презентабельной защитой групповых проектов и др.

Студенты вузов в такого рода мероприятиях играют не меньшую роль в достижении профориентационных задач, чем руководители и специалисты различных организаций и служб. Общение с волонтерами КемГУ, филиала МЭСИ, прокопьевской школы, которые работали, общались с детьми на равных, смогли вдохновить и активизировать их. Т. е. дети с ограниченными возможностями получили хороший стимул к выбору профессии, оптимальной для себя и нужной для общества, подготовке к планированию образовательно-профессионального маршрута, расширили свой позитивный социальный опыт.

Несомненно, подобная деятельность является значительным дополнением и повышает эффективность профориентации и подготовки детей к интеграции в общество в организациях для детей с ограниченными возможностями. Особую значимость имеет и то, что активными участниками таких программных мероприятий становятся родители и другие члены семей, на которых они могут повысить свои компетенции и качество помощи детям в самоопределении, расширить среду своего социального общения.

Следует отметить, что к участию активно привлекаются и специалисты различных ведомств и ис-

пользуются примеры из жизни отдельных профессионалов – «истории успеха». Это позволяет старшеклассникам с ограниченными возможностями в доступной форме получать информацию о проблемах и опыте их решения другими людьми, обогащать себя новыми знаниями и т. п.

Процесс подготовки старшеклассников с ограниченными возможностями к социально-профессиональному самоопределению и повышению качества жизни на основе оздоровительного питания включает оказание им помощи в личностном развитии, коррекции отклонений, реабилитации, предусматривающий создание дополнительных специальных условий. Такими условиями являются возможности для приобретения нового позитивного социального опыта в процессе совместной деятельности и группового содержательного общения, которые направлены на:

- организацию психологически комфортной и компетентной среды для профессионального самоопределения, коррекции и развития личности старшеклассника;
- формирование интереса и создание условий для самопознания, формирования ценностного отношения к себе и другим людям, повышения социальной компетентности;
- обучение навыкам противостояния социально-опасным воздействиям, зависимостям, социально и личностно-полезному времяпровождению и деятельности (досуг, общение и др.), определения жизненных перспектив (развития временной перспективы);
- обучение навыкам самоподдержки.

Это достаточно успешно осуществляется в процессе взаимодействия педагогических работников, специалистов РЦДПОВ, добровольцев с детьми с ограниченными возможностями, организованным специалистами КБФ Лиги здоровья нации. Интеграция усилий различных ведомств способствует достижению определенного эффекта в достижении цели и задач проекта.

Анализ хода проекта показал, что такой подход дает положительный эффект – дети расширяют круг своего знакомства с людьми, имеющими активную гражданскую позицию и достижения в жизни, тем самым осваивают варианты социально одобряемого поведения в различных жизненно значимых ситуациях и практически их закрепляют. Организатором и посредником между участниками целевой группы проекта и социокультурным пространством (различные социальные институты, специалисты и др.) выступал КБФ Лиги здоровья нации.

Следует отметить положительные достижения, произошедшие и у добровольцев: усиление трудовой мотивации и формирование социальной зрелости будущих специалистов. Кроме этого у них:

- изменяется в положительную сторону система ценностных ориентаций и личностных смыслов;
- появляется новый, значимый для жизненного и профессионального самоопределения опыт. Эта деятельность включает оперативную оценку трудно-

стей общения, коррекцию неэффективных способов общения, формирование навыков конструктивного взаимодействия, умения, необходимые для самоопределения в сфере труда и занятости;

- осваивая информационно-методический материал для занятий с детьми с ОВ по профориентации, участвуя в разработке программ (проектов), они повышают и свои компетенции в вопросах социальных и благотворительных услуг, профессиональной ориентации и становления; правильного питания и ЗОЖ в целом.

Модульный принцип организации школы добровольцев позволяет:

- учитывать уровень подготовленности, жизненный опыт, индивидуальные особенности студентов разных вузов и объемы реального времени, которые они могут использовать для благотворительной деятельности;

- в подготовке студентов технических вузов к волонтерской работе по профориентации старшеклассников на рабочие профессии и специальности,

востребованные на региональном рынке труда больше внимания уделять теоретической психолого-педагогической подготовке;

- студентам гуманитарного профиля профессионального образования расширять представления о сферах экономической деятельности, промышленном производстве и рынке труда.

В целом все субъекты социально-профессионального самоопределения детей с ограниченными возможностями отметили положительное влияние, полезность мероприятий проекта, а анализ результатов показал, что некоммерческим организациям могут быть делегированы управленческими структурами полномочия в осуществлении социально-значимой деятельности и одним из перспективных ресурсов являются студенческие добровольческие объединения.

Литература

1. Азарова, Е. С. Психологические детерминанты добровольческой деятельности / Е. С. Азарова, М. С. Яницкий // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 306.
2. Данакин, Н. С. Особенности социальной адаптации детей с ограниченными возможностями здоровья в основных сферах социализации / Н. С. Данакин, А. И. Шутенко // Перспективы науки и образования. – 2013. – № 5. – С. 144 – 148.
3. Журавлева, О. В. Содействие социально-профессиональному самоопределению, повышению качества жизни детей с ограниченными возможностями в условиях социального партнерства / О. В. Журавлева, К. Р. Журавлев // Перспективы науки и образования. – 2013. – № 5. – С. 149 – 153.
4. Чистякова, С. Н. Проблемы и перспективы развития отечественной профориентации на современном этапе / С. Н. Чистякова, Н. С. Пряжников, Н. Ф. Родичев // Проблемы и перспективы развития отечественной профессиональной ориентации учащейся молодежи на современном этапе: III Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием, 2 – 3 ноября 2010. – М.: УРАО ИСМО; Курск: Курский ин-т непрерывного образования, 2010.

Информация об авторе:

Журавлева Ольга Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной работы и менеджмента социальной сферы КемГУ, 8-903-941-15-50, zhur_olga.kem@mail.ru.

Olga V. Zhuravleva – Candidate of Pedagogics, Assistant Professor at the Department of Social Work and Social Sphere Management, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 30.04.2014 г.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

И. А. Левицкая

PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION AS A SOCIAL AND CULTURAL PROCESS

I. A. Levitskaya

Профессиональное самоопределение является важным фактором социализации и самореализации личности не только в конкретной профессиональной области. В статье анализируется сущность профессионального самоопределения на основе комплексного междисциплинарного подхода. Содержание феномена самоопределения рассматривается на объективном и субъективном уровнях. Определяется взаимосвязь личностного и профессионального самоопределения. Рассматривается ценностно-смысловой аспект данного процесса с точки зрения социокультурных условий современного общества.

Professional self-determination is an important factor of socialization and self-identity not only in a specific professional field. The paper analyzes the essence of professional self-determination based on an integrated multidisciplinary approach. Content of the phenomenon of self-determination is considered at the objective and subjective levels. The connection between personal and professional self-determination is determined. The value-semantic aspect of the process in terms of socio-cultural conditions of modern society is considered.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, личностное самоопределение, сферы самоопределения, профессионально-субъектная позиция, ценностно-смысловая основа самоопределения, «образование через всю жизнь».

Keywords: professional self-determination, personal self-determination, scope of self-determination, vocational subject position, value-sense basis of self-determination, self assessment, career guidance, life-long learning.

Проблема самоопределения подрастающего поколения в профессии является одной из важнейших социально-педагогических задач. В настоящее время, с одной стороны, возрастает потребность в специалистах технического профиля, а с другой – очевиден явный переизбыток рынка труда юристами, экономистами, специалистами других гуманитарных специальностей. Более того, нивелируется традиционный механизм профессиональной семейной преемственности. По данным социологических опросов, от 8 до 10 % респондентов старшего подросткового возраста определяющей в выборе профессии называют сферу профессиональной деятельности родителей (Росстат, 2012; СОЦПРОС, 2011). В условиях командно-административной системы ориентиры профессионального самоопределения создавало государство, подкрепляя их обязательными социальными и материальными гарантиями (жилье, трудоустройство, заработная плата, некоторые привилегии и т. д.), которые отнюдь не гарантируются в современных условиях рыночной экономики.

Современное общество характеризуется не только оптимальными условиями для выражения человеком своей индивидуальности, проявления личностных качеств. XXI век предъявляет к обществу жесткие требования – каждый должен быть мобильным, активным, иметь креативное мышление, выбирать оптимальные стратегии, обладать набором компетенций. При этом конструктивное решение возникающих проблем предполагает перевод последних в разряд целей и задач. И личности приходится решать их чаще всего самостоятельно, опираясь на собственные знания, компетенции и продуктивный опыт. К тому же в настоящее время нередка и кардинальная смена области профессиональной деятельности. Поэтому самоопределение как особый тип социокультурной

деятельности становится основой жизни современного человека [11].

Личностное самоопределение как базовый элемент процесса формирования и развития личности задает систему значимых ориентаций на достижение желаемого уровня в структуре социальных отношений. В широком смысле личностное самоопределение является детерминантой социального. Социальное самоопределение как результат усвоения социальных ролей является основой для профессионального самоопределения личности. В ходе данного процесса вырабатываются требования к определенной области профессиональной деятельности, развивается профессиональная субъектная позиция, формируется профессиональная идентичность [2].

Следовательно, профессиональное самоопределение – это сложный динамический процесс формирования субъектом личностно значимой системы основополагающих отношений к профессиональной деятельности. Более того, самоопределение в профессии предполагает нахождение личностного смысла в выбираемой профессии, возможность самореализации в профессиональной деятельности интеллектуальных, духовных и физических возможностей. Особое место в данном процессе занимает формирование адекватных карьерных планов и профессиональных намерений на основе реалистического образа «Я – профессионал» [9].

Вопросы профессионального самоопределения широко изучаются в рамках социально-гуманитарных наук (философии, психологии, педагогики, социологии) и раскрываются с точки зрения определенного научного локуса.

Самоопределение человека рассматривалось многими философами в рамках исследования экзистенциальных проблем и взаимосвязи человека с миром:

- нахождение субъектом своего места в жизни, проблемы «естественного состояния» человека и идеальной модели общества (Ж. Ж. Руссо) [7, с. 224];
- познание своей природы и ее принятие (В. Франкл) [6, с. 69];
- проблема свободы воли (И. Кант) [3];
- идея воли к власти (Ф. Ницше) [7, с. 248];
- вопрос иррациональности человеческой воли (А. Шопенгауэр) [3];
- самотрансценденция, самоактуализация (Э. Фромм) [10, с. 28].

Современный взгляд на проблему самоопределения представлен также в работах современных философов М. Л. Розова (проблема свободы человека), Н. А. Едалиной (самосозидание и творчество), В. И. Красикова (метафизические аспекты самоопределения), О. Г. Дробницкого (нравственное самоопределение личности), Н. И. Кузнецовой (проблема человека и сознания), Е. А. Латухой (социальные пространства самоопределения), П. Шульца (самоопределение как основное понятие философской антропологии) и др.

В психологии самоопределение рассматривается через понятие идентичности (психосоциальная идентичность), осознанием собственной ценности и компетентности отечественными (И. С. Кон) и зарубежными (Дж. Мид, Э. Эриксон) учеными. Самоопределение исследуется также через разрешение проблемы детерминации/самодетерминации, активности и свободы человека в трудах зарубежных (Дж. Келли, Р. Мей, З. Фрейд и др.) и отечественных психологов (К. А. Абульханова-Славская, Т. М. Буякас, Д. А. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн и др.). Самоопределение в работах А. В. Петровского анализируется на уровне коллективистического самоопределения, в результате сознательной солидарности самоопределяющейся личности с целями и идеалами, оценками и задачами коллектива как общности. Также вопросы самоопределения личности в группе рассматриваются в исследованиях Г. М. Андреевой, Г. С. Антипиной, Е. И. Головахи и др.

Выделяются различные виды самоопределения: жизненное, социальное, личностное и др. (Н. С. Пряжников). Структура самоопределения как ценностно-смысловая система рассматривается М. Р. Гинзбургом. Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев выделяют когнитивные, поведенческие, рефлексивные и деятельностные структурные элементы. Этапы личностного самоопределения во взаимосвязи с психическим развитием и социализацией личности рассматривают Л. И. Божович, М. Р. Гинзбург, И. С. Кон и др.

Самоопределение во взаимосвязи с понятиями самосознания, самопознания и саморазвития исследуется В. Ф. Сафиним (общепсихологический субъектный подход). Экспликация самоопределения рассматривается как поиск оптимального баланса между осознанием своих субъективных личностных качеств и общественно значимых требований. При этом в качестве ключевого механизма данного процесса является проблема субъективного выбора [6].

Психолого-педагогический подход к самоопределению (становление самоопределения через навык) представлен в работах С. В. Кульневича (принцип параллельного действия), А. В. Меренкова (механиз-

мы разнонаправленного развития/саморазвития личности).

Как значимая часть личностного, непосредственно связанного с планированием карьеры, профессиональное самоопределение изучается не только с психологической, но и социально-психологической точек зрения (Е. И. Головаха, Э. Ф. Зеер, Л. А. Йовайша, Е. И. Климов, И. С. Кон, Н. С. Пряжников, С. Н. Чистякова и др.).

В социологии феномен самоопределения рассматривается в связи с развитием личности человека, обусловленным конкретными социальными факторами (Е. В. Артюхина, Г. Е. Зборовский, Л. Я. Рубина, Ф. Р. Филиппов, В. Т. Шапко, В. А. Ядов и др.). Так, Д. Л. Константиновский обращается к категории самоопределения как альтернативе адаптационной модели социального взаимодействия на глобальном и локальном уровнях. Е. С. Баразгова рассматривает самоопределение во взаимосвязи с социальной группой и выделяет взаимодействие социальных агентов в процессе первичного самоопределения. Ю. Р. Вишневский исследует проблемы профессионального самоопределения молодежи через формирование субъективного профессионального образа как модели будущего, социальных стратегий и социодинамики поколений. Я. В. Дидковская обращает внимание на процесс профессионального развития личности во взаимодействии объективных (влияние социального престижа, рынка труда) и субъективных (знания, способности, интересы, мотивация) факторов.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что профессиональное самоопределение молодежи в рамках социологического подхода традиционно рассматривается на микроуровне, т. к. в качестве субъектно-объектных отношений выступает личность. Однако в современных условиях профессиональное самоопределение требует более полного учета не только динамики развития личности, но и изменения содержания профессий, положительных и негативных аспектов выбираемой профессиональной деятельности. Необходимость многосторонней связи с жизненной стратегией и перспективами субъектов самоопределения требует навыков карьерного планирования и построения профессиональной ориентации не столько на конкретную профессию, сколько конкретизации направления профессиональной подготовки выбора с учетом возможных форм профобучения, типов профессиональных учебных заведений [4].

В работах зарубежных авторов (в основном, американских), посвященных профессиональному самоопределению, прослеживается собственно социологический подход, основанный на концепции профессионального развития и мотивации (Р. Берджес, Р. Вудворте, Э. Гинсберг, К. Левин, С. Липсет, А. Маслоу, К. Роджерс, К. Сваластага, Д. Сьюпер, Л. Тайлер и др.). В целом в зарубежной социологии активные исследования ценностных проблем профессионального выбора, общественного престижа профессий, профессионально-консультационной деятельности и планирования карьеры (self assessment & career guidance) начались с середины XX в. и изучались как соответствующий аспект исследования социальной стратификации и мобильности [12].

Таким образом, можно констатировать наличие достаточно большого пласта работ, отражающих философский, психологический, педагогический, социологический подходы к анализу сущности самоопределения. Вместе с тем, наблюдается существенный дефицит исследований, посвященных комплексному анализу профессионального самоопределения как социокультурного феномена с точки зрения средового культурологического подхода.

Самоопределение как объект междисциплинарного анализа раскрывается через концептуальную систему интегральных понятий.

Проанализировав генезис становления в философских, психолого-педагогических и социологических источниках ряд таких понятий как «самосознание», «самостоятельность», «самоактуализация», «активность», «самопознание», «сознательность», «мобильность», «самореализация» и др., отметим, что с процессуальной точки зрения профессиональное самоопределение как социокультурный процесс включает объективную и субъективную стороны.

Субъективная сторона есть мир сознания и самопознания субъекта (субъективно-психологическое ядро «Я») как условие его жизнедеятельности в социуме, определяющий мотивационную сферу самоопределяющейся личности, способ соотношения личных и общественных интересов, основу формирования убеждений, ценностно-смысловых ориентаций, мировоззрения.

Психологические категории нашего исследования представлены концептами «самосознание», «самоактуализация» и «идентичность». Психический феномен осознания себя в качестве субъекта деятельности, в результате которого представления человека о самом себе складываются в «Я-образ», формирует осознание субъектом жизненно важных потребностей, мотивов, действий и т. п., а на этой основе – личный и общественный статус, т. е. самосознание. Рефлексия субъектом своей тождественности, определение своей собственной сущности, осознание личностных качеств и психических особенностей, собственного «Я» как активного и деятельного формирует определенную систему социальных и нравственных установок и самооценок, детерминирующих процесс профессионального самоопределения [1].

Формирование системы ориентации собственного «Я-образа» на основе психоэмоционального самоотжествления индивидуальности и доминирующих социальных (внешних) норм и ценностей как образцов (регламентов) характеризует идентификацию субъекта с персонифицированным образом. Результатом данного процесса является утверждение/отождествление этого образа среди референтной/социальной группы.

Философское понимание таких феноменов, как «самотрансценденция», «свобода», «выбор», «активность» в самостоятельном и осознанном поиске смыслов в самом процессе самоопределения и ценностной основы деятельности выбираемых наиболее подходящих для личности вариаций ее развития в той или иной сфере самоопределения, позволяет совершать профессиональный выбор на рациональной основе. Это двусторонний процесс осознания личностных качеств, способностей, возможностей, потенциала

осуществления стратегии профессионального выбора и т. п. и особенностей социальной стратификации, конкретной социально-экономической ситуации, современного рынка труда, долгосрочных перспектив выбора профессии и др.

Самостоятельность как свобода собственного выбора, как сознательный акт индивида, как личная ответственность за собственный выбор – есть базовое свойство самоопределяющейся личности. Процессуально самоопределение появляется в активности, инициативности, критичности, адекватной самооценке и ответственности. Необходимая предпосылка самоопределения складывается в ходе самостоятельной деятельности и формирует способность не только принимать сознательно мотивированные действия, но и добиваться успешного выполнения поставленных задач, преодолевая возможные трудности.

Профессиональное самоопределение, в связи с вышеизложенным, определяется как многосторонний процесс и результат, обусловленный социокультурными реалиями социума (социальные, экономические, политические, культурные и др. сферы влияния). Экспликация данного процесса с точки зрения личности самоопределяющегося субъекта характеризуется взаимодействием с самой собой (1) и с обществом (2) на основе осмысления и принятия ценностно-смысловой сферы того направления профессиональной деятельности, в которой личность пытается максимально реализовать склонности, способности, индивидуальность и самоутвердиться как представитель конкретной профессиональной общности.

Поэтому самоопределение включает в себя несколько уровней разнонаправленного взаимодействия и субъектных отношений. Ключевым в данной связи является линейная направленность процесса от общества к личности с одной стороны и – обратное направление – от личности к обществу – с другой. Первое направление осуществляется с точки зрения тех актуальных требований, которые социум предъявляет к профессии, второе функционирует на основе потенциальных возможностей самореализации, самоутверждения субъекта в определенной профессиональной сфере.

На этом основании с точки зрения субъектно-объектных отношений на личностном уровне выстраивается двусторонняя связь самоопределяющегося субъекта и собственно сферы самоопределения, т. е. объекта. Для личностного самоопределения в качестве сферы самоопределения выступает социум. Для профессионального самоопределения в качестве субъекта выступает будущий специалист, сфера самоопределения которого составляет направление/специализацию его профессиональной подготовки. При этом социальная система создает конкретные условия для самоопределения личности, ориентированные на актуальную культуру в широком смысле (историко-национальные, ментальные, экономические, политические, идеологические и др.) [5].

Социокультурные реалии характеризуются степенью заинтересованности со стороны общества в оптимальном уровне профессионализации, что характеризует степень альтернативности профессионального выбора, степень социальной свободы, активности, мобильности субъектов и референтной группы, система

профорientации и профконсультаций и т. п. Вместе с тем, значимым компонентом является и векторная направленность профессионального самоопределения субъектов через принятие системы доминирующих общественно значимых ценностей и смыслов (потребностно-мотивационный аспект и целеполагающая система самоопределения, актуальное состояние рынка труда, социально одобряемые ориентиры, механизмы профессиональной преемственности и др.).

Исследователи данной проблемы придерживаются единого мнения, что профессиональное самоопределение не является одномоментным действием, продолжается в течение всей жизни человека. Тезис «образование на всю жизнь» не является таким актуальным, как «образование через всю жизнь» (Life long learning) [13]. Поэтому самоопределение понимается как процесс, включающий рядоположенные элементы:

- определение социумом перечня требований, выраженных в компетентностной (функциональной) форме, которые предъявляются к представителям конкретных групп профессий;
- выявление индивидуальных способностей/склонностей самоопределяющихся субъектов к конкретным видам профессиональной деятельности, их профессиональной направленности;
- создание максимально гибких образовательных траекторий всех направлений подготовки специалистов;
- организацию двустороннего процесса согласования общественных требований и социальных реалий с интересами конкретной личности при выборе профессиональной деятельности;
- создание системы трансляции ценностей и благ тех профессий, которые востребованы в современном обществе (содержание труда, материальные возможности, социальные гарантии, возможности самореализации в профессии, карьерный рост, статус, престиж и т. п.) [14].

Самоопределение связано с доминирующими в социуме ценностями, «присваивая» которые в качестве ориентиров, личность в ситуации самоопределения осуществляет выбор оптимальных вариантов, рефлексируя представления о престижности, востребованности профессий, преимуществ занятия тем или иным профессиональным трудом.

Самоопределение детерминировано ценностями личности, с потребностью формирования ценностно-смысловой системы, центральное место которой занимает проблема поиска смысла жизни. Эта проблема имеет основополагающее значение, т. к. связана с ориентацией на будущее развитие, в том числе и профессиональное. Определение человеком себя в обществе как личности носит двойственный характер. Во-первых, это определение себя в мире относительно социокультурных ценностей. Во-вторых, это и определение мира в себе относительно сформированной личностной системы ценностей. Тем самым самоопределение есть стратегическое определение смысла своего существования. Этот процесс рассматривается в рамках самоопределения личности, становления субъектной позиции, жизненного плана, профессионального выбора. Поэтому определение себя как личности – личностное самоопределение – имеет ценностно-смысловую природу. В этом смысле ценностно-

смысловая основа представляет обобщающие ориентиры самоопределяющегося субъекта [5].

Комплексный анализ заключается в выяснении взаимодействия этих ценностей на этапах уточнения социально-профессионального статуса, развития профессионального самосознания и вхождения в профессиональную деятельность в социокультурном пространстве вуза.

Профессиональное самоопределение как динамический процесс развития ценностно-смысловой системы, намерений, интересов, склонностей личности есть эмоционально окрашенное отношение к профессиональной области (направлению, специальности и т. п.). На профессиональное самоопределение личности оказывают влияние и социально-экономические условия, и политическое и духовно-идеологическое развитие, и межличностные отношения (школа, семья, референтная группа), действуют различные агенты и институты социализации. Вместе с тем ведущее значение в профессиональном самоопределении принадлежит самой личности, активно реализующей ситуацию жизненного выбора.

Профессиональное самоопределение является важным фактором социализации и самореализации личности не только в конкретной профессиональной области. В данной связи важен сам процесс встраивания в культуру сообщества вообще, освоения социального наследия (ценностные ориентации и предпочтения, традиции, моральные нормы и паттерны поведения и т. п.), называемый инкультурацией. Нахождение своей «ниши» в мире профессий, основанное на активности, самостоятельности, ответственности за своё становление, позволяет личности найти оптимальную область деятельности для полной реализации.

Таким образом, содержание концепта «профессиональное самоопределение» на личностном уровне уточняется проецированием своей собственной жизненной траектории на социокультурную среду. Экспликация развертывается с учетом личностной ценностно-смысловой системы, которая является своеобразным ориентиром для самоопределяющейся личности относительно включения в основные сферы общественной жизни, самореализации и самоутверждения в социуме. Особое место в данной связи занимает профессионально-субъектная позиция личности.

Профессионально-субъектная позиция предполагает формирование системы ведущих жизненных ценностей, признание и принятие за собой и другими активности, способности к целеполаганию, свободы выбора и ответственности за него, понимание и принятие другого, уникальности, способности к саморазвитию.

На уровне общества самоопределение обеспечивается процессами аккумуляции/генерации и трансляции социально значимых ценностей через социальные институты. Институционализация как процесс упорядочения **ценностно-нормативного комплекса** через ценности, установки, правила, нормы, образцы, стандарты поведения в определенных ситуациях и др. основана на выявлении личностью содержания конкретных видов трудовой деятельности, формирования стабильных образцов социального взаимодействия, основанного на четких правилах, законах, образцах и паттернах поведения.

Профессиональное самоопределение включает не только формирование позитивного отношения к профессиональной деятельности и устойчивой целостной системы профессионально важных качеств личности на основе познания содержания и требований к различным профессиям. Вместе с тем, самоопределение характеризует формирование практического, действенного отношения личности к социокультурным и профессионально-производственным условиям сферы приложения и саморазвития личностных возможностей. Выявление своей «ниши» в системе социальной стратификации современного общества, где профессия является одним из значимых факторов, определяющих социальный статус, успешность, материальное положение и т. п., обуславливает готовность к самостоятельному выбору профессии.

Социальные характеристики являются важнейшими ориентирами профессионального самоопределения, поскольку обуславливают возможные альтер-

нативы самореализации и самоутверждения личности. Однако необходимо отметить, что альтернативы возможны лишь при наличии стабильной целостной системы профессионального выбора на основе личностных склонностей, предпочтений с учетом актуальных требований социально-экономической системы.

Таким образом, профессиональное самоопределение есть процесс формирования субъектного отношения к профессиональной деятельности и способ самореализации, карьерное планирование как результат согласования собственно личностных и социально-профессиональных потребностей социума.

Обозначенные уровни со значимой вероятностью способны влиять на самоопределение субъектов при профессиональном выборе. Комплексный системный анализ профессионального самоопределения как социокультурного процесса происходит именно с учетом обозначенных уровней и интеграции составляющих их факторов.

Литература

1. Борисова, Е. М. Профессиональное самоопределение: личностный аспект: дис. ... д-ра психол. наук / Е. М. Борисова. – М., 1995. – 411 с.
2. Дидковская, Я. В. Профессиональное самоопределение студенчества: современные проблемы: дис. ... канд. социол. наук / Я. В. Дидковская. – Екатеринбург, 2000. – 141 с.
- Латуха, Е. А. Формы, механизмы и социальные пространства самоопределения личности: дис. ... канд. филос. наук / Е. А. Латуха. – Новосибирск, 1999. – 180 с.
3. Лобова, Е. В. Процесс первичного профессионального самоопределения учащихся: социологический анализ: дис. ... канд. социол. наук / Е. В. Лобова. – Екатеринбург, 2006. – 128 с.
4. Онопко, А. А. Самоопределение старшеклассников при выборе профессии: социологический анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук / А. А. Онопко. – Екатеринбург, 2011. – 18 с.
5. Сафин, В. Ф. Психологический аспект самоопределения личности / В. Ф. Сафин, Г. П. Ников // Психологический журнал. – 1984. – Т. 5. – № 4.
6. Сохань, Л. В. Жизненная программа личности как способ сознательной организации ее жизнедеятельности / Л. В. Сохань, М. В. Кириллова // Стиль жизни личности. Теоретические и методологические проблемы. – Киев, 1982.
7. Суворова, В. О. Формирование ценностных ориентаций школьников старшего подросткового возраста в процессе профессионального самоопределения: дис. ... канд. пед. наук / В. О. Суворова. – Пенза, 2011. – 188 с.
8. Тимерьянова, Л. Н. Формирование готовности старшеклассников к профессиональному самоопределению в инновационных общеобразовательных учреждениях: дис. ... канд. пед. наук / Л. Н. Тимерьянова. – Чебоксары, 2010. – 286 с.
9. Фельдштейн, Д. И. Психологические законы мерности социального развития личности в онтогенезе / Д. И. Фельдштейн // Вопросы психологии. – 1985. – № 6.
10. Шарова, Е. Н. Профессиональное самоопределение молодежи в условиях социокультурной трансформации российского общества (на примере Мурманской области): автореф. дис. ... канд. социол. наук / Е. Н. Шарова. – Мурманск, 2012. – 25 с.
11. Expertise, Competence and Reflection in the Rhetoric of Professional Development // Richard Edwards and Katherine Nicoll // *British Educational Research Journal*. Vol. 32, No. 1 (Feb., 2006), pp. 115 – 131. Published by: Taylor & Francis, Ltd. Article Stable. – Access of mode: <http://www.jstor.org/stable/30032661>
12. Models of Personal Development Planning: Practice and Processes // Sue Clegg and Sally Bradley // *British Educational Research Journal*. Vol. 32, No. 1 (Feb., 2006), pp. 57-76. Published by: Taylor & Francis, Ltd. Article Stable. – Access of mode: <http://www.jstor.org/stable/30032658>
13. The Design of a Career Oriented Human Resource System // Mary Ann von Glinow, Michael J. Driver, Kenneth Brousseau and J. Bruce Prince // *The Academy of Management Review*. Vol. 8, No. 1 (Jan., 1983), pp. 23 – 32. Published by: Academy of Management. Article Stable. – Access of mode: <http://www.jstor.org/stable/257164>.

Информация об авторе:

Левицкая Ирина Александровна – кандидат педагогических наук; заведующая кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачева» (филиал в г. Междуреченске), 8-905-966-60-99, levitskaya_ia@mail.ru.

Irina A. Levitskaya – Candidate of Pedagogics; Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Gorbachev Kuzbass State Technical University branch Mezhdurechensk.

Статья поступила в редколлегию 13.03.2014 г.

УДК 316.4.05

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ЭКСКЛЮЗИИ ЛИЦ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА (по материалам социологического опроса)

Д. А. Неваева

FEATURES OF SOCIAL EXCLUSION OF ELDERLY PEOPLE (based on sociological survey)

D. A. Nevaeva

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 годы по государственному контракту по государственному контракту № 14.B37.21.0270 «Демографическая безопасность приграничных регионов современной России: проблемы старения и миграции» (2012 – 2013 гг.).

Статья посвящена анализу социальной эксклюзии лиц пожилого возраста и причин данного процесса в современном российском регионе. В связи с физиологическими, психологическими, социальными изменениями, которые происходят с пожилым человеком, социальная эксклюзия лиц пожилого возраста имеет ряд особенностей. Цель статьи – описание особенностей социальной эксклюзии лиц пожилого возраста в Алтайском крае. Автор анализирует результаты социологического исследования, проведенного при его участии в 2012 – 2013 гг. в Алтайском крае. Научное исследование социальной эксклюзии лиц пожилого возраста проведено впервые. Согласно результатам социологического опроса, лица пожилого возраста в начале XXI века характеризуются, как состоянием, так и ситуацией эксклюзии. Автор отмечает неразвитость и закрытость рынка труда, отсутствие институтов ресоциализации, несистематичность форм помощи или незначительность оказываемой поддержки, что усугубляется консервативными личными качествами пожилых людей в исследуемом регионе. Основной областью применения результатов исследования в дальнейшем является изучение этого процесса и разработка программ органами местного самоуправления, направленных на пожилых людей, с целью их сопровождения и создания благоприятных условий для полноценной жизни пожилых людей в регионе.

The paper is devoted to analysis of social exclusion of elderly people and the causes of this process in the modern Russian region. In relation to the physiological, psychological and social changes that occur with elderly people, the social exclusion of elderly people has some of features. The aim of the paper is to describe the characteristics of the social exclusion of the elderly people in the Altai region. The author analyses the results of the sociological research conducted in 2012 – 2013 in the Altai region. The scientific study of social exclusion of elderly people was performed for the first time. According to the results of a sociological survey, seniors in the early the 21st century are characterized by both states and situations of exclusion. The author points out the poor development of the labour market, and the absence of institutions of resocialization, irregularity of forms of assistance or insignificance of support compounded by conservative personal qualities of elderly people in the region. The main area of application of the research results in the future is for the local government to study the process and develop some programmes aimed at the elderly people with a view to support them and to create favourable conditions for normal life of elderly people in the region.

Ключевые слова: социальная эксклюзия, ситуация и состояние социальной эксклюзии, старение населения, пожилые люди.

Keywords: social exclusion, situation and state of social exclusion, ageing of the population, elderly people.

В современном научном мире все чаще появляются понятия, обозначающие новые явления и процессы, которые происходят в действительности. В конце XX века на смену понятия «бедность» в научный дискурс приходит категория «социальная эксклюзия». Мнение исследователей по интерпретации этого понятия различаются. Одни считают, что понятие социальной эксклюзии является новым определением для уже изучаемых проблем (бедность, неравенство, алкоголизм и т. п.). Другие обращают внимание, что эксклюзия (как научное понятие) указывает на новые аспекты тех же проблем, расширяя их в плане семантики, в чем нуждаются гуманитарные науки. Большинство ученых подчеркивается, что термин «социальная эксклюзия» значительно шире, т. к. включает в себя не только низкое социальное положение, невысокий уровень дохода социальных групп, но и ограниченность, недостаток. Термин «эксклюзия» (от лат. exclusio) означает исключение. Социальная эксклюзия – исключение человека из общества. В данном случае подразумевается ограниченный доступ к институтам, распределяющим ресурсы; недостаток прав или

неполная их реализация; исключенность из определенных сфер жизни общества; ограниченность получаемых благ и возможностей. Всё это негативно влияет на оценку определенной социальной группы (эксклюзивированных) их качества жизни. Они не ощущают себя полноценными гражданами общества, не чувствуют удовлетворенность жизнью и защищенность.

Анализируя понятийный аппарат, нужно отметить, что сегодня само понятие «социальная эксклюзия» употребляется для обозначения новых форм социальной стратификации. С начала 1990-х годов политическое сообщество в рамках Европейского союза считает социальную эксклюзию более адекватной концепцией борьбы с социальной несправедливостью. По мнению П. Абрахамсон стратификация по классам, делившая людей на вертикальные слои, постепенно замещается горизонтальной дифференциацией на «инсайдеров» и «аутсайдеров». Если А. де Хан отмечает, что «концепция социальной эксклюзии – есть просто иной способ смотреть на ту же проблему» [1, с. 158], то, на наш взгляд, это способ, позволяющий взглянуть больше

деталей и причин социального исключения людей в конкретных социальных, культурных, экономических, политических и иных условиях.

В связи с рядом серьезных демографических, социальных изменений, произошедших в последние десятилетия, человечество столкнулось с рядом новых социальных феноменов. Одним из таких является – старение населения. Наряду с проблемами бедности, низкого уровня жизни, миграции, мы наблюдаем новые социальные проблемы, которые не менее сильно влияют на стабильность и безопасность государства. Изучение этих процессов началось относительно недавно. В условиях старения населения, проблема социальной эксклюзии пожилых лиц приобретает особо важное значение. С одной стороны, старение – это демографический процесс; с другой – он имеет глубокие социально-экономические последствия, осознание которых на данный момент ставит перед теми, кто изучает проблемы старшего поколения, новые цели и задачи. Нарботка теоретического материала, проведение социологических исследований в этой области является необходимой работой для изучения причин этого процесса и минимизации возможных негативных последствий. Социальная эксклюзия лиц пожилого возраста на сегодня представляется состоятельным полем исследования. Изучение в российском обществе данного процесса началось в XXI веке.

Прежде чем говорить о социальной эксклюзии пожилых лиц, мы должны отметить несколько особенностей самого процесса. Во-первых, различается ситуация и состояние социальной эксклюзии. Ситуация акцентирует внимание на объективированных обстоятельствах, следствием которых является исключение человека из жизни общества по определенным причинам, ущемление его прав (социальных, гражданских). В данном случае, говоря о причинах социальной эксклюзии, мы акцентируем внимание на внешних факторах. Относительно предмета нашего исследования, мы должны понять, какая социальная политика ведется в регионе по эксклюзии/инклюзии (включенности) лиц пожилого возраста в сферы жизни общества; что конкретно делается для пожилых лиц, чтобы они осуществляли трудовую и социальную деятельность, сохраняли здоровье и чувствовали себя полноценными гражданами общества. Состояние эксклюзии определяется самоидентификацией и индивидуальным восприятием ситуации. В данном случае мы отталкиваемся от мнения и самочувствия населения относительно этой проблемы. Говоря о причинах, особенностях социальной эксклюзии, мы должны изучать внутренние факторы. Понимание того, что мешает ощущать полноценность и чувствовать себя необходимым обществом в пожилом возрасте ведет к возможности разработки мер по улучшению жизни данной группы. Таким образом, границы данного процесса могут не совпадать. Объективно человек может не находиться в ситуации социальной эксклюзии, но в морально-психологическом плане не ощущать себя полноценно активным гражданином; или, наоборот, несмотря на сложность получения медицинской, социальной помощи, малого доступа к экономическим благам, ограниченным пользованием возможностями рынка труда, человек не считает себя обделенным и «отверженным», проявляя физическую и общественную активность. Во-вторых, учитывая, отсутствие единого подхода к соци-

альной эксклюзии, до сих пор обсуждается причинно-следственная связь между изоляцией, депривацией и эксклюзией. З. Бауман, Х. Доманский, Д. М. Рогозин, Н. Д. Вавилина и ряд других ученых сходятся в том, что один процесс вытекает из другого, но взаимнообратно, что способствует изменению морально-психологического климата во всех сферах жизнедеятельности [9, 17, 19]. Разработана нормативно-правовая база выявления социальных эксклюзий [8]. В российском законодательстве данное понятие определяется как «трудная жизненная ситуация». Закон определяет группы, о которых должна проявляться забота как нуждающихся в помощи из-за тяжелых ситуаций, в которые они попали. Однако этот список неполон, т. к. в основу нормативных актов положена концепция абсолютной (но не относительной) социальной депривации. Список социальных групп, которые испытывают определенные лишения и состояние неопределенности, а, значит, и эксклюзию в разных сферах, изменяется. Отдельные, ранее резко осуждавшиеся состояния депривации, теперь признаются заслуживающими помощи. Необходимо уделять внимание тем процессам, которые наблюдаются в мире, т. к. результатом их является пополнение категории исключенных, что актуализирует изучение процесса эксклюзии относительно новых социальных групп. Среди таких процессов – старение населения. Это отличительная черта современной эпохи. И в начале XXI века в данную категорию мы можем отнести и лиц пожилого возраста. Несмотря на заслуги перед обществом, они оказались в стесненном материальном положении, без ощущения защищенности и наличия поддержки. Нужно отметить, что, как правило, нижние границы пожилого возраста соответствуют пенсионному возрасту, который принят в данной стране. В России к пожилым людям, следовательно, относятся мужчины старше 60 лет и женщины от 55 лет. Ряд классификаций пожилого возраста приведено в монографии Э. Россета [10]. Согласно международной классификации, к пожилому населению относят лиц в возрасте 60 или 65 лет и старше.

Демографическая ситуация последних десятилетий определяется значительным увеличением доли пожилых людей в структуре населения экономически развитых стран. Вполне вероятно, что в странах Европы к 2040 году до 30 % населения будут старше 60 лет. Е. Н. Стеженская определяет демографическое старение населения как увеличение прослойки лиц пенсионного возраста в составе населения. По шкале отечественных демографов, к старым странам относятся те, в которых доля населения старше 60 лет превышает 12 %, а по шкале Организации Объединённых Наций, в которой за исходный пункт принимается численность лиц старше 65 лет, – 7 % и более. Интересным представляется прогноз изменений демографической ситуации на карте мира. Стремительный рост численности населения планеты позволяет предположить, что в 2050 году число людей в возрасте 60 лет увеличится до 2 млрд человек. По данным ООН, в 1955 г. число пожилых людей 65 лет и старше во всех странах составляло 143 млн человек (5,2 %), в 1990 г. – 328 млн человек (6,25 %), а к 2025 г. увеличится до 822 млн (9,7 %). В мире неуклонно увеличивается доля пожилых, старых и очень старых людей. Идет процесс старения в рамках самой старости. Самой быстрорастущей группой пожилого населения является старшая возрастная группа, которую представ-

ляют лица не моложе 80 лет. Предполагается, что к 2018 году средний возраст в момент смерти будет составлять 85,6 года. Представляется весьма актуальным утверждение П. Дракера о том, что в начале XXI века основные события нас ожидают в демографической сфере. Россия становится одной из самых «старых» стран мира. Согласно данным всероссийских переписей населения 2002 г. и 2010 г., процент пожилых лиц возрос. К 2015 году прогнозируется увеличение пожилого населения до 20 % от общей численности (на данный момент 17 – 18 %). В ближайшие десять лет нашу страну ожидает настоящий демографический взрыв – увеличение числа пожилых людей старше 75 лет. В Алтайском крае ожидаемая продолжительность жизни, по данным статистики, составила 74 – 75 лет [14]. Развернутые данные о современной демографической ситуации, связанной со старением населения России, приводит З. Д. Силина, отмечая, что возрастная структура страны с некоторым отставанием подвержена общемировым тенденциям. При этом особенно велика (более 30 %) доля лиц старше трудоспособного возраста в сельской местности, обусловленная многолетней миграцией жителей села в городские поселения в период интенсивного развития процесса урбанизации и индустриализации страны. В рамках рассматриваемого вопроса необходимо отметить огромное влияние на процесс старения современного российского общества экономических преобразований, повлекших за собой обнищание большинства населения, как следствие, обусловивших растущее чувство неуверенности россиян в будущем. Данная статистика подтверждает необходимость уже сейчас на всех уровнях управления принимать меры по созданию условий для пожилых лиц, для комфортной и полноценной жизни в пенсионном возрасте.

Таким образом, использование потенциала пожилых лиц, создание условий для сохранения здоровья и продолжения ими активной трудовой и социальной деятельности после наступления пенсионного возраста является сегодня важной задачей. Социальная политика должна избегать решений, которые ведут к разобщенности общества, изоляции, эксклюзии пожилых людей. Необходимо изучение социальной эксклюзии, что позволит минимизировать или нивелировать возможные негативные последствия данного процесса и принимать целенаправленные меры по вовлечению пожилого населения в жизнедеятельность общества. Н. Е. Тихонова отмечает, что в начале XXI века мы столкнулись с ранее неизвестным феноменом – эксклюзией. «Феномен сложился в итоге самопроизвольного развития общества, совершенно не готового с точки зрения социальных институтов и психологии людей к условиям стихийного рынка. Первоначальное накопление капитала сопровождалось большими социальными издержками, пока еще не оцененными в полной мере. И это не проблема маленьких пенсий, а куда более серьезные вещи» [13]. Следовательно, реализация жизненного потенциала лиц старшего возраста подразумевает политику, направленную как на обеспечение материального благополучия, так и гражданской и правовой защищенности, доступа к услугам, полноценного досуга, что способствует формированию определенных ценностей и нравственных ориентиров у населения. Социальная политика по отношению к лицам старшего возраста на протяжении длительного времени находится под влиянием конкретных об-

щественно-политических задач, стоящих перед обществом на конкретном этапе развития, а ее направленность и содержание детерминировано также этими социально-экономическими задачами. Понимание того, что ощущение социальной исключенности может быть порождением внешних, не зависящих от человека, факторов; может являться следствием его внутренних убеждений и потребностей, приводит к сложности эффективного управления данным критерием риска. Актуализируется выделение в общей структуре социальной политики специального направления – геронтологической политики, касающейся благосостояния, здоровья лиц старшего возраста, что обусловлено спецификой их жизнедеятельности, потребностей.

Исследователи разных областей науки (Р. Аткинсон, В. Уильсон, Т. З. Козлова, М. Э. Елотиная, Д. Г. Владимиров, А. А. Разумов и др.) сходятся в том, что главным фактором, решающим проблемы социальной эксклюзии человека, остается факт лишения его возможности жить теми же проблемами, которыми живет остальная часть общества. Это дает возможность применить универсальные меры для исследования проблем относительного и субъективного характера, к которым принадлежит оценка исключенности в конкретных условиях.

Ограничение изучения социальной эксклюзии какой-либо одной областью означает то, что многие общественные явления, оказывающие влияние на социальную эксклюзию, ряд факторов социальной эксклюзии оказываются неучтенными. Поэтому комплексное изучение социальной эксклюзии и разработка основ управления данным процессом являются весьма актуальным в современной науке и практике.

В 2012 – 2013 гг. факультетом социологии АлтГУ в Алтайском крае было проведено социологическое исследование при личном участии автора, среди задач которого было изучение объективной ситуации и субъективного состояния социальной эксклюзии населения регионов, в частности старших возрастных групп; выявление особенностей социальных установок общества к процессам, связанным со старением населения. Выявление причин социальной эксклюзии, таким образом, дает возможность разработать конкретные формы помощи и самоподдержки лиц пожилого возраста. Нужно отметить, что новизна научного исследования состоит в том, что социальная эксклюзия лиц пожилого возраста изучается впервые, при этом проводится комплексная оценка процессов старения населения в регионе России. Кроме того, новизна данного исследования заключается в том, что представлено, как стереотипы о пожилom населении влияют на неадекватность и неэффективность социальной политики, что, в свою очередь, не позволяет использовать потенциал пожилого населения в полной мере, а, наоборот, способствует их исключенности. В социологическом опросе приняли участие лица в возрасте 15 – 75 лет, проживающие в Алтайском крае (n = 600 чел.). Анкета включала в себя несколько блоков, один из которых был посвящен проблеме старения населения.

Согласно данным проведенного исследования 96,4 % от числа опрошенных отмечают, что проблема старения населения характерна для Алтайского края. Среди них 12,5 % считают, что она является самой острой проблемой региона, а 41,2 % относят её к одной из основных. От числа опрошенных 30,5 % ответили, что

старение населения – это одно из проявлений демографического кризиса в регионе, при этом 17,9 % считают, что решение вопросов демографической безопасности региона проявляется в решении этого вопроса. Причем акцент делается не столько на самом процессе старения населения, сколько на условиях, которые создаются в регионе для жизни населения. Отмечается среди проявлений безопасности в регионе социально-экономическое благополучие населения, повышение рождаемости. Соответственно, в условиях старения населения мы не можем игнорировать образ и качество жизни пожилых людей. Невозможность быть полноценными гражданами общества, удовлетворять свои нужды в регионе создает ситуацию ограниченности, следствием которого может стать исключенность человека. Исключение пожилого человека из общественной жизни – это ограничение его социального пространства и социальной деятельности. Одной из основных детерминирующих причин – возраст. Как мы обозначили, в пожилом возрасте люди выходят на пенсию, следовательно, становятся частично отчужденными (в данном случае имеем в виду от рынка труда). Следовательно, в связи с выходом на пенсию пожилого человека социум теряет носителей социального и профессионального опыта, а пожилой человек не может самореализовываться. Согласно опросу 48,7 % населения считает, что пожилые, работающие на пенсии, нужны и полезны, при этом 56,7 % отмечают, что на рабочих местах пенсионеров часто сокращают. Опираясь на данные исследований, изучающих здоровье населения, отмечено, что пожилые люди всегда сталкиваются с особыми проблемами в плане физического и психического здоровья, которые необходимо признать, но за последние десятилетия здоровье лиц пожилого возраста улучшилось [2]. При этом желание трудиться есть у многих людей даже в пенсионном возрасте, но нет возможности. Процессы модернизации наложили свой отпечаток на сферу труда. Опыт старшего поколения, в связи с этим, частично обесценивается. Отсутствие институтов ресоциализации граждан пожилого возраста усугубляет ситуацию. Дело в том, что в условиях современной модернизации, постоянных инноваций, опыт старших поколений теряет свою значимость. Соответственно, они не могут применять полученные знания и приобретенные навыки и становятся неконкурентоспособными на рынке труда. Возможность пройти переподготовку, повысить уровень знаний или освоить новые технологии позволит лицам пенсионного возраста быть востребованными. Учитывая, что освоение нового материала в силу физических особенностей у людей старшего поколения происходит дольше, необходимо заранее, за 5 – 10 лет возраста выхода на пенсию, обучать специалистов. Такие институты («третьего возраста») действуют в США, Австралии, Японии, Великобритании и получают все большее развитие. В России, и в частности, в Алтайском крае, такая практика нераспространена. Это порождает ситуацию невостребованности пожилого человека, и влияет на его оценку своего опыта как ненужного, недостаточно в современных условиях, а возраста как бремени; критерию, который ведет к оторванности и изоляции, т. к. при сохранении здоровья и личного желания они могут продолжать свою трудовую деятельность. Фактор одиночества в совокупности с малообеспеченностью в пенсионном возрасте характеризует в глазах окружающих положение граждан стар-

шего поколения как негативное, и приводит к состоянию материальной и физической зависимости, что способствует увеличению потребности лиц пожилого возраста в социальной помощи и поддержке. Однако, согласно данным проведенного исследования, отмечено, что большая часть населения (62 %) по поводу вероятности изменения возраста выхода на пенсию считают, что ничего менять не нужно. На второй месте позиция об изменении пенсионного возраста в сторону уменьшения (33,5 %). Предположительно, это связано с тем, что выход на пенсию обеспечивает какую-то материальную стабильность. В опросе 26 % отметили, что минимальная пенсия является формой социальной защиты пожилых людей. Согласно статистике, в России продолжают трудиться около трети пенсионеров – до 10 миллионов человек [5; 14]. При этом проблема занятости выступает ещё одной проблемой для пожилых людей: проблемы создания рабочих мест для них, социальное обеспечение растущей массы неработающих пенсионеров, развитие инфраструктуры бытовых услуг для пожилых людей. Заметим, что противопоставляются две тенденции: стремление использовать опыт пожилых, понимание ценности такого опыта и исключение пожилых из системы активной социальной деятельности. Озабоченность проблемами занятости и страх перед безработицей, придающие ощущение ненадёжности существования, стали в последние годы характерной особенностью массовых настроений [11; 13]. Таким образом, неразвита и (или) неадаптированная сфера рынка труда под пожилой возраст сегодня выступает одной из причин социальной эксклюзии лиц данной группы.

Одной из других важных причин социальной эксклюзии, согласно результатам проведенного исследования, является недоступность определенных услуг и возможностей в пенсионном возрасте. Инфраструктура региона, по мнению населения, не соответствует нуждам лиц старшего возраста, не позволяет в полной мере удовлетворять их запросы. От числа опрошенных 53,8 % считают, что долгом общества по отношению к старикам является поддержка со всех сторон (материально, морально), 38,9 % отмечают среди обязанностей общества – обеспечение пожилым спокойной старости, без проблем. Под этим долгом подразумевается, прежде всего, создание условий для комфортной жизни. Старение – это необратимый процесс для каждого человека, и 16,5 % от числа опрошенных отмечают, что отношение к пожилым видят дети, и, следовательно, в недалеком будущем всех ожидает то, что они отдают сейчас. Под этим понимается то, что дети наблюдают, как родители относятся к бабушкам и дедушкам и как старики воспринимаются в обществе, в целом. Повзрослев, они будут воспроизводить такую же модель отношения к своим родителям, уже пожилым. С. Дракулис отмечает, что на Западе является нормой отправить пожилых родителей в дом-интернат или другие специализированные учреждения. Спустя время, ее мать сама ушла в дом-интернат, т. к. это было принято. Этот пример отношения к пожилым людям и формирование состояния отчужденности влияет на восприятие пожилого возраста как «мира страданий и распада, лишений и огромного одиночества» [20]. Отсутствие условий для интеграции пожилых людей в общество влияет на пожилых людей, но и на жизнь следующих поколений. Это не осознается ни обществом, ни властью, ни в полном масштабе даже

специалистами. Несомненно, что старение населения оказывает большое влияние на экономику, ее структуру, а также структуру потребления. Прежде всего, вырастает спрос на медицинское и социальное обслуживание, организацию досуга и новые виды товаров и услуг. Некоторые зарубежные компании предусмотрительно выстраивают стратегии развития с учетом новых демографических реалий. Отсутствие же адаптированной инфраструктуры способствует изоляции, эксклюзии пожилого человека. От числа опрошенных 57,4 % считают, что пожилых людей бросили на произвол судьбы, нет никаких гарантий и постоянства, плохая защищенность в кризисной ситуации.

Еще одним из важных причин социальной эксклюзии, согласно результатам опроса, является отсутствие реальной помощи со стороны при наличии трудных ситуаций у пожилого населения. Половина от числа опрошенных отметили, что близкие пожилые люди не получали помощи, что негативно сказывается на адаптации и самочувствии лиц старшего возраста. Если помощь и оказывается, то она является незначительной и основные ее субъекты – это дети (45,2 %), родственники (36,3 %) или соседи (12,3 %). Среди государственных и общественных структур отмечены Пенсионный фонд (25 %), Совет Ветеранов (11 %), комитеты по социальной защите (19,2 %). При этом эффективность их помощи оценивается невысоко. От числа опрошенных 88,1 % считают, что система услуг нуждается в улучшении, а 71,3 % отмечают, что существующая защита прав пожилых на законодательном уровне не осуществляется на практике (мероприятия по социальной защите для пожилых не носят планомерного характера, о них вспоминают только по случаю юбилея или перед выборами). Следовательно, отсутствие фактической поддержки и ощущения защищенности в пожилом возрасте увеличивают возможность социальной эксклюзии. Согласно опросу, основными формами помощи пожилым людям могут выступать денежные дотации (72,3 %), обеспечение лекарствами (67,3 %), возможность общения (38,4 %), психологическая поддержка (33,4 %) и советы, консультации специалистов (30,7 %). Необходимо отметить, что при возможности выбора всех возможных форм помощи население ориентируется на пункты в двух областях – материальной и моральной. Отмечается необходимость поддержки в денежной форме, но и не игнорируются формы моральной поддержки, а также помощи в тех ситуациях, которые для более молодого поколения являются обыденными (ведение хозяйства, приобретение продуктов, общение). В совокупности эти факторы способствуют осознанию пожилым человеком своей важности, что противопоставлено состоянию социальной эксклюзии.

Почти недоступность здравоохранения выступает не менее важной причиной, способствующей осознанию исключенности пожилого населения. По мнению 65,8 % все, что связано с сохранением здоровья, очень дорогое (лечение, лекарства и т. п.), а ведь вопросы здоровья являются одними из важных в пожилом возрасте. Отсутствие условий для его поддержания, своевременного лечения болезней являются непосредственными причинами изоляции и эксклюзии пожилого населения.

Говоря о процессе социальной эксклюзии, необходимо отметить важность личного отношения пожилых людей к процессу старения и возможности самоэксклюзии.

Исключение из социального пространства может быть инициировано и самим пожилым человеком. Такое явление было описано американскими психологами Э. Каммингом и У. Генри. В 1961 г. они выдвинули теорию разъединения, суть которой заключается в том, что старение представляет собой неизбежное взаимное отдаление или разъединение, которое ведет к снижению взаимодействия между стареющей личностью и другими личностями в социальной системе, что затрудняет ресоциализацию пожилых лиц. Процесс может быть инициирован личностью самостоятельно; или другими лицами, которые вовлечены в конкретную ситуацию. Эту теорию называют еще «теорией освобождения» (отчуждения), потому что старение якобы «освобождает» пожилого человека – пенсионера от всех обязательств перед обществом. Заметим, что ранее феномен самореализации изучался психологией, а социальная эксклюзия – социологией, то сейчас социально-философский анализ самореализации обнаруживает социально-онтологическую связь между двумя феноменами. Данная связь является практико-ориентированной, предоставляющей возможность целостного описания существующих проблем пожилых людей. В опросе население отметило, что основные причины социальной эксклюзии детерминированы большей частью внешними сферами жизнедеятельности. Так считают 87,2 %. Однако наряду с этим 83,3 % считают, что успешной адаптации пожилому населению в современном мире мешают их принципы, которыми они не могут поступиться. Отмечено, что при наличии проблем и возникающих вопросов, население прежде всего обратится к близким родственникам. Однако данный показатель тесно связан с уровнем доверия, который к органам власти невысок. Среди причин социальной эксклюзии 47,6 % отметили отсутствие у лиц старшего возраста необходимых черт характера, а 35,3 % – отсутствие коммерческой жилки. Развитие предпринимательства и малого бизнеса в пожилом возрасте является достаточно распространенной практикой в развитых странах, однако в нашем регионе это не распространено. Успех ассоциируется с молодостью, новыми идеями, инновациями, которые априори противопоставляются при характеристике пожилого населения. В этом кроется еще одна из причин социальной эксклюзии пожилых лиц – восприятие этого возраста обществом. Чувства разочарования, недовольства, обременения напрямую сказываются на оценке своего состояния как отдаленного, выброшенного и ненужного обществу. По этому вопросу проведено ряд исследований, как в России, так и за рубежом [3; 12; 16; 18]. Осознание того, что сейчас стареющее население – мощный ресурс роста, пожилые – не балласт, а «мотор» социально-экономического развития, становится повсеместным в развитых странах. Такое отношение к пожилому населению и этот опыт России необходимо перенимать.

В послании Федеральному Собранию Российской Федерации 10 мая 2006 г. Президент уделил основное внимание вопросам демографической политике. Заключительные слова в этом документе были следующие: «занимаясь проблемой повышения рождаемости, ... мы не вправе забывать и о старших поколениях. Это люди, всю свою жизнь отдавшие стране, работавшие на страну, а если нужно было, встававшие на ее защиту. Мы должны сделать все, чтобы обеспечить им достойную жизнь» [7].

Подводя итоги, можно отметить, что по результатам социологического исследования особенностями социальной эксклюзии лиц пожилого возраста в Алтайском крае выступают наличие как состояния, так и ситуации исключенности, в которой они оказались в начале XXI века. Население отмечает актуальность данной проблемы, обозначая неразвитость и закрытость рынка труда, отсутствие институтов ресоциализации, дороговизну системы здравоохранения, неадаптированность инфраструктуры региона; несистематичность форм помощи или незначительность оказываемой поддержки.

Данная ситуация усугубляется личными принципами и качествами пожилых лиц. Соответственно, в совокупности это приводит к социальной эксклюзии пожилого населения. Данный факт актуализирует изучение особенностей социальной эксклюзии лиц пожилого возраста в дальнейшем с целью разработок рекомендаций по сопровождению этого процесса; а в более благоприятном аспекте с целью создания условий для активной полноценной жизни лиц пожилого возраста в современном российском регионе.

Литература

1. Абрахамсон, П. Социальная эксклюзия и бедность / П. Абрахамсон // *Общественные науки и современность*. – 2001. – № 2.
2. Всемирная организация здравоохранения. Психическое здоровье и пожилые люди. – 2013. – Режим доступа: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs381/ru/>
3. Дмитриев, А. В. Социальные проблемы людей пожилого возраста / А. В. Дмитриев. – Л., 1980. – 104 с.
4. Максимова, С. Г. Особенности функционирования и развития системы социального обслуживания лиц пожилого и старческого возраста в современном российском регионе на рубеже XX – XXI вв.: монография / С. Г. Максимова. – Барнаул, 2006. – 360 с.
5. Модели конструирования новой геронтологической реальности и адаптивные стратегии населения России: монография / Максимова С. Г. [и др.]. – Барнаул: АЗБУКА, 2013. – 495 с.
6. Пенсионный фонд Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.pfrf.ru>
7. Послание Президента РФ Федеральному собранию от 10 мая 2006. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/89457/>
8. Пучков, О. Э. Нормативно-правовая база выявления социальных эксклюзий и участие в их преодолении организаций Третьего сектора (аналитическая записка) / О. Э. Пучков, Ф. М. Бородин. – М., 2004. – 23 с.
9. Рогозин, Д. М. Трудные жизненные ситуации в представлениях старшего поколения россиян / Д. М. Рогозин // *Государство и общество. Мониторинг общественного мнения*. – 2013. – С. 32 – 51.
10. Россет, Э. Процесс старения населения: демографическое исследование / Э. Россет; пер. с пол. Н. Н. Малютина, Э. Н. Фарберова; под ред. А. Г. Волкова. – М.: Статистика, 1968. – 509 с.
11. Смирнова, Т. В. Пожилые люди: стереотипный образ и социальная дистанция / Т. В. Смирнова // *Социологические исследования*. – 2008. – № 8. – С. 49 – 55.
12. Социально-экономические и демографические вызовы стареющего общества в условиях современной России / Максимова С. Г. [и др.] // *Вестник Алтайского государственного аграрного университета*. – 2012. – № 10. – С. 130 – 135.
13. Тихонова, Н. Е. От разговоров об инновационной экономике человеческого капитала не прибавляется / Н. Е. Тихонова // *РФ сегодня*. – 2007. – № 10.
14. Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#
15. Эксклюзивная жизнь или жизнь в эксклюзии. – 2011. – Режим доступа: <http://thirdage.ru/obshhestvo/stil-jizni-u-nas-i-u-nih/630.html>
16. Эмпирические модели восприятия старости в условиях новой геронтологической реальности: сравнительный анализ результатов социологического исследования в четырех регионах России / С. Г. Максимова [и др.] // *Известия Алт. гос. ун-та*. – 2012. – № 2/2 (74). – С. 242 – 245.
17. Bauman, Z. *Work, consumerism and the new poor*. Second edition. Open University press / Z. Bauman. – New York, 2005. – 136 p.
18. Bettion, F., Verashchagina A. Long-term care for the elderly / F. Bettion, A. Verashchagina. – 2010. – 181 p.
19. Domanski, H. Social determinants of poverty in post-communist societies. Review of sociology / H. Domanski. – 2002.
20. Drakulic, S. Women's writing on aging / S. Drakulic. – Режим доступа: <http://www.eurozine.com/articles/2014-01-31-drakulic-en.html>

Информация об авторе:

Неваева Динара Алиевна – аспирант кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий Алтайского государственного университета, +7-923-643-98-19, dinaranevaeva@mail.ru.

Dinara A. Nevaeva – post-graduate student at the Department of Psychology of Communication and Psychotechnologies, Altai State University.

Статья поступила в редколлегию 26.03.2014 г.

**ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО РЕГИОНОВ В СОВЕТЕ ФЕДЕРАЦИИ:
ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

В. М. Сайфутдинова

**THE REPRESENTATION OF REGIONS IN THE FEDERATION COUNCIL OF RUSSIA:
POLITICAL AND LEGAL ASPECT**

V. M. Sayfutdinova

Статья посвящена проблеме представительства субъектов Российской Федерации в верхней палате российского парламента. Цель данного исследования – рассмотреть участие российских регионов в деятельности Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации через призму изменения законодательства о порядке формирования данного государственного органа. В качестве теоретической основы исследования были применены такие методы как общелогический, сравнительный, системный, исторический. Результатом исследования стал сравнительный анализ федерального законодательства о порядке формирования Совета Федерации и влияние его изменений на характер представительства субъектов Российской Федерации в «палате регионов». В итоге автор делает вывод о недостаточном на данный момент региональном характере верхней палаты российского парламента и о невысокой степени демократичности процедуры ее формирования, а также о необходимости увеличения конституционных полномочий Совета Федерации для повышения статуса и роли данного государственного органа в российской политической системе.

The paper deals with the problem of representation of the Russian regions in the upper house of the Parliament. The aim of the study is to consider the regions' participation in the Federation Council's activities through changing the legislation on the formation of this body of authority. The author used logical, comparative, systematic and historical methods. The result is a comparative analysis of the legislation on the formation of the Federal Council, and the influence of its changing on the nature of representation of the regions in "the House of Regions". The author makes a conclusion that the regions are not represented adequately, the formation of the Federal Council is not democratic, and the increasing of the constitutional powers is necessary for improving of the status of this body of authority in the Russian political system.

Ключевые слова: представительная демократия, законодательный (представительный) орган власти, Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, «палата регионов», порядок формирования Совета Федерации.

Keywords: representative democracy, legislative (representative) body of the authority, Federation Council of Russia, "House of Regions", order of forming of the Federation Council of Russia.

В современных демократических государствах народ участвует в управлении государством как непосредственно (прямая демократия), так и через выборных полномочных представителей или через систему народного представительства (представительная демократия). В силу объективных причин наиболее востребованной в системе государственного управления является представительная демократия, среди признаков которой выделяется и такой как формирование (избрание) непосредственно населением представительных (законодательных) органов государственной власти, представительных (законодательных) органов государственной власти субъектов и др.

В Российской Федерации в отношении формирования представительного (законодательного) органа государственной власти страны вышеуказанные теоретические положения реализуются в соответствии со ст. 94 Конституции: высшим представительным (законодательным) органом провозглашается Федеральное Собрание Российской Федерации и ст. ст. 95 – 96, определяющие порядок формирования верхней палаты – Совета Федерации и общие принципы избрания нижней палаты – Государственной Думы [3]. Дефиниции «законодательный» и «представительный» адресованы в целом российскому парламен-

ту, что отличает отечественную Конституцию от конституций большинства федеративных государств, где говорится о представительстве субъектов федерации в соответствующих палатах, либо об их участии в делах федеративного государств посредством представительного органа [18, с. 46]. Однако, проблема формирования (избрания) непосредственно населением представительных (законодательных) органов государственной власти, а значит и качественного представления интересов регионов на федеральном уровне в большей степени актуальна для Совета Федерации.

В соответствии с конституционными принципами дуалистический характер Совета Федерации проявляется в реализации им как функций общенационального государственного органа, так и функций территориального представительства интересов субъектов федерации. Деятельность Совета Федерации как общенационального органа в управлении государством определяется специальными полномочиями, изложенными в ст. 102 Конституции РФ:

- утверждение изменения границ между субъектами РФ;
- утверждение указов Президента РФ о введении военного и чрезвычайного положения;

- решение вопроса о возможности использования Вооруженных Сил России за ее пределами;
- назначение выборов Президента РФ;
- отрешение Президента РФ от должности;
- назначение на должность судей Конституционного, Верховного, Арбитражного Судов Российской Федерации;

- назначение на должность и освобождение от должности Генерального прокурора РФ и заместителя Председателя Счетной палаты, а также половины состава ее аудиторов.

Значительная часть указанных полномочий функционально связана с президентскими, что характеризует верхнюю палату в большей степени как координационный орган, нежели законодательный и представительный орган власти. И лишь осуществление полномочия утверждения изменения границ между субъектами Российской Федерации позволяет оценить Совет Федерации как палату, представляющую субъекты Российской Федерации.

Представительство регионов в этом важнейшем федеральном органе власти определяется общими конституционными принципами формирования верхней палаты, а непосредственный порядок устанавливается федеральным законом, который может видоизменяться в установленных Основным законом пределах. Изменение порядка формирования «палаты регионов» приводит к качественным изменениям в составе Совета Федерации, что неизбежно отражается на характере законодательной деятельности, на взаимодействии палаты с иными органами федеральной и региональной власти.

На этапе генезиса современного российского государства первый созыв верхней палаты (1993 – 1995 гг.) формировался выборным путем [9]. В результате избранные депутаты Совета Федерации имели максимальную степень легитимности. В этот период в «палате регионов» работали как главы администраций субъектов Федерации, так и депутаты Совета Федерации, которые не занимали руководящие должности в регионах, что позволяло говорить и о представительстве региональной власти, и о представительстве собственно населения данного субъекта. Однако эффективность законодательной деятельности снижалась непостоянным характером деятельности палаты, кроме того Конституцией был установлен двухлетний срок полномочий этого созыва.

В острой политической борьбе в конце 1995 г. был принят Федеральный закон «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» [10], согласно которому интересы субъекта Российской Федерации в Совете Федерации представляют по должности (проект А. Чилингарова) глава законодательного (представительного) и глава исполнительного органов государственной власти. Выбранный порядок формирования вызвал бурную дискуссию в научных и парламентских кругах, которая фактически не затихает по сей день и становится все более актуальной с каждой новой реформой Совета Федерации.

Противники нового порядка формирования Совета Федерации среди его недостатков называли недос-

таточную легитимность руководителей регионов; фактическое нарушение принципа разделения властей; смену представительства населения регионов представительством региональной бюрократии, что превратило верхнюю палату в орган лоббирования интересов отдельных региональных элит; низкую эффективность законотворческой деятельности в виду загруженности руководителей органов исполнительной власти субъектов, и как следствие рост влияния Аппарата Совета Федерации; снижение количества заседаний палаты и соответственно увеличение количества рассматриваемых вопросов на каждом заседании. Представительство региональных лидеров на федеральном уровне некоторые эксперты оценивали как вероятную возможность политического противостояния лидеров регионов по отношению к Президенту Российской Федерации. На их взгляд фактически региональная власть получила приоритет над федеральной, политический процесс осуществлялся не в интересах региона, а в интересах региональной элиты (Прим. автора: см. например: Авакьян С. А. Федеральное Собрание – парламент России. – М., 1999.; Вихарев, А. А. Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (вопросы конституционной теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2002.; Гранкин, И. В. Конституционно-правовое регулирование формирования палат Федерального Собрания РФ и пути его совершенствования // Журнал российского права. – 2005. – № 8; Колушин, Е. И. Пути реформирования Совета Федерации Федерального Собрания РФ // Конституционное и муниципальное право. – 2006. – № 4.; Медведев, Н. П. Новая власть: центр – регионы // Власть. – 2000. – № 7.).

Сторонники «должностного» принципа формирования Совета Федерации на это отвечали тем, что авторитетность, даже в определенной степени оппозиционность палаты не привела к окончательному развалу федеративного государства, а, наоборот, в определенной степени способствовала сохранению государства, так как региональные лидеры, несмотря на все свои интересы, в наиболее ответственные для страны периоды принимали решения, исходя из общероссийских приоритетов. Приверженцы нового принципа формирования Совета Федерации считали также, что он не противоречил Конституции и не нарушал принципа разделения властей, т. к. главы исполнительной власти регионов наделялись законодательной властью не на региональном, а на несколько ином, федеральном уровне власти. Эффективность же «губернаторско-спикерского» созыва палаты оценивалась ими как максимальная, т. к. региональные руководители были достаточно информированы о потребностях своих регионов, а характер работы «палаты регионов» предполагает некую периодичность. Легитимность представителей «должностного» созыва подтверждается прохождением в 1996 – 1997 гг. руководителями регионов процедуры всенародных выборов, а значит максимальным уровнем демократической легитимации на осуществление законодательной деятельности и представительство своего региона в федеральном центре [14].

Вышеизложенные противоположные позиции по вопросу должностного принципа формирования верхней палаты российского парламента, собственно деятельность Совета Федерации в 1996 – 2000 гг. позволяют нам сделать следующие выводы: безусловно, непостоянный характер работы палаты в этот период накладывал свой отпечаток на эффективность законотворческой деятельности, вместе с тем верхняя палата, состоящая из региональных лидеров, имела достаточный «политический вес» и не раз противопоставляла свое мнение Президенту Б. Н. Ельцину исходя из учета интересов своих регионов (*Прим. автора:* например, по вопросу о принятии федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации»).

Избрание Президентом России В. В. Путина ознаменовало начало процесса укрепления федеральной власти, изменения характера федеративных отношений. В итоге на данный момент взаимоотношения между центром и регионами отвечают так называемой модели «центр-периферия»: это чрезмерная централизация, отсутствие альтернативных (Москве) центров в территориальной структуре страны и слабые горизонтальные связи [1, с. 53]. Данные политические перипетии непосредственным образом отразились на характере представительства регионов на федеральном уровне, снизили степень участия населения в формировании верхней палаты. В XXI в. Федеральным центром порядок формирования Совета Федерации был видоизменен уже три раза, хотя и этот факт не позволяет говорить о нахождении окончательной модели формирования палаты.

Так, вступивший в силу Федеральный закон «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» от 8 августа 2000 г. [11] определил, что представитель в Совете Федерации от исполнительного органа государственной власти субъекта РФ назначается высшим должностным лицом субъекта РФ (руководителем высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ) на срок его полномочий. Член Совета Федерации – представитель от законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ – избирался законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта РФ на срок полномочий этого органа, а при формировании законодательного (представительного) органа субъекта РФ путем ротации – на срок полномочий однократно избранных депутатов этого органа.

Таким образом, к участию в управлении государством допускались фактически назначенные представители региональной власти с минимальной долей легитимности, которая в дальнейшем была утрачена с принятием в конце 2004 г. закона об отмене прямых губернаторских выборов. Возникшую ситуацию совершенно справедливо характеризует депутат от Коммунистической партии Российской Федерации Олег Смолин: «абсурд, когда назначенцы назначают назначенцев по команде назначенцев» [4].

К числу факторов, способствующих минимизации участия не только населения региона в управлении государством и формировании государственных ор-

ганов власти, но и минимизации участия даже региональной власти в данных процессах способствовали: отсутствие необходимого срока проживания в регионе для кандидата в члены Совета Федерации; принятые в 2004 г. поправки в федеральное законодательство о возможности неутверждения той или иной кандидатуры сенатора самим Советом Федерации, и утратой регионами возможности отзыва своего сенатора – это право перешло к председателю Совета Федерации, региональные представительные и исполнительные органы государственной власти могли лишь отклонить его инициативу об отзыве сенатора от данного региона [8].

Модернизация федерального законодательства о порядке формирования Совета Федерации прошла в соответствии с интересами федеральных властей, лишь после ряда конфликтных ситуаций была принята поправка, которая фактически обязывает Совет Федерации утвердить сенатора, назначенного регионом, а в 2007 г. вновь введен 10-летний ценз постоянного проживания для кандидатов в члены Совета Федерации [7].

На этом поиск оптимальной модели формирования «палаты регионов», сочетающей в себе и демократичность процедур, и управляемость федеральным центром не закончился. Д. А. Медведев, действующий на тот момент президент, в 2009 г. предложил очередную реформу Совета Федерации, а 1 января 2011 г. новый порядок формирования палаты уже вступил в силу [6]. Отныне кандидатом для избрания (назначения) в качестве представителя в Совете Федерации может быть гражданин Российской Федерации, достигший возраста 30 лет, являющийся депутатом законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ или депутатом представительного органа муниципального образования, расположенного на территории данного субъекта. Необходимый ранее десятилетний срок проживания данного гражданина на территории субъекта Российской Федерации был отменен.

В результате проведенных в XXI в. модификаций верхней палаты российского парламента снизилось количество представителей именно данных регионов и увеличилось число представителей столичной элиты: в 2002 – 2003 гг. доля москвичей в Совете Федерации колебалась в пределах 30 – 37 %; причем представители столичной элиты заняли основную часть руководящих постов в верхней палате [17]. В 2009 г. среди членов Совета Федерации было 30 миллионов и даже 2 миллиардера [19]. Можно согласиться с точкой зрения, что категория «интересы субъекта РФ» слишком абстрактна, и на практике такие интересы будут определяться на основании мнения (позиции) регионального органа государственной власти, назначившего (выбравшего) члена Совета Федерации [15, с. 36]. Однако, на наш взгляд, категория «интересы субъекта РФ» приобретает более четкие границы именно в том случае, если член «палаты регионов» является коренным жителем данного региона, осведомленным о том, какие проблемы субъекта федерации необходимо решать на общенациональном уровне не понаслышке, а в реальной действительности.

Таким образом, качественный состав представителей регионов в Совете Федерации начала XXI в. не соответствовал принципам федерализма и не обеспечивал региональное влияние на федеральном уровне: «вместо укрепления вертикали власти получили укрепление горизонтальных корпоративных связей господствующего класса и палату, выражающую его интересы; представительство регионов на уровне федерации окончательно превращается в фикцию, а само федеративное устройство государства практически теряет свой смысл» [2, с. 70]. Ситуация усугублялась периодическими отставками членов Совета Федерации, замешанных в коррупционных и иных скандалах, что не способствовало повышению авторитета палаты [4].

В итоге потребовалась и «скорополительная» замена спикера Совета Федерации, и очередная реформа: «порядок формирования Совета Федерации должен стать более демократичным, а сама верхняя палата – более региональной, если так можно сказать, по своему составу» – прокомментировал ситуацию вновь избранный президент В. В. Путин [16].

1 января 2013 г. вступил в силу новый Федеральный закон "О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации" [12]. Кандидатом для наделения полномочиями члена Совета Федерации – представителя от законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ может быть только депутат этого органа. При проведении выборов высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ) каждый кандидат на данную должность представляет три кандидатуры, одна из которых в случае избрания представившего ее кандидата будет наделена полномочиями члена Совета Федерации. В случае досрочного прекращения полномочий члена Совета Федерации его место занимает другой кандидат из губернаторского списка.

Новый закон был уже апробирован 8 сентября 2013 г., в единый день голосования, когда в России прошли избирательные кампании различного уровня, включая выборы глав восьми российских регионов и выборы депутатов законодательных собраний в шестнадцати субъектах Российской Федерации (в Дагестане и Ингушетии прямые выборы глав регионов решениями местных парламентов были заменены на голосование в региональном парламенте, но кандидаты на пост президентов данных республик также представляли своих кандидатов в сенаторы).

Литература

1. Бусыгина, И. М. Модель «центр-периферия», федерализм и проблема модернизации российского государства / И. М. Бусыгина // Политическая наука. – 2011. – № 4. – С. 53 – 70.
2. Закс, В. А. Российский парламент как орган сословного представительства / В. А. Закс // Свободная мысль-XXI. – 2002. – № 4. – С. 69 – 71.
3. Конституция Российской Федерации. – М.: Приор, 2001. – 32 с.
4. Матвеева, А. Совет Федерации опять перетрясут / А. Матвеева. – Режим доступа: <http://rbcdaily.ru/world/-562949979064747> (дата обращения: 10.02.2014).
5. Нагорных, И. Совет федерации составит губернаторам кампанию / И. Нагорных, Н. Городецкая. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2203446> (дата обращения: 01.02.2014).

Законодатель в определенной степени учел недостатки прежних порядков формирования и ввел определенные ограничения: кандидат в члены Совета Федерации должен проживать в регионе в течение пяти лет, предшествующих выдвижению; обладать «безупречной репутацией». Кроме того вводится запрет на немотивированный отзыв сенаторов губернаторами или региональными парламентами – отныне члены Совета Федерации могут быть отозваны либо в связи с совершением правонарушений или иных действий, несовместимых с должностью члена палаты, либо по собственному желанию.

Вместе с тем, прошедшие выборы показали, что особого интереса у населения кандидаты в члены Совета Федерации, входящие в так называемую «сенаторскую тройку» не вызывают. Со стороны политических партий также отмечается малая заинтересованность в подборе кандидатов в члены Совета Федерации. По этому поводу член высшего совета ЛДПР Владимир Овсянников заявил: «мы стараемся не выдвигать их вообще, сам кандидат в губернаторы представит нам свои кандидатуры». Заместитель председателя думской фракции партии «Справедливая Россия» Михаил Емельянов также подтвердил, что гораздо важнее выдвижение кандидатов в губернаторы [5].

Таким образом, очередное изменение порядка формирования Совета Федерации ненамного повысило степень демократичности формирования Совета Федерации, а соответственно и степень легитимности ее членов. Насколько «палата регионов» станет «региональной по своему составу» покажет предстоящая ротация. Тем временем 7 марта 2014 г. в Государственную Думу внесен законопроект № 468171-6 «О Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации». В соответствии с данным законопроектом Президент Российской Федерации сможет назначить 17 сенаторов, то есть 10 процентов от общего числа [13].

Поиски оптимального варианта формирования Совета Федерации не завершены и пока неясно какова будет «итоговая формула» представительства регионов на общенациональном уровне. Но необходимо отметить, что реального изменения политической роли верхней палаты не произойдет, пока не будет изменен объем ее конституционных полномочий и порядок ее формирования не станет действительно демократичным.

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ В ИНТЕРНЕТЕ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А. В. Соколов

FEATURES OF POLITICAL PARTICIPATION ON THE INTERNET IN CONTEMPORARY RUSSIA

A. V. Sokolov

Статья подготовлена в рамках исследования, финансируемого за счет гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МК-2972.2013.6.

Приводятся данные социологических исследований политического участия граждан и субъектов политики в современной России в сети «Интернет». Данные получены посредством опроса экспертов 4 субъектов Российской Федерации (Ярославская, Вологодская, Ульяновская и Новосибирская области) и массовый Интернет опрос пользователей из 15 субъектов Российской Федерации, активно участвующих в политических кампаниях в Интернете. Это позволило получить как количественные, так и качественные оценки политического участия граждан в сети «Интернет».

Выделяются основные причины политического участия в сети «Интернет». Автором характеризуются основные объекты политической активности в Интернете. Выявляются направления политического участия, наиболее эффективно реализующиеся с помощью Интернета. Анализируется активность в Интернете политической оппозиции.

Указывается, что аудиторию интернета можно разделить на две неравные группы: активисты и потребители информации. Отмечается значительная доля профессионалов в сфере Интернет среди активистов глобальной сети. Среди потребителей наиболее велика доля молодежи.

The paper presents data of sociological surveys on political participation of citizens and political actors in contemporary Russia on the Internet. The data were obtained by interviewing experts in 4 subjects of the Russian Federation (Yaroslavl, Vologda, Ulyanovsk and Novosibirsk region) and the mass survey of Internet users in 15 regions of the Russian Federation, actively participating in political campaigns on the Internet. This gave a possibility to obtain both quantitative and qualitative assessments of political participation on the Internet.

The author characterizes the main objects of political activity on the Internet. The study highlighted areas of political participation, most effectively realized by using the Internet. The paper analyzes the activity of the political opposition on the Internet.

It is stated that the Internet users can be divided into two unequal groups: activists and consumers of information. The author points out a high proportion of professionals among activists in the Internet. The biggest proportion of customers are young people.

Ключевые слова: Интернет, политическое участие, политические кампании в сети Интернет, каналы коммуникации.

Keywords: Internet, political participation, online political campaign, channels of communication.

Специфика пространства Интернет

Необходимость привлечения значительного количества заинтересованных акторов к решению общественно-значимых проблем обуславливает активное использование Интернета в современных общественно-политических кампаниях. Этому способствует стремительное распространение Интернета среди жителей России.

Важной особенностью современного Интернет-пространства является то, что пользователь из получателя информации превращается в её производителя, становится субъектом интернет-коммуникации. Появление субъект-субъектной парадигмы влечет за собой смену направления, условий, ролей коммуникации и задач коммуникаторов, существенно трансформирующей публичную сферу [18, с. 11]. Активная деятельность индивида в интернет-пространстве нередко влечёт за собой изменение его статуса в оффлайне. Происходит это за счёт привязки и ассоциированности профилей в сети с конкретным человеком. В этом можно видеть связь виртуального пространства с ре-

альным, которые всё более объединяются в одно социальное пространство.

Интернет создает среду для существования разнообразных активистских сообществ и проектов, существующих только в виртуальном виде (например, карты помощи, сбор средств и т. д.). Они используются, когда другой вид самореализации затруднён (высокие потребности в анонимности, низкая способность к коммуникации офф-лайн и т. д.). Благодаря Интернету появились виды активности, которые ранее были бы просто невозможны (например, мониторинг выборов по web-камерам) [16, с. 24].

В связи с этим представляется актуальным изучение формирования пространства глобальной сети, как новой и специфической среды политической активности и коммуникации. Среди отечественных исследований следует выделить работы по анализу:

– сетевого характера общества и интернет-коммуникации [3; 11; 14];

– Интернета, как особой сферы социальной жизни [1; 2; 4; 5; 6; 7];

- формирования новых технологий коммуникации в Интернете [10; 13];
- политической активности в Интернете [8; 9; 12; 17].

Однако представляется, что все аспекты политического участия в сети «Интернет» в России не в полной мере изучены. В связи с этим автором работы был предпринят авторский анализ проблемы на основе собственного эмпирического исследования, результаты которого представлены в данной статье.

Методика проведения исследования

Наше исследование посвящено политическому участию в Интернете как важной составляющей политического участия граждан, имеющего свои особенности и создающие новые возможности достижения своих целей.

Под политическим участием в сети «Интернет» мы понимаем использование интернет-технологий для вовлечения различных групп граждан в политику; организации взаимодействия политических субъектов между собой и с населением; оказания влияния на формирование, принятие и реализацию политических решений, формирование и функционирование политических институтов, деятельность политических и примыкающих к ним общественных организаций, а также на деятельности несистемных политических движений и на акции, направленные на коренную перестройку существующей политической системы.

В статье использованы данные проведенного автором в октябре-ноябре 2012 года опроса экспертов 4 субъектов Российской Федерации (Ярославская, Вологодская, Ульяновская и Новосибирская области) с выборкой 30 человек в каждом (депутаты региональных и муниципальных представительных органов, журналисты, руководители региональных отделений политических партий и общественных объединений, журналисты и т. д.). Это позволило получить данные о влиянии политического участия в Интернете на политический процесс в субъектах Российской Федерации, тенденциях развития участия политической элиты субъектов Федерации в Интернете.

Опрос проводился по полуструктуризированной анкете. Это позволило получить как количественные, так и качественные оценки политического участия граждан в сети «Интернет».

Выбор регионов для проведения опроса экспертов был связан со стремлением изучить опыт различных по своему характеру регионов и территорий России. Регионы имеют как географические различия, так и различия в общем уровне социально-экономического развития. Выбранные субъекты Российской Федерации представляют 4 различные федеральные округа:

- Ярославская область – Центральный,
- Вологодская область – Северо-Западный,
- Новосибирская область – Сибирский,
- Ульяновская область – Приволжский.

Это позволило получить данные по различным специфическим территориям страны.

Выбор данных регионов был связан с присущими им особыми характеристиками. Ярославская область представляет собой промышленный регион центральной части России, регион со значительной долей на-

селения, разделяющей либерально-демократические взгляды. Ульяновская область – пример сельскохозяйственного региона, ранее относившаяся к «красному поясу» страны. Новосибирская область – высококоразвитый регион с большим промышленным, академическим потенциалом, также со значительной долей населения, разделяющей левые взгляды. Вологодская область – пример моноэкономического региона с двумя центрами – административным и экономическим.

Можно говорить о том, что выбранные для исследования регионы представляют существенно различающиеся территории. Соответственно, это позволяет говорить о том, что полученные в ходе социологического исследования данные могут быть репрезентативными и отображающими общие тенденции развития политической активности в сети «Интернет» в современной России.

С целью интерпретации полученных количественных данных в ноябре 2012 – январе 2013 был проведен массовый интернет-опрос пользователей, активно участвующих в политических кампаниях в Интернете, и иных политически активных пользователей Интернета общей выборкой 400 респондентов. В данной статье представлены результаты обработки данных, собранных в 15 регионах России: Владимирская область; Волгоградская область; Вологодская область; Краснодарский край; Новосибирская область; Пермский край; Приморский край; Псковская область; Республика Башкирия; Республика Дагестан; Республика Татарстан; Ростовская область; Ульяновская область; Хабаровский край; Ярославская область.

Это позволило сделать большой географический охват, позволяющий получить репрезентативные данные по всей России.

В результате удалось получить как количественные данные по использованию Интернета в политической сфере, так и их интерпретацию.

Основные причины политического участия в сети «Интернет»

Политическое участие в Интернете предоставляет ряд возможностей, которые мотивируют активистов пользоваться им. Согласно проведенному опросу, самым главным является удовлетворение потребности в самовыражении, самоактуализации. Это проявляется в желании быть услышанным единомышленниками и аудиторией Интернета в целом, таким образом, быть частью одного большого целого.

Выявляется также возможность влияния на политическую жизнь, не участвуя в политике непосредственно. То есть, по мнению опрошенных, используя Интернет, сегодня не обязательно, к примеру, состоять в политической партии, чтобы иметь возможности отстаивать свои политические взгляды, информировать власти об общественных интересах и др.

Наполнение Интернета включает в себя один из важнейших ресурсов современности – информацию. Как утверждают опрошенные, информационно-коммуникативная среда Интернета это «единственная возможность прорвать информационную блокаду со стороны СМИ» и «альтернатива властным медиа».

По мнению участников опроса, толчком для обсуждений политической реальности стала общероссийская ситуация, недовольство населения, и их объединение на этой почве. Например, «антинародный правящий режим в России», отсутствие публичной политики, а также диалога между властью и обществом. Таким образом, в интернет-пространстве зарождается платформа, на которой люди объединяются для действий, требующих координации.

Результаты исследования позволяют говорить, что более жёсткую позицию по вопросу Интернета как альтернативы традиционным СМИ и площадкой для выражения недовольства властью занимают интернет-активисты из регионов Сибири и Дальнего Востока. Возможно, такая позиция связана с удалённостью от основных мест политической активности.

Также, благодаря возможностям Интернета, формируются условия для получения обратной связи с властью. При этом на данный момент, по мнению опрошенных, не существует иных площадок, тем более эффективных и результативных.

Как показывает количественный опрос экспертов (диаграмма 1), использование Интернета политическими субъектами связано с возможностью, прежде всего:

- информирования о деятельности политических и примыкающих к ним общественных организаций;
- взаимодействия политических субъектов с населением;
- взаимодействия политических субъектов между собой;

– вовлечения различных групп граждан в политику.

Интернет привлекает пользователей прежде всего возможностями налаживания коммуникации между различными субъектами. Однако он не является местом принятия политических решений. При условиях развития Интернета в нашей стране и роста вовлечённости граждан в политический процесс через сеть можно ожидать более эффективной реализации других направлений политического участия. Но пока традиционные институты востребованы сильнее.

Информирование о деятельности политических сил является первоначальной задачей. Далее по значимости – обеспечение взаимодействия и коммуникации различных групп. Кроме того, для этого требуется меньше затрат, чем, например, для налаживания связей. Таким образом, наиболее эффективным направлением политического участия является информирование.

Осуществление государственной политики и функционирование политических институтов посредством Интернета может осуществляться только на уровне опроса населения, изучения общественного мнения, голосования населения за инициативы, сбора подписей. Эти механизмы не так часто используются, так как, как правило, носят узконаправленный характер, требующим определенных компетенций; и не являются эффективными.

Диаграмма 1. Какие направления политического участия, на Ваш взгляд, наиболее эффективно реализуется с помощью Интернета?

Как демонстрируют результаты исследований, среди основных причин политического участия в сети «Интернет» эксперты выделяют:

- отсутствие цензуры;
- техническая доступность;
- анонимность;

– появление конкретных механизмов для политической активности в сети;

– слабая доступность других каналов политического участия в Интернете [15].

Важность многих из приведённых причин можно объяснить стремлением к свободе в деятельности. Именно Интернет предоставляет такие возможности.

Отсутствие цензуры и анонимность – это залог свободы слова и выражения мнения. Возможность выхода за пределы региональных границ предоставляет относительную независимость от таких факторов как удалённость субъектов друг от друга, наличие границ и т. д. Появление конкретных механизмов для политической активности в сети и дешевизна дают свободу выбора инструментов деятельности. Таким образом, причины политического участия в Интернете одновременно являются причинами популярности и распространения сети в целом.

Исходя из ответов опроса, есть три причины политического участия в Интернете:

1. Личное желание, заинтересованность людей. Причём отмечается участие в широком смысле: не только желание проявить политическую активность, но и важность воспитания «любви к Родине, и правде, желание изменить мир вокруг».

2. Реакция на действия/бездействия властей. Большое количество нерешённых проблем требует вовлечения граждан в процесс их решения. Интернет – один из способов организации такой деятельности.

3. Техническое удобство. Широкое распространение, удобство и относительная доступность, анонимность и оперативность обмена информацией являются факторами активизации политической активности именно в сети «Интернет». Также опрошенные указывают на безопасность интернета и отсутствие других площадок выражения.

Вместе эти предпосылки определяют Интернет как место выражения политической активности. Но в каждом регионе существует своя специфика, исходя из которой, экспертами выделяются основные причи-

ны политического участия в Интернете. Можно сказать, что на данный момент, политическое участие в интернете неотъемлемая часть политического процесса. Это удобная, уже привычная среда взаимодействия избирателя и кандидата. Она выполняет множество функций, которые не могут заменить обычные медиа.

Участники политических кампаний в Интернете

Опрошенные политически активные пользователи сети Интернет различных регионов России назвали следующие характеристики участника политических кампаний в Интернете. Наиболее активными являются относительно молодые группы граждан – люди в возрасте от 16 до 28 лет, чуть менее активны люди в возрасте от 28 до 35 лет. Старшие группы населения участвуют недостаточно, чтобы назвать их активными пользователями.

Можно выделить несколько предпосылок более значимой роли молодежи:

- она активна,
- в своём большинстве она пользуется Интернетом больше других категорий общества;
- она консолидирует в себе энергию, в том числе негативную, накопленную вследствие кризисной и не устойчивой ситуации в стране.

Во многом аналогичные данные были получены в ходе количественного опроса экспертов: политическая активность в сети «Интернет» прежде всего направлена на такие социальные группы, как студенты; наемные сотрудники в коммерческой сфере; предприниматели; неработающая молодежь; профессиональные политики (диаграмма 2).

Диаграмма 2. На какие социальные группы, на Ваш взгляд, направлено политическое участие в сети «Интернет»?

Ведущие позиции среди объектов политической деятельности занимают наиболее активные пользователи Интернета. Кроме того, это наиболее представленные социальные группы в сети, а значит, большая часть электората. По социальному статусу эксперты отмечают участников политических интернет-кампаний с низким или средним уровнем достатка, так как

у более обеспеченной части общества нет стимулов для попытки изменения ситуации.

Хотя в политических кампаниях активны малообеспеченные слои населения, опрошенные отмечают, что это образованные граждане с высшим либо неоконченным высшим образованием. То есть свои действия они предпринимают, опираясь на большой кругозор и знания, а значит, такой аудиторией сложнее

управлять. В большинстве своём это студенты, общественные деятели, интеллигенция. Также нужно отметить профильных специалистов: журналисты, политтехнологи, блоггеры.

С точки зрения ролей в политической кампании можно назвать инициаторов (заказчиков); исполнителей (специалистов в этой области – политтехнологов, агитаторов, рг-менеджеров, блоггеров, IT-специалистов, троллей-провокаторов); участников политических кампаний вообще (электорат, гражданских блоггеров, активное население, прежде всего, городское).

По политическим взглядам, согласно мнению опрошенных, в «Интернет» активности доминируют оппозиционно настроенные граждане. Возможно, это связано с тем, что «Интернет» остаётся относительно свободным средством выражения своей позиции.

Большую группу участников политических кампаний в Интернете обозначили как «неравнодушное, думающее население с активной гражданской позицией». С точки зрения профессиональной занятости отмечены политически активные работники офисов, фрилансеры, безработные.

Если обобщать полученные данные, можно разделить участников политических кампаний в «Интернете» на две большие группы: это политически активные граждане и аудитория (или электорат). К первой можно отнести не только специалистов, нанимаемых для продвижения нужной информации, но и, в общем, тех, кто создаёт какой-то материал на политическую тематику. Во вторую группу входят те, кто становится участником политической кампании, сделав репост, поставив «лайк», или просто восприняв этот материал.

Согласно опросу интернет-активистов, среди тех, кто определено точно обозначил, кто заметнее в предвыборный период в «Интернете», почти 2/3 опрошенных ответили «оппозиция», треть – «власть», и незначительная часть указала на активность как властей, так и оппозиции. Причиной большей заметности оппозиции в «Интернете» многие эксперты называют то, что сегодня это единственный канал её коммуникации с населением. Поэтому она старается использовать этот ресурс с максимально большей выгодой и эффективностью.

Деятельность представителей власти характеризуется информированием электората о своих достижениях в работе. Оппозиция же сосредоточивается на критике действующей власти.

Литература

1. Арсланова, А. И. Современная коммуникационная ситуация и принципы формирования интернет-сообществ / А. И. Арсланова // Вестник Башкирского университета. – 2011. – № 2. – Т. 16.
2. Бондаренко, С. В. Особенности создания и функционирования публичных площадок «электронной демократии» / С. В. Бондаренко // ПОЛИС. – 2011. – № 5.
3. Быков, И. А. Сетевая политическая коммуникация: теория, практика и методы исследования / И. А. Быков. – СПб.: СПбГУ, 2013.
4. Вертгейм, Ю. Б. «Общество 2.0»: опыт социально-философского анализа / Ю. Б. Вертгейм // Гуманитарные науки в Сибири. – 2008. – № 1. – С. 46 – 50.
5. Войнов, Д. А. Креативность интернет-коммуникации как способ индивидуального политического участия граждан / Д. А. Войнов // Вестник РУДН. – 2012. – № 1. – С. 117 – 126. – (Серия: Политология).
6. Войнов, Д. А. Становление интернет-диалога как формы участия граждан в политической науке России: автореф. дис. ... канд. полит. наук / Д. А. Войнов. – М., 2007.
7. Герасименко, А. П. Эволюция интернета как инструмента свободного обмена информацией в настоящем и будущем / А. П. Герасименко // Россия и АТР. – 2006. – № 4. – С. 197 – 200.

Однако были и неоднозначные ответы: о периодичности популярности то одной стороны, то другой в зависимости от сезона. Так, во время предвыборной кампании 2011 годы больше были заметны представители власти, но непосредственно после выборов – в конце 2011 – начале 2012 года – основное место в информационном пространстве играла оппозиция.

Те же, кто заявляет о равном присутствии сторон в Интернете, аргументируют это тем, что их информационными кампаниями занимаются одинаково подготовленные в этом плане специалисты. Поэтому дело в команде, в привлекаемых для ведения интернет-деятельности консультантах и профессионалах.

Выводы

Интернет в политических кампаниях используется пока фрагментарно. Где-то его возможности не подключаются из-за неэффективности, например, в малых городах и посёлках, где-то из-за отсутствия доступа к сети. Однако можно говорить о наличии потенциала Интернета как инструмента политической борьбы, влияния на общественное мнение и концентрации гражданской активности.

Проникновение «Интернета» в общественно-политическую жизнь зависит от географии. Как было сказано, сеть распространена не на всей территории страны. Но есть и другой определяющий фактор. Как и во многих других сферах, здесь так же есть деление на столицы – провинцию. По мнению опрошенных, вовлечение «Интернета» в общественно-политическую жизнь в Москве и Санкт-Петербурге гораздо сильнее, чем в регионах.

Наибольшая активность интернет-активистов наблюдается в социальных сетях, которые предоставляют значительные возможности коммуникации, передачи информации, поиска ресурсов.

Аудиторию «Интернета» можно разделить на две неравные группы: активисты и потребители информации. Причём, всё чаще среди активистов оказываются профессионалы в данной сфере, и потребность в них будет расти.

Повсеместное распространение «Интернета», многообразие инструментов означают большие возможности для политического участия. Многочисленные акции протеста 2011 – 2012 годов подтверждают эффективность социальных сетей, микроблогов и медиасервисов для организации протестных кампаний.

8. Давыдов, А. А. Социология изучает блогосферу / А. А. Давыдов // Социологические исследования. – 2008. – № 11.
9. Киселев, А. А. Политическое участие в Интернете: автореф. дис. ...канд. полит. наук / А. А. Киселев. – Краснодар, 2007.
10. Кулик, А. Н. Governance 2.0: эволюция модели государственного управления в эпоху интерактивного интернета / А. Н. Кулик // Политическая наука. – 2013. – № 1. – С. 12 – 27.
11. Морозова, Е. В. Сетевые сообщества в условиях чрезвычайных ситуаций: новые возможности для граждан и для власти / Е. В. Морозова, И. В. Мирошниченко // Полис (Политические исследования). – 2011. – № 1. – С. 140 – 152.
12. Николаев, А. С. О политическом участии в эпоху Интернета / А. С. Николаев // Известия Тульского государственного университета. – 2010. – № 1. – С. 159 – 168. – (Серия: Гуманитарные науки).
13. Рябченко, Н. А. Институционализация публичной политики в online-пространстве современной России / Н. А. Рябченко, И. В. Мирошниченко. – Краснодар: Просвещение-Юг, 2012.
14. Сморгун, Л. В. Сетевой подход к политике и управлению / Л. В. Сморгун // Полис (Политические исследования). – 2001. – № 3. – С. 103 – 112.
15. Соколов, А. В. Интернет-пространство: новые возможности для политического участия / А. В. Соколов // Вестник Пермского университета. – 2013. – № 4. – С. 98 – 115. – (Серия: Политология).
16. Центр гражданского анализа и независимых исследований (Центр ГРАНИ) Российский неполитический активизм: наброски к портрету героя. Отчет о результатах исследования активизма в России. – Режим доступа: [http://www.grany-center.org/userfiles/File/issled_activity_otchet\(1\).pdf](http://www.grany-center.org/userfiles/File/issled_activity_otchet(1).pdf)
17. Шевченко, И. А. Политические Интернет-технологии в трансформирующемся обществе: дис. ... канд. полит. наук / И. А. Шевченко. – Ставрополь, 2005.
18. Шилина, М. Г. Инновационный дискурс и теория общественных связей: методологические аспекты / М. Г. Шилина // Медиакоп. – М.: Факультет журналистики. – 2010. – № 2. – Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/696> (дата обращения: 09.05.2013).

Информация об авторе:

Соколов Александр Владимирович – кандидат политических наук, доцент кафедры социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, 8-915-987-97-97, alex8119@mail.ru.

Alexander V. Sokolov – Candidate of Political Science, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of Social and Political Theory, Demidov Yaroslavl State University

Статья поступила в редколлегию 05.11.2013 г.

УДК 316.33

СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНЫХ РЕСУРСОВ: ОТ ПОНИМАНИЯ К ПРИМЕНЕНИЮ

А. А. Чернега

SPECIFICS OF SOCIAL RESOURCES: FROM UNDERSTANDING TO USING

A. A. Chernega

Целью статьи является выявление специфических особенностей социальных ресурсов. Проводится обзор теоретических подходов к интерпретации данного феномена. В продолжение автор более подробно останавливается на сущности территориального пространства, рассматривая его одновременно в качестве социального ресурса и среды для взаимопересечения других социальных ресурсов. В контексте анализа конструирования социально-территориального пространства на примере туристической достопримечательности рассматривается специфика социальных ресурсов. Анализ подкрепляется результатами эмпирического исследования, проведенного автором статьи в рамках стратегии кейс-стади одного из малых городов Вологодской области. В заключительной части систематизируются признаки социальных ресурсов, такие как дискурсивность и дефицитность, а также их функции: инструментально-деятельностная, коммуникативная, инклюзивная и структурообразующая. Опираясь на полученные теоретические и эмпирические результаты, автор считает необходимым применение ресурсного подхода к интерпретации общества и процессов, протекающих в нем, в целях эффективного управления социальными дивидендами, что и является стержневой идеей статьи.

The paper is devoted to the analysis of social resources as scientific problem. First of all, the author discusses various theoretical approaches to the phenomenon of social resource. Further, the author analyses the phenomenon of territorial space both as a social resource and an area for interconnectivity of different resources. The main aim is to interpret the features of social resources functioning in the context of socio-territorial space on the example of tourist sights, which is reflected in the results of case-study of a small Russian town. Finally, the paper systematizes the attributes and

functions of social resources. The author argues that analysis of social space as a space of social resources is a topical way for development of the sphere of social dividends management.

Ключевые слова: социальные ресурсы, социальное пространство, территориальное пространство, социальное конструирование, туристические достопримечательности.

Keywords: social resources, social space, territorial space, social constructing, tourist sights.

Феномен ресурса является предметом научных дискуссий в контексте многих отраслей знания. В науках о Земле ресурсы трактуются как объективно данные предметы, явления и условия. Примерами таковых могут служить полезные ископаемые, климат, рельеф.

Понятие социальных ресурсов гораздо шире. Как отмечает социолог В. И. Ильин, «социальные ресурсы – это все то, что люди используют как факторы обеспечения своей деятельности... ресурсы имеют дискурсивный характер» [6, с. 91], следовательно, их сущность состоит во включенности в социальную деятельность в границах определенного пространства и времени. В одних случаях (в рамках одних полей как ситуаций социального взаимодействия) конкретные объекты и явления выступают в роли ресурсов, в других – те же самые объекты и явления могут рассматриваться как помехи. Ценность ресурса проявляется в процессе его «полезного» использования – «то, что объективно существует, но никто не знает, что с этим делать, ресурсом не является» [5, с. 54]. Ресурсы выступают в качестве одной из разновидностей элементов любого социокультурного поля, наряду с его границами, культурной программой и языком как средством коммуникации.

Стоит заострить внимание на взаимопересечении терминов «ресурс» и «капитал». В широком значении эти понятия могут употребляться в качестве синонимов [10], однако более тщательный анализ влечет за собой их разделение.

В концепции П. Бурдьё ресурсы анализируются как составные частицы капиталов, т. е. переведенных в ранг абстракций «структур господства». К примеру, социальные связи и включенность в сети выступают ресурсами, вовлекаемыми в формирование социального капитала, деньги – в образование экономического капитала и т. п. [2]. Совокупный капитал, по Бурдьё, выстраивается в соответствии с системой «разновидности капитала *объем капитала» и в своей основе содержит совокупность всех ресурсов, доступных для его носителя. Так или иначе, все виды ресурсов в широком смысле рассматриваются как социальные.

Фундамент природы социального неравенства заложен в борьбе индивидов и социальных общностей за ресурсы, которые всегда ограничены. Конфликтологические теории общества (К. Маркс, Р. Дарендорф) строятся на признании данного условия в отношении ресурсов, а также на конкуренции за их перераспределение и обладание ими. Общественное развитие в соответствии с идеями К. Маркса происходит посредством социальной борьбы между антагонистическими классами за средства производства, являющимися ключевыми социальными ресурсами. Идея Маркса о трансформации ресурсов через их «самовозрастающую стоимость» в капитал служит непосредственным подкреплением ценности ресурса как потенциального капитала [9, с. 181]. Углубленная трактовка идей ученого позволяет использовать механизм превращения различных социальных ресурсов

в капитал, т. е. в то, что приносит социальную прибыль, выражаемую не только в экономическом эквиваленте.

Для Э. Гидденса ресурсы, которые он делит на аллокативные, обеспечивающие власть индивидов над материальными объектами, и авторитарные, позволяющие людям управлять другими людьми, выступают фундаментальными элементами, способствующими структуризации социального пространства. Ресурсы, как подчеркивает Гидденс, не являются объективными, они возникают в ходе деятельности людей, иначе говоря, под ними можно понимать «средства, с помощью которых исполняется власть, рутинная составляющая осуществления поведения в социальном воспроизводстве» [3, с. 147]. Структура социального пространства выступает в виде распределения в нем ресурсов в соответствии с определенными правилами, поддерживаемыми и рутинизируемыми социальными акторами.

Немецкий социолог У. Бек, основоположник теории общества риска, отмечает значимость социальных ресурсов как средств минимизации индивидуального и любых других видов рисков и рассматривает в числе ресурсов все то, что этому способствует, в т. ч. пол, возраст, «умение держаться», этническую принадлежность и др. [1].

Российский социолог Н. Е. Тихонова обосновывает тезис о необходимости интерпретации социального неравенства и социальной стратификации через призму ресурсного анализа. В последние два-три десятилетия сформировалось «научное направление, прямо увязывающее на наступление нового этапа в развитии общества и изменение основания социальной стратификации... – в качестве основания стратификации выделяются объем и структура (социальных) ресурсов» [10], к числу которых стоит относить не только экономические, но и политические, культурные, социальные (в узком значении), престижные, гражданские, личностные и многие другие их разновидности.

Действительно, существует множество классификаций и разновидностей социальных ресурсов. В социологии сложилось два наиболее крупных подхода к их дифференциации. В первом подходе под социальными ресурсами понимаются социальные акторы и контексты их взаимосвязей. Американский социолог Дж. Коулман в связи с этим говорит о том, что социальные ресурсы наращиваются и обмениваются посредством социальных связей, последние также являются основополагающим ресурсом; ценность связей определяется тем, насколько они способствуют достижению целей, добиться которых при их отсутствии невозможно [8]. Во втором, более широком подходе, под социальными ресурсами понимаются любые разновидности ресурсов, воспринимаемые в качестве таковых в процессах взаимодействий, включающиеся в обеспечение непосредственно социальных процессов и вызывающие развитие структуры общества. В рамках данной статьи, опираясь на идеи социальных ученых,

обозначенные нами в первой части текста, мы придерживаемся именно такого подхода.

Рассмотрим специфику социальных ресурсов в широком значении в контексте проблемы включенности территориального пространства в логику ресурсного анализа. С одной стороны, полезное физическое пространство может выступать социальным ресурсом, в противном случае было бы трудно объяснить некоторые задачи, решаемые посредством колонизации и освоения территорий, многие войны в исторической ретроспективе и исследование красной планеты в целях ее последующего использования в качестве жизненной среды. С другой стороны, в границах самого физического пространства реализуются разнообразные социальные практики, развертывающиеся вокруг порождения и присвоения социальных ресурсов, в ходе чего превращающие это пространство в социальное. Например, физическое пространство трансформируется в социальное в процессе конструирования территории для производства в ее границах определенных отраслей товаров и услуг. Отрасль – это термин прежде всего экономического порядка, однако, обладающий и определенной социологической ценностью. С позиции деятельностно-структурного подхода в социологии отраслью можно считать комплекс социальных практик, структурирующихся в определенных участках социального пространства, вокруг производства и потребления конкретных социальных ресурсов, и влияющих в результате этого на комплексное развитие территории.

Туризм является одной из таких отраслей пространственного развития и разворачивается вокруг туристических достопримечательностей. Последние включают в свое содержание интеллектуальную и институциональную стороны. Ядром интеллектуального содержания является символ, который заложен в туристической достопримечательности и благодаря которому она обладает силовым полем притяжения туристических потоков. Символическая сущность может укореняться в полях истории, литературы, географии и т. д. Американский социолог Д. Маккенел утверждает, что в ходе туристификации пространства происходит его сакрализация. Соответственно, туристические достопримечательности получают статус священных объектов, процесс посещения и осмотра которых можно сравнить с ритуалом, притом как в переносном, так и в прямом значениях [11]. Символическая сущность достопримечательности позволяет ей превращаться в бренд места, который является переходным звеном от ее чисто интеллектуального потенциала к институциональному.

Туристическая достопримечательность становится фактором скользящей координатизации коллективных действий отдельных людей, общностей и организаций в границах определенного участка социального пространства. В результате складываются сетевые отношения, ведущие к устойчивым социальным связям, например, к связям по приему туристических групп между гостиницей и располагающимся поблизости кафе; по организации событийных мероприятий между местным учреждением культуры и туристической фирмой, отвечающей за «доставку» туристов к «месту»; по договоренностям между представителями местной власти, заинтересо-

ванными в развитии туризма, и частными инвесторами, готовыми вложить свои финансовые средства в реновацию туристической инфраструктуры. Совокупность подобного рода отношений и связей между акторами определяется как социальный институт туризма, в котором достопримечательности отводится место центрального элемента.

Конструирование пространства в качестве туристического «места назначения», как его определяет Ф. Котлер [7, с. 700 – 709], вызывает:

- во-первых, появление социальных интересов людей к месту, в котором номинирована достопримечательность (заинтересованность, соотнесение географического мифа с его постановкой на «месте», практики предварительного изучения «места»);

- во-вторых, физическое движение («паломничество к священному», к псевдобытию – «к тому, чего нет дома») различных туристических потоков к этому «месту»;

- в-третьих, туристическое потребление этого «места» (восприятие информации, покупка товаров и услуг, использование инфраструктуры и т. п.).

Туристическая достопримечательность, образуя вокруг себя символическое и институциональное силовое поле, выступает в роли своеобразного магнита, позволяющего притягивать различные социальные потоки к месту номинации достопримечательности в физическом пространстве. К числу таких потоков последних можно отнести информационные, политические, финансовые, экономические, трудовые, научные, образовательные, транспортные, символические и некоторые другие.

Сущность туристической достопримечательности как социального ресурса кристаллизуется также благодаря применению концепции пространственных прибылей локализации П. Бурдьё. Эта концепция позволяет объяснить особенности разметки социального пространства, поскольку выгодность его различных участков-полей неодинакова и связана с фактом нахождения рядом с дефицитными вещами и желательными агентами. Неудивительна ситуация, при которой наибольшие цены на сопутствующие для туристов товары и услуги, например, на продукты питания, в пространстве туристического города встречаются в непосредственной близости к достопримечательностям. Для стран, специализирующихся на туристическом производстве морских зон отдыха, характерна тенденция уменьшения цен на услуги проживания по мере удаления от морского побережья, если последнее воспринимается как туристическая достопримечательность, т. е. «то ради чего» осуществляется приезд.

Автором данной статьи в 2013 г. было проведено социологическое исследование по изучению г. Тотьма (Вологодская обл.) как туристического центра. Применялась стратегия кейс-стади, в контексте которой объект подвергался анализу с различных сторон. Методика исследования соответствовала принципу триангуляции:

- во-первых, при помощи метода традиционного качественного анализа были проанализированы 9 текстов о Тотьме, представленных как в уникальных туристических путеводителях о городе, так и включенных в путеводители по Вологодской области и России;

– во-вторых, социологом применялся метод включенного наблюдения во время участия в различных вариантах городских экскурсий и в знаковых туристических мероприятиях, а также использовались визуальные исследовательские практики (анализ ключевых точек города для создания туристических фотографий);

– в-третьих, было проведено 10 слабоструктурированных глубинных интервью с различными стейкхолдерами. Применялся целенаправленный отбор интервьюируемых, поскольку исследовательский интерес был направлен на получение разносторонней информации относительно процесса конструирования достопримечательностей города в поле туризма.

Цель исследования заключалась в выявлении политических, управленческих, информационных и экономических механизмов конструирования; в связи с этим, соответственно, было собрано 5 интервью с местными муниципальными чиновниками, сотрудниками музеев и туристических организаций города, 2 – с журналистами районной газеты, 1 – с «городским активистом», 2 – с местными предпринимателями, получающими различного рода дивиденды в ходе конструирования туристических достопримечательностей. Для проведения интервью с каждой группой использовался отдельный гайд, имеющий, однако, общее «динамическое» начало (вопросы: «Как Вы считаете, можно ли превратить Тотьму в туристический центр»?; «Отличается ли Тотьма от близлежащих – чем-то таким, ради чего в него стоит приехать туристам?»). Для анализа интервью применялся метод обоснованной теории, разработанный американскими социологами Б. Глейзером и А. Строссом.

В результате исследования удалось выявить, что система достопримечательностей Тотьмы включает группу храмов в уникальном архитектурном стиле – тотемском, или русско-американском барокко; музеи – 6 в городе и 2 в районе, часть из которых – брендовые, к примеру, музей мореходов, дом-музей морехода Ивана Кускова; арт-объекты и памятники, в т. ч. «60 параллель», черная лиса, памятники Ивану Кускову и поэту Николаю Рубцову; сохранившуюся застройку конца XIX – начала XX веков, представленную ансамблями в отдельных кварталах и фрагментарно – на ряде улиц; символические достопримечательности, такие как «духовная родина поэта Николая Рубцова», «Соль Земли Русской»; событийные достопримечательности, например ярмарка «Настоящий тотемский продукт» и др.

На примере Тотьмы было обнаружено, что социальное конструирование туристических достопримечательностей в той или иной мере служит причиной для:

– привлечения дополнительных средств в бюджеты города и района;

– социального подъема местных сообществ (активистов, предпринимателей, жителей микрорайонов) и их вовлечения в относительно долгосрочные сетевые взаимодействия;

– стимулирования экономических процессов (рост конкуренции между точками питания, производство линейки новых продуктов питания, появление новых рабочих мест, формирование условий для учреждений сферы культуры и образования для привлечения дополнительных финансовых средств);

– стимулирования информационных процессов (увеличение числа публикаций о городе в средствах

массовой информации, привлечение внимания к Тотьме крупных игроков информационного рынка);

– «оживления» городского пространства в целом (фестивали, ярмарки и т. д.).

Процессы социального конструирования туристических достопримечательностей оказывают комплексный результат на развитие города. С одной стороны, из них извлекаются дивиденды ввиду привлечения туристов, финансовых потоков, внимания политиков и СМИ. С другой стороны, эти процессы становятся почвой для интенсификации социальных изменений в локализованном пространстве – в качестве примера можно обозначить развитие геопатриотических настроений внутри городских сообществ, в т. ч. в предпринимательских кругах и коллективах предприятий. Наиболее знаковым подтверждением этого стал подъем тотмичей на осенний субботник, озаглавленный как мероприятие по консервации одного из полузаброшенных храмов в стиле тотемского барокко.

На основе анализа теоретических источников и в результате выявления особенностей конструирования туристических достопримечательностей на материалах исследования в г. Тотьма, обозначим специфические признаки и функции социальных ресурсов в их широкой трактовке.

Говоря о признаках, в первую очередь, необходимо обозначить дискурсивность социальных ресурсов, что означает интерпретацию тех или иных объектов и явлений в качестве социальных ресурсов в границах определенных социокультурных полей и в строгом соответствии с их жизненными программами. Дискурсивность туристических достопримечательностей отображается посредством распространенности туристических мифов – если место «не на слуху», то туда мало кто поедет. Дискурсивность определяет конструктивистскую природу социальных ресурсов, что, в нашем случае, позволяет говорить о том, что туристические достопримечательности не даны от природы, напротив, для того, чтобы стать таковыми, те или иные объекты и явления проходят стадии конструирования и включаются в действие определенных механизмов, например, политических, экономических, информационных и т. д.

Дефицитность также выступает признаком социальных ресурсов. Борьба за ресурсы, их накопление и экономия является естественным делом. Наличие у туристической достопримечательности символической сущности, выражаемой через бренд места, служит значимым тому подтверждением.

Обозначим спектр ключевых функций социальных ресурсов. Во-первых, это инструментально-деятельностная функция. Конструирование туристических достопримечательностей естественным образом влечет за собой реализацию социально-трудовой, социально-экономической, научной и других видов деятельности.

Во-вторых, стоит выделить коммуникативную функцию социальных ресурсов. Туристическая достопримечательность способна генерировать социальную жизнь в определенных участках пространства, стимулируя различных социальных акторов к конструированию системы социальных взаимодействий и связей. Присвоение туристической достопримечательностью статуса социального ресурса определяется ее «срединным» положением в системе социальных взаимодействий –

она выступает точкой пересечения интересов различных социальных общностей в локализованном пространстве.

В-третьих, не стоит забывать об инклюзивной функции социальных ресурсов. Последние выступают в роли факторов включения различных социальных акторов и территорий в определенные социальные структуры и процессы. Например, обладание подходящими этническими признаками по У. Беку позволяет индивиду включаться в группу «своих» и минимизировать риски нахождения в полиэтническом пространстве. Туристическая достопримечательность как социальный ресурс обеспечивает подключение территории к магистральным ресурсно-распределительным сетям и потокам, поскольку вызывает притяжение туристов, финансов, журналистов и т. д. Власть как ресурс в пространстве российского общества – это своего рода магнит, привлекающий другие ресурсы в участки своей локализации, прежде всего, в политическую столицу государства [4, с. 246 – 273].

Наконец, социальные ресурсы выполняют структурообразующую функцию. Распределение власти, финансов, статусов, материальных объектов, туристических достопримечательностей и множества других ресурсов в социальном пространстве влечет упорядочивание социальных практик, разворачивающихся по поводу этих ресурсов и вокруг них, а, значит, и конструирование структур, составляющих общество. Э. Гидденс, в

целом, определяет ресурсы как сырьевой материал для выстраивания подобных структур. В частности, конструирование туристических достопримечательностей в макросоциальном отношении ведет к трансформации социально-территориальной структуры и к порождению новой формы территориального неравенства (туда, где сформирована достопримечательность, поедут туристы, журналисты, разнообразные исследователи, инвесторы и проч., напротив, всего этого лишаются участки пространства, в которых нет достопримечательности).

Стоит отметить, что автором работы обозначены лишь некоторые признаки и функции социальных ресурсов, однако обзор теоретических источников и полученные эмпирические данные позволяют утверждать о применимости ресурсного подхода к интерпретации общества и процессов, вызывающих его конструирование. Социальное пространство (не только его территориальная проекция) представляет собой не что иное, как пространство социальных ресурсов, поэтому выявление их особенностей столь важно для эффективного управления социальными дивидендами, получаемыми в результате использования конкретных ресурсов. На примере туристических достопримечательностей, занимающих свое место в системе социальных ресурсов, этот вывод обосновывается возможностью их целенаправленного конструирования как факторов внешнего и внутреннего развития территории.

Литература

1. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с.
2. Бурдьё, П. Социология политики / П. Бурдьё; перевод. с фр.; сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.
3. Гидденс, Э. Устроение общества: очерк теории структуризации / Э. Гидденс. – М.: Академический проект, 2005. – 528 с.
4. Ильин, В. И. Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ. 1917 – 1996 гг.: опыт конструктивистско-структуралистского анализа / В. И. Ильин. – Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, Институт социологии РАН, 1996. – 349 с.
5. Ильин, В. И. Потребление как дискурс / В. И. Ильин. – СПб.: Интерсоцис, 2008. – 446 с.
6. Ильин, В. И. Социальная структуризация в транзитивном пространстве российского мегаполиса / В. И. Ильин // Мир России. – 2010. – № 1.
7. Котлер, Ф. Маркетинг. Гостеприимство. Туризм / Ф. Котлер, Дж. Боуэн, Дж. Мейкенз. – М.: Юнити-Дана, 2007. – 787 с.
8. Коулман, Дж. Капитал социальный и человеческий / Дж. Коулман // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 121 – 139.
9. Маркс, К. Превращение денег в капитал / К. Маркс, Ф. Энгельс // Капитал / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. – Т. 1. – Гл. 4. – 1987.
10. Тихонова, Н. Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях / Н. Е. Тихонова // Социологические исследования. – 2006. – № 9. – С. 28 – 40.
11. MacCannel, D. The Tourist: A New Theory of the Leisure Class / D. MacCannel. – New York, 1976. – 214 p.

Информация об авторе:

Чернега Артём Андреевич – аспирант факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, 8-962-343-72-87, chernega_1990@mail.ru.

Artyom A. Chernega – post-graduate student at the Department of Sociology, Saint-Petersburg State University.

Статья поступила в редколлегию 02.04.2014 г.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.922

ТИПЫ ОТНОШЕНИЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАЩИТЫ

В. П. Михайлова, Н. И. Корытченкова, Л. М. Матюшенко, Т. Ю. Осипова

TYPES OF RELATIONS AND PSYCHOLOGICAL PROTECTION

V. P. Mikhailova, N. I. Korytchenkova, L. M. Matyushenko, T. Yu. Osipova

В статье рассматривается вопрос о связи психологических защит с типом отношений. Наибольшее количество связей с ними имеют недоверчивый, покорно-застенчивый и зависимо-послушный типы. Интеллектуализация не связана ни с одним типом отношений.

The paper examines the question of connection between psychological protection and type of relations. The greatest quantity of psychological protections occurs in distrustful, obedient and shy, and dependent and obedient types. Intellectualization is not connected with any type of relations.

Ключевые слова: психологические защиты, стили отношений, эмоциональные расстройства, невротическое развитие личности, совладание.

Keywords: psychological protection, styles of relations, emotional disorders, neurotic development of personality, sovladanie.

Человеку, оказавшемуся в сложной жизненной ситуации, необходимо понять, что является причиной его тревоги, отчаяния и страха. «Если такого понимания нет, то психика чрезвычайно уязвима не только для различных психологических болезней, но и для различных методов психологического насилия и психологической манипуляции» [2, с. 8]. Система психологических защит направлена на то, чтобы сохранить психологическое здоровье и с наименьшими потерями выйти из сложившейся сложной ситуации.

Авторами была поставлена **цель**: выяснить какие типы отношений в большей степени связаны с психологическими защитами. Как писал В. Н. Мясищев, автор книги «Психология отношений»: «отношения представляют внутреннюю потенциальную стороны поведения и взаимодействия» [9, с. 166]. В это понятие входят обусловленные всей общественной практикой отношения личности, вкусы, интересы, цели, мотивы отдельных поступков и всей деятельности [9, с. 174]. Он дает такое определение личности: «Личность – система отношений... взаимоотношения, обуславливающие способ действия... и формирующие характер. А характер включает в себя и способы поведения, особенности эмоционально-волевой сферы и характеристики мышления (интеллектуальные черты характера)» [9, с. 187]. Поэтому рассмотрение типов отношений не может быть абстрагировано от того, что является их сутью.

Нами было высказано предположение, что более конструктивные типы отношений будут иметь меньше всего связей с психологическими защитами и был выбран тот инструментарий, который поддается четкому измерению. Для того, чтобы показать многообразие человеческих отношений, было использовано много описательных характеристик, например, тест Т. Лири и тест Плутчика.

Механизмы психологической защиты следует рассматривать как обязательное начальное звено в цепи реакций приспособления [7, с. 3 – 16]. Данные психологические защиты способствуют нормализации психической самореализации и создают временное состояние своеобразной «толерантности» [4].

Т. И. Мироновой выделены основные психологические барьеры на пути самореализации подростков. Наиболее распространенной формой защитного поведения у соматически ослабленных школьников было взятие на себя не роли школьника, а роли больного, которая была причиной пропуска занятий, невыполнение домашних заданий. У некоторых эта позиция остается доминирующей на протяжении длительного периода [8, с. 280]. Данная психологическая защита носит деструктивный характер.

Возрастные изменения выраженности видов психологических защит были изучены Т. В. Тулупевой [11]. По ее мнению система психологических защит является динамичным образованием, которая зависит от накопленного жизненного опыта. Так, например, проекция и отрицание играют решающую роль в раннем детстве. Для более позднего возраста характерны вытеснение, замещение, реактивное образование и рационализация.

Структуру психологических защит людей разных профессий и разного возраста были изучены Е. Туник. Ею были выявлены половые различия между мужчинами и женщинами: «Мужчины чаще пользуются защитами, искажающими образ. У женщины более высокий уровень слабоадаптивных защит по сравнению с мужчинами» [13, с. 194]. К слабоадаптивным защитами относятся соматизация, фантазия, потребление, ипохондрия, регрессия, отреагирование, подавление, пассивная агрессия, проекция и избегание [13, с. 197].

Роль психологических защит в социально-психологической адаптации и развитии личности ос-

вещается в монографии А. Г. Портновой и А. М. Богомолова [11]. Ими исследованы межфункциональные и внутрифункциональные связи защитных механизмов на разных группах подростков. Эти связи являются взаимосвязанными и взаимообусловленными, на основе которых можно предсказывать адаптационные возможности человека. Мы согласны с точкой зрения авторов монографии, что «механизмы психологической защиты и стратегии совладающего поведения во всех группах соотносятся как различные уровни целостной индивидуальной системы и системы адаптационной активности» [11, с. 162].

Роль психологических защит в научной литературе оценивается неоднозначно. Но нельзя отрицать того факта, что человек, владеющий конструктивными способами преобразования самого себя, более эффективно взаимодействует с миром человеческих отношений. Поэтому нами была поставлена задача выявить: насколько связаны между собой типы отношений с психологическими защитами.

Совладание (англ. coping) – психологические процессы и поведение, направленные на преодоление и переживание стрессовых (кризисных) ситуаций... [1, с. 516]. Это разнообразные стратегии и способы, направленные на решение проблем как собственными силами, так и с помощью других людей.

Психологическая защита – «система регуляторных механизмов в психике, которые направлены на устранение или сведение к минимуму негативных, травмирующих личность переживаний, сопряженных с внутренними или внешними конфликтами, состояниями тревоги и дискомфорта» [1, с. 172].

Что общего между этими двумя понятиями? Наличие травмирующей ситуации и стремление от нее избавиться.

Рассмотрим *психологическое содержание защитных механизмов личности*.

1. Отрицание – механизм, посредством которого отрицаются травмирующие события.

2. Вытеснение или подавление – блокировка отрицательных эмоций посредством забывания.

3. Регрессия – избегание тревожных переживаний через возврат к детским, незрелым формам поведения.

4. Компенсация – стремление к эмоциональному комфорту через положительное принятие себя, через невысокие достижения в одних областях достижениями в других сферах.

5. Проекция – механизм приписывания окружающим людям собственных негативных мыслей, переживаний, поступков.

6. Замещение – механизм снятия напряжения путем переноса агрессии с более сильного субъекта на более слабый и доступный объект.

7. Интеллектуализация – механизм логической переработки информации, благодаря чему человек находит положительное во фрустрационной ситуации типа: «все, что не делается, все к лучшему», «нет худа без добра» и т. д.

8. Формирование реакций (реактивное образование) – механизм трансформации импульсов и чувств, которые субъект по тем или иным причинам расценивает как неприемлемые, в их противоположности.

Совладание является наиболее интеллектуальной и миролюбивой стратегией взаимодействия как с самим собой, так и с миром, так как для нее характерно чувство ответственности и умение держать свои поступки под контролем, сохранять самообладание и принимать помощь от других. Усилия человека направляются либо на изменение ситуации, либо на изменение своего отношения к ней. Если изменить ситуацию нельзя, то постарайся изменить себя. В этом заключена основная функция адаптированного поведения.

Рассмотрим *типы отношений*, которые становятся причиной невротизации личности.

Главная черта *авторитарной личности* – это держать в страхе своих подчиненных и наслаждаться властью над ними. С этой целью она широко использует в своих воздействиях наказание и поощрение. Это метод дрессировки животных (доморальный уровень поведения по Кольбергу). Еще один из методов, используемых авторитарной личностью – это принуждение. Она принимает те решения, которые устраивают ее. При принятии решений ни с кем не советуется. Это затрудняет межличностное общение, усиливает напряженность и непонимание, которые ведут к невротизации. Для авторитарного руководителя человек – винтик, объект манипуляции. Для авторитарного руководителя характерен приказной тон, краткие распоряжения и четкий, неприветливый тон. Примером деспота-тирана был российский император Николай I, который считал, что главная задача российских граждан «не рассуждать, а повиноваться». Он вмешивался в любые дела. Главным наказанием для литераторов стала гауптвахта. И. С. Тургенев оказался под арестом только за то, что напечатал маленькую статью об ушедшем из жизни Н. В. Гоголе. Репрессии распространялись на всех: на преподавателей и студентов, которых заключали в карцер за небольшие дисциплинарные нарушения [14, с. 93]. Нападение для них – лучший способ защиты.

Демократический тип отношений – это сотрудничество, признаками которого являются:

- 1) бережное отношение к людям, знание и учет их интересов;
- 2) способность устанавливать эмоциональные отношения со всеми, кто рядом;
- 3) умение слушать;
- 4) умение предвидеть и прогнозировать свое будущее и будущее других людей;
- 5) создание условий для проявления способностей каждого из участников коллектива;
- 6) совместное принятие решений после обсуждения проблемы;
- 7) содействие членам своего сообщества в адаптации.

Типичные его вопросы: что Вы думаете? Как Вы считаете? Правильно ли я Вас понял? Цель этих вопросов – создать атмосферу взаимопонимания и доверия.

Представителем *творческого типа* мышления можно назвать индийского политического деятеля Махатму Ганди, автора теории ненасильственного сопротивления, которой было суждено стать своеобразным политическим оружием индийского народа.

Эта теория была синтезом основных принципов буддизма, христианства и идей Льва Толстого. «Не подчиняйся несправедливости, — учил Ганди. — Высказав свои требования, отстаивай их вопреки воле противника, но не причиняй ему вреда. Противник покарает тебя, но твои страдания смягчат ему сердце, он осознает свою неправоту и уступит тебе» [14, с. 147]. Впервые теория в массовом масштабе была применена в Индии и привела к победе целого народа в борьбе с чужеземными завоевателями.

Дипломатический тип отношений — это когда в беседе с другими больше слушает, чем говорит и стремится понять состояние своих собеседников. Внимательно следит за рассуждениями и улавливает степень противоречивости их мыслей, чтобы наглядно показать для себя их приемлемость или неприемлемость. Чтобы добиться своего согласия, он владеет в совершенстве методом убеждения, подчеркивая в принятии решения как собственный вклад, так и вклад каждого. Он внимателен к замечаниям в свой адрес. Такие люди осторожны в своих высказываниях по отношению к другим. Обладают адекватной самооценкой, видят в себе как достоинства, так и недостатки. Они все оценивают, обдумывают прежде чем принять решение. Такие типы отношений лишены тщеславия. Их девиз — мир и согласие, поэтому они не стремятся быть популярными.

Тип «*практика*» характеризуется тем, что он терпеть не может незавершенных начатых дел. Он любит четко поставленные задачи, требующие решительных дел» [5, с. 60]. Главное его стремление — преобразование окружающей действительности. Не терпит волокиты и рассуждений. Четкое распределение функций с целью выявления зон ответственности каждого. Это обеспечивает эффективную работу его как руководителя. Он всегда знает, что он делает и владеет необходимой информацией для того. К типу руководителя-практика можно отнести А. Г. Тулеева. Он умело организует любое дело: от организации по предупреждению пожаров лесных массивов — до оказанию помощи пожилым людям и детям.

Для *творческой личности* характерна высокая целеустремленность, огромное трудолюбие и скромность в оценке себя, своих заслуг. Он владеет навыками интеллектуального труда: устанавливать причинно-следственные связи и обладает способностями формулировать концепции, гипотезы и предсказывать ход событий, обдумывать свои поступки, решения. Это следствие переработки самой разнообразной информации. Умеет творчески решать задачи. Самостоятельность — неотъемлемая характеристика творческой личности и быстрота ориентировки при решении нестандартных задач. Самостоятельность можно понимать как свободу человека от диктата внешних воздействий и преданность своим идеям.

Под *интеллектуальной культурой* можно понимать способы приема, хранения, переработки информации и дальнейшего ее использования в целях преобразования действительности и самого человека. В связи с этим человек обязан овладеть навыками аналитического, критического, рефлексивного, синтетического мышления и способностью учиться. Этими качествами владеет *мыслительный тип*. Он умеет

адекватно проанализировать реальную ситуацию, сделать правильные выводы и принять необходимые решения. Главное его умение — видеть сущность вещей и явлений. Он не путает реалии с действительностью, предвидит ход событий и не является пленником сиюминутных эмоций, понимает силу разрушительных страстей и избегает их. Они независимы от чужого мнения и самостоятельны.

Творческой личности присущи следующие качества ума:

- ясность ума (он четко мыслит и четко излагает ход своих мыслей);
- глубина ума — видит в предметах, явлениях и в человеке самое главное и существенное;
- широта ума — всесторонне рассматривает проблему с учетом всех ее особенностей;
- критичность — тщательная аргументация своих высказываний без предвзятости;
- гибкость — серьезное отношение к ходу мыслительных операций, без ходячих стереотипов и шаблонов;
- самостоятельность и оригинальность, стремление к новизне и необычным решениям;
- логичность ума и сообразительность, наличие определенной системы в мышлении и быстрота умственной ориентировки в проблемах.

Сущностью *толерантных отношений* является терпимое отношение к чужой точке зрения, к людям другой национальности, к стрессовым ситуациям. В их систему входит принятие, признание, уважение, безоценочное поведение. Несогласие, неприятие, отрицание и осуждение не характерно для толерантных отношений. Для толерантных отношений человек для них является высшей ценностью. К толерантному поведению способны зрелая личность и зрелое общество, которые в ответе как за свою жизнь, так и за жизнь других. Толерантность предполагает способность справиться с любым напряжением и стрессом и защитить ценности других людей, умение негатив трансформировать в позитив, что является сущностью толерантности.

Индифферентный стиль взаимоотношений имеет следующие характерные особенности: отсутствие доверия к собственным способностям, апатия, равнодушие и пассивность, робость и осторожность, застревание на вопросах, не имеющих отношение к главным событиям. Главная его особенность — желание быть незаметным, стремление достигнуть равновесия со средой, не нарушая привычный уклад жизни. Самое страшное для него — быть смешным для окружающих. Главное его жизненное кредо: «Ах, как бы чего не вышло». Это типичный Беликов из рассказа «Человек в футляре». Он «давил» окружающих своим нытьем, вздохами и подавлял в себе все добрые начинания. Он вел себя по правилам в соответствии с инструкциями.

Признаками *невротического* развития личности являются: чрезмерная аффективность, которая приводит к нарушению адекватных форм поведения; недостаточное принятие своего «я», отсутствие чувства собственного достоинства; отсутствие чувства стабильности и безопасности; наличие ведущего мотива

в поведении – избегание неудачи; наличие астенических черт характера: слабости, внутренней незащищенности, отказ от ответственности за свою судьбу, за то, что происходит с ним; обвинительный характер реакций. Во всех бедах обвиняют всех, но только не себя.

По нашему мнению, невротическое развитие личности начинается с накопления негативных эмоций, источником которых могут быть неудовлетворенность основных потребностей, эмоциональные и интеллектуальные перегрузки, которые ведут к «блокаде» восприятия, мышления, памяти и практических действий. Оно может быть и следствием неудовлетворенной потребности в общении.

Важнейшим компонентом общения является умение человека выбирать по отношению к другому наиболее подходящий способ поведения. Так складывается стиль общения, который вырабатывается постепенно, определяется психологическим складом личности и внешними условиями.

Продуктивным является *стиль дружеского общения*, основанный на взаимных симпатиях, взаимное подбадривание в трудных жизненных ситуациях, совместные действия.

Овладевая способами взаимодействия, мы тем самым меняем свои отношения. Так, освоив технику диалога, человек постепенно начинает слышать не только себя, но и других.

Чувства, которые окрашивают наши отношения, образуют эмоциональные связи. В основе доверительных отношений лежат такие чувства как уважение к личности, любовь и симпатия к ней, заинтересованность, привязанность и забота о ней. Чувства одиночества, тревоги и тоски являются следствием отсутствия сотрудничества.

Зачем человеку прибегать к насилию, если он обладает даром убеждения, способностью выражать свои мысли, отстаивать свое мнение без кулаков? Поэтому очень важно с детских лет внушать детям, «что такое хорошо, а что такое плохо», чтобы они понимали, что человеческое слово по силе воздействия может превосходить физическую силу. Так случилось, когда в ночной тиши девушка услышала, что ее догоняет молодой человек, она повернулась и восхищенно сказала: «Какой у Вас прекрасный костюм!» Она его тем самым обезоружила, его руки опустились, которые готовы были вырвать у нее сумочку.

Принципы, регулирующие взаимоотношения личности с окружающими

Принцип гуманизма – основополагающий принцип, в основе которого лежит любовь ко всему живому: природе, животным и человеку, а значит и к себе самому. Знать, что человек самое совершенное создание природы, помогает ему осознать свое высшее предназначение: любить и помогать другим совершенствовать себя и этот мир. Только любящая жена на слова мужа: «Я всегда любил, люблю и буду любить женщин», может протянуть ему букет цветов в подарок и сказать, что это от меня твоей женщине. И они счастливо прожили, дождавшись внуков и правнуков, не укоряя друг друга ни в чем.

Принцип оптимизма – вера в идеалы, которые провозглашает общество, преданности им, служение человеку и человечеству. Умение тонко чувствовать и понимать других. Всем великим педагогам: А. С. Макаренко, В. А. Сухомлину, Н. К. Крупской, Ш. А. Амонашвили, К. Д. Ушинскому, Я. Корчак были свойственны такие качества как вера в духовное совершенство своих воспитанников. Вера и надежда – черты русского самосознания, ставшие духовной опорой человеку: «Но уж в очах горят надежды, Едва доступные уму» (А. Блок. Но уж в очах...). Надежда может не только утешить человека, но даже изменить его. Как писал М. В. Ломоносов: «Надежды юношей питают, отраду старым подают...».

Принцип взаимопонимания. Жена Ф. А. Моцарта понимала, что женщины ему нужны были как источник вдохновения, поэтому спокойно реагировала на его ухаживания за ними. Понимание и терпение были тем цементом, которые укрепляли их взаимоотношения. Негативные же эмоции могут разрушить не только личность, но и все взаимоотношений с миром. Мир становится враждебным, холодным, либо безразличным. Так умирают человеческие чувства, умирает сам человек.

Принцип сотрудничества – предполагает отношения, построенные на подлинном равноправии всех участников взаимодействия, в основе которых взаимопомощь, развитая культура чувств и эмоций. В основе сотрудничества заложена идея альтернативного мышления, когда учитывается мнение каждого при решении каких-то проблем. Высказываются предложения и советы, допускаются дискуссии. Следствием таких отношений является формирование активной, самостоятельной и независимой личности с положительными установками на себя и на окружающих, способной реализовать себя в разных сферах: профессиональной, семейной и творческой.

Деформация отношений проявляется в подавлении сознания человека властными амбициями, когда основной эмоциональной доминантой становится переживание собственной неполноценности. В таком состоянии человек более уязвим, беспомощен и становится податливым различным внешним воздействиям. В нашей современной культуре это легко наблюдать, например, в названиях передач: в США были передачи «Дом-2 – строим любовь» и у нас она появилась; «Клуб бывших жен» – сразу же и у нас; у американцев – «Молчание ягнят», у нас – «Молчание волчат» и т. д. Вместо адекватного отражения действительности, жалкое копирование и подражание западным образцам. В основе этого лежит неверие в свои силы, комплекс неполноценности.

При *неврастении* поведение человека становится крайне нетерпеливым, суетливым. Человек не может сосредоточиться, нарушается память, восприятие, возникают навязчивые образы, снижается уровень критичности по отношению к своим действиям. Возникает страх открытого пространства, тесных помещений, навязчивых влечений (желание шагнуть в пропасть, выпрыгнуть с балкона высокого этажа и т. д.). Такие состояния перегружают психику, создают дополнительные травмирующие ситуации. Например, у Сталина существовал панический страх за свою

жизнь: он не доверял поварам, даже в туалет не ходил без охраны. Всех считал врагами народа и свой страх проецировал даже на самых близких ему людей [14]. Травмы, перенесенные в детстве, оставляют глубокий след: либо опустошение, равнодушие и апатию, либо легкую уязвимость, болезненное восприятие критики и неприязненные отношения к людям. Так, в детстве Сталин был свидетелем постоянных издевательств отца над его матерью и свое отношение к женщине он спроецировал на всех, кого он встречал. Его жена С. Алилуева не выдержала издевательств и добровольно ушла из жизни. Все остальные люди превратились в его недругов и врагов. Паттерны эмоционально-поведенческого реагирования передаются от одного поколения к другому и становятся сущностью личности. Злобность, агрессивность, враждебное отношение к миру и людям – характерная черта маньяков.

Для преодоления препятствий на пути адаптации к социальной и культурной среде необходимы благоприятный эмоциональный фон с включением разных форм социально-психологических защит. Сила каждого из нас будет определяться тем, насколько мы овладеем системой отношений и способностью их менять, когда нужно их стимулировать, а когда тормозить. В каждой черте характера отражаются особенности наших взаимоотношений. Так в чуткости, как черте характера, отражается тонкая восприимчивость человека к чужим переживаниям и страданиям.

Причина невротизации и невротического развития личности – фрустрация – систематическая неудовлетворенность базисных потребностей. Так, потребность во власти возникает из-за отсутствия душевного равновесия, наличия комплекса неполноценности. Причиной патологической ревности может быть потеря веры в себя, недоверие к себе, которое по механизму «проекции» адресуется другим. Ревнивый человек может устраивать публичные скандалы и даже идти на преступления. Если он вовремя не разрядится, то у него может «поехать крыша». Потребность во власти над другими людьми практически ненасытаема и она может обернуться трагедией, если у человека не исчезнут чувство ущербности и недоверия к себе и людям.

У *психопатических личностей паранойяльного типа* центральное место в их психике занимает наличие сверх ценных идей: идея преследования, которая выражается в повышенной подозрительности по отношению к окружающим, недоверии, мстительности и злобности. Бред ревности возникает у таких людей без всяких на то оснований. Люди, которые в чем-то не согласны с ними, становятся их врагами. Используют окружающих в качестве средства достижения своих целей. Такие люди не имеют друзей, часто вступают в конфликты из-за своей непреклонности, из-за отсутствия умения понимать других, из-за собственной эгоистичности и нежелания идти навстречу интересам других людей.

Одной из форм психологической защиты психопатов тормозного типа является стремление к уединению, которое объясняется страхом обнаружить свои недостатки и тем самым потерять уважение окружающих. Фундаментом этого страха является ком-

плекс неполноценности, который они пытаются замаскировать. Они скрывают свои переживания, что ведет к накоплению аффекта, который грозит этому человеку и окружающим неожиданным взрывом, агрессивно-разрушительным действием, потерей контроля за своим поведением [5]. Такие люди избегают ситуаций, в которых обнаруживаются и затрагиваются их болезненные конфликты.

Для психопатов *истерического типа* характерна защитная реакция по типу «вытеснения». То, что их не устраивает, не соответствует их актуальной потребности, они вытесняют из сознания. Их желание произвести впечатление, психологический эффект настолько сильны, что они готовы оговорить себя, признаться в преступлениях, которых не совершали с единственной целью – привлечь к себе внимание. Они часто попадают в ситуации, в которых могут стать жертвами преступлений или спровоцировать их. За этим стоит чувство неуверенности в себе, ощущение собственной неполноценности, которые они скрывают за нарочитой самоуверенностью. Часто попадают в конфликтные ситуации из-за собственного легкомыслия.

Предпосылкой *невротических расстройств* – пограничных состояний между нормой и патологией являются личностные особенности, которые фиксируются и закрепляются в процессе конфликтных взаимоотношений с близкими и значимыми людьми. Пограничные личности, – по мнению Ц. П. Короленко и Н. В. Дмитриевой, – отличаются эмоциональной неустойчивостью, склонностью к неадекватным и нелепым поступкам. Некоторые из них испытывают трудности не только в самоидентификации и самоопределении, но и в определении гендерной идентичности. Они не знают, кем себя считать: мужчиной или женщиной? Такие люди нередко совершают суицидные попытки [6, с. 136 – 137].

Эмоциональные расстройства, которые ведут к невротизации:

- эмоциональная неустойчивость (эйфория, дисфория, депрессия, апатия, состояние блаженства сменяется недовольством);

- расстройства сферы влечений, пиромания – влечение к огню (поджоги, игры с огнем). Например, один подросток, на глазах которого сгорел его отец, загорелся желанием тоже погибнуть в огне. Но вскоре переключил свое внимание на беспомощных животных и начал их убивать. Сейчас он на скамье подсудимых за убийство ни в чем неповинного сверстника;

- расстройство сферы потребностей, клептомания (патологическое стремление к воровству), стремление к обжорству или похудению и т. д.

В основе этих патологий могут лежать хронические стрессы или неспособность извлекать уроки из своих неудач.

Человек должен помнить и знать то, что ведет к саморазрушению личности. Это такие характеристики:

- агрессивность, когда человек теряет контроль над собой, т. е. импульсивность;

- агрессия (физическая и вербальная). Если для детского возраста характерна физическая агрессия (от 3 до 10 лет отличается приблизительно 9 актов физической агрессии в час), то у взрослых она приобретает

вербализованный характер. К социализированным формам вербальной агрессии относят иронию, сарказм, юмор, сатиру;

- инструментальная агрессия – когда с помощью агрессии достигают определенных целей (шантаж, взятие заложников);

- скрытая агрессия (мечты, фантазия, воображение сюжетов мести, сцен насилия);

- косвенная (анонимный письма, сплетни, распространение слухов);

- перемещенная (смена объекта агрессии: вместо того, чтобы ударить обидчика, можно хлопнуть дверью, разбить посуду, пнуть стул, кошку или собаку);

- прямая или открытая агрессия направлена на источник, лицо, спровоцировавшего агрессию.

Это все разные формы психологических защитных реакций, за которыми стоит смена психологических установок: равнодушие к себе и своим близким людям; инфантильность – непонимание смысла жизни и своих возможностей; закомплексованность; психопатичность и невротизация.

В эксперименте принимали участие студенты юридического факультета КемГУ. Поиск связей психологических защит осуществлялся с типами отношений по Т. Лири: властно-лидирующий (авторитарный); независимо-доминирующий (эгоистический); прямолинейно-агрессивный (агрессивный); покорно-застенчивый (подчиненный); зависимо-поисковый (зависимый); сотрудничающий – дружественный; ответственно-великодушный (альтруистический).

Анализ полученных результатов связи психологических защит с типом отношений по Т. Лири

Покорно-застенчивый тип или зависимо-поисковый (5 октант) связан с компенсацией ($r = 0,47$), с проекцией ($r = 0,30$) и с замещением ($r = 0,29$). При повышении выраженности этого типа межличностных отношений уровень невротизации также растет ($r = 0,32$).

Недоверчиво-скептический тип (4 октант) связан с компенсацией ($r = 0,30$), с проекцией ($r = 0,40$), с замещением ($r = 0,34$), но испытуемые не используют такой вид защиты, как вытеснение. Чем ярче выражен этот тип, тем больше используется психологических защит.

Покорно-застенчивый или зависимо-поисковый (5 октант) связан с компенсацией ($r = 0,47$), с проекцией ($r = 0,30$), с замещением ($r = 0,29$). При этом типе отношений используется много видов психологических защит при повышенном уровне невротизации. Чем выше уровень невротизации, тем больше испытуемые склонны прибегать к психологическим защитами (проекции, замещению и регрессии).

К использованию психологических защит не расположены испытуемые с преобладанием сотрудничающего, альтруистического, независимо-доминирующего и властно-лидирующего типов отношений.

В целом у студентов доминируют такие виды защит: отрицание, проекция и интеллектуализация. Среди типов отношений, измеренных тестом Лири в модификации Л. Собчик, как в реальном «я», так и

идеальном «я», преобладает властно-лидирующий тип отношений.

В реальном «я» больше всего имеет такая психологическая защита как *компенсация*. Она связана с недоверчиво-скептическим ($r = 0,30$), с покорно-застенчивым ($r = 0,47$), с зависимо-поисковым ($r = 0,33$). Связи имеют положительный характер. Чем выше 4, 5, 6 октанты, тем ярче выражена компенсация. В «я» идеальном *компенсация* связана с агрессивным типом отношений ($r = 0,29$) и с покорно-застенчивым. Чем выше агрессивность и покорность, тем выше компенсация.

Проекция в реальном «я» имеет положительные связи с покорно-застенчивым ($r = 0,30$), с недоверчиво-скептическим ($r = 0,40$) и с невротизацией ($r = 0,37$). Чем больше невротичность, тем ярче выражена проекция.

Реакция *замещение* имеет связь с недоверчиво-скептическим ($r = 0,34$), с невротизацией ($r = 0,36$) и с покорно-застенчивым ($r = 0,29$). С недоверчиво-скептическим связано и замещение, с невротизацией ($r = 0,36$) и с покорно-застенчивым ($r = 0,29$).

Вытеснение связано с недоверчиво-скептическим типом отношений ($r = -0,35$).

Условия, необходимые для достижения межличностных контактов:

- способность воспринимать и адекватно интерпретировать поведение друг друга в каждый момент общения, фиксировать изменения в процессах, чувствах и поступках партнеров по общению, определять причины, которые эти изменения вызывают;

- знание типичных ошибок в межличностном восприятии, которые нередко допускаются при оценивании внешнего и внутреннего облика людей;

- умение обрабатывать информацию и использовать ее для принятия решения;

- умение понимать человека через внешнее выражение его чувств;

- ориентация на смысл поступка, на его мотив.

Люди, которые хорошо разбираются в межличностных отношениях, как правило, советуют другим: «поставьте себя на его место и, может быть, тогда вам удастся увидеть вещи в ином свете». Этот метод применяется также в групповой психотерапии и называется *проигрыванием ролей*. Все участники должны активно принять роль другого человека (обычно того, с кем возникают межличностные проблемы) с целью добиться большей адекватности в восприятии и оценке этого человека, например: «Теперь я понимаю, почему он всегда критикует меня; он не слишком уверен в себе» [3, с. 118].

Знаменитый итальянский режиссер М. Маттеотти в устной беседе с журналистами говорил, что естественность – черта профессионализма. Чему я научился? Терпению, не мудрости, а терпению. Профессия актера инфантильная: часто впадаешь в детские фантазии и они тебя защищают как крепость, а может быть очищают. Интеллигентный человек если не принимает мир, то понимает его. Актер, который проигрывает чужие жизни, усваивает их опыт не только борьбы со стрессами, но и учится их предвидеть. Если он владеет способами эффективного общения, например, как диалог, то он не нуждается в других защитах.

Покорно-застенчивый и недоверчиво-скептический типы отношений имеют высокий уровень невротизации и самое большое количество психологических защит. Это может быть связано с несовершенством способов взаимодействия, а именно – с дефектами общения.

Итак, выдвинутое нами предположение было подтверждено, т. е. к использованию психологических защит не расположены испытуемые с преобладанием

альтруистического, властно-лидирующего, независимо-доминирующего и сотрудничающего типов отношений, так как они владеют диалогом и конструктивными способами взаимодействия.

Таким образом, необходимо формировать такие отношения, в которых каждый бы заботился о другом и меньше нуждался в собственных защитах самого разного плана, в том числе и психологических.

Литература

1. Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. – СПб.: Прйм-ЕВРОЗНАК, 2003. – 672 с. – (Проект «Психологическая энциклопедия»).
2. Грановская, Р. М. Психологическая защита / Р. М. Грановская. – СПб.: Речь, 2010. – 476 с.
3. Зимбардо, Ф. Социальное влияние / Ф. Зимбардо, М. Ляйппе. – СПб.: Питер, 2000. – 448 с.
4. Коновалова, Н. Л. Предупреждение нарушений в развитии личности при психологическом сопровождении школьников / Н. Л. Коновалова. – СПб., 2000. – 232 с.
5. Корниенко, Н. А. Личность и индивидуальные различия. Типология личности и ее варианты развития / Н. А. Корниенко. – Новосибирск: НГПУ, 1998. – 563 с.
6. Короленко, Ц. П. Личностные и диссоциативные расстройства. Расширение границ диагностики и терапии: монография / Ц. П. Короленко, Н. В. Дмитриева. – Новосибирск: НГПУ, 2006. – 448 с.
7. Медведев, В. И. О проблеме адаптации / В. И. Медведев // Компоненты адаптационного процесса. – Л., 1984.
8. Миронова, Т. И. Деструктивные барьеры и защитные механизмы самоактуализации соматически ослабленных детей / Т. И. Миронова // материалы Всероссийской научной конференции «Современное состояние теоретически и прикладных социально-психологических и психолого-педагогических исследований в системе образования». – Иваново, 26 – 27 ноября. – 2004. – Вып. 2.
9. Мясисев, В. Н. Психология отношений / В. Н. Мясисев; под ред. А. А. Бодалева. – М.: Институт практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1995. – 356 с.
10. Особенности работы практического психолога в зависимости от индивидуально-психологических характеристик личности: коллективная монография / В. П. Михайлова [и др.]; под ред. М. С. Яницкого, Ю. В. Пелеха. – Тернополь: Начальная книга-Богдан, 2011. – 366 с.
11. Портнова, А. Г. Психологическая защита в контексте социально-психологической адаптации и развития личности / А. Г. Портнова, А. М. Богомолов. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. – 188 с.
12. Тулупьева, Т. В. Психологическая защита и особенности личности в период ранней юности / Т. В. Тулупьева. – СПб., 2000. – 91 с.
13. Туник, Е. Психологические защиты. Тестовая методика / Е. Туник. – М.: Речь. – 224 с.
14. Щербатых, Ю. В. Психология личностных качеств. Популярная энциклопедия / Ю. В. Щербатых. – М.: Эксмо, 2007 – 459 с.

Информация об авторах:

Михайлова Валентина Платоновна – кандидат психологических наук, доцент КемГУ, 8(384-2) 31-08-18.

Valentina P. Mikhailova – Candidate of Psychology, Assistant Professor at Kemerovo State University.

Корытченкова Надежда Ивановна – кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии образования КемГУ, 8(384-2) 58-38-83, psychology@kemsu.ru.

Nadezhda I. Korytchenkova – Candidate of Psychology, Associate Professor, Head of the Department of Psychology of Education, Kemerovo State University.

Матюшенко Любовь Михайловна – старший преподаватель кафедры психологии образования КемГУ, 8(384-2) 58-38-83, psychology@kemsu.ru.

Lubov M. Matyushenko – Senior Lecturer at the Department of Psychology of Education, Kemerovo State University.

Осипова Татьяна Юрьевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры менеджмента Кемеровского института РГТУ (филиала РЭУ им. Плеханова).

Tatiana Yu. Osipova – Candidate of Psychology, Assistant Professor at the Department of Management, Kemerovo Institute of Plekhanov Russian University of Economics.

Статья поступила в редколлегию 30.04.2014 г.

ФИЗИКА

УДК 534.24, 534.25

ОСОБЕННОСТИ ПРЕЛОМЛЕНИЯ И ОТРАЖЕНИЯ ЗВУКА НА ГРАНИЦЕ РАЗДЕЛА МЕЖДУ ВОДОЙ И ПУЗЫРЬКОВОЙ ЖИДКОСТЬЮ

В. В. Сарпулова

REFRACTION AND REFLECTION SOUND AT THE INTERFACE BETWEEN WATER AND BUBBLE LIQUID

V. V. Sarapulova

В работе представлены результаты теоретического расчета фазовой скорости и коэффициента затухания для пузырьковой жидкости, коэффициентов отражения и преломления при нормальном и косом падении акустической волны на границу раздела “вода – пузырьковая вода”, а так же зависимость угла преломления от частоты возмущений и угла падения. На основе полученных аналитических выражений и анализа численных расчетов установлено, что в случае, когда волна падает со стороны пузырьковой жидкости на границу раздела, для низкочастотной области существует критический угол падения, при углах больше которого происходит полное внутреннее отражение. Показано, что полное внутреннее отражение не реализуется, когда волна падает со стороны воды на границу раздела.

The paper presents the results of a theoretical calculation of the phase velocity and attenuation coefficient for bubble liquid, reflection and refraction coefficients at normal and oblique incidence of the acoustic wave on the interface “water - bubble water”, as well as the dependence of the angle of refraction on the frequency of perturbations and the angle of incidence. The analytical expressions and numerical calculations analysis revealed that in the case where the wave is incident from the bubble liquid on the interface, there is a critical angle of incidence to the low frequency domain, and at greater angles total internal reflection occurs. The paper shows that total internal reflection does not occur when the wave is incident from the water side on the interface.

Ключевые слова: акустика пузырьковой жидкости, коэффициенты отражения и преломления, полное внутреннее отражение, звуковой канал.

Keywords: bubble liquid acoustics, reflection and refraction, total internal reflection, sound channel.

Введение

Известно, что выбросы газовых пузырьков в водоеме мешают работе гидролокатора, отражая звуковой импульс и, тем самым, скрывая объекты, находящиеся позади себя. Поэтому, завесу из смеси жидкости с газовыми пузырьками можно использовать в качестве защитного слоя для подводных объектов от воздействия ударных волн, для “маскировки” при гидролокации, а также в качестве подводного звукового канала.

Пузырьковая жидкость является интересным необычной средой в плане изучения волновых процессов [10; 9]. Наиболее полная математическая модель, описывающая распространение малых возмущений в жидкости с газовыми пузырьками, представлена в [11]. Распространение звуковых волн в двухфракционных смесях жидкости рассмотрено в [7], где также приведено сравнение теории с экспериментальными данными из [4]. Особенности отражения и преломления звука на границе воды и воды с пузырьками при прямом падении акустической волны изучались в [1; 3; 2]. Однако проблема отражения и преломления акустических волн при косом падении на границу раздела до настоящего времени осталась незатронутой как в теоретическом, так и в экспериментальном плане.

В настоящей работе анализируется отражение и преломление акустических волн на границу раздела

между “чистой” и пузырьковой жидкостью при косом падении. Установлено, что для волн, падающих со стороны чистой воды, при любом угле падения угол преломления меньше прямого угла и, следовательно, она всегда проникает в зону, охваченную пузырьковой водой. В обратной ситуации, когда волна падает со стороны воды с пузырьками на границу раздела, показано, что для низкочастотной зоны ($\omega < \omega^{(R)}$, $\omega^{(R)}$ – собственная частота пузырька) при углах падения $\theta_{\text{прел}}^{(0)}$, превышающих некоторое предельное значение $\theta_{*}^{(0)} \leq \theta^{(0)} \leq \theta_{\text{отр}}^{(0)}$, зависящее от параметров дисперсной смеси, происходит полное внутреннее отражение. И, следовательно, слой пузырьковой жидкости в воде представляет собой звуковой канал.

Основные уравнения

Запишем согласно [11] линеаризованные уравнения сохранения масс, числа пузырьков, импульсов и изменения давления в пузырьках в предположении однородности

$$\begin{aligned} \frac{\partial \rho_l}{\partial t} + \rho_{l0} \frac{\partial v_l}{\partial x} &= 0, \quad \frac{\partial \rho_g}{\partial t} + \rho_{g0} \frac{\partial v_g}{\partial x} = 0, \quad \frac{\partial n}{\partial t} + n_0 \frac{\partial v}{\partial x} = 0, \\ (\rho_{l0} + \rho_{g0}) \frac{\partial v}{\partial t} + \frac{\partial p_l}{\partial x} &= 0, \\ \frac{\partial p_g}{\partial t} &= -\frac{3\gamma p_{g0}}{a_0} \frac{\partial a}{\partial t} - \frac{3(\gamma-1)}{4\pi a_0^3} q, \\ \rho_l &= \rho_l^0 \alpha_l, \quad \rho_g = \rho_g^0 \alpha_g, \quad \alpha_l + \alpha_g = 1, \quad \alpha_g = \frac{4}{3} \pi n a^3. \end{aligned} \quad (1)$$

Здесь нижние индексы $i = l$ и g относятся к параметрам жидкой и газовой фаз; $\rho, \rho_l^0, v, \pi, \alpha, a, n$ – средняя по фазе и средняя по смеси плотности, скорость, давление, объемное содержание, радиус пузырьков, число пузырьков в единице объема смеси соответственно, q и γ – интенсивность теплообмена, отнесенная к единице площади поверхности, и показатель адиабаты газа.

Уравнения состояния для жидкой и газовой фаз примем как

$$p_l = p_0 + C_l^2 (\rho_l^0 - \rho_{l0}), \quad p_g = R_g \rho_g^0 T_g, \quad (2)$$

где R_g – газовая постоянная, T_g и ρ_g^0 – распределение температуры и плотности в пузырьках. Дополнительный нижний индекс (0) относится к равновесному состоянию.

При описании динамики радиального движения пузырьков будем полагать, что радиальная скорость состоит из двух слагаемых

$$\frac{\partial a}{\partial t} = w, \quad w = w^{(R)} + w^{(A)}. \quad (3)$$

Причем $w^{(R)}$ описывается уравнением Рэлея-Ламба

$$a_0 \frac{\partial w^{(R)}}{\partial t} + \frac{3}{2} w^{(R)2} = \frac{p_g - p_l}{\rho_{l0}^0}. \quad (4)$$

Акустическая добавка $w^{(A)}$, которая находится из решения задачи о сферической разгрузки [11] на сфере, запишется как

$$w^{(A)} = \frac{p_g - p_l}{\rho_{l0}^0 C_l \alpha_{g0}^{1/3}}.$$

Для описания межфазного теплообмена необходимо добавить уравнение теплопроводности и граничные условия для газа в пузырьках

$$\begin{aligned} \rho_{g0}^0 c_g \frac{\partial T_g}{\partial t} &= \frac{1}{r^2} \frac{\partial}{\partial r} \left(\lambda_g r^2 \frac{\partial T_g}{\partial r} \right) + \frac{\partial p_g}{\partial t}, \quad r < a_0, \\ T_g &= T_0, \quad r < a_0, \quad \frac{\partial T_g}{\partial r} = 0, \quad r = 0, \quad q = -\lambda_g \left(\frac{\partial T_g}{\partial r} \right)_{a_0}, \end{aligned} \quad (5)$$

где c_g – теплоемкость газовой фазы при постоянном давлении.

Решение вышеприведенной системы ищется в виде затухающей бегущей волны

$$\begin{aligned} (p, v, a, n) &= A_{(p)}, A_{(v)}, A_{(a)} A_{(n)} \exp[i(Kx - \omega t)], \\ T &= A_{(T)}(r) \exp[i(Kx - \omega t)], \\ (K &= k + i\delta, C_p = \omega/k), \end{aligned} \quad (6)$$

где ω – частота возмущений, K – волновой вектор, C_p и δ – фазовая скорость и коэффициент затухания. Из условия существования нетривиального решения вида (6) системы (1) – (5) следует дисперсионное уравнение:

$$\begin{aligned} \frac{K^2}{\omega^2} &= \frac{(1 - \alpha_{g0})^2}{C_l^2} + \frac{1}{C_M^2 \Psi}, \quad \Psi = \frac{1}{Q} - \frac{\omega^2}{\chi \omega^{(R)2}}, \\ Q &= 1 + 3(\gamma - 1)(\text{zcthz} - 1)/z^2, \\ C_M &= \sqrt{\frac{\gamma p_0}{\rho_{l0}^0 \alpha_{g0} (1 - \alpha_{g0})}}, \end{aligned} \quad (7)$$

$$z = \sqrt{-i\omega a_0^2 / v_g^{(T)}}, \quad \omega^{(R)} = a_0^{-1} \sqrt{3\gamma p_0 / \rho_{l0}^0},$$

$$v_g^{(T)} = \frac{\lambda_g}{c_g \rho_{g0}^0},$$

$$\chi = 1 - i\omega t_A, \quad t_A = a_0 \alpha_{g0}^{-1/3} C_l^{-1}.$$

Запишем уравнение, которое следует из уравнений импульсов из (1) для решений вида (6):

$$A_{(v)} = \frac{K}{\omega} \frac{A_{(p)}}{\rho_{l0} + \rho_{g0}}. \quad (8)$$

Здесь $A_{(v)}$ и $A_{(p)}$ – амплитуды для возмущения скорости и давления воды в пузырьковой жидкости.

Коэффициенты отражения и преломления

Пусть на плоскую границу раздела между жидкостью и газонасыщенной жидкостью падает волна. Будем полагать, что, как и в случае обычных однофазных сред, отраженная от границы и преломленная волны представляют плоские гармонические волны [8]. Тогда, в зоне воды малые возмущения представляют сумму из двух гармонических волн, а в зоне пузырьковой жидкости – одну гармоническую волну. Возмущения, соответствующие падающей, отраженной и преломленной волнам, снабдим верхними значками (0), (r) и (s). Тогда условие неразрывности нормальных составляющих скоростей и давления на границе раздела можно записать как

$$\begin{aligned} p^{(0)} + p^{(r)} &= p^{(s)}, \\ v_a^{(0)} \cos \theta^{(0)} - v_a^{(r)} \cos \theta^{(r)} &= v_a^{(s)} \cos \theta^{(s)}. \end{aligned} \quad (9)$$

Здесь $\theta^{(0)}$, $\theta^{(r)}$ и $\theta^{(s)}$ – соответственно углы падения, отражения и преломления. Ось x направим вертикально вверх в сторону воды, а ось y направим так, чтобы волновой вектор был параллелен координатной плоскости $хоу$. Тогда для падающей, отраженной и преломленной волн вида (6) при косом падении можем записать:

$$\begin{aligned}
 p^{(0)} &= A_p^{(0)} \exp \left[i \left(K^{(0)} (n_x^{(0)} x + n_y^{(0)} y) - \omega t \right) \right], \\
 p^{(r)} &= A_p^{(r)} \exp \left[i \left(K^{(r)} (-n_x^{(r)} x + n_y^{(r)} y) - \omega t \right) \right], \\
 p^{(s)} &= A_p^{(s)} \exp \left[i \left(K^{(s)} (n_x^{(s)} x + n_y^{(s)} y) - \omega t \right) \right], \\
 (n_x^{(0)} &= \cos \theta^{(0)}, n_y^{(0)} = \sin \theta^{(0)}, n_x^{(r)} = \cos \theta^{(r)}, \\
 n_y^{(r)} &= \sin \theta^{(r)}, n_x^{(s)} = \cos \theta^{(s)}, \\
 n_y^{(s)} &= \sin \theta^{(s)})
 \end{aligned} \quad (10)$$

Для волновых чисел $K^{(0)}$ и $K^{(r)}$ имеет место

$$K^{(0)} = K^{(r)} = \omega / C_l.$$

Волновое число $K^{(s)}$ определяется из дисперсионного уравнения (7). Амплитуда возмущений скоростей с амплитудами давления связаны выражениями вида (8). Тогда имеет место

$$\begin{aligned}
 A_{(v)}^{(0)} &= \frac{A_{(p)}^{(0)}}{\rho_{l0} C_l}, \quad A_{(v)}^{(r)} = -\frac{A_{(p)}^{(r)}}{\rho_{l0} C_l}, \\
 A_{(v)}^{(s)} &= \frac{K^{(s)}}{\omega} \frac{A_{(p)}^{(s)}}{\rho_{l0} + \rho_{g0}}.
 \end{aligned} \quad (11)$$

На основе условий (9) для решений вида (10) с учетом (11) при $x = 0$ получим:

$$\begin{aligned}
 A_{(p)}^{(0)} \exp(iK^{(0)} n_y^{(0)} y) + A_{(p)}^{(r)} \exp(iK^{(r)} n_y^{(r)} y) &= \\
 = A_{(p)}^{(s)} \exp(iK^{(s)} n_y^{(s)} y), \\
 A_{(p)}^{(0)} \cos \theta^{(0)} \exp(iK^{(0)} n_y^{(0)} y) - & \\
 - A_{(p)}^{(r)} \cos \theta^{(r)} \exp(iK^{(r)} n_y^{(r)} y) = & \\
 = A_{(p)}^{(s)} \cos \theta^{(s)} \frac{K^{(s)}}{\omega} \frac{\rho_l^0 C_a}{\rho_{l0} + \rho_{g0}} \exp(iK^{(s)} n_y^{(s)} y).
 \end{aligned} \quad (12)$$

Чтобы эти уравнения выполнялись для любых значений y , должны выполняться равенства

$$K^{(0)} n_y^{(0)} = K^{(r)} n_y^{(r)} = K^{(s)} n_y^{(s)}. \quad (13)$$

Отсюда имеем

$$\begin{aligned}
 \sin \theta^{(0)} &= \sin \theta^{(r)}, \\
 \sin \theta^{(0)} &= (K^{(s)} / \omega) C_l \sin \theta^{(s)}.
 \end{aligned} \quad (14)$$

Поскольку волновое число $K^{(s)}$ – комплексное, то, как это следует из второго равенства (14), угол преломления также имеет мнимую часть.

Для коэффициентов отражения и преломления, определенных как $R = A_{(p)}^{(r)} / A_{(p)}^{(0)}$ и $S = A_{(p)}^{(s)} / A_{(p)}^{(0)}$ на основе (12) с учетом (13) получим:

$$S = 2 \left/ \left(1 + \frac{C_l K^{(s)}}{\omega} \frac{\rho_l}{\rho_l + \rho_g} \frac{\cos \theta^{(s)}}{\cos \theta^{(0)}} \right) \right., \quad (15)$$

$$R = S - 1.$$

В том случае, когда волна падает со стороны пузырьковой жидкости на границу раздела, вместо второго равенства (14) получим:

$$\sin \theta^{(0)} = (\omega / K^{(s)} C_l) \sin \theta^{(s)}. \quad (16)$$

Для коэффициентов преломления и отражения в этом случае будем иметь:

$$S = 2 \left/ \left(1 + \frac{\omega}{C_l K^{(s)}} \frac{\rho_l + \rho_g}{\rho_l} \frac{\cos \theta^{(s)}}{\cos \theta^{(0)}} \right) \right., \quad (17)$$

$$R = S - 1.$$

Результаты расчетов

В качестве примера пузырьковой жидкости рассмотрим смесь воды с воздушными включениями. В численных расчетах использовались следующие значения теплофизических [6] параметров при $p_0 = 0.1$ МПа, $T_0 = 300$ К: для воды – $C_l = 1500$ м/с, $\rho_{l0} = 1000$ кг/м³; для воздуха – $\rho_{g0} = 1.3$ кг/м³, $c_g = 1006$ Дж/(кг·К), $\lambda_g = 0.026$ Вт/(м·К). Для значения радиуса пузырьков приняли следующее значение $a_0 = 5 \cdot 10^{-4}$ м.

На рис. 1 представлены зависимости фазовой скорости и коэффициента затухания звука от частоты, иллюстрирующие влияние величины объемного содержания воздуха. Сплошные и пунктирные линии здесь и в дальнейшем соответствуют значениям объемного содержания газовой фазы $\alpha_{g0} = 10^{-3}$ и 10^{-2} .

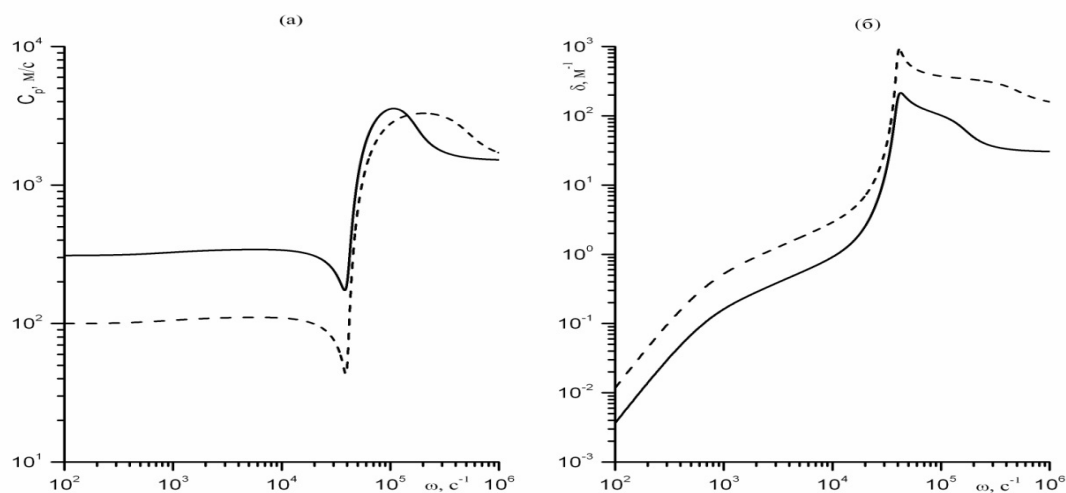

Рис. 1. Фазовая скорость (а) и коэффициент затухания (б)

Из этих графиков видно три характерных диапазона частот, где существенно различаются не только количественная, но и качественная картина дисперсионных кривых. В области низких частот ($\omega \leq \omega^{(R)}$) величина фазовой скорости в пузырьковой жидкости меньше скорости в чистой жидкости, причем её величина с ростом частоты также растет от значения, определяемого из выражения

$$\frac{1}{C_e^{(T)2}} = \frac{\rho_{l0}^0 \alpha_{g0} (1 - \alpha_{g0})}{p_0} + \left(\frac{1 - \alpha_{g0}}{C_l} \right)^2, \quad (18)$$

до значения

$$\frac{1}{C_f^{(T)2}} = \frac{\rho_{l0}^0 \alpha_{g0} (1 - \alpha_{g0})}{\gamma p_0} + \left(\frac{1 - \alpha_{g0}}{C_l} \right)^2. \quad (19)$$

На основе дисперсионного уравнения (7) нетрудно получить также следующие асимптотические формулы для зависимости коэффициента затухания от частоты возмущений:

$$\delta^{(T)} = \frac{(1 - \gamma^{-1}) C_e^{(T)} \rho_{l0}^0 \alpha_{g0} (1 - \alpha_{g0})}{30 p_0} \frac{\omega^2}{\omega^{(T)}}$$

при $\omega \ll \omega^{(T)}$ и

$$\delta^{(T)} = \frac{3}{2\sqrt{2}} \frac{(1 - \gamma^{-1}) C_f^{(T)} \rho_{l0}^0 \alpha_{g0} (1 - \alpha_{g0})}{p_0} \sqrt{\omega^{(T)} \omega} \quad (20)$$

при $\omega^{(T)} \ll \omega \ll \omega^{(R)}$.

В диапазоне частот $\omega^{(R)} < \omega < \omega^{(C)}$

$$(\omega^{(C)} = \omega^{(R)} \sqrt{1 + \rho_{l0}^0 \alpha_{g0} C_l^2 / \gamma p_0}) \text{ величины}$$

коэффициента затухания и фазовой скорости принимают аномально высокие значения, поэтому эта зона частот соответствует полосе непрозрачности. Вне этого диапазона ($\omega \geq \omega^{(C)}$) скорость звука и коэффициент затухания стремятся к значениям:

$$C_f = \frac{C_l}{1 - \alpha_{g0}} = C_e \text{ и } \delta_f = \frac{3\alpha_{g0}^{2/3}}{2a_0}. \quad (21)$$

Поскольку для пузырьковой жидкости $\alpha_{g0} \ll 1$, то при объемных содержаниях газовой фазы, удовлетворяющих условию $\alpha_{g0} \gg \alpha^{(C)}$

($\alpha^{(C)} = \gamma p_0 / \rho_{l0}^0 C_l^2$), сжимаемость жидкости незначительна и для величины равновесной скорости звука из формул (18), (19) следует, что $C_e \approx C_M$. При высоких частотах ($\omega \geq \omega^{(C)}$) радиальное движение пузырьков «замораживается» из-за инерции окружающей жидкости и, поэтому, сжимаемость смеси определяется сжимаемостью несущей фазы. В связи с этим скорость звука близка к скорости звука в чистой жидкости $C_f \approx C_l$. Следовательно, пузырьковая жидкость является интересным объектом для процессов преломления и отражения звука.

На рис. 2 и 3 изображены зависимости коэффициентов отражения (а) и преломления (б), представленных как $R = |R| \exp(i\varphi)$ и $S = |S| \exp(i\psi)$, от частоты возмущений при прямом падении волны ($\theta^{(0)} = 0$) на границу раздела между водой и пузырьковой водой. Случай падения волны со стороны воды на границу раздела представлен на рис. 2, из которого видно, что для низкочастотной области ($\omega \leq \omega^{(R)}$) пузырьковая жидкость является по отношению к воде акустически более мягкой средой, так как $|R|=0.65$ и 0.9 ; $|S|=0.35$ и 0.1 для $\alpha_{g0}=10^{-3}$ и 10^{-2} соответственно. При этом отраженный импульс давления будет отрицательным. Для высокочастотной области ($\omega \geq \omega^{(C)}$) модуль коэффициента отражения стремится к нулю $|R|=0$, а модуль коэффициента преломления к единице $|S|=1$, то есть здесь прохождение акустической волны через границу раздела будет происходить практически без искажения.

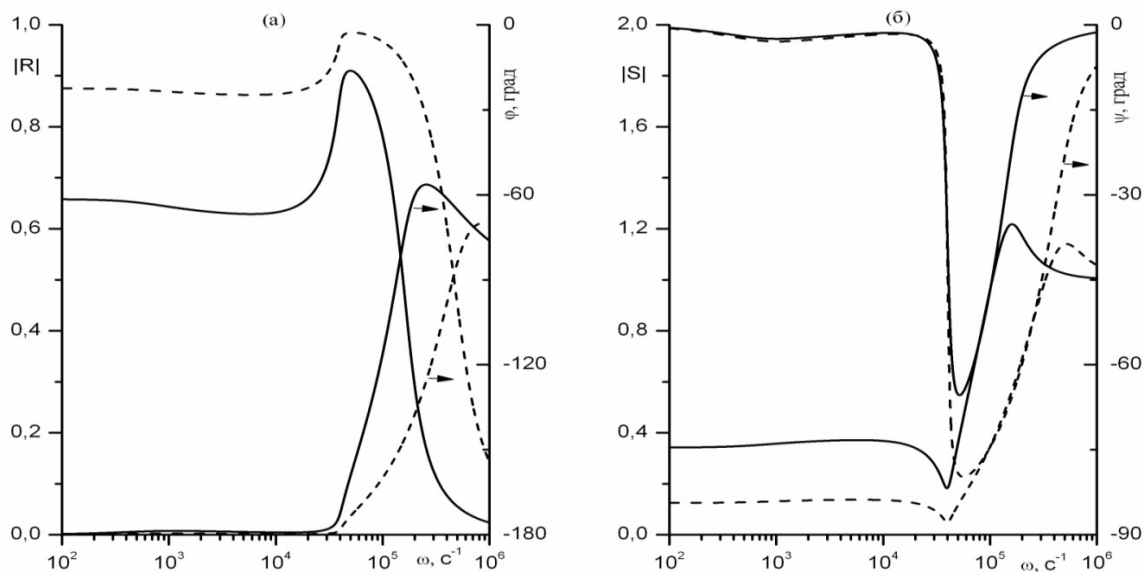

Рис. 2. Коэффициенты отражения (а) и преломления (б) при нормальном падении акустической волны со стороны воды

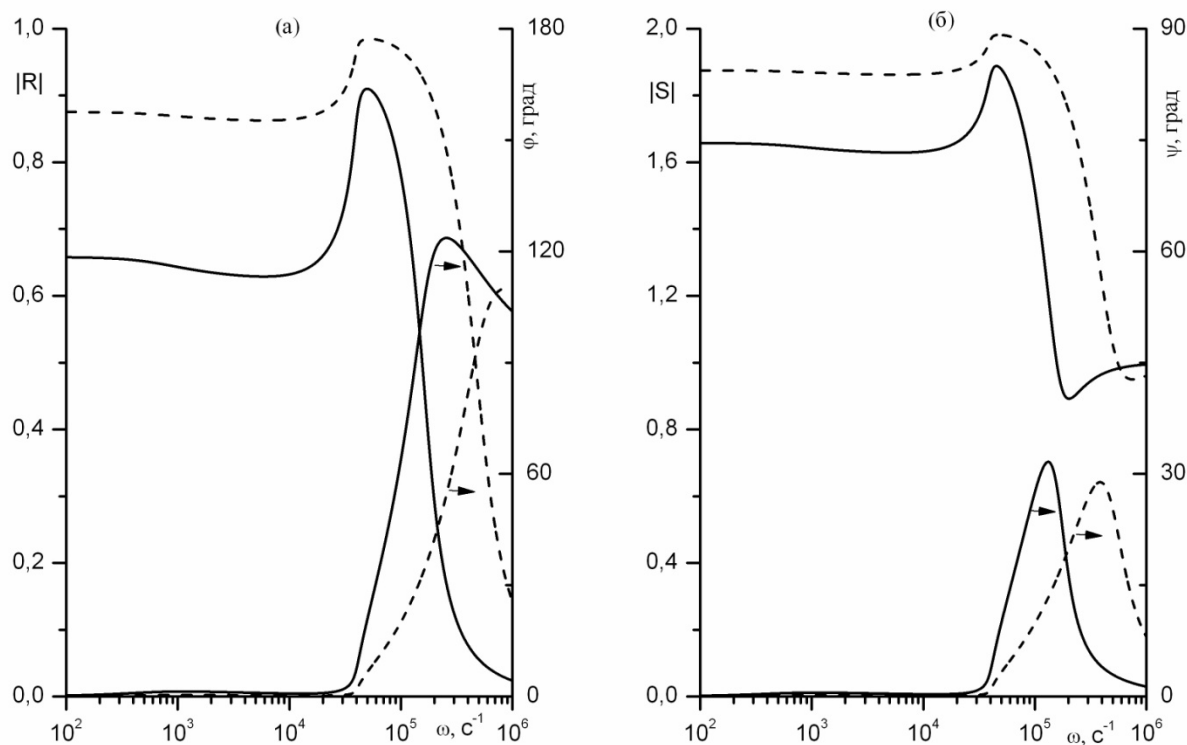

Рис. 3. Коэффициенты отражения (а) и преломления (б) при нормальном падении акустической волны со стороны пузырьковой воды

В обратной ситуации (рис. 3) для достаточно протяженных импульсов ($\omega \leq \omega^{(R)}$) имеет место: $|R|=0.65$ и 0.9 ; $|S|=1.65$ и 1.9 . Таким образом, амплитуда отраженного импульса будет ослабленной относительно исходной, а проходящего – почти в два раза больше для данного примера. Короткие сигналы ($\omega \geq \omega^{(C)}$), аналогично предыдущей ситуации (рис. 2), будут проникать без особой трансформации.

Как следует из графиков для коэффициента затухания (рис. 1(б)) и формулы для δ_f , в данном случае происходит сильное затухание акустических сигналов. Поэтому, пузырьковая завеса сравнительно небольшой толщины (для представленных примеров порядка нескольких десятков сантиметров) имеет свойство полностью «проглатывать» короткие импульсы.

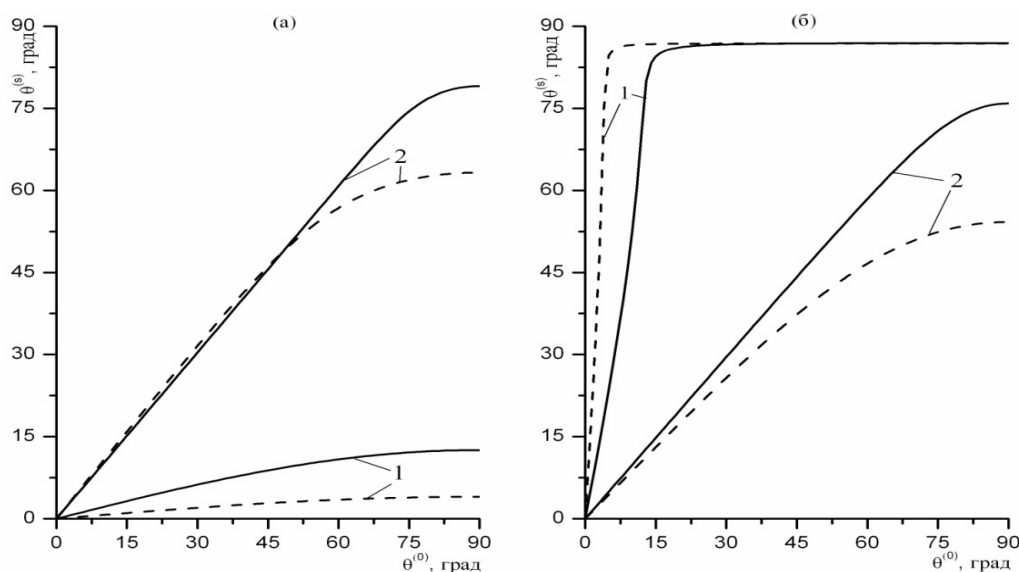

Рис. 4. Угол преломления при падении волны со стороны воды (а) и со стороны пузырьковой жидкости (б) в зависимости от угла падения

На рис. 4 представлены зависимости угла преломления от угла падения волны со стороны воды (а) и со стороны пузырьковой жидкости (б) на границу раздела «вода – пузырьковая вода». Линии 1 и 2 здесь и в дальнейшем соответствуют величинам характерных частот $\omega = 10^3$ ($\omega \leq \omega^{(R)}$) и 10^6 ($\omega \geq \omega^{(C)}$) с^{-1} . Согласно второй формуле из (14) угол преломления $\theta^{(s)}$ является комплексным числом, поскольку волновое число $K^{(s)}$ для пузырьковой системы комплексное. При этом действительная часть будет иметь обычный геометрический смысл. Поэтому, в дальнейшем под углом преломления будем понимать действительную часть $\theta^{(s)}$. Из фрагмента (а) видно, что угол преломления на всем диапазоне изменения угла падения ($0 \leq \theta^{(0)} \leq \pi/2$) меньше прямого угла ($\theta^{(s)} < \pi/2$). Следовательно, при любом угле падения, акустическая волна всегда проникает из чистой жидкости в пузырьковую смесь.

Иная картина реализуется для случая, когда падающая волна идет со стороны дисперсной смеси (б). Видно, что для частоты $\omega = 10^3 \text{ с}^{-1}$ при углах падения $\theta_*^{(0)} \geq 15^\circ$ и $\theta_*^{(0)} \geq 5^\circ$, для $\alpha_{g0} = 10^{-3}$ и 10^{-2} соответственно, угол преломления начинает «прижиматься» к значению $\theta^{(s)} \approx 90^\circ$. Таким образом, в этом случае, будет реализовываться полное внутреннее отражение [8]. Для высоких частот ($\omega \geq \omega^{(C)}$) такая особенность, связанная с полным внутренним отражением, исчезает.

Таким образом, при падении волны со стороны воды на границу раздела она всегда проходит через неё и, следовательно, проникает в дисперсную систему. В случае, когда волна падает со стороны пузырьковой среды на границу раздела, то для низких частот ($\omega \leq \omega^{(R)}$) существует критический угол, зависящий от параметров смеси, при углах больше которого волна полностью отражается от границы раздела. На рис. 5 представлена зависимость критического угла $\theta_*^{(0)}$ от объемного содержания газовых пузырьков в дисперсной системе. Здесь сплошная и пунктирная линии соответствуют значениям частот $\omega = 10^3$ и 10^2 с^{-1} .

На рис. 6 и 7 представлены зависимости коэффициентов отражения (а) и преломления (б) от угла па-

дения волны со стороны воды и пузырьковой смеси соответственно на границу раздела. Из рис. 6 (а) видно, что при малых углах падения линии 2 ($\omega = 10^6 \text{ с}^{-1}$) близки к нулю, что говорит об акустической жесткости пузырьковой жидкости по отношению к воде. А с дальнейшим ростом угла падения величина модуля коэффициента отражения стремится к единице, то есть пузырьковая смесь становится акустически мягкой средой для более косо падения.

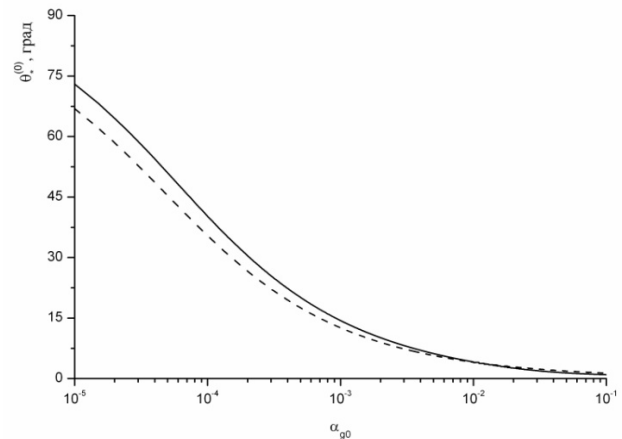

Рис. 5. Зависимость критического угла падения от объемного содержания газовых включений

Из рис. 7 видно, что для $\omega = 10^3 \text{ с}^{-1}$, начиная с критического значения угла падения $\theta_*^{(0)}$, модуль коэффициента отражения равен единице ($|R|=1$). При этом величина коэффициента преломления достигает наибольшее значение ($|S|=2$, $\theta^{(0)} = \theta_*^{(0)}$) и затем монотонно падает до нуля. То есть акустическая волна полностью отражается от границы раздела обратно в смесь воды с пузырьками.

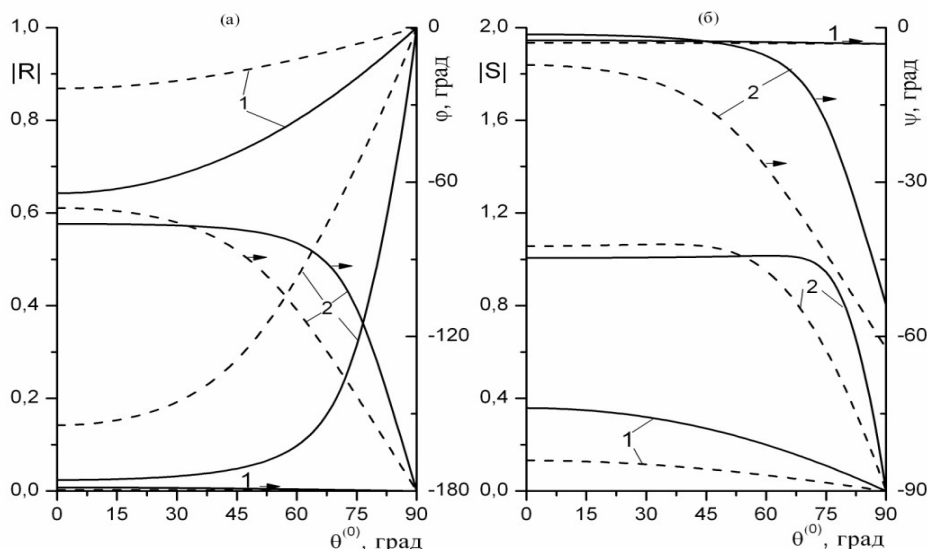

Рис. 6. Коэффициенты отражения (а) и преломления (б) при падении волны со стороны чистой воды

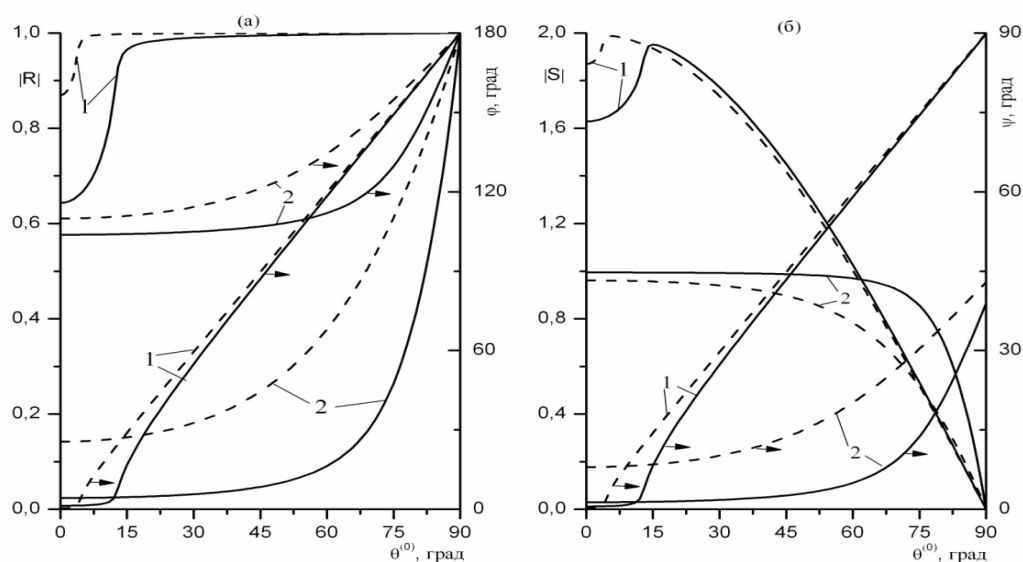

Рис. 7. Коэффициенты отражения (а) и преломления (б) при падении волны со стороны пузырьковой воды

Заключение

1. Показано, что при падении волны со стороны воды на границу раздела она при любом угле падения проходит в пузырьковую жидкость. Для высокочастотных волн ($\omega > \omega^{(C)}$) амплитуда проходящих волн меняется незначительно.

2. Получено, что при падении акустической волны со стороны пузырьковой среды на границу раздела

для низкочастотных волн ($\omega \leq \omega^{(R)}$) существует критический угол падения, при углах больше которого, она полностью отражается от границы раздела.

3. Установлено, что пузырьковый слой в воде обладает свойствами звукового канала.

Литература

1. Acoustic waves in a liquid with a bubble screen / Shagapov, V. Sh. [et al.] // Shock Waves. – 2003. – V. 13. – № 1. – P. 49 – 56.
2. Baranowska, A. Theoretical Studies of Nonlinear Generation Efficiency in a Bubble Layer / A. Baranowska // Archives of acoustics. – 2012. – V. 37. – P. 287 – 294.
3. Karpov, S. Nonlinear wave interactions in bubble layers / S. Karpov, Ф. Prosperetti, L. Ostrovsky // J. Acoust. Soc. Am. – 2003. – V. 113(3). – P. 1304 – 1316.
4. Wilson, P. S. Phase speed and attenuation in bubbly liquids inferred from impedance measurements near the individual bubble resonance frequency / P. S. Wilson, R. A. Roy, W. M. Carey // J. Acoust. Soc. Am. – 2005. – V. 117. – № 4. – P. 1895 – 1910.
5. Бреховских, Л. М. Волны в слоистых средах / Л. М. Бреховских. – М.: Наука, 1973.
6. Варгафтик, Н. Б. Справочник по теплофизическим свойствам газов и жидкостей / Н. Б. Варгафтик. – М.: Наука, 1972.
7. Губайдуллин, Д. А. Звуковые волны в двухфракционных полидисперсных пузырьковых средах / Д. А. Губайдуллин, Ю. В. Федоров // ПММ. – 2013. – Т. 77. – № 5. – С. 743 – 753.
8. Лепендин, Л. Ф. Акустика / Л. Ф. Лепендин. – М.: Высшая школа, 1978.
9. Накоряков, В. Е. Волновая динамика газо- и парожидкостных сред / В. Е. Накоряков, Б. Г. Покусаев, И. Р. Шрейбер. – М.: Энергоатомиздат, 1990. – 248 с.
10. Нигматуллин, Р. И. Динамика многофазных сред / Р. И. Нигматуллин. – М.: Наука, 1987.
11. Нигматуллин, Р. И. Проявление сжимаемости несущей фазы при распространении волн в пузырьковой среде / Р. И. Нигматуллин, В. Ш. Шагапов, Н. К. Вахитова // ДАН СССР. – 1989. – Т. 304. – № 35. – С. 1077 – 1081.

Информация об авторе:

Сарапулова Вероника Владимировна – аспирантка Бирского филиала БашГУ, 8-937-365-08-94, Vero_nika_09@mail.ru.

Veronika V. Sarapulova – post-graduate student at Birk branch of Bashkir State University.

Статья поступила в редколлегию 18.04.2014 г.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811'373.217

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КАТЕГОРИИ UNDERSTANDING В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Д. А. Арипова

LEXICO-GRAMMATICAL AND GRAMMATICAL MEANS OF REPRESENTATION OF THE CATEGORY UNDERSTANDING IN MODERN ENGLISH LANGUAGE

D. A. Aripova

В статье рассматриваются лексико-грамматические и грамматические языковые средства, формирующие дальнюю периферию категории Understanding в современном английском языке. Методы дефиниционного и контекстуального анализа, использованные в рамках представленного исследования, позволяют выделить фразеологические единицы со значением «выводное понимание», а также конструкции, репрезентирующие данную категорию через идею движения мысли по направлению к человеку.

The paper presents the study of lexico-grammatical and grammatical linguistic means which organize the far periphery of the category of Understanding in Modern English language. Methods of definitional and contextual analysis applied in the paper allow to specify phraseological units employed for the meaning of “acquired understanding” as well as grammatical constructions which represent the above mentioned category through a notion of towards-person idea movement.

Ключевые слова: категория Understanding, понимание, дальняя периферия, грамматическая конструкция, фразовый глагол, категоризация.

Keywords: category of Understanding, understanding, far periphery, grammatical construction, phrasal verb, categorization.

Процесс мышления является одной из наиболее сложных форм взаимодействия человека и окружающей его действительности. Мышление представляет собой опосредованное познание предметов, явлений и событий материального мира. Осмысливая полученное знание, человек выявляет не только его объективное содержание, но также превращает ранее разрозненное в систему, выстраивает причинно-следственные связи известных ему событий, включает понимаемый фрагмент в обобщённую картину мира. Понимание, выступая одной из сущностей человека, отвечает за формирование мнений, суждений, представлений, имеет познавательную и оценивающую функцию. Understanding – константа внутреннего мира человека, приобретающая статус эгоцентрической категории укрупнённого плана [1, с. 53]. Вслед за А. В. Бондарко [3], рассматриваем данную категорию в современном английском языке как упорядоченную совокупность разноуровневых языковых средств, сгруппированных по полювому принципу. Ядро категории Understanding и компоненты ближайшей периферии были описаны нами в предыдущих работах [1; 2]. Проанализируем дальнюю периферию функционально-семантической категории Understanding с позиций антропологического и семиологического подходов к объекту исследования.

В семантическое пространство категории Understanding входят фразовые глаголы figure и work с постпозитивным компонентом out в своём составе. В англоязычных толковых словарях они дефинируются следующим образом:

– figure out – understand [13, p. 251] why someone behaves in the way they do; think about a problem or situation until you find an answer or understand what has happened [11, p. 590];

– work out – solve or understand (a problem, a person), understand [13, p. 748]; think carefully about something and manage to understand it [11, p. 1902].

Заметим, что обозначенные единицы вербализуют результирующее уяснение (understand; manage to understand) субъектом некоторых сущностей, либо осмысление действий и мотивов других людей (why someone behaves in the way they do), требующее приложения значительных умственных усилий (think carefully about a problem or situation; solve) для получения выводов и обоснованных данных.

Проанализируем манифестацию данных смыслов в тексте.

Мысленное отображение человеком поступков партнёра и выведение на их основе его истинных характеристик и стремлений может занимать длительный промежуток времени, достигающий нескольких лет:

You recall what I was saying about the honest lies you tell at the start of a relationship? And the one Stuart told, the big one was “I want you to have my kids.” You know why it was a lie? Because the truth, which took me three years of marriage to figure out, was this. What Stuart wanted, what he wanted me to have, wasn’t my kids but Gillian’s, his previous wife [5, p. 175]. Женщина, живя с мужчиной и изучая его в течение трёх лет, заключает, что он лгал ей, утверждая, что хотел бы

иметь с ней общих детей ("I want you to have my kids."). Настоящим его желанием, распредмеченным ревнующей говорящей (the truth, which took me three years of marriage to figure out), было завести потомство от прежней жены (what he wanted me to have, wasn't my kids but Gillian's, his previous wife).

Выявление причин преступных действий предполагает применение аналитического мышления, позволяющего рассматривать все возможные действия жертвы, спровоцировавшие инцидент:

Three men attacked Joe, and we've been racking our brains trying to figure out a motive. There's neither rhyme nor reason for it; Joe isn't active enough to attract that type of attention. Then we thought it might have been something criminal; but Joe is clever enough to steer clear of anything illegal, the last thing he needs is investigation by the police. Finally, we thought it might have been a lovers' quarrel, but now I'm not sure ..." [8, p. 78]. Друзья человека, на которого было совершено нападение, пытаются найти мотив (trying to figure out a motive), вызвавший преступную атаку. Логический вывод осложнён наличием нескольких альтернатив – общественной активности подвергшегося налёту мужчины, его вовлечённости в криминальную деятельность (it might have been something criminal), любовной ссоры (it might have been a lovers' quarrel), – ни одна из которых не является достоверной (but now I'm not sure).

Определение индивидом внутренних качеств близкого человека может носить корыстный, пользовательский характер, например:

And now Rourke. He was playing with her emotions, stringing them out like a taut band that would snap at the slightest pressure. She hated him for what he was doing to her. He had worked out her vulnerability and was intent on exploiting it to the full. He was heartless, an unfeeling, treacherous monster, and she hated him [12, p. 54 – 55]. Возлюбленный девушки распознаёт её уязвимые места (he had worked out her vulnerability) и пользуется этим, играя на её эмоциях (he was playing with her emotions), бессовестно и вероломно манипулируя (he was heartless, an unfeeling, treacherous monster) любящим и доверчивым созданием.

Фразеологическое единство make sense of описывается следующими дефинициями: *be reasonable, logical, have an understandable meaning* [14, p. 827]; *perceive, become aware of* [16, p. 1300]; *succeed in understanding something* [7, p. 1316]; *understand something difficult and complicated* [11, p. 1493]. Включённость данного фразеологизма в периферийную зону категории Understanding объясняется наличием в нём семы постижения смысла явлений и объектов действительности и ограниченной частотности его употребления в контексте.

Проиллюстрируем объективацию указанного значения во фрагментах дискурса.

Затруднённость осмысления несогласующихся по законам логики людских поступков манифестирована в нижеприведённом высказывании:

"But Oliver," I said, trying to make some sense of the story, and also trying to make a bit of joke of it at the same time, "isn't it traditional to give flowers to a girl when you arrive rather than after you've left?" [4, p. 80]. Человек, размышляя над услышанной историей, пы-

тается рассуждать рационально и внести ясность в цепочку действий, описанную отвергнутым влюблённым (trying to make some sense of the story). В своих умозаключениях размышляющий субъект исходит из общепринятых и традиционных норм поведения (isn't it traditional) при ухаживании за девушкой, предполагающих преподнесение цветов в начале (to give flowers to a girl when you arrive), а не в конце знакомства.

Периферийная зона семантического пространства понимания актуализируется лексико-грамматическими и грамматическими средствами, характерными для английской разговорной речи. К ним относятся конструкции, в которых мыслительный результат манифестируется как неодушевлённый субъект действия, а приходящий к определённому умозаключению человек выступает объектом-пациентом. Роль предикатов, связывающих субъект-объектные отношения, категоризирующие ситуацию осмысления, выполняют глаголы, обозначающие физические действия: захвата, обладания – attack, seize; движения – come; возникновения – occur. Данный тип конструкций представляет понимание с точки зрения метафорической концептуализации через идею движения мысли к человеку.

Рассмотрим примеры, объективирующие значение описываемого ментального феномена.

Осознание необычных для человека понятий ассоциируется на языковом уровне с атакующим действием возникшей идеи, направленным на осмысляющего субъекта:

There she was with everything before her, and his blood – some of it – in her tiny veins. <...> His heart swelled, and he went out stifling the sound of his patent leather boots. In the corridor an eccentric notion attacked him: To think that children should come to that which Irene had told him she was helping! Women who were all, once, little things like this one sleeping there [10, p. 310]! Пожилой мужчина, глядя на свою спящую внучку, находится в умиротворённом состоянии. В коридоре его настигает странная мысль (an eccentric notion attacked him) о том, насколько невыносима участь бедных женщин, обречённых на продажу своего тела ради получения денег.

Ментальное отображение субъектом некоторых окружающих его предметов и реалий представлено в английском языке как захват мыслящего индивида концепцией, например:

I was disturbed by the approach of a beautiful child, who came running into the recess I have chosen. Suddenly, as I gazed on him, an idea seized me, that this little creature was unprejudiced, and had lived too short a time to have imbibed a horror of deformity [15, p. 139]. Отверженному и изуродованному человеку при виде невинно резвящегося ребёнка неожиданно приходит в голову идея (an idea seized me) о том, что тот ещё слишком мал для того, чтобы бояться пугающего остальных людей физического дефекта (little creature <...> had lived too short a time to have imbibed a horror of deformity).

Внешний облик безутешно плачущего родственника способствует наступлению момента осознания человеком страшной и трагичной реальности. Постигание печального факта репрезентируется как пассивное действие понимающего, испытывающего оп-

ределённое воздействие со стороны объективной действительности (the reality came on me):

Tears, unrestrained, fell from my brother's eyes; a sense of mortal agony crept over my frame. Before, I had only imagined the wretchedness of my desolated home; the reality came on me as a new, and a not less terrible, disaster [15, p. 73].

Возникновение мысли может быть объективировано следующими лингвистическими средствами: лексемой *thought*, выступающей активным субъектом предложения; предикатом *occur*, выражающим поступательное движение ментального образа и трактуемым как *come to somebody's mind (about an idea, thought)* [11, p. 1134]; предлогом *to*, реализующим направленность мыследействия в синтаксической структуре, и местоимением в косвенном падеже (*him*), репрезентирующего пункт назначения сформированного представления.

Annette must be back by now from wherever she had gone, for it was nearly dinnertime, and as the moment of seeing her approached, the difficulty of knowing what to say and how to say increased. A new and scaring thought occurred to him. Suppose she wanted her liberty to marry this fellow [10, p. 749]! Муж подозревает свою жену в измене, но не желает убеждаться в этом и прямо говорить с ней на неприятную тему (the difficulty of knowing what to say and how to say increased). Неожиданно ему в голову приходит новая пугающая идея (a new and scaring thought occurred to him), допускающая появление у супруги желания развестись с ним и уйти к новому избраннику (suppose she wanted her liberty to marry this fellow).

К дальней периферии исследуемого функционально-семантического поля в английском языке относим безличные конструкции с неопределённым местоимением *it*, которое выступает формальным членом предложения и замещает понимаемую сущность. Данные конструкции реализуют представление о понимании как о движении некоторой идеи по направлению к мыслящему человеку. Субъект осмысления предстаёт как одушевлённый объект, подвергающийся наступательному воздействию мысли. В состав конструкций входят также предикаты, обладающие значением перемещения в пространстве (*come*), физического действия, инициирующего появление ментального состояния (*strike*, *spring*, *dawn*); предлоги, маркирующие ментальное направление *to*, *on*, *into* (присутствующие не всегда); объекты в форме имён-антропонимов либо личных местоимений и следующие за ними придаточные предложения, отображающие в развёрнутом виде суть осмысления.

Обратимся к отрезкам текста, в которых объективируется ситуация осмысления.

Мыслительное содержание может представлять обобщённый результат наблюдения индивидом за людьми и выявление их внешнего сходства:

Iris smiled at him, and all at once it came to him that his mother was one similar to his sister Aurelia [6, p. 395]. Улыбка матери каузирует осознание сыном того, насколько похожа на неё его сестра (it came to him that his mother was one similar to his sister).

Напоминание о прошлой жизни в лице старого знакомого, сыгравшего определённую роль в судьбе

размышляющего субъекта, способно вызвать у него идейную стимуляцию:

But from the time when, as a mere girl, she brought Bosinney into his life to wreck it, he had never hit off with June – and never would! And here she was, unmarried to this day, owning a Gallery! ... And suddenly it came to Soames how little he knew now of his family. The old aunts at Timothy's had been dead so many years; there was no clearing-house for news. What had they all done in the war [10, p. 629]? Мужчина встречает дальнюю родственницу, которая много лет назад разрушила своим вмешательством его семейную жизнь (she brought Bosinney into his life to wreck it). Он не поддерживал с ней отношения (he had never hit off with June) в течение многих лет, как и со многими другими членами семьи, не имея доступа к источнику обмена информацией о происходящих с ними событиях (there was no clearing-house for news). Неожиданно он понимает (suddenly it came to Soames), как мало он знает о представителях своей большой семьи (how little he knew now of his family), об их занятиях во время войны (What had they all done in the war?).

Неблаговидная внешность человека может вызывать в сознании наблюдателя тревожные предчувствия по поводу будущего судьбоносного для близких влияния носителя этой наружности:

Old Gradman <...> recovering his body, raised his grizzle-haired face, very red from stooping. It struck him suddenly how like Gradman was to the stout brindled yard dog they had been wont to keep on his chain at The Shelter, till one day Fleur had come and insisted it should be let loose, so that it had at once bitten the cook and been destroyed [10, p. 740]. Делец обращает внимание на облик клерка (his grizzle-haired face, very red from stooping), управляющего его финансами. Внезапно серая услужливая физиономия служащего наводит его на мысль (it struck him suddenly) о том, насколько тот похож на дворовую собаку (how like Gradman was to the stout brindled yard dog), которую стоит только спустить с цепи, как она покусает хозяев и будет впоследствии уничтожена.

Испытывая внутренние переживания, субъект приходит к заключению, которое регламентирует совершение им определённых действий, контролирующее положение дел, например:

And he had heard that the house was costing Soames a pretty penny beyond what he had reckoned on spending. This fact brought home to him the real danger of the situation. And it suddenly sprang into Jame's mind that he ought to go and see for himself. In the midst of that fog of uneasiness in which his mind was enveloped the notion that he could go and look at the house afforded him inexplicable satisfaction [10, p. 135]. Отец волнуется за сына и те убытки (the house was costing Soames a pretty penny), которые последний терпит при строительстве нового дома. Вдруг ему приходит в голову идея (it suddenly sprang into Jame's mind), приносящая родителю моральное удовлетворение (the notion <...> afforded him inexplicable satisfaction) – пойти на стройку и увидеть всё собственными глазами (that he ought to go and see for himself).

Мгновенное озарение человека каким-либо ошеломляющим открытием объективируется неопреде-

лённо-личной конструкцией с глаголом *dawn* и постпозитивным компонентом *on*. Данное единство определяется в лексикографических источниках следующим образом: *dawn on – realize a fact or idea* [7, p. 338]; *realize for the first time* [11, p. 398]; *begin to be clear, understood or perceived* [14, p. 245]. Индивид в процессе активного познания окружающего мира способен уяснять для себя законы природы, её откровения, например:

That November the supreme event approached. He saw it with Nature's eyes. It dawned on him that personal love and marriage only cover one side of the shield, and that on the other is graven the epic of birth [9, p. 183]. Будущий отец перед рождением ребёнка осознаёт (*it dawned on him*), что любовь и брак являются лишь переходными звеньями (*love and marriage only cover one side of the shield*), ведущими к важному таинству появления на свет живого существа (*the epic of birth*).

Оказавшись в непривычной обстановке, субъект замечает некоторые детали, составляющие интерьер, и постигает значимое для него состояние дел:

Entering his dressing-room, where the gas was also alight and burning low, he went quickly to the other door. That too was locked. Then he noticed that the camp bed which he occasionally used was prepared, and his sleeping-suit laid out upon it. <...> It dawned on him that he was barred out [10, p. 219]. Муж, войдя в дом, обнаруживает, что дверь спальни закрыта (*the other door <...> too was locked*), видит расстеленную складную

кровать (*camp bed <...> was prepared*) и свою пижаму на ней (*his sleeping-suit laid out upon it*). До его сознания доходит (*it dawned on him*), что жена заперлась от него на ночь и не желает видеть его (*that he was barred out*).

Подводя итог вышесказанному, отметим, что фразовые глаголы *figure* и *work* с постпозитивным компонентом *out* в своём составе вербализуют результативное уяснения сущностей путем приложения значительных умственных усилий. Языковое единство *make sense of* имеет контекстуальные ограничения и содержит в себе смысловой компонент осмысления окружающих явлений, затруднённое в ряде случаев несогласующимися в сознании понимающего человека фактами. На грамматическом уровне осмысление явлений и событий окружающего мира категоризуется как аналитическое мышледействие, выявляющее глубинные причинно-следственные связи происходящего; как наступательное движение, захват понимающего человека, идеей или концепцией, когнитивная атака на субъекта. Конструкции, с неопределённо-личным местоимением *it* и глаголами, обладающими значением перемещения в пространстве (*come*), физического действия, инициирующего появление ментального состояния (*strike, spring, dawn*), репрезентируют ситуацию озарения индивида какой-либо идеей или мыслью. Концептуализация понимания через световую метафору репрезентируется в форме неопределённо-личных конструкций с глаголом *dawn* и постпозитивом *on*.

Литература

1. Арипова, Д. А. Функционально-семантическая категория *Understanding* в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Д. А. Арипова. – Иркутск, 2010. – 209 с.
2. Арипова, Д. А. Понимание: когнитивно-функциональное исследование / Д. А. Арипова, М. В. Малинович // Концепты. Категории: языковая реальность: коллективная монография к юбилею профессора М. В. Малинович. – Иркутск, 2011. – С. 277 – 295.
3. Бондарко, А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А. В. Бондарко. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 208 с.
4. Barnes, J. Talking It Over / J. Barnes. – London: Picador, 1992. – 262 p.
5. Barnes, J. Love, etc / J. Barnes. – London: Picador, 2000. – 250 p.
6. Caldwell, T. Dear and Glorious Physician / T. Caldwell. – London; Glasgow: Fontana Books, 1963. – 574 p.
7. Collins Cobuild English Language Dictionary / ed. by D. Crystal, J. Sinclair. – London; Glasgow: Collins, 1991. – 1980 p.
8. Dillon, A. Another Time, Another Season / A. Dillon. – London: Sphere Books Ltd, 1989. – 512 p.
9. Forster, E. M. The Longest Journey / E. M. Forster. – London: Penguin Classics, 2006. – 396 p.
10. Galsworthy, J. The Forsyte Saga / J. Galsworthy. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 872 p.
11. Longman Dictionary of Contemporary English / ed. by A. Waters. – USA: Longman, 2005. – 1950 p.
12. Neil, J. The Waters of Eden / J. Neil. – Richmond; Surrey: Mills & Boon, 1993. – 231 p.
13. Oxford Wordpower Dictionary / ed. by M. Steel. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – 794 p.
14. School Dictionary / ed. by V. Carter. – New York: Macmillan Publishing Company, 1983. – 1094 p.
15. Shelley, M. Frankenstein / M. Shelley. – М.: Астрель, 2006. – 240 p.
16. Webster's Unabridged Dictionary of the English Language – New York-New Jersey: Gramercy Books, 1989. – 1854 p.

Информация об авторе:

Арипова Дарья Андреевна – кандидат филологических наук, доцент Национального исследовательского Иркутского государственного технического университета, факультета прикладной лингвистики, кафедры иностранных языков для технических специальностей № 1, 8-924-833-86-10, aripovad@mail.ru.

Darya A. Aripova – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of the English Language for Technical Specialties № 1, Faculty of Applied Linguistics, National Research Irkutsk State Technical University.

Статья поступила в редколлегию 07.04.2014 г.

К ВОПРОСУ О МОДАЛЬНОМ СТАТУСЕ ГЛАГОЛА LASSEN

А. А. Балакина

ON THE PROBLEM OF MODAL STATUS OF THE VERB LASSEN

A. A. Balakina

В статье рассматривается проблема модального статуса глагола *lassen* в немецком языке, его современная функционально-грамматическая специфика. В центре внимания – влияние предграмматических изменений в семантике глагола *lassen* на его современное функционирование. Проведенный анализ подтвердил спорный модальный статус глагола *lassen*. Большая историческая глубина глагола *lassen* (наряду с собственно модальными глаголами), его высокая степень грамматикализации, а также его употребление без частицы *zu* дает основание согласиться с некоторыми лингвистами в том, что глагол *lassen* необходимо включить в группу модальных глаголов. Современный глагол *lassen* в модальном значении демонстрирует функционально-грамматическую однозначность, выполняя пермиссивную функцию: модальное значение глагола *lassen* ‘разрешать’, ‘велеть’, ‘приказывать’ связано с семантическим компонентом волеизъявления другого лица. Функционально-грамматическая однозначность глагола *lassen* обусловлена стабильностью его лексической семантики с прагерманского периода (до грамматикализации).

The research describes the modern functional-grammatical specificity of the verb *lassen* in German, the influence of pre-grammatical changes in the semantics of the verb *lassen* on its present function. The following analysis shows the modal status of *lassen* is ambiguous. The historical data specify a possible reason to include *lassen* in the group of modal verbs: a deep history of the verb (along with modal verbs), its high degree of grammaticalization and its use without particle *zu*. Modal meaning of the verb *lassen* ‘to permit’, ‘to order’ is associated with the semantic component of another person’s will. As a modal verb, *lassen* has the functional-grammatical monosemanticity (permissive function) due to stability of its lexical semantics since Teutonic period (before grammaticalization).

Ключевые слова: немецкий глагол *lassen*, функционирование в модальном значении, роль семантики, грамматикализация, предграмматические изменения.

Keywords: German verb *lassen*, modal functioning, role of semantics, grammaticalization, pregrammatical changes.

В современной «теории грамматикализации» при изучении тех или иных языковых единиц лингвисты часто задаются вопросом о том, какой механизм лежит в основе семантического изменения при грамматикализации [4, с. 23 – 25].

Вследствие актуальности данного аспекта грамматикализации мы решили обратиться к проблеме механизма формирования функционально-грамматической специфики современных лексических средств выражения модальности. Рассматривая грамматикализацию в традиционном понимании как процесс обобщения, абстрагирования слова или предложения от конкретного лексического содержания, мы также пытаемся определить предграмматическую (историческую и этимологическую) специфику формы и содержания. Таким образом, в фокусе нашего внимания обусловленность функционально-грамматической специфики единиц поля модальности их предграмматической семантикой в процессе грамматикализации.

Среди языковедов, исследующих проблемы модальности, принято считать, что в немецком языке модальных глаголов шесть: *wollen*, *mögen*, *müssen*, *sollen*, *können*, *dürfen*. В данном вопросе лингвисты единогласны. Что касается других глаголов с модальным значением, то по поводу их включения в группу модальных ведутся активные споры.

Грамматический статус глагола *lassen* также является предметом постоянных дискуссий германистов в силу его широкой семантики. Одни исследователи включают глагол *lassen* в группу модальных (U. Abraham, 1988; P. Eisenberg, 1994; B. Rolland, 1997;

G. Helbig, 1995 и др.), другие нет (A. Redder, 1983; U. Engel, 1996; G. Diewald, 1999; R. Müller, 2001 и др.) [1]. В силу своей специфики выражать широкий спектр значений данный глагол получил большое распространение в современном немецком языке. В качестве самостоятельного глагола *lassen* выражает значения ‘оставлять (предмет)’; ‘забывать’ (в сочетании с глаголами *stehen* ‘стоять’, *hängen* ‘висеть’, *liegen* ‘лежать’ и с обстоятельствами места); ‘оставлять, покидать, бросать’. Как модальный глагол имеет следующую семантику: ‘побуждать (кого-л.)’; ‘давать повод (кому-л.)’; ‘(по)служить причиной (поводом) (к чему-л.)’; ‘велеть, заставлять, поручать’; ‘позволять, разрешать, допускать, давать (возможность)’; *sich lassen* ‘мочь’ [9, с. 393].

Как видим, глагол *lassen* способен выражать не только модальное значение, но и может выступать как самостоятельный смысловой глагол. Каким образом в семантической структуре глагола *lassen* сосуществуют модальные значения возможности и долженствования, а также значения ‘забывать’, ‘оставлять’, ‘покидать’?

Казалось бы, по своей семантике глагол *lassen* наминает модальные глаголы *sollen* и *dürfen*. Он может выражать возможность как глагол *dürfen*, а также необходимость как глагол *sollen*. Объединяющим все три глагола является то, что и возможность, и необходимость всякий раз продиктованы волеизъявлением другого лица. С другой стороны, между глаголом *lassen* и двумя другими глаголами есть одно весьма существенное различие. Если при глаголах *sollen* и

dürfen субъектом предложения всегда является лицо, непосредственно использующее предоставляемую кем-то возможность (разрешение) или выполняющее чье-то требование, трактуемое им как необходимость, а само лицо, требующее или разрешающее, умалчивается, то в предложениях с глаголом lassen, наоборот, в качестве субъекта предложения представлено как раз лицо, требующее или разрешающее, а тот, к кому предъявляется требование или которому позволено что-либо сделать, передается объектом в винительном падеже. Получается, что одна и та же ситуация действительности в зависимости от выбранного глагола предстает по-разному: в одном случае (sollen, dürfen) исходным пунктом при передаче ситуации является исполнитель действия, а в другом (lassen) – тот, кто его инициирует.

Таким образом, семантическая структура модального глагола lassen неоднородна, в ней сосуществуют значения модальности необходимости и возможности. Интерес к этому вопросу усиливает и наличие однокорневых образований: *lässig* ‘медлительный, вялый’; *lasch* ‘слабый; ленивый’; *lass* ‘усталый, слабый’; *veranlassen* ‘побуждать; давать повод, (по)служить причиной (поводом)’; *auslassen* ‘выпускать, пропускать; упускать; опускать’; *ablassen* ‘отпускать; ослабевать; оставлять в покое’; *Nachlass* (m) ‘ослабление, уменьшение; прекращение’; *verlassen* ‘оставлять, покидать’; *zulassen* ‘допускать, разрешать, позволять’ и др. [10, с. 767 – 768]. Сравнение глагола *lassen* с однокорневой лексикой показывает, как разительно не похожи в своих значениях глагол и однокорневые слова (*lässig* ‘медлительный, вялый; ленивый’, *lasch* ‘вялый, слабый; ленивый’, *Nachlass* (m) ‘ослабление, уменьшение; прекращение’). Следовательно, возникает вопрос, как возникло такое соотношение – ‘необходимость/возможность’, ‘оставлять, отпускать’ и ‘ослабевать’.

Анализ корпусов древневерхненемецких текстов [8; 13] показал наличие у глагола *lassen* следующих значений:

– ‘отпускать, оставлять’, ‘освобождать’ (72 %): *Her furlaet in lante luttilla sitten prut in bure, barn unwahtsan arbeo laosa.* – Он оставил на родине свою беспомощную молодую жену и маленького ребенка (20, Hildebrandslied); *Do lettun se rist aschim scritan, scarpen scurim.* – И выпустили они друг против друга копья на бешеной скорости (63, Hildebrandslied); *Sume sar uerlorane Uuurdun sum erkorane.* – Одних отпускали, других забирали (13, Ludwigslied); *Ther trinkit thiz uuazzer, be demo thurstit inan mer, <...> then lazit der durst sin.* – Выпей этой воды, <...> это освободит тебя от жажды (Christus und die Samariterin); *Die sichen vnn ovch die armen // die liez sich irbarmen.* – Они видели нищих // которых он освободил из жалости (Van Thobias);

– ‘потерять’ (14 %): *Kind uuarth her faterlos.* – Отца он потерял еще будучи ребенком (3, Ludwigslied);

– ‘позволять’ (14 %): *Lietz her heidine man Obar seo lidan.* – Он позволил язычникам перейти море (11, Ludwigslied).

Как видим, в ходе рассмотрения древних источников было выявлено, что глагол *lāzan* в основном употреблялся в значении ‘отпускать, освобождать’,

хотя также был обнаружен контекст, в котором глагол несет модальную семантику возможности.

Обращение к письменным источникам показало, что древневерхненемецкий глагол *lāzan* ‘быть слабым, усталым’, ‘отпускать, оставлять’ и его соответствия в других германских языках имели сходные значения: гот. *lētan* / *leiten* ‘отпускать, оставлять, допускать’, гот. *lats* ‘медлительный, вялый, ленивый’, др.-сакс. *lātan*, ср.-ниж.-нем. *lāten*, др.-англ. *letan* (англ. *to let* ‘выпускать’, ‘позволять, разрешать, допускать’), др.-сев. *lāta*, швед. *lāta* ‘быть вялым, медлительным, ленивым; усталым’ [10, с. 767 – 768]. Это то значение, которое закрепилось в современном немецком языке за прилагательными *lässig* ‘медлительный, вялый; ленивый’, *lasch* ‘вялый, слабый; ленивый’ и существительным *Nachlass* (m) ‘ослабление, уменьшение; прекращение’. Из этих примеров видно, что значение ‘оставлять’, ‘быть слабым, усталым’ было основным и в других германских языках, при этом остается неясным, какое из значений является первичным, какое вторичным.

Внегерманскими соответствиями германскому глаголу *lassen* являются эквиваленты в греч. *ληθεῖν* ‘быть вялым, медлительным, инертным; ленивым; усталым’; лат. *lassus* ‘усталый, слабый, вялый; дряблый; изнеженный, усталый’; албан. *lodh* ‘утомлять, измучить’ (3 л. ед. ч.); лит. *lēisti* ‘ослабевать, освобождать; отпускать, отпускать на волю; разрешать’, лит. *liesas* ‘тощий’, лтш. *lies* ‘тощий’, прусск. *laiskas* ‘слабый’. Как полагают, данная лексика восходит к общиндоевропейскому корню **lē(i)d-* ‘оставлять (после себя)’, ‘отпускать, ослаблять’, ‘ослабевать, уменьшаться, утихать’, ‘прекращаться’ [5, с. 39; 10, с. 767 – 768].

Как видим, в других индоевропейских языках однокорневые слова тоже имеют значения ‘быть усталым, ослабевать, отпускать’. Причем, по функционально-семантической специфике германская лексика ближе однокорневым рефлексам балтийских языков: лит. *lēisti* ‘отпускать, разрешать’, лит. *letas* ‘вялый, медленный; спокойный, тихий’, лтш. *laist* ‘отпускать, оставлять, предоставлять’, лтш. *laisks* ‘слабый, вялый’, лтш. *liest* ‘слабеть’, лтш. *laidens* ‘ослабевающий’, лтш. *lidet* ‘порхать, лететь’, лтш. *laid* ‘ленивый, слабый, усталый’. Кроме того, лтш. *lai* это побудительная частица, возникшая из императива от глагола *laist* ‘оставлять, предоставлять’, что свидетельствует об активном участии глагола в процессах грамматикализации и его модальной природе [11, с. 352; 12, с. 87]. То есть, в балтийских языках наблюдаем сходную германским картину семантического развития: из значения ‘отпускать’ → ‘разрешать’. Ср. слав. *пустой, пускать*: праслав. **pust-* ‘пуст’, **pustiti-* ‘освободить’, ‘делать пустым, свободным от чего-либо’, рус. *пустить*, укр. *пустити* ‘перестать удерживать’, ‘привести в движение’; *пусти* > *пусть* [6, с. 341; 7, с. 84].

Обращение к памятникам средневекового периода показало следующие результаты:

– ‘отпустить’ (8 %): *Ich wil ivch ledech lazen sp/ra\ch d/er\ kunic gen.* – Я хочу отпустить вас на свободу, – сказал король (0252,1, Niebelungenlied); *Nv lat die boten riten wid/er\ in ir lant.* – И отпускаем (отправляет) гонимых на родину (0164,1, Niebelungenlied);

– ‘оставлять, бросать’ (24 %): *Dar nah ving sich ane der ubile strit Des manig man virlos den liph.* – После этого началась ожесточенная война, в которой много людей оставили свои жизни (XL, Annolied); *Ir vat(er)\ d(er)\ hiez Dancrât d(er)\ in div erbe liez.* – Ее отца звали Данкрат, после своей смерти он оставил им наследство (Niebelungenlied, 0004,2);

– ‘разрешать, позволять’ (25 %): *Her niliz si nîgehîrmin.* – Он не разрешал им отдыхать (IX Annolied); *Lat mich iv erwerben ere vñ ovch den frumen.* – Позволь мне нисскать уважение и благосклонность (0160,3, Niebelungenlied);

– ‘велеть, приказывать’, ‘побудить’ (41 %): *Den sidde hiz er dû cerin Diutischi liute lerin.* – Он приказал, чтобы германцы учили обычаи (XXVIII, Annolied); *Lat in vñ Ortwinen hie die nachhvyte han.* – Пусть его и Ормвейна здесь ожидает арьергард (0179,4, Niebelungenlied);

– ‘мочь’ (2 %): *Habt ir iem/en\ vrvînde daz lat vil balde sehenn die iv vriden helfen die <burge> vñ iw(er)\ lant.* – Если у вас есть друзья, то скоро вы сможете увидеть, как они помогут вам дать мир стране и людям (0146,2, Niebelungenlied).

Также были обнаружены однокорневые глаголы *verlassen* ‘оставлять, покидать, потерять’, *erlassen* ‘отпускать, освобождать’, *leisten* ‘совершать, делать, служить’.

Как видим, спектр значений глагола *lassen* стал намного ближе к семантической структуре современного глагола, при этом стоит отметить увеличение количества случаев употребления глагола в деонтическом значении долженствования и возможности. Эта тенденция заметна на материале всех модальных глаголов (усиление действия внешнего императива в средние века и, как следствие, развитие объективного значения модальности) [2].

В средневерхненемецкий период глагол *lāzen* помимо значений ‘оставлять’ приобретает значение модальности возможности, необходимости и все чаще употребляется с инфинитивом, причем стоящий в форме инфинитива глагол обозначал действие, которое не являлось результатом волевого акта. В сочетании с объектом в винительном падеже *lassen*, как правило, выражал значение ‘не препятствовать тому, чтобы кто-то что-то взял, приобрел’ [14, с. 508]. Данные изменения в семантике обусловлены процессом грамматикализации в связи с более частым употреблением с инфинитивом наряду с модальными глаголами *mögen*, *dürfen*, *können* и др., семантика которых тоже претерпевала изменения в этот период времени.

Таким образом, наблюдается два пути семантического развития глагола *lassen*. С одной стороны, ‘оставлять’ означает не проявлять активных действий по отношению к явлению, объекту (‘ослабевать’ ~ ‘быть усталым’ ~ ‘уменьшаться’ ~ ‘прекращаться’ ~ ‘оставлять’), с другой стороны, означает предоставить, дать возможность событию совершиться (‘ослаблять’ ~ ‘отпускать’ ~ ‘освобождать’ ~ ‘давать возможность’). То есть, семантика глагола *lassen* ‘оставлять, освобождать, предоставлять волю’ уже содержит в себе элемент значения модальности возможности: давать свободу, отпускать ~ давать возможность (разрешение): *Er liez ir leben einen balde er reit genvoch.* – Он оста-

вил его в живых (позволил ему жить), тот быстро уехал (0192,2, Niebelungenlied).

Возникает вопрос, как соотносятся значения модальности возможности и необходимости. Субъект, предоставляя возможность/свободу совершить действие другому лицу, налагает на него ответственность за выполнение данного действия, вызывает в другом человеке необходимость его исполнения.

Пытаясь выяснить приоритетность направления семантического развития глагола *lassen*, мы обратились к исследованию лингвиста Э. Прокоша. Рассматривая претерито-презентные глаголы, Э. Прокош высказал предположение, что глаголы *lassen* и *lehren* восходят к одному индоевропейскому корню *lei-. Проведенный историко-этимологический анализ глаголов *lassen* и *lehren*, показал, что если данные глаголы не являются омонимами и восходят к одному индоевропейскому корню *lei-, то их значения, вероятно, разошлись уже в индоевропейский период, поэтому следов связи между ними не обнаружено [3, с. 22 – 26].

Итак, глагол *lassen* ‘оставлять, освобождать’ имеет большую историческую глубину (прагерманский период). Генетически близкая глаголу *lassen* лексика в пермиссивном значении встречается на большой исторической глубине (например, в балтийских языках). В истории немецкого языка наблюдается два пути семантического развития глагола *lassen*. Один путь семантического развития глагола *lassen* не приводит к формированию модального значения, другой путь изменения семантики способствует развитию пермиссивного модального значения (‘оставлять, отпускать, предоставлять свободу действия’ → ‘давать возможность/разрешение’). Большая историческая глубина глагола *lassen* (наряду с собственно модальными глаголами), его высокая степень грамматикализации (вплоть до способности функционировать как частица *lass* в значении ‘пусть’, ‘пускай’), а также его употребление без частицы *zu* дает нам основание согласиться с некоторыми лингвистами (U. Abraham, 1988; P. Eisenberg, 1994; B. Rolland, 1997; G. Helbig, 1995 и др.) в том, что глагол *lassen* необходимо включить в группу модальных глаголов.

Обращение к истории и этимологии глагола *lassen* позволяет увидеть динамику семантического развития и поставить вопрос о механизме формирования его функционально-грамматических особенностей.

Современный глагол *lassen* в модальном значении демонстрирует функционально-грамматическую однозначность, выполняя пермиссивную функцию: модальное значение глагола *lassen* ‘разрешать’, ‘велеть’, ‘приказывать’ связано с семантическим компонентом волеизъявления другого лица. То есть, как и в случае с модальными глаголами *können*, *sollen*, *wollen* [1] специфика предмодального значения глагола *lassen* обусловила однозначность его модального функционирования: значение возможности глагола *lassen* ‘мочь, имея разрешение’ является логическим развитием значения ‘оставлять, отпускать, предоставлять свободу действия’ (‘давать свободу, отпускать’ → ‘давать возможность/разрешение’). Формирование специфики современного функционирования данного глагола можно передать следующей схемой:

Таким образом, функционально-грамматическая однозначность глагола *lassen* (как и модальных глаголов *können*, *wollen*, *sollen*) обусловлена стабильностью его лексической семантики с прагерманского периода (до грамматикализации). Функционально-грамматическая же неоднозначность выявлена у тех единиц функционально-семантического поля модаль-

ности, у которых прослеживается нестабильность их лексической семантики, обусловленная историческими изменениями как до грамматикализации, так и в процессе грамматикализации (в отрицательных конструкциях). Это касается глаголов *dürfen*, *müssen*, *mögen* (Прим. автора: см. про модальные глаголы, например, [2]).

Литература

1. Балакина, А. А. Механизм формирования функционально-грамматической специфики лексического поля модальности (на материале немецкого языка): дис. ... канд. филол. наук / А. А. Балакина. – Томск, 2012. – 219 с.
2. Балакина, А. А. Модальные глаголы немецкого языка: от этимологии к прагматике / А. А. Балакина // Язык и культура. – Томск, 2011. – № 4. – С. 5 – 20.
3. Балакина, А. А. Претерито-презентные глаголы *lassen* и *lehren* в истории немецкого языка / А. А. Балакина // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: материалы XII Всерос. научно-практической конф. молодых ученых (Томск, 1 – 2 апреля 2011 г.). – Томск: ТГУ, 2011.
4. Майсак, Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции / Т. А. Майсак. – М.: Языки славянских культур, 2005.
5. Топоров, В. Н. Прусский язык. Словарь. – Т. 1: (A-D), 2: (E-H), 3: (I-K), 4: (K-L), 5: (L) / В. Н. Топоров. – М., 1975 – 1990. – Т. 1 – 5.
6. Цыганенко, Г. П. Этимологический словарь русского языка / Г. П. Цыганенко. – Киев: Радянська школа, 1970. – 599 с.
7. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / П. Я. Черных. – М, 1994. – Т. 1 – 2.
8. Althochdeutsche Texte im Internet (8 – 10. Jahrhundert) [das altgermanische Internetportal]. – Режим доступа: <http://www.mediaevum.de/texte/ahd.htm> (дата обращения: 18.01.2014).
9. Duden. Das Bedeutungswörterbuch / W. Eckey, J. Folz, H. Hartmann. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverl, 1993. – Bd. 10. – 797 s.
10. Etymologisches Wörterbuch der Deutschen (EWD) / W. Pfeifer etc. 1 – 2 Bde. – Berlin, 1993. – Bd. 1 – 2.
11. Fraenkel, E. Litauisches etymologisches Wörterbuch / E. Fraenkel. – Heidelberg; Göttingen, 1955. – Bd. 1 – 2.
12. Jēgers, B. Verkannte Bedeutungsverwandtschaften baltischer Wörter / B. Jēgers // KZ. Bd. 80 (1966).
13. Mittelhochdeutsche Texte (11 – 14 Jahrhundert) [das altgermanische Internetportal]. – Режим доступа: <http://texte.mediaevum.de/11mhd.htm> (дата обращения: 19.01.2014).
14. Paul, H. Deutsches Wörterbuch / H. Paul // Bedeutungsgeschichte und Aufbau unseres Wortschatzes. – 10. überarb. und erw. Aufl. – Tübingen: Niemeyer, 2002. – 1243 s.

Информация об авторе:

Балакина Анна Александровна – кандидат филологических наук филологического факультета Томского государственного университета, младший научный сотрудник, 8(3822) 52-98-46, anne.balakina@gmail.com.

Anna A. Balakina – Candidate of Philology, Junior Research Associate, Faculty of Philology, National Research Tomsk State University.

Статья поступила в редколлегию 03.04.2014 г.

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ТОПОНИМИИ ОБЬ-ИРТЫШСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ
(на материале гидронимов хантыйского происхождения)

Ю. В. Исламова

ETHNOLINGUISTIC SPECIFICITY OF OB-IRTYSH INTERFLUVE TOPONYMS
(as revealed by hydronyms of Khanty origin)

Y. V. Islamova

В данной статье представлен обзор основных факторов, обусловивших формирование самобытной топонимии обских ургов. В работе анализируются субстратные названия водных источников хантыйского происхождения в аспекте лингвоэтнической самобытности номинаторов. Делаются выводы о причинах возникновения многокомпонентных онимов. Иллюстрационный материал сопровождается семантико-этимологической интерпретацией.

The paper provides an overview of the main factors behind the formation of distinctive toponymy of the Ob Ugric peoples. The paper examines the substrate names of water sources of Khanty origin in the aspect of authors' linguistic identity. Conclusions are made about the causes of composite names. Extensive illustrative material is accompanied by semantic-etymological interpretation.

Ключевые слова: топоним, гидроним, субстратный топоним, географический апеллятив, детерминатив, атрибутив.

Keywords: toponym, hydronym, substrate toponym, geographical appellative, determinative, attributive.

Обращение к изучению региональной топонимии в этнокультурном аспекте обусловлено общемировой тенденцией возрождения национальных культур и духовных ценностей народа.

В отечественном языкознании вопросами национально-культурной специфики имен собственных занимались Г. П. Смолицкая, А. В. Суперанская, А. П. Дульзон, Р. А. Агеева, А. К. Матвеев, Е. Л. Березович, Н. К. Фролов и др., тем не менее топонимия Обь-Иртышского Междуречья не получила достаточного освещения в лингвистической литературе.

Объектом исследования является субстратная гидронимия хантыйского происхождения. Материалы исследования получены автором в полевых условиях в беседах с информантами из числа хантов и русских, проживающих на территории Междуречья Оби и Иртыша в административных границах Ханты-Мансийского района.

Топонимия Обь-Иртышского Междуречья представлена в основном географическими именами русского и обско-угорского происхождения. Анализ топонимии региона показал, что выделенным топонимическим подсистемам свойственны универсальные мотивировочные признаки, служащие «отправной базой для новых наименований» [1, с. 80].

Сходство отмечается практически во всех основных типах топонимов, среди которых:

1) названия, содержащие информацию о местоположении объектов относительно друг друга (*Нижняя, р. – Итьях «Нижняя (находящаяся в низовье другой реки) река»; Среднее, оз. – Кутлопсоим «Средний ручей»;*

2) названия, характеризующие объекты по его различным свойствам и качествам; отражающие особенности окружающей среды (*Медвежье, оз. – Пуштор «Медведя озеро»; Окуневая, пр. – Евьюган «Окуня река»; Малая, пр. – Ай-Ега «Маленькая речка»;*

3) названия, возникшие на основе связи именуемого объекта с человеком (*Комарова, о. – Лабаскова, пр.; Тугоносовский, о. – Ярлина, пр.*).

Известно, что формирование топонимических универсалий обусловлено способностью человека познавать объективную действительность и отражать реалии окружающего мира в географических названиях. Появлению сходных номинативных типов географических имен способствует также единая для народов природно-географическая среда. Несмотря на тождество принципов номинации, реализуемых в русской топонимии и в топонимии хантыйского происхождения, очевидны значительные расхождения, определяемые национально-культурной спецификой географических названий.

Топонимы хантыйского происхождения образуются в основном типичным для агглютинативных языков способом словосложения. Подавляющее большинство хантыйских географических названий, образованных этим способом, представляет собой сложно-составные имена. Основообразующими элементами – детерминативами в них являются географические термины. Присоединяясь к полнзначным словам, выступающим в функции определения, они переводят то или иное слово с дифференцирующим значением в разряд топонимов [2, с. 109].

В гидронимии региона преобладают многочисленные названия. Основные структурные типы географических наименований представлены двух-, трех- и четырехкомпонентными онимами. Приведем примеры употребления названий водных источников, сопровождая их семантико-этимологической справкой. При интерпретации использовались хантыско-русские словари.

Двухкомпонентные топонимы

Айега «Маленькая речка» (хант. *ай* «маленький» [5, с. 11] + *ёхан* «река» [5, с. 27]); *Варынъага* «Речка с запором» (хант. *вар* «запор (заграждение для ловли рыбы)» [5, с. 11] + *ёхан* «речка»); *Кальюган* «Река болота» (хант. *кал* «чистое, безлесное болото» [9, с. 275] + *ёхан* «река»); *Ненсьюган* «Парная река» (река с раздвоенным руслом) (хант. *нёмс* «двойники, парные предметы» [5, с. 197] + *ёхан* «река»); *Ногорьюган* «Кедря река» (хант. *нохар юх* «кедр» [5, с. 8] + *ёхан* «река»); *Сумтыньюган* «Березы

река» (хант. *semfit* «береза» [5, с. 80] + *ёхан* «река»); *Сыньюган* «Турпана река» (хант. *сиук* «чернеть (порода уток)» [6, с. 141] + *ёхан* – «река»); *Татьюган* «Война река» (хант. *татъ* «война» + *ёхан* «река»); *Нюртыюган* «Река с наклоном» (хант. *нюрты* «наклонить» [5, с. 183] + *ёхан* «река»); *Охтыюган* «Ручей с волоком» (хант. *gxtm* «волоком» [9, с. 175] (место наибольшего сближения рек, по которому в старину перетаскивали суда из одной водной системы в другую [3, с. 114]) + *ёхан* «река»); *Паннэюган* «Налима река» (хант. *паннэ* «налим» [5, с. 62] + *ёхан* «река»); *Хульюган* «Рыбы река» (хант. *хек* «рыба» [5, с. 97] + *ёхан* «река»); *Юкерльюган* «Вяленой рыбы река» (хант. *юхак* «юкола (вяленая рыба)» [5, с. 104] + *ёхан* «река»); *Пежиюган* «Теленка река» (хант. *пеши* «олененок» [6, с. 122] + *ёхан* «река»); *Пуныньёган* «С пером река» (хант. *пунту* «с пером» [6, с. 231] + *ёхан* «река»); *Сосъеган* «Горностая река» (хант. *сос* «горностай» [5, с. 23] + *ёхан* «река»); *Утьеган* «Далеко от берега река» (хант. *вуты* «далеко от берега» [6, с. 43] + *ёхан* «река»); *Илиёган* «Река с живуном» (хант. *йикли* «живун» (незамерзающее место на реке) [5, с. 31] + *ёхан* «река»); *Люгаёган* «Глухаря река» (хант. *лек* «глухарь» [5, с. 47] + *ёхан* «река»); *Тывъеган* «Истока река» (хант. *тай* «исток» [5, с. 83] + *ёхан* «река»); *Читъеган* «Холма река» (хант. *шит* «холм» [9, с. 311] + *ёхан* «река»); *Юиъеган* «Дороги речка» (хант. *юи* «дорога, тропа, путь» [5, с. 104] + *ёхан* «река»); *Евсоим* «Окуня ручей» (хант. *ев* «окунь» + *соим* «ручей» [5, с. 80]); *Айсоим* «Маленький ручей» (хант. *ай* «маленький» + *соим* «ручей»); *Варсоим* «Ручей с запором» (хант. *вар* «запор (заграждение для ловли рыбы)» + *соим* «ручей»); *Васьсоим* «Узкий ручей» (хант. *вась* «узкий» [5, с. 12] + *соим* «ручей»); *Кевынсоим* «Каменистый ручей» (хант. *кевау* «каменистый» [5, с. 35] + *соим* «ручей»); *Курэксоим* «Утиный ручей» (хант. *курэк* «утка-шилохвость» [5, с. 38] + *соим* «ручей»); *Кутлопсоим* «Средний ручей» (хант. *нетуп* «средний» + *соим* «ручей»); *Кыжимсоим* «Песчаный ручей» (хант. *хишау* «песчаный» [5, с. 94] + *соим* «ручей»); *Айтор* «Маленькое озеро» (хант. *ай* «маленький» + *тор* «озеро» [6, с. 157]; *Васьтор* «Узкое озеро» (хант. *вась* «узкий» + *тор* «озеро»); *Юисоим* «Ручей с дорогой» (хант. *юи* «дорога, тропа, путь» + *тор* «озеро»); *Путитор* «Медведя озеро» (хант. *пепи* «медведь» + *тор* «озеро»).

Трехкомпонентные названия

Ай-Тутлеймсоим «Маленький ручей с горельником» (горельник – выгоревшее место в лесу) (хант. *ай* «маленький» + *тут* «огненный» + *соим* «ручей»); *Ай-Евъюган* «Маленькая окуня река» (хант. *ай* «маленький, небольшой» + *ев* «окунь» + *ёхан* «река»); *Ай-Нюхсатъюган* «Маленькая соболя река» (*ай* «маленький, небольшой» + *нёхас* «соболя, соболин» [5, с. 56] + *ёхан* «река»); *Ай-Сорумъюган* «Маленькая мелкая река» (хант. *ай* «маленький, небольшой» + *сорам* «мелкий, неглубокий» [5, с. 179] + *ёхан* «река»); *Ай-Хутьюган* «Маленькая дома река» (хант. *ай* «маленький, небольшой» + *хот* «дом, изба; строение» [5, с. 197] + *ёхан* «река»); *Варъегантор* «Озеро реки с запором» (хант. *вар* «запор (заграждение для ловли рыбы)» + *ёхан* «река» + *тор* «озеро»); *Венаюган* «Большая малая река» (хант. *вн* «большой» [5, с. 120] + *ай* «маленький, небольшой» + *ёхан* «река»); *Вылахотъюган* «Река дома оленя» (хант. *вуы* «олень» [5, с. 193] + *хот* «дом» +

ёхан «река»); *Ешпуръюган* «Шила река» (хант. *еш* «пило» + *ёхан* «река»); *Кутпаннэюган* «Средняя налима река» (хант. *кутпан* «средний» + *паннэ* «налим» + *ёхан* «река»); *Унпаннэюган* «Большая налима река» (хант. *ун* «большой» + *паннэ* «налим» + *ёхан* «река»); *Унсорумъюган* «Большая мелководная река» (хант. *ун* «большой» + *сорам* «мелководный» + *ёхан* «река»); *Ун-Южингъюган* «Большая сосны река» (хант. *ун* «большой» + *униши* «сосна» [5, с. 242] + *ёхан* «река»); *Ай-Митрисоим* «Маленький Дмитрия ручей» (хант. *ай* «маленький» + *Дмитрий* + *соим* «ручей»); *Ай-Ногорсоим* «Маленький кедра ручей» (хант. *ай* «маленький» + *нохар юх* «кедр» + *соим* «ручей»); *Ернъегимсоим* «Ненецкой дороги ручей» (хант. *ур* «ненецкий» + *юрн* «ненец» [5, с. 90] + *юи* «дорога, тропа, путь»); *Нанкпайсоим* «Ручей сопки лиственницы» (хант. *наук* «лиственница» [5, с. 54] + *пай* «бугор, пригорок, холмик» [5, с. 65] + *соим* «ручей»); *Пежикурсоим* «Телячьей ножки ручей» (хант. *пқиши* «олененок» + *кур* «ножка» + *соим* «ручей»); *Егатыйтор* «Истока реки озеро» (хант. *йахту* «река, речка» + *тай* «исток» + *тор* «озеро»).

Четырехкомпонентные названия

Ай-Евъюгантор «Маленькое озеро реки окуня» (хант. *ай* «маленький» + *йахту* «речка» + *ев* «окунь» + *тор* «озеро»); *Киврынгъегатывтор* «Озеро истока реки родника» (хант. *киври* «родник» + *йахту* «река, речка» + *тай* «исток»); *Хотпахтытор* «Озеро вершины реки лебедя» (хант. *хотау* «лебедь» [5, с. 97] + *тфхи* «местность» + *тай* «исток» + *тор* «озеро»); *Емынглемынетыйкаль* «Болото истока священной речки» (хант. *ем* «священный» [5, с. 25] + *лемынг* «речка, проточка» + *тай* «исток» +); *Хульюгантыйкаль* «Болото истока реки рыбы» (хант. *хек* «рыба» + *ёхан* «река» + *тай* «исток» + *каль* «безлесное болото»).

Как видим, на русской почве многокомпонентные топонимические структуры хантыйского происхождения перерабатываются и становятся сложными именами, состоящими из двух, трех, реже четырех, пяти компонентов, одним из которых является географический апеллятив. В письменной форме (на географических картах, дорожных указателях, в печатных источниках и т. п.) хантыйские топонимы чаще всего передаются едиными словами: *Ильтинсоим* «Река с живуном» (хант. *йикли* «живун» (живун – незамерзающее место на реке) [5, с. 31] + *соим* «ручей»), *Пешеньягом* «Теленка бор» (хант. *пқиши* «олененок» + *ёхам* «бор»); *Мозымсоимкаль* «Болото назымского ручья» (хант. *Мостм* (название реки) + *соим* «ручей» + *каль* «чистое, безлесное болото») и др. Значительно реже встречаются диффусные написания: *Ай – Евъюган* «Маленькая окуня река» (хант. *ай* «маленький» + *ев* «окунь» + *йахту* «речка»), *Ай – Потынъёх* «Маленькая застывшая река» (хант. *ай* «маленький» + *потам* «мерзлый» + *йахту* «речка»), *Ай-ахальяха* «Маленькая река манси» (хант. *ай* «маленький» + *ахаль* «манси» + *йахту* «речка»). Опрошение становится результатом утраты этимологической мотивированности вследствие стирания морфемных границ между его компонентами.

Сложная структурная организация хантыйских топонимов обусловлена рядом факторов природного и антропогенного свойства. Территория Обь-Иртышского Междуречья, находящаяся в административных границах Ханты-Мансийского района, расположена в ланд-

шафтной зоне средней тайги, на 47,8 % занятой лесами. Значительную часть территории составляют крупные формы рельефа: увалы, возвышенности и низменности. На ней расположено 3014 озер общей площадью 22465 га. Протяженность рек – 16165 км. [4]. Обилие разнообразных типов водных источников, объектов рельефа местности и других природных реалий, играющих важную роль в хозяйственной деятельности хантов, повлекло за собой необходимость их наименования и дефференциации. В хантыйской топонимии выработана система географических терминов, позволяющих максимально точно передавать физические особенности географического объекта.

Особенно тщательно разработанной является гидронимическая терминология. Самым употребительным среди обозначений водных источников является апеллятив *йахту* «река» [5, с. 27], выступающий в русифицированных вариантах: *еган*, *ёган*, *юган*, *ега*, *ага*, *яга*. В обозначении ручьев регулярно встречается термин *соим* «ручей» [5, с. 80]. В названиях относительно замкнутых водных источников – озер чаще других фиксируется географический апеллятив *тор* (соответствует хант. *лор* «озеро, затопляемое во время разлива рек, низкий прибрежный луг» [6, с. 50]).

Сложная структура гидронимов хантыйского происхождения обусловлена стремлением номинаторов дать наиболее точные географические координаты того или иного объекта. Подобные названия, как правило, ориентируют человека на смежные с называемым географические реалии. Ориентирами обычно становятся объекты, известные большинству людей.

Гидронимы содержат информацию о местоположении одного объекта относительно другого или его части: *Соимтор* «Ручья озеро» (хант. *соим* «ручей» + *тор* «озеро»), *Мухилор* «Протоки озеро» (хант. *мухтм* «протока, рукав реки» + *кор* «сор (заливной луг)» [5, с. 41]), *Кальюган* «Болота река» (хант. *каль* «безлесное болото» + *йахту* «река»).

В основе ряда названий водных источников лежит установление местонахождения географического объек-

та путем указания на размещение его сверху или внизу, в центре или с краю ландшафтной зоны: *Итьях* «Нижняя (по течению) река», *Утьеган* «Дальняя река», *Кутлопсоим* «Средний ручей».

В гидронимах может заключаться указание на нахождение позади другого объекта: *Шанжьюган*, *Шишъеган* «Река, находящаяся позади (стойбища)», букв. «со спины текущая река» (хант. *шани* «спина» [5, с. 243] + *йахту* «река»).

Атрибутивная часть значительного количества гидронимов может содержать характеристику географического объекта по его свойствам и качествам, отражать особенности окружающей среды. В подобных названиях фиксируются специфические качества объекта, что делает возможным выделение его из ряда подобных: *Ай-Соим* «Маленький ручей», *Вацага* «Узкая речка», *Няр-соим* «Сырой ручей» (хант. *няр* «сырой» [5, с. 62] + *соим* «ручей»), *Енгдалор* «Круглое озеро» (хант. *еута* «круглый» [5, с. 24] + *кор* «сор (заливной луг)» [5, с. 41]).

Нередки в топонимии Обь-Иртышского Междуречья географические имена, в которых воплощены мифологические воззрения хантов: *Емъеган* «Священная река» (хант. *ем* «священный» + *йахту* «река»), *Сирдэмсоим* «Ручей, на котором шаманили» (хант. *сиртэ* «шаманить» + *соим* «ручей»), *Ай-Емтор* «Маленькое священное озеро», *Менкур* (ручей) «Нога лесного великана» (хант. *менкв* «сверхестественное существо, дух» + *кур* «нога») и др.

Таким образом, совокупность рассмотренных факторов, определяющим среди которых является антропогенный фактор, обусловила формирование уникальной национальной топонимии хантов, отличающейся лингвотнической спецификой. Своеобразие имен водных источников хантыйского происхождения отмечается и на структурном, и на семантическом уровнях. Многочленные названия реализуют ментальные представления народа об окружающем мире, в котором человек неразрывно связан с животными, растениями, водой, землей, сторонами горизонта, небесными светилами и космосом [8, с. 45].

Литература

1. Блинова, О. И. Явление мотивации слова / О. И. Блинова. – Томск, 1984.
2. Кривошекова-Гантман, А. С. Специфика формантного метода в агглютинативных языках (на материале пермских языков) / А. С. Кривошекова-Гантман // Топонимия Урала и Европейской части СССР. – Свердловск, 1985.
3. Кошкарева, А. М. Материалы для областного словаря (специальная лексика северных районов Тюменской области: в 4-х ч. – Ч. 1: лексика рыболовства) / А. М. Кошкарева. – Нижневартовск, 1993.
4. Ханты-Мансийский район. Общая информация. – Режим доступа: <http://hmtm.ru/raion/index.php> (дата обращения: 23.01.14).
5. Скамейко, Р. Р. Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский (шурыш. диал.): пособие для уч-ся нач. шк. / Р. Р. Скамейко, З. И. Сязи. – СПб.: Просвещение, 1992.
6. Терешкин, Н. И. Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский / Ваховский диалект, справочное издание / Н. И. Терешкин, В. И. Сподина. – Нижневартовск, 1997. – 335 с.
7. Хантыйско-русский словарь (сургутский диалект) / сост. В. М. Глушак. – Сургут: Изд-во СурГУ, 2006.
8. Мифология хантов / В. М. Кулемзин [и др.]; науч. ред. В. В. Напольских. – Томск: Изд-во ТГУ, 2000.
9. Югория: энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа: в 3 т. – Ханты-Мансийск: Сократ, 2000.

Информация об авторе:

Исламова Юлия Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (г. Ханты-Мансийск), 8-950-501-73-50, islyv@rambler.ru.

Yulia V. Islamova – Candidate of Philology, Leading Research Associate at Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Projects.

Статья поступила в редколлегию 03.03.2014 г.

СОВРЕМЕННАЯ ТРАКТОВКА ПОНЯТИЯ НОВОСТИ В УСЛОВИЯХ МЕДИАКОНВЕРГЕНЦИИ

А. Б. Макушин

MODERN TREATMENT OF THE CONCEPT OF NEWS IN THE CONDITIONS OF MEDIA CONVERGENCE

A. B. Makushin

Статья посвящена важному этапу развития телевизионной новостной журналистики. В данной работе анализируется ситуация, сложившаяся в современном телевизионном производстве, в связи с бурным развитием «новых» медиа, рассматриваются варианты адаптации традиционных информационных технологий в условиях борьбы за аудиторию. Один из основных трендов развития современного новостного телепроизводства – ревизия основных законов и правил тележурналистики, базирующихся, в том числе, на таком важнейшем понятии, как новость.

The paper is devoted to an important stage of development of television news journalism. In this work the situation which has developed in modern television production, in connection with rapid development of "new" media is analyzed, options of adaptation of traditional information technologies in the conditions of fight for audience are considered. One of the main trends of modern news teleproduction development is the audit of basic laws and the rules of television journalism which, among others, are based on such major concept as news.

Ключевые слова: конвергенция, новостной формат, новостной контент, интернет-журналистика, телевизионное производство.

Keywords: convergence, information format, information content, Internet journalism, television production.

В течение последних 50-ти лет телевидение справедливо считается наиболее популярным и влиятельным представителем электронных медиа. С момента открытия регулярного вещания в 1945 году оно проделало огромный путь, став важнейшим средством информации населения о событиях в стране и за рубежом, мощным средством воздействия на жизнь общества. «Телевидение является наиболее универсальным и распространенным источником информации, так как оно содержит в себе аудиовизуальное восприятие» [1, с. 44].

На протяжении многих лет основными движущими силами развития телевидения были такие, как амбиции создателей программ, конкуренция между творческими бригадами разных программ. После появления второго, третьего и т. д. телевизионных каналов добавилась конкуренция между вещательными компаниями в борьбе за аудиторию. Но, по большому счету, телевидение всегда было монополистом и непререкаемым лидером в медиасреде, что и стало, в определенные моменты времени, причиной если не застоя, то, как минимум, не максимально интенсивного его развития. Ситуация резко изменилась в середине нулевых годов нынешнего столетия, когда аудитория, имеющая возможность доступа к интернет-ресурсам, стала сопоставима по количественному показателю с телеаудиторией. интернет-СМИ стали настолько популярны, что составили реальную и серьезную конкуренцию традиционным СМИ. Это стало следствием очевидных преимуществ стремительно развивающейся интернет-журналистики, основанных на особенностях интернет-технологий. Важнейшим преимуществом Интернет-СМИ можно считать предельно высокую скорость доставки контента до аудитории. Если новость не является настолько важной, чтобы телеканал вышел в эфир со специальным информационным выпуском, то в формате традицион-

ного телевизионного эфира она появится лишь в слоте, предназначенном для выпуска новостей, в соответствии с эфирной сеткой вещания. В тоже время интернет-СМИ может выдать аналогичный контент практически сразу. Таким образом, задержка по времени может быть настолько значительной, что при прочих плюсах традиционного телевизионного производства, показ этого контента по ТВ может потерять актуальность.

Вторая важная особенность – использование доступных населению гаджетов: портативных и зачастую достаточно качественных фото, видеокамер, мобильных телефонов. Ни одна из самых богатых телекомпаний не может себе позволить содержать корреспондентскую сеть из миллионов человек, находящихся во всех точках земного шара. Поэтому, если новость возникает внепланово, первая «картинка» часто является от случайно оказавшегося на месте события любителя. В качестве ярких примеров последнего времени можно вспомнить репортажи об аварии самолета в аэропорту «Внуково», зафиксированного автомобильным видеорегистратором и о падении метеорита в Челябинской области, снятым на камеру мобильного телефона.

Осознавая все риски, связанные с появлением жесткой конкуренции, производители телевизионного контента проявляют серьезную озабоченность. По данным агентства «Gallup Media» количественные показатели телеаудитории в последние годы заметно снизились. Тот же факт косвенно подтверждает очевидное снижение объема денежных средств, выделяемых коммерческими структурами на телевизионную рекламу, и пропорциональное увеличение финансовых вливаний в рекламу интернет-СМИ. В таких условиях телевизионные каналы вынуждены каким-то образом реагировать на происходящее, чтобы удержать аудиторию.

Эксперты в области массмедиа выделяют несколько трендов развития российского телевидения, среди которых: переформатирование каналов для получения возможности оперативного размещения информационного контента, переформатирование информационных программ в первую очередь за счет интеграции новостных технологий интернет-журналистики в телевизионное производство. Но важнейшим шагом для повышения конкурентоспособности современного телевидения должна стать ревизия теоретических и практических наработок в области телевизионного новостного производства, как результата богатейшего опыта нескольких поколений специалистов в этой области, и адаптации традиционных принципов и законов тележурналистики к современным реалиям.

Основная задача, которую ставит перед собой автор статьи, дать современную характеристику такому ключевому понятию тележурналистики, как новость. Ведь правильное, системное понимание журналистом уровня события позволяет ему грамотно осуществлять планирование мероприятий по освещению информационной картины дня (недели, месяца), затем верстку новостного выпуска, качество которой, в значительной степени, определяет качество самого выпуска.

Исследователи применяют разные подходы при определении новости, общий смысл которых сводится к характеристике ее как творческого преобразования факта, рассчитанного на восприятие аудитории. Согласно словарю С. И. Ожегова, «новость – это нечто новое» [4, с. 141]. Ещё одно простое определение: «Новость – недавно полученное известие» [2, с. 13].

Американские специалисты в области масс-медиа Эверетт Деннис и Джон Мэрилл считают, что «Новость – это сообщение, в котором представлен современный взгляд на действительность в отношении конкретного вопроса, события или процесса. В новости прослеживаются важные для индивида или общества изменения, которые подаются в контексте общепринятого или типичного. Новость оформляется с учетом консенсуса относительно того, что интересует аудиторию, а также внутренних и внешних ограничений, с которыми приходится сталкиваться соответствующей редакции. Она – результат ежедневно возобновляемой игры по достижению коллективного договора внутри редакций, сортирующих происходящие за конкретный промежуток времени события с тем, чтобы создать скоропортящийся продукт. Новость – это несовершенный результат принятия скороспелых решений в ситуации давления извне и изнутри» [3, с. 35].

Существует также подход, где новость определяется как то, что интересно большей части общества и что было неизвестно ей прежде. «Новостью может стать только интересное, необычное и значимое событие, происшедшее за последние двадцать четыре часа» [3, с. 78]. То есть, на первое место выносятся своевременность событий или их оценок, близость к аудитории, драматизм.

Используя свой практический опыт в разработке телевизионных новостных форматов, автор статьи предлагает следующее определение понятию новости:

«Новость – это информация об изменении статуса ситуации во времени, которая в силу своей значимости попадает в топ определенного формата».

В данном определении присутствуют, в том числе, признаки драматургического подхода к описанию ситуации, поскольку «изменение статуса события» есть ничто иное, как одна из позиций классической драматургии, а именно конфликт. Такой подход может использоваться в практической журналистике для более точного понимания, как самого факта новости, так и уровня ее значимости. Например, представим, что спортсмен выиграл олимпийский забег на дистанции сто метров. В данном случае можно предположить наличие одного, двух и более конфликтов статусов ситуаций во времени, позволяющих говорить о событии, как о новости: еще 20 секунд назад это был малоизвестный бегун – сейчас он олимпийский чемпион, или, до этого страна не имела наград – сейчас в активе золотая медаль, или, рекорд на дистанции был 10 секунд, стал 9 и т. д.

В соответствии с таким определением алгоритм регистрации новости достаточно прост. Во-первых, любое изменение ситуации во времени дает формальный, так называемый информационный повод для попадания в новостной формат. Любой же телевизионный информационный формат имеет свою эксклюзивную типовую форму, с достаточно жесткими параметрами, среди которых такие, как хронометраж, схема верстки, предполагающая определенное количество новостей по тематике, жанру.

Сам новостной материал, в свою очередь, «спирит» за место в топе по совокупности показателей. Не смотря на то, что многие специалисты в области тележурналистики обращают внимание на некоторое смещение в оценках новостных форматов, основными критериями остаются те, которые были сформулированы на этапах зарождения телевидения:

- техническое качество «картинки»;
- информативность;
- актуальность;
- социальная значимость;
- оперативность;
- эксклюзивность;
- уровень драматургии;
- степень близости к аудитории;
- максимальное количество деталей.

Требования качеству контента в области телевидения принято применять «по умолчанию». Они подразумевают соответствие нормам всех, прежде всего, технических параметров изображения. Это относится к таким позициям, как правильная цветопередача, фокус, яркость, контрастность, стабилизация и т. д. Чтобы изображение было «в норме» специалист, в данном случае оператор, отвечающий за эти параметры, должен произвести ряд предупреждающих действий. Среди них такие, как сведение камеры при любом изменении характера освещения, работа исключительно с использованием штатива и т. д.

Одно из важнейших требований к новости, передаваемой с помощью визуального ряда, «картинка» должна быть информативной. Она должна включать в себя такие элементы изображения, которые по сово-

купности, должны донести до зрителя всю необходимую информацию, даже без звукового сопровождения. Представьте себе экран телевизора, который состоит из мельчайших пикселей. Качество информативности изображения прямо пропорционально количеству пикселей на телевизионном экране, работающих на раскрытие смыслового содержания, заложенного автором информационного контента. Если все элементы «картинки», все ее детали, соответствуют задуманному содержанию, то уровень качества можно оценить близким к максимальному. Если перед нами, например, стоит задача записать интервью с лечащим врачом о состоянии пациента, то необходимо строго соблюсти ряд требований. Среди них: врач одет в характерную форму – халат, колпак; на заднем плане элементы больницы (палата, операционная), отсутствие деталей, не относящихся по смыслу к содержанию интервью (в окне виден экскаватор, роющий яму). Т. е. «картинка» должна нести исключительно только ту информацию, которую закладывает автор, и не один пиксель, в идеале, не должен давать зрителю дополнительную ненужную информацию.

Важным параметром новости является ее актуальность. Степень актуальности, в свою очередь, зависит от нескольких позиций, одной из которых является оперативность – время между возникновением самого факта события и получением аудиторией информации о нем, другой социальная значимость – степень с информацией аудиторией.

Не менее важным показателем для новости является степень ее эксклюзивности. Новостной контент может быть эксклюзивным за счет целого ряда факторов, например, компания – единственный обладатель новости, компания, в силу обстоятельств (технические особенности подготовки контента, эфирная сетка, юридические, договорные аспекты и т. д.) компания имеет возможность первой представить контент, компания имеет исключительную часть контента, которая позволяет оценивать статус новости, как эксклюзивный и т. д.

Литература

1. Ахмадулин, Е. В. Краткий курс теории журналистики / Е. В. Ахмадулин. – Ростов н/Д., 2006.
2. Васильева, Л. А. Делаем новости! Учебное пособие / Л. А. Васильева. – М.: Аспект Пресс, 2003.
3. Денис, Э. Беседы о масс-медиа / Э. Денис, Д. Мерим. – М., 1997.
4. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: Азъ, 1992.

Информация об авторе:

Макушин Александр Борисович – продюсер, режиссер телевидения, лауреат Национальной премии в области телевидения «ТЭФИ», преподаватель ВШТ МГУ им. М. В. Ломоносова, 8 (903) 130-99-02, McUchin@mail.ru.

Alexander B. Makushin – the producer, TV director, winner of "TEFI" National television award, trainer at Higher School of Television, Lomonosov Moscow State University.

Качество новостного телевизионного контента напрямую зависит от драматургического построения информации. В данном случае, на примере информационного репортажа, речь идет о количественных и качественных показателях использования и определения последовательности таких элементов, как «картинка» с закадровым текстом, «синхрон», «stand-up», «live», варианты композиций: «от общего к частному», «от частного к общему», наличие противоположных точек зрения и т. д.

Степень близости новости к аудитории характеризуется двумя следующими параметрами: географическая близость события от места нахождения зрителя и схожесть социального, материального, морального, физического состояния героя (героев) новости и зрителя.

Еще одна важная позиция: новостной контент должен содержать максимальное количество деталей. Телевизионное производство – сложный механизм, в работе которого принимают участие сотни, тысячи специалистов. Глядя на экран телевизора, зритель, как правило, не задумывается, какие непростые технологические, организационные процессы предвзряют появление на экране телевизора, например, программы с участием его любимого артиста. Одна из причин интереса аудитории – телезритель видит на экране то, что в жизни ему, чаще всего, не доступно. Главное преимущество телевидения – возможность показывать детали события, которые «не видит человеческий глаз».

Необходимо еще раз обратить внимание на то, что одним из главных аргументов в условиях жесткой борьбы за аудиторию между интернет-ресурсами и телевидением, является качественный профессиональный телевизионный новостной контент, производство которого невозможно без использования современных информационных технологий, базирующихся на таком важнейшем медийном понятии, как новость.

Статья поступила в редколлегию 07.04.2014 г.

**КОРРЕЛЯЦИОННЫЙ АНАЛИЗ ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ
АНГЛИЙСКИХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ «АРТЕФАКТЫ»**

И. Л. Петроченкова

**CORRELATION ANALYSIS OF CHRONOLOGICAL CHARACTERISTICS
OF ENGLISH NOUNS DENOTING "ARTIFACTS"**

I. L. Petrochenkova

Статья посвящена изучению хронологических характеристик класса английских имен существительных со значением «артефакты» при помощи метода корреляционного анализа Пирсона в рамках компьютерной программы «STATISTICA» 6.0. Данный метод исследования позволил установить статистически релевантные корреляции артефактов с датой их вхождения в английский язык, выявить диагностические хронологические признаки класса «артефакты», а также проследить динамику их развития на протяжении истории.

The paper is devoted to the analysis of chronological characteristics of English nouns denoting "artifacts" using Pearson correlation analysis within the computer programme "STATISTICA" 6.0. This method of research allowed to determine statistically relevant correlations of artifacts with the date of their entry into the English language, to reveal the diagnostic chronological characteristics of the nouns denoting "artifacts" and to trace the genesis of the studied group of words throughout history.

Ключевые слова: корреляционный анализ Пирсона, артефакт, хронологические признаки, староанглийский, среднеанглийский, новоанглийский периоды.

Keywords: Pearson correlation analysis, artifact, chronological characteristics, Old English, Middle English, New English periods.

Целью данной статьи является установление хронологических особенностей английских имен существительных со значением «артефакты» при помощи метода корреляционного анализа Пирсона.

Исследование межуровневых соотношений различных диагностических признаков знаменательных частей речи в английском языке проводится в рамках коллективной темы школы профессора Г. Г. Сильницкого, разрабатываемой на кафедре английского языка и методики его преподавания в Смоленском государственном университете [4; 5; 8].

Корреляционный анализ Пирсона позволяет установить релевантные корреляции класса «артефакты» с датой их вхождения в английский язык, а также определить степень и характер (положительный или отрицательный) их взаимосвязи. Степень, сила или теснота корреляционной связи определяется по величине коэффициента корреляции, который может изменяться в пределах от -1 до +1. Чем сильнее связь между признаками, тем ближе величина коэффициента корреляции к 1. Тем не менее, при рассмотрении нижеприведённых примеров следует иметь в виду, что коэффициент корреляции представляет вероятностную, но не линейную меру связи двух признаков; поэтому положительный коэффициент не означает, что данные два признака совместно представлены во всех без исключения рассматриваемых случаях, равно как отрицательный коэффициент не означает их абсолютной несовместимости [3, с. 95].

Материалом исследования послужил корпус английских наименований артефактов (851 лексическая единица), взятых из словарных статей англоязычных словарей: The Concise Oxford Dictionary of Current English [9] и Roget's Thesaurus of English Words and Phrases [6].

Материальные артефакты (от лат. artefactum – искусственно сделанное) – это созданные людьми предметы, вещи, орудия труда, одежда, хозяйственная утварь, жилище, дороги. Артефакт – это не просто предмет; он вовлечен в предметно-практическую и интеллектуально-духовную деятельность человека [1, с. 51].

В данном исследовании класс существительных со значением «артефакты» в семантическом плане разделен на следующие подклассы: «Орудия труда / инструменты» – 53,1 %, «Транспортные средства» – 25 %, «Предметы хозяйственного обихода» – 6,6 %, «Жилище» – 5,9 %, «Оружие» – 4,9 %, «Одежда» – 4,5 %.

Каждый из выделенных подклассов обладает собственной семантической спецификой, которая может быть описана в рамках *языковой ситуации*, отражающей посредничество предмета (артефакта) в целенаправленной деятельности человека (субъекта). Артефакты предстают проводником активности от субъекта к объекту, тем звеном, без которого невозможна вся цепочка [2, с. 340].

Понятие «*инструмент*» (instrument) трактуется в настоящем исследовании как материальный артефакт, включенный в структуру языковой ситуации и служащий опосредствующим звеном в процессе воздействия субъекта на объект с целью достижения определенного результата.

Транспортное средство (means of transport) – это устройство (материальный артефакт), приводимое в движение субъектом и используемое для транспортировки (перевозки) как самого субъекта, так и других объектов (людей, грузов, оборудования).

В качестве «*предметов хозяйственного обихода*» (household goods) в данном исследовании выступают традиционные предметы домашнего быта (кухонная

утварь, посуда, предметы мебели и т. д.), используемые субъектом для удовлетворения своих бытовых потребностей.

В подкласс «оружие» (weapon) входят существительные, обозначающие как оружие в целом, так и отдельно взятые его виды, используемые субъектом для нападения или обороны.

Концепт «жилище» (house, home) включает в себя различные строения и их элементы (дверь, окно, камин, крыша и т. д.), используемые субъектом в своей жизнедеятельности для получения определенных благ.

«Одежда» (clothes, clothing) как артефакт включает одежду как таковую, а также отдельные предметы одежды, используемые человеком в своей жизнедеятельности для получения определенных удобств и благ как практического, так и духовно-эстетического характера.

В ходе исследования были рассмотрены хронологические признаки всего класса существительных со значением «артефакты», а также его отдельных семантических подклассов.

Под хронологическими признаками понимается дата вхождения конкретного артефакта в английский язык. Анализ языкового материала осуществлялся на основе данных, представленных в одном из самых авторитетных англо-английских словарей Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles [7].

Полученный фактический материал рассматривался в два этапа:

1. Вслед за традиционной периодизационной схемой, отражаемой в авторитетных лексикографических источниках, первоначально все проанализированные существительные распределялись на три периода, которым соответствуют следующие временные отрезки:

1) Древнеанглийский период (Old English): со времени вторжения германских племен в Британию (середина V века) до 1149 года;

2) Среднеанглийский период (Middle English): с 1149 года до 1499 года;

3) Новоанглийский период (New English): с 1500 года до настоящего времени.

Таким образом, первоначально рассматривалась общая динамика развития класса имен существительных со значением «артефакты» на протяжении всей истории, начиная с древнеанглийского периода по настоящее время.

2. Период New English (с шестнадцатого века по настоящее время) рассматривался по столетиям.

Рассмотрим подробнее полученные результаты исследования.

В ходе хронологического анализа 851 существительного со значением «артефакты» была составлена периодизация вхождения слов данного фрагмента лексической системы в английский язык и получены следующие количественные показатели:

1. Артефакты, вошедшие в английский язык в период Old English (до 1149 года) – 52 существительных (6,1 % от общего количества артефактов): auger (сверло), awl (шило), axe (топор), hammer (молоток), mattock (мотыга), needle (игла), rake (грабли), saw (пила), shovel (лопата), spear (копье), sword (шпага), wheel (колесо) и т. д.

2. Артефакты, появившиеся в английском языке в период Middle English (1150 – 1499) – 145 существительных (17,1 %): bodkin (кинжал), broom (метла), chisel (долото), colander (дуршлаг), gaff (острога), grindstone (точило), hack (кирка), fork (вилка), mallet (колотушка), razor (бритва), scissors (ножницы), spoon (ложка), whip (кнут) и т. д.

3. New English (1500 до настоящего времени) – 654 существительных (76,8 %): accumulator (аккумулятор), ballista (баллиста), blender (блендер), catapult (катапульта), corkscrew (штопор), dishwasher (посудомоечная машина), fire extinguisher (огнетушитель), incubator (инкубатор), inhalator (ингалятор), lawnmower (газонокосилка), radiator (батарея), refrigerator (холодильник), screwdriver (отвертка), vacuum cleaner (пылесос) и т. д.

Общую динамику развития артефактов в древнеанглийский, среднеанглийский и новоанглийский периоды можно наблюдать на рисунке 1.

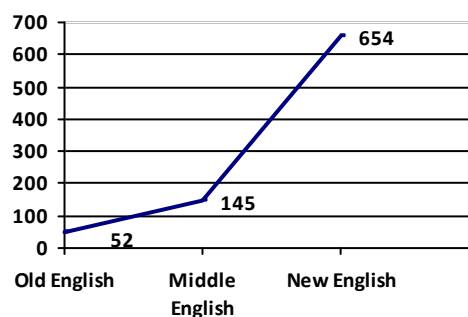

Рис. 1. История развития артефактов

Таким образом, развитие имен существительных со значением «артефакты» происходило поступательно на протяжении всей истории. Большая часть артефактов (76,8 %) вошла в английский язык в новоанглийский период по сравнению с 17,1 % в среднеанглийский период (Middle English) и 6,1 % в древнеанглийский период (Old English).

Новоанглийский период рассматривается в данном исследовании по столетиям.

1. Шестнадцатый век характеризуется появлением 77 наименований артефактов (9,1 %): poker (кочерга), watermill (водяная мельница), nut-cracker (щипцы для орехов), shaver (бритва), sprinkler (разбрызгиватель), catapult (катапульта), shredder (машинка для уничтожения бумаг) и т. д.

2. В XVII веке наблюдается незначительное увеличение в количественных показателях существительных со значением «артефакты». В данный период времени появилось 89 существительных исследуемой группы (10,4 %): drill (дрель), catheter (катетер), fire-iron (каминные щипцы), paddle (байдарочное весло), tomahawk (томагавк), tweezers (пинцет), heater (обогреватель), toaster (тостер) и т. д.

3. В XVIII веке число новых названий артефактов снижается до 81 лексической единицы (9,5 %): corkscrew (штопор), jackknife (большой складной карманный нож), boiler (кипятильник), elevator (лифт), screwdriver (отвертка), scalpel (скальпель), ventilator (вентилятор) и т. д.

4. Пик развития лексики со значением «артефакты» приходится на девятнадцатый век, когда появилось 253 существительных (29,7 %): aspirator (аспиратор), humidifier (увлажнитель), carpet-sweeper (щетка для чистки ковров), fretsaw (лобзик), pipette (пипетка), incubator (инкубатор), percolator (процеживатель), thermostat (термостат) и т. д.

5. В XX веке словарный состав английского языка дополнили 154 названия артефактов (18,1 %): aqualung (акваланг), inhalator (ингалятор), ionizer (ионизатор), launcher (пусковая установка), race-maker (стимулятор сердца), turbogenerator (турбогенератор), zimmer (ходунки) и т. д.

Картина развития существительных со значением «артефакты» в новоанглийский период (начиная с шестнадцатого века до настоящего времени) представлена на рисунке 2.

Таким образом, период New English характеризуется, по нашим данным, неравномерным ростом новой лексики со значением «артефакты»: в период с шестнадцатого по восемнадцатый век развитие находилось примерно на одинаковом уровне (английский язык дополнили 247 названий артефактов, что составляет 29 % от общего количества названий артефактов, вошедших в английский язык в новоанглийский период). Резкий скачок в развитии артефактов происходит в девятнадцатом веке (английский язык дополнили 253 лексические единицы, или 29,7 % от общего количества назва-

ний артефактов новоанглийского периода). В двадцатом столетии количество названий артефактов значительно уменьшилось и составило 154 единицы (18,1 %).

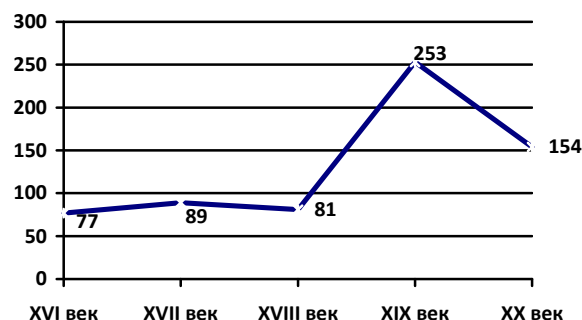

Рис. 2. Развитие существительных со значением "артефакты" в новоанглийский период

Для большей наглядности хронологические характеристики семантических подклассов артефактов («инструменты» (И), «транспорт» (Т), «предметы хозяйственного обихода» (ПХО), «жилище» (Ж), «оружие» (ОР), «одежда» (ОД)) приводятся ниже в процентном соотношении (таблица 1).

Таблица 1

Сопоставительный анализ количественных данных хронологической классификации семантических подклассов артефактов (данные в процентах от общего количества артефактов)

	<i>И</i>	<i>Т</i>	<i>ПХО</i>	<i>Ж</i>	<i>Ор</i>	<i>Од</i>
Староанглийский период	2,7	0,9	1,3	0,6	0,5	0,1
Среднеанглийский период	7,4	3,4	1,9	1,9	0,9	1,6
Новоанглийский период	43,1	20,7	3,4	3,4	3,5	2,7
XVI век	3,2	2,4	0,6	0,7	1,5	0,7
XVII век	4,3	3,5	0,7	0,6	0,8	0,5
XVIII век	4,8	3,3	0,2	0,5	0,5	0,2
XIX век	16,7	8,7	1,4	1,3	0,5	1,1
XX век	14,1	2,8	0,5	0,3	0,2	0,2

Как видно из вышеприведенной таблицы, данные по каждому семантическому подклассу артефактов полностью подтверждают ранее полученные результаты по всему классу имен существительных со значением «артефакты». Развитие всех семантических подклассов имен существительных также проходило поступательно на протяжении всей истории. Наибольшее количество существительных всех изучаемых подгрупп артефактов вошло в английский язык в новоанглийский период, особенно высокие показатели роста лексики изучаемых подклассов наблюдаются в девятнадцатом столетии.

На завершающем этапе исследования, на основании полученной базы данных по критерию Пирсона в рамках компьютерной математической программы STATISTICA 6.0. были вычислены коэффициенты корреляций подкласса английских имен существительных со значением «артефакты» с вышеперечисленными хронологическими критериальными призна-

ками (статистически релевантные положительные корреляции выделены жирным шрифтом, значимые отрицательные корреляции – курсивом, нерелевантные корреляции обозначены прочерком) (таблица 2).

Таблица 2

Корреляции подкласса имен существительных со значением «артефакты» с хронологическими признаками

<i>Хронологические признаки</i>	<i>Артефакты</i>
Староанглийский период	.12
Среднеанглийский период	-
Новоанглийский период	-.07
XVI век	-.16
XVII век	-.12
XVIII век	-
XIX век	.11
XX век	-.19

Исходя из данных таблицы видно, что в *хронологическом плане* класс «артефакты» диагностируется положительными и отрицательными релевантными корреляциями.

Класс имен существительных со значением «артефакты» отмечает наивысшим положительным коэффициентом *староанглийский период* (.12): assegai (ассагай), arrow (стрела), boat (лодка), clothes (одежда), fiddle (скрипка), hammer (молоток), harp (арфа), loom (ткацкий станок), mattock (киркомотыга), oar (весло), rake (грабли), saw (пила), shovel (лопата), sword (шпага) и др. и *девятнадцатый век* новоанглийского периода (.11): accordion (аккордеон), aeroplane (самолет), ambulance (машина скорой помощи), automobile (автомобиль), barometer (барометр), binocular (бинокль), bus (автобус), camera (фотоаппарат), computer (компьютер), lorry (грузовик), refrigerator

(холодильник) и др. Исследуемый класс имен существительных отрицательно коррелирует с *новоанглийским периодом* (-.07) в целом, оставаясь нейтральным к среднеанглийскому периоду и восемнадцатому веку новоанглийского периода.

Таким образом, в результате использования метода корреляционного анализа Пирсона были выявлены релевантные диагностические признаки английских имен существительных со значением «артефакты» – принадлежность к староанглийскому периоду и девятнадцатому веку новоанглийского периода. Полученные положительные корреляции подтверждают ранее приведенные количественные показатели хронологического исследования и подчеркивают значимость вышеупомянутых периодов времени в развитии изучаемого класса существительных.

Литература

1. Культура и культурология: словарь / под ред. И. И. Кравченко. – М.: Академический проект, 2003. – 928 с.
2. Петроченкова, И. Л. Применение методов многомерного анализа в исследовании инструментальных существительных английского языка / И. Л. Петроченкова // Вестник Брянского государственного университета. – Брянск, 2011. – № 2. – (Серия: История. Литературоведение. Право. Языкознание).
3. Петроченкова, И. Л. Системный анализ разноуровневых признаков инструментальных существительных английского языка / И. Л. Петроченкова. – Смоленск, 2012. – 120 с.
4. Сильницкий, Г. Г. Корреляционный анализ разноуровневых характеристик семантических классов «энергетических» и «информационных» глаголов в английском языке / Г. Г. Сильницкий // Десятые Поливановские чтения. – Смоленск, 2011. – С. 84 – 96.
5. Сильницкий, Г. Г. Семантика. Грамматика. Квантитативная и типологическая лингвистика / Г. Г. Сильницкий. – Смоленск, 2006. – Т. 2. – 362 с.
6. Roget, P. M. Roget's Thesaurus of English Words and Phrases / P. M. Roget. – 2004. – 824 p.
7. Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles. Oxford University Press. – 2002. – 3750 p.
8. Silnitsky, G. Correlation of Phonetic and Morphological Systems of Indo-European Languages / G. Silnitsky // Journal of Quantitative Linguistics. – 2009. – Vol. 10. – № 2. – P. 129 – 141.
9. The Concise Oxford Dictionary of Current English. Oxford University Press. – 1999. – 1666 p.

Информация об авторе:

Петроченкова Инна Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки» Смоленского филиала Московского государственного университета путей сообщения, 8-910-728-66-44, petrocinna@yandex.ru.

Inna L. Petrochenkova – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Foreign Languages, Moscow State University of Railway Engineering (Smolensk Branch).

Статья поступила в редколлегию 02.04.2014 г.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ
РУССКИХ ГЛАГОЛОВ-СВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ

Ж. Ю. Полежаева

LEXICAL AND SEMANTIC CLASSIFICATION
OF THE RUSSIAN VERBS DENOTING *LIGHT*

Zh. Yu. Polezhaeva

В статье представлена лексико-семантическая классификация русских глаголов-светообозначений; определяется семантический признак, согласно которому проводился отбор глаголов в лексико-семантическую группу глаголов-светообозначений; описываются семы, участвующие в распределении глаголов по подгруппам; выводятся семные формулы для каждой из подгрупп.

The paper presents the lexical and semantic classification of the Russian verbs denoting light, also the semantic feature is defined on the basis of which the verbs are included in the lexical and semantic group of light. The semes participating in the classification of verbs are described, the semantic formulas for each subgroup are deduced.

Ключевые слова: семантика, глаголы-светообозначения, лексико-семантическая классификация, семы.

Keywords: semantics, verbs denoting light, lexical and semantic classification, seme.

Несмотря на то, что светообозначения (далее – СО) не раз попадали в поле зрения отечественных филологов, они, как правило, изучались «факультативно» по отношению к цветообозначениям. Подобная ситуация в известной мере оправданна, поскольку свет и цвет тесно связаны как в плане феноменологическом, так и в плане языкового выражения.

Цветообозначения (а в рамках этой группы частично рассматривались и СО) активно изучались в таких, совершенно разных областях, как отработка методов выделения семантических полей, этимология и история языка, описание языковой картины мира и др. Особой популярностью в русистике всегда пользовались исследования цвето- и светонаименований в плане изучения идиостиля какого-либо писателя. Отсюда и начинается движение к выделению СО в качестве отдельно-го предмета лингвистического исследования.

Мы должны отметить, что в последнее время немало сделано для уяснения природы представления светового признака средствами языка: предпринимались попытки сопоставительного описания СО в разных языках на предмет выявления их этнокультурной специфики; проводился ассоциативно-психологический эксперимент с носителями русского языка, детально исследованы и описаны субстантивные и адъективные СО на материале русского, английского, немецкого, французского языков [2; 3; 4; 5; 7].

Однако до сих пор специального исследования, посвященного глагольным СО, не проводилось, а между тем результаты такого исследования могли бы оказаться весьма полезными в плане наблюдающегося в современной русистике интереса к идеографическому описанию ресурсов родного языка и составлению его национального корпуса.

Цель настоящей статьи дать развернутую лексико-семантическую классификацию глаголов-СО. По результатам выборки из «Словаря русского языка» в 4-х т. (под ред. А. П. Евгеньевой) таких глагольных светонаименований насчитывается 428 [6].

Основанием для включения глаголов в группу светообозначений является наличие у них светового при-

знака, который определяется нами как *семантическая способность глаголов применительно к характеристике внешнего мира обозначать такие зрительно воспринимаемые свойства артефактов или естественных явлений природы, которые характеризуют ту или иную степень проявления ими лучистой или электрической энергии (свет, блеск, отсвет, блик и т. п.)*. В такой интерпретации световой признак (как и его значимое отсутствие) представляет собой семантический комплекс характерных сем.

Р. М. Гайсина, основываясь на опыте ведущих отечественных лексикологов, предложила систему денотативных сем глагола условно поделить на субстанциональные и несубстанциональные [1, с. 13–22]. Нам такое деление кажется справедливым, и в своей работе мы придерживаемся классификации сем, предложенной Р. М. Гайсиной.

В семантике глаголов-СО можно выделить целый комплекс денотативных сем разной степени абстрактности и уровня иерархии. Наиболее абстрактными несубстанциональными семами, характеризующимися предельно широкой частотностью, являются семы «становления» и «бытийности». Вся глагольная лексика СО распределяется между этими семами, например, *блестеть*, *лучиться*, *сиять* содержат в своей семантике сему «бытийности», глаголы *светать*, *светлеть*, *темнеть* – сему «становления».

На следующей ступени иерархии находятся специфичные семы: «свет (+ свет как освещение)», «блеск», «излучать», «видимость (зрение)». Данные семы позволяют выделить глаголы-СО в отдельную ЛСГ из всего пласта глагольной лексики.

На третьей ступени иерархии находятся квалифицирующие семы, которые являются определяющими при распределении глаголов по подгруппам внутри ЛСГ светообозначений: сема «светотраждаемость» (*отсвечивать*, *отблещивать*); сема «светопроницаемость» (*проникнуть* – *проникать* 3, *просочиться* – *просачиваться* 1); сема «светопроницаемость» (*проясниться* – *проясняться*, *просветлеть* – *светлеть* 1); сема «огонь» (*гореть* – *сгореть* 1, *пылать* 1);

сема 'цвет' (золотиться 2, серебриться 2; сема 'тепло' (палить¹ 5, жечь 2); сема 'темнота' (погаснуть – погасать и гаснуть 1, осветить) и др.

В целом же, распределение глаголов по подгруппам зависит от комбинации различных сем.

Особняком стоит сема 'интенсивность' (проявления светового признака) (= излучаемость) ('максимальная', 'высокая', 'умеренная', 'низкая', 'крайне низкая' (= 'минимальная') и сема 'равномерность / неравномерность' (= прерывистость). Следует отметить, что сема 'интенсивность' может маркироваться глагольными аффиксами (например, в глаголе *посвечивать* сема '+низкая интенсивность (излучения)' маркирована словообразовательными аффиксами, «переводящими» глагол в разряд прерывисто-смягчительного способа глагольного действия), а может «встраиваться» в саму лексему, как, например, в глаголе *теплиться* (в значении 'излучать слабый свет, светиться').

Сема 'интенсивность' (проявления светового признака) и сема 'равномерность / неравномерность' (= прерывистость) не участвуют в распределении глаголов по подгруппам, их можно обнаружить в семантике глаголов разных подгрупп.

Перечисленные семы относятся к несубстанциональным, которые собственно и определяют лексическое значение глагола. Среди субстанциональных сем у глаголов-СО представлены только функциональные, которые отображают Участников обозначаемой глаголом ситуации. Однако семантические роли Участников ситуации не будут освещаться в рамках данной статьи.

И, наконец, по роли в организации значений слов можно выделить доминирующие семы, которые играют решающую роль в организации значений слов, и недоминирующие. В качестве доминирующих в глаголах-СО выступают семы 'свет' ('блеск') и 'излучать'. Они организуют значения глаголов, составляющих ядро ЛСГ.

В своей работе мы прибегли к компонентному анализу лексических единиц как методу изучения лексической семантики.

Следует отметить то, что ситуация света может быть описана не только глаголами-СО, но и глаголами других ЛСГ. Основным своим значением эти глаголы входят в такие лексико-семантические группы, как ЛСГ глаголов движения (перемещения), ЛСГ глаголов действия (деятельности), ЛСГ глаголов положения в пространстве, ЛСГ глаголов бытийности, ЛСГ глаголов эмоционального состояния, другими своими значениями эти глаголы обозначают ситуацию «света»: *набежать – набегать, падать – упасть – пасть, пробежать – пробежать, перебежать* и др. (ЛСГ глаголов движения (перемещения)); *бросать – бросить, заглянуть – заглядывать, прорезать – прорезать – прорезывать, застлат – застилать, играть (деятельности); покрыть – покрывать – крыть, облечь – облекать, обвить – обвивать, охватить – охватывать* и др. (ЛСГ глаголов положения в пространстве); *царить, царствовать* (ЛСГ глаголов бытийности); *хмуриться – нахмуриться, нахмуриться – нахмуриваться – хмуриться* и др. (ЛСГ глаголов эмоционального состояния).

Всего нами выделено 12 подгрупп с исходной световой семантикой «наличие светового признака» и 3 подгруппы с исходной семантикой, указывающей на значимое «отсутствие светового признака».

Общими для всех конstituентов всех подгрупп являются семантические компоненты '+ свет', '+ блеск', '+ излучать / получать излученный свет', '+ видимость'. Помимо указанных сем в семантике некоторых глаголов выделяются такие семантические компоненты, как 'светопропускаемость', 'светопроницаемость', '+светоотражаемость', 'огонь', 'тепло', 'цвет' и др.

Все семантически релевантные компоненты мы представляем в начале каждой подгруппы в виде своеобразной семной формулы. Дополнительные семантические компоненты (ДСК) указаны в скобках напротив каждого глагола. Они как бы «уточняют» семную формулу. Одними из самых распространенных ДСК являются 'интенсивность', 'равномерность / неравномерность (= прерывистость)'.

Рассмотрим подгруппы с исходной световой семантикой «наличие светового признака».

1. Подгруппа с общим значением «излучать, испускать, давать свет».

Семная формула: '+ свет', '+ излучать', '+ видимость'.

Подавляющее большинство глаголов данной подгруппы содержат в своей семантике ДСК 'интенсивность', 'равномерность/неравномерность (= прерывистость)'. Глаголов, значение которых не осложнялось бы этими семантическими компонентами, очень мало: *светить 1, 2, светиться 1, излучать – излучить, излучаться, гореть 2, источать 2, источаться, испускать 2, лучиться¹ 1*.

Остальные глаголы можно охарактеризовать по степени интенсивности излучения (испускания) света и равномерности/неравномерности его излучения следующим образом. Преобладают глаголы с низкой интенсивностью излучения света (65 %). Часто данный компонент выступает в сочетании с компонентом «неравномерность (прерывистость) проявления признака»: *мигать 3* ('низкая интенсивность', 'прерывисто'), *помаргивать* ('низкая интенсивность', 'прерывисто'), *мелькать 3* ('низкая интенсивность', 'прерывисто'), *трепетать 1//* ('низкая интенсивность', 'прерывисто'), *дрожать 1* ('низкая интенсивность', 'прерывисто') и др. 21 % глаголов-СО характеризуются максимальным проявлением интенсивности излучения, 14 % – высокой степенью интенсивности: *сверкать 1* ('максимальная интенсивность', 'прерывисто'), *сиять 1* ('максимальная интенсивность', 'равномерно'), *пылать 2* ('макс. интенсивность', 'равномерно'), *прорезать – прорезать и прорезывать 2* ('макс. интенсивность', 'блеск'), *ударить – ударять 9* ('макс. интенсивность'), *высветить – высвечивать* ('высокая интенсивность', 'отчетливая видимость'), *высветиться – высвечиваться* ('высокая интенсивность', 'отчетливая видимость') и др.

В семантике следующих глаголов можно выделить **квантитативный компонент** проявления светового признака. Этот компонент, как правило, сопровождается характеристикой по степени интенсивно-

сти: *посветить* (+‘неопр. временной период’), *посвечивать* (+‘низкая интенсивность’, ‘неравномерно’, ‘время от времени’), *просиять* 3 (+‘высокая интенсивность’, ‘большой временной период’), *померцать* (+‘низкая интенсивность’, ‘прерывисто’ ‘блеск’, ‘неопр. временной период’), *мелькнуть* 3 (+‘низкая интенсивность’, ‘один раз (одноактность)’), *помигать* 3 (+‘низкая интенсивность’, ‘неопр. временной период’, ‘прерывисто’) и др.

Можно отметить глаголы, отличающиеся своей яркой **фазисной** семантикой. При этом подавляющее большинство глаголов с начинательной семантикой (88 %): *засветить*³, *засветиться*², *засверкать* 1, *засиять* 1, *воссиять* (+‘высокая интенсивность’), *замерцать* 1 (+‘низкая интенсивность’, ‘прерывисто’ ‘блеск’), *зазвонять* 3 (+‘низкая интенсивность’, ‘прерывисто’ и др. Глаголов же с финитивной семантикой только два: *отсветить*, *отсверкать*. Они относятся к глаголам с исходной семантикой, указывающей на значимое ‘отсутствие светового признака’.

Следующие глаголы, с общим значением «**наполниться / наполняться светом**», приобретают дополнительную сему ‘светонаполненность’: *осветить* – *освещать* 1, *осветиться* – *освещаться*, *залить* – *заливать* 1 (*перен.*), *озарить* – *озарять* 1, *озариться* – *озаряться* и др. Ср.: *Вся комната была залита солнечным светом.*

Следующие глаголы содержат в своей семантике дополнительную сему ‘способ движения или перемещения света’: *сочиться* (+‘низкая интенсивность’), *брызнуть* 2 (+‘высокая интенсивность’), *струиться* (+‘низкая интенсивность’), *скользить* – *скользнуть* 2, *пробежать* – *пробежать* 2 и др.

Ряд глаголов в равной мере можно отнести и к группе, указывающей на наличие светового признака, и к группе, указывающей на отсутствие этого признака, одновременно. Например, *упасть* может и *свет (блик)*, и *тьма (тень)*. Мы приводим их здесь: *охватить* – *охватывать* 3, *обхватить* – *обхватывать*, *лечь* 3, *рассеяться* – *рассеиваться* 2, *падать* – *упасть* – *пасть*, *упасть*, *кидать* – *кинуть* 2, *скользить* – *скользнуть* 2, *бросать* – *бросить* 2, *пробежать* – *пробежать* 2, *перепрыгнуть* 2, *отбросить* – *отбрасывать* 4.

И, наконец, можно выделить несколько глаголов со значением «**держат источник, направлять его свет куда-либо**»: *светить* 2, *осветить* 1//, *подсветить* – *подсвечивать*, *посветить* – *посвечивать* (Ср.: *светить фонариком*) и глаголы со значением «**заставить гореть (=светить)**»: *зажечь* – *зажигать* 1, *затеплить* – *затепливать*, *засветить*¹ 1 (Ср.: *зажечь свет/свечу*). В семантике этих глаголов в качестве доминирующей выступает сема ‘действие’ (‘деятельность’), благодаря которой их также можно рассматривать в ЛСГ глаголов действия (деятельности). Это позволяет отнести данные глаголы к периферии.

К периферии также относятся глаголы с общим значением «**направление и характер движения небесных светил**»: *взойти* – *всходить* 2, *подняться* – *подыматься* 2, *встать* – *вставать* 4, *выйти* – *выходить* 2, *висеть*, *стоять* 15, *повиснуть* – *повисать* 3, *катиться* 7, *плыть* и др. Семантика света в этих глаголах присутствует, но присутствует опосредованно.

2. Подгруппа с общим значением «излучать, издавать блеск».

Семная формула: ‘+ блеск’, ‘+ свет’, ‘+ излучать’, ‘+ видимость’.

В данную подгруппу входят следующие глаголы: *блестеть* 1 (+‘высокая интенсивность’), *поблестеть* (+‘высокая интенсивность’), *взблеснуть* – *взблескивать* (+‘макс. интенсивность’, ‘однократно’ либо ‘неравномерно’), *поблещивать* и *поблескивать* (+‘низкая интенсивность’, ‘неравномерно’), *блистать* 1 (+‘макс. интенсивность’), *проблестать* 1 (+‘макс. интенсивность’), *звездиться* (+‘макс. интенсивность’), *искриться*, *искриться*, *загореться* – *загораться* 1//, *переливать* 2, *переливаться* 2, *вспыхнуть* – *вспыхивать* 1// (+‘макс. интенсивность’) и др.

3. Подгруппа с общим значением «излучать, испускать отраженный свет, блеск».

Семная формула: ‘+ свет’, ‘+ блеск’, ‘+ светотраждаемость как свойство излучаемости’, ‘+ видимость’.

Данная подгруппа представлена глаголами *отразить* – *отражать* 2, *отразиться* – *отражаться* 1, 2, *отсвечивать*, *отсвечиваться*, *отливать* (+‘цвет’), *отблескивать* (+‘цвет’), *сверкать* 2 (+‘макс. интенсивность’), *посверкивать* (+‘низкая интенсивность’, ‘неравномерно’), *сверкнуть* 2 (+‘макс. интенсивность’), *играть* 8 (+‘высокая интенсивность’), *мерцать* 1// (+‘низкая интенсивность’, ‘прерывисто’) и др.

На периферии ЛСГ находятся глаголы с общим значением «**придать / придавать блеск**» (*лосниться*, *залосниться*, *маслиться* 2, *замаслиться* – *замасливаться* 2, *залоцииться* – *залациваться*, ср.: *лосниться о грязи*) и глаголы с общим значением «**блестеть, стать блестящим от трения**» (*лощить* – *вылощить* – *налощить*, *залощить* – *залащивать*, *глянцевать* – *наглянцевать*, *отполировать* – *отполировывать* и *полировать*, *залоснить* и др., ср.: *лощить паркет воском*). И те, и другие глаголы исключают из своей семантики сему ‘излучать’. У вторых глаголов появляется сема ‘действие’, поэтому они также могут быть рассмотрены не только в ЛСГ глаголов-СО, но в ЛСГ глаголов действия (деятельности). Это обстоятельство позволяет отнести глаголы к периферии ЛСГ.

4. Подгруппа с общим значением «излучать, испускать проникающий свет, блеск».

Семная формула: ‘+ свет’, ‘+ блеск’, ‘+ излучать’, ‘+ видимость’, ‘+ светопроницаемость’.

Здесь четко выделяются две подгруппы: а) глаголы, указывающие на то, что свет/блеск производит предмет или явление, скрывающийся за преградой (*светиться* 2 //, *просиять* 1 (+‘хорошая видимость’), *просвечивать* 2 и др., ср.: *Огни маяка просвечивали сквозь деревья*); б) глаголы, обозначающие движение света, блеска от источника через преграду. У второй подгруппы появляется ДСК ‘движение’ (*прорезаться* – *прорезываться* 3 (+‘макс. светонаполненность’), *пробить* – *пробивать* 1 (+‘светонаполненность’), *пробиться* – *пробиваться* 1, *пронизать* – *пронизывать* 3 (+‘макс. светонаполненность’), *просочиться* – *просачиваться* 1, *проникнуть* – *проникать* 1 (+‘макс. светонаполненность’), *заглянуть* – *заглядывать*).

вать 1 (+‘макс. светонаполненность’) и др., ср.: *Свет просочился сюда сквозь узкие щели*.

У всех без исключения глаголов этой подгруппы ярко выражена сема ‘*светопропускаемость*’, поэтому мы не указываем эту сему напротив каждого глагола, в этом нет необходимости. Сема же ‘*светонаполненность*’ ярко обозначена лишь у некоторых глаголов, эти глаголы выделены.

Особо отметим глаголы *сквозить* 3 (+‘светопропускаемость’), *засквозить* 1 (+‘светопропускаемость’), *пропускать* 2 (+‘светопропускаемость’), *просветиться* – *просвечиваться* (+‘светопропускаемость’), *просвечивать* 4 (+‘светопропускаемость’), *просвечиваться* 4 (+‘светопропускаемость’). Они не включаются ни в одну из указанных выше подгрупп, т. к. участник ситуации, «инкорпорированный» в семантику глагола, диктует такое истолкование: ‘пропускать свет через себя’. Ср.: *Юбка была из такой тонкой ткани, что просвечивала; Стекла солнечных очков плохо пропускали свет*.

5. Подгруппа с общим значением «становиться / стать ясным, светлым, блестящим».

Семная формула: ‘+ свет’, ‘+ блеск’, ‘+ излучать’, ‘+ светопропускаемость’, ‘+ отчетливая видимость’.

Подавляющее большинство глаголов данной подгруппы обозначают наступление светлой, ясной погоды: *выясниться*² – *выясниваться* (безл.), *просветлеть* – *светлеть* 1 (безл.), *проясниться* – *проясниваться*, *яснеть* 1, 2 (безл.), *разгуляться* – *разгуливаться* 4, *разъяснить* (безл.), *распогодиться* – *распогаживаться* (безл.), *светлеть* – *посветлеть* – *просветлеть* 1, *светать* 2, *высветлеть* – *высветлять* 2 (+‘высокая интенсивность’) и др.

Ряд глаголов данной подгруппы содержат в своей семантике сему ‘действие’ (‘деятельность’), благодаря которой их также можно рассматривать в ЛСГ глаголов действия, сема же ‘излучать’ отсутствует. Это глаголы с общим значением «**сделать светлым, блестящим**»: *просветлить* – *просветлять* 1, *осветлить* – *осветлять* 1, *высветлить* – *высветлять* 1, *светлить*. На этом основании данные глаголы могут быть отнесены к периферии ЛСГ.

Отдельно выделяются глаголы с общим значением «**наступление светлого времени суток**». Соответственно, к общей лексико-семантической формуле подгруппы добавляется сема ‘время суток’. Характерная особенность этих глаголов – строго безличная форма употребления и, соответственно, безусловная декаузативность: *обутреть* (безл.), *брезжить* // (безл.), *брезжиться* // (безл.), *забрезжить* (безл.), *забрезжиться* (безл.), *рассветить* – *рассветать* (безл.), *светать* 1 (безл.), *светлеть* – *посветлеть* 2 (безл.), *заняться*² 2 и др.

Далее перечислены подгруппы, которые в силу разных причин оказываются на периферии ЛСГ глаголов-СО.

6. Подгруппа с общим значением «выделиться / выделяться (виднеться, показаться) яркостью, блеском, светлым пятном или цветом».

Семная формула: ‘± блеск’, ‘± цвет’, ‘± свет’, ‘+ излучать’, ‘+ видимость’.

Данные глаголы находятся на периферии ЛСГ, т. к. в качестве доминирующей выступает сема ‘виднеться’, а не семы ‘свет’ (‘блеск’) и ‘излучать’, организуя значения всех глаголов-СО. У некоторых глаголов данной подгруппы появляется сема ‘цвет’, что также является основанием для смещения подгруппы к периферии. Это глаголы: *сверкать* 3 (+‘макс. интенсивность’), *блестеть* 2 (+‘высокая интенсивность’), *заблестать* 1 (+‘макс. интенсивность’), *просвечиваться* 2 (+‘нечеткая видимость’), *золотиться* 1, *золотеть* 1, *серебриться* 1, *пламенеть* 2 (+‘макс. интенсивность’), *мутнеть* – *помутнеть* 3 (+‘плохая видимость’), *светлеться* 4, *светиться* 2 // и др.

Следующая подгруппа находится на периферии ЛСГ из-за совмещения в своей семантике признаков блеска и цвета.

7. Подгруппа с общим значением «освещая/ осветив, придать/придавать цвет, блеск; освещаясь/осветившись, приобрести/приобретать цвет, блеск».

Семная формула: ‘+ свет’, ‘+ блеск’, ‘+ цвет’, ‘+ излучать’, ‘+ видимость’.

Это глаголы: *золотиться* 2, *серебриться* 2, *золотить* – *позолотить* – *озолотить* 2, *зазолотить*, *серебрить* – *посеребрить* 2, *сребрить*, *засеребрить*, *золотеть* – *позолотеть* 2, *зазолотиться*, *позлатиться* – *позлащаться* – *златиться*, *засеребриться*, *осеребриться* *златиться* – *позлатиться* и др.

К подгруппе примыкают глаголы с общим значением «**наносить слой (золота, серебра) на предмет**», которые еще дальше отстоят от ядра ЛСГ. В их семантике превалирует сема ‘действие’ (‘деятельность’): *золотить* – *позолотить* – *вызолотить* 1, *златить* – *озлатить* – *позлатить*, *высеребрить* – *серебрить*, *серебрить* – *посеребрить* – *высеребрить* 1. Эти глаголы также могут быть рассмотрены в ЛСГ глаголов действия (деятельности).

8. Подгруппа с общим значением «подавать/ сая действию огня, выделяя свет».

Семная формула: ‘+ свет’, ‘+ огонь’, ‘+ излучать’ (= *производить, давать*), ‘+ видимость’, ‘± инициировать горение’.

Подгруппа подразделяется на: 1) глаголы с общим значением «гореть» (*гореть* – *сгореть* 1, *возгореть* – *возгорать*, *загореться* – *загораться* 1, *погореть* 4 (+‘неопр. временной период’), *заняться*² – *заниматься*³ 1, *пылать* 1 (+‘макс. интенсивность’), *поыхать* 1 (+‘макс. интенсивность’), *воспламениться* – *воспламеняться* 1 (+‘макс. интенсивность’), *тлеть* 2 (+‘низкая интенсивность’, ‘умеренная видимость’), *теплиться* 1 (+‘низкая интенсивность’) и др.); 2) глаголы с общим значением «заставить / заставляя гореть» (*разжечь* – *разжигать* 1, *поджечь* – *поджигать* 1, 2, *воспламенить* – *воспламенять* 1, *запалить*¹ – *запаливать*¹, *подпалить* – *подпаливать* 1 и др.). У этих глаголов в качестве доминирующей выступает сема ‘действие’ (‘деятельность’), благодаря которой их также можно рассматривать не только в ЛСГ глаголов-СО, но в ЛСГ глаголов действия (деятельности). Это обстоятельство позволяет

отнести их к периферии ЛСГ глаголов-светообозначения.

Следует отметить большое количество глаголов с начинательной семантикой и лишь один глагол с финитивным значением (*отгореть*), но и он относится к одной из подгрупп, указывающей на значимое «отсутствие светового признака».

9. Подгруппа с общим значением «уничтожать(-ся) / уничтожить(-ся) огнем, солнечным зноем».

Семная формула: ‘+ свет’, ‘+ огонь’, ‘+ излучать’, ‘+ солнечный зной’, ‘± инициировать горение’, ‘+ достижение деструктивного предела путем горения’.

Это глаголы *жечь* – *сжечь* 1, *испелить* – *испелить* – *пелить* (+‘макс. интенсивность’), *спалить* – *спаливать* 1, 2 (у *спалить* 2 НСВ также – *палить* 1) (+‘макс. интенсивность’), *сгореть* – *сгорать* – *гореть* 1, 3, *выгореть* 1 – *выгорать* 1 (+‘макс. интенсивность’), *перегореть* – *перегорать* 4, *прогореть* – *прогорать* 2, *испелиться* – *испелиться* (+‘макс. интенсивность’) и др.

Данная подгруппа является периферийной, т. к. обозначает не сам процесс горения, а его результат в виде уничтоженных или поврежденных предметов (огнем, солнечным зноем) и само уничтожение предметов (огнем, солнечным зноем). Ср.: *хлеба выгорели, деревья сгорела дотла, солнце испелило землю*.

Следствием негативного воздействия солнца или огня также является не только повреждение (порча) предмета, изменение цвета предмета, но и изменение кожного покрова человека. Появляется сема ‘кожный покров’, ‘цвет’, а сема ‘излучать’ отодвигается на второй план: *загореть* – *загорать*, *позагорать*, *сгореть* – *сгорать* 3 //, *обгореть* – *обгорать* 2, *обжечь* – *обжигать* 2, *обжечься* – *обжигаться* – *жечься* 1, *опалиться* – *опаливаться* – *опалиться* 1, *подпалить* – *подпаливать* 2 и др. Ср.: *обгореть на солнце, обжечь руку*. Данные глаголы обозначают **результат воздействия огня, солнца** и примыкают к описанной подгруппе на основе общей для них семной формулы.

10. Подгруппа с общим значением «подвергать(-ся) / подвергнуть(-ся) тепловой обработке в результате воздействия света или огня».

Семная формула: ‘± свет’, ‘± огонь’, ‘+ тепло’, ‘+ излучать’, ‘± получать тепло и свет (в виде обжигающих солнечных лучей)’.

В семантике этих глаголов появляется сема ‘тепло’, что позволяет считать эту группу периферийной: *палить* 1 5 (+‘макс. интенсивность’), *жечь* 2 (+‘макс. интенсивность’), *жарить* 2 (+‘макс. интенсивность’), *раскалить* – *раскалять* (+‘макс. интенсивность’), *пригреть* – *пригревать* 1 (+‘низкая интенсивность’), *пригреться* – *пригреваться* 1 и др. Ср.: *Солнце нещадно палит / печет / жжёт*.

Следующие подгруппы представляют своеобразный переход от глаголов «света» к глаголам с семантикой, указывающей на значимое «отсутствие светового признака».

11. Подгруппа с общим значением «уменьшить / уменьшать свет, огонь».

Семная формула: ‘+ свет (слабо)’, ‘+ огонь (слабо)’, ‘+ излучать (слабо)’, ‘+ плохая видимость’.

Данная подгруппа является периферийной из-за доминирования семы ‘действие’: *пригасить* – *пригасить*, *приглушить* – *приглушать* 4, *приглушиться* – *приглушаться*, *притушить*.

12. Подгруппа с общим значением «утрачивать / утратить прозрачность, яркость окраски, света».

Семная формула: ‘± свет’, ‘± цвет’, ‘± излучать (слабо)’, ‘± плохая видимость’, ‘± плохая светопропускаемость’.

Данные глаголы находятся на периферии ЛСГ, т. к. в их семантике сема ‘излучать’ либо отсутствует полностью, либо выражается не ярко. В некоторых словах появляется сема ‘цвет’: *тускнеть* – *потускнеть* 1, *тускнуть* – *потускнуть*, *бледнеть* – *побледнеть* 1, *блédнеть* – *поблédнеть*, *замутнеть*, *мутнеть* – *помутнеть* 1, *мутиться* – *замутиться* 1.

Как видно, периферию ЛСГ составляют глаголы, в семантике которых появляются семы «несветового» характера, часть из них находится на пересечении нескольких лексико-семантических групп.

Наряду с глаголами «света» нами выделено 3 подгруппы глаголов с исходной семантикой «отсутствие светового признака». Рассмотрим эти подгруппы.

1. Подгруппа с общим значением «делать / сделать (стать / становиться) менее проницаемым для света и недоступным для зрения, застилая, обволакивая, скрывая что-либо».

Семная формула: ‘+ свет (очень слабо)’, ‘+ излучать’ (очень слабо), ‘+ плохая светопропускаемость’, ‘+ плохая видимость’, ‘+ темнота’, ‘± инициировать малую проницаемость’.

В данной подгруппе четко выделяются глаголы со значением «застлать/застилать чем-либо, становясь менее проницаемым для света» (*застлать* – *застилать* 2, *стлаться* 4, *крыть* – *покрыть* 3, *заволочь* – *заволакивать* 1, *затянуть* – *затягивать* 5, *затуманить* – *затуманивать* – *туманить*, *подёрнуть*², *подёрнуться* и др.), глаголы со значением «обволочь/обволакивать чем-либо, становясь менее проницаемым для света» (*обволочь* – *обволакивать*, *обложить* – *обкладывать* 3, *покрыть* – *покрывать* – *крыть* 5, *окутать* – *окутывать* 2, *окутаться* – *окутываться* 2 и др.) и глаголы со значением «делать/сделать (стать/становиться) недоступным для зрения»: (*скрыть* – *скрывать* 2, *закрыться* – *закрываться* 2, *затмить* – *затмевать* 1, *затенить* – *затенять* 1, 2, *застить*, *притенить* – *притенять* и др.).

2. Подгруппа с общим значением «прекращение свечения или горения, сопровождаемого выделением света».

Семная формула: ‘- свет’, ‘- блеск’, ‘- огонь’, ‘- излучать’, ‘- видимость’, ‘+ темнота’, ‘± инициировать прекращение свечения’.

В подгруппе выделяются глаголы со значением «перестать/переставать светить(-ся), гореть» (*затухнуть* – *затухать* – *тухнуть* 1, *меркнуть* – *померкнуть* – *смеркнуть* 1, *догореть* – *догорать* 2, *гаснуть* – *погаснуть* – *угаснуть* – *загаснуть* 1, *потухнуть* – *потухать* – *тухнуть* 1, *отгореть* – *отго-*

рать 1, осветить, отсветать и др.) и глаголы со значением «прекратить/прекращать свечение, горение» (тушить¹ – затушить – потушить¹ – утушить¹ 1, гасить – погасить – загасить – угасить 1, глушить – заглушить 4 и др.). Эти глаголы относятся к периферии ЛСГ, т. к. в их семантике актуализируется сема ‘действие’ (‘деятельность’).

3. Подгруппа с общим значением «стать / становиться темным, покрыть (-ся) / покрывать (-ся) мраком».

Семная формула: ‘- свет’, ‘- излучать’, ‘- видимость’, ‘+ темнота / мрак’, ‘± иницировать темноту’.

Это глаголы: *темнеть* – *потемнеть* 1, 4, *затемниться* – *затемняться* 1, *смеркнуться* – *смеркаться* 1, *мрачить* – *омрачить* 1, *мрачиться* – *омрачиться* 1, *тмить*, *тмиться* и др.

В семантике следующих глаголов в качестве доминирующей выступает сема ‘действие’ (‘деятельность’), поэтому они находятся на периферии группы. Появляется сема ‘цвет’: *тушевать* 1, *затушеваться* – *затушевываться* 1, *подтушевать* – *подтушевываться* 1, *растувывать* – *растувываться* и др.

Отдельно выделяются глаголы, обозначающие **наступление темного времени суток**. Соответственно к общей формуле добавляется семантический компонент ‘время суток’: *меркнуть* – *смеркнуть* 1 (безл.), *смеркнуться* – *смеркаться* 2, *вечереть* – *свечереть* 1, 2 (безл.) (у *вечереть* 2 СВ – *повечереть*), *темнеть* – *стемнеть* 2 и др. К данной подгруппе также примыкают глаголы, которые обозначают **наступление**

пасмурной погоды: *хмуриться* – *нахмуриться* 2 (перен.), *нахмуриться* – *нахмуриваться* – *хмуриться* 2 (перен.).

Глаголы, обозначающие **движение небесных светил**, являются периферийными. В принципе, это векторные антонимы к аналогичной глагольной лексике со «световым компонентом»: *сесть* 8, 1, *опуститься* – *опускаться* 1, *зайти* – *заходить* 4, 5, *закатиться* – *закатываться* 2, *скрыться* – *скрываться* 3 и др.

Итак, лексико-семантическая группа глаголов-СО имеет полевою структуру: ядро группы и периферию. Ядро ЛСГ представлено глаголами, обнаруживающими в своей семантике семы ‘свет’ (‘блеск’) и ‘излучать’: *светить* 1, 2, 4, *светиться* 1, *излучать* – *излучить*, *излучаться*, *источать* 2, *источаться*, *блестеть* 1, *сиять* 1, 2, *сверкать* 1, 2, *темнеть* 1, 2 и др. Периферия лексико-семантической группы представлена глаголами, в семантике которых все еще имеется указание на присутствие или отсутствие светового признака, но уже появляются семы «несветового» характера: ‘цвет’, ‘тепло’, ‘действие’ и др. На периферии оказываются как отдельные глаголы, так и некоторые подгруппы в полном своем составе, например, *подсветить* – *подсвечивать* (фонариком), *золотиться* 2, *печь*¹ 2 (о солнце). Всего же выделено 12 подгрупп с исходной световой семантикой «наличие светового признака» и 3 подгруппы с исходной семантикой, указывающей на значимое «отсутствие светового признака».

Литература

1. Гайсина, Р. М. Значение и синтагматика глаголов (на материале глаголов отношения): учеб. пособие / Р. М. Гайсина. – Уфа, 1980. – 78 с.
2. Григорьева, Т. В. Вехи семантического движения слов СВЕТ и ТЬМА / Т. В. Григорьева // Исследования по семантике: Межвузовский научный сборник в честь д-ра филол. наук, профессора Л. М. Васильева. – Вып. 21. – Уфа, 2001. – С. 203 – 215.
3. Гуревич, А. Г. Концепт света и тьмы в русской и английской языковых картинах мира: дис. ... канд. филол. наук / А. Г. Гуревич. – Махачкала, 2005. – 92 с.
4. Казанская, М. Д. Развитие группы английских прилагательных, обозначающих понятия «света» / М. Д. Казанская // Исследования по английской лексикологии. – М., 1961. – С. 18 – 83.
5. Мишенькина, Е. В. Национально-специфическая характеристика концепта «свет-цвет» в русской и английской лингвокультурной картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Мишенькина. – Ярославль, 2006. – 21 с.
6. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – М., 1985 – 1988.
7. Шумских, Е. А. О некоторых особенностях синтагматики имен прилагательных ЛСГ «световой признак» / Е. А. Шумских // Семантика языковых единиц: доклады IV Международной конференции. – Ч. 1. – М., 1994. – С. 159 – 162.

Информация об авторе:

Полежаева Жанна Юрьевна – кандидат филологических наук доцент кафедры теории и практики перевода КемГУ, 8-923-520-47-00, zhpolezhaeva@mail.ru.

Zhanna Yu. Polezhaeva – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department Translation and Interpreting, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 20.03.2014 г.

МЕХАНИЗМ ДЕЙСТВИЯ МЕТАФОРЫ НЕБЫТИЯ В РАССКАЗЕ А. А. КАБАКОВА
«ПРОЕКТ “БАБИЛОН”»

О. В. Сизых

THE MECHANISM OF ACTION OF THE NON-EXISTENCE METAPHOR IN A. A. KABAKOV'S
STORY «PROJECT “BABYLON”»

O. V. Szykh

Обращение к творческой индивидуальности А. А. Кабакова является актуальным в контексте малого количества работ, исследующих прозу писателя. Новизна исследования состоит в выявлении способа реализации метафоры на материале одного из малоизученных рассказов прозаика.

В статье выявляется механизм действия развернутой метафоры «проект “Бабилон”», олицетворяющей небытие, на материале одноименного рассказа современного писателя А. А. Кабакова. Семантика метафоры раскрывается через взаимодействие канонического (устойчивого) смысла выражения «вавилонское столпотворение», отсылающего к библейской истории, и светского (повседневного) значения ситуации «творения столпа» – элитного дома-башни. Предлагается обновленный метафорический смысл идиомы «вавилонское столпотворение». Состояние «небытия» определяется мотивами смерти и исчезновения человечества, его дьявольского искушения и апокалипсиса, бессмысленности жизни и экзистенциальной фрустрации человека, культурной деградации общества и вселенского хаоса.

Статья опирается на историко-литературный подход, общетеоретической базой которого является работа Н. Д. Арутюновой по теории метафоры.

Теоретическая значимость исследования связана с рассмотрением феномена поэтики постмодернистской прозы. Практическая значимость определяется возможностью использования результатов исследования в вузовских курсах, посвященных актуальным проблемам современной русской литературы.

The address to A. A. Kabakov's creative individuality is actual in the context of small amount of works, investigating his prose. The novelty of the research consists in revealing a method of metaphor realization on the material of one of the writer's little-studied stories.

In the paper the mechanism of action of the comprehensive metaphor «Project “Babylon”» is revealed, which embodies non-existence, based on the story with the same name by the modern writer A. A. Kabakov. The metaphor semantics manifests itself by means of interaction of a canonical (stable) sense of the expression «Babel», referring to the biblical story, and a secular (daily) meaning of the situation of the «pillar creation» – an élite tower house. A renewed metaphorical meaning of the idiom «Babel» is proposed. The state of «non-existence» is determined by motives of death and disappearance of the human kind, its devil's temptation and the Apocalypse, senselessness and an existential frustration of people, a cultural degradation of the society and the ecumenical chaos.

The paper is based on a historical and literary approach, whose academic base is N. D. Arutyunova's work on the metaphor theory.

The theoretical significance of the paper lies in the consideration of the phenomenon of poetics of the post-modernist prose. The practical significance is determined by the possibility of using its observations in university courses, devoted to actual problems of the modern Russian literature.

Ключевые слова: современная русская литература, метафора, библейская легенда, Вавилонская башня, вавилонское столпотворение, небытие, А. А. Кабаков.

Keywords: modern Russian literature, metaphor, biblical legend, tower of Babel, Babel, nonexistence, A. A. Kabakov.

О Древнем Вавилоне существует две легенды: «о постройке города и смешении языков и о возведении башни и рассеянии людей» [5, с. 206], – пишет И. Левин, один из авторов словарной статьи в энциклопедии «Мифы народов мира». Маяк для людей строят «двинувшиеся с Востока» (Быт. 11, 1) для того, чтобы выжившие после Вселенского Потопа не расселились по земле хаотично. Выдающийся русский лингвист и философ Н. С. Трубецкой в работе «Вавилонская башня и смешение языков» говорит об «установлении множественности языков и культур» [7] как о Проклятии Божьем, выражающемся в утверждении естественного закона – диалектического дробления культур. В широком смысле под строительством «Вавилонской башни», вслед за философом, мы понимаем сооружение грандиозного объекта, иллюстрирующего бездуховность человека, его саморазрушение и отрицание бытия. Более точная ха-

рактеристика строительству небоскреба в рассказе А. А. Кабакова видится нам через выражение «сделаем себе имя» (Быт. 11:4), означающее устремления честолюбия и гордыни, прокомментированное еще в 1910-х годах: «прямые и ясные слова Библии, не оставляющие сомнения относительно честолюбивых, властолюбивых и вообще богопротивных намерений у строителей вавилонской башни...» [6, с. 57].

Современное образное понятие А. А. Кабакова «проект “Бабилон”» [4] из одноименного рассказа входит в семантические рамки названного библейского явления, точнее, является его метафорическим порождением. Недвусмысленный намек на известный культурный образ скрыт в описании строительства современного дома. А. А. Кабаков наделяет специфическую ситуацию универсальным бытийным смыслом. Авторский акцент поставлен на национальную принадлежность

людей: «А за забором ворочался голливудским ящером экскаватор и суетились в глубине нулевого цикла *таджики*... Одновременно *молдавские* бригады... подтягивали коммуникации... солидные *украинские* механизаторы управлялись с японской техникой, небольшой коллектив *армян*, ни с кем не общаясь, асфальтировал по-немногу площадку...» [4, с. 37]. С первых страниц повествования, обращаясь к древнему сюжету возведения небоскреба, А. А. Кабаков углубляет проблему деструктивности бытия современного человека.

При помощи метафоры «проект “Бабилон”» А. А. Кабаков моделирует мир, в котором человек является элементом трех взаимосвязанных мутирующих реальностей: вселенной, общества и природы. Сразу оговоримся о наличии ироничных комментариев автора относительно плана мегастроительства дома, усиливающих морально-этические отклонения от общепринятых норм человеческого общества. Ирония в социокультурном пространстве рассказа создает нарративные зоны – особые места в тексте с концентрацией смысла за счет функционирования названной метафоры небытия. Ниже проанализированы подобные повествовательные фрагменты, раскрывающие семантику метафоры.

Реальность Вселенной. Главного героя рассказа – президента ОАО «Бабилон» Ивана Добролюбова – автор наделяет статусом устроителя жизни людей, их внутренней организации: «Я подумал о душе. И понял, что нужно душе, господу. Небо, вот что. Дом... это только пещера... И как бы ни был высок обычный дом ... это только нарост на земле... и мы, те, кто живет в таком доме, всего лишь дикари... А жить надо на небе. Там хорошо душе, светло и пусто» [4, с. 46 – 47]. Выбранный автором иронический дискурс, заставляет читателя увидеть ничтожность героя, рассуждения которого о душе оказываются несостоятельны. Цель возведения дома как столпа мироздания состоит в реализации мании величия и амбиций главы компании. Метафора «проект “Бабилон”» отсылает к библейской истории, актуализирующей порочные характеристики людей: надменность, высокомерие и заносчивость.

С другой стороны, во фрагменте о душе просматривается танатологический мотив, связанный с бренностью человеческого существования, представленный самим героем с коннотативной оговоркой: «И не надо ждать, пока тебя пригласят туда, пока врачи передадут приглашение» [4, с. 47]. Данный мотив содержательно преломляет авторскую модель бытия современного человека. По мысли А. А. Кабакова, вселенная противится установлению гармонии с индивидуумом. Знаковый образ Вавилонской башни распадается на противопоставленные друг другу образы земли (тело) и неба (душа). Стремление возгордившегося персонажа «достать до небес» [4, с. 47] символизирует разложение его души, потерявшей одухотворяющее начало. Добролюбова автор карикатурно называет «богоборцем». Писатель обращает внимание читателя на призрачную небесную жизнь душ избранных, которая навязывается персонажем окружающим его людям: «...ночью она (душа – О. С.) вылетает в окно и бултыхается в восходящих и нисходящих потоках на уровне привычного этажа. Обычные же человеческие души, покидая... на ночь тела, вынуждены пользоваться дымоходами или вентиляционными шахтами, что неприятно» [4, с. 47]. В кон-

тексте сказанного Добролюбовым познающее начало души и ее жизнеутворяющая сила утрачены. Иван Добролюбов – антигерой, дьявол. При подобном прочтении рассказа можно говорить о другом библейском мотиве – мотиве грешников, идущих на смерть.

Фоновый мотив дьявольского искушения, связанный с образом героя, наделяет рассказ полемическим потенциалом. Автор словно ведет воображаемую беседу с В. И. Вернадским на тему посягательства человека на божественный миропорядок. Писатель показывает, как персонаж грубо деформирует жизнь. Созвучие рассказа А. А. Кабакова философской мысли В. И. Вернадского [2] видится нам в стремлении современного человека возобладать над традиционным мироустройством, подрывая согласованные между собой основы бытия человека, ввергая его в хаос, состояние небытия. На примере желания героя «соединить землю и небо» [4, с. 47] выявляется особенность авторского миромоделирования – значимость поведенческого аспекта человека. А. А. Кабаков подчеркивает его разрушительную анархическую составляющую. Еще в 1943 году В. И. Вернадский указывал на «стихийный геологический процесс»: «Сейчас мы переживаем новое геологическое эволюционное изменение биосферы. Мы входим в ноосферу. Мы вступаем в нее – в новый стихийный геологический процесс – в грозное время...» [2, с. 150]. В учении В. И. Вернадского о ноосфере речь идет о появлении разумного человека, способного преобразовать природу Земли, создать условия для развития человечества (равенство людей всех рас и религий, отказ от войн). Философское рассуждение объясняет фатальность современной перестройки Вселенной у А. А. Кабакова: «Законсервировали, в общем, стройку... Стены (дома-башни – О. С.) стали оседать, оплывать... Сгинул “Бабилон”...» [4, с. 50].

Общество как реальность. Родившись в далеком городе Йошкар-Ола, будущий предприниматель Иван Добролюбов узнает о существовании в Нью-Йорке «угнетающих человека домов в сто и даже больше этажей» [4, с. 41]. Индивидуальное бытие героя формируется через детские впечатления о свободе личности: «Он долго рассматривал немного смазанные фотографии небоскребов, вглядывался в мелкое сито окон и пытался представить себе, что вот за каждым таким прямоугольничком есть комната... и в этой комнате... стоит сейчас у окна какой-нибудь человек и смотрит сквозь стекло в пустоту небес... Ваня подумал, что жизнь на небе никак не может угнетать человека» [4, с. 41]. Доминанту мировоззренческого комплекса Добролюбова определяет квартирный вопрос, издавна волнующий и «портящий» (М. А. Булгаков) москвичей. Он же раскрывает причины конфликта героя с обществом: «Разве вы все не живете в моих домах... Где жили раньше вы все... В пятиэтажках вонючих вы жили... в бараках... в скудности и уродстве, в убожестве и смраде... была ваша жизнь» [4, с. 44 – 45]. Реализация эгоистичного желания персонажа сделать себе имя влечет за собой ощущение необходимости изменить жизнь других людей. По мысли автора, современная социальная адаптация человека связана с идеей защиты собственной идентичности. Поэтому, актуализируя свой потенциал в условиях демократизации общества, Добролюбов живет вопреки нормам общественной морали, кичась построенными им «эксклюзивными резиденциями» [4, с. 45]. Однако призрачный мир Древне-

го Вавилонa имеет собственные внутренние законы. Аномальная сущность большого города с дерзкими представлениями строителей о собственном величии выразительно проявляется в двучастном монологе Добролюбова о душе и жилье, отрывки из которого рассмотрены выше. Естественная реакция его начитанного друга, Тимофея Болконского: «Ты же ведь знаешь про результат первой попытки?» [4, с. 48] воспринимается читателем как посыл к мортальной интерпретации библейской символики. Вавилонская башня исторически доказала невозможность саморазвития человека без опоры на ценностные духовные категории.

Изображая нетривиальное общение персонажа с социумом, А. А. Кабаков, на наш взгляд, безуспешно пытается найти способ спасения человека. В центре авторского внимания находится общественное сознание, представленное через призму индивидуального – герой интуитивно ищет смысл жизни в ином, «душевном» измерении. Коллизия противостояния человеческого «я» и мира кроется в «упадке ценностей и дезориентации общества» [6, с. 5]. Авторская концепция рассказа противоречива и ориентирована на неизбежность фатального исхода для человечества, несмотря на иронию, оставляющую слабую надежду на возрождение человеческого общества. Герой конструирует социальное пространство деятельностью, имеющей противоречивую разрушительно-созидательную траекторию: возводится сооружение, убивающее город. Авторская манипуляция архитектурным архетипом церковной колокольни углубляет экзистенциальный кризис современного человека.

Реальность природы. Связь человека и его культуры с ландшафтом, о которой историки культуры, философы начали писать еще со времен И. Гердера [3], разорвана. Наступило время, когда идея господства человека над природой прочно укреплена в сознании человечества, и люди вольны распоряжаться природой по своему желанию: «И зелень вокруг, особенно сильно все разрослось на месте бывшего карьера, прямо как джунгли, потому что там поверх бывшей свалки уложили плодородный слой, и теперь этот сквер Памяти Жертв, поскольку бывшее кладбище тоже перекопали. И конечно, воздух, чище воздуха нигде в городе нет, тут же из окон начиная с четырнадцатого этажа, реку будет видно! И даже микрорайон Нижнее Брюханово... со всеми его промзонами» [4, с. 30]. Процесс возведения дома-башни сопровождает мотив алогичного существования человека. Мотив бессмысленности происходящего актуализирует проблему духовного диалога человека и природы, его разумной организации. В этом плане важны положения концепции В. И. Вернадского о ноосфере. Исследователь вел поиск новой парадигмы мышления для решения названной выше проблемы. В рассказе А. А. Кабакова природная среда преобразуется человеком не по божественному подобию, поэтому собственно пейзажа в тексте нет, а, значит, нет мира красоты и нравственности, который писатели из века в век воплощали в пейзажных зарисовках. Отсутствие пейзажа демонстрирует рассогласованное существование человека и природы.

Обратимся к рекламному плакату строительства элитного жилья. А. А. Кабаков вписывает «природные» фрагменты в урбанистическую местность: «Стены (дома-башни – О. С.) вламывались в темно-синее небо и исчезали, разметав облака, теряя очертания в клубящей-

ся черноте верхних воздушных слоев... От тяжелого, расплывшегося основания, возле которого художник разбросал для масштаба мелочь кудрявых рощ и густозеленые пятна полей, дом поднимался мощной спиралью, а по галерее, взбиравшейся с этажа на этаж, шли микроскопические люди, некоторые из них смотрели вниз, на землю, которую они оставили, другие же, задржав головы, глядели вверх, в небеса, пока для них неприступные. Прямо жуть брала при разглядывании этой картины, до того огромен был дом, и сумрачно небо, и угрюма земля, и непроглядны рощи, и поля пусты, и люди жалки» [4, с. 35 – 36]. В описании небесного жилища обнаруживаются элементы, указывающие на подробности возведения Вавилонской башни, в частности, спиралевидная дорога, уходящая в облачную мглу. Она созвучна имеющейся последовательности ярусов дома. Лестницу Вавилонской башни, ведущую к храму на вершине, А. А. Кабаков трансформирует в образ темных стен дома, исчезающих в облаках. Мотив исчезновения поддержан сюжетно (пропадают нескольких персонажей рассказа, развлекательное заведение) и метафора «проект “Бабилон”» символизирует погружение мира в фатальную ситуацию, напоминающую апокалипсис: «Небо почернело, вдали загорелись на нем багровые огни... не то цифры проклятого телефонного номера. По этому номеру позвонишь, а там вой какой-то, вопли страшные, пламя гудит» [4, с. 49 – 50]. Канонический текст узнаваем, но секуляризован, что выражается в изменении природных элементов: почерневшего солнца, кровавой луны во время снятия седьмой печати книги Откровения, ознаменовавшей день гнева (Откр. 6: 12-17). Названные апокалиптические атрибуты приобретают новую семантическую модальность. Телефонный номер «666» символизирует Зверя, которому, по легенде, поклонялись люди. В рассказе Добролюбов как автор грандиозных строительных проектов требует преклонения москвичей. Отступление А. А. Кабакова от сакрального сюжета касается и «апокалиптических» зверей: «Пошли в рост на камнях тонкие деревца, поселились в руинах большие, не виданные прежде птицы» [4, с. 50]. Христианская церковь представляет каждого из евангелистов – Матфея, Марка, Луку и Иоанна [8, с. 616] – в виде крылатых существ: человека, льва, вола и орла, которые символизируют вочеловечение, мощь, жертвенное служение и боговдохновенность соответственно. Существа воплощают и космические силы. Обращение А. А. Кабакова к тетраморфам в контексте мотива неминуемого краха современных демиургов, связанного с «богопротивными намерениями» [6, с. 57] человека построить башню, и объясняет индивидуально-авторскую рефлексию по вопросу кризисного состояния общества, христианской культуры и цивилизации в целом. Упомянутая орнитологическая символика в современной прозе А. А. Кабакова выступает альтернативной трактовкой современного образа жизни как воплощения сценария апокалиптического пророчества.

Эмоционально-смысловое природописание предвещает действия героя и жизненные циклы его предприятия. Прием гиперболизированной обрисовки недостроенного сооружения преследует цель изобразить абсурдный образ жизни человека конца XX – начала XXI тысячелетия. Снос кладбища и последовавшая за ним разбивка сквера Памяти Жертв – невероятные, взаимоис-

ключающие друг друга действия людей, свидетельствующие о разрушении обычаев и поколенческой связи. В данном случае глава ОАО «Бабилон» ассоциируется с Антихристом, повинном в крови, пролитой праведниками. Небо как деталь пространства предстает не только обозначением места пребывания богов, но и элементом «свободного проживания избранных умерших людей» [10, с. 561]. Об этом говорит Добролюбов, выступая с монологом о необходимости «жить в воздухе» [4, с. 45] в клубе своего друга. Специфическим подходом к изображению природы автор стремится убедить читателя в том, что без сопричастности к естеству человеческой жизни нет.

Лейтмотив рассказа – смешение языков, запечатлен в конце произведения: «Смешались языки, и не понимают люди друг друга... Неба не достигли, землю же утратили. В вышине над стенами тьма, во тьме над стенами огни, осыпаются стены прахом, и нет уж города, а ведь был». Социокультурная определенность авторского высказывания «Неба не достигли, землю же утратили» проявляется в лаконичном описании гибели столицы. Утилитарное отношение человека к природе, показанное А. А. Кабаковым, исключает изображение глубины человеческой души. Библейская история сообщает выявленным фрагментам пейзажа философское начало. Идея, высказанная В. И. Вернадским, обыграна: возникло новое состояние биосферы земли, но суть его – в экзистенциальной фрустрации человека, утратившего смысл жизни и способность развития, сопряженного с природой. В метафоре «проект “Бабилон”» доминирует мотив потерянности и смерти природы и человека.

Таким образом, интерпретация библейской метафоры вавилонского столпотворения завершается в рассказе

А. А. Кабакова утверждением разрушения общественно-го сознания. Библейская метафоризация действительно приобретает усиленное эстетическое звучание.

Семантика метафоры «проект “Бабилон”» складывается сообразно ее структуре, обнаруживающей два смысловых уровня: 1) канонический, согласно библейской истории, 2) светский – проект строительства элитного жилья.

Взаимодействие структурных уровней актуализирует смысл трансформированной метафоры вавилонского столпотворения. В случае А. А. Кабакова метафорическая модель имеет следующий вид: строительство башни трансформируется в коммерческий проект.

Постмодернистская метафора «проект “Бабилон”» является развернутой, т. к., во-первых, в ее основе – ассоциации по сходству: с названием башни и ее размером; во-вторых, скрытое сравнение осуществляется методически на протяжении всего повествования: от описания возведения постройки до ее фатального разрушения.

В метафоре, как указывает Н. Д. Арутюнова, «отношения между образом и его осмыслением никогда не достигают полной конвенционализации» [1]. Это обстоятельство объясняет авторское введение в текст рассказа мотивов, которые относятся к внесюжетным, раскрывающие философские интенции А. А. Кабакова. Речь идет об инвариантах лейтмотива вавилонского столпотворения (мотив грешников, дьявольского искушения и др.).

В постмодернистском тексте библейский сюжет строительства Вавилонской башни становится символом мировоззренческого разлома человека конца XX – начала XXI веков.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 5 – 32. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/arutyunova-90.htm>
2. Вернадский, В. И. Биосфера и ноосфера / В. И. Вернадский. – М.: Наука, 1989. – 261 с.
3. Гердер, И. Г. Идеи к философии истории человечества / И. Г. Гердер. – М.: Наука, 1977. – 703 с.
4. Кабаков, А. А. Проект «Бабилон» / А. А. Кабаков // А. А. Кабаков. Московские сказки. – М.: Вагриус, 2006.
5. Левин, И. Вавилонская башня / И. Левин // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т.; под ред. С. А. Токарева. – М.: БРЭ, 2003. – Т. 1.
6. Толковая Библия, или Комментарий ко всем книгам Св. Писания Ветхого и Нового Завета / под ред. А. П. Лопухина: в 12 т. – Т. 1. – М.: 2011. – Режим доступа: <http://www.bible.in.ua/under1/Lop/>
7. Трубецкой, Н. С. Вавилонская башня и смешение языков / Н. С. Трубецкой. Наследие Чингисхана. – М.: Аграф, 2000. – 560 с. – Режим доступа: URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/trubetskoy-99.htm>
8. Холл, Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве / Дж. Холл. – М.: Крон-Пресс, 1999. – 656 с.
9. Чупрак, К. А. Тема Вавилонской башни в нидерландском искусстве XV – XVI вв.: дис... канд. искусств / К. А. Чупрак. – СПб., 2006. – 181 с.
10. Энциклопедический словарь символов; авт.-сост. Н. А. Истомина. – М.: Аст: Астрель, 2003. – 1056 с.

Информация об авторе:

Сизых Оксана Васильевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова, +79627300077, 777ruslit@mail.ru

Oksana V. Szykh – Candidate of Philology, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of Russian and Foreign Literature, Ammosov North-Eastern Federal University.

Статья поступила в редколлегию 07.04.2014 г.

**САТИРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ И ПРИЁМЫ В ПОЭЗИИ Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКОГО
В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ С САТИРОЙ В. В. МАЯКОВСКОГО**

Н. Я. Сипкина

**SATIRICAL IMAGES AND TRICKS IN R. I. ROZHDESTVENSKIY'S POETRY
IN COMPARISON WITH V. V. MAYAKOVSKIY'S SATIRE**

N. I. Sipkina

В статье прослеживается один из аспектов творчества Р. И. Рождественского: его обличительные стихи в сопоставлении с сатирическими произведениями В. В. Маяковского. Исследуются и типизируются сатирические приёмы художественного изображения, которые были характерны для обоих художников: сарказм, гротеск, гипербола, фантастика, аллюзия, метафора, аллегория, перифраз, ирония и др. На основе анализа в разоблачительных стихах и поэмах Р. Рождественского прослеживаются традиции поэта «серебряного века» и новаторство Рождественского-обличителя.

В ходе исследования доказывается, что сатира В. В. Маяковского и Р. И. Рождественского органически входит в их концепцию эстетического идеала, в их личное отношение к миру и людям, утверждавшую новые духовные ценности современного для поэтов общества. В пародийно-сатирическом творчестве Р. И. Рождественского к элементам сатиры и лирики присоединилась еще высокая патетика, «питавшаяся» верой в лучшее.

The paper traces one aspect of R. I. Rozhdestvenskiy's works, namely his accusatory poems, in comparison with Vladimir Mayakovskiy's satirical works. The satirical techniques of creating artistic images that were common for both authors are researched and classified, they are: sarcasm, grotesque hyperbole, fantasy, allusion, metaphor, allegory, paraphrase, irony, etc. Based on the analysis, the traditions of the poet of the "Silver Age" and the innovations of Rozhdestvenskiy as an accuser are traced in accusatory verses and poems by R. Rozhdestvenskiy.

The study proved that Mayakovskiy's and R. I. Rozhdestvenskiy's satires are organic parts of their concept of aesthetic ideals in their personal relationship to the world and the people, setting new spiritual values of the poet's contemporary society. In mock-satirical works by R. I. Rozhdestvenskiy the elements of satire and poetry are accompanied by high emotionalism, "fed" by the best faith.

Ключевые слова: сатира, сатирические приёмы, сарказм, гротеск, гипербола, фантастика, аллюзия, метафора, аллегория, перифраз, ирония, пародийно-сатирическое творчество, обличительные стихотворения.

Keywords: satire, satirical techniques, sarcasm, grotesque, hyperbole, fantasy, allusion, metaphor, allegory, paraphrase, irony, parody, satire creativity, accusatory poem.

Творчество Р. И. Рождественского – важная часть историко-литературного развития, совпадающая и, в какой-то мере, определяющая общий ход развития русской поэзии 1950-х – 1990-х гг. Можно, с уверенностью констатировать следующий факт – жизнь лирики Р. И. Рождественского продолжается и после физической смерти поэта (август 1994 г.) – уже в наше время – в первом и в начале второго десятилетия XXI века (только с 2000 – 2012 гг. было издано и переиздано 19 сборников его стихов) [12]. Поэтому изучение творчества Р. И. Рождественского является актуальной проблемой в отечественной литературной науке. Новизна исследования заключается в том, что впервые подробно анализируется сатирическое направление стихотворений и поэм Р. И. Рождественского в сопоставительном аспекте.

Р. И. Рождественский в своём сатирическом творчестве продолжил традиции поэта-сатирика В. В. Маяковского. Время, в котором жили поэты, чем-то схоже. Сатира В. В. Маяковского высмеивала и обличала то, что мешало, по его мнению, развитию общества нашего государства в первой четверти XX века. Р. И. Рождественский стал известен, в первую очередь, своими сатирическими произведениями в самом начале хрущевской «оттепели» (вторая половина 1950-х гг.), когда начинались перемены, наступало обновленное время, после тоталитарного режима Сталина.

Нет, наверное, того отрицательного явления, которое не попало бы под «увеличительное стекло» В. В. Маяковского. Поэт сфокусировал внимание на разоблачении неблагоприятных типажей: «нового буржуа», «хулигана», «обывателя», «сплетника», «ханжи», «развратника», «пьяницы», «лодыря», «очковтирателя», «бракодела», «бюрократа», «труса» и т. д. Р. И. Рождественский отобразил в стихах сатирического характера негативные явления и раскрыл отрицательные образы «псевдоискусствоведа», «пустомечтателя», «стукача», «псевдосудьи», «охотника за высокими словами ради своей личной выгоды», «мещанина с грязным шепотком», «человека, боявшегося говорить правду», «убийцу своего времени», «стыдливого приспособленца», «иждивенца, красиво живущего на деньги своих родителей», «поклонников импортных тряпок», «человека, который хочет сам себя уничтожить», «перестраховщика», «избалованного родителями ребенка», «подлеца», «частного государственника» и др.

В. В. Маяковский использовал в своих сатирических произведениях фантастические сюжеты, гротеск, Р. И. Рождественский актуализирует значение тех или иных фраз, которые стали инертными из-за частого употребления к месту и не к месту, по поводу и без повода, потеряв при этом свежесть восприятия.

Политическая в своей основе сатира В. В. Маяковского проникает в сферу быта, нравственности,

эстетики. Сатирические произведения Р. И. Рождественского имеют нравственный характер, вторгаются в сферу эстетических и идейных ценностей. Как и у В. В. Маяковского, в сатирических произведениях Р. И. Рождественского с виду безобидные вроде бы люди превращаются в граждан, которые мешают продвижению общества к новой жизни.

В сатире В. В. Маяковского звучит смех. Он любил смеяться, умел рассмешить. Многие мемуаристы отмечают, что Маяковский был легендарно остроумен и слыл находчивым полемистом своего времени. Этот врожденный талант помог ему в искусстве слова.

О чувстве юмора Р. И. Рождественского мы узнаем из воспоминаний его современников. Например, А. Д. Дементьев вспоминает: «Р. Рождественский никогда не терялся в сложных ситуациях, остроумие помогало ему выходить из любых ситуаций. Я всегда обращал внимание на то, что Роберт был человеком своего юмора, такого «рождественского» юмора, своеобразного, всегда неожиданного. Он умел над собой подтрунивать, и когда подтрунивал над другими, это было не обидно, потому что юмор был добрый, и все видели, что он и над собой может подшутить» [2, с. 357].

Л. А. Аннинский в статье «Зона. Незабвенная шестая часть Земли» (2002) писал: «Р. Рождественский – прекрасный пародист, что признавали самые непримиримые критики в момент лютой борьбы с ним» [1, с. 528].

А. И. Приставкин утверждал, что Р. И. Рождественский умел иронизировать: «Так о литературной элите говорил иронично: «Понастроили заборов, закупились в глуши, что ж вы, братцы-инженеры человеческой души?!» [6, с. 63].

В. В. Маяковский хорошо знал силу смеха, широко пользовался различными формами комического: сарказмом, иронией, насмешкой, остротой. Он пользовался юмором как одним из профилактических средств, способных предотвратить опасность того или иного отрицательного явления. Его сатира окрашена любовью и великой ненавистью. Современники, знавшие поэта, отмечали, что В. В. Маяковский был добрым человеком. «Громада любовь» Маяковского порождала гнев доброго человека, оскорбленного в самых возвышенных и чистых чувствах. Брюзжание, злобное раздражение были чужды В. В. Маяковскому. В сатире Маяковского, как и в его лирике, отразился характер поэта, его личность.

В. В. Маяковский всегда обрушивал свой гневный смех на конкретных и главных носителей зла, вскрывая их социальную сущность, вынося им беспощадный общественный приговор. Он говорил: «Что касается прямого указания, кто преступник, а кто нет, у меня такой агитационный уклон, я не люблю, чтобы его не понимали. Я люблю до конца сказать сволочь». «Пока сволочь есть в жизни, я её в художественном произведении не амнистирую» [5, с. 505] – так прямо и откровенно заявил поэт о «предмете» своей сатиры, о её направленности и видел в этом главную заслугу своих произведений.

Эти настроения отразились в наиболее известных сатирических стихотворениях («Прозаседавшиеся»,

«Бюрократиада», «О Мясницкой, о бабе и всероссийском масштабе», «О дряни», «Взяточник» и др.).

Во второй половине 1920-х гг. в творчестве В. В. Маяковского значительное место занимает сатира. Центр внутреннего конфликта того времени заключался в противоречии между величию поставленных и осуществляемых задач, с одной стороны, и нищетой, как материальной, так и культурной – с другой. Сатирические стихотворения этого периода В. В. Маяковский публиковал в журнале «Крокодил». В них продолжает развиваться главная тема – разоблачение мещанства и обывательщины в современном ему обществе. Принципиальным отличием темы мещанства этих лет, по сравнению с его сатирой начала 1920-х гг., является то, что, кроме явных врагов и противников, основной мишенью сатиры являются люди, жившие в своем мелком мирке. Тема мещанства здесь Маяковским ставится шире, сатира его охватывает круг значительных и опасных, хотя не столь очевидных явлений. На смену «дряни», пришло «дрянце», «пошлое, мелкое, маленькое дрянцо». Оно не только подновило «житишко, предназначенное на слом», но приспособилось и осело «странной разновидностью». Эта обывательщина грозит засосать молодежь тем, что невидимо, «тихо стираются грани, отделяющие обывателя от дряни».

Опасения В. В. Маяковского не были напрасны, через тридцать лет Р. И. Рождественский отмечает подобные явления в фельетоне «О временно прописанных» (1953), где главной темой становится обличение мещанства в быту, общественной жизни и в любви у молодёжи. Причина этих явлений видится поэту в лениости ума некоторых представителей молодого поколения. И он развенчивает, делает неинтересными обывательские идеалы и представления. Главному герою фельетона – Жоржу – лень учиться. Он «тушит окурки о рояль» и жалуется: «*А что осталось? / Кинуть грамм полтора горькой. / А потом с подружками дошлыми / прощвырнуться по улице Горького. / Мостовую помять подошвами; / Модным шарфом укутать горло. / Дефилировать, встречным кивая...*» [11].

А его подруга – Аллочка – где-то училась, что-то оканчивала, забросила свой диплом и стала вести «светский» образ жизни – вечеринки, гулянки, пьянки. Теперь у нее одна цель – выйти замуж повыгоднее, чтобы у мужа была и квартира, и машина, а подружки стали завидовать.

Поэт обличает пустой и губительный образ жизни Жоржиков и Аллочек: «*Проходят они / с ярлыками транзитными. / Спрятав в кармане ручки. / Такие живут на земле паразитами, / придатками / к модным брючкам!*» [11].

Эволюция в сатире В. В. Маяковского затронула и сквозную тему – бюрократизм. Если в начале творческого пути бюрократ – это преимущественно старого закала чиновник, то в конце двадцатых годов, он усиливает внимание к бюрократам «новым». Бюрократизм изображается В. В. Маяковским как проявление мещанства, перерожденного в карьеризм («Помпадур»). Заостряя внимание именно на том, как ведет себя каждый человек в большом коллективе, поэт борется против безгеройства и псевдогероизма («Трус»,

«Подлиза»), не говоря уже о сатирах, в которых Маяковский воюет против мещанского устранения от социальной борьбы («Стихи не про дрянь, а про дрянцо», «Идиллия» и др.).

В. В. Маяковский говорил: «Политическая идея – борьба с узостью, с делячеством, с бюрократизмом, за героизм, за темп, за социалистические перспективы...» [5, с. 434].

С тематикой бюрократизма и перестраховки в сатирических стихотворениях В. В. Маяковского перекликаются зарисовки Р. И. Рождественского «Сатира о сатире» (1953) и «К вопросу о перестраховке» (1955), разоблачающие бюрократов, волокитчиков в сфере литературных чиновников и угодничество в среде писателей. Так, в стихотворении «Сатира о сатире» одному редактору сразу нужны «Гоголи», «Щедрины». Лирический герой стихотворения спрашивает: «А ваша как фамилия?», на что получает гневный ответ: «Сатира?! Снова! Мы работаем, так сказать. А вам хаханьки, да? Смешно вам?! Обличители! Воображают себя Михалковыми!» [14, с. 53]. В другом кабинете читали, видно, что понравилось, но взвесив все «против» и «за» ставят вердикт: «Сатира... нужна, / конечно... / Но вы бы писали басни. / И вам... и нам безопаснее» [14, с. 53].

В стихотворении «К вопросу о перестраховке» высмеивается писатель, который легко изменяет название своего произведения из-за сомнения и «внутреннего опасения». Один поэт придумал песню с названием «Про луну», хотел в газету отнести, но его взяли сомнения: «А вдруг у редактора лунная болезнь? Тогда это нехороший намек». Поэт рисковать собой не мог и исправил название «Про камни». Р. И. Рождественский иронизирует: «Считая, / что не на что больше пенять / и что печатание обеспечено... / А я бы советовал камни / снять... / Вдруг у редактора камни / в печени» [13].

В своих сатирических стихах Р. И. Рождественский, как и В. В. Маяковский, показывал актуальные проблемы современного для него общества, например, боязнь, сказать правду: «Научили человека / разговаривать. / Разрешили: / «Что хочешь, говори»... / Он открыл / было / рот. / И вдруг опомнился: / «Это что ж? / Так вот / Взять / и сказать?!»... / «Скажешь / что-нибудь этакое – / и здравствуйте / и доказывай, / что ты не верблюд!» [7].

Р. И. Рождественского связывает с В. В. Маяковским («Передавая передового», «Протекция», «Дашь изящную жизнь...» и др.) воинствующий эстетизм, стремление снизить высокие поэтические образы, если они наигранны и неестественны, демократизировать язык.

Общим для поэтов был прием выделения физиологической или физической детали, которая перерастает в самодовлеющий образ. Например, в одной из глав поэмы «Письмо в ХХХ век» (1963), Р. И. Рождественский предполагает, что «Коммунизм» в третьем тысячелетии – «большая Жралья» / Сплошной / желудочно-кишечный тракт?! / Неужто вы / едою одержимы! / Добавочными ужинами / бредите? / Работают / серьезные машины. / А вы тупеете? / А вы жиреете?!» [10, с. 65].

В стихотворении «В клубе миллионеров» (1965) демонстрируется нищета духовного мира американских миллионеров, детали красивой фигуры выбранной «королевы вечера» преподносятся как кусок мяса на рынке: «Выверена, / вымерена, / выхолена вся! / ... Белое тело, / роскошное тело... / По чем / берешь / за килограмм?» [9, с. 235].

Физическая деталь – бицепсы – довлеет в стихотворении «Американский футбол» (1965). Американские спортсмены изображены с помощью гротеска – преувеличения роста и силы футболистов (автором используется образ-троп – сравнение): «тяжелые как башины», «округлые как слоны»: «Такой снесет / не ноя / рояль на пятый этаж. / Такого встретишь ночью, – / сам / часы отдашь...» [9, с. 236].

Как и для В. В. Маяковского («Трус», «Подлиза», «Повальная болезнь», «Идиллия» и др.), для Р. И. Рождественского характерен в сатирических стихотворениях прием снижения высоких сюжетов и образов. Например, в стихотворении «Песня» (1962) концертная атмосфера, исполнение песни певцом-тенором изображаются при помощи использования «сниженной» лексики, чтобы показать негативное отношение к формальному исполнению произведения: дирижер – «лысый демон», «тенор песней горло полоскал», «нежно мямлит», «томно заывает». Уменьшительно-ласкательные слова «глазки», «ручки» имеют отрицательное значение. В стихотворении «Парни с поднятыми воротниками» (1965) показан негативный образ легкомысленных девушек: «девочек – целые стада». В стихотворении «Стыдливые» (1962) «срывается» маска стеснительных, за которой скрываются трусость («стыдно защитить слабого»), подхалимство («стыдно не хвалить тщеславного»), равнодушие и приспособленчество («ни плохого не делает, ни хорошего», «совестно сказать глупому, что он глуп»). Автор разоблачает таких «стыдливых»: «Добрые / других не укоряющие, / милые, / стеснительные вечно, / удобные, / со стыда сгорающие, / люди-людишки. / Человечки» [9, с. 122].

Литота – в словах «людишки», «человечки» помогает раскрыть презрение и негодование поэта.

Р. И. Рождественский, как и В. В. Маяковский («За что боролись?», «Осторожный марш», «Пиво и социализм», «Пример, не достойный подражания. Тем, кто поговорили и бросили» и др.), стремился активно вмешиваться в жизнь, не пройти мимо, а перестроить её на основе подлинной человечности. У Р. И. Рождественского также ярко и образно проходит через все сатирическое творчество Р. И. Рождественского тема мещанства и обывательщины.

Так, развенчивается лицо мещанина в главах застолья поэмы «Моя любовь». Для участников «гулянки» главное не душевные качества поэта, а его зарплата. Образ жизни обывателей не подходит главному герою поэмы, и он восстает против него: «За уютом портьер и штор, / очень тихо они живут. / В меру подленькие, / в меру умные. / Спешат проторенной дорожкой» [10, с. 24 – 25].

Не приемлемы автору и обывательские голоса, осуждающие современную молодежь: они были «лучшие», «не ходили в обнимку», «так не танцевали», «так неприлично» и так далее, но поэт резко обрывает

эти разговоры – решительно и беспрекословно: «Надымили! / Наплели! / Все советы оборви. / – Сами / мыкайтесь в любви! / Вы, / которые / на «мы»!» (Я и мы, 1966) [9, с. 367].

Надо сказать, что в поэме «Опять на станции Зима» (1965) Е. А. Евтушенко – сотоварища Р. И. Рождественского по поэтическому поколению – также подвергаются критике и «сверхличности» в лице партийных руководителей, которые берут на себя роль судей поэтических творений – маяковские «помпадуры». «Автор сатирически рисует облик этого «некто», который сидел «мрачно и набухло», слушая чтение стихов, «выражая гримасой кисло» свои впечатления: «И после вечера тот некто / уже при шляпе для комплекта / себя представил у крыльца» [4, с. 257]. Схожий мотив в «Сказке о добром Джине» (1973) Р. И. Рождественского. На искреннее пожелание Джинна «творить добро» «безвозмездно», «сильный мира сего» «сказал сурово» (автором используется художественный приём иносказания): «– Нет закону, / чтоб добро творили / просто так!» [15, с. 298].

Образ мелких жён-мещанок раскрывается в стихотворении «Королева пляжа» (1966). В женщинах пропала красота, легкость, аура божества, истинное предназначение женщины – умение вдохновлять мужчину на благородные, рыцарские поступки. Поэтому они не хотят воспринимать чудо природы – «королеву пляжа» – прекрасную девушку: «Вздрагивали жены, / будто чуя / недруга! / Едины и усердны, / расставляя крылья, / как наседки...» [9, с. 384].

«Лицо» обывательщины проступает и в стихотворении «Аркадию Райкину» (1962). В зал «на знаменитого артиста» собрались разные люди: «Вот эти – / которые в третьем... / Они от безделья лечатся, – / на прочее им наплевать – / они пришли поразвлечься, / животики надорвать» [9, с. 121].

Проясняется «лицо» еще одного «негодяя»: «А вот / ожидая шуток, – / самодовольства полон, – / сидит / почтеннейший жулик, / который пока / не пойман» [9, с. 121].

Основной прием сатиры Р. И. Рождественского, характерный и для сатирических стихотворений В. В. Маяковского («Четырёхэтажная халтура», «Фабрика бюрократов», «Бумажные ужасы» и др.), – гиперболизация. Он рассматривает мещанство во всей его сущности: все изъяны его «души» и «тела» кажутся поэту отвратительными и неумирающими, не зря в «Поэме о разных точках зрения» (1965) Р. Рождественским рисуется фантастическая картина будущего человечества, когда «мещанин» побеждает «романтика», и на планете «вместо светочей ума», «встанут Эвересты» «дерьма» «мещанина».

Характерен для обоих поэтов и прием иронического иносказания. У В. В. Маяковского ирония и самоирония звучит во многих стихотворениях второй половины 1920-х гг., например, в таких стихах, как «Перекопский энтузиазм!», «Итоги», «Мрачное о юмористах», «Вонзай самокритику» и др. У Р. И. Рождественского в стихотворении «Париж, Франсуазе Саган» (1962) фраза «ответьте, пророк» слово «пророк» имеет ироническое значение, так как французская писательница, по мнению автора, стала «знаменем» неверия и порока. Ирония звучит в обращении

поэта к «стыдливому»: «Бедные, / как вы только терпите? / Сколько в вас святой терпеливости» и в слове «искусствовед» во фразе стихотворения «Интересуешься искусством» (1965): «Слушай! / Вытри слюни. / И отойди «искусствовед». Иронический намек на возраст «девушек» слышится в отрывке из стихотворения «Вольф Мессинг» (1965): «Грудасто-необъятные / плывут официантки, / со следами молодости, / далекой, / как царизм» [9, с. 294].

Злой иронией овевало слово «старикан» в стихотворении «Стихи о Хане Батые» (1966) («А, все-таки ошибся, / старикан»), в это слово автор вложил всю ненависть детей, у которых были убиты родители воинами Батыя.

Ирония у Р. И. Рождественского носит характер и доброй насмешки, как в стихотворении «Приходит врач, на воробья похожий» (1965): «И прыгает смешно перед постелью. / И клювиком выстукивает грудь. / И маленькими крылышками машет. / – Ну, как дела? – / чирикает привычно...» [9, с. 354].

Узнаваемым почерком Р. И. Рождественского становятся стихи, которые носят лирико-сатирический характер. В этих стихах, прежде всего, поэт беспощаден к самому себе. Камнем преткновения становится проверка своего поэтического призвания. Данное сомнение звучит в стихотворении «Рыбаки» (1965), в котором поэтическое творчество Р. И. Рождественский сравнивает с работой рыбаков, «улов», как и у них «иглами ершится»: «Может, скажут: / «Ты ловить не умеешь! / Не всегда тебе / терпенье хватает...» / Нет, поймите, – / мне надоела / мелочь, / мелочь!» [9, с. 135].

Призвание писать стихи – становится для поэта «восторгом, любопытством, усталостью, крепкой силой, пыткой». Иногда начинают в голове «стучаться мысли», что «может быть, и вправду / резона / нет / выводить / корявые буквы», а «лучше заняться делом», по словам мамы, хотя бы добывать нефть: «Пусть бы / где-нибудь у серьезной реки / бригаир, / бровастый как демон, / по ранжиру выстраивая / крутые матюги, / учил бы меня / заниматься делом» [9, с. 363].

В стихотворении «Я не был еще» (1962) также звучит ирония поэта над самим собой. Продолжаются мучительные поиски «самого себя», своего предназначения. Поэту не приемлем легкий путь, его мало интересует «хвала, ругань, уговаривания», так как знает, что «он еще не был, все впереди», поэтому: «...с ухмылкой пристойною, / я слушаю речи застойные, / взгляды ловлю я жадные, / плюю / на злое брюзжание» [9, с. 208].

В. В. Маяковский и Р. И. Рождественского умели извлекать комизм из самых неожиданных явлений. Данная черта просматривается у В. В. Маяковского в комических «откровениях» «Пролетарка, пролетарий, заходите в планетарий», «Стихотворение одежно-молодёжное», «Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру», «Нагрузка по макушку» и др. У Р. И. Рождественского, например, комично звучит уже само название стихотворения – «Чисто деловое письмо из Нью-Йорка Сэму Звягину, отечественному пижону» (1965). Комизмом «отдаёт» фразеологизм «убить время» (в одноименном стихотворе-

нии), которому возвращается первоначальный смысл, в результате чего перед читателями разворачивается «детективная история убийства» людьми своего времени, отведенного судьбой и жизнью.

Схожи мотивы в сатирических произведениях В. В. Маяковского («Искусственные люди») и Р. И. Рождественского («Окна, которые нарисованы»), где поэты использовали прием двойного смысла. Р. И. Рождественский, описывая неправдоподобную картину — жизнь нарисованных людей, домов, — подразумевает некоторые черты «людей-автоматов» в современной поэту действительности: «...выпятив бумажные груди, / важно входят / в нарисованные двери, / нарисованные, плоские люди. / Головами нарисовано качают, / на судьбу свою / не слишком в обиде. / На приветствия живых / отвечают» («Окна, которые нарисованы» (1962)) [9, с. 121 – 122].

Некоторые образы у поэтов-сатириков отличаются своей эксцентричностью. Например, в стихотворении «Воюют надписи» (1966) Р. И. Рождественским вырисовываются «плакаты», похожие на людей по характеру и образу жизни: с одного «плаката» смотрит «сытая, лощенная, нахмуренная личность», другой — «как пощечина», следующий — взят «подкупом». Есть и «жества-плакат» — его убили «нынче ночью, сдирали, будто кожу — заживо». У «плакатов», как и у людей, идет война, «неслышная буквенная война» [9, с. 374].

Вместе с тем, у Р. И. Рождественского в некоторых стихотворениях можно наблюдать сатирические мотивы, характерные уже для современной эпохи художника. Так, в стихотворении «Нервы» (1966) поэтом-шестидесятником разоблачается никчемное существование мира людей. В этой сатирической зарисовке активно используется прием сарказма. Люди своими поступками «прогневали небо» поэтом: «на земле клоочет бешенный ритм», «И от дома к дому / Негагаром / хлещут / валидолы», «Столб не столб — / спешим осатанело» [9, с. 372].

Приём драматизма, вперемежку с сарказмом, отражены и в стихотворении «Рулетка» (1966) Р. И. Рождественского. Поэт образно сравнивает существование мирового сообщества с игрой в «рулетку»: «Собратья? / Нечего грустить, / о брэнной жизни трепаться! / ... Заботитесь? / Ну что ж, / давайте сыграем в заботу, / о дальнейшем / не кручиньтесь, / ...плевать, / что — кто-то одинок, / ждет помощи, / а кто-то / плочет» [9, с. 374].

В «игре» «сильных мира сего» над судьбами людей ставится ставка на совесть, бросающая «человеческие кости». Поэт сравнивает существование человечества с азартной игрой: «(Мир) сияет сквозь ночь, как будто / шарик от рулетки». Для данного стихотворения характерен приём иносказания и контрастного изображения — «хозяев жизни» (крупье, бармен) и игроков, завлекаемых в эту «адскую» игру-рулетку, теряющих своё истинное «я». Из содержания «Рулетки» мы узнаём уничтожающие характеристики «героев» памфлета: крупье — «надменен, спокоен, будто кладбище»; «он стар и это страшно»; бармен — «хитрюга, наливает рюмку чертового сока»; игроки — «калека, перевозмогая паралич, привстал с продавленного кресла», «девушка, чтоб не закричать, / пла-

точком / рот закрывала плотно», «интернациональный хлыщ», «нарумяненная дама». Крупье и бармен «навязывают» «обжигающий» образ жизни «игрокам», которые, как бабочки, летят на яркий свет и «погибают».

Е. А. Евтушенко в своих воспоминаниях о Р. И. Рождественском говорит: «У Р. Рождественского было несоответствие грустных глаз с обликом и, совершенно особенным, специфическим, я бы не сказал «черным», но достаточно мрачным юморком» [3, с. 128].

Стихотворение Р. И. Рождественского «Черный юмор» (1984) подтверждает слова Е. А. Евтушенко. В данном произведении мы узнаем мрачные мысли поэта о судьбе самого из удивительных творений на земле — человека. Погибли «бронтозавры», «птеродактили», причину «невеселой» кончины этих древних ископаемых поэт видит в том, что они «заблудились, пошли не туда». Парадоксально звучат действия обобщённого образа «Человека», сидящего на вершине «древа жизни»: «Он мыслитель. / Он хмурит лоб. / Человека идея гложет. / Хочет что-то придумать, / чтоб / самого себя / уничтожить» [8, с. 43].

В стихотворении «Сейчас весна в походе» (1966), используя прием гиперболизации, с постепенным укрупнением метафоры «горение», автор добивается трагикомического эффекта: «Нутро горит, / братишка... / С войны еще / горит...»; «...в горячке / бьется мысль. / Кипит вода в бассейнах / от раскаленных мышц...»; «По улицам шатаемся / веселыми кострами!», «Сердечными пожарами / дома / освещены!», «Горит / на сыне обувь»; «От логик / до туманностей / миры в себя вбираем, / До крохотки, / до малости / сгораем. / Сгораем»; «раскалена / планета. / Аж подошвы жжёт»; «мы все-таки / сгораем! / Горение, / горение — / закон / земного шара» [9, с. 380 – 382].

Приёмом гиперболизации отличается и стихотворение «Жара» (1966), в котором использована одна из форм комизма — остроумие. Игра слов — «жар», «жарко», «жадно», «засыпают — засыхают»; нагнетание согласных звуков «ж», «ц», «щ», «с», «х», «т», «ч», «ф» передают образ нестерпимой жары.

Р. И. Рождественский, как и В. В. Маяковский, придавал особое значение концовке своих сатирических произведений, в которую обычно ставил самые значимые строки стиха. Поэт охотно их использует как для осмеяния зла, так и для утверждения положительного идеала. В одном случае концовка рассчитана на полную дискредитацию и оскорбление: «Да здравствует / оглушительная / ненависть к сволочам!» («Аркадию Райкину»). В другом — окончание стихотворения строится по типу афоризма. Поэт стремится придать своей мысли особую весомость и запоминаемость, а фразе — предельную сжатость, ясность и звучность: «А она проходит мимо — / история — / раздавая / трехгрошовые истины...» («Парни с поднятыми воротниками»). В форме критики утверждаются эстетические принципы в изображении недостатков в общественной жизни страны: «Тогда сиди! / Слова родимые долбай! / Хотя б «Дубинушку» / и «Светит месяц». / Учи, / старик!» («Чисто деловое письмо из Нью-Йорка Сэму Звягину, отечественному пижону»).

Таким образом, В. В. Маяковский и Р. И. Рождественский хорошо знали не только против чего, но и во имя чего пишут свои стихи. Они видели перед собой тех реальных людей, души которых были призваны формировать. Это придало их сатире конкретность и целенаправленность. Р. И. Рождественский, с его стремлением к демократизации, учился у В. В. Маяковского широкому использованию разговорной интонации, снижению «высоких» поэтических образов, осваивал приемы иронического иносказания, выделения физиологической и физической детали, совмещения разных планов: лирического и бытового, сатиры и лирики.

В то же время в основе стихов сатирической направленности Р. И. Рождественского лежит новое миропонимание, качественно отличное и специфическое. Поэт ищет соответствующее словесное выражение, демократизирует лексику. Его сатирические стихи имеют социальную заостренность тематики, в них сочетается воинствующий оптимизм и трагическое восприятие мировых событий. Обличительные стихи Р. И. Рождественского, вобрав опыт поэта Серебряного века, В. В. Маяковского, были качественно новым соединением, превратившимся в своеобразное сочетание лирики, сатиры и героики.

Литература

1. Аннинский, Л. Зона. Незабвенная шестая часть земли / Л. Аннинский // Р. Рождественский: удостоверение личности; сост. К. Рождественская; ред. А. Киреева. – М.: Эстепонт, 2002.
2. Дементьев, А. «Извините, что мы немного одеты» / А. Дементьев // Р. Рождественский: удостоверение личности; сост. К. Рождественская; ред. А. Киреева. – М.: Эстепонт, 2002.
3. Евтушенко, Е. Мы цапаемся жестко, мы яростно молчим / Е. Евтушенко // Р. Рождественский: удостоверение личности; сост. К. Рождественская; ред. А. Киреева. – М.: Эстепонт, 2002. – 559 с.
4. Комин, В. В. Он пришёл в XXI век: творческий путь Евгения Евтушенко / В. В. Комин, В. П. Прищепа. – Иркутск, 2009. – 427 с.
5. Маяковский, В. Выступление на обсуждении пьесы «Баня» 23 сентября 1929 / В. Маяковский. – ПСС. – Т. 11. – М.: Гос. худ. изд-во, 1947. – 540 с.
6. Приставкин, А. Кто же мы такие? / А. Приставкин // Р. Рождественский: удостоверение личности; сост. К. Рождественская; ред. А. Киреева. – М.: Эстепонт, 2002.
7. Рождественский, Р. Научили человека разговаривать... / Р. Рождественский // Смена. – 1965. – 10 апр.
8. Рождественский, Р. И. Землю спасти / Р. И. Рождественский. – М.: Известия, 1984. – 48 с.
9. Рождественский, Р. И. Избранные произведения: в 2 т. – Т. 1: Стихотворения; Поэмы (1951 – 1965) / Р. И. Рождественский; предисл. Е. Сидорова. – М.: Худож. лит., 1979 – 414 с.
10. Рождественский, Р. И. Семь поэм / Р. И. Рождественский. – М.: Мол. гвардия, 1982. – 191 с.
11. Рождественский, Р. О временно прописанных: фельетон; («Взбалмошные воробьи чирикали...») / Р. Рождественский // На рубеже. – Петрозаводск, 1953. – № 2. – С. 81 – 84. То же / Рис. Б. Ефимова // Огонек. – 1953. – № 29. – С. 31.
12. Рождественский, Р. Стихотворения. Поэмы. Эссе. – М.: АСТ и др., 2000. – 704 с.; Рождественский, Р. Удостоверение личности // Роберт Рождественский; [сост. К. Рождественская; ред. А. Киреева]. – М.: Эстепонт, 2002. – 559 с.; То же. – М.: Эксмо, 2007. – 720 с.: ил.; Рождественский, Р. «Помогите мне, стихи!..» – М.: Хоровод, 2000, 2002. – 248 с.; Рождественский, Р. Мгновения, мгновения, мгновения... – М.: Эксмо, 2006. – 352 с.; То же. – М.: Эксмо, 2010. – 352 с.; Рождественский, Р. Стихотворения. – М.: Эксмо, 2006. – 480 с.; То же. – М.: Эксмо, 2010. – 480 с.; Рождественский, Р. Придет и к вам любовь. – М.: Эксмо, 2006. – 352 с.; То же. – М.: Эксмо, 2007. – 352 с.; Рождественский, Р. Эхо любви: Стихи и песни. – М.: Эксмо, 2006. – 320 с.; То же. – М.: Эксмо, 2007. – 320 с.; Рождественский, Р. Стихи о любви. – М.: Эксмо, 2008. – 288 с.; То же. – М.: Эксмо, 2009. – 288 с.; Рождественский, Р. Твоя и моя земля. – Барнаул: ПАРАДИГМА ПЛЮС, 2011. – 48 с.; Рождественский, Р. Алёшкины мысли. Стихи для детей. – М.; Минск: АСТ: Астрель: Харвест, 2011. – 30 с.; Рождественский, Р. Мы совпали с тобой. – М.: Астрель, 2012. – 252 с.; Рождественский, Р. «Я жизнь люблю!..». Стихи. Воспоминания. – Барнаул: Алтайский дом печати, 2012. – 311 с.
13. Рождественский, Р. Флаги весны: Стихи / Р. Рождественский. – Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Фин. ССР, 1955. – 89 с.
14. Рождественский, Р. Сатира о сатире («Бодро в руке фельетон зажав...») / Р. Рождественский // На рубеже. – Петрозаводск, 1953. – № 12.
15. Рождественский, Р. И. Избранные произведения: в 2 т. – Т. 2: Стихотворения; Поэмы (1965 – 1977); Песни / Р. Рождественский. – М.: Худож. лит., 1979 – 472 с.

Информация об авторе:

Сипкина Нина Яковлевна – кандидат филологических наук, сотрудник кафедры литературы Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 8-923-212-68-89, sipkina.nina@yandex.ru.

Nina Ya. Sipkina – Candidate of Philology, Department of Literature, Katanov Khakass State University.

Статья поступила в редколлегию 03.04.2014 г.

СПОСОБЫ ФОРМИРОВАНИЯ СМЫСЛОВОГО ЕДИНСТВА ЖАНРА РЕЗЮМЕ

О. В. Тойкина

METHODS OF FORMING SEMANTIC COHESION IN THE GENRE OF RÉSUMÉ

O. V. Toykina

В статье рассматриваются особенности отбора лексических средств в процессе формирования смыслового тематического однообразия жанра резюме в немецкой и русской лингвокультурах. Резюме как жанр официально-делового дискурса характеризуется наличием тематического поля, сформированного вокруг определенной тематической доминанты. Особое внимание уделяется определению доминантной тематической номинации резюме, а также выявлению лексических единиц, формирующих тематическое поле жанра. Выявление основных тематических номинаций производится при помощи программ лингвистического анализа и обработки текстов. Также в статье представлен анализ тематических номинаций с учетом их дискурсивных, стилистических, морфологических и семантических характеристик. Произведенный анализ свидетельствует о существовании различных способов актуализации семантических значений, характеризующих особенности трудовой профессиональной деятельности и формирующих общее тематическое поле жанра резюме в немецкой и русской лингвокультурах.

The paper deals with the features of selection of lexical and semantic means of forming semantic cohesion of the genre of résumé in the German and Russian linguistic cultures. Officially, résumé as a genre of business discourse is characterized by a certain thematic field formed around a specific thematic dominant. Particular attention is paid to the definition of the dominant thematic nomination of résumé, as well as to the identification of lexical units that form the subject field of the genre. Detection of the major thematic nominations is made with the help of computer program for linguistic analysis and processing of texts. The paper also presents the analysis of thematic nominations based on their discursive, stylistic, morphological and semantic characteristics. The analysis indicates the existence of different ways of updating the semantic values that characterize the features of professional and labour activity and forming the overall thematic genre field of résumé in the German and Russian linguistic cultures.

Ключевые слова: резюме, тематическое однообразие жанра, официально-деловой стиль, номинация, тематическая плотность, лексические морфемы, семантическая связь.

Keywords: résumé, thematic cohesion of the genre, official business discourse, nomination, thematic density, lexical morphemes, semantic link.

Каждый отдельный жанр дискурса предполагает наличие функционально обусловленного отбора языковых средств в процессе порождения текста. Смысл текста раскрывается посредством декодирования языкового лексико-грамматического материала, заключенного в определенный вариант формы жанра. Исследователи отмечают, что тесная взаимосвязь составляющих частей текста проявляется одновременно в виде смысловой, коммуникативной и структурной целостности, которые соотносятся между собой как содержание, функция и форма [11, с. 19]. Взаимообусловленность данных компонентов обеспечивает смысловое единство текста в процессе реализации прагматической цели социального взаимодействия в конкретной ситуации общения. В коммуникативной ситуации поиска работы жанр резюме определяет взаимозависимость формы и содержания текста от реализации основной прагматической цели – получения работы. Однако, несмотря на универсальность цели коммуникативной ситуации, исследование корпуса текстов резюме на немецком и русском языках выявило некоторые особенности как в форме, так и в содержании, формирующие значительные смысловые отличия текстов резюме в каждой из лингвокультур. Вслед за Е. В. Падучевой мы считаем, что описание смысла текста состоит из двух частей: словаря (лексической базы данных текста) и грамматики (сюда входит собственно грамматика и грамматика лексики – лексическая база знаний, которая содержит лексические правила, позволяющие получать из одних значений другие) [12, с. 18]. Поэтому целью данной статьи является исследование механиз-

мов отбора лексических средств в процессе формирования смыслового тематического однообразия жанра резюме в немецкой и русской лингвокультурах в рамках официально-делового дискурса с учетом специфики ситуации поиска нового места работы.

Актуальность исследования механизмов тематической организации обусловлена значительным распространением жанра резюме в рамках международного делового дискурса, в то время как отдельных исследований, посвященных выявлению лексических средств, вербализующих внутрижанровые семантические особенности резюме в немецкой и русской лингвокультурах не проводилось. Тем не менее, различные аспекты жанровой дифференциации институционального делового дискурса не раз привлекали внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей. Данные вопросы разрабатывались в исследованиях М. М. Бахтина, М. Н. Кожинной, И. Р. Гальперина, К. А. Филиппова, Т. А. Ширяевой, Л. В. Рахманина, В. В. Дементьева, А. А. Кибрика, Н. Д. Арутюновой, М. Ю. Олешкова, В. И. Карасика, С. Г. Воркачева, С. П. Кушнерука, К. Бринкера, Л. Гофмана, Дж. Лемке, К. Баумана и др.

Принадлежность жанра резюме к сфере институционального делового дискурса предполагает использование в процессе создания текста средств функционального официально-делового стиля языка. Проблема соотношения понятий «стиль» и «дискурс» в современной лингвистике остаётся далёкой от решения, тем не менее, многие исследователи определяют стиль в качестве одного из системообразующих факторов дискурса, поскольку особенности стиля задаются специ-

фикой дискурса [13, с. 27]. Стиль характеризуется определенными принципами отбора средств языка в речевом произведении в рамках каждого дискурса. Данные принципы определяются общественно-языковой практикой в различных сферах деятельности человека и обуславливают специализацию используемого в них языка [8, с. 25]. Основной особенностью функционального стиля исследователи обозначают существование подсистемы литературного языка со своеобразным словарем [2, с. 455]. Основу словаря официально-делового стиля формирует лексика, относящаяся к области административно-правовой деятельности человека. К ярким лексическим чертам делового стиля исследователи относят высокий уровень употребления терминов, высокую частотность специальной и процедурной лексики и, следовательно, однородность лексического состава [6, с. 104]. Своеобразие лексического состава функционального официально-делового стиля распространяется на различные жанры, представленные в деловом дискурсе. Исследователи отмечают: «Документный текст – «лексический однолюб», он ориентируется на использование одной из единиц синонимического ряда или на заметное ограничение при выборе единиц из синонимических рядов» [8, с. 110]. Следовательно, официально-деловой стиль является основным источником формирования лексической базы жанра резюме, которая включает в себя характерные особенности данного стиля.

Многообразие существующих в реальности вариантов ситуации трудоустройства также стратифицирует состав лексической базы жанра резюме. Анализ корпуса текстов резюме на немецком и русском языках обнаружил наличие схожих принципов тематической организации лексики в резюме. В частности, в «словарь» жанра резюме и в немецком, и в русском языках входят номинации различных видов деятельности, профессий, учреждений, профессиональных и личностных характеристик соискателей и др. С. Д. Кацнельсон писал: «Только употребление полных слов связано с осознанием их смысла. Говорящие, как правило, отдают себе отчет в содержании таких слов и могут по желанию эксплицировать их содержание на подразумеваемый словом предмет» [5, с. 114]. Совокупность всех лексических единиц резюме формирует тематическое поле жанра, в центре которого расположена определенная тематическая доминанта. Многие лингвисты обозначают тему текста в качестве одного из основных факторов текстообразования. Тема представляет собой смысловое ядро текста, содержание является предметом речи, моделируемом в сознании отправителя текста [3, с. 225]. В содержательном плане именно тема реализует основной отличительный признак текста от «не текста» – связность. Тема текста является важным компонентом глобального смысла текста, выраженного в его содержании. Конкретный состав тематической цепочки в резюме определяется не только авторским замыслом соискателя, но и спецификой официально-делового стиля. Тема текста задается прагматической направленностью ситуации общения. Исследователи отмечают, что для тематического поля важно наличие семантической общности составляющих его единиц. Сема, имеющая наибольшее количество семантических связей в тексте и выделенная в нем композиционно, будет выразителем темы целого текста [14, с. 542]. Следовательно, для обнаружения те-

мы текста необходимо определить сему с наибольшим количеством семантических связей. В ситуации трудоустройства резюме является одним из средств достижения желаемого результата – работы. В деловых текстах тема адекватна целевому назначению документов [4]. Поэтому цель ситуации общения и цель резюме совпадают, соответственно, в качестве темы текстов жанра резюме можно обозначить слово *Arbeit* / *работа*, основной семой которого будет выступать представление о социально-значимой, целенаправленной, осознанной и желанной профессиональной деятельности, являющейся источником материальных благ отдельного человека.

Ряд исследователей предполагают, что для определения темы текста важна плотность тематических номинаций, количество их употреблений в тексте [14, с. 543]. Комбинаторика языковых составляющих тематической цепочки характеризуется периодичностью появления базовой номинации и относительным разнообразием перемежающихся с ней дополнительных номинаций. Таким образом, для определения темы резюме эмпирическим методом, необходимо подсчитать количество употреблений доминантной тематической номинации, а также определить круг дополнительных номинаций, позволяющих реализовывать тематическое однообразие жанра резюме. В результате статистической обработки текстов резюме на немецком и русском языках было обнаружено, что количество употреблений тематической номинации *Arbeit* в резюме на немецком языке составляет 2 % от общего количества слов. В русских текстах количество употреблений тематической номинации «работа» составило 2,8 %. В целом, показатель количества словоупотреблений 2 % – 2,8 % от общего количества слов и в немецких, и в русских резюме, представляется несущественным для выражения глобальной тематической направленности в тексте. При сопоставлении показателей среднего объема текста резюме с показателями количества употреблений получаются следующие результаты: в немецких текстах средний объем резюме составляет 162 слова, из них лишь каждое 25 словоупотребление является доминантной тематической номинацией *Arbeit*. Показатель плотности тематической номинации *работа* составляет 6,2 для резюме на немецком языке, т. е. в резюме со средним объемом текста 162 слова доминантная тематическая номинация *Arbeit* употребляется около 6 раз. В текстах русских резюме объем текста в среднем составляет 260 слов, где тематическая номинация *работа* встречается в каждом 36 слове, соответственно показатель плотности тематической номинации составляет 7,2. Таким образом, при исследовании механизмов тематической организации резюме, существенным представляется не столько количество употреблений доминантной тематической номинации, сколько обнаружение семантических связей основной тематической номинации с другими номинациями, реализующими тематическую связность текста.

В области корпусной лингвистики определение темы текста основано на механизме семантического анализа посредством систем автоматического анализа текстов. Данный анализ направлен на выявление и учет статистики встречаемости, распределения по тексту и других внешних признаков слов в тексте. Результатом анализа является тематическое представление текста, включающее все термины текста (имена существи-

тельные), организованные в иерархическую структуру и ранжированные по мере их значимости [9, с. 181]. Предполагается, что наиболее часто употребляемые в тексте существительные являются носителями основных семантических связей и непосредственным образом реализуют глобальный смысл текста – его тему. Данное утверждение позволяет обнаружить основные тематические номинации, осуществляющие семантическую связь глобальной темы в резюме и выраженные наиболее часто употребляемыми именами существительными посредством статистической обработки текстов на немецком и русском языках.

В рамках нашего исследования автоматический анализ текстов резюме на немецком и русском языках осуществлялся с помощью программы статистической обработки текстов WordTabulator v.3.5 для MS Windows. Всего было проанализировано 1000 резюме на немецком и 1000 резюме на русском языках. На первом этапе обработки корпуса немецких и русских текстов электронных резюме были созданы списки всех немецких и русских словоформ резюме в порядке возрастания частоты их использования в текстах для каждого языка. Словоформа представляет собой конкретное слово в конкретной грамматической форме, является последовательностью буквенно-цифровых символов, ограниченных в тексте знаками препинания или пробелами

[10, с. 429]. В результате анализа наиболее часто встречающимися как на немецком, так и на русском языке оказался союз «и / und», а также различные служебные части речи, в первую очередь предлоги. Из значимых частей речи в списке немецких словоформ оказалось местоимение *ich* (я), также в первую десятку вошли словоформы имен существительных *Jahre* (годы) и *Tätigkeit* (деятельность). В целом, список десяти наиболее часто употребляемых в немецких резюме словоформ выглядит следующим образом: *und, ich, in, der, Jahre, Tätigkeit, im, mit, die, als*. В десять наиболее часто встречающихся словоформ на русском языке вошли следующие словоформы: *и, по, в, работы, с, должность, на, опыт, г., образование*.

Следующим этапом статистического анализа лексической базы резюме, явился подсчет количества употреблений совокупности словоформ для отдельных имен существительных с наибольшим индексом частоты. Под индексом частоты мы понимаем количество употреблений определенной лексической единицы в корпусе текстов объемом 1000 резюме. Из первых десяти словоформ с максимальным индексом частоты употреблений был сформирован рейтинг наиболее частотных имен существительных в резюме для каждого языка. Результаты данного этапа исследования можно увидеть в таблице 1.

Таблица 1

№	Немецкий язык	Индекс частоты	Русский язык	Индекс частоты
1	Jahr (год)	1708	работа	5606
2	Tätigkeit (деятельность)	1377	опыт	1616
3	Kenntnisse (знания)	917	должность	1561
4	Deutschland (Германия)	896	деятельность	1558
5	Land (страна)	842	образование	1374
6	Stellengesuch (объявление о поиске работы)	638	организация	1359
7	Vollzeit (полный рабочий день)	622	год	1350
8	Branche (отрасль)	593	навыки	1234
9	Art (вид)	526	город	1014
10	Arbeit (работа)	480	область	795

Подсчет наиболее часто употребляемых существительных выявил ряд существенных отличий словарного состава немецких резюме. В частности, среди существительных с высоким индексом частоты употреблений, которые, тем не менее, по своим показателям не попали в первую десятку рейтинга, были обнаружены синонимы. Сумма индексов частоты синонимичных существительных могла бы существенно изменить позиции данного рейтинга. В качестве примера можно указать следующие синонимы: тематические номинации *Gehaltswunsch* (ожидаемый доход) и *Bezahlung* (оплата) с индексом частоты употреблений 249 и 388, соответственно, реализуют сему *оплата труда*, общее количество частоты их упоминаний в резюме составляет 637 раз. Схожая ситуация наблюдается и с номинациями *Umkreis* (округ) и *Region* (регион); *Fachgebiet* (область профессиональной деятельности), *Branche* (отрасль) и *Berufsfeld* (поле профессиональной деятельности) и мн. др. В текстах резюме на русском языке использование синонимов наблюдалось исключительно редко. Исследователи отмечают, что синонимы являются результатом процесса семантической дифференциации языка. Данный процесс в первую очередь подчиняет своему влиянию устойчивые, т. е. издавна существующие в языке стилистически нейтральные высокоупотребительные деривационно

простые единицы в их основных значениях [1, с. 224]. Следовательно, использование синонимов в резюме свидетельствует об актуальности определенных сем для немецких соискателей. В то же время, выше было отмечено, что тексты официально-делового стиля не предполагают использование синонимов. Таким образом, употребление синонимов выступает в качестве одной из специфических жанровых характеристик резюме на немецком языке.

В целом, выстраивание иерархии имен существительных в зависимости от частоты их употреблений не в полной мере отражает специфику тематического представления лексического состава текстов резюме на немецком и русском языках. Подобная иерархия актуальна лишь для тех существительных, семантическое значение которых выражено одной номинацией. В случае, когда семантическое значение имени существительного реализуется несколькими номинациями, актуальность его значения в процессе создания тематического однообразия текста определяется суммой индексов частоты употребления всех номинаций.

Частота использования в тексте определенных предметных номинаций (в отличие от признаков или событийных) является средством организации тематического поля текста. В тексте данные номинации связаны

между собой отношениями функционально-текстового тождества и могут идентифицироваться друг через друга. Цепочка таких наименований, проходящая через весь текст, содержит в себе представление основного предмета речи [14, с. 542]. Поэтому имена существительные с высоким индексом частоты употребления можно обозначить как основные тематические номинации резюме, реализующие семантические особенности доминантной тематической номинации – работы.

Морфологический анализ словоформ, употребленных в резюме, обнаружил высокую степень повторяемости определенных лексических морфем в составе дериватов как в немецких, так и в русских текстах. Словарь лингвистических терминов определяет термин «лексическая морфема» как обобщенное название для корневых и словообразовательных (деривационных) морфем, выражающих лексическое значение [2, с. 241]. Семантическое значение каждой из лексем базируется на общем лексическом значении корневой морфемы. Е. С. Кубрякова считает, что семантическое значение производного слова не только включает в себя индиви-

дуальное лексическое значение слова, но и указывает на источник данного значения, а также на особую форму его существования [7, с. 9]. Немецкие исследователи отмечают, что употребление однокоренных дериватов способствует тематическому объединению информации в тексте, так как лексические морфемы представляют определенную информацию в разнообразии грамматических форм [15, с. 21]. Поэтому следующим этапом анализа лексико-тематической направленности текстов электронных резюме явился подсчет частоты употреблений лексических морфем имен существительных с высоким индексом частоты. Было проанализировано количество употреблений лексических морфем как наиболее часто употребляемых имен существительных (таблица 1), так и других существительных, имеющих высокий индекс частоты употреблений. В сложных словах, имеющих несколько корневых морфем, была просчитана частотность употребления каждой из морфем. По результатам анализа был сформирован рейтинг лексических морфем с максимально высоким индексом частоты употребления (таблица 2).

Таблица 2

№	Немецкий язык	Индекс частоты	Русский язык	Индекс частоты
1	-stell-	2677	-рабо-	7558
2	-arbeit-	2484	опыт-	1926
3	-land-	2026	должност-	1813
4	-jahr-	1819	образован-	1724
5	-kennt-	1701	деятель-	1566
6	-tätig-	1626	професс-	1459
7	-such-	1532	год-	1455
8	-beruf-	1469	организа-	1428
9	-erfahr-	1309	навык-	1236
10	-bild-	1069	пользова-	1157

Наиболее часто употребляемые лексические морфемы встречаются в составе большого количества дериватов, выраженных различными частями речи в разнообразии грамматических форм в каждом из языков. Например, лексическая морфема *-stell-*, занимающая лидирующую позицию в резюме на немецком языке, реализует семы *ставить* и *место*, являющиеся основными семантическими компонентами глагола *stellen* и существительного *die Stelle*. Данная морфема встречается в следующих дериватах: *Stellengesuch* (заявление о поиске места работы), *Arbeitsstelle* (место работы), *stellungslos* (безработный), *Angestellte* (служащая), *Festanstellung* (постоянное место работы), *Angebotsstellung* (составление предложений по заключению контрактов), *erstellen* (устанавливать), *anstellen* (принимать на работу), *Ausstellung* (выставка), *Stelle* (рабочее место), *gestellte* (поставленный), *Bestellung* (заказ) и др. Лексическая морфема *-рабо-* в текстах резюме на русском языке реализует сему *организованная целенаправленная деятельность* в следующих дериватах: *работа*, *работать*, *рабочий* (существительное и прилагательное), *разнорабочий*, *обработка*, *работник*, *работоспособность*, *разработка*, *заработная* и др. Совокупность лексических морфем представленных в Таблице 2 и морфем с более низким индексом частоты употребления в текстах, актуализирует различные обозначения профессиональной деятельности человека, а также ее составляющие, такие как: опыт, возраст, знания, навыки, место, время и др. В целом, данные характеристики

являются достаточно универсальными для международного делового дискурса. Тем не менее, в различных лингвокультурах лексические морфемы, выступающие носителями семантических значений компонентов трудовой деятельности, а также реализующие тематическое однообразие текста резюме, актуализируются различными способами.

Семантический анализ наиболее часто употребляемых лексических морфем позволяет детализировать представления о профессиональной деятельности в каждой из лингвокультур. В немецкой лингвокультуре *Arbeit* – это определенное во времени и пространстве место, где осуществляется профессиональная деятельность, требующая знаний и опыта. Важными характеристиками работы является ее месторасположение – 90 % немецких соискателей указывают точное название географической местности в Германии, где они желали бы получить работу, а также уровень оплаты труда. Для русских соискателей «работа» представляет собой должность в определенной организации, где осуществляется профессиональная деятельность, требующая определенных навыков, образования и опыта. Значимым представляется показатель продолжительности работы на предыдущих местах, а также умение обращаться с компьютером.

Таким образом, тематическую направленность текста в процессе формирования глобального смысла в значительной степени реализуют лексические морфемы в составе однокоренных дериватов. Разнообразие

словообразовательных моделей в каждом из языков позволяет лексическим морфемам фокусировать основную тематическую направленность текста резюме посредством формирования лексических единиц различного уровня с большим многообразием семантических корреляций. Многообразие семантических взаимоотношений между различными лексическими единицами регулируется тематической направленностью на реализацию основной прагматической цели жанра. Например: вне жанровой дифференциации слова *работа* и *ночной клуб* представляются в качестве антиподов. Однако, в процессе реализации тематической цепочки: *работа – профессия – бармен – место работы – ночной клуб*, данные понятия оказываются в едином тематическом поле жанра резюме.

В целом, механизм формирования тематического однообразия резюме в каждой из лингвокультур представляет собой иерархическую систему, заданную спецификой институционального делового дискурса и реализующуюся посредством отбора лексических единиц официально-делового стиля. Во главе иерархии расположена доминантная тематическая номинация, соответствующая целевому назначению текста резюме – получению работы. Следующий уровень иерархии формирует ограниченное количество тематических номинаций, непосредственным образом реализующих основные семантические характеристики доминантной номинации. Состав основных тематических номинаций

как в немецкой, так и в русской лингвокультурах является аналогичным. И, наконец, третий, максимальный по количеству уровень тематической иерархии, состоит из лексических единиц, представленных однокоренными дериватами. Однокоренные дериваты формируются за счет использования лексических морфем основных тематических номинаций резюме в многообразии словообразовательных моделей, формирующих широкий спектр семантических вариаций. На данном уровне проявляется наличие различных способов актуализации семантических значений доминантной тематической номинации, характеризующихся разной частотой упоминаний тех или иных особенностей трудовой профессиональной деятельности в немецкой и русской лингвокультурах.

Таким образом, тематическое однообразие лексического состава резюме достигается, с одной стороны, за счет узкой прагматической направленности ситуации общения. С другой стороны, за счет формирования лексико-тематического поля, пределы которого заданы высокой частотой употребления незначительного количества определенных лексических морфем в лексических единицах с различными словообразовательными моделями и грамматическими формами. Частота актуализации тех или иных лексических морфем в составе лексических единиц зависит от ментальных особенностей восприятия доминантной тематической номинации в каждой из лингвокультур.

Литература

1. Апресян, Ю. Д. Избранные труды: в 2 т. – Т. 1: Лексическая семантика (синонимические средства языка) / Ю. Д. Апресян. – М.: Восточная литература «Языки русской культуры», 1995. – 472 с.
2. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М.: КомКнига, 2007. – 576 с.
3. Даниленко, В. П. Русская терминология: опыт лингвистического описания / В. П. Даниленко. – М.: Наука, 1977. – 246 с.
4. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – Назрань: Пилигрим, 2010 – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/lingvistic/> (дата обращения: 1.11.2013).
5. Кацнельсон, С. Д. Типология языка и речевое мышление / С. Д. Кацнельсон. – Л.: Наука, 1972. – 213 с.
6. Коновалова, Т. В. Официально-деловой стиль как один из коммуникативно-функциональных аспектов языка / Т. В. Коновалова, Л. М. Золотарева // Науч. Вестник Воронежского гос. архитектур. ун-та. – Воронеж: Воронежский гос. архитектурно-строительный ун-т, 2006. – С. 97 – 106.
7. Кубрякова, Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова / Е. С. Кубрякова. – М.: Наука, 1981. – 208 с.
8. Кушнерук, С. П. Документная лингвистика: учеб. пос. / С. П. Кушнерук. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 256 с.
9. Леонтьева, Н. Н. Автоматическое понимание текстов: системы, модели, ресурсы: учеб. пособие для студ. лингв. фак. вузов / Н. Н. Леонтьева. – М.: Академия, 2006. – 304 с.
10. Матвеева, Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева – Ростов н/Д.: Феникс, 2010. – 562 с.
11. Москальская, О. И. Грамматика текста: учеб. пос. / О. И. Москальская. – М.: Высш. шк., 1981. – 183 с.
12. Падучева, Е. В. Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.
13. Приходько, А. Н. Концепт в дискурсах vs концепты в дискурсе. Дискурс, концепт, жанр: коллективная монография / А. Н. Приходько; под ред. М. Ю. Олешкова. – Нижний Тагил: НТГ СПА, 2009. – С. 125 – 140.
14. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – М.: Флинта, Наука, 2003. – 696 с.
15. Eichinger, L. M. Deutsche Wortbildung: eine Einführung / L. M. Eichinger. – Tübingen: Narr, 2000. – 269 s.

Информация об авторе:

Тойкина Ольга Владимировна – преподаватель немецкого языка кафедры романской филологии, второго иностранного языка и лингводидактики Института иностранных языков и литературы Удмуртского государственного университета, 8 (3412)91-62-67, toj-olga@yandex.ru.

Olga V. Toykina – Lecturer at the Department of Romance Philology, Second Foreign Languages and Linguodidactics, Institute of Foreign Languages and Literature, Udmurt State University.

Статья поступила в редколлегию 10.02.2014 г.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 130.122; 167.7

ЗАКОНОМЕРНОСТИ КОРРЕЛЯЦИОННЫХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ РЕЛИГИОЗНОГО И СОЦИАЛЬНОГО

Е. О. Гаврилов

REGULARITIES OF CORRELATION INTERRELATIONS OF RELIGIOUS AND SOCIAL

E. O. Gavrilov

Выделение сфер священного и мирского, дифференцирование содержания священного есть результат способности сознания устанавливать бинарные оппозиции на уровне смысла и символических действий. Соединение компонентов религиозного опыта в ритуале обусловлено развертыванием двух мотиваций: дистанцирование от священного и стремление к соприкосновению с ним. Переходы на смысловом, символическом и практическом уровнях от одной интенции к другой являются источником саморазвития религии, предпосылкой социогенеза.

Allocation of spheres of sacred and secular, differentiation of the contents of sacred is the result of the consciousness's ability to establish binary oppositions at the level of sense and symbolical actions. Connection of components of religious experience in ritual is caused by expansion of two motivations: distancing from sacred and aspiration to contact with it. Transitions at semantic, symbolical and practical levels from one intention to another are a source of self-development of religion, a factor of social development.

Ключевые слова: бинарность, сакральное, ритуал, мимезис, социальность.

Keywords: binarity, sacral, ritual, mimesis, sociality.

Оценка религии в качестве фактора социогенеза является общим местом многих исследований. Тем не менее, проблема определения механизма взаимовлияния религиозных и нерелигиозных факторов сохраняет свою значимость хотя бы потому, что сегодня границы между различными сферами социальных отношений становятся подвижными, теряют четкость своих очертаний. Кроме того, процессы глобализации и локализации, секуляризации и десекуляризации, религиозного эклектизма и усиления фундаментализма как никогда раньше требуют отчетливого понимания места религии в современных социальных процессах. Поэтому основными задачами статьи является уточнение характера взаимодействия религиозной и нерелигиозной сфер, экспликация роли религии как предпосылки социального развития.

Отношение религиозного и нерелигиозного первоначально закладывается в области смысловых значений, и только потом находит воплощение в символах и социальных практиках. Смысловое выражение специфики религии раскрывается в сопоставлении священного, составляющего ее суть, с внешней средой, то есть с мирским. Да и само сакральное имеет внутренне дифференцированный характер, что, в частности, создает предпосылки для саморазвития религии. Заметно, что в основе этих делений – «внешнего» и «внутреннего» – лежит базовая закономерность, свойственная всем процессам духовного освоения мира. Она состоит в разложении бытия на области бинарных оппозиций, в рамках которых только и формируется смысл. По этому поводу П. Бурдьё замечает: «По причине того, что в основе структуры лю-

бых символических систем, к примеру религии, всегда заложен принцип деления, они (символические системы – прим. Е. О.) способны упорядочивать природный и социальный мир не иначе как путем их разбиения на антагонистические классы ..., они порождают смысл и консенсус о смысле с помощью логики включения и исключения» [1, с. 10]. В кибернетической модели образования социальных порядков Н. Лумана эта логика называется – да/нет кодированием [13, с. 224 – 226].

Конкретизация элементов названных оппозиций осуществляется посредством дополнительных смысловых отношений: доброго и злого, чистого и скверного, порядка и хаоса и др. Причем эти пары используются как в качестве содержания религиозного и нерелигиозного, так и в качестве наполнения внутренних элементов сферы сакрального. На наш взгляд, в основании этой смысловой разметки прежде всего лежит противопоставление упорядоченности и того, что этот порядок нарушает. «Когда нечто с уверенностью классифицируется как отклонение – пишет М. Дуглас, – то тем самым очерчивается совокупность, к которой это нечто не может принадлежать» [7, с. 68]. То есть, профанация только подчеркивает наличие сакрального, выделение в сакральном скверного подчеркивает его чистоту. Возможна и обратная последовательность.

Корреляция выделенных элементов, их соотносительная значимость нередко трактуются как доминирование одного из полюсов оппозиции над другим (Э. Дюркгейм, М. Мосс, Т. Парсонс, М. Элиаде и др.). Нам же ближе подход, обосновывающий их равно-

значность и взаимообратимость (амбивалентность) (Л. Леви-Брюль, Р. Отто, Р. Кайя, М. Дуглас, К. Вульф, Д. Ю. Куракин и др.). Признание амбивалентности сакрального, по мнению Д. Ю. Куракина, позволяет преодолеть гомеостатическую модель социального порядка [9, с. 57]. Именно такое видение противоречивой связи исходных оппозиций позволяет рассматривать религию как фактор социогенеза. Разделение сакрального и профанного, дифференциация внутри сакрального создает предпосылки для разнообразных смысловых комбинаций, служащих своеобразными ориентирами в повседневной жизни. Системообразующий характер принципа бинарного разделения состоит в том, что эти оппозиции задают направления религиозной активности, упорядочивают религиозный опыт и представления, наполняются конкретными переживаниями, порождают различные стандартизированные формы деятельности.

Смысловое содержание религиозного сознания нуждается в символическом и деятельностном выражении. Называя человека «церемониальным животным», Л. Витгенштейн указывает на связь смысла, правила поведения и знака как предпосылку взаимовлияния организованной религиозной и нерелигиозной социальной активности [2, с. 255]. Причем, как отмечают В. А. Ладов и В. А. Суровцев, правило может быть понято как в контексте признающего его сообщества, так и в контексте техники его применения [10, с. 109, 115]. Те или иные религиозные убеждения есть показатель правил, в соответствии с которыми человек готов выстраивать свое поведение. В свою очередь само это поведение, включая языковые формы выражения религиозного смысла, носит символический характер, отсылает к представлениям, относительно которых ритуализированные формы активности становятся понятными и значимыми. Соответственно те социальные практики, которые утверждают определенный образ жизни, обретают свою значимость и постоянство только посредством введения в той или иной области церемониальных форм, имеющих отношение с одной стороны к религиозному смыслу, а с другой к нерелигиозному (экономическому, правовому, политическому и т. д.).

В этом процессе генерирования социальности с помощью символических средств производится дифференциация смысловых паттернов священного и мирского, внутренних компонентов сакрального. Особую роль здесь приобретает сама процедура различения: возведение символических границ и возможность их перехода. Причем механизм установления и пересечения границ в рамках бинарного деления создает возможность их переопределения, что служит основой изменения социального порядка. По замечанию М. Дуглас «беспорядок портит образец, но он также дает для него материал ... он символизирует одновременно и опасность и силу» [7, с. 143]. Переход установленных символических границ только подчеркивает их наличие, переопределение границ позволяет расставлять новые смысловые акценты и тем самым создавать условия для изменения религиозных практик и связанного с ними социального порядка. «Все священные символы – пишет К. Гирц – утверждают,

что жить в соответствии с реальностью – благо для человека; различие между ними заключается в том, каков тот образ реальности, который они создают» [5, с. 154].

Координация сакральной и профанной сфер в их смысловом и символическом выражении понимается по-разному. Одни исследователи рассматривают священное как проекцию социального порядка (Э. Дюркгейм, М. Мосс, К. Маркс, Т. Парсонс и др.), другие, что более соответствует нашей позиции и задачам исследования, как область его формирования (М. Вебер, А. Тойнби, К. Гирц, В. Тернер и др.). Возведение границ между оппозициями и их пересечение служит условием возникновения устойчивых ритуализированных (рутинизированных) форм поведения, функционирование которых в значительной степени формирует социальное пространство. По мнению К. Вульфа, ритуал инсценирует символическое знание в деятельности, перформативно наделяет объекты и действия субъектов необходимым (религиозным – *прим. Е. О.*) смыслом. В них «подтверждается самопредставление и самоинтерпретация институционального или общественного порядка» [3, с. 22].

Перенос религиозных поведенческих схем на нерелигиозную почву осуществляется благодаря мимезису, который в ритуале выступает как механизм формирования и преобразования социального пространства. Мимезис, в трактовке К. Вульфа, символически выражая отсылку к различным предшествующим ситуациям, способен инсценировать новую ситуацию [3, с. 67, 74]. Иными словами «культура – как отмечает В. Н. Сыров – может использовать только тот багаж, который есть в наличии», сталкивая «обычное в необычные сочетания» [14]. Так, использование новых элементов церемонии – жеста, слова; или использование традиционных знаков, но в новом контексте становится демонстрацией изменения символической разметки, связи религиозных и нерелигиозных явлений, перемены сложившегося социального порядка.

Базовые интенции религиозной активности на возведение и пересечение символических границ в своем деятельностном аспекте находят выражение в дистанцировании от священного, с одной стороны, и в стремлении к соприкосновению с ним, с другой. Эта двунаправленность человеческой деятельности приводит к объективации содержания религиозного опыта, служит основой институционализации религии, формирования основных характеристик ее социального поля. Рассмотрим алгоритмы развертывания этих интенций более подробно.

Огораживание сакрального от внешнего воздействия устанавливает отношение исходного образца с возможной девиацией, а также с той областью общественной жизни, которая ориентирована на этот образец. Дистанцирование от сакрального раскрывается в двух основных разновидностях. Первая представляет собой ярко выраженное стремление защититься от его вторжения, избежать даже случайного соприкосновения с ним. Так, Л. Леви-Брюль отмечает, что у зулусов были темные дни повышенной активности враждебных сил, когда нельзя выходить из жилищ, работать, ходить в гости и т. д. Точно также он трактует унич-

тожение вещей умершего, чтобы он не причинил вреда живому. Эта установка проявляется в ношении оберегов, в оценке предметов, в которые ударила молния, как нечистых. Нечистая вещь вытесняется вплоть до ее уничтожения. Что касается нечистых людей, например, родственников погибшего насильственной смертью, то их изолируют и подвергают процедурам очищения [11, с. 402, 515 – 520].

Другое качество установки на дистанцирование связано со стремлением отгородить объект веры и то, что с ним связано от посягательства, уберечь его от осквернения, поставить границы между ним и людьми, выделить его из других явлений. Это проявляется в установлении запрета проникать на территории, которые объявлены священными, на определенные действия в священных местах и т. п. В случае его нарушения, то, что относится к священному уже начинает восприниматься как оскверненное, нечистое. Здесь наблюдается процесс обратный тому, который был описан выше. Если там нечистота грозила человеку, соприкоснувшись со священным, то здесь скверна пристаёт уже к самому репрезентанту сверхъестественного. Общий знаменатель этих событий – возможность кары в ответ на ненадлежащий контакт с объектом веры, потеря благоволения высших сил, разрушение освященного порядка.

Обеспечение дистанции со священным, его вытеснение из отдельных сфер жизни, иначе как табуированием не назовешь. Табу независимо от содержания закрепляет определенный порядок поведения, образующий нечто вроде внешнего обрамления сакрального – символическую границу. Табу способствует фиксации ритуальных форм, отклонение от которых как переход символической границы влечет негативные последствия. Но в то же время, табу и вырастает из той или иной интерпретации нарушения границ, разрыва определенного порядка, кризиса. Возникновение запретов и дистанций свидетельствует об оформлении того или иного порядка. Их отмена или забвение заложеного в них смысла свидетельствует о снижении значимости тех или иных убеждений. Например, этнографы Д. В. Новиков, Н. Д. Ултургашева и И. Г. Ултургашева именно так трактуют факт, что культовый объект «сомо» в одной из деревень телеутов при перестройке дома оказался выброшен, а значение правил сохранившегося траурного обычая никто из селян пояснить не смог [16, с. 79].

Рассмотрим интенцию на соприкосновение со священным. Признание факта существования объекта религиозной веры, его значимости закономерно ведет к включению его эманаций в ход повседневной жизни. Направленность на контакт с сакральным становится обязательной составляющей будничных дел. В просьбе об удачной охоте, адресованной «высшим» силам, проявляется забота о пропитании и осознание того, что без этой апелляции пропитание не будет получено. Вот почему, по мнению Л. Леви-Брюля, охотники вместо того чтобы набраться сил перед охотой устраивали долгие изматывающие ритуалы [11, с. 178 – 180, 514]. Такая установка на получение вполне земных благ сохраняется на всем протяжении человеческой истории. Но еще большее значение имеет, сообщая

субъекту чувство онтологической уверенности (определенности), осознание причастности к священному, соприкосновения с сакральным. В этих и других подобных случаях просматривается живое влечение к установлению связи с объектом веры, чтобы благодаря этому, наконец, обрести желанное. В своей динамике такая мотивация трансформируется в стремление обрести опыт непосредственного контакта с предметом религиозных представлений и чувств вплоть до полного с ним слияния.

В стремлении человека к сверхъестественному угадываются два сценария поведения: первый включает в себя настроенность на поклонение объекту веры, второй – на манипулирование им. Правда, последний вариант поведения некоторыми исследователями из поля религии исключается. Его олицетворением становится магия, отождествляемая с профанацией сакрального (Дж. Фрезер, Э. Дюркгейм). Напротив, С. А. Токарев отмечает, что в сложных религиозных системах, включая мировые религии, имеют распространение магические обряды: в исцеление от священного источника (христианство), в силу амулетов (буддизм), в чудотворность мазаров (ислам). Автор оговаривается, что «магическое значение обряда здесь затемнено идеей о том, что действующей силой выступает тут собственно не сам человек, а бог, к которому человек (священник) лишь обращается с молитвой», хотя для масс эти нюансы остаются незамеченными [15, с. 404].

Диапазон конкретных вариантов активности, направленной на соприкосновение с сакральным, весьма широк, но всегда связан с получением опыта пересечения невидимой границы и обретения в связи с этим нового качества. Этот опыт, эпизодический или регулярный, потенциально является источником диверсификации религиозных смыслов, но необходим также и для их воспроизведения, усиления их значимости. Его получение может быть связано с применением различных психофизиологических техник. Однако возможность контакта со сверхъестественным может быть детерминирована не только усилиями человека. Нередко он в своих представлениях и ощущениях превращается в реципиента тех сил, которые существуют за чертой его ментальной и физиологической локализации. Речь идет, в частности, об опыте вторжения сверхъестественного в повседневный опыт, внутренний мир индивида, о снах, видениях, прозрениях, внезапных экстатических состояниях и пр. В зависимости от исторического времени сектор присутствия «высших» сил может расширяться или, напротив, становиться более узким. Так, в архаичных культурах человек воспринимает себя в плотном окружении мистических феноменов, составляющих часть его обычной повседневной жизни. В процессе дифференциации духовного мира человека встреча с ними уже оценивается как нечто экстраординарное, труднодостижимое, выходящее за грань обыденного. Соответственно, и средства, с помощью которых обеспечивается соприкосновение со сверхъестественным, также требуются необычные. Ведь они должны выводить человека за границы его бытия, а, следовательно, и за границы нормы. Так, Ч. Ломброзо отмечает, что

предвестниками священных видений часто бывают «обмороки, головные боли, полубессознательные состояния и лихорадочные пароксизмы» продолжающиеся сутками и даже месяцами [12, с. 258].

Как уже было отмечено, описанные выше интенции на дистанцирование и сближение с объектом религиозной веры находят свое символическое выражение в ритуализированных формах. Ритуал аккумулирует в себе и контакт со сверхъестественным, но в той мере, которая оказывается допустимой, и дистанцирование от него, но только на то «расстояние», чтобы связь человека и его объекта веры сохранить. Р. Кайя отмечает своеобразный переход от дистанции к приближению: «Роженица должна держаться в стороне от группы, чтобы не заразить ее своей скверной; но в то же время, например, у гереро ей каждое утро приносят молоко от всех коров в деревне, чтобы прикосновение ее уст придало ему более высокое качество» [8, с. 174]. Здесь в содержании одного действия реализуют себя обе интенции. Они не существуют в чистом и обособленном виде даже в развитых религиях. Дистанцирование от проявлений священного все равно предполагает вступление с ним в некоторое символически оформленное отношение. Единство дистанцирования от сакрального и сближения с ним в содержании ритуального действия транслируется и на сферу профанного. Причем, в интенции на соприкосновение с объектом веры в большей степени проявляется творческий аспект религиозного опыта, его спонтанный характер, а в интенции на дистанцирование – его нормативный аспект, как предпосылка шаблонизации религиозного опыта, введения его в определенные рамки. Рассмотрим эти стороны религиозной активности подробнее.

Состояния, в которых сознание религиозного человека находится в ситуации соприкосновения со священным, нарушают привычный ход жизни и могут быть отнесены к измененным состояниям психики. Они часто напоминают душевную патологию [6, с. 17]. Регулярное осуществление подобных практик доступно далеко не всем. Следствием уникальности мистического опыта становится появление своего рода специалистов, «религиозных виртуозов» (М. Вебер), для которых эта своеобразная деятельность превращается в основное занятие, позволяющее найти свою нишу в социуме. Со временем эта среда дифференцируется: часть «мастеров» общения со сверхъестественным так и остается в положении медиумов, пророков, другая – образует бюрократическую структуру и монополизирует осуществление религиозных обрядов. Тем не менее, сохраняющаяся потребность в живом соприкосновении с объектом веры вызывает новые иерофании, потребность в пророках, медиумах и т. п.

Так, некое животное, являясь элементом «обычного» мира, в ходе жертвоприношения становится видимым проявлением священного. Храм, построенный из тех же материалов, что и остальные дома, уже не воспринимается как простое жилище. Это – сакральное место, где человек встречается с объектом веры, место, которое в определенном смысле является символическим репрезентантом этого объекта. Эти дейст-

вия не просто устанавливают контакт со священным или ограждают его от посягательств, но и генерируют относительно самостоятельный, подчиненный собственной логике развития комплекс религиозных коммуникаций и практик, со своим особым языком [4, с. 172]. Вследствие процедур формализации этот комплекс превращается в стиль жизни, приобретает единообразие и структурность, поддерживается «виртуозами» от религии, а в последствии в процессе рутинизации харизмы профессиональными служителями.

Практики сакрализации распространяются в прямой или косвенной форме не только на саму религиозную сферу, но по принципу подобия и на нерелигиозные явления. Прямое влияние мы видим тогда, когда нерелигиозные отношения подчиняются религиозным запретам, как это происходит в освящении института брака, объявлении неприкосновенности священного животного, установлении пищевых правил и т. п. А опосредованное влияние наблюдается в ситуациях, когда освящается явление, лишенное заметной связи с религией, но презентуемое так, как если бы речь шла о религиозной сфере. В качестве примера можно привести церемонии вступления в должность, награждения или наказания, судебный процесс или процесс обучения. При этом в рамках подобной деятельности отсылка к религии может не содержаться и вовсе, но ее субъекты, тем не менее, испытывают мистические переживания, совершают символические ритуально-условные действия, выделяют некоторые предметы в качестве сверхценных.

Таким образом, двуединый процесс религиозной активности обуславливает особенности функционирования религии как предпосылки формирования социального порядка. Готовность дистанцироваться от священного и одновременно сближаться с ним, служит средством объективации и обособления религиозного в социальном. Названные установки составляют те константы в рекурсивной сети коммуникаций и практик, которые позволяют религии выстраивать и воспроизводить себя в качестве необходимой составляющей мышления и поведения индивидов, их взаимодействий, организованных форм коллективной деятельности. Вместе они питают и поддерживают комплекс представлений онтологического характера относительно объекта веры, позволяют очертить границы сакрального как специфической реальности, дают возможность смоделировать, а потом и сгенерировать своего рода мирской прототип полагаемого объекта веры, зримо воспроизводящий его значимые характеристики, отчасти опосредующий его и открывающий возможности взаимодействия с ним. Так, еще в процессе своего оформления религия начинает оказывать свое влияние на общество, выступать в качестве проводника социально значимых процессов и форм социальности.

Литература

1. Бурдье, П. Генезис и структура поля религии / П. Бурдье // Социальное пространство: поля и практики. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетей, 2005. – 576 с.
2. Витгенштейн, Л. Заметки о «Золотой ветви» Дж. Фрэзера / Л. Витгенштейн // Историко-философский ежегодник. – М.: Наука, 1989.
3. Вульф, К. К генезису социального. Мимезис, перформативность, ритуал / К. Вульф. – СПб.: Интерсоцис, 2009. – 64 с.
4. Гаврилов, О. Ф. Культ карго в контексте критики Э. Эвансом-Притчардом классических религиоведческих подходов / О. Ф. Гаврилов, Е. О. Гаврилов // Вестник КемГУ. – 2014. – № 1(57). – Т. 1.
5. Гирц, К. Интерпретация культур / К. Гирц. – М.: РОССПЭН, 2004. – 560 с.
6. Джеймс, У. Многообразие религиозного опыта / У. Джеймс. – М.: Наука, 1993. – 432 с.
7. Дуглас, М. Чистота и опасность / М. Дуглас. – М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000. – 288 с.
8. Кайя, Р. Миф и человек. Человек и сакральное / Р. Кайя. – М.: ОГИ, 2003. – 296 с.
9. Куракин, Д. Ю. Ускользающее сакральное: проблема амбивалентности сакрального и ее значение для «сильной программы» культурсоциологии / Д. Ю. Куракин // Социологическое обозрение. – Режим доступа: http://sociologica.hse.ru/data/2012/01/25/1264324571/10_3_04.pdf (дата обращения: 02.04.2014).
10. Ладов, В. А. Следование правилу и скептический парадокс (критические замечания о теории языкового значения Витгенштейна – Крипке) / В. А. Ладов, В. А. Суровцев // Критика и семиотика. – 2008. – Вып. 12.
11. Леви-Брюль, Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / Л. Леви-Брюль. – М.: Педагогика-Пресс, 1994. – 608 с.
12. Ломброзо, Ч. Гениальность и помешательство / Ч. Ломброзо. – М.: РИПОЛ-классик, 2006. – 400 с.
13. Луман, Н. Общество как социальная система / Н. Луман. – М.: Логос, 2004. – 232 с.
14. Сыров, В. Н. Новации в культуре: инородное тело или структурный элемент культурной жизни? / В. Н. Сыров // Любомудр. – Режим доступа: <http://любомудр.рф/index.php/stati/119-novatsii-v-kulture-inorodnoe-telo-ili-struktutnyj-element-kulturnoj-zhizni> (дата обращения: 02.04.2014).
15. Токарев, С. А. Ранние формы религии / С. А. Токарев. – М.: Политиздат, 1990. – 622 с.
16. Традиционность в повседневной жизнедеятельности современных телеутов / Н. Д. Ултургашева [и др.] // Вестник КемГУКИ. – 2014. – № 1(26).

Информация об авторе:

Гаврилов Евгений Олегович – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации (г. Новокузнецк), 8-908-959-46-82, Gavrilich@yandex.ru.

Evgeniy O. Gavrilov – Candidate of Philosophy, Senior Lecturer at the Department of Civil and Legal Disciplines, Kuzbass Institute of the Federal Penitary System of Russia, Novokuznetsk.

Статья поступила в редколлегию 16.04.2014 г.

УДК 130.2

НАРРАТИВ ДОМА В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ ОСЕДЛОСТИ И НОМАДНОСТИ

А. В. Шляков

NARRATIVE OF THE HOME IN THE CULTURE OF SEDENTISM AND NOMADISM

A. V. Shlyakov

Целью исследования является обнаружение номадных свойств в нарративе, который семантически отражает статуйность, неизменность. В качестве такого понятия берется нарратив «Дом». В статье раскрывается содержание понятия «Дом» в оседлой культуре. Описываются и анализируются процессы трансформации нарратива «Дом» при переходе от культуры модерна к ситуации постмодерна, сопровождающиеся утратой традиционных функций Дома. Изучаются представления о «Доме» в экзистенциальной и психоаналитической философии. Принимаются во внимание представление о «Доме» в мифологии и фольклоре отечественной культуры. Рассматривается приобретение новых свойств «Дома» в постмодерне, связанных с подвижностью и неустойчивостью, сингулярностью. «Дом» постмодерна, это уже пункт маршрута, который вопреки оседлой парадигме, не место покоя и отдохновения, а момент становления, переход от конечного к бесконечному. Основное внимание в работе автор уделяет обнаружению номадности в онтологической сущности Дома. Результаты исследования могут быть использованы при изучении онтологических, антропологических составляющих ситуации постмодерна.

The aim of the study is the discovery of nomad properties in the narrative that semantically reflects stativity and permanence. The narrative «Home» is taken as such a concept. The paper reveals the content of the notion «Home» in

sedentary culture. The author describes and analyses the processes of transformation of the narrative «Home» during the transition from modernity culture to the situation of postmodernity, accompanied by the loss of traditional functions of the Home. We study the notions of «Home» in existential and psychoanalytic philosophy. The concept of «Home» in the mythology and folklore of the national culture is taken into account. The author discusses the acquisition of new properties by the «Home» in postmodern, related to mobility and instability, singularity. Postmodern «Home» is a point of a route, which is contrary to the sedentary paradigm, not a place of peace and relaxation, but rather the moment of formation, the transition from the finite to the infinite. The main attention in the paper is given to the detecting nomadism in the ontological essence of the Home. The research results can be used in the study of the ontological, anthropological components of postmodern situation.

Ключевые слова: номадизм, Дом, Дорога, оседлость, подвижность.

Keywords: nomadism, Home, Way, sedentism, dynamics.

В условиях дестабилизации картины мира в результате потрясений XX века перед философами встает задача – обнаружить концепт, который позволил бы если и не реанимировать взгляды классической метафизики то, хотя бы помог воссоздать некую стабильность.

Из всего многообразия концептов, на наш взгляд такой формообразующей идеей, которая сама формирует смысловую контекстуальную среду, является Дом. К тому же Дом, выступая архетипом оседлости, позволяет приблизиться к пониманию социальной стратегии современного мира – номадизма с его архетипом «Дорога». Первочеловек начинается с ухода от естественного местообитания – природы, и созданием особого пристанища, которое гарантирует относительно безопасное существование. Таким местом становится Дом (oikos). Через существование дома, субъект очеловечивает пространство своей жизни и фиксирует свое бытие в мире.

Функциональное значение дома изначально заключалось в обеспечении человека необходимой продолжительностью (временем) существования, тогда как Дорога обеспечивала его протяженностью (пространством). Несмотря на то, что Дом (как и дорога) реализуют себя в собственном пространстве-времени, как укорененная форма бытия Дом предназначен для времяпровождения, а Дорога для пространственного препровождения социально-значимых позиций. Идея Дома – есть идея значимая в системе координат оседлого человечества. Жилище, собственность, брак, наследство – все эти конкретные нормативы произрастают из специфики сухопутного существования, из земледелия.

В трудах современных ученых Дом определяется как место события человека: человека и мира, человеческого времени-памяти и человеческого пространства – обитаемого космоса [10, с. 206]. Дом, являясь особым выражением человеческого бытия, наряду с процессами овеществления, реализующих функцию домашнего очага, также реализуется и посредством идеализации, воплощающих функцию домашнего алтаря. Очаг – символически замещает природу, алтарь – место диалога с Абсолютом.

Дом в европейской культуре рассматривается как место локализации гуманистической модальности бытия. Но это место лишь остановка на пути экзистенциального путешествия в поисках себя. Дом это место, где пространство становится обитаемым, это обретенная форма покоя для обретения границ своего

образа жизни [9]. Будучи заброшенным в мир человек обречен на странствование, лишаясь возможности реализовать богоподобное тождество со своим бытием. Дорога зовет к свершению новых странствий, зовет в путь, которые открывает новые горизонты мира. Дом придает человеку центростремительную силу. Свою покинутость, заброшенность человек компенсирует благодаря Дому, который делает бытие человека хоть в чем-то осуществленным, локальным, личностным. В Дороге же человек может и утратить свою идентификацию будучи вынужденным постоянно вносить в новые пространства свои смыслы.

С. В. Климова рассматривает Дом, как границу приватного и публичного бытия, противопоставляя одомашненное пространство, замкнутое на самом себе, безбрежному миру [3]. Противопоставление приватного и публичного, при исследовании Дома, встречается в работах Х. Арендт. Дом, воспринимается ею как приватное, повседневное обыденное существование, как пространство женской назначенности, которое препятствует возможной самореализации женщины [1, с. 77]. Дом, в данном контексте, представляет собой квинтэссенцию женского опыта и одновременно источник подавления женщины, место, куда она была вытеснена модернизационным проектом. Еще «Домострой» Ксенофонта указывает на обычай приличной женщины сидеть дома [5, с. 22]. Действительно, можно согласиться, что в сущность Дома вложено больше женского, чем мужского, больше оседлого, чем номадического. Но бытие Дома амбивалентно: установленное и сохраненное в оседлости, оно питается духом номадной неприкаянности, чтобы приумножить богатство Дома, надо выйти за его пределы и внести богатство в Дом.

В фольклоре и мифологии Руси образ Дома интернационален и атемпорален [8, с. 60]. Дом является смысловым и пространственным энергетическим центром, вокруг которого формируются образы. Образ дома всегда пластичен, это место где начинается и заканчивается жизнь, поэтому он медирует между «этим» и «тем» миром. Дом вмещает в себя память рода и его забвение. Однако образ дома может быть и динамичен, особенно в эпоху номадизма, современного кочевничества: он может стать перевалочным пунктом на пути героя. И сам Дом может обретать подвижность, выступая модификационным средством переноса обитателей в другую реальность, быть люлькой или гробом и при этом оставаясь воплощением порядка.

Со времен славянофилов и западников в философии наличествует противопоставление двух образов Дома, воплотившееся в конфликте двух миров: «мир коттеджа» и «мир ковчега», мир собственной одинокой обустроенности для гармоничного развития и мир единодушия и простоты, призванный укрывать от враждебных стихий. Позднее славянофилы стали отождествлять Дом не с ковчегом, а с гнездом, ибо ковчег – корабль, который, несмотря на спасительную прочность, движется, обеспечивая лишь временную стабильность.

В современном психоанализе Дом – это проекция личностных свойств, черт, эманация человеческой природы [7, с. 134]. Из-за тесной связи людей и вещей, в результате которой обнаруживается «присутствие», возникшие символические контуры жилища запечатлеваются человеком как образ Дома.

Учитывая возможные исторические, религиозные, социальные, культурные изменения выделяют следующие универсальные функции Дома: защитную, нормативно-этическую, социально-консолидирующую, смыслообразующую, идентификационную, исцеляющую, сберегающую и эстетически умиротворяющую [4]. Дом может предстать перед человеком как особое коммуникативное бытие, выступать не только как объект, но и как субъект коммуникаций. Различные механизмы фетишизации способны наделять Дом навыками спрашивать и отвечать, заявлять о себе и умалчивать о происшедшем. При отсутствии хозяина в Доме могут начать «говорить» стены, мебель, утварь, способная оставаться домашним артефактом [6, с. 10].

При переходе от индустриального общества к ситуации постмодерна, в номадическую культуру нарратив Дома меняется, и сам Дом утрачивает свои традиционные функции, передав все, что он выполнял бесплатно в услуги внешнего рынка. Дом постмодерна, это всего лишь пункт маршрута, но вопреки оседлой парадигме, это уже не место покоя и отдохновения, а момент становления, «это как бы переход от конечного к бесконечному» [2, с. 209]. Формирование дома начинается с плоти, которая означает «становление зверем» и выступает как зона неразличимости животного и человеческого. «Чтобы расцвести телу нужен дом» [2, с. 208]. И Дом сообщает плоти «костность», «скелетность» наделяет разноориентированными кусками планов, указывает вектор целостного становления. Этот вектор – Путь через территорию к детерриториализации, к Космосу.

Каждый Дом включает в себя территорию других видов, запечатлевая маршруты объектов не имеющих собственной территории. Так, паутине имманентно присутствие мухи, дубовым листьям – дождевые капли, любому млекопитающему – паразиты [2, с. 215]. Дом номадной культуры становится контрапунктом для «ближнего» и «дальнего». Это зал ожидания вокзала, порта, номадная точка, нуждающаяся в преодолении.

Дом не просто ограничивает и соединяет. Грани Дома: стены, окна, двери, с одной стороны, допускают автономное существование субъекта, но с другой, предлагают выйти во вне или позволяют космическим

силам ворваться и изгнать обитателя, увлекая в путешествие.

Петербургский философ А. К. Секацкий исследуя динамику функционала Дома при переходе от традиционного общества к постиндустриальному обществу, обнаруживает признаки номадности в онтологии самой оседлости [11, с. 34]. Рассматривая структурированное пространство, как атрибут оседлости в противоположность времени – атрибуту номадности он связывает его с концептами рационального дискурса: ДОМ – ОСТРОВ – ОКЕАН.

ДОМ – это структура бытия, предполагающая полностью освоенное пространство. Это инобытие тела и опредмеченное бытие человека. Дом несет в себе уют и комфорт. Тело Дома не расходуется на процесс жизнедеятельности. Фундаментальным критерием измерения Дома является чистота, как сакральный элемент жилища. Дом-храм. ОСТРОВ – это мастерская, являющаяся источником ресурсов для жизнедеятельности (которые представляются бесконечными). Одновременно это и место, в которое свозят отходы, нечистоты. В национальном плане некоторые народы воспринимают Родину как Дом, некоторые как Остров.

ОКЕАН – это пространство, которое мы созерцаем и можем лишь помыслить. Это пространство мы не можем освоить, оно недостижимо для человеческого воздействия.

В традиционном, аграрном обществе Дом – выступал как жилище, город, малая Родина. Остров был вариантом номадности при оседлой жизни и включал поля, луга, угодья, пастбища. Океан – синкретически слитое пространство Земного шара, Солнечной системы и всего Космоса.

В индустриальном обществе Дом – это уже национальное государство. Остров – открытый для колонизации Земной шар. Океан – Солнечная система, космос по отношению к которому мы на периферии.

Постиндустриальное общество декларирует статус Дома в тезисе: «Земля – наш общий дом». Солнечная система становится Островом, пригодным для использования, извлечения ресурсов и захоронения отходов. Галактика становится Океаном, на периферии которой «болтается» наша Солнечная система.

Как видно, феномен Дома, как точки координат оседлого существования онтологически имеет в своей сущности потенцию к сдвигу, смещению, отклонению от заданной линейности, что характерно для номадизма, предполагающего многовариантность развития со-бытия, нередуцируемую множественность причин и причинных серий.

Современная динамически развивающаяся цивилизация трансформирует Океан – в Остров, а Остров в Дом. Однако, надо помнить, что освоение имеет и свою противоположность – отчуждение. И устремление человека к освоению Океана, в конечном счете, приведет к тому, что Дом станет отчуждаться и ввергнется в хаос.

Дом номадной культуры, культуры постмодерна десакрализован. Он уже не является опорой для борьбы с непредсказуемостью, многовариантностью развития событий. Жизнь Дома, предполагавшая в осед-

лой культуре определенный аскетизм, сегодня не ограничивает собственных вожделений. Дом сегодня не помогает сформировать образ внешнего мира во мне, а выступает как точка сингулярности, через которую происходит рассеивание «Я» в мире. Учась отказываться от экспансивных претензий, человек может обрести помощь в преодолении утраты значимого, которая постоянно преследует человека постмодерна, ибо Дом превратился в достойное сожаления воспоминание. Экономическая, социальная, политическая культурная мобильность современного человека требует регулярной смены местожительства, что приводит к стандартизации жилья. В условиях детерриторизации человека происходит его превращение в номада, а Дом становится своеобразным «залом ожи-

дания». Время (атрибут номадности), ворвалось в пространство Дома. Дом, сегодня, это место, куда приходят сигналы, знаки, сообщения, письма. Топологическая рефлексивность сменяется информационной и сам дом обретает черты номадического предмета: он мобилен и движется вместе с номадом, а его задача тщательная сортировка сообщений и выделение значимой. Это уже не просто точка в рифленном пространстве оседлости, а точка траектории движения в гладком пространстве, временная остановка в пути экзистенциального путешествия. Дом уже не рассматривается как акт расширения своего тела, а становится местом погружения в сон и удовлетворения акосмических потребностей.

Литература

1. Арендт, Х. Vita activa, или О деятельной жизни / Х. Арендт; пер. с нем. и англ. В. В. Бибихина; под ред. Д. М. Носова. – СПб.: Алетейя, 2000. – 437 с.
2. Делез, Ж. Что такое философия? / Ж. Делез. – М.: Академический проспект, 2010. – 383 с.
3. Климова, С. В. Дом и мир: проблема приватного и публичного / С. В. Климова. – Режим доступа: <http://anthropology.ru/ru/texts/klimova/public.html>
4. Климова, С. В. Социально-философские аспекты анализа архетипических функций дома / С. В. Климова. – Режим доступа: <http://anthropology.ru/ru/texts/klimova/function.html>
5. Ксенофонт. Домострой // Воспоминания о Сократе. – М.: Наука. Интерпериодика, 1993. – 379 с.
6. Курбанов, М. Г. К истокам социально-экологической реальности: дом и дорога / М. Г. Курбанов // Юг России: экология, развитие. – М.: Камертон, 2008. – № 4.
7. Менегетти, А. Мир образов. Краткое пособие по интерпретации образов и сновидений / А. Менегетти. – М.: ННБФ Онтопсихология, 2008. – 256 с.
8. Петрова, М. Образ дома в фольклоре и мифе / М. Петрова // Эстетика сегодня: состояние, перспективы: материалы научной конференции. 20 – 21 октября 1999 г. Тезисы докладов и выступлений. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 1999.
9. Разова, Л. Л. Проблематизация концептов Дома и Пути в европейской мысли XX века / Л. Л. Разова. – Режим доступа: <http://anthropology.ru/ru/texts/razova/wayhome.html>
10. Разова, Л. Л. Дом. Экзистенциальное пространство человека / Л. Л. Разова // Vita Cogitans: альманах молодых философов. – Вып. 1. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002.
11. Секацкий, А. Прикладная метафизика / А. Секацкий. – СПб.: Амфора, 2005. – 414 с.

Информация об авторе:

Шляков Алексей Владимирович – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии ТюмГНГУ, 46-39-59, schafferhund@rambler.ru.

Aleksey V. Shlyakov – Candidate of Sociology, Assistant Professor at the Department of Philosophy, Tyumen State Oil and Gas University.

Статья поступила в редколлегию 13.03.2014 г.

ХИМИЯ

УДК 547.523-139:544.726

ВЛИЯНИЕ ОБЩЕЙ ПОГЛОЩЕННОЙ ДОЗЫ ОБЛУЧЕНИЯ НА СОДЕРЖАНИЕ ГЕЛЬ-ФРАКЦИИ В ПОЛИМЕРНЫХ ИОНООБМЕННЫХ ГИДРОГЕЛЯХ*В. М. Ле, В. Д. Жевняк, В. Х. Пак, В. А. Невоструев***INFLUENCE OF GENERAL ABSORBED RADIATION DOSE ON THE CONTENT OF THE GEL-FRACTION IN ION-EXCHANGE POLYMER HYDROGELS***V. M. Le, V. D. Zhevnyak, V. H. Pak, V. A. Nevostruev*

Изучено влияние общей поглощенной дозы облучения на содержание гель-фракции в полимерных гидрогелях, полученных радиационной сополимеризацией N-винилпирролидона и метилметакрилата в присутствии дивинилового сшивающего агента и ионообменных смол. Показано, что при поглощенной дозе 35 кГр достигается максимально высокая степень превращения мономеров, которая составляет 85 – 88 % для ионообменных полимеров и 97,5 % для базового сополимера. Проведена количественная оценка набухания гидрогелей, которая показала, что в диапазоне поглощенных доз от 25 до 40 кГр параметры трехмерной сетки не меняются.

The effect of the total absorbed radiation dose on the content of the gel fraction of polymer hydrogels, received by radiation co-polymerizing of N-vinylpyrrolidone and methacrylate in the presence of a di-vinyl cross-linking agent, and ion exchange resins, has been studied. It is shown that at the absorbed dose of 35 kGy the maximum degree of monomers conversion is achieved, which is 85 – 88 % for ion-exchange polymers and 97.5 % for base co-polymer. Quantitative estimation of hydrogels expansion has been performed and shows that in the absorbed doses in the range from 25 to 40 kGy the parameters of three-dimensional grid do not change.

Ключевые слова: ионообменные гидрогели, гель-фракция, ионизирующее излучение, поглощенная доза, радиационная полимеризация.

Keywords: ion exchange hydrogels, gel fraction, ionizing radiation, absorbed dose, radiation polymerization.

Введение

Работа посвящена изучению влияния общей поглощенной дозы облучения на содержание гель-фракции в полимерных ионообменных гидрогелях, синтезируемых под действием γ -излучения Co^{60} . Исследуемые полимерные ионообменные гидрогели предназначены для использования в медицине (в частности в офтальмологии) в качестве сорбционных материалов, контактирующих с раневой поверхностью.

Цель работы – выбор оптимальной поглощенной дозы γ -излучения при синтезе полимерных ионообменных гидрогелей для достижения максимально высоких степеней превращения мономеров. Высокая степень превращения мономеров обеспечивает биологическую инертность материалов, что является обязательным требованием для полимерных изделий медицинского назначения контактирующих с организмом человека.

Полимеризация, осуществляемая радиационным методом, имеет определенные преимущества перед обычными методами. К ним относятся возможность полимеризации различных мономеров, высокая степень чистоты получаемых полимеров (без включений инициаторов или катализаторов), независимость скорости инициирования от температуры, легкость регулирования процесса, например путем изменения экспозиционной дозы облучения [2; 6]. Недостатком радиационно-химического инициирования является возможность протекания вторичных процессов под действием ионизирующих излучений – сшивания или деструкции образующихся полимеров и радиолиза моно-

меров, устранение которого возможно путем подбора оптимальных условий полимеризации. Одним из определяющих параметров радиационной полимеризации является общая поглощенная доза облучения, от которой напрямую зависит степень превращения мономеров.

Объектами исследования в данной работе выбраны полимерные ионообменные материалы на основе сополимера N-винилпирролидона и метилметакрилата (базовый гидрогель [1]), модифицированного ионообменными смолами марок КБ-4 и Д-113, полученные в присутствии дивинилового сшивающего агента методом радиационной блочной полимеризации.

Синтез проводили при разных поглощенных дозах (25, 30, 35, 40 кГр) ионизирующего излучения на установке РХМ- γ -20.

Экспериментальная часть**Определение мощности дозы и поглощенной дозы**

При радиационном иницировании мощность поглощенной дозы представляет собой эквивалент концентрации вещественного инициатора [2].

В качестве дозиметрической системы был использован твердый нитрат калия KNO_3 , для которого известен радиационно-химический выход разложения $G(\text{NO}_2^-) = 1,6 \pm 0,2$ молекул/100 эВ (при мощностях поглощенных доз до 10 Гр/с и в интервале температур 293 – 410 К) [3]. Для этого вещества доказана независимость радиационно-химического выхода разложения G от мощности поглощенной дозы, так как все стадии

разложения имеют первый порядок. При облучении нитрата калия происходит образование нитрит-иона. Концентрацию NO_2^- определяли стандартным спектрофотометрическим методом.

Величину поглощенной дозы рассчитывали по формуле:

$$D[\text{эВ/г}] = c \cdot N_A \cdot 100/G, \quad (1)$$

где N_A – число Авогадро, c – концентрация NO_2^- , моль/г.

По формуле пересчета

$$D_{\text{об}} = D \cdot F_{\text{об}}/F \quad (2)$$

где D – поглощенная доза для нитрата калия, F – коэффициент поглощения нитрата калия, $F_{\text{об}}$ – коэффициент поглощения мономера) производили расчет мощности дозы для облученных мономеров. $F_{\text{об}}$ может быть определен как сумма произведений коэффициен-

тов поглощения каждого элемента, входящего в состав мономера (μ/ρ) и весовых долей этого элемента в мономере (n).

$$F_{\text{об}} = \sum \{n_i \cdot \mu/\rho_i\}. \quad (3)$$

Общую поглощенную дозу (D) определяли как произведение времени облучения на мощность поглощенной дозы для полимера (P) [3; 5].

Данные для расчета коэффициентов поглощения НВП, ММА и нитрата калия приведены в таблице 1 [5].

Данные для расчета поглощенной дозы для исследуемого сополимера, отверждаемого в центральном и боковых каналах установки РХМ-γ-20 представлены в таблице 2 [5].

Общая поглощенная доза определялась временем облучения (полимеризации), исходя из мощности поглощенной дозы для полимера.

Таблица 1

Данные для расчета коэффициентов поглощения

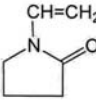
Вещество, элемент	Число атомов	Весовая доля элемента	μ/ρ_i	n_i	$n_i \cdot \mu/\rho_i$	$F_{\text{об}}$
						
C	6	72,066	0,0270	0,6480	0,0175	0,0291
H	9	9,072	0,0531	0,0820	0,0044	
O	1	15,999	0,0269	0,1440	0,0039	
N	1	14,007	0,0270	0,1260	0,0034	
$\text{H}_2\text{C}=\text{C}-\text{CH}_3$ $ $ $\text{O}=\text{C}-\text{OCH}_3$						0,0291
C	5	60,055	0,0270	0,5998	0,0162	
H	8	8,064	0,0531	0,0805	0,0043	
O	2	31,998	0,0269	0,3196	0,0086	
KNO_3						0,0266
K	1	39,098	0,0265	0,3860	0,0102	
N	1	14,007	0,0270	0,1390	0,0037	
O	3	47,997	0,0269	0,0128	0,0128	

Таблица 2

Данные для расчета поглощенной дозы

Канал установки РХМ- γ-20	F	P , мощность поглощенной дозы для KNO_3 , Гр/с	$F_{\text{об}}$	P , мощность поглощенной дозы для полимера, Гр/с
Центральный	0,0266	0,56	0,0291	0,61
Боковой		0,22		0,24

Влияние дозы облучения на степень превращения мономеров в ионообменных гидрогелях

Из ранее проведенных исследований известно, что мономерная смесь N-винилпирролидона и метилметакрилата в присутствии дивинилового сшивающего агента полимеризуется до твердого состояния при общей поглощенной дозе 25кГр и выше [1]. Исследование влияния поглощенной дозы на содержание гель-фракции в ионообменных гидрогелях проводили в диапазоне доз от 25 до 40 кГр. Готовили образцы, содержащие 5 % смолы марок КБ-4 и D-113 фракции от 0,25 до 0,315 мм. [4]. Из заготовок твердых образ-

цов вытачивали диски диаметром $12 \pm 0,5$ мм и высотой $1 \pm 0,1$ мм, которые подвергали экстракции дистиллированной водой в течение 36 часов в аппарате Сокслета. После завершения экстракции образцы высушили в вакуумном сушильном шкафу при температуре 60°C до постоянного веса. На рисунке 1 представлены результаты определения содержания шитого полимера в образцах ионообменных гидрогелей, полученных при разных поглощенных дозах ионизирующего излучения в сравнении с базовым гидрогелем.

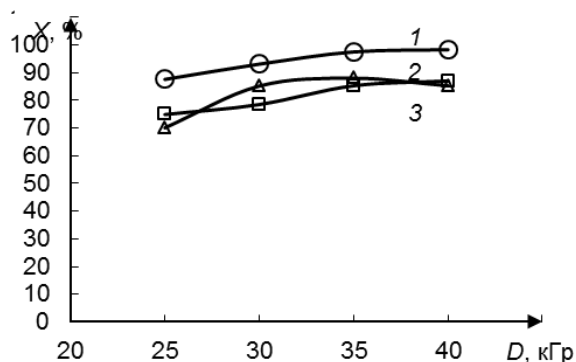

Рис. 1. Содержание гель-фракции в полимерных гидрогелях, полученных при разных поглощенных дозах излучения

Примечания: кривая 1 – базовый гидрогель, кривая 2 – модифицированный Д-113, кривая 3 – модифицированный КБ-4.

Водосодержание гидрогелей, полученных при разных поглощенных дозах облучения

Регулирование структуры полимерных гидрогелей для решения той или иной практической задачи в значительной степени определяется возможностью количественной оценкой набухания гидрогелей в определенных условиях, поскольку именно набухание является важной характеристикой напрямую связанной со структурой гидрогеля. Для определения водосодержания образцы гидрогелей после экстракции и высушивания вновь подвергали гидратации. Массовую долю воды в гидрогеле рассчитывали по разности весов сухого и набухшего образца. Данные водосодержания представлены в таблице 3.

Таблица 3

Водосодержание образцов гидрогелей, полученных при разных поглощенных дозах облучения

Доза, кГр \ W, %	Базовый гидрогель	Базовый гидрогель + 5 % КБ-4	Базовый гидрогель + 5 % Д-113
25	69,98±1,12	72,15±2,11	72,82±1,57
30	70,26±1,06	71,58±1,94	73,16±1,68
35	70,11±0,86	72,02±1,22	72,97±1,24
40	70,07±0,52	72,30±1,04	73,01±1,02

Литература

1. Жевняк, В. Д. Способ получения материала для мягких контактных линз / В. Д. Жевняк, В. В. Сталковский, М. П. Фомина // Патент РФ № 2119927. – 1997.
2. Иванов, В. С. Радиационная химия полимеров: учебное пособие для вузов / В. С. Иванов. – Л.: Химия, 1988. – 320 с.
3. Кецкало, В. М. О возможности применения поликристаллического KNO_3 в качестве твердотельного дозиметра / В. М. Кецкало, Л. В. Сериков // Тез. докл. VII Всес. конф. по радиационной химии. – Обнинск, 1983. – С. 41 – 43.
4. Модификация полимерного оптического гидрогеля ионообменными смолами / В. Х. Пак [и др.] // Материалы IV Всероссийской конференции (с приглашением специалистов стран СНГ) «Актуальные проблемы химии высоких энергий», Москва. – 2 – 3 ноября 2009. – С. 34.
5. Руководство по радиационной защите для инженеров / пер. с англ. под рук. Д. Л. Бродера [и др.]. – М.: Атомиздат, 1972. – Т. 1. – 421 с.
6. Шур, А. М. Высокомолекулярные соединения / А. М. Шур. – М.: Высшая школа, 1969. – 656 с.

Заключение

Из рисунка 1 видно, что с ростом поглощенной дозы облучения от 25 до 35 кГр степень превращения мономеров возрастает для каждого из исследуемых образцов гидрогелей. Максимальный выход геля наблюдается при поглощенной дозе 35 кГр. Дальнейшее повышение дозы облучения существенного влияния на содержание гель-фракции не оказывает. При этом следует отметить, что степень превращения мономеров для гидрогелей, содержащих ионообменные смолы, ниже (85,3 – 87 %), чем для базового гидрогеля (97,5 %). Это может быть связано с увеличением растворимой части полимера за счет обрыва растущей цепи на ионитах в процессе радиационного синтеза.

Количественная оценка набухания показала, что водосодержание гидрогелей, полученных при разных дозах облучения, практически не меняется. Это свидетельствует об устойчивости пространственной сетки гидрогелей в выбранном диапазоне поглощенных доз. Ионообменные гидрогели имеют более высокое водосодержание по сравнению с базовым сополимером, что можно объяснить большей неоднородностью распределения поперечных связей и образованием «пустот» вокруг частиц ионообменных смол, обладающих меньшим водопоглощением, чем сам гидрогель.

Все выше изложенное позволяет поглощенную дозу γ -облучения 35 кГр для синтеза исследуемых ионообменных гидрогелей считать оптимальной.

Информация об авторах:

Ле Виолета Мироновна – аспирант кафедры аналитической химии КемГУ, ya808@ya.ru.

Violeta M. Le – post-graduate student at the Department of Analytical Chemistry, Kemerovo State University.

Жевняк Валентина Давыдовна – старший научный сотрудник кафедры органической химии КемГУ, valday9@mail.ru.

Valentina D. Zhevnyak – Senior researcher at the Department of Organic Chemistry, Kemerovo State University

Пак Валерий Хинсурович – кандидат химических наук, научно-инновационное управление КемГУ, v.h.pak@mail.ru.

Valeriy H. Pak – Candidate of Chemistry, Science and Innovations Office, Kemerovo State University.

Невострюев Валериан Антонович – доктор химических наук, профессор кафедры аналитической химии КемГУ, anchem@kemsu.ru.

Valerian A. Nevostruev – Doctor of Chemistry, Professor at the Department of Analytical Chemistry, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 30.04.2014 г.

УДК 543.253

ИЗУЧЕНИЕ УСЛОВИЙ ВОЛЬТАМПЕРОМЕТРИЧЕСКОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ФЕНОЛА НА УРОВНЕ ПДК

И. К. Ускова, О. Н. Булгакова

STUDY OF VOLTAMMETRIC DETERMINATION OF PHENOLS AT THE LEVEL OF MAXIMUM PERMISSIBLE CONCENTRATION

I. K. Uskova, O. N. Bulgakova

В работе изучено вольтамперометрическое определение фенола. Показано, что электроаналитические свойства стеклоуглеродного электрода (СУЭ) зависят от способа электрохимической модификации его поверхности. Условия электрохимической модификации (концентрация обрабатывающего электролита и продолжительность обработки) влияют на характер зависимости $I = f(c)$ и чувствительность ВА-определения фенола. Показано влияние условий регистрации на аналитический сигнал фенола. Скорость линейной развертки потенциала определяет вид ВА-кривых (количество и величину пиков). Выбраны условия количественной идентификации фенола на уровне ПДК методом вольтамперометрии.

In this paper we study the voltammetric determination of phenol. The effect of the electrochemical methods used to modify the surface of glassy carbon electrode (GCE) at its electroanalytical properties is shown. Terms of electrochemical modification (the concentration of the manufacturing electrolyte and the duration of the treatment) affect the character of the dependence $I = f(c)$ and sensitivity of the VA-determination of phenol. The influence of conditions on the registration on the analytical signal of phenol is shown. The linear potential sweep affects the appearance of VA-curves (the number and size of the peaks). The conditions for defining phenol at maximum permissible concentration (MPC) by voltammetry were identified.

Ключевые слова: фенол, стеклоуглеродные электроды, модификация поверхности, вольтамперометрия.

Keywords: phenol, glassy carbon electrodes, surface modification, voltammetry.

Введение

Настоящая работа является актуальной в связи с необходимостью создания новых методов контроля состояния окружающей среды, важнейшего показателя определяющего качество жизни человека. В настоящее время наиболее остро стоит проблема мониторинга природных вод, которые испытывают значительную техногенную нагрузку. Фенол и его производные являются опаснейшими токсикантами, попадающими в воды в результате деятельности человека. В угольных регионах наблюдается повышенное содержание этих соединений за счет вымывания из угольных пластов. В сточных водах производства пластмасс и фенольных смол, коксохимических и

ряда других предприятий содержится значительное (до 10 – 20 г/дм³) количество фенола [7]. В связи с этим разработка новых приёмов обнаружения и определения фенола и его производных приобретает первостепенное значение для аналитических служб. Предельно допустимая концентрация (ПДК) в водоемах для фенола составляет 0,001 мг/дм³ [11].

Различные методы определения фенола (раздельное экстракционное фотометрирование фенола в водных средах, высокoeffективная жидкостная хроматография и др.) позволяют обнаруживать на уровне ПДК и ниже [7; 8; 5; 10]. Однако их существенным недостатком является необходимость пред-

варительного разделения и концентрирования, что усложняет анализ и увеличивает его стоимость.

Вольтамперометрия (ВА) является методом, в котором разделение и концентрирование возможно на поверхности индикаторного электрода непосредственно во время анализа. Метод ВА относится к группе особо чувствительных и позволяет определять количества вещества порядка 10^{-9} г [1]. В последнее время широко используют углеродсодержащие электроды: стеклоуглеродные (СУЭ), угольно-пастовые, графитовые. Однако в силу неоднородности поверхности твердых электродов большое значение имеет предварительная подготовка электродов: механическая, химическая, температурная, электрохимическая [14; 2]. В результате поверхность очищается и(или) модифицируется, что приводит к изменению электроаналитических свойств электродов. Чаще всего применяют механическую подготовку СУЭ к анализу. Перед началом работы торец электрода полируют порошком окиси алюминия до тех пор, пока поверхность электрода не станет гладкой и блестящей, не будет иметь трещин, царапин. При работе с электродами из благородных металлов наиболее часто рекомендуется химическая очистка обработки их поверхности раствором кислот с последующей промывкой водой [1]. Химическая модификация приводит к снижению потенциалов окисления многих органических соединений. При этом возрастает чувствительность их определения, электрод становится более стабильным в работе.

Электрохимическая обработка представляет собой поляризацию индикаторного электрода после измерения в перемешиваемом растворе при заданном потенциале "in situ". Значение потенциала очистки выбирают в зависимости от состава исследуемого раствора и состава осадка на электроде. Однако не всегда электрохимическая обработка приводит к устранению дрейфа аналитического сигнала в процессе измерения в инверсионных методах анализа электроаналитической химии [1]. На электрохимическую модификацию электродной поверхности оказывают влияние плотность тока, состав и концентрация обрабатываемого раствора, продолжительность электрохимической обработки [2].

Для ВА-определения фенолов используют твердые индикаторные электроды из платины или углеродного материала после предварительной обработки (модификации) или их сочетания. Повышение чувствительности и воспроизводимости определений достигается благодаря электрохимической обработке индикаторного СУ электрода в растворе определенного состава. Обработанный электрод используют для ВА-определения фенола в анализируемых растворах на фоне гидрофосфата натрия. Аналитическим сигналом является высота пика фенола на вольтамперной кривой в области потенциалов от 0,55 до 0,65 В (н. х. с. э.) [6]. Недостатком вышеописанного способа является значительное время измерений, связанное с разделением и концентрированием фенола в сорбционном патроне и с необходимостью проведения нескольких измерительных циклов (до 5) для получения воспроизводимого результата.

Известна методика ВА-определения фенола без предварительного концентрирования проб [9]. Для приведения индикаторного электрода (из углесталла) в работоспособное состояние проводят многократные последовательные циклы в растворе разбавленной фосфорной кислоты с наложением положительного и отрицательного потенциалов. Затем электроды погружают в фоновый раствор сегнетовой соли, содержащий анализируемое вещество, хлорид-ионы и ионы золота, и проводят электрохимическое осаждение фенола. При последующем изменении потенциала проводят электрорастворение фенола с поверхности индикаторного электрода и регистрируют вольтамперную кривую. Аналитическим сигналом является пик фенола на ВА-кривой в области потенциалов от 0,95 до 1,00 В (относительно х. с. э.). Чувствительность определения фенола 10 мкг/дм^3 [9]. К существенным недостаткам способа относятся: не достигается ПДК фенола ($0,001 \text{ г/дм}^3$); включение дополнительной стадии – предобработки, что увеличивает продолжительность анализа в целом; использование дорогостоящих соединений золота.

Авторами зарегистрированы пики фенола только для первой ЦВА-кривой СУЭ при $E \sim 0,5 \text{ В}$ (with a Ag/AgCl wire reference electrode) в фосфатном буферном растворе (pH 7,4) [18] и (with a saturated calomel and platinum foil reference electrodes) в фоновом растворе $(\text{C}_2\text{H}_5)_4\text{NClO}_4$ [16]; при $E \sim 0,8 \text{ В}$ (with reference electrode Model RE-1, Bioanalytical Systems) в фоновом растворе хлорида натрия [19]. Начиная со второй ВА-кривой, наблюдается уменьшение и исчезновение пиков, независимо от природы используемого фонового электролита. Присутствие в растворе фенола вследствие полимеризации в ходе электрохимического окисления приводит к пассивации поверхности стеклоуглеродного электрода, подготавливаемого последовательным механическим полированием на карбиде кремния и на суспензии оксида алюминия. Также наблюдается пассивация платинового электрода в фоновом растворе NaOH вследствие электроокисления и полимеризации фенолов [15]. Полифенольная пленка пассивирует поверхность СУЭ. На первой циклической ВА-кривой, зарегистрированной в интервале потенциалов 25 – 750 мВ, в присутствии фенола ($c = 5 \text{ ммол л}^{-1}$) в фоновом растворе 0,1 М NaOH наблюдается пик окисления фенола, который исчезает, начиная со второй кривой [17]. Авторами изучены условия осаждения полифенольной пленки на СУЭ в кислой и щелочной средах, показана проницаемость пленки по отношению к фенолу при разных температурах и в разных интервалах потенциалов. Максимальная проницаемость наблюдается, когда полифенольная пленка образуется при высокой температуре и в области выделения кислорода [17].

Электрохимическое возобновление поверхности СУЭ в фоновом растворе хлорида натрия "in situ" приводит к стабильному сигналу фенола в области потенциала 0,8 – 0,9 В [19], однако обработанный предложенным способом СУЭ проявляет недостаточную чувствительность ($2 \cdot 10^{-5} \text{ М}$).

В литературе описана возможность ВА-определения фенола на СУЭ, модифицированном компози-

том ацетиленовая сажа-кислый дигексадецилфосфат, в присутствии бромид цетилтриметиламмония [13]. В фосфатном буферном растворе пик окисления фенола наблюдается при потенциале $E = 0,62$ В (н. к. э.). К недостаткам предложенного способа можно отнести необходимость обновления поверхности после каждого измерения и недостаточную чувствительность определения фенола (наименьшая определяемая концентрация $1 \cdot 10^{-7}$ моль/л). Таким образом, проблема экспрессного, точного, воспроизводимого, чувствительного, недорогого определения фенола остается.

Вольтамперограммы регистрировали на полярографе универсальном ПУ-1 («Гомельский завод измерительных приборов», Республика Беларусь), подключенному к интерфейсному блоку «Графит-2» – аналого-цифровому преобразователю («Химаналит», «Вольта», Санкт-Петербург, Россия), работающему в комплексе с персональным компьютером и позволяющем измерять токи пиков с точностью 0,01 мкА и потенциалы с точностью 10 мВ. В работе использовали трехэлектродную ячейку, состоящую из трех идентичных стержневых СУЭ с приблизительно одинаковой видимой площадью поверхности. Фоновый электролит 0,2 М K_2HPO_4 . $E_{нак} = -0,1$ В. Время накопления $\tau = -60$ с. Для электрохимической обработки стеклоуглеродных электродов использовали растворы: 0,1 М $(NH_4)_2SO_4$ с добавлением ацетона; 0,2 М $(NH_4)_2SO_4$ с добавлением ацетона (19:1); 0,1 М КОН с добавлением ацетона.

Стандартный раствор фенола готовили из ГСО 7270-96 концентрация 0,95–1,05 мг/см³, $c(Ph) = 1,064 \cdot 10^{-2}$ моль/л, растворы с меньшими концентрациями получали разбавлением этиловым спиртом.

Электрохимическая обработка индикаторного СУЭ проводится в течение 10 – 150 с стабильным током с помощью внешнего источника тока в водном растворе $(NH_4)_2SO_4$ с добавлением ацетона. Электрохимическая обработка СУЭ сравнения и вспомогательного проводится в течение 30 с стабильным током с помощью внешнего источника тока в водном растворе КОН с добавлением ацетона [12].

Для оценки возможности отнесения к одной генеральной совокупности уравнений линейности $I = a \cdot c + b$ с помощью t -критерия оценивали расхождение между коэффициентами a и b . Сопоставили полученные значение $t_{экс}$ с табличным $t_{теор} = 3,18$. При соблюдении условия $t_{экс} < t_{теор}$ различия незначимо, при $t_{экс} > t_{теор}$ – значимо. Определение предела «надежного» обнаружения рассчитывали по уравнению [4]: $c_{нао} = 6S/a$. Расчет $c_{мин}$ представляет собой то наименьшее содержание аналита, при котором по данной методике можно обнаружить статистически значимое присутствие определяемого компонента в анализируемом объекте: $c_{мин} = 3S/a$. Для проверки правильности методики ВА-определения фенола была проведена серия анализов модельных растворов методом «введено-найдено», рассчитана относительная ошибка определения δ , % [3].

Результаты

Электрохимическая обработка СУЭ приводит к изменению состава поверхности. Происходит окисление с образованием разных кислородсодержащих групп, которые являются активными адсорбционными центрами для фенола и его продуктов электроокисления. Состав поверхности можно менять, варьируя компоненты и концентрацию обрабатывающего электролита и продолжительность электрохимической модификации.

После обработки индикаторного электрода в $(NH_4)_2SO_4$ + ацетон на ВА-кривых в условиях определения фенола наблюдается широкая рабочая область потенциала. На фоновой ВА-кривой наблюдается пик при $E_{\phi} = 1150$ мВ, который не мешает определению фенола. Сходимые ВА-кривые регистрируются, начиная с первой или второй кривой.

Введение стандартного раствора фенола приводит к появлению двух отдельных пиков на ВА-кривых ($E_1 = 450$ мВ проявляется с третьей ВА-кривой; $E_3 = 650$ мВ – с первой), которые возрастают с увеличением концентрации фенола и, возможно, связаны с окислением фенола и его продуктов электрохимических реакций. Потенциал пика фенола ($E_3 = 650$ мВ) находится в области потенциалов пика фенола, описанных в литературе. Учитывая сложный вид кривых, для более точного измерения токов и потенциалов пиков использовали режим дифференциальной регистрации.

Условия модификации (продолжительность ЭХО и концентрация обрабатывающего электролита) влияют на качественный и количественный состав (модификацию) электродной поверхности, следовательно, на ВА-поведение и ВА-определение фенола на такой электродной поверхности. **Продолжительность** ЭХО меняли от 5 до 150 с. Продолжительность обработки влияет на форму, величину пиков, характерных для окисления фенола. Пик I_1 принимает максимальное значение при $\tau_{ЭХО} = 10$ с, пик I_3 – при $\tau_{ЭХО} = 50$ с. При увеличении продолжительности ЭХО до 150 с аналитического пика фенола при E_1 не наблюдается. Для дальнейших измерений модификацию поверхности СУЭ проводили в течение $\tau_{ЭХО} = 10$ или $\tau_{ЭХО} = 50$ с (рис. 1).

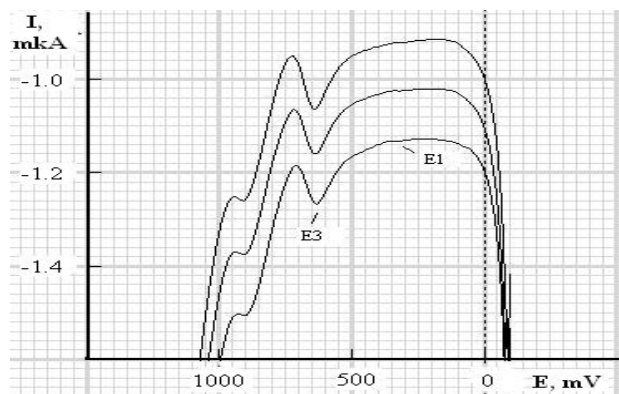

Рис. 1. Вид ВА-кривых СУЭ (после ЭХО в $(NH_4)_2SO_4$ + ацетон) в растворе фенола с $(Ph) = 5 \cdot 10^{-9}$ моль/л. $\tau_{ЭХО} = 10$ или 50 с

Изменение вида ВА-кривых в зависимости от продолжительности электрохимической модификации поверхности СУЭ косвенно подтверждает ее изменение, следовательно, и процессы, происходящие на поверхности, могут также меняться.

Скорость линейной развертки потенциала ($v_{разв}$) меняли от 6 до 10 мВ/с. При $v_{разв} = 6$ мВ/с пики, относящиеся к фенолу и продуктам его окисления, практически не проявляются. Четко выраженными пики становятся со скорости $v_{разв} = 8$ мВ/с (рис. 2). Вид, форма, положение и величина пиков практически не изменяется с четвертой ВА-кривой. Аналогичный вид ВА-кривых ССУЭ в растворе фенола для скорости линейной развертки потенциала 9 мВ/с. Начиная с 10 мВ/с наблюдается усложнение вида ВА-кривых появлением дополнительного пика при $E_2 = 550$ мВ (между E_1 и E_3), который перекрывается пиками при E_1 и E_3 , и в целом затрудняется измерение высот всех пиков.

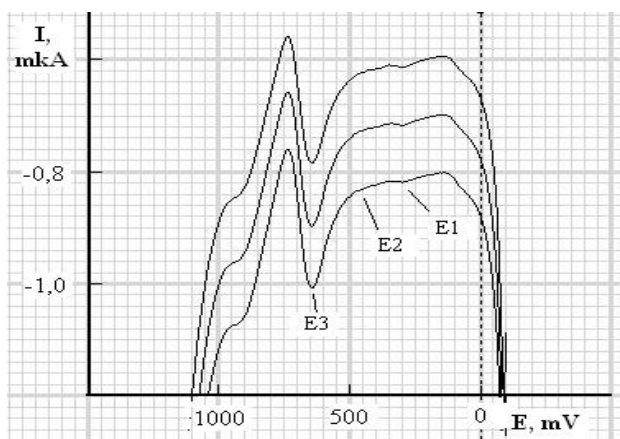

Рис. 2. Вид ВА-кривых СУЭ (после ЭХО в $(\text{NH}_4)_2\text{SO}_4$ +ацетон) в растворе фенола $c(\text{Ph})=1 \cdot 10^{-8}$ моль/л. Линейная скорость развертки потенциала 8 мВ/с

Для модификации поверхности СУЭ использовали обрабатывающий электролит $(\text{NH}_4)_2\text{SO}_4$ +ацетон с концентрацией 0,1 и 0,2 М, продолжительность ЭХО $\tau=10$ и 50 с. На ВА-кривых в присутствии фенола, зарегистрированных при скоростях линейной развертки потенциала 8 и 9 мВ/с, наблюдаются два пика при $E_1 = 450$ мВ и $E_3 = 650$ мВ, высоты которых меняются в зависимости от концентрации фенола в растворе. Зависимости тока пика фенола от его концентрации на СУЭ, модифицированном в вышеописанных условиях, представлены в таблице 1. Из полученных результатов выявлено, что на электрохимическое поведение фенола влияют продолжительность электрохимической модификации и концентрация обрабатывающего электролита. Снижение продолжительности ЭХО и увеличение концентрации обрабатывающего раствора приводит к росту коэффициента чувствительности калибровочной зависимости в 2,5 – 3 раза при изученных скоростях развертки. Уменьшение свободного члена в уравнении линейности при модификации СУЭ в 0,2 моль/л $(\text{NH}_4)_2\text{SO}_4$ свидетельствует о снижении влияния побочных реакций на формирование аналитического сигнала фенола при его ВА-определении.

Таким образом, минимально определяемая концентрация фенола $1 \cdot 10^{-8}$ моль/л достигается в следующих условиях: электрохимическая модификация поверхности СУЭ в обрабатывающем растворе 0,2 М $(\text{NH}_4)_2\text{SO}_4$ с добавлением ацетона; продолжительность ЭХО $\tau_{эхо}=10$ с; регистрация аналитического сигнала фенола со скоростью линейной развертки потенциала $v_{разв} = 8$ и 9 мВ/с.

Проверены свободные члены в уравнении линейности тока пика фенола от его концентрации в растворе на значимость их отличия от нуля. Расчеты показали, что в уравнениях рядов 1 – 3 ($v_{разв} = 8$ мВ/с) свободный член b отличаются незначимо, следовательно, зависимости прямолинейны (таблица 2). Уравнения линейности тока пика фенола от его концентрации в растворе для $v_{разв} = 9$ мВ/с свободный член b отличаются значимо.

Таблица 1

Зависимость тока пика фенола от концентрации его в растворе на СУЭ после ЭХО в $(\text{NH}_4)_2\text{SO}_4$

	$\tau_{эхо},$ с	$c(\text{NH}_4)_2\text{SO}_4=0,1$ М		$c(\text{NH}_4)_2\text{SO}_4=0,2$ М	
		$I_l, \text{мкА}$	$c(\text{Ph}), \text{мкМ}$	$I_l, \text{мкА}$	$c(\text{Ph}), \text{мкМ}$
8	10	$I = 0,0649 c + 0,3147$	0,04-0,40	$I = 0,0863 c + 0,0294$	0,01-0,04
	50	$I = 0,0233 c + 0,4115$	0,04-0,40	$I = 0,0441 c + 0,443$	0,04-0,40
9	10	$I = 0,069 c + 0,5488$	0,04-0,40	$I = 0,0654 c + 0,059$	0,01-0,04
	50	$I = 0,0281 c + 0,4554$	0,04-0,40	$I = 0,0476 c + 0,8363$	0,04-0,40

**Зависимость тока пика фенола от концентрации его в растворе на СУЭ
после ЭХО в 0,2 М (NH₄)₂SO₄ ($\tau_{\text{ЭХО}}$ =10 с)**

Интервал концентраций, $c(\text{Ph}) \cdot 10^8$, моль/л	$v_{\text{разв}}$, мВ/с	Зависимость $I=f(c)$
$c(\text{Ph}) = 1,0 - 4,0$	8	$I = (11,3 \pm 0,42) c$ $I = (9,56 \pm 2,30) c$ $I = (11,21 \pm 0,42) c$ $I = (14,74 \pm 11,20) c + 0,733$
	9	$I = (6,54 \pm 3,40) c + 0,059$ $I = (18,23 \pm 2,18) c + 0,138$ $I = (11,49 \pm 0,44) c + 0,010$ $I = (15,49 \pm 1,90) c + 0,097$

Статистическая обработка результатов

С помощью t -критерия оценивали расхождение между a для скорости линейной развертки потенциала $v_{\text{разв}} = 8$ мВ/с

Сопоставили полученные значение $t_{\text{экс}}$ с табличным $t_{\text{теор}} = 3,18$. Так как $t_{\text{экс}} < t_{\text{теор}}$, то различия между a незначимо, между v – значимо. Следовательно, результаты 1 – 3 уравнения можно отнести к одной генеральной совокупности.

Среднее арифметическое всех результатов:

$$a_{\text{ср}} = 10,69;$$

$$S = 0,0158;$$

$$t_{\text{теор}} = 4,30$$

Линейную зависимость тока пика фенола от его концентрации для скорости линейной развертки потенциала $v_{\text{разв}} = 8$ мВ/с можно представить в виде:

$$I = (10,69 \pm 3,92) c.$$

$$c_{\text{над}} = 1 \cdot 10^{-8} \text{ моль/л.}$$

$$c_{\text{мин}} = 5 \cdot 10^{-9} \text{ моль/л.}$$

Для проверки правильности методики ВА-определения фенола была проведена серия анализов модельных растворов методом «введено-найдено» (таблица 3).

Таблица 3

**ВА-определение фенола методом
«введено-найдено» в фоновом растворе
гидрофосфата калия**

	$c(\text{Ph}), 10^8$, моль/л			
«введено», моль/л	1,00	1,40	1,99	3,20
«найдено», моль/л	1,25	1,23	1,65	3,80
δ , %	25,0	12,1	17,1	18,7

Определены условия вольтамперометрического определения фенола при концентрациях на уровне ПДК: электрохимическая обработка стержневого СУЭ $\tau = 10$ с, $c(\text{NH}_4)_2\text{SO}_4 = 0,2$ М, скорость развертки потенциала $v_{\text{разв}} = 8$ мВ/с. Зависимость тока пика фенола от концентрации состоит из двух линейных участков

Литература

- Брайнина, Х. З. Инверсионные электрохимические методы / Х. З. Брайнина, Е. А. Нейман, В. В. Слепушкин. – М.: Химия, 1988. – 192 с.
- Будников, Г. К. Обновляемый электрод в вольтамперометрии / Г. К. Будников // Заводская лаборатория. – 1997. – № 4. – С. 1 – 8.

в области концентраций $c(\text{Ph}) = (1 - 4) \cdot 10^{-8}$ М, сходимость не ниже 75%, воспроизводимость не ниже 60 % и $c(\text{Ph}) = (4 - 40) \cdot 10^{-8}$ М. Минимальное содержание фенола (статистически значимое присутствие определяемого компонента в анализируемом растворе) $c_{\text{мин}} = 5 \cdot 10^{-9}$ моль/л. Предел «надежного» обнаружения фенола на модифицированном СУЭ в выбранных условиях $c_{\text{над}} = 1 \cdot 10^{-8}$ моль/л.

Заключение

По сравнению с известными методами и методиками определения фенола, позволяющими определять на уровне ПДК, с помощью нашей методики исключаются стадии длительной пробоподготовки, которая заключается в разделении и концентрировании пробы. Длительность самого анализа определяется только получением аналитического сигнала фенола на ВА-кривых электрохимически модифицированного СУЭ. Определены условия ВА-определения, не приводящие к пассивации поверхности СУЭ, к образованию полимерных соединений. Использование электродной системы, состоящей из трех СУЭ, позволяет проводить анализ в любых средах.

Разработанная методика апробирована на пробах водопроводной воды. При введении стандартного раствора фенола в раствор на основе водопроводной воды наблюдается смещение аналитического сигнала фенола в анодную область ($E_{\text{Ph}} = 0,486 \pm 0,016$) В, функциональная зависимость тока анодного пика фенола от его концентрации в интервале $c(\text{Ph}) = (1-10) \cdot 10^{-8}$ М в растворе, приготовленном на основе водопроводной воды: $I = (5,1 \pm 0,6) \cdot c$.

Сходимость результатов не ниже 80 % ($n = 9$), воспроизводимость не ниже 60 %. Правильность полученных результатов проверена методом «введено-найдено» (таблица 4). Методика обеспечивает диапазон определяемых концентраций $(1-10) \cdot 10^{-8}$ моль/л, продолжительность одного определения 5 мин, предел обнаружения (ПО) составляет $1 \cdot 10^{-8}$ моль/л. Данная методика позволила существенно уменьшить расход пробы и снизить ПО по сравнению с методикой, предложенной ранее в природных водах [13].

3. Дёрффель, К. Статистика в аналитической химии / К Дёрффель. – М.: Мир, 1994. – 268 с.
4. Еще раз о пределах обнаружения и определения / Л. П. Эксперианова [и др.] // Журнал аналитической химии. – 2010. – Т. 65. – № 3. – С. 229 – 234.
5. Зиятдинова, Г. К. Реакции фенольных антиоксидантов с электрогенерированными гексацианоферрат(III)-ионами и их применение в анализе растительных масел / Г. К. Зиятдинова, А. А. Хузина, Г. К. Будников // Журнал аналитической химии. – 2013. – Т. 68. – № 1. – С. 81 – 89.
6. Инверсионный вольтамперометрический анализ воды на содержание анилина и фенола / Л. С. Анисимова [и др.] // Заводская лаборатория. – 1999. – № 2. – С. 6 – 8.
7. Коренман, Я. И. Экстракционное концентрирование и потенциометрическое определение фенолов в водах / Я. И. Коренман, Т. А. Кучментко // Заводская лаборатория. – 1997. – № 9. – С. 9 – 10.
8. Определение «фенольного индекса» в воде методом циклического инъекционного анализа с автономным экстракционно-хроматографическим концентрированием / А. В. Булатов [и др.] // Журнал аналитической химии. – 2013. – Т. 68. – № 1. – С. 18 – 21.
9. Пат. 2377553 Россия. МПК G01N27/48, № 2008130143 / Н. А. Алексеева, М. А. Соколов, О. Ю. Ануфриева; заявлено 09.07.2008; опублик. 27.12.2009. – Режим доступа: <http://partcom.com/patent/ru2377553/>
10. Пат. 2467312 Россия. МПК G01N2/76, C07C39, № 2010139451 / Л. Т. Рязанцева, Б. А. Спиридонов, В. И. Федянин; заявлено 24.09.2010; опублик. 27.03.2012. – Режим доступа: ru-patent.info/24/67/2467312.html
11. Справочник по охране природы / К. П. Митрюшкин [и др.]; под ред. К. П. Митрюшкина. – М.: Лесная промышленность, 1980. – 352 с.
12. Циклическая вольтамперометрия анилина на стеклоуглеродных электродах / И. К. Ускова [и др.] // Ползуновский вестник. – 2009. – № 3. – С. 129 – 133.
13. Электрохимическое поведение фенола на стеклоуглеродном электроде, модифицированном композицией ацетиленовой сажа-кислый дигексадецилфосфат, в присутствии бромидов цетилтриметиламмония / Й. Пен [и др.] // Электрохимия. – 2008. – Т. 44. – № 2. – С. 222 – 229.
14. Chen, P. Control of Electron Transfer Kinetics at Glassy Carbon Electrodes by specific Surface modification / P. Chen, R. L. McCreery // Anal. Chem. – 1996. – V. 68. – P. 3958 – 3965.
15. Ezerskis, Z. Electropolymerization of chlorinated phenols on a Pt electrode in alkaline solution Part I: A cyclic voltammetry study / Z. Ezerskis, Z. Jusys // Journal of applied electrochemistry. – 2001. – V. 31. – P. 1117 – 1124.
16. Fulian, Q. Laser activated voltammetry: measurement of the diffusion coefficients of electropassivating species. Application to pyrrole and phenol in aqueous solution / Q. Fulian, R. G. Compton // Anal. Chem. – 2000. – V. 72. – P. 1830 – 1834.
17. Tahar, N. B. Influence of temperature and applied potential on the permeability of polyphenol films prepared on vitreous carbon in acid and alkaline media / N. B. Tahar, A. Savall // Journal of applied electrochemistry. – 2013. – V. 43. – P. 595 – 604.
18. Wang, J. Scanning tunneling microscopic investigation of surface fouling of glassy carbon surfaces due to phenol oxidation / J. Wang, T. Martinez // J. Electroanal. Chem. – 1991. – V. 313. – P. 129 – 140.
19. Wang J. In situ electrochemical renewal of glassy carbon electrodes / J. Wang, M. S. Lin // Anal. Chem. – 1988. – V. 60. – P. 499 – 502.

Информация об авторах:

Ускова Ирина Климентьевна – ведущий инженер кафедры аналитической химии КемГУ, 89050695564, irishaklim@yandex.ru.

Irina K. Uskova – chief engineer at the Department of Analytical Chemistry, Kemerovo State University.

Булгакова Ольга Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой аналитической химии КемГУ, 89043753134, olbulgakova@gmail.com.

Olga N. Bulgakova – Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Head of the Department of Analytical Chemistry, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 30.04.2014 г.

ЭКОНОМИКА

УДК 658.5

МЕТОДОЛОГИЯ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА К ПЛАНИРОВАНИЮ
И РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ*О. И. Ващилова*

METHODOLOGY OF SYSTEM APPROACH TO PLANNING AND PERFORMANCE

O. I. Vashchilova

Статья посвящена актуальной проблеме методологии системного подхода к планированию в организации. Отражены результаты исследования сложившейся практики и теории планирования. Обозначены основные проблемы планирования с точки зрения системного подхода и конкретизировано их содержание с целью повышения результативности деятельности.

The paper is devoted to the actual problem of the methodology of system approach to planning in the organization. Results of studying the current practice and theory of planning are reported. The main problems of planning from the point of view of system approach are set and their content is specified to improve performance.

Ключевые слова: планирование, методология, системный подход, система показателей.

Keywords: planning, methodology, system approach, system of indicators.

Как правило, исследования по планированию на уровне предприятия затрагивают лишь отдельные вопросы планирования. До сих пор планирование на предприятии не рассмотрено в комплексе всех его сторон. Такой вывод обоснован и представлен результатами исследования автора статьи [1].

Анализ литературы за последнее десятилетие показывает, что ситуация не изменилась.

Отсутствие целостного представления о внутрифирменном планировании, системы, удовлетворительной методологии, характеризующейся последовательностью и взаимосвязью планов, отражающих в полной мере особенности планирования в условиях рынка – причина отсутствия должного процесса планирования на предприятиях всех отраслей промышленности.

Отсутствие системных разработок в области планирования деятельности предприятия можно объяснить тем, что, в исследованиях по вопросам планирования не ставилась задача рассмотрения плана как самостоятельного предмета исследования, в результате чего не получил должного отражения единый подход к проектированию всех сторон планирования деятельности.

Также как десятилетие назад в качестве системы показателей планирования предлагается концепция «сбалансированная система показателей (ССП)». В частности, проф. Финансового университета при Правительстве РФ, кандидата экономических наук И. В. Козлова, отмечает, что «использование концепции СПП оптимизирует методологию планирования в организациях и повысит соответствие качества разрабатываемых планов организации принципам планирования» [2]. Концепция СПП представлена в составе перспективных инструментов планирования XXI века как самый универсальный. Однако анализ позволил предположить, что концепции СПП присущи пробле-

мы методологии системы планирования. И как следствие, в предлагаемой системе показателей (прим. автора: понятие «сбалансированная» в отношении системы не употребляется осознанно, т. к. предполагается, что система не может быть иной по определению) выделенные четыре группы СПП («традиционные финансовые», «описывающие внешнее окружение», «характеризующие внутренние интересы» и «характеризующие способность предприятия к обучению и росту») не обоснованы с позиций методологии системного подхода к планированию. Можно предположить, что СПП увязывает стратегические цели и подцели тактические, но только на одном уровне управления – вертикальном. Но такие важнейшие стороны совершенствования методологии планирования как интеграция его по объектам в пространственно-временном единстве не рассматриваются.

Отсутствие системного взгляда на планирование объясняет его нацеленность только на отдельные стороны деятельности предприятия, не позволяет реализовывать принципы эффективного ведения деятельности. Однако, необходимость использования системы планирования не оспаривается. Например, говоря о плане маркетинга как главном в условиях непредсказуемости кризисной ситуации, в разработке ситуационных планов отмечается: «механизм адаптации планов предприятия к внешним и внутренним изменениям состоит в использовании системы планирования, предусматривающей внесение уточнений в планы различных видов деятельности фирмы ...» [3, с. 111]. «В ситуации кризиса план становится не столько набором финансовых показателей, сколько указанием к действию» [3, с. 107].

Не противоречит ли такая постановка вопроса системному подходу к планированию? Система показателей основана на взаимовлиянии равноценных це-

левых показателей в достижении конечной цели, в том числе финансовых. Любое действие должно прогнозироваться в последствиях отражения на финансовые показатели. С изменением цели меняется система показателей и уточняется программа их достижения.

«Построение системы – это определение количества компонентов, необходимого для нормального функционирования, структуризация компонентов по уровням иерархии и установление между ними связей. Системный подход – методология исследования объектов как систем» [4, с. 134]. Однако сформулированный в литературе механизм требует уточнения. Обратим внимание на основные проблемы системы планирования.

Первая проблема системы планирования, обозначенная нами – разделить понятия: компонент, объект, элементы системы планирования и уточнить состав элементов и компонентов системы планирования. Объект системы планирования – включает подсистему планов, разрабатываемых на предприятии и образующих систему планирования. Объект – это элементы входа в систему, на которые субъект планирования воздействует в процессе достижения цели, реализуемой на выходе. В зависимости от поставленной цели на выходе и уровня иерархии, «объект» системы планирования целесообразно представить объектами подсистем компонентов планирования: (планов функциональной и операционной деятельности по стадиям кругооборота капитала) и объектами подсистем элементов: (потенциалом, затратами, финансами). Понятие «элемент» предполагает определенную неделимость в рамках рассматриваемой системы. Поэтому, элемент «объект системы» – то, на что воздействует субъект в процессе достижения результата и всегда представлен материальными ресурсами, информацией, трудовыми ресурсами, денежными средствами. Говоря о структурно-самостоятельных частях системы, мы будем использовать термин «компонент». В качестве компонентов системы (процессов) планирования могут быть подсистемы функциональных типов деятельности: процесс управления персоналом, финансами, социальной и экологической деятельностью. Тогда в составе компонентов системы планирования будут рассмотрены не элементы «персонал» и «финансы», а подсистема процессов, т. е. система элементов в процессе «вход-выход» системы управления персоналом и финансами.

Механизм системы планирования, сформулирован С. С. Исауловой [5], заключающийся во взаимодействии трех подсистем: субъекта, объекта и методов с учетом особенностей на временном уровне, требует уточнения. «Процесс» не выделен как элемент системы планирования. На наш взгляд в системе планирования должны быть четко выделены элементы: объект, субъект и процесс. «Процесс» в системе планирования должен быть выделен в составе элемента (а не отождествляться с функциональной деятельностью в составе объекта), так как с позиций системного подхода «вход» системы (в том числе объект) именно в процессе достижения цели образует новое качественное состояние «выход». Рассматривая систему планирования как систему процессов, на наш взгляд, неправильно объединять (как в [4], [6]) в объекте системы

планирования наряду с функциональными типами деятельности категории: финансы, люди, так как эти элементы однофакторные и являются объектами (как ресурсы, потенциал) на «входе» операционной, функциональной деятельности.

Вторая проблема системы планирования, обозначенная нами, – определить объект системы планирования. Только правильное определение объекта является залогом успешного функционирования предприятия. В отечественной литературе не обоснован подход к рассмотрению объекта внутрифирменного планирования с позиций функциональных типов деятельности, как не обоснован и набор функций. Полагаем, что неправомерно под объектом понимать тип функциональной деятельности, т. к. функциональная деятельность – это процесс (по определению), но не объект и является результатом взаимодействия элементов системы (объекта и субъекта). Понятие «функциональная деятельность» не имеет однозначного толкования в литературе, что также объясняет неправомерность. Так, под функциональной деятельностью понимается либо «процесс», а значит любая деятельность; либо только управленческие процессы или только уровень оперативного планирования. Если функциональную деятельность отождествлять с объектом системы планирования предприятия, то в этой связи можно говорить не о системе планирования на предприятии, а только о конкретном его уровне. Полагаем, что справедливо представлять функциональные типы деятельности в составе компонентов системы планирования, а не элементов. И в этом случае необходимо обязательно уточнять, что каждый компонент должен рассматриваться как подсистема в системе планирования предприятия.

Объект системы планирования — включает подсистему планов, разрабатываемых на предприятии и образующих систему планирования. Объект – это элементы входа в систему, на которые субъект планирования воздействует в процессе достижения цели, реализуемой на выходе. В зависимости от поставленной цели на выходе и уровня иерархии, «объект» системы планирования целесообразно представить объектами подсистем компонентов планирования: (планов функциональной и операционной деятельности по стадиям кругооборота капитала) и объектами подсистем элементов: (потенциалом, затратами, финансами). Объект системы планирования на основе обобщения анализа методологического подхода к объекту представлен на рисунке.

Третья проблема требует уточнения содержания объекта системы планирования: являются ли объектом системы планирования и типом функций «качество» и «маркетинг», правильно ли объединять в «объект» элементы: операции, финансы, качество, маркетинг.

Анализируя подходы различных авторов к рассмотрению категорий «маркетинг» и «качество» в системе менеджмента, считаем, что качество и маркетинг неправомерно включать в подсистему объектов системы планирования предприятия, т. к. «объект» по определению предполагает заданность элементов на «входе» системы, на которые субъект влияет в процессе достижения цели. Объект предполагает подсистему

тему более высокого уровня. А маркетинг и качество – система целевая, высшего уровня. «Маркетинг – это философия управления, функция управления» [7].

«Качество – потенциальный полезный эффект» [4, с. 81].

Рис. Подсистемы компонентов, элементов планирования и их объекты в системе предприятия

Уровень качества продукции формируется на уровне стратегического маркетинга и поэтому правильнее рассматривать качество как подсистему планирования стратегии, маркетинга, целеполагания. Именно конкурентоспособность первична, а эффективность вторична. А качество, затраты потребителей и себестоимость – это три фактора, влияющих на эффективность и конкурентоспособность товара. Причем ориентация на потребителя требует той же последовательности и приоритетов этих факторов. В литературе [7] по менеджменту «качество» рекомендуется выделять как отдельный объект управления, обосновывая важность вопроса. По сути «маркетинг» и «качество» – это не объект и не просто деятельность как результат взаимодействия субъекта и объекта, а процесс – то есть новое свойство конкретного объекта: труда, средств производства, продукции, системы стратегии. «Качество» – это «выход» системы, цель, результат конечный или промежуточный в зависимости от предмета качества. «Маркетинг» – концепция плановой деятельности. Очевидно, что понимать под объектом системы планирования на предприятии под-

систему «маркетинг», также как и «качество» неправомерно.

Четвертая проблема нацелена на уточнение пространственно-временных характеристик системы планирования, что полагаем объективно, т. к. соответствует принципу системной парадигмы: интенциональности функционирования предприятия. Согласно этому принципу в каждый момент времени существует определенный круг намерений, относящихся к желательному будущему предприятия. Современная литература не анализирует пространственный уровень и пространственно-временное единство. Однако эта проблема актуальна и пока не решена.

Представление о времени и пространстве остается проблемным до сих пор. Большинство вопросов времени не могут рассматриваться изолированно от характеристик пространства. Следует согласиться с мнением А. Д. Леванова, что «связь между ними устойчива и объективна. Анализ же только одного времени в отрыве от пространства мало результативен и может поставить проблему, но не дать ее решения» [8]. Введенное А. Д. Левановым в научный оборот понятие

«экономическое время» позволяет выработать более четкие методологические подходы к построению системы предприятия. В тоже время, каждому процессу, протекающему в определенной форме времени, соответствует определенное пространство, формируемое целью деятельности предприятия.

Цели в краткосрочном периоде планирования определяются вопросами оперативного управления деятельностью предприятия. Планирование в долгосрочном периоде – планирование в пространстве, определяемого пространством рынка (ареала) [9], в открытой системе предприятия в изменяющихся условиях рынка. Краткосрочное планирование – планирование в замкнутом пространстве, определяемого формой собственности, условиями внешней и внутренней среды, связями между объектами процесса планирования.

Кроме того, что пространство планирования определяется целью деятельности, оно также определяется субъектом деятельности, т. е. полномочием управления, зонами планирования. Так, долгосрочное планирование – это планирование на уровне предприятия в целом, на высшем уровне. Среднесрочное планирование – планирование на уровне функционального руководства, планирование по целям и средствам их достижения. Краткосрочное планирование – планирование на уровне оперативного руководства.

В основе определения системы, закладываются три базисных понятия – системосодержащей среды, идентификационного пространства и идентифицирующего признака. Идентификационное пространство определяется геометрическим и функциональным пространством.

Геометрическое пространство планирования рассматривается нами с позиции взаимосвязи целей в системе планирования: покупатель – производитель, предприятие – структурные единицы (центры), сегменты – рынок. Функциональное пространство – с позиций вертикальных и горизонтальных связей.

Полагаем, что горизонтальный уровень связей в пространстве представляет собой межфункциональные связи целей на «выходе» на одном уровне иерархии, т. е. связи между главной целью и дополнительными (построение дерева целей).

Вертикальный уровень – это связи между целью и средствами ее достижения, которые обеспечивают взаимодействие властных полномочий структур управления. Вертикальные связи отражают процесс управления целевыми издержками, процесс получения добавленной стоимости (построение дерева издержек). На уровне вертикальных связей необходимо рассматривать такие объекты планирования как управленческий, финансовый и производственный учет, позволяющие учесть затраты на каждой стадии добавленной стоимости.

Система предполагает заданность пространства, границ предприятия, идентифицированного (различающегося) объекта. В этой связи нами определены компоненты планирования: управляющая (функциональная) и операционная деятельность. Маркетинговый подход определяет целевую направленность деятельности субъектов планирования. Интеграция предполагает взаимовлияние в пространстве и во времени потоков, ресурсов, процессов и взаимовлияние сис-

тем, что обеспечивается элементами системы «вход-процесс-выход» или обеспечивающей, операционной подсистемой и подсистемой выхода.

Пространственно-временные особенности планирования рассматриваются автором статьи как планирование во взаимосвязи стратегических и тактических задач деятельности предприятия и его структурных подразделений, что предполагает рассмотрение горизонтальных и вертикальных связей в пространстве планирования.

Горизонтальные связи в пространстве планирования учитываются в особенности планирования деятельности как связи на одном уровне иерархии планирования, т. е. связи главной цели и дополнительной. Планирование на уровне горизонтальных связей позволяет определить взаимосвязь показателей в достижении конечного результата, выявить слабые места (факторы) в возможном повышении конкурентоспособности организации и учесть их при разработке системы показателей.

В результате в работе [1] выделены группы показателей на горизонтальном уровне планирования в пространстве системы предприятия:

- 1) показатели, ориентированные на целевые результаты («полезную» деятельность);
- 2) показатели, ориентированные на экономический результат;
- 3) показатели, ориентированные на финансовый результат.

Эти показатели планируются на «выходе» системы по структурным подразделениям с целью интеграции операционного и функционального планирования с финансовым.

Вертикальные связи в пространстве системы предприятия учитываются как связи в построении дерева целей на различных временных и пространственных уровнях планирования, т. е. как иерархические связи целей и средств. На вертикальном уровне планирования в пространстве системы предприятия выделяются показатели управленческого, финансового и производственного учета. Этот уровень системы показателей позволяет организовать попроцессный учет издержек на «входе» системы по всем стадиям создания новой стоимости также в разрезе структурных подразделений, бизнес-единиц.

Общепризнано в литературе, что система планирования должна рассматриваться относительно системы деятельности предприятия, а значит, относительно системы «вход-выход» в процессе воспроизводства капитала. С этой позиции в качестве подсистемы объектов планирования (компонентов системы планирования) на уровне предприятия нами выделены следующие подсистемы планирования деятельности предприятия: 1) обеспечивающая – функциональная, управляемая подсистема на «входе» системы планирования; 2) операционная – управляемая подсистема в процессе; 3) функциональная – управляющая подсистема на «выходе» системы предприятия.

И каждый из этих подсистем объектов представляет в свою очередь систему, со свойственными ей элементами: вход, выход, процесс, объект, субъект.

Литература

1. Ващилова, О. И. Реформирование внутрифирменного планирования: проблемы теории и практики: дис. ... канд. экон. наук, специальность 08.00.05: «Экономика и управление народным хозяйством (экономика, организация и управление предприятиями, отраслями и комплексами – промышленность)» / О. И. Ващилова. – Кемерово, 2005.
2. Козлова, И. В. Оптимизация методологии планирования в организациях / И. В. Козлова // Экономический анализ. – 2013. – № 4.
3. Котова, О. Н. Планирование на предприятиях сектора B2B в условиях кризиса / О. Н. Котова, С. П. Остапенко // Вестник КемГУ. – 2009. – № 3.
4. Фатхутдинов, Р. А. Система менеджмента / Р. А. Фатхутдинов. – М.: Бизнес-школа, 2000. – 218 с.
5. Исаулова, С. С. Концепция и механизм проектирования системы планирования в современных рыночных условиях: автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05 / С. С. Исаулова. – Краснодар, 2000.
6. Фионин, В. И. Показатели эффективности управления / В. И. Фионин, А. А. Терешин. // Российский экономический журнал. – 1994. – № 8. – С. 53 – 58.
7. Веселкова, Н. П. Система оценочных показателей работы производственных объединений промышленности и ее совершенствование: автореф. дис. ... канд. экон. наук / Н. П. Веселкова. – Л., 1983.
8. Леванов, А. Д. Фактор времени в рыночной экономике / А. Д. Леванов. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1995. – 132 с.
9. Зобова, Л. Л. Генезис и трансформация закона рыночных ареалов / Л. Л. Зобова. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2001. – 174 с.

Информация об авторе:

Ващилова Ольга Ивановна – кандидат экономических наук, доцент кафедры Финансы, кредит и банковское дело Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, 8-905-909-39-04.

Olga I. Vashchilova – Candidate of Economics, Assistant Professor at the Department of Finance, Credit and Banking, Plekhanov Russian University of Economics.

Статья поступила в редколлегию 30.04.2014 г.

УДК 330.356.3:669.1

КОЭФФИЦИЕНТ Q-ТОБИНА – ПОКАЗАТЕЛЬ ИНВЕСТИЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРЕДПРИЯТИЙ ЧЕРНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ

Л. В. Загороднова, Н. И. Новиков

Q-TOBIN COEFFICIENT AS AN INDICATOR OF THE INVESTMENT POTENTIAL OF FERROUS METALLURGY ENTERPRISES

L. V. Zagorodnova, N. I. Novikov

В статье рассмотрен коэффициент q-Тобина, характеризующий инвестиционный потенциал предприятий черной металлургии.

The paper addresses the q-Tobin coefficient characterizing the investment potential of ferrous metallurgy enterprises.

Ключевые слова: инвестиционный потенциал, коэффициент q-Тобина, предприятия черной металлургии, капитализация, активы, инвестиционный проект, акции, рыночная стоимость, восстановительная стоимость, финансовые ресурсы, инвестиционные программы.

Keywords: investment potential, q-Tobin coefficient, ferrous metallurgy enterprises, capitalization, assets, investment project, shares, market value, replacement cost, financial resources, investment programmes.

Оценивать инвестиционный потенциал металлургического предприятия следует на основе конкретного показателя, которым по нашему мнению является коэффициент q-Тобина. Требования к такому показателю, должны быть следующие:

- показатель должен отражать оценку эффективности инвестиций в активы металлургических предприятий;
- показатель должен быть количественно исчисляемым.

Коэффициент q-Тобина – аналитический коэффициент, характеризующий инвестиционную привлекательность фирмы (предприятия), названным в честь американского экономиста, лауреата Нобелевской премии по экономике, автора 16 книг и 400 статей. Он стал известен в обществе, благодаря своему предложению на введение налога на операции с иностранными валютами, даже если бы он равнялся 0,1 – 0,25 %. Такой налог мог бы резко ограничить трансграничные валютные спекуляции, сделать большую часть из них невыгодными, и тем самым уменьшить их вред. По его мнению, этот

налог приносил бы прибыль государству в размере 150 млрд долларов, но не все разделили его мнение, так как налог ограждал страны от внешнего мира, обрекая себя на дальнейшее отставание.

Однако Джеймс Тобин заявил о себе, как о серьезном экономисте благодаря своей работе «Изучение полной занятости и инфляции» подготовленной для Совета по социальным научным исследованиям, опубликованной в 1953 г. Он написал ряд статей по макроэкономике, статистическому анализу спроса и теории рационального поведения, связи финансовых рынков с потреблением, расходами, ценами, занятостью и производством продукции. В научной работе «Национальная экономическая политика» (1966) Дж. Тобин разработал теорию выбора и «портфельные инвестиции». В соответствии с этой теорией инвесторы, выбирая между уровнем дохода и риском его потерь, применяют этот критерий ко всему спектру финансовых и реальных активов. Они сочетают высокую степень риска с гарантированной обеспеченностью вложений и лишь редко стремятся к получению наивысшей прибыли, не принимая во внимание все другие факторы. Тобин пришел к выводу, что инвесторы стремятся сочетать инвестиции с повышенной степенью риска и менее рискованные, с тем, чтобы добиться сбалансированности в инвестиционных портфелях.

Модель «портфельных инвестиций», разработанная Дж. Тобином, объединяет множество ценных бумаг и представляет гораздо более богатый арсенал средств для проведения экономической политики. Денежно-кредитная и бюджетная политика государства, воздействуя на выбор структуры активов, тем самым оказывает влияние и на реальные переменные экономической системы – инвестиции, сбережения, потребление. Взяв за основу модель равновесия активов и проведя одновременно тщательный анализ запасов ценных бумаг, он выдвинул новую концепцию «фактора q » – коэффициента, с помощью которого выражается отношение рыночной стоимости физических активов к затратам на их замещение [7].

Известны два подхода к его исчислению: в первом случае сопоставляются рыночная капитализация фирмы и величина его чистых активов в рыночной оценке; во втором случае сравниваются совокупная рыночная цена акций и облигаций фирмы с восстановительной стоимостью активов фирмы, «очищенных» от задолженности перед текущими (т. е. краткосрочными) кредиторами. Для успешно функционирующей фирмы числитель дроби должен превосходить ее знаменатель (независимо от алгоритма расчета). Чем больше расхождение, т. е. чем больше значение коэффициента Тобина превосходит единицу, тем более перспективной рассматривается фирма. Если $q < 1$, то это первый признак того, что фирма может стать объектом враждебного поглощения [9].

Таким показателем, на наш взгляд, является коэффициент q -Тобина. При оценке инвестиционного потенциала металлургического предприятия изначально необходимо выявить, что именно влияет на него. На основе анализа имеющийся практики мы считаем, что лучше всего это сделать с помощью факторов и определить, как они влияют на инвестиционный потенциал.

Проанализировав исследования ряда авторов, у которых коэффициент Тобина вызывал интерес, среди

которых С. Chung и P. Pruitt, E. B. Lindenberg и S. A. Ross, K. Wiles, S. Perfect и др. а также исследовав инвестиционный потенциал предприятий черной металлургии, нами установлено, что на него в отрасли непосредственно влияют капитализация и активы, что, по сути, отражает коэффициент q -Тобина. Это аналитический коэффициент, предложенный в 1969 г. Дж. Тобином и в настоящее время является наиболее распространенным для оценки эффективности инвестиций. Этот коэффициент первоначально автором был использован при определении условия равновесия для рынка капитала, исходя из того, что фирма стремится максимизировать свое благосостояние. Одним словом, автор характеризует q как степень (индекс) инвестиций, т. е. скорость, с которой инвесторы желают вложить средства в акционерный капитал [8].

Многочисленные исследования установили [1], что коэффициент Тобина (q) отражает несколько переменных, таких как:

- балансовая стоимость активов компании;
- «настроение» рынка, выраженное, к примеру, мнением аналитиков, относительно перспективности компании или различными спекуляциями, в виде громких слухов;
- интеллектуальный капитал компании.

Поскольку (q) Тобина отражает несколько переменных, он может показывать только приближенное значение стоимости интеллектуального капитала. Сейчас множество компаний пытаются разработать пути измерения стоимости интеллектуальных активов, таких как интеллектуальный капитал.

Основная цель оценки интеллектуального капитала – обеспечить устойчивое развитие организации. Интеллектуальный капитал представляет собой основу для будущего роста. Поэтому оценка интеллектуального капитала помогает формировать долгосрочную стратегию организации в постоянно меняющейся внешней обстановке и используется как инструмент коммуникации и, прежде всего, как аргумент в пользу организации.

Несмотря на то, что интеллектуальный капитал становится основным фактором экономического роста компаний, регионов и стран, традиционная экономическая теория и управленческая практика делают основной акцент на физических активах и материальных продуктах труда. Новые подходы к развитию фирм и организаций переносят акцент управленческих воздействий на интеллектуальный капитал, применяя новые подходы и методы, и в их числе менеджмент знаний.

Подход к исчислению коэффициента Тобина можно представить следующим образом: сопоставление рыночной капитализации предприятия к величине его чистых активов. Для успешно функционирующего предприятия числитель дроби должен превосходить знаменатель. Чем больше коэффициент q -Тобина превосходит единицу, тем более перспективным является предприятие [11].

В качестве примера мы выбрали два крупных металлургических предприятия России и рассчитали данный коэффициент [4; 5].

Данные для расчета коэффициента q -Тобина (2012 – 2013 гг.)

Металлургическое предприятие	Активы (тыс. \$)	Капитализация (тыс. \$)	q – Тобина
НЛМК	17257176	59932272	3,4
ММК	16295000	13951000	0,8

Из таблицы следует, что коэффициент Тобина значительно превышает 1 на НЛМК а на ММК стремится к 1. На обоих предприятиях коэффициент Тобина имеет положительную тенденцию, однако более перспективным является Новолипецкий металлургический комбинат.

Инвестиционный потенциал подразумевает оценку эффективности использования инвестиционных ресурсов за счет оценки эффективности осуществляемых на их основе инвестиций в активы компании. Это обусловлено тем, что инвестиционные ресурсы аккумулируются с определенной целью и, как правило, под определенный проект, в силу чего оценка эффективности их использования сводится к оценке эффективности конечного результата, а именно инвестиций компании.

В качестве оценки эффективности вложений компании (предприятия) зачастую используют и другие показатели. Существенной составляющей инвестиционного проекта является оценка эффективности инвестиций. Сравнение различных проектов и выбор лучшего из них производится с использованием группы показателей:

- чистый дисконтированный доход;
- индекс доходности;
- внутренняя норма доходности;
- срок окупаемости;
- точка безубыточности, норма прибыли [9; 11].

По нашему мнению, на основе этих показателей можно сделать вывод только о том, как рынок со своей стороны «оценивает» действия компании, а также насколько она задействует свои ресурсы в создании и увеличении своей рыночной стоимости, в конечном итоге, в качестве показателя оценки инвестиционного потенциала предприятия нами был выбран коэффициент q -Тобина.

Исследование авторов С. Chung и Р. Pruitt показало, что расчеты сделанные по двум методикам очень

схожи. Расчет по первой методике был назван «затратным по вычислениям», впервые был предложен Е. В. Lindenberg и S. A. Ross в 1981 г. а в дальнейшем получил развитие в исследованиях К. Wiles, S. Perfect. Согласно данному расчету цены считаются для всех финансовых инструментов. Рыночная стоимость компании (предприятия) принимается равной сумме всех ее акций и долгов.

Согласно «затратному вычислению» стоимость долгов, привилегированных и обыкновенных акций оценивается по их рыночной стоимости. Считается, что когда речь идет о рыночной стоимости долгов компании, следует учитывать рыночную стоимость облигаций компании. После рыночной оценки всех показателей их стоимость складывается и, тем самым, вычисляется рыночная стоимость компании. Восстановительная стоимость активов рассчитывается как балансовая стоимость активов, скорректированная на величину инфляции и амортизации.

Автор Р. Dadalt [8] отмечает, что сегодня коэффициент q -Тобина рассчитывается по одному из двух основных существующих и конкурирующих друг с другом подходов.

О первом подходе («затратный по вычислениям») говорилось выше авторами Е. В. Lindenberg и S. A. Ross. Второй подход использует небольшое количество информации, которая позволяет рассчитать как рыночную стоимость, так и восстановительную стоимость активов [8].

По нашему мнению, наиболее приемлемым является второй – «простой» метод, который не требует объемных вычислений. Все компоненты, необходимые для расчета q -Тобина оцениваются на основе данных, представленных в балансовых отчетах предприятия.

Мы выбрали наиболее крупные металлургические компании, где коэффициент Тобина был рассчитан «простым» методом.

Таблица 2

Коэффициент Тобина крупных металлургических компаний (2011 – 2012 гг.) [4; 5; 6]

Компании	q -Тобина
Трубная металлургическая компания	2,84
Новолипецкий металлургический комбинат	Представлен в таблице 1
Магнитогорский металлургический комбинат	Представлен в таблице 1
Северсталь	0,65
Среднее значение	1,2

Из таблицы видно насколько рыночная стоимость активов компании больше, чем их балансовая стоимость. Однако коэффициент Тобина показывает, насколько рынок ценит средства, вложенные в активы компании. Если коэффициент Тобина больше 1, на рынке активы компании стоят больше, чем за них бы-

ло заплачено, а значит можно говорить, что инвестиции в активы компании прибыльны. Это можно увидеть исходя из данных, приведенных в таблице 2.

В качестве примера различия коэффициента q -Тобина крупных нефтяных компаний и крупных металлургических компаний России был проведен

сравнительный анализ. Мы вычислили среднее значение коэффициента q -Тобина по металлургическим и нефтяным компаниям и сравнили их (таблица 2, 3).

Таблица 3
Коэффициент Тобина крупных нефтяных компаний (2011 – 2012 гг.) [4; 5; 6]

<i>Компании</i>	<i>q-Тобина</i>
Сургутнефтегаз	1,2
Юкос	5,3
Славнефть-Мегоннефтегаз	1,0
Лукойл	1,0
Среднее значение	2,1

Исходя вышесказанного, среднее значение q -Тобина металлургических компаний было равным приблизительно 1,1, а нефтяных компаний приблизительно 2,1 (таблица 2, 3), что превышает коэффициент q -Тобина металлургических компаний на 1.

Однако, проведя анализ публикаций в зарубежной литературе, относительно коэффициента Тобина, нами выявлено, что он неоднократно подвергался критике.

Некоторые исследователи отмечают спорность схожести коэффициентов q -Тобина, рассчитанные по двум вышеописанным методикам. Так, изучив работы авторов R. J. Sweeney, A. D. Warga, D. Winters, которым показался спорным факт схожести балансовой и рыночной стоимости долгов. В своем исследовании они эмпирически доказали факт расхождения в значениях для некоторых компаний в двух указанных показателях. Тем не менее, содержательно коэффициенты q -Тобина, рассчитанные по двум противостоящим друг другу методикам, мало отличаются друг от друга в экономическом смысле.

Авторы Бланшар (Blanchard), Ри (Rhee) и Саммерс (Summers), изучив данные экономики США за период с 1920-х по 1990-е установили, что «основные экономические принципы» обосновывали целесообразность капиталовложений гораздо лучше, чем коэффициент q -Тобина. Показатель прибыльности, который выстраивает в цепочку сведения, полученные опытным путем со старыми идеями таких авторов как Весли Митчелл (Wesley Mitchell), или даже Карл Маркс (Karl Marx), считавших, что прибыли являются основным двигателем рыночной экономики. Дуг Генвуд (Doug Henwood), в своей книге «Вол Стрит» («Wall Street») утверждает, что соотношение q -Тобина проигрывает точным инвестиционным прогнозам, вопреки заявлениям Тобина. «Рассматриваемый Тобином и Брэинтардом промежуток времени в их исследовании 1977 г. захватывает годы с 1960 по 1974, период, для которого q представляется для объяснения инвестиционной политики, фактические данные стали расходиться даже перед тем, как исследование было опубликовано. Коэффициент q -Тобина терпит неудачу во время снижения фондового рынка 1970-х, а инвестиции всё же повысились» [10].

Тем не менее, по нашему мнению, рассматриваемый период времени 1920 – 1990 гг., где предсказывали целесообразность капиталовложений гораздо лучше, чем коэффициент q -Тобина являются устаревшими.

Некоторые аналитики различают «среднее» и «предельное» значение q -Тобина. Среднее значение q -Тобина рассчитывается как отношение агрегированной рыночной стоимости активов к восстановительной стоимости активов компании. Предельное значение, в свою очередь, представляет собой соотношение изменений в рыночной стоимости активов к их восстановительной стоимости. Чаще всего, в инвестиционных исследованиях, авторы используют «среднее» значение q -Тобина во многом благодаря простоте расчета данного показателя. Несмотря на это, многие исследователи стремятся определить, насколько рассмотрение «среднего» q -Тобина является целесообразным. Так, К. Howe и S. Vogt определили, что «среднее» и «предельное» значения q -Тобина максимально приближены, и различаются лишь для 1/5 рассматриваемых компаний. С другой стороны, С. Smith, обнаружил, что показатели схожи, если компания обладает высоким «инвестиционным потенциалом», другими словами, если рыночная стоимость активов компании выше балансовой [8].

В таблице 2 нами представлены рассчитанные данные коэффициента q -Тобина современных крупных металлургических компаний России, анализ которых показывает, что чем больше величина коэффициента Тобина, тем более выгодно вкладывать финансовые ресурсы в инвестиционные проекты по расширению производственных активов. Среднее значение коэффициента q -Тобина нефтяных компаний превышает коэффициент q -Тобина металлургических компаний (таблица 2, 3). При этом предельного верхнего значения коэффициента q -Тобина в экономической литературе нами не выявлено. Таким образом, коэффициент показывает, в какую сумму рынок оценивает каждый рубль, вложенный в активы предприятия.

Исходя из этого нами выявлены следующие преимущества коэффициента q -Тобина:

- коэффициент достаточно прост при расчете. Многие предприятия России публикуют бухг. баланс и отчет о прибылях и убытках в своих отчетах. Для расчета q -Тобина «простым методом» достаточно этих данных, на которые мы опирались, производя расчет в таблицах 1 и 2;

- коэффициент q -Тобина отражает инвестиционный потенциал предприятия за счет сопоставления их рыночной и балансовой стоимости. Он отражает, насколько прирост активов компании способствует увеличению ее рыночной стоимости. В случае если дополнительная единица активов увеличивает стоимость компании на величину большую, чем расходы на приобретение данных активов, то инвестиции компании можно считать успешными, а использование инвестиционных ресурсов эффективным;

- увеличение инвестиционного потенциала повышает способность предприятия объединять финансовые ресурсы для реализации инвестиционных программ. Другими словами, чем выше инвестиционный потенциал, тем больше величина капитальных затрат компании. Используя в качестве показателя инвестиционного потенциала металлургических компаний коэффициент q -Тобина, проверим, верно ли для него данное утверждение.

Литература

1. Асват Дамодаран. Инвестиционная оценка // Альпина бизнес букс. – М., 2004. – 1324 с.
2. Режим доступа: <http://www.1-fin.ru/?id=281&t=77> (дата обращения: 13.02.2014).
3. Режим доступа: <http://baryshnikovphotography.com4> (дата обращения: 1.02.2014).
4. Режим доступа: http://lipetsk.nlmk.ru/our_operations/development/et2/ (дата обращения: 15.03.2014).
5. Режим доступа: http://mmk.ru/about/about_the_company/investments/. (дата обращения: 24.01.2014).
6. Режим доступа: http://www.severstal.ru/rus/press_center/news/document12541.phtml. (дата обращения: 6.02.2014).
7. Режим доступа: <http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=660124> (дата обращения: 12.03.2014).
8. Мельтенисова, Е. Н. Обоснование управленческих решений по повышению инвестиционного потенциала (на примере энергетических генерирующих компаний): автореф. дис. ... канд. экон. наук / Е. Н. Мельтенисова. – Новосибирск, 2013.
9. Новиков, Н.И. Стратегическое управление развитием металлургических предприятий: теория, практика: автореф. дис. ... д-ра экон. наук: специальность 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством по отраслям и сферам деятельности» / Н. И. Новиков. – Кемерово, 2010. – 41 с.
10. Тобин, Д. Денежная политика и экономический рост / Д. Тобин. – М.: Либроком, 2010. – 272 с.
11. Шмелев, В. В. Инновационная и инвестиционная политика развития промышленных предприятий / В. В. Шмелев // Совершенствование институциональных механизмов в промышленности; под ред. В. В. Титова, В. Д. Марковой. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2005. – С. 225 – 233.

Информация об авторах:

Загороднова Лилия Вячеславовна – ассистент кафедры экономики Новокузнецкого института (филиала) КемГУ (НФИ КемГУ), 8-961-734-81-92, economica@nkfi.ru.

Lilia V. Zagorodnova – Assistant Professor at the Department of Economics. Novokuznetsk Institute (branch) of Kemerovo State University.

Новиков Николай Инокентьевич – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики Новокузнецкого института (филиала) КемГУ (НФИ КемГУ), 8-905-961-48-03, economica@nkfi.ru.

Nikolay I. Novikov – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economics. Novokuznetsk Institute (branch) of Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 21.03.2014 г.

УДК 338.45

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ИЗМЕНЕНИЯ ЦЕНЫ НА ЗОЛОТО ПРИ ТЕХНИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ ОБОСНОВАНИИ ПОСТОЯННЫХ КОНДИЦИЙ ЗОЛОТОРУДНЫХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ НА ФИНАНСОВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ БУДУЩЕГО ПРЕДПРИЯТИЯ

К. Н. Зуев

ASSESSMENT OF CHANGES IN THE PRICE OF GOLD WITH FEASIBILITY STUDY OF PERMANENT CONDITIONS OF GOLD DEPOSITS INFLUENCING THE FINANCIAL RESULTS OF THE FUTURE ENTERPRISE

K. N. Zuyev

Статья освещает проблему расчета цены при технико-экономическом обосновании постоянных кондиций золоторудных месторождений. В качестве объекта исследования выбрано золоторудное месторождение «N». В данной статье автор делает выводы о том, что к выбору цены на золото при технико-экономическом обосновании кондиций и постановки их на государственный учет необходимо подходить обоснованно и, по возможности, изыскать резервы для ее утверждения ниже рекомендуемых методическими указаниями. На основе большого эмпирического материала автором статьи доказано, что при снижении цены на золото на 10 %, запас финансовой прочности золоторудных предприятий возрастет на 8 – 10 %, ЧДД при ставке дисконтирования 10 % вырастет с 80 млн руб. до 3609 млн руб., ИД – с 1,03 до 1,41, при потерях полезного ископаемого в районе 5 – 6 %. Это позволит золоторудным предприятиям снизить влияние риска падения цены, а так же улучшить свое финансовое состояние.

The paper deals with the problem of pricing in the technical and economic progress justifying permanent conditions of gold deposits. The object of investigation is the selected gold deposit «N». In this paper, the author concludes that the choice of the price of gold in the feasibility study of conditions and putting them on the state account should be dealt with soundly; and some reserves should possibly be found to keep the price below recommended guidelines. Basing on a large empirical material, the author proves that reducing the price of gold by 10 % leads to financial strength of the

enterprises increasing by 8 – 10 %, while the NPV at a discount rate of 10 % will increase from 80 million rubles. to 3.609 billion rubles., and ID – from 1.03 to 1.41, with losses of minerals in the region of 5 – 6 %. This will reduce the impact of the risk of falling prices on gold mining, as well as improve their financial condition.

Ключевые слова: золото, цена, золоторудные месторождения, параметры кондиций, анализ чувствительности, финансовая устойчивость.

Keywords: gold price, gold deposits, the parameters of conditions, sensitivity analysis, financial stability.

Общий объем мировой добычи золота в период промышленного освоения золоторудных месторождений составил 150 тыс. т золота. Разведанные мировые запасы золота оцениваются примерно в 100 тыс. т [3]. При сложившемся объеме добычи в 2013 г. (2982 т) запасы золота могут быть исчерпаны через 34 года.

На развитие золотодобычи влияет рыночная цена на золото. В мире на современном этапе функционирует более 50 рынков золота. Наиболее крупными рынками являются: Лондон, Цюрих, Нью-Йорк, Гонконг, Дубай. На рынках Лондона и Цюриха цена тройской унции золота является мировой ценой, применяемой в расчетах между странами.

После падения Бреттон-Вудской системы, в 1974 году цены на золото резко выросли до 195 \$ за унцию, а к 1978 году – до 200 \$. К началу 1980 года цены на золото стали рекордными — 850 \$ за унцию (более 2000 \$ в ценах 2013 года), затем цена начала опускаться. К концу 1987 года она была на уровне 500 \$ за унцию. Наибольшее падение наблюдалось в 1996–1999 гг., цена на золото упала с 420 до 260 \$ за

унцию [1]. Постепенно падение цены прекратилось, начался рост. Причиной роста цены явилось соглашение ведущих центральных банков по ограничению продаж золота с 1999 года.

С 2004 года, из-за девальвации доллара США, цена золота начала резко расти. В октябре 2009 года цена золота находилась в границах 1060 \$ – 1070 \$ за тройскую унцию. Далее рост продолжился, и средняя цена за 2012 год составила уже 1668 \$ за унцию золота (рис. 1) [6]. Но с конца 2012 года цена на золото начала довольно быстро падать и в начале 2014 года составляет около 1350 \$ за тройскую унцию.

В связи со значительным ростом цены в последние годы наблюдалось увеличение себестоимости на добычу и производство одного грамма золота. Это происходило из-за роста цен на материальные и энергетические ресурсы и снижения среднего содержания золота в добываемых рудах.

Влияние основного фактора «мирового спроса и предложения золота» за последние 17 лет отражено на рис. 2 [5; 7; 8].

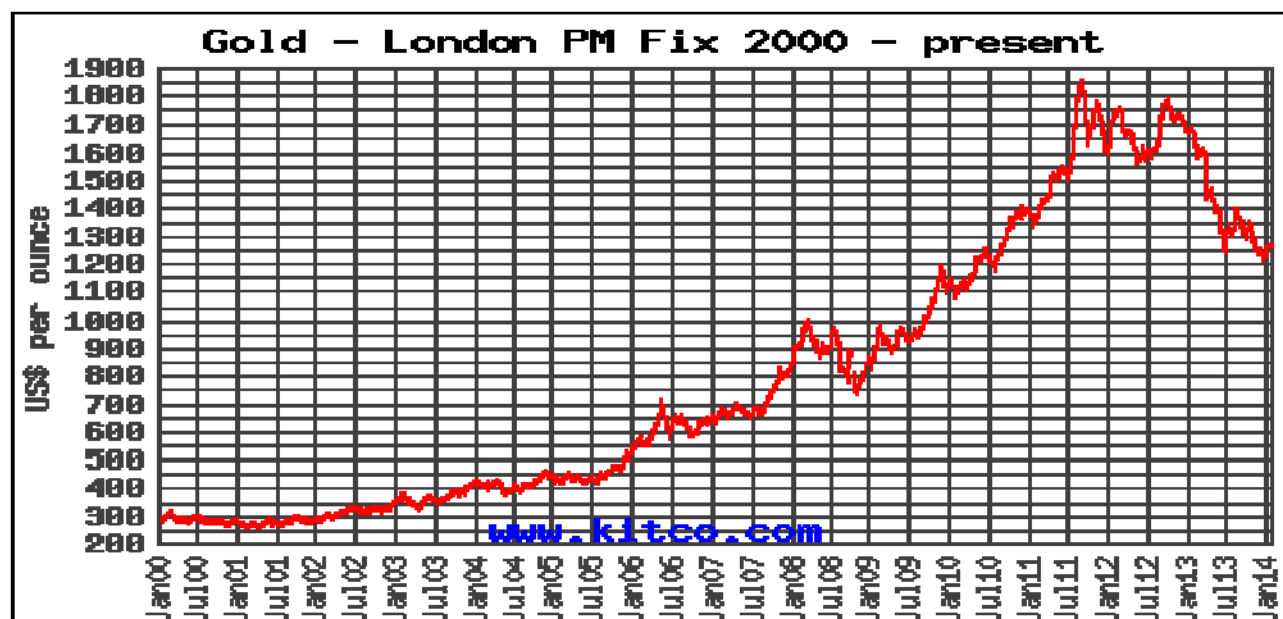

Рис. 1. Цены на золото (последополуденный фиксинг) с 2000 по 2014 годы, долл./унц

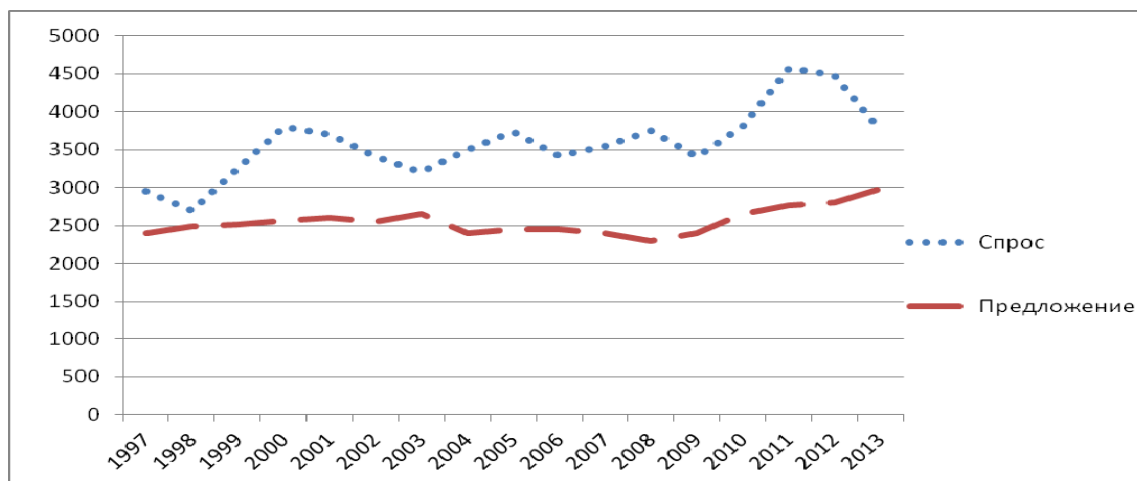

Рис. 2. Динамика мирового спроса и предложения золота (тонны)

Превышение спроса в среднем с каждым годом росло. Соотношение динамики превышения спроса над предложением с динамикой изменения цены золота на основе базовых индексов показано на рис. 3.

На рис. 3 видно, что в динамике факторов реального производства и потребления с динамикой цен на золото наблюдается некоторая непоследовательность.

Непрерывный экспоненциальный рост цен сосуществует с неустойчивым ростом превышения спроса над предложением. В результате цена золота с 1997 года по 2014 год выросла на 326 %, а превышение спроса над предложением выросло на 134 %, при этом коэффициент корреляции между рядами, изображенными на рисунке 3, составляет 0.59, что отражено на рис. 4.

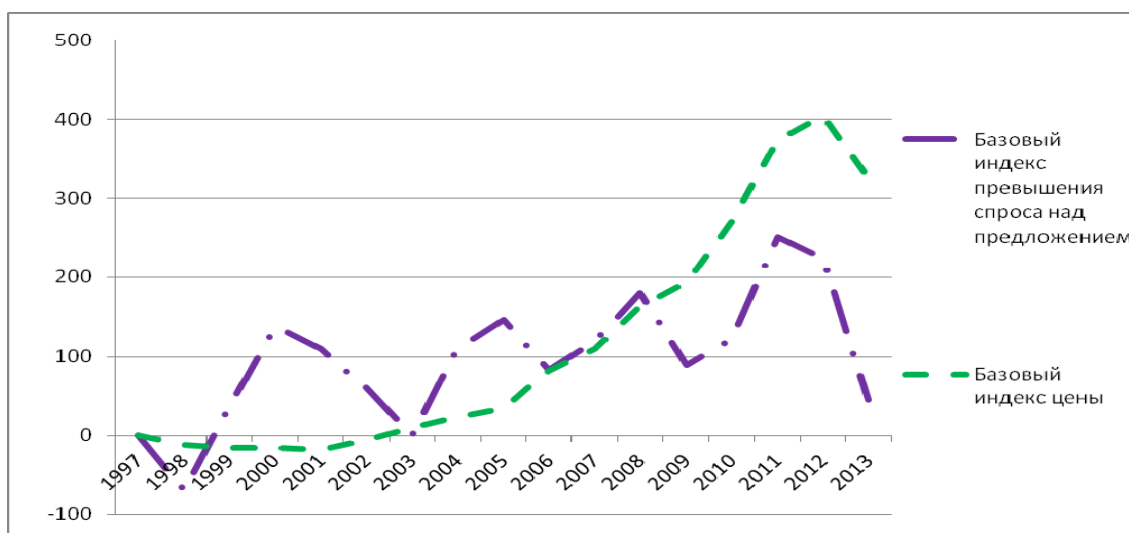

Рис. 3. Зависимость цены от динамики превышения спроса над предложением

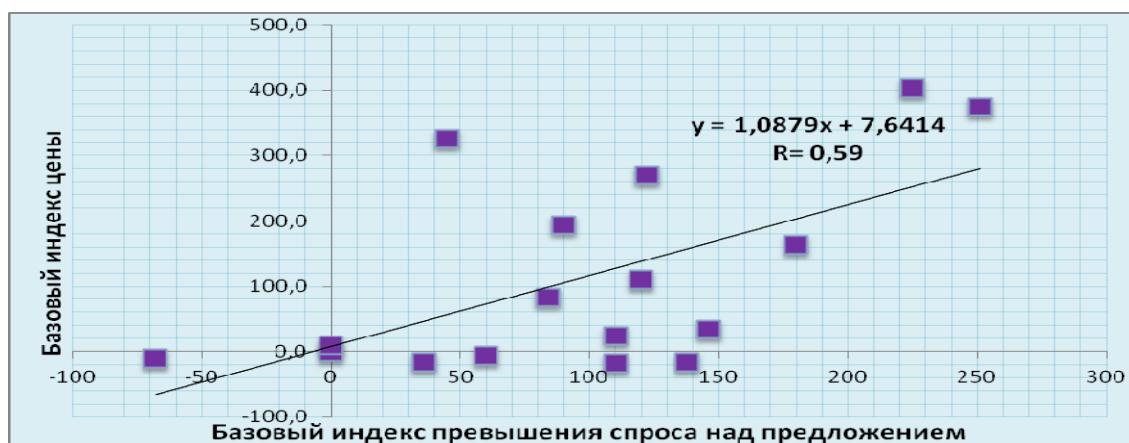

Рис. 4. Оценка взаимосвязи между базовым индексом цены и базовым индексом превышения спроса над предложением

Отсутствие на реальном рынке значимого влияния спроса и предложения на цену золота, объясняется инвестиционной функцией золота. Такая непропорциональность спроса и предложения позволяет крупным собственникам золота и золотодобывающих предприятий влиять на цену золота и манипулировать рынками. Таким образом, можно сказать, что не только спрос и предложение влияют на цену золота, но и, в равной степени, действия крупных собственников крупных золотодобывающих компаний и держателей золота. Все это дает основания для вывода о том, что никто в полной мере не может влиять на цену золота.

Она складывается как результат действия множества факторов, а одни лишь золотодобывающие предприятия в плане формирования цены на золото напрямую влиять не могут.

При технико-экономическом обосновании кондиций золоторудных месторождений для постановки запасов золота на государственный баланс цена согласно «Методические рекомендации по технико-экономическому обоснованию кондиций для подсчета запасов месторождений твердых полезных ископаемых (кроме углей и горючих сланцев). МПР РФ, ГКЗ. М., 1999» [2], рассчитывается за последний год, или же за последние 2 – 3 года. В 2013 году проектные институты для обоснования параметров кондиций устанавливали цену в районе 1630 – 1650 руб./г золота, как среднюю цену за 2012 год. При постановке на государственный баланс запасов золота государственная комиссия по запасам полезных ископаемых всегда настаивает на жестких параметрах кондиций месторождения (согласно методическим рекомендациям на нулевую рентабельность при дисконте 10 %). При постановке на государственный баланс запасов при цене в 1630 – 1650 рублей за грамм золота, утверждались запасы близкие к максимальным, при небольшом среднем содержании золота. Естественно, что при больших запасах полезного ископаемого, но низком содержании полезного компонента, собственник вынужден вкладывать огромные капитальные вложения в подготовку, вскрытие и отработку месторождения, в том числе и на выемку огромной части пустой и ненужной породы, получая при этом минимальное содержание полезного компонента в добываемой руде. Запас финансовой устойчивости у данных месторождений, утвержденных в 2013 году при цене 1630 – 1650 руб./г, составлял примерно 15 – 17 % при изменении цены или же объема товарной продукции.

Цена же к началу 2014 года упала по сравнению с утвержденной ценой в проектах более чем на 16 % (более чем на 250 \$ за тройскую унцию). Это привело к тому, что многие предприятия (особенно не очень крупные) оказались в крайне тяжелом положении. Некоторые из них приостановили работу, а некоторые находятся на стадии банкротства. В результате, спустя пару лет, данные компании стали извлекать наиболее «лакомые» кусочки месторождения, оставляя более бедную руду на последующие годы, надеясь, что цена возрастет, или же, по имеющимся уже прецедентам, просто оставят месторождения, прикрывшись процедурой банкротства. Оставшиеся запасы на бро-

шенных месторождениях в ближайшие десятилетия, скорее всего, никто не возьмется дорабатывать, в связи с большими капитальными вложениями и низким содержанием оставшихся полезных компонентов в руде. Тысячи рабочих могут остаться (и остаются) безработными, а моногорода оказываются на грани исчезновения.

В связи с этим можно сделать вывод, что к выбору цены на золото при технико-экономическом обосновании кондиций и постановки их на государственный учет необходимо подходить очень аккуратно и, по возможности, изыскать резервы для ее утверждения ниже (как бы парадоксально это не звучало) рекомендуемых методическими указаниями. Обоснование данного заключения приводиться ниже.

На основе большого эмпирического материала был выполнен расчет параметров постоянных кондиций для золоторудного месторождения «N» при цене на золото 1640 руб./г (на попутное серебро 33 руб./г), а так же для необходимого анализа при цене на 10 % меньшей – 1475 руб./г (для попутного серебра 30 руб./г). Основные технико-экономические показатели для анализируемого месторождения при цене на золото – 1640 руб./г представлены в итоговой таблице 1.

При ставке дисконтирования 10 % чистый приведенный доход имеет положительные значения лишь по варианту бортового содержания 0,6 – 1 г/т и 0,8 – 1 г/т. Но вариант бортового содержания 0,6 – 1 г/т обеспечивает отработку большего количества запасов и большую бюджетную эффективность. По этим причинам бортовое содержание 0,6 г/т принимается за "базовый" вариант для разработки параметров постоянных разведочных кондиций. При данном варианте эксплуатационные запасы руды составляют 64855,8 тыс. т, золота 152552,4 кг, серебра 39,38 т. Выпуск товарной продукции в натуральном выражении за весь срок эксплуатации составляет же 124188,6 кг золота и 15,75 т серебра.

Проанализировав выбранный вариант бортового содержания 0,6 – 1 г/т по параметру финансовой устойчивости (рис. 5), видно, что наибольшее влияние на результат хозяйственной деятельности предприятия оказывает объем сбыта и цена товарной продукции. Снижение этих показателей более чем на 17 % приводит к тому, что проект становится убыточным.

Результаты изменения параметров кондиций для месторождения «N» при изменении цены хотя бы на 10 %, т. е. на золото до 1475 руб./г, а на попутное серебро до 30 руб./г. представлены в таблице 2.

**Результаты сравнения вариантов технико-экономического обоснования
бортового содержания золота, при цене 1640 руб./г**

<i>Наименование</i>	<i>Бортовое содержание золота</i>				
	<i>0,4 – 1 г/т</i>	<i>0,6 – 1 г/т</i>		<i>0,8 – 1 г/т</i>	
	<i>все запасы</i>	<i>прирезаемая часть</i>	<i>все запасы</i>	<i>прирезаемая часть</i>	<i>все запасы</i>
1. Эксплуатационные запасы:					
– руды, тыс. т,	82675,6	17819,8	64855,8	13015,2	51840,6
– золото, кг,	161151,4	8599,0	152552,4	9784,9	142767,5
– серебро, т,	41,58	2,20	39,38	2,57	36,81
2. Среднее содержание металлов в эксплуатационных запасах, %:					
– золото, г/т,	1,95	0,48	2,35	0,75	2,75
– серебро, г/т,	0,50	0,12	0,61	0,20	0,71
3. Извлечение металлов с учетом аффинажа, %:					
– золото,	79,59		81,41		82,81
– серебро,	40,00		40,00		40,00
4. Выпуск товарной продукции в натуральном выражении за весь срок эксплуатации:					
– золото, кг,	128254	4065,4	124188,6	5966,7	118221,9
– серебро, т,	16,63	0,88	15,75	1,03	14,72
5. Стоимость товарной продукции, млн руб.:					
– среднегодовой выпуск,	6539	-208	6331	-257	6074
– за весь период эксплуатации,	210885	-6696	204189	-9819	194370
6. Эксплуатационные расходы на 1 т руды, руб.:	1590		1901		2268
в том числе на:					
– добычу руды	819		995		1210
– обогащение руды	534		615		705
– общепроизводственные и коммерческие расходы	238		291		354
7. Себестоимость 1 г золота, руб./г.	1023	33	990	-2	992
8. Цена 1 г золота, руб./г.	1640	1640	1640	1640	1640
9. Норма дисконтирования, %	10		10		10
10. Бюджетная эффективность, млн руб.	7402		7008		6779
11. Период окупаемости капитальных вложений, лет	>32,3		28,8		28,1
12. Чистый дисконтированный доход, млн руб.	-296		80		235
13. Внутренняя норма доходности, %	9,82		10,05		10,16
14. Индекс прибыльности	0,96		1,03		1,09

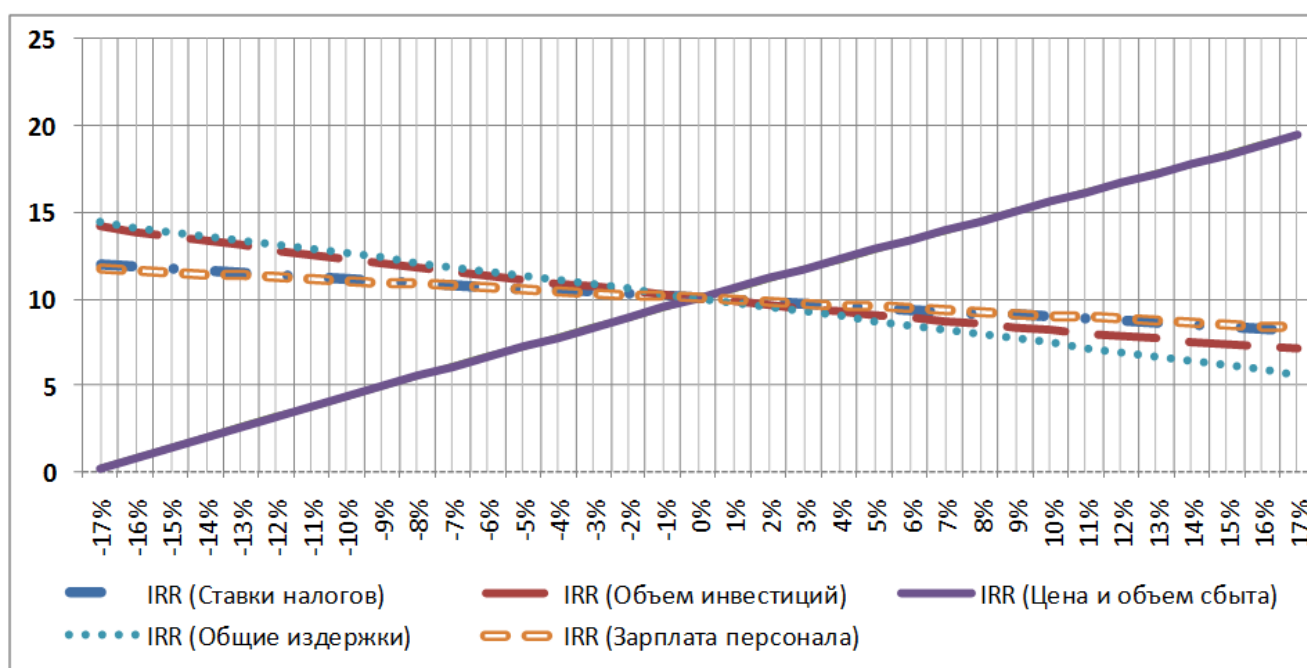

Рис. 5. Анализ чувствительности (IRR, %). Вариант 0,6 – 1 г/т

Таблица 2

Результаты сравнения вариантов технико-экономического обоснования бортового содержания золота, при цене 1475 руб./г

Наименование	Бортовое содержание золота				
	0,4 – 2 г/т	0,6 – 2 г/т		0,8 – 2 г/т	
	все запасы	прирезаемая часть	все запасы	прирезаемая часть	все запасы
1. Эксплуатационные запасы:					
– руды, тыс. т,	74408,0	16037,8	58370,2	11713,7	46656,5
– золото, кг,	154705,3	8255,0	146450,3	8679,7	137770,6
– серебро, т,	39,92	2,11	37,80	2,28	35,52
2. Среднее содержание металлов в эксплуатационных запасах, %:					
– золото, г/т,	2,08	0,83	2,51	0,91	2,95
– серебро, г/т,	0,54	428,30	0,65	673,58	0,76
3. Извлечение металлов с учетом аффинажа, %:					
– золото,	80,82		82,49		84,22
– серебро,	40,00		40,00		40,00
4. Выпуск товарной продукции в натуральном выражении за весь срок эксплуатации:					
– золото, кг,	125035,1	4227,6	120807,6	4777,9	116029,7
– серебро, т,	15,97	0,84	15,12	0,91	14,21
5. Стоимость товарной продукции, млн руб.:					
– среднегодовой выпуск,	6322	-161	6160	-244	5916
– за весь период эксплуатации,	184905	-6260	178645	-7075	171570
6. Эксплуатационные расходы на 1 т руды, руб.:	1604		1902		2282
в том числе на:					
– добычу руды,	816		984		1205
– обогащение руды,	546		625		719
– общепроизводственные и коммерческие расходы,	242		293		358
7. Себестоимость 1 г золота, руб./г	952	35	917	2	915
8. Цена 1 г золота, руб./г	1475	1475	1475	1475	1475
9. Норма дисконтирования, %	10		10		10
10. Бюджетная эффективность, млн руб.	7100		6855		6644

11. Период окупаемости капитальных вложений, лет	>29,3		>29		26,3
12. Чистый дисконтированный доход, млн руб.	-1062		-317		112
13. Внутренняя норма доходности, %	9,31		9,79		10,08
14. Индекс прибыльности	0,89		0,95		1,07

При ставке дисконтирования 10 % чистый приведенный доход имеет положительные значения лишь по варианту бортового содержания 0,8 – 2 г/т. По этим причинам бортовое содержание 0,8 – 2 г/т принимается за "базовый" вариант для разработки параметров постоянных разведочных кондиций. При данном варианте эксплуатационные запасы руды составляют 46656,5 тыс. т, золота 137770,6 кг, серебра 35,52 т. Выпуск товарной продукции в натуральном

выражении за весь срок эксплуатации составляет же 116029,7 кг золота и 14,21 т серебра.

Проанализировав выбранный вариант бортового содержания 0,8 – 2 г/т по параметру финансовой устойчивости (рис. 6), видно, что наибольшее влияние на результат хозяйственной деятельности предприятия оказывает объем сбыта и цена товарной продукции. Снижение этих показателей более чем на 18 % приводит к тому, что проект становится убыточным.

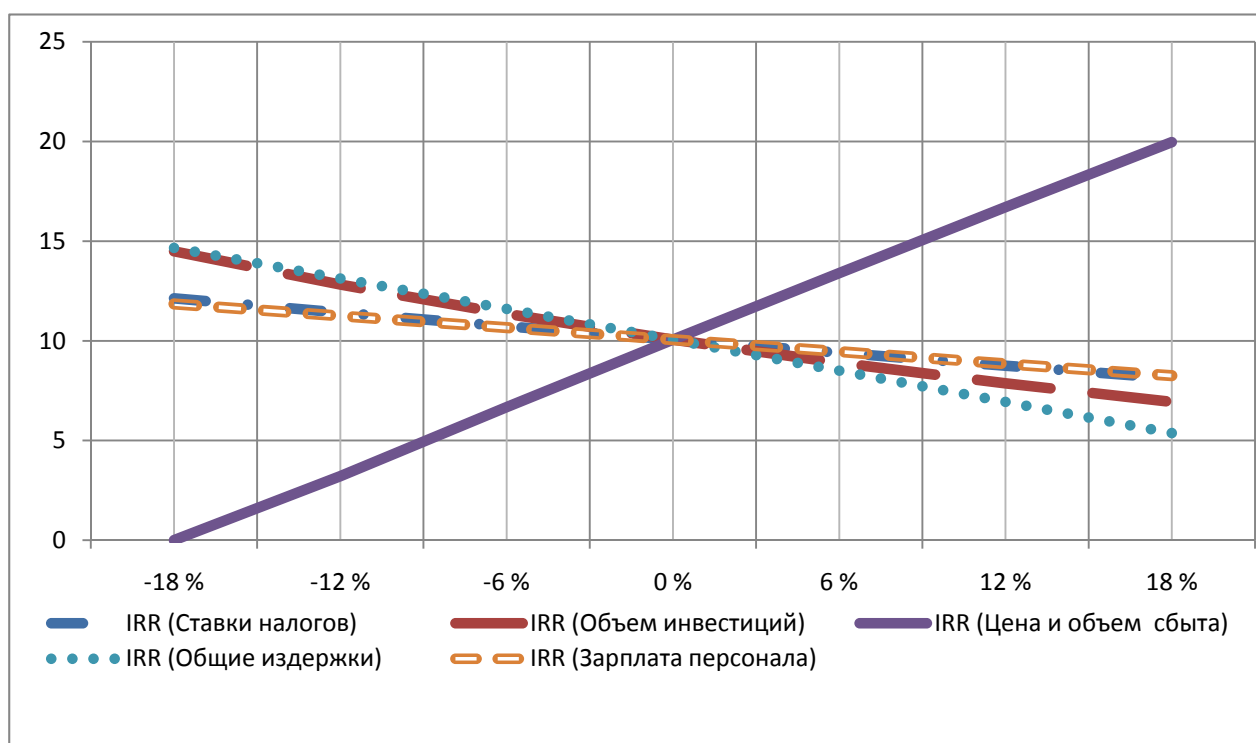

Рис. 6. Анализ чувствительности (IRR, %). Вариант 0,8 – 2 г/т

При сопоставлении двух вариантов кондиций для месторождения «N» при ценах 1640 руб./г и 1475 руб./г на золото, принимаемых для постановки запасов на государственный баланс, видно, что при утверждении запасов при цене 1475 руб./г по сравнению с запасами при цене 1640 руб./г.

1. Эксплуатационные запасы золота снижаются на 14781,8 кг, а серебра на 3,86 т соответственно. Но среднее содержание полезного компонента по варианту 0,8 – 2 г/т растет на 0,81 % и 0,21 % соответственно по сравнению с 0,6 – 1 г/т, поэтому растет и извлечение полезных ископаемых. В результате потери золота при втором варианте составляют 6,4 %, а попутному серебру 9,8 % относительно первого.

Для более полного сопоставления данных вариантов финансовые показатели для варианта 0,8 – 2 г/т были рассчитаны при цене 1640 руб./г согласно мето-

дическим указаниям (но с ценой 1475 руб./г при закладке геологических и горно-технических параметров). Данный вариант обозначен 0,8 – 3 г/т и в сопоставлении с вариантом 0,6 – 1 представлен в таблице 3

**Результаты сравнения вариантов технико-экономического обоснования
бортового содержания золота**

<i>Наименование</i>	<i>Бортовое содержание золота</i>		
	<i>0,6 – 1 г/т</i>	<i>0,8 – 3 г/т</i>	
	<i>все запасы</i>	<i>прирезаемая часть</i>	<i>все запасы</i>
1. Эксплуатационные запасы:			
– руды, тыс. т,	64855,8	18199,3	46656,5
– золото, кг,	152552,4	14781,8	137770,6
– серебро, т,	39,38	3,86	35,52
2. Среднее содержание металлов в эксплуатационных запасах, %:			
– золото, г/т,	2,35	0,81	2,95
– серебро, г/т,	0,61	0,21	0,76
3. Извлечение металлов с учетом аффинажа, %:			
– золото,	81,41		84,22
– серебро,	40,00		40,00
4. Выпуск товарной продукции в натуральном выражении за весь срок эксплуатации:			
– золото, кг,	124188,60	8158,94	116029,66
– серебро, т,	15,75	1,54	14,21
5. Стоимость товарной продукции, млн руб.:			
– среднегодовой выпуск	6331	246	6578
– за весь период эксплуатации	204189	-13432	190757
6. Эксплуатационные расходы на 1 т руды, руб.:	1901		2308
в том числе на:			
– добычу руды,	995		1229
– обогащение руды,	615		719
– общепроизводственные и коммерческие расходы,	291		360
7. Себестоимость 1 г золота, руб./г	990	64	926
8. Цена 1 г золота, руб./г	1640	1640	1640
9. Норма дисконтирования, %	10		10
10. Бюджетная эффективность, млн руб.	7008		7303
11. Период окупаемости капитальных вложений, лет	28,8		19,5
12. Чистый дисконтированный доход, млн руб.	80		3609
13. Внутренняя норма доходности, %	10,05		12,62
14. Индекс прибыльности	1,03		1,41

Из данных расчетов видно, что при снижении цены на 10 % для закладки параметров карьера, но с ценой сопоставимой с базовым вариантом (рассчитанной согласно методическим рекомендациям), все финансовые показатели, а также показатели эффективности проекта при варианте 0,8 – 3 г/т значительно превосходят базовый вариант. А запас финансовой прочности возрос на 9 % до 26 % по фактору – цена, что отражено на рис. 7.

Подводя итоги можно сделать вывод о том, что если бы в 2013 году при расчете цены на золото проектные институты использовали цену хотя бы ниже уровня 2012 года на 10 % (утверждая пессимистичный вариант цены на золото), то это позволило бы значительно улучшить финансовое состояние новых и будущих предприятий. В данном случае для месторождения «N» запас финансовой устойчивости к риску падения цены увеличился на 9 %, до 26 %.

Обобщая результаты, можно выделить следующие «плюсы» и «минусы» для недропользователя и государства:

– **недропользователь:** «+» **1.** На государственный баланс ставится немного меньше запасов, но что более важно, со значительно меньшим количеством пустых пород. **2.** Утвержденные запасы будут значительно более высокого качества. **3.** При дисконте 10 % нулевая рентабельность проекта постоянных кондиций будет обеспечиваться большим бортовым содержанием золота, но при цене, рассчитанной для базового варианта 0,6 – 1 г/т, запас финансовой устойчивости предприятия увеличится на 9 % (по риску падения цены на золото). **4.** Все финансовые показатели, а так же показатели эффективности работы месторождения вырастут значительно. **5.** Вероятность банкротства при колебаниях цены снижается. **6.** Рабочие места будут сохранены, а основной вид деятельности в моногородах и поселках не исчезнет.

«-» – **нет.**

– **государство: «+» – 1.** Финансовая устойчивость деятельности предприятия вырастет до 26 % и вероятность банкротства при колебаниях цены снизится.
2. Рабочие места будут сохранены, а основной вид деятельности в моногородах и поселках не исчезнет.
3. Вероятность того, что недропользователь извлечет только «лакомые кусочки», а более бедные запасы бросит, будет значительно снижена.

«-» – **1.** Налоговые отчисления могут уменьшиться по сравнению с базовым вариантом (но не всегда, могут и увеличиться) **2.** Объем полезных ископаемых поставленных на государственный баланс будет меньше чем при расчете цены согласно методическим указаниям.

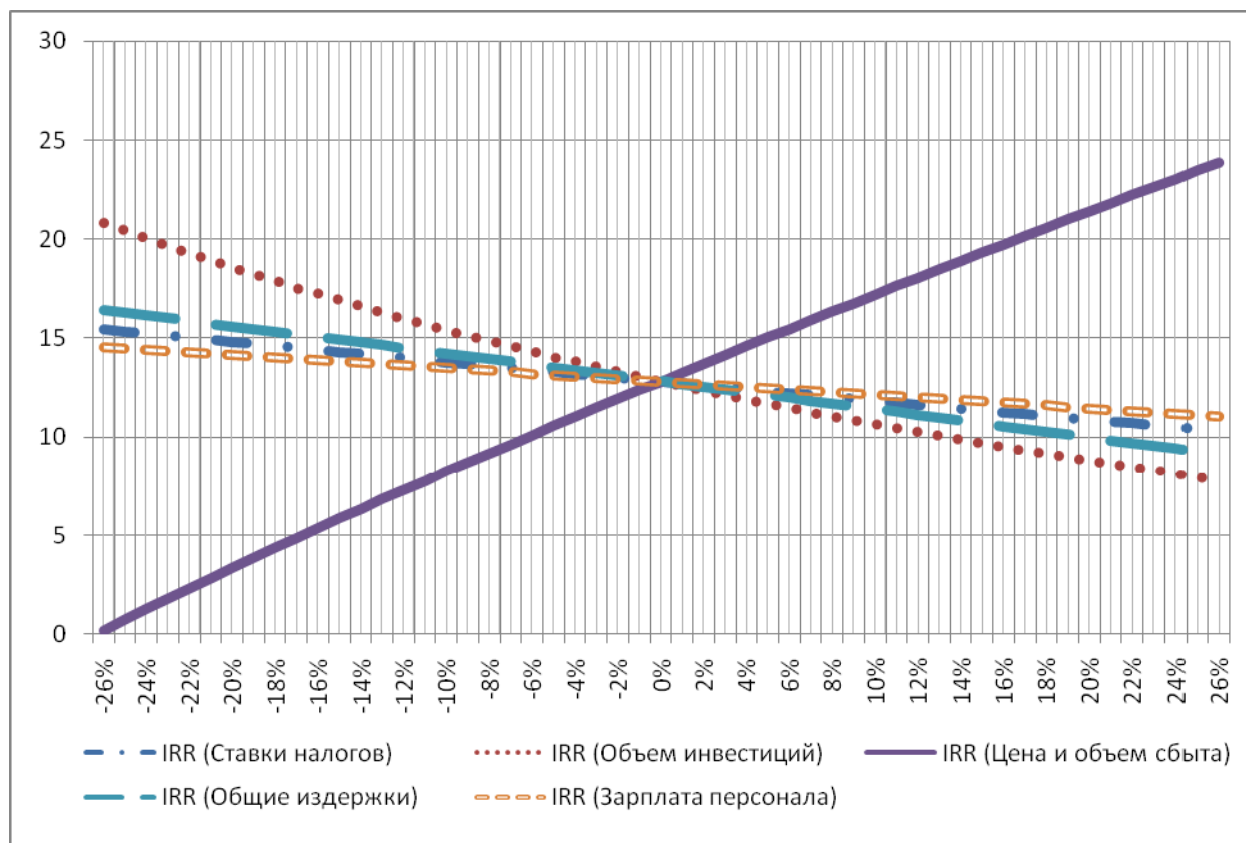

Рис. 7. Анализ чувствительности (IRR, %). Вариант 0,8 – 3 з/т

Литература

1. Алмазова, О. Л. Золото и валюта: прошлое и настоящее / О. Л. Алмазова, Л. А. Дубоносков. – М.: Финансы и статистика, 1988. – С. 50.
2. Методические рекомендации по технико-экономическому обоснованию кондиций для подсчета запасов месторождений твердых полезных ископаемых (кроме углей и горючих сланцев). МПР РФ, ГКЗ. – М., 1999.
3. Петунина, О. Н. Динамика и тенденции изменения состояния сырьевой базы основных твердых полезных ископаемых по данным Государственного баланса запасов полезных ископаемых (2004 – 2011 гг.) / О. Н. Петунина, В. П. Бондаренко, А. Д. Черкасов // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. – 2012. – № 4. – С. 28 – 39.
4. Трушина, Г. С. Развитие золотопромышленности в мире и России / Г. С. Трушина, К. Н. Зуев // ТЭК и ресурсы Кузбасса. – 2013. – № 2. – С. 39 – 47.
5. Gold Demand Trends Full year 2013. – Режим доступа: <http://www.gold.org>
6. Kitco Metals Inc. – Режим доступа: <http://www.kitco.com>
7. LBMA. – Режим доступа: <http://www.lbma.org.uk>
8. Thomson Reuters GFMS. – Режим доступа: <http://www.gfms.co.uk>

Информация об авторе:

Зуев Кирилл Николаевич – аспирант Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, инженер проектно-изыскательского института ЗАО «Золотопроект», эксперт по недропользованию Государственной комиссии по запасам полезных ископаемых, 8-983-320-11-85, kievnik@yandex.ru.

Kirill N. Zuyev – post-graduate student at the Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS; Engineer at Design Institute "Zolotoproekt"; expert at State Commission on Mineral Resources.

Статья поступила в редколлегию 16.04.2014 г.

ХАРАКТЕРИСТИКА КЛАСТЕРНОГО ПОДХОДА К УПРАВЛЕНИЮ ИННОВАЦИЯМИ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

М. В. Малышкина

CHARACTERISTICS OF CLUSTER APPROACH TO MANAGING INNOVATIONS IN FOREIGN COUNTRIES

M. V. Malysheva

Рассматриваются особенности кластерного развития зарубежных стран, приводятся специализация инновационных кластеров, определяются основные методы формирования территориальных кластеров. Поддержка и реализация кластерных инициатив позволит повысить конкурентоспособность государства.

The paper deals with features of cluster development of national economies in foreign countries, specialized innovative clusters are presented, and the basic methods of forming regional clusters are determined. Support and implementation of cluster initiatives allow raising the competitiveness of a country on the world stage.

Ключевые слова: развитие, национальная экономика, кластерный подход, конкурентоспособность, инновации, специализация.

Keywords: development, national economy, cluster approach, competitiveness, innovation, specialization.

В большинстве стран мира развитие национальных экономик основано на кластерном подходе, получившем широкое распространение в 90-х годах XX века. Экономическое развитие зарубежных стран последнего десятилетия характеризуется повышенным интересом к процессу кластеризации. Дело в том, что кластерный подход является одним из способов повышения конкурентоспособности страны. Опыт кластеризации экономик ведущих стран мира доказал высокую эффективность кластерного подхода в повышении конкурентоспособности экономики как отдельно взятого региона, так и страны в целом. Поэтому стратегия развития большинства стран мира базируется на поддержке и реализации кластерных инициатив.

Реализованные кластерные инициативы последнего десятилетия в различных странах, показывают высокую конкурентоспособность данных стран на мировой арене, основанную на сильных сторонах отдельно взятых кластеров.

При образовании кластеров, как спонтанно, под влиянием рыночных сил, так и в результате реализации целенаправленной политики, происходит усложнение существующих систем, вследствие смены парадигмы и научно-технической революции. Поэтому для адаптации к современным условиям мировые страны переходят к сетевому порядку, который представляет собой синтез иерархических и рыночных принципов построения экономики. Кластерно-сетевые структуры получаются гибкими и интегрированными, в отличие от структур традиционной экономики. Таким образом, современная экономика – пластичная сетевая система с горизонтальными связями, способная непрерывно обновляться [1, с. 389].

Рассмотрим кластерные подходы к управлению инновациями в зарубежных странах, расположившихся в разных частях света, в частности Америке, Европе и Азии. Исследуемые страны, применившие в своем развитии кластерный подход, представлены на рис. 1.

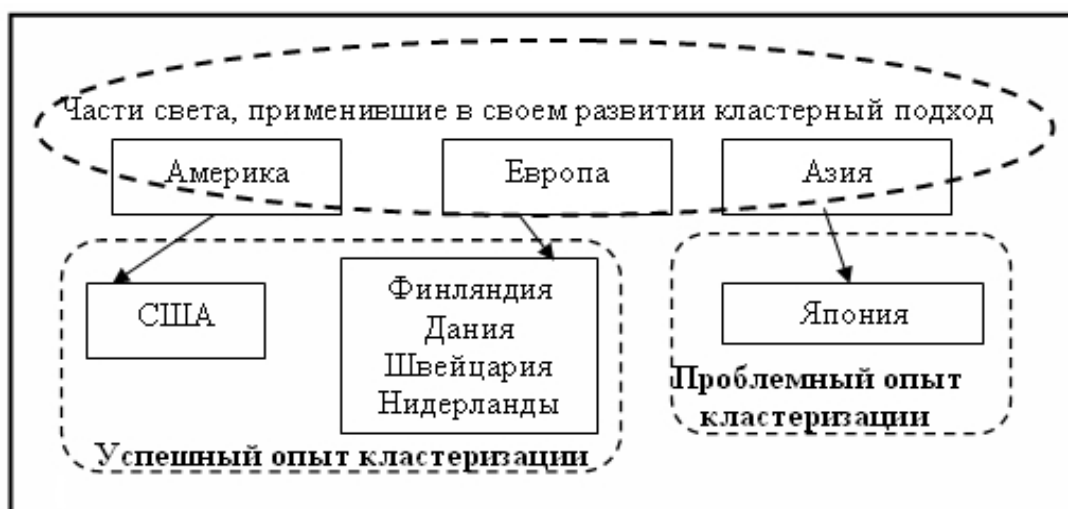

Рис. 1. Страны, применившие в своем развитии кластерный подход

Общее мнение экспертов свидетельствует о том, что первое применение кластерного подхода на практике было осуществлено создателями «Силиконовой долины» в США. По данным Минэкономразвития за 2011 год, на территории США располагаются 20 инновационных кластеров. Территориальное размещение региональных кластеров представлено в таблице 1 [2, с. 86].

Руководство США рассматривает образование и развитие кластеров важным фактором повышения конкурентоспособности национальной экономики. Поэтому в 2011 г. был принят закон «О создании в

Америке возможностей для значительного содействия в вопросах технологий, образования и науки», 4 глава которого раскрывает вопросы, связанные с внедрением и развитием поддержки инноваций в регионах. [3]

Поддержка инноваций осуществляется на конкурсной основе путем предоставления грантов, финансирования которых идет на улучшение инновационной инфраструктуры, сглаживание информационных барьеров между соседними кластерами, маркетинг инноваций и многое другое. Объем ежегодного финансирования данного направления за период 2011 – 2013 гг. составил 100 млн долларов [2, с. 87].

Таблица 1

Расположение основных инновационных кластеров США 2011 г.

<i>№ n/n</i>	<i>Специализация регионального кластера</i>	<i>Месторасположение кластера</i>
1	Аэрокосмическая техника, информационные технологии	Сизэтл, Такома, Олимпия (шт. Вашингтон)
2	Медицинское оборудование	Минеаполис (шт. Миннесота), Джексонвилль (шт. Флорида)
3	Технологии "чистой" энергетики	Питтсбург, Акрон, Кливленд (шт. Огайо и Пенсильвания)
4	Биотехнологии, современная химия	Канзас-Сити (шт. Канзас)
5	Биотехнологии	Бостон (шт. Массачусетс)
6	Полупроводники, телекоммуникации	Остин, Даллас (шт. Техас)
7	Информационные технологии	"Кремниевая долина" Сан-Франциско (шт. Калифорния)
8	Фармацевтика, биотехнологии	"Triangle park" (шт. Сев. Каролина), Сан-Диего (шт. Калифорния), Орlando (шт. Центральная Флорида), Питтсбург
9	Аэрокосмическая техника, технологии и оборудование	Феникс (шт. Аризона)
10	Ядерные технологии	Окридж (шт. Теннесси)
11	Чистые технологии в деревообрабатывающей и лесной промышленности	"Saratoga Technology + Energy Park (STEP)" (шт. Нью-Йорк)

Примечание: таблица составлена на основе данных Министерства экономического развития Российской Федерации <http://www.economy.gov.ru/>

Политика датского инновационного развития опирается на использование передовых знаний и технологий. Прослеживается явная зависимость компаний от доступности новейших достижений в науке и технике.

В настоящее время Дания имеет хорошую исследовательскую базу государственного и частного секторов. Достижения датских исследователей соответствуют международному уровню в областях информационных технологий, нанотехнологий, биотехнологий, альтернативной энергетики, сельском хозяйстве, пищевой промышленности и экологии.

Для Дании характерна тесная взаимосвязь теоретических исследований с их последующим применением. Поэтому основная роль инновационных инкубаторов и технопарков заключается в коммерческом освоении результатов исследовательской деятельности, иными словами во внедрении новых знаний в производство. По данным Минэкономразвития на 2011 г., в Дании располагается 7 официально аккредитованных кластеров [2, с. 158].

Финансирование исследований осуществляется как частными компаниями, инвестирующими в собствен-

ные разработки, так и независимыми организациями и фондами.

Министерство науки, технологии и развития Дании направляет государственные средства в инновационные инкубаторы на трех этапах, а именно, исследовательская деятельность, предварительный анализ и оценка перспектив (до 9,8 тыс. долларов на проект) и предпроектное финансирование (147 тыс. долларов в течение трех лет). Однако финансирование особо интересных проектов может осуществляться в размере 180 тыс. долларов в течение двух лет, но не более 40 % от общей суммы инвестиций [2, с. 159].

Основная часть нидерландской экономики сконцентрирована на Антильских островах, на которых функционирует три особых экономических зоны: порт Виллемстад (оптовая торговля текстильными изделиями, парфюмерно-косметической продукцией и обувью), около аэропорта Кюрасао (логистическое обслуживание, поставка товаров, электронная коммерция) и «Промышленный парк Бривенгат» (сборочное производство высокотехнологичных изделий).

Развитие нидерландской экономики базируется на кластерном подходе, который позволил оптимизиро-

вать конкурентные преимущества высокотехнологичных регионов и отраслей. Ряд инновационных кластеров Нидерландов сформировали высокотехнологичный регион «Брэймпорт», который претендует на роль высокотехнологичного центра Европы. На долю «Брэймпорта» приходится около 36 % всех инвестиций частного сектора. Предприятия «Брэймпорта» расходуют на НИОКР до 8 % регионального ВВП, что превышает средний показатель по стране. «Брэймпорт» – региональный высокотехнологичный центр, прошедший трехпроцентный рубеж и вошедший в тройку лидеров по числу выданных патентов.

Другой инновационный проект «Пищевая долина» имеет вид международного кластера, основанного на тесном взаимодействии бизнеса, знаний, и инноваций в области агропромышленного и пищевого комплекса. Филиалы данного проекта располагаются в 10 странах Евросоюза [2, с. 248].

На востоке Нидерландов расположена «долина здоровья», представленная сетью биомедицинских исследовательских институтов следующей направленности: фармацевтическая продукция, провайдеры медицинских услуг и общее лечение.

Нидерланды – место для реализации возможностей медицинских компаний в Европе. Так как там

созданы благоприятные условия для развития медицинских технологий и фармацевтической промышленности.

Благоприятная швейцарская инновационная инфраструктура привлекает в страну высококвалифицированных специалистов, что способствует развитию множества стартапов. Университеты и бизнес объединены системой вспомогательных структур, позволяющих развиваться небольшим инновационным компаниям [4, с. 137].

Финансирование осуществляется Комиссией по технологиям и инновациям через систему грантов, выделяя в год порядка 105 млн долларов (около 700 грантов).

Успешные исследовательские разработки развиваются в бизнес-инкубаторах. Финансирование данных инкубаторов осуществляется в расчете на процент от будущей прибыли.

По данным Минэкономразвития на 2010 год, в Швейцарии располагается 22 кластера. Наиболее значимые для швейцарской экономики отраслевые кластеры и численность, занятых в нем представлены в таблице 2 [5, с. 21 – 25].

Таблица 2

Швейцарские отраслевые кластеры 2010 г.

№ п/п	Специализация кластера	Численность персонала, чел.	Доля от ВВП, %
1	Химия, фармакология и биотехнологии	67000	4
2	Медицинская техника	49000	5
3	Финансовые услуги	212000	11
4	Машиностроительная, металлообрабатывающая и электропромышленность	330000	19
5	Часовая промышленность	48500	6
6	Информационные технологии	160000	50
7	Экологически чистые технологии	160000	3,5

Правительством Швейцарии в марте 2010 года был представлен доклад «Кластер в экономическом развитии», в котором Федеральный совет приходит к выводу о том, что Швейцарии не требуется специальная политика развития кластеров. Реализация плана инновационного развития Швейцарии возложена на один орган управления – Комиссию по технологиям и инновациям. Именно она осуществляет государственную поддержку и координацию инновационного развития страны.

С 2007 года в Финляндии действует программа создания системы управления инновационным процессами и развития специализации регионов, включающая в себя 13 национальных и 21 региональных Центров исследовательских экспертиз, вузов и инновационных компаний, на которых приходится 6 управляющих компаний. Управляющие исследовательские компании аккумулируют научные идеи, проводят исследования, воплощают идеи в востребованную потребителями товарную продукцию [2, с. 332].

Регулирование инновационной деятельности осуществляется Постановлением Правительства «О Совете по политике в области науки и технологии Фин-

ляндии» 2005 года, Коммюнике Госсвета о Национальной инновационной стратегии Финляндии 2009 года, законами об интеллектуальной собственности, о малых и средних предприятиях, о региональном развитии, специализированное законодательство в области инноваций не разрабатывалось.

На долю промышленных предприятий-заказчиков в 2010 году пришлось 65 % общего объема средств, направленных на научно-исследовательскую деятельность, на 30 % профинансировано из средств государственного бюджета и 5 % приходится на инвестиции международных проектов.

В Финляндии на базе 20 университетов создано 22 технопарка, объединенные в Ассоциацию научных парков «Текел». В этой ассоциации работают 37000 ученых и около 1700 инновационных организаций.

Финляндия занимает позиции лидера в следующих областях: информационные технологии и беспроводная связь, металлообработка, лесопереработка, энергосберегающие технологии, биотехнологии, строительные и природоохранные технологии.

На начальном этапе государство оценивает инновационные проекты и может профинансировать около 50 % всех инновационных проектов на протяжении срока от 1 года до 3 лет. Таким образом, государство поддерживает проекты не только финансово, но и курирует разработку стратегий и программ, оказывает информационно-правовую помощь при патентовании, ищет бизнес-партнеров, привлекает и обучает высококвалифицированных специалистов.

Отмечается активность частного бизнеса в проводимых исследованиях Финляндии в связи с тем, что благодаря государству сокращаются собственные расходы и снижаются риски инновационных проектов, а также на протяжении всего периода проекты координируются органами государственного управления [4, с. 138].

В Японии в 2001 году была принята государственная программа создания 19 кластеров, основа этих кластеров – тесное взаимодействие мелких и средних предприятий, расположенных в регионах нахождения исследовательских организаций и лабораторий университетов. В результате должны были быть созданы инновационные наукоемкие предприятия. Финансирование развития национальных кластеров и стимулирования инновационных компаний осуществлялось ежегодно в объеме 500 млн долларов [2, с. 63].

Несмотря на это, отсутствие структурированной государственной кластерной политики Японии приве-

ло к излишнему расходованию бюджетных средств и отсутствию функционирующей эффективной инновационной инфраструктуры. Государственная поддержка была направлена на получение субсидий и научно-исследовательских грантов, в то время как проработка вопросов связанных с подготовкой и подбором научных кадров, взаимодействием с финансовыми организациями, получением научно-технической и патентной информации, содействием организации процесса производства инновационной продукции не осуществлялась. Также развитие открытых научно-промышленных кластеров было затруднено вследствие иерархических традиций и психологии японского бизнеса. Поэтому большинство искусственно созданных японских кластеров не смогли выйти даже на уровень самокупаемости и не оправдали потраченных государственных средств.

Однако в 2010 году правительством Японии была сформулирована долгосрочная инновационная стратегия развития страны, ключевыми отраслями стали альтернативная энергетика и энергосбережение. Новая стратегия инновационного развития вновь ограничилась только технологическими инновациями, оставив нерешенными выше обозначенные проблемы.

В таблице 3 представлены приоритетные направления кластеризации мировых государств и специализации кластеров.

Таблица 3

Направления кластеризации и специализация кластеров зарубежных стран

<i>№ n/n</i>	<i>Страна</i>	<i>Способ образования кластера</i>	<i>Направление кластеризации и специализация кластера</i>
1	Швейцария	под влиянием рыночных сил	Информационные технологии и электроника химия и нефтехимия, легкая промышленность
2	Швеция	в результате реализации целенаправленной политики государства	Фармацевтика, здравоохранение, легкая промышленность
3	США	под влиянием рыночных сил	Информационные технологии, аэрокосмическая промышленность, машиностроение
4	Нидерланды	под влиянием рыночных сил	Биотехнологии, машиностроение, агропроизводство, строительство
5	Дания	в результате реализации целенаправленной политики государства	Фармацевтика, легкая промышленность, здравоохранение, коммуникации и транспорт
6	Германия	в результате реализации целенаправленной политики государства	Биотехнологии, фармацевтика, химия и нефтехимия, машиностроение
7	Италия	под влиянием рыночных сил	Агропроизводство, легкая промышленность, машиностроение, телекоммуникации, фармацевтика
8	Франция	в результате реализации целенаправленной политики государства	Биотехнологии, агропроизводство, фармацевтика, парфюмерная промышленность
9	Финляндия	в результате реализации целенаправленной политики государства	Информационные технологии и электроника, коммуникации и транспорт, энергетика, строительство, лесобумажный комплекс, легкая промышленность
10	Великобритания	в результате реализации целенаправленной политики государства	Машиностроение, биотехнологии, легкая промышленность, деловые услуги, химия.
11	Китай	в результате реализации целенаправленной политики государства	Информационные технологии и микроэлектроника, биотехнологии и новые материалы
12	Канада	под влиянием рыночных сил	Биотехнологии, телекоммуникации, пищевая промышленность

13	Япония	в результате реализации целенаправленной политики государства	Машиностроение, энергетика и энергосбережение
14	Австрия	в результате реализации целенаправленной политики государства	Образование, сфера услуг, машиностроение
15	Индия	в результате реализации целенаправленной политики государства	Программное обеспечение, информационные и коммуникационные технологии, фармацевтика

Анализ кластеризации зарубежных стран позволил определить общие методы формирования территориальных кластеров. Были определены два основных метода образования кластера самопроизвольно, под влиянием рыночных сил и принудительно, в результате целенаправленной политики государства.

Для первого типа кластеров характерна минимальная роль государства, отсутствует прямое его воздействие, действия государства лишь связаны с устранением препятствий, возникающих в ходе естественного развития кластера.

Во втором типе кластеров велика роль государства, оно выбирает приоритетные направления развития, финансирует программы развития территориальных кластеров, создает необходимую инфраструктуру в соответствии с выбранными направлениями.

Таким образом, опыт кластерного подхода к управлению инновациями показывает высокую эф-

фективность на примере зарубежных стран. Пластичная экономика этих стран, адаптированная к быстрому внедрению инноваций, основана на кластерно-сетевых структурах, обладающих гибкостью и интегрированностью, в отличие от структур традиционной экономики.

Методы формирования инновационных кластеров не оказывают влияния на их специализацию. Как бы ни был образован территориальный кластер, спонтанно, под влиянием рыночных сил, или в результате реализации целенаправленной политики, его специализация определена развитием и поддержкой сильных сторон национальной экономики.

Поэтому зарубежные страны, использующие кластерный подход к управлению инновациями, занимают лидирующие позиции в мировом экономическом сообществе.

Литература

1. Смородинская, Н. В. Территориальные инновационные кластеры: мировые ориентиры и российские реалии / Н. В. Смородинская // Материалы XIV апрельской Междунар. конф. по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн. / отв. ред. Е. Ясин. Кн. 3. – М.: НИУ ВШЭ, 2013.
2. Обзор инновационных кластеров в иностранных государствах. – Режим доступа: http://www.economy.gov.ru/minec/about/structure/depSvod/doc20110531_04 (дата обращения: 06.05.2013).
3. Россия и США: Рубежи сотрудничества. Информационно-аналитический бюллетень. – 2013. – № 4. – Режим доступа: <http://rustradeusa.org/news/267/686.aspx> (дата обращения: 21.02.2014).
4. Малышкина, М. В. Особенности инновационных систем зарубежных стран / М. В. Малышкина, Д. В. Чернова // Вестник Самарского государственного экономического университета. – 2013. – № 1(99).
5. Справочник инвестора. Ваш бизнес в Швейцарии. – Режим доступа: http://magru.net/pubs/3516/Spravochnik_investora_Vash_biznes_v_Shveytsarii (дата обращения: 25.10.2013).

Информация об авторе:

Малышкина Мария Владимировна – аспирант кафедры коммерции и сервиса Самарского государственного экономического университета, (846) 927-85-74, zmalqp@rambler.ru.

Maria V. Malyschkina – post-graduate student at the Department of Commerce and Service, Samara State University of Economics.

Статья поступила в редколлегию 11.04.2014 г.

**РОЛЬ ЧЕРНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ В РАЗВИТИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ
И РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ***Н. И. Новиков, Д. В. Подъяпольский, Г. В. Новикова***ROLE OF STEEL IN THE DEVELOPMENT OF NATIONAL AND REGIONAL ECONOMY***N. I. Novikov, D. V. Podyapolskiy, G. V. Novikova*

В статье показаны роль и значение черной металлургии для экономики России и Кузбасса. Представлены в динамике объемы производства важнейших видов металлопродукции, охарактеризована ее экспортная составляющая. Изложены некоторые проблемы, влияющие на производственно-хозяйственную деятельность отечественной черной металлургии. Охарактеризована роль Правительства РФ по развитию отечественной черной металлургии.

The paper shows the role and importance of ferrous metallurgy for the Russian and Kuzbass economy. Production of the most important types of metal, characterized by its export component, is presented in the dynamics. Some of the problems affecting the production and economic activities of the domestic steel industry are outlined. The role of the Russian Government in the development of domestic steel industry is characterized.

Ключевые слова: развитие, металлопродукция, ВВП, производство, внутренний рынок, внешний рынок, экспорт, импорт.

Keywords: development, metal, GDP, production, domestic market, export market, import, export.

Черная металлургия, продуцируя ключевые компоненты конструкционных материалов в строительстве и машиностроении, играет важную роль в формировании индустриального фундамента экономики России. Отрасль формирует ориентировочно 4–5 % ВВП страны и 6–7 % экспорта. Россия стабильно удерживает пятипроцентную долю на мировом рынке стали, занимая одно из лидирующих мест среди всех стран-производителей.

В состав отрасли входит порядка 1,5 тыс. предприятий и организаций. О степени концентрации хозяйственной и финансовой деятельности в отрасли свидетельствует тот факт, что более 80 % объема производства приходится на 9 крупных компаний и вертикально интегрированных корпоративных групп (это металлургические компании «ЕвразХолдинг», «Северсталь», «Новолипецкий металлургический комбинат», «Магнитогорский металлургический комбинат», «УК Металлоинвест», «Мечел», а также трубные компании «Трубная металлургическая компания», «Объединенная металлургическая компания», АО «Группа Челябинский трубопрокатный завод»). Некоторые из этих компаний являются одними из ключевых игроков на мировом рынке.

Велико значение черной металлургии и для экономики Кемеровской области. Отрасль составляет порядка 60 % производства обрабатывающей промышленности региона. На металлургических предприятиях Кузбасса производится более 8 млн т стали, более 7 млн т проката различных профилей. В регионе производится: более 30 % российского металлопроката для промышленного и гражданского строительства и предприятий стройиндустрии; 100 % трамвайных рельс, выпускаемых в России; около 70 % продукции для железнодорожного транспорта. Доля продукции предприятий черной металлургии области в ее валовом региональном продукте порядка 20 %.

В России существует достаточное количество регионов, где черная металлургия является градообразующим фактором, тем самым, беря на себя определенную долю «ответственности» за формирование доходной части не только бюджетной системы страны в целом, но также соответствующего регионального бюджета. Кемеровская область – один из таких регионов, причем самых заметных.

Налоговые поступления в региональные и местные бюджеты от результатов производственно-хозяйственной деятельности предприятий черной металлургии региона составляют порядка 14 %.

В соответствии с ретроспективными данными Росстата динамика выпуска металлопродукции отечественными предприятиями черной металлургии в течение последних 20 лет имеет существенные особенности (рис. 1). Это относится и к трендам, и к структурным сдвигам в сорimente выпускаемой продукции, и к объемам выпускаемой продукции. Так, снижение объемов выпуска в кризисные 90-е годы было прервано в 1999 г., когда эти объемы в связи с девальвацией рубля за год выросли на 16–18 %. В 1998 г. доля убыточных предприятий в черной металлургии составляла порядка 45 %, а в 1999 г. этот показатель снизился до 28,3 %. Устойчивая тенденция к росту производства после 1998 г., достигнув пика в 2007 г., сменилась падением в кризисные 2008–2009 гг. С 2010 г. растущий тренд возобновился. К настоящему времени объемы производства еще далеки от объемов, достигнутых в конце периода плановой экономики, но Правительство РФ рассчитывает к 2020 г. «достичь производства стали в 90 млн т ...» [1; 2].

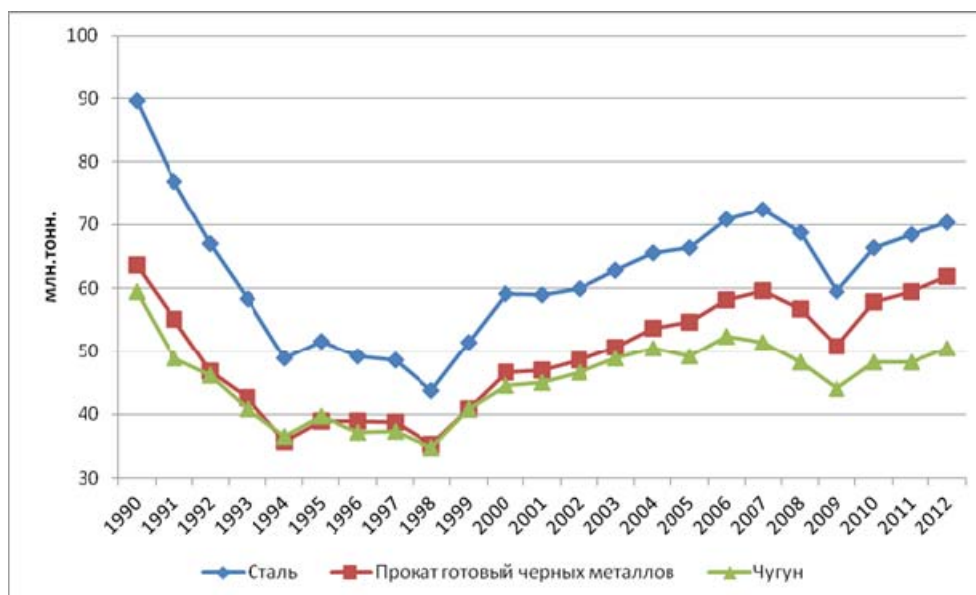

Рис. 1. Производство важнейших видов продукции металлургической отрасли, млн т

Охарактеризуем динамику производства металлопродукции в кризисный период. Так, в 2008 г. объемы производства по всему сортаменту металлопродукции в конце года повсеместно сократились, достигнув «дна» в 2009 г., снижение производства к уровню 2007 года составило порядка 17 – 21 %. Принимаемые Правительством РФ меры по поддержке ведущих отраслей – потребителей металлопродукции – не смогли существенно оживить внутренний рынок. Потребление готового проката в России в 2009 г. по сравнению с 2008 г. снизилось почти на 8 млн т.

Однако падение производства оказалось не более чем рецессией. Уже к концу первого полугодия 2009 года загрузка производственных мощностей заметно возросла. Во втором полугодии 2009 г. появились реальные признаки выздоровления, обозначилась четкая тенденция к росту производства.

Конъюнктуру спроса можно проследить, прежде всего, по динамике цен. Так, экспортные цены на российский металлопрокат «упали» в 2009 г на 38 %, а в последующие годы они выросли.

Черная металлургия РФ является одной из немногих отраслей перерабатывающей промышленности, производственные мощности которой по ряду ключевых видов металлопродукции существенно превосходят емкость внутреннего рынка, тем самым, она объективно ориентирована на внешние рынки. Спрос на продукцию этой отрасли предъявляется едва ли не в равной пропорции со стороны внутреннего и внешнего рынков. В отличие от ряда наукоемких отраслей, имеющих определенные возможности воздействовать на объемы и структуру спроса, для рассматриваемой отрасли аналогичные возможности существенно ограничены. Это означает, что ответы на вопросы, связанные с колебаниями динамики производства в подотраслях черной металлургии, структурными сдвигами, следует искать как на внутреннем, так и на мировом рынках.

На внутреннем рынке к основным металлопотребляющим секторам экономики относятся нефтяная, га-

зовая отрасли, машиностроение, автомобильная промышленность, судостроение, оборонный комплекс, строительный сектор, железнодорожный транспорт. Внутренний спрос на металлопродукцию покрывается в основном за счет собственного производства.

Вместе с тем, определенная часть внутреннего спроса покрывается импортными поставками металлопродукции, составляющими по нашим оценкам 10 – 15 % емкости рынка. Доля импорта во внутреннем потреблении проката, например, в 2010 году составила примерно 11 %, стальных труб – 12 % [2].

Импортные поставки и их рост, как правило, обусловлены недостаточным количеством и низким качеством отечественной металлопродукции этого вида, что является давней проблемой российской металлургии. В первую очередь, это относится к сегменту спецсталей (нержавеющая, конструкционная, подшипниковая, инструментальная) и спецсплавов. До кризиса 2008 – 2009 гг. доля импорта во внутреннем потреблении проката из нержавеющей стали достигала 70 %, а проката с полимерным покрытием – 40 %. Доля импортной продукции в общем объеме потребления нержавеющей стали в 2011 году составила 65,8 %, а в секторе плоского проката – 72,9 % [3].

Для защиты внутреннего рынка по этой позиции Правительство РФ Постановлением от 17 февраля 2007 г. № 95 установило сроком на 3 года антидемпинговую пошлину на коррозионностойкий плоский прокат, поставляемый на российский рынок из государств-членов ЕС. Однако доля импорта снизилась незначительно, так как ограничения поставок «нержавейки» из Европы компенсировались их ростом из Китая.

В соответствии с Паспортом подпрограммы «Металлургия», ответственным исполнителем которой является Министерство промышленности и торговли Российской Федерации, доля импорта готового проката черных металлов должна сократиться в 1,5 раза к 2020 г. [4].

Что касается экспорта металлопродукции Россией, то факт значительных объемов свидетельствует о дос-

таточно высоком уровне ее конкурентоспособности на внешних рынках. Этому способствует в определенной мере «вынос» металлургических мощностей из стран с развитой рыночной экономикой в развивающиеся. Кроме того, возросший спрос на металл в последние годы связан со значительным макроэкономическим ростом в ряде стран Южной Америки и Азии. Наконец, как «свидетельствует» рынок, российская металлопродукция, во всяком случае, ее низкопередельный сег-

мент по соотношению цена/качество конкурентоспособен и с ближневосточной, и с китайской продукцией.

К настоящему времени черная металлургия является одной из основных экспортоориентированных отраслей российской экономики. Около половины экспортной металлургической продукции составляют полуфабрикаты. Стабильно высоки, в частности, объемы экспорта полуфабрикатов из нелегированной стали и железа (рис. 2).

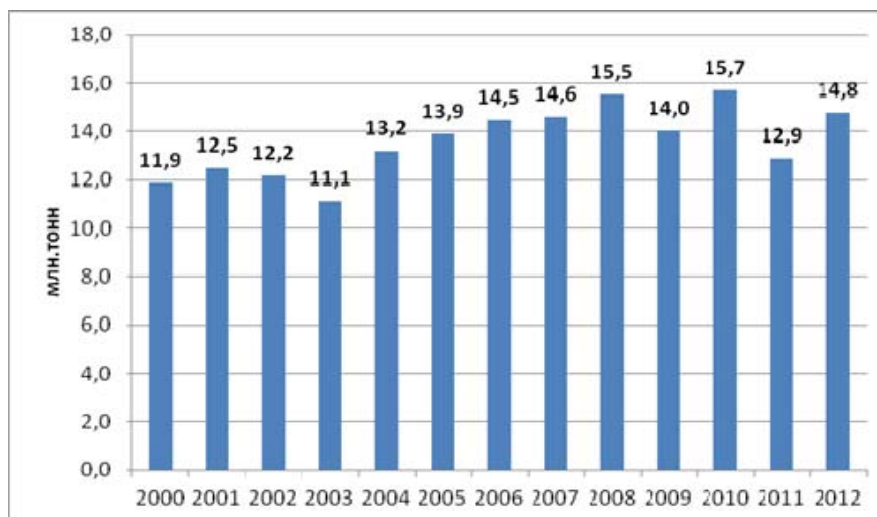

Рис. 2. Экспорт полуфабрикатов из нелегированной стали и железа, млн т

Как «свидетельствует» практика, отечественные металлургические предприятия выжили в период кризиса за счет сохранения на высоком уровне экспортных поставок, в основном полуфабрикатов и горячекатаного плоского проката в Китай, Иран и некоторые другие страны.

Основными товарными позициями российского экспорта металлопродукции являются «Полуфабрикаты из железа или нелегированной стали», «Прутки горячекатаные в свободно смотанных бухтах». Эта же номенклатура характерна для металлургической специализации Кузбасса и его экспорта. В структуре экспорта Кемеровской области продукция черной металлургии в последние годы занимает порядка 10 – 11 %, представлена в основном полуфабрикатами, прутками, уголками фасонными и специальными профилями, прокатом плоским из нелегированной стали, передельным чугуном.

Нельзя не признать, что до недавнего времени значительная доля полуфабрикатов в структуре российского экспорта обусловлена не только жесткой конкуренцией со стороны западных стран, но также и дискриминационной торговой политикой со стороны этих страна в части металлопродукции глубокого передела путем введения повышенных пошлин, либо принятием решения на правительственном уровне по «добровольному» ограничению российских экспортных поставок. Причем российские предприятия готовы были идти на самоограничения, соглашаться на квотирование поставок, чтобы избежать введения антидемпинговых пошлин, которые при снижении цен становятся запретительными. Тем не менее, про-

тив отечественных металлопроизводителей возбуждались десятки антидемпинговых процедур, что также является одной из проблем российской металлургии.

Естественной реакцией на возникшие риски сбыта готовой продукции стал переход от экспорта продукции к экспорту капитала – покупке зарубежных активов российскими компаниями. Это была единственная возможность обойти барьеры и выйти на зарубежные рынки с собственной продукцией высокого передела. Производственная мощность активов отечественных компаний за рубежом в 2007 году составляла 25 млн т. В 2009 г. этот показатель составил уже 30,8 млн т. При этом существенная часть экспортных поставок обеспечивает потребности приобретенных российскими компаниями зарубежных активов со всеми вытекающими отсюда последствиями [5].

Сравнительно высокий технологический уровень отрасли в качестве мирового игрока в глобальном масштабе был бы невозможен без инвестиционных усилий. За последние 10 – 12 лет технологический базис отрасли заметно преобразился. Еще в начале текущего столетия технологическое состояние отрасли было удручающим. Уровень износа основных производственных фондов предприятий составлял более 53 %, по некоторым металлургическим предприятиям возраст основных фондов доходил до 60 – 70 лет. Инвестиции в черную металлургию России в расчете на 1 тонну стали (в сопоставимых показателях) в 1996 – 2000 годах составляли \$12 – 14, в США

– около \$30, в странах Европейского союза – \$25 [2; 6].

Ситуация заметно изменилась за последние десять лет. В расчете на 1 т выплавленной стали инвестиции по предприятиям металлургической промышленности России в 2004 – 2012 гг. составили 45 – 48 долл., что почти в 1,5 раза превышало уровень высокоразвитых стран. По данным В. Христенко, в целом по черной металлургии инвестиции с 2000 года по 2007-й выросли в семь раз, а износ основных фондов снизился с 54 % до 43 %. В результате, сегодня металлургия, пожалуй, наиболее проинвестированная отрасль отечественной промышленности [7].

Нельзя не признать, что в связи с особой ролью металлургии в развитии отечественной экономики, в наполнении бюджета государство активно содействует инвестиционным процессам в отрасли, направленным на модернизацию производства и повышение конкурентоспособности выпускаемой продукции. В 2007 г. Правительство РФ приняло «Стратегию развития металлургической промышленности на период до 2015 года», в соответствии с которой предусмотрено бюджетное финансирование за счет средств Инвестфонда в рамках инфраструктурных инвестпроектов, утвержденных распоряжением Правительства Российской Федерации от 30.11.2006 г. № 1708-р [8]. В 2009 г. Минпромторгом России и другими заинтересованными ведомствами исполнительной власти подготовлена Стратегия развития металлургической промышленности Российской Федерации до 2020 г. В 2007 – 2015 гг. объем государственных инвестиций в черную металлургию запланирован на уровне 1156 млрд рублей [9]. Дополнительная поддержка власти касается обнуления НДС на технологическое оборудование, аналоги которого не производятся в России. В Постановление Правительства РФ включена 91 позиция оборудования, в том числе 5 для горнодобывающей промышленности и 7 для металлургической. Это позволило металлургам не выводить из оборота около 2,3 млрд рублей [10; 11].

Если тенденции развития в «большой металлургии», по нашему мнению, внушают сдержанный оп-

тимизм, то ситуация, сложившаяся в производстве спецсталей (инструментальные, подшипниковые, пружинные, коррозионностойкие, жаропрочные и высокопрочные стали) требует специального рассмотрения и решения этой проблемы. Наряду с заметным ростом удельного веса производства электростали и кислородно-конвертерной стали в общем объеме выплавки стали, доля листового проката в общем объеме производства готового проката, холоднокатаного листа в общем объеме производства листового проката за последние 15 лет практически не изменилась. Иначе говоря, крупные прогрессивные структурные сдвиги не всегда сопровождаются адекватными микросдвигами; менее 7 % общего производства готового проката можно отнести к продукции высоких переделов, все остальное – продукция промежуточных переделов, это еще одна из проблем российской черной металлургии.

Подотрасль спецсталей оказалась в ловушке в двух смыслах. Серьезный рост производства, экспортных поставок предполагает коренную модернизацию производственного аппарата, источники инвестиций на которую не определены. В результате – степень износа оборудования, заметно выше, чем в «большой металлургии».

Кроме того, важные сырьевые составляющие для нержавеющей стали – никель, феррохром, лом – экспортируются, а готовая продукция из нержавеющей стали ввозится [4]. Поэтому не случайно, как уже выше упоминалось, увеличиваются объемы импорта при одновременно скромных масштабах экспорта преимущественно в СНГ.

В заключение следует подчеркнуть, что какого-либо влияния вступление России в ВТО на черную металлургию Кузбасса не оказало.

Учитывая обеспеченность металлургических предприятий региона сырьем (руда, железорудный концентрат, коксующиеся угли), энергоресурсами, квалифицированными трудовыми ресурсами, наличие рынков сбыта металлопродукции и другие аспекты их производственно-хозяйственной деятельности, предпосылок зависимости черной металлургии Кузбасса от ВТО в настоящее время нет.

Литература

1. Христенко, В. О мерах по развитию черной металлургии / В. О. Христенко. – Режим доступа: <http://www.minpromtorg.gov.ru/industry/metal/104> (дата обращения: 22.12.2013).
2. Новиков, Н. И. Стратегическое планирование на предприятиях черной металлургии: методология, инструменты и практика: дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05 / Н. И. Новиков. – Кемерово, 2011. – 301 с.
3. Металлургия. Место отрасли в российской экономике. – Режим доступа: www.minpromtorg.gov.ru/special/2010/metal/msword (дата обращения: 30.11.2013).
4. Христенко, В. О мерах по развитию черной металлургии / В. О. Христенко. – Режим доступа: <http://www.minpromtorg.gov.ru/industry/metal/77> (дата обращения: 14.12.2012).
5. Департамент государственных целевых программ и капитальных вложений Минэкономразвития России. – Режим доступа: fcg.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcg.cgi/Fcg/File/GPFile/3433 (дата обращения: 27.12.2013).
6. Инвестиции в черную металлургию России: текущая ситуация. – Режим доступа: <http://www.metaltorg.ru/analytics/black.php?id=128> (дата обращения: 22.12.2013).
7. Христенко, В. Инвестиции в черную металлургию РФ составят 0,7 трлн рублей / В. Христенко. – Режим доступа: <http://ria.ru/economy/20080724/114851053.html> (дата обращения: 20.12.2013).
8. Стратегия развития металлургической промышленности Российской Федерации на период до 2015 года. – Режим доступа: gov.cap.ru/home/15/mashinostroenie/metalurg/strategiy.doc (дата обращения: 27.12.2013).

9. Стратегия развития металлургической промышленности России на период до 2020 года. – Режим доступа: www.minprom.gov.ru/activity/metal/strateg/2 (дата обращения: 24.12.2013).

10. Основные тенденции развития российской металлургической отрасли. – Режим доступа: <http://www.finam.ru/analysis/forecasts00a9b/default.asp> (дата обращения: 24.12.2013).

11. Постановление правительства РФ № 372 от 30.04.2009 г. «Об утверждении перечня технологического оборудования (в том числе комплектующих и запасных частей к нему), аналоги которого не производятся в Российской Федерации, ввоз которого на таможенную территорию Российской Федерации не подлежит обложению налогом на добавленную стоимость».

Информация об авторах:

Новиков Николай Инокентьевич – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики Новокузнецкого института (филиала) КемГУ (НФИ КемГУ), 8-905-961-48-03, economica@nkfi.ru.

Nikolay I. Novikov – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economics, Novokuznetsk Institute (branch) of Kemerovo State University.

Подъяпольский Дмитрий Васильевич – соискатель степени кандидата экономических наук Новокузнецкого института (филиала) КемГУ (НФИ КемГУ), economica@nkfi.ru.

Dmitriy V. Podyapolskiy – post-graduate student at Novokuznetsk Institute (branch) of Kemerovo State University.

Новикова Галина Васильевна – доцент, преподаватель кафедры экономики Новокузнецкого института (филиала) КемГУ (НФИ КемГУ), 8-905-078-50-70, economica@nkfi.ru.

Galina V. Novikova – Associate Professor, Lecturer at the Department of Economics, Novokuznetsk Institute (branch) of Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 06.02.2014 г.

УДК 332.122

ОЦЕНКА ПРОИЗВОДСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЕГО ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ (на примере Белгородской области)

О. В. Павликова

ESTIMATION OF THE PRODUCTION AND ECONOMIC POTENTIAL OF A REGION AS THE FACTOR OF INCREASE IN ITS INVESTMENT ATTRACTIVENESS (based on the example to Belgorod region)

O. V. Pavlikova

Для оценки и повышения инвестиционной привлекательности региона необходимо провести оценку и анализ его производственно-экономического потенциала с целью выявления устойчивых «точек роста» прорывного развития. В статье автором проводится оценка производственно-экономического потенциала по следующим направлениям: характеристика природно-ресурсных и экономико-географических обеспеченностей, характеристика производительных сил региона в структуре национальной экономики, структурно-динамическая оценка производительных сил региона, ретроспективный анализ структурных изменений в экономике, характеристика наиболее крупных и градообразующих предприятий региона, определение тенденций и направлений диверсификации. Результаты анализа предложенных направлений позволяют судить об устойчивости экономического развития региона, его инвестиционной привлекательности и производственной обеспеченности.

In order to evaluate and raise the investment attractiveness of the region it is necessary to assess and analyze the economic potential of this region with the goal to identify the sustainable "growth points" of breakthrough developments. In this paper the author writes about the production and economic potential in the following directions: 1) the characteristic of natural resources and economic and geographical stability; 2) the characteristic of productive forces of the region in the structure of national economy; 3) structural dynamic mark of the productive forces of the region; 4) the retrospective analysis of the structural changes in economy; 5) the characteristic of the biggest and principal enterprises of the region; 6) the identification of tendencies and directions of diversification. The results of analysis give us the chance to judge about the sustainability of the economic development of the region, its investment attractiveness and productive suppleness.

Ключевые слова: региональная экономика, производственно-экономический потенциал, устойчивое развитие региона, инвестиционная привлекательность, факторы развития.

Keywords: regional economy, productive economic potential, sustainable development of the region, investment attractiveness, factors of development.

Производственно-экономический потенциал региона характеризует возможности основных секторов экономики обеспечить рост производства и заданный уровень эффективности функционирования (коммерческой, бюджетной, социальной и системной или общеэкономической) [1; 5].

Для обеспечения производственно-экономического потенциала региона необходимо определить следующие условия: ресурсные (включая человеческие ресурсы); технологические (модернизация производства или реализация эффективных проектов почти всегда базируются на новой производственно-технологической базе); инвестиционные (имеется возможность привлечения внешних или использование собственных финансовых ресурсов для осуществления соответствующих проектов); информационные (информация о новых технологиях, рынках ресурсов, маркетинговая информация); институциональные (развитость рыночных институтов, нормативно-правовая база, механизмы поддержки и стимулирования со стороны органов регионального управления).

Характеристика природно-ресурсных и экономико-географических обеспеченностей

Белгородская область расположена на юго-западе России. Граничит на востоке с Воронежской областью, на севере – с Курской, на юге и западе – с Украиной. Одновременно Белгородская область расположена в европейской, староосвоенной, наиболее густонаселенной части России, что предопределило сравнительно высокий уровень развития инфраструктуры и широкие возможности для формирования разнообразных межрегиональных и внешнеэкономических связей в связи с приграничным положением. Благодаря этому на Белгородскую область приходится 14,8 % от внешнеторгового оборота со странами СНГ Центрального федерального округа (2-е место после Москвы) и 9,3 % от оборота РФ [3; 7].

Плотность населения области на 1 января 2011 года – 56,5 человека на 1 км² (14-е место в РФ).

Население области составляет 1553,5 тыс. человек (на 1 января 2011 г.), из них 33,6 % – сельские жители (30-е место в РФ). Это, с одной стороны, позитивно влияет на рождаемость, а с другой – остается лимитирующим фактором на пути модернизации образа жизни и сознания местного населения, а также обуславливает его пониженную мобильность [4; 7].

Характеристика производительных сил региона в структуре национальной экономики

По объему ВРП Белгородская область с показателем 397,1 млрд рублей занимает 29-е место в РФ [3; 4]. Динамика индекса физического объема ВРП в Российской Федерации, Центральном федеральном округе и Белгородской области в 2005 – 2010 г. представлена на рисунке 1.

Как видно из данных рис. 1 в Белгородской области с 2005 г. по 2010 г. происходило незначительное увеличение индекса физического объема ВРП с 107,6 % до 109,8 %. Напротив, данные по РФ и ЦФО свидетельствуют о сокращении индекса физического объема ВРП. За 2005 – 2010 гг. индекс физического объема ВРП в РФ сократился на 14,13 %. По регионам ЦФО спад составил 18,76 %. Несмотря на негативную тенденцию, величина рассматриваемого показателя в Белгородской области превышала средние данные по России на 9,84 %, что свидетельствует о прочном экономическом положении региона.

По душевым показателям область поднимается на 13-е место в России (308,5 тыс. руб. на человека), несмотря на аналогичный спад ВРП на душу населения за период с 2008 г. по 2009 г. с 208,695 тыс. руб. до 199,229 тыс. руб. соответственно (рис. 2). В целом за период 2005 – 2010 гг. ВРП на душу населения возрос на 107,69 %, что говорит о высокой производительности труда в Белгородской области [7; 8].

В подтверждение вышесказанному темп прироста ВРП на душу населения в РФ с 2005 г. по 2010 г. составил 79,35 % и в ЦФО 83,92 %, что значительно меньше, чем в Белгородской области (рис. 2).

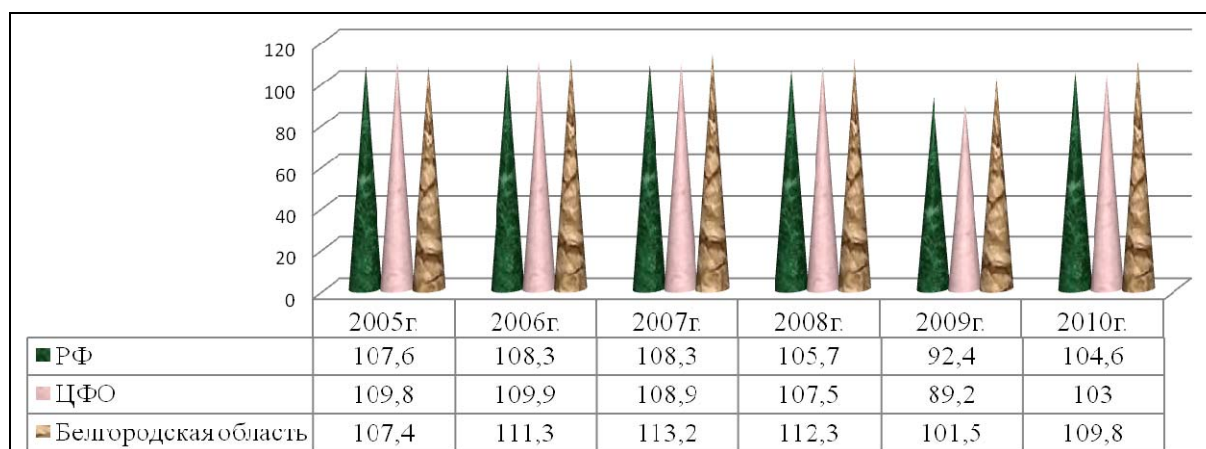

Рис. 1. Динамика индекса физического объема ВРП в России, ЦФО и Белгородской области в 2005 – 2010 гг. (в постоянных ценах; в % к предыдущему году) (сост. авт.)

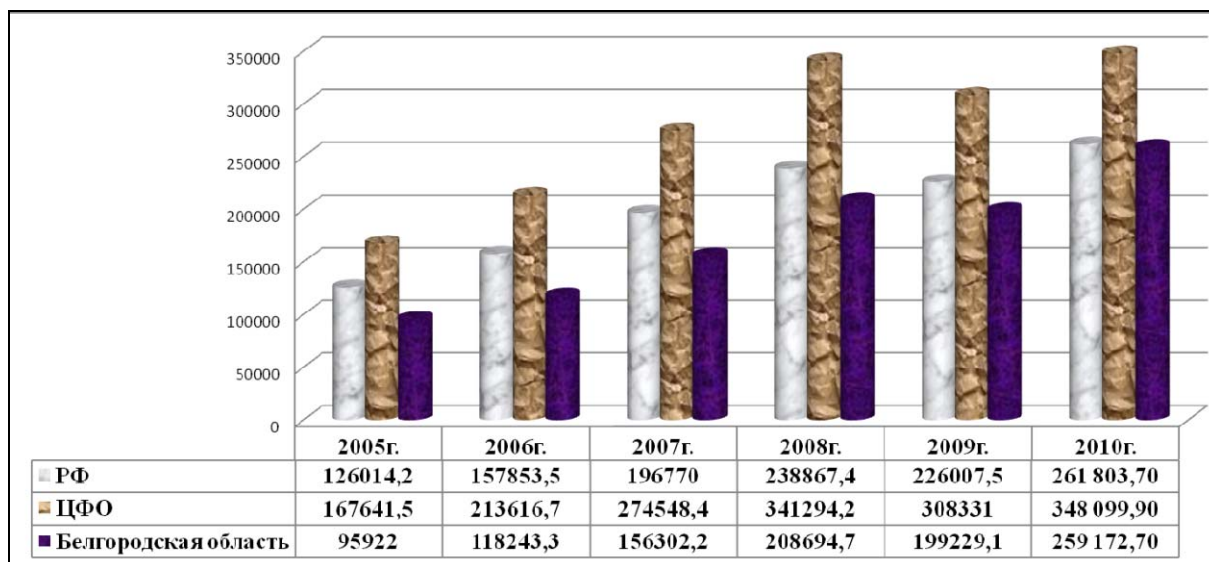

Рис. 2. Динамика валового регионального продукта на душу населения в РФ, ЦФО и Белгородской области в 2000 – 2010 г., руб. (сост. авт.)

Структурно-динамическая оценка производственных сил региона

Белгородская область характеризуется сбалансированной структурой хозяйства. Определяющим фактором формирования специализации экономики региона является наличие у него природных ресурсов [1; 6].

Так в структуре ВРП 21 % приходится на обрабатывающие производства (в том числе 51,3 % – на производство пищевых продуктов и 30,4 % на металлургическое производство), 8 % на добычу полезных ископаемых и 16 % на сельское хозяйство, 8 % занимает строительство (рис. 3).

В связи с изложенным нарастает дисбаланс между ресурсодобывающей и агропромышленной специализацией хозяйства ввиду большого количества территории, занимаемой для дальнейшего развития обеих отраслей [2].

Главным преимуществом региона в металлургическом производстве является уникальная в масштабах России технология прямого восстановления железа для производства металлопродукции на Оскольском электрометаллургическом комбинате (ОЭМК),

который остается одним из самых известных предприятий не только в области, но и в стране [3; 4].

Доля посевных площадей в хозяйствах всех категорий в 2010-м году составила 1248,5 тыс. га (или 46 %). Наибольшее развитие в регионе получили животноводство (65,5 % от совокупного объема сельскохозяйственной продукции), в том числе: мясомолочное животноводство, птицеводство, пчеловодство и растениеводство (выращивание зерновых культур, сахарной свеклы и подсолнечника) [4].

Белгородская область в 2010-м году оставалась одним из лидеров в России по добыче железорудного концентрата (35,5 %), производству окатышей (32,8 %), асбестоцементных листов (11,8 %), сахарного песка (11,7 %), цемента (9,7 %) и проката черных металлов (4,9 %) [3].

Ретроспективный анализ структурных изменений в экономике

По индексу промышленного производства Белгородская область уверенно лидирует среди регионов ЦФО и РФ уже на протяжении четырех лет (рис. 4).

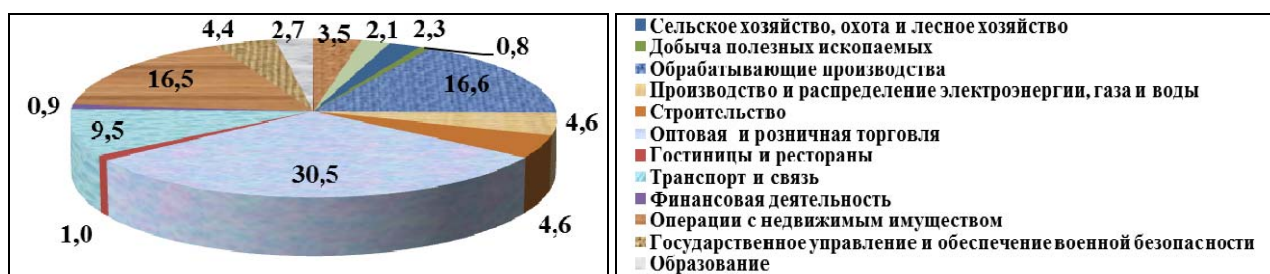

Рис. 3. Отраслевая структура валовой добавленной стоимости в Белгородской области в 2010 г. (в текущих основных ценах; в процентах к итогу) (сост. авт.)

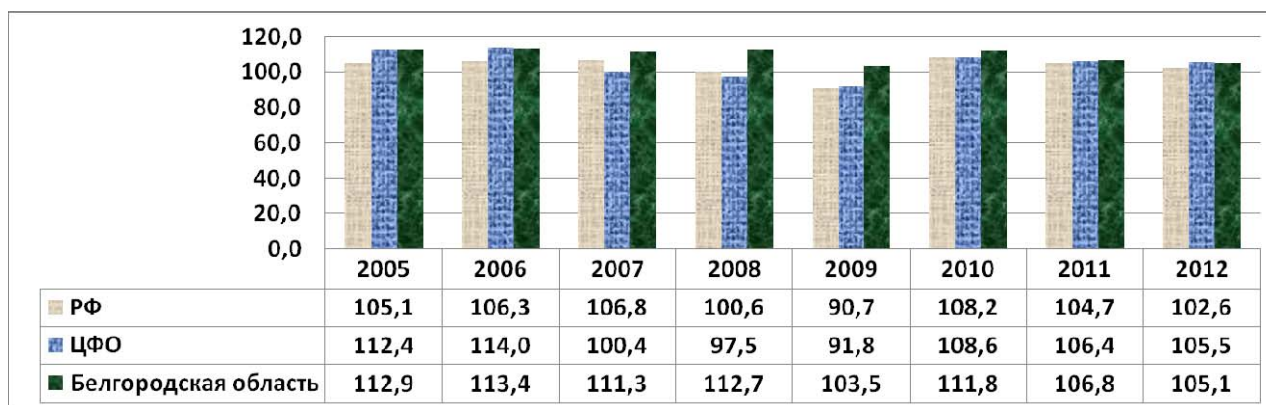

Рис. 4. Динамика индексов промышленного производства в РФ, ЦФО и Белгородской области в 2005 – 2012 г. (в % к предыдущему году) (сост. авт.)

Определение тенденций и направлений диверсификации

На предприятиях обрабатывающих производств области осуществляются мероприятия, направленные на дальнейшее наращивание объемов производства, выпуск новых видов конкурентоспособной продукции. Значительную долю в общем объеме обрабатывающих производств занимает «производство пищевых продуктов, включая напитки и табака» – 51,3 %.

Машиностроительный комплекс области представлен, в основном такими видами деятельности как «металлургическое производство и производство готовых металлических изделий» – 30,4 %, «производство машин и оборудования» – 2,7 %, «производство электрооборудования» – 1,5 % [8].

Увеличение производства сельскохозяйственной продукции позволяет наращивать объемы выпуска предприятиями, производящим пищевые продукты. Этому способствует реализация мероприятий, направленных на эффективное использование производственных мощностей, внедрение современных технологий, улучшение качества и расширение ассортимента за счет освоения новых современных видов продукции.

На основе выделения приоритетных секторов производственно-экономического комплекса, являющихся «точками роста», с учетом их взаимодействия с другими секторами экономики в Белгородской области сформированы вертикально-интегрированные производственно-экономические кластеры [2]:

- горно-металлургический сектор (добыча полезных ископаемых) совместно с производством металлургической продукции образуют *металлургический кластер*;

- работы, выполненные по виду деятельности "Строительство" совместно с производством прочих неметаллических минеральных продуктов и произ-

водством резиновых и пластмассовых изделий, образуют *строительный кластер*;

- агропромышленный сектор экономики, совместно с производством пищевых продуктов, образуют *агропромышленный кластер*.

Несмотря на сокращение инвестиций в основной капитал с 2008 г. по 2009 г. на 29,83 %, в 2010 г. произошел рост данного показателя на 24,36 % по сравнению с 2009 г. В целом за период с 2005 – 2012 г. инвестиции в основной капитал за счет всех источников финансирования возросли в 1,59 раза, что свидетельствует о высокой инвестиционной привлекательности региона среди других субъектов РФ, которая подтверждается данными рейтингового агентства «Эксперт РА». Область имеет инвестиционный рейтинг 2А, что означает средний потенциал и минимальный риск. По данным последнего рейтинга среди 83 субъектов РФ по инвестиционному потенциалу Белгородская область находится на 13 месте, по инвестиционному риску на втором [4].

Как видно из рисунка 5 индекс физического объема инвестиций в основной капитал Белгородской области на душу населения превышает данные по РФ и ЦФО на протяжении 2005 – 2012 гг. Также привлекательность региона с точки зрения инвестиций и инноваций доказывает анализ удельного веса прибыльных организаций в общем объеме организаций. Этот показатель превышает данные по России и ЦФО на 7,2 % и 7,7 % соответственно.

Развитие региона осуществляется в рамках стратегии социально-экономического развития Белгородской области на период до 2025 года. В области реализуется проект по созданию Белгородской интеллектуально-инновационной системы и стратегия «Формирование регионального солидарного общества» на 2011 – 2025 годы [4].

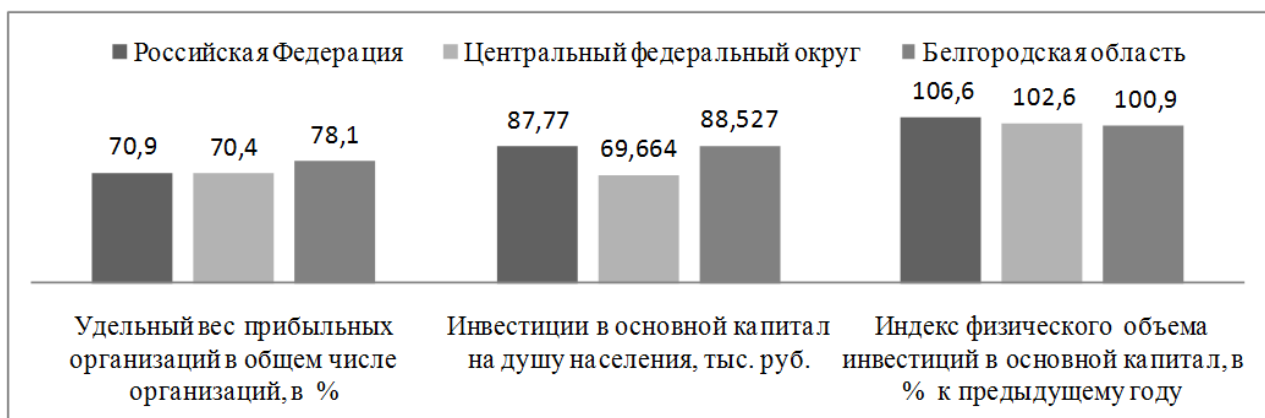

Рис. 5. Основные показатели инвестиционной деятельности РФ, ЦФО

Оценка структуры и динамики инвестиционных и инновационных процессов в регионе

В структуре инвестиций в основной капитал Белгородской области в 2012 г. преобладают такие виды деятельности как «сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство» – 26 %, «добыча полезных ископаемых» – 8 %, «обрабатывающие производства» – 20 %, «транспорт и связь» – 11%, «производство и распределение электроэнергии, газа и воды» – 10 % (рис. 6).

В целях повышения конкурентоспособности региона, а также достижения качественного экономического роста в долгосрочной перспективе в регионе растет число предприятий, занимающиеся инновационной деятельностью. Как видно из таблицы 1 инновационная активность организаций Белгородской области превышает уровень ЦФО и в целом РФ. Наибольшее количество инновационно-ориентированных организаций было зарегистрировано в органах государственной статистики в 2007 г. и составило 16 % [4].

Рис. 6. Структура инвестиций в основной капитал по ВЭД Белгородской области в 2012 г. (без субъектов малого предпринимательства; миллионов рублей) (сост. авт.)

Основные показатели инновационной деятельности в РФ, ЦФО и Белгородской области в 2005 – 2012 г.

	Инновационная активность организаций, в %			Объем инновационных товаров, работ, услуг, млн руб.			Внутренние затраты на научные исследования и разработки, млн руб.		
	2005 г.	2012 г.	темп роста, %	2005 г.	2012 г.	темп роста, %	2005 г.	2012 г.	темп роста, %
РФ	9,7	10,4	7,22	545540	2106740,7	286,1	230785,2	610426,7	164,50
ЦФО	10,3	10,2	-0,97	112352	480327,4	327,5	120183,2	331758,9	176,04
Белгородская область	8,7	12,2	40,23	2206,9	15457,4	600,4	245	943,5	285,10

Как видно из таблицы 1 инновационная активность организаций Белгородской области превышает уровень ЦФО и в целом РФ. Наибольшее количество инновационно-ориентированных организаций было зарегистрировано в органах государственной статистики в 2007 г. и составило 16 % [4]. Также в регионе растет объем инновационных товаров, работ, услуг – темп роста за 2005 – 2012 гг. составил 600,4 %, в то время как в РФ и ЦФО темпы роста исследуемого показателя увеличились соответственно на 286,1 % и 327,5 %. Аналогично увеличиваются в Белгородской области и затраты на НИОКР, темп роста которых за 2005 – 2012 гг. составил 285,1 %.

Характеристика уровня поддержки инвестиционных и инновационных процессов

Для создания условий опережающего инновационного развития Белгородской области, формирования на ее территории элементов национальной нанотехнологической сети подписано и реализуется соглашение о сотрудничестве ОАО «РОСНАНО» и правительства Белгородской области, в рамках которого осуществляются мероприятия долгосрочной целевой программы «Развитие nanoиндустрии Белгородской области на 2010 – 2014 годы» и региональной целевой программы ОАО «РОСНАНО» по Белгородской области на 2010 – 2012 годы, предусматривающие стимулирование спроса на инновационную нанотехнологическую продукцию, и финансируемые за счет средств ОАО «РОСНАНО», бюджета области и внебюджетных источников. Кроме того, при Губернаторе Белгородской области действует межведомственная комиссия по развитию nanoиндустрии [3].

В целях совершенствования условий для дальнейшего привлечения инвестиций, повышения инвестиционной открытости и качества инвестиционного климата области, обеспечения комплексного размещения производительных сил на территории области

реализуется долгосрочная целевая программа «Улучшение инвестиционного климата для привлечения инвестиций в экономику Белгородской области в 2011 – 2015 годах» [4].

В рамках Программы реализуются мероприятия, направленные на совершенствование нормативной правовой базы в сфере инвестиционной деятельности в Белгородской области; создание благоприятной административной среды для привлечения инвестиций; совершенствование финансовых механизмов дальнейшего привлечения инвестиций; продвижение имиджа Белгородской области, как инвестиционно-привлекательного региона на территории Российской Федерации и за рубежом; поддержка продвижения инновационной продукции на внутренних и внешних рынках; кадровое обеспечение инвестиционного процесса.

Анализ производственно-экономического потенциала Белгородской области свидетельствует о благоприятном инвестиционном климате региона с точки зрения производственной концентрации и позволяет сформировать на его территории кластеры, определяющие устойчивое стратегическое развитие региона. Дальнейшее развитие области, по нашему мнению, может происходить в таких сферах как: транспорт и связь, производство и распределение электроэнергии, газа и воды, образование, финансовая деятельность, так как эти отрасли в структуре инвестиций в основной капитал занимают не значительную долю.

Благодаря положительному инвестиционному климату региона, который, как показал проведенный анализ, превышает показатели среди регионов ЦФО и РФ, возможно создание на его территории инновационно-ориентированного производства, привлечение предприятий nanoиндустрии, инвестиционно-прорывного роста промышленности и сельского хозяйства.

Литература

1. Дейнеко, А. В. Инвестиционный потенциал как индуктивная составляющая в стратегии прорывного развития производственно-экономического сектора региона / А. В. Дейнеко // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2009. – № 2. – С. 398 – 407.

2. Королева, Н. В. Концептуальные основы моделирования направлений развития туризма в рекреационных зонах в условиях рыночной экономики / Н. В. Королева // Общество: политика, экономика, право. – 2011. – №2. – С. 110 – 116.
3. Официальный сайт Департамента экономического развития Белгородской области. – Режим доступа: <http://www.derbo.ru/>, свободный.
4. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики России – Статистические материалы. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/>, свободный.
5. Павликова, О. В. Индикаторы устойчивого развития региона / О. В. Павликова // Казанская наука. – Казань: Изд-во Казанский Издательский Дом, 2012. – № 1. – С. 124 – 132.
6. Павликова, О. В. Методика оценки интегрального потенциала устойчивого развития региона / О. В. Павликова // Вестник Белгородского университета потребительской кооперации. – 2011. – № 1(37). – С. 374 – 382. – (Серия: Экономические науки).
7. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2010: стат. сб. // Росстат. – М., 2010. – 654 с.
8. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: стат. сб. // Росстат. – М., 2011. – 990 с.

Информация об авторе:

Павликова Ольга Владимировна – преподаватель кафедры экономики и управления Новороссийского филиала Московского гуманитарно-экономического института, 8-918-671-12-32, Deineko_olga@mail.ru.

Olga V. Pavlikova – Lecturer at the Department of Economics and Management, Novorossiysk branch of Moscow Humanitarian Economic Institute.

Статья поступила в редколлегию 25.03.2014 г.

УДК 622.33:658.345

**БЕЗОПАСНОСТЬ ТРУДА НА РАБОЧЕМ МЕСТЕ
И КОРПОРАТИВНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ**
И. Л. Шевченко

LABOUR SAFETY IN THE WORKPLACE AND CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY
I. L. Shevchenko

В статье показана значимость для российских компаний охраны труда и обеспечения безопасности на рабочем месте как одной из ответственных практик в отношении персонала. Выявлены некоторые проблемы, связанные с реализацией данной практики, определены основные возможности ее улучшения.

The paper shows the importance of labour protection and safety in the workplace for the Russian companies as one of the responsible practices in terms of personnel. Some of the challenges associated with the implementation of this practice, and key opportunities for its improvement are identified.

Ключевые слова: корпорация, компания, корпоративное управление, охрана труда, безопасность труда, производственный травматизм, корпоративная социальная ответственность, нефинансовая отчетность.

Keywords: corporation, company, corporate governance, labour protection, labour safety, industrial traumatism, corporate social responsibility, sustainability reporting.

В последние годы в России наметилось развитие практики корпоративного управления в области социальной ответственности. Постепенно увеличивается число российских компаний, внедряющих в свою деятельность принципы и стандарты корпоративной социальной ответственности (КСО). Увеличивается также численность компаний, которые занимаются подготовкой и предоставлением соответствующей отчетности для широкого круга заинтересованных сторон. Все это можно объяснить продвижением отечественного бизнеса на зарубежные рынки, стремлением компаний повысить свою репутацию и установить баланс между интересами участников корпоративных отношений.

Существует несколько основных направлений реализации КСО: ответственные практики в отношении персонала, охрана окружающей среды, добросо-

вестные деловые практики, участие в жизни местных сообществ и их развитие, ответственное поведение по отношению к потребителям, благотворительность. При этом каждая компания должна сформировать свой набор наиболее значимых для нее направлений и механизмов реализации КСО. На этот процесс оказывает влияние множество факторов, к которым относятся ожидания заинтересованных сторон, география деятельности, разделяемые руководством корпорации ценности, отраслевая принадлежность компании, имеющиеся ресурсы и др.

Для организаций, эксплуатирующих опасные производственные объекты, особую важность имеют первые два из перечисленных направлений реализации КСО. Это связано с тем, что эксплуатация таких объектов отличается повышенным уровнем аварийности и травматизма, а также дополнительной экологи-

ческой нагрузкой на окружающую среду. Поэтому одной из главных задач этих организаций в области КСО является снижение негативного воздействия вредных и опасных производственных факторов на человека, как в условиях производства, так и в экологически неблагоприятных районах проживания населения. В решении этой задачи в значительной степени заинтересованы и такие участники корпоративных отношений, как природоохранные организации, регулирующие и надзорные органы, региональные и местные органы власти, проживающее на территории присутствия компании население. При этом очень важно постоянно повышать эффективность взаимодействия всех заинтересованных сторон в рамках развития соответствующих направлений КСО как со стороны корпораций, так и со стороны государства.

Одной из наиболее значимых ответственных трудовых практик являются охрана труда и обеспечение безопасности на рабочем месте. Особое значение этой практики объясняется тем, что от ее реализации зависит не только здоровье, но и жизнь сотрудников компании, что является важнейшей корпоративной ценностью. Среди нескольких показателей, характеризующих безопасность труда на рабочем месте, можно в качестве основного выбрать количество пострадавших со смертельным исходом в результате зарегистрированных несчастных случаев на производстве. В настоящее время в России сохра-

няется, несмотря на снижение в последние годы, высокий (по сравнению с развитыми странами со сходной структурой экономики) уровень смертельного травматизма. Так, по данным Роструда в 2012 г. количество пострадавших со смертельным исходом в результате зарегистрированных несчастных случаев на производстве составило 2999 человек (таблица).

Из приведенных в таблице данных видно, что наибольшее количество погибших в результате несчастных случаев на производстве работников зафиксировано в следующих видах экономической деятельности (в % от общего количества пострадавших со смертельным исходом): строительство (24,0); обрабатывающие производства (18,0); транспорт (11,5); сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство (10,3); операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг (7,0); добыча полезных ископаемых (6,9).

Основными причинами этих несчастных случаев являются: неудовлетворительная организация производства работ, нарушение правил дорожного движения, недостатки в организации и проведении подготовки работников по охране труда, нарушение работником трудового распорядка и дисциплины труда. Отсюда видно, что для сокращения количества таких пострадавших не требуется значительных капитальных затрат при условии усиления ответственности за нарушение требований промышленной безопасности и охраны труда.

Таблица

Распределение пострадавших со смертельным исходом по отдельным видам экономической деятельности в Российской Федерации в 2012 г.

<i>Наименование</i>	<i>Всего</i>	<i>В том числе</i>	
		<i>женщин</i>	<i>лиц, в возрасте до 18 лет</i>
Российская Федерация	2999	236	5
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	309	14	1
Добыча полезных ископаемых	208	11	0
Обрабатывающие производства	540	47	3
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	153	9	0
Строительство	719	14	1
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов	194	27	0
Транспорт	344	23	0
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	209	23	0
Образование	45	14	0
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	47	18	0
Прочие	231	36	0

Источник: [1].

Уровень развития рассматриваемой трудовой практики во многом зависит от корпоративной культуры. Поэтому очень важно через ее трансформацию изменить отношение к вопросам охраны труда и обеспечения безопасности на рабочем месте на всех уровнях в организации – от высшего менеджмента до рядового работника, что представляет собой довольно сложную задачу. В случае ее успешного решения можно ожидать: существенного увеличения расходов на охрану труда в расчете на одного со-

трудника во многих компаниях за счет перераспределения средств, отказа от практики сокрытия несчастных случаев на производстве, постоянного повышения квалификации в области охраны труда руководителей и специалистов организаций.

Практика показывает, что любая компания может существенно повысить уровень своей социальной ответственности, применяя международные и российские стандарты в этой области. Достаточно широкий перечень международных стандартов соци-

альной и экологической ответственности компаний с указанием соответствующих сайтов приведен в [2]. Некоторые стандарты данного типа включают такие вопросы, как охрана труда на рабочем месте, здоровье и безопасность на рабочем месте и др. Например, одним из самых последних стандартов в сфере КСО является ГОСТ Р ИСО 26000 – 2012 «Руководство по социальной ответственности», который содержит первый из перечисленных вопросов. Другой пример – стандарт, посвященный внедрению и сертификации систем управления здоровьем и безопасностью на рабочем месте – ГОСТ Р 54934-2012/OHSAS 18001:2007 «Системы менеджмента безопасности труда и охраны здоровья». Поэтому применение этих и других подобных стандартов в области КСО будет способствовать развитию рассматриваемой трудовой практики.

Отдельно следует сказать о подготовке и предоставлении нефинансовой отчетности, с помощью которой заинтересованные стороны могут судить о социальной ответственности компании (в том числе о состоянии дел в области охраны труда и безопасности на рабочем месте) по отношению к своим сотрудникам и некоторым другим участникам корпоративных отношений. В настоящее время в России данный аспект практики корпоративного управления находится пока на начальном этапе развития. Об этом говорит тот факт, что в последние годы относительно небольшое количество отечественных компаний готовит нефинансовую отчетность для широкого круга заинтересованных сторон. Так, согласно данным Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП) по состоянию на 16 апреля 2014 г. в Национальный Регистр нефинансовых отчетов были внесены отчеты 134 компаний и отраслевых союзов (объединений), зарегистрирован 471 отчет, среди которых экологические отчеты – 41, социальные отчеты – 219, отчеты в области устойчивого развития – 149, интегрированные отчеты – 42, отраслевые отчеты – 20 [3]. Все эти документы были выпущены за период, начиная с 2000 г. При этом за 2011 – 2013 гг. отчеты предоставили только 78 компаний.

Среди корпораций, предоставляющих нефинансовую отчетность, совсем мало тех, которые относятся к секторам экономики с высоким уровнем смертельного травматизма. Например, среди этих компаний нет ни одной сельскохозяйственной, торговой и строительной (строительство занимает первое место по смертельному травматизму в Российской Федерации), транспортную отрасль представляют четыре компании. Отставание компаний данной группы в плане подготовки и предоставления нефинансовой отчетности можно объяснить тем, что среди них относительно немного крупных публичных корпораций, имеющих необходимые ресурсы для реализации масштабных проектов в области КСО и подготовки соответствующих отчетов. Кроме того, многие компании этих секторов пока мало вовлечены в процесс глобализации и поэтому их руководители еще не в полной мере оценили важность данного аспекта практики корпоративного управления для привлечения иностранных инвесторов.

Относительно содержания опубликованной нефинансовой отчетности можно отметить, что последние отчеты семи компаний – это экологические отчеты, которые являются конкретно тематическими и поэтому не включают разделы по охране труда и обеспечению безопасности на рабочем месте. Следовательно, заинтересованные стороны не могут получить нужную им информацию по данному вопросу. У некоторых корпораций отчеты в области устойчивого развития содержат соответствующие разделы, но в них отсутствуют показатели производственного травматизма, что не способствует повышению уровня информационной открытости этих корпораций.

Дополнительную актуальность рассматриваемая проблема приобретает в регионах с высокой концентрацией опасных производственных объектов. К числу таких регионов принадлежит, например, Кемеровская область. На ее территории 1500 организаций эксплуатируют 3700 подобных объектов, что создает объективные предпосылки для аварийности и травматизма. В первую очередь это относится к угольной отрасли, так как практика и статистика многолетних наблюдений показывают, что наиболее тяжелыми последствиями характеризуются аварии именно на угледобывающих предприятиях. В результате одной такой аварии число пострадавших может превышать сто человек. В этих условиях дополнительная ответственность ложится на региональную власть, повышается значимость ее взаимодействия с бизнесом по вопросам охраны труда и промышленной безопасности.

Одним из очень важных направлений такого взаимодействия является законотворческий процесс. Представители социально ответственных компаний участвуют в рабочих группах по подготовке законопроектов, которые направлены на снижение уровня производственного травматизма. Именно с этой целью в последние годы в Кемеровской области были приняты законы: «О промышленной безопасности угольных шахт», «О мерах по выявлению на территориях угледобывающих и горнорудных предприятий лиц, находящихся в состоянии алкогольного, наркотического и токсикологического опьянения», «Об усилении ответственности за нарушение условий безопасности и охраны труда в организациях угольной промышленности». Кроме этого, еще был принят ряд нормативных актов и инструкций.

Следует также отметить, что в 2005 году был создан Координационный совет по развитию угольной промышленности, охране труда, промышленной и экологической безопасности. Основной задачей этого органа является разработка корпоративных программ по улучшению условий труда и предупреждению производственного травматизма и аварийности в крупных угледобывающих компаниях Кемеровской области.

Предпринимаемые региональной властью действия повлияли на значительное уменьшение с 2010 года смертельного травматизма при добыче угля и других полезных ископаемых. По данным Государственной инспекции труда в Кемеровской области этот показатель снизился на 68,8 % – со 109 человек в 2010 году до 34 человек в 2013 году, а по всем видам экономической деятельности в регио-

не смертельный травматизм снизился на 57,5 % – с 200 до 85 человек соответственно [4]. В этот период впервые за последние десятилетия были достигнуты минимальные значения этих показателей. При этом нужно учитывать то обстоятельство, что уменьшение количества пострадавших со смертельным исходом произошло на фоне роста угледобычи. Следовательно, указанные меры можно рассматривать в качестве положительного примера влияния региональной власти как участника корпоративных отношений на развитие конкретной ответственной практики в отношении персонала.

Таким образом, в большинстве российских компаний управление вопросами социальной ответственности и предоставление нефинансовой отчетности находится пока на начальной стадии развития.

Не является исключением и конкретная трудовая практика – охрана труда и обеспечение безопасности на рабочем месте. Многие представители отечественного бизнеса еще не в полной мере осознали важность этого аспекта КСО, хотя он в значительной степени влияет на здоровье и жизнь сотрудников компаний. Основными возможностями улучшения данной практики являются: изучение и заимствование опыта передовых в этом отношении компаний, разработка и утверждение корпорациями соответствующих внутренних документов (политики в области охраны труда и промышленной безопасности и др.), подготовка и предоставление для широкого круга заинтересованных сторон нефинансовой отчетности с ориентацией при этом на международные и российские стандарты в сфере КСО.

Литература

1. Сведения о количестве зарегистрированных групповых несчастных случаев на производстве, несчастных случаев на производстве с тяжелым и смертельным исходом за 2012 г. // Федеральная служба по труду и занятости. – Режим доступа: <http://www.rostrud.ru/documents/xPages/item.6172.html> (дата обращения: 02.05.2014).
2. Тульчинский, Г. Л. Корпоративная социальная ответственность: технологии и оценка эффективности: учебник для бакалавров / Г. Л. Тульчинский. – М.: Юрайт, 2014. – 338 с.
3. Национальный Регистр и Библиотека корпоративных нефинансовых отчетов // Российский союз промышленников и предпринимателей. – Режим доступа: <http://xn--o1aabe.xn--p1ai/simplepage/157> (дата обращения: 06.05.2014).
4. Оперативные данные за 12 месяцев 2011 года. Оперативные данные за декабрь 2013 года // Государственная инспекция труда в Кемеровской области. – Режим доступа: <http://git42.rostrud.ru/results/19287/> (дата обращения: 16.05.2014).

Информация об авторе:

Шевченко Игорь Леонидович – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики Кузбасского института экономики и права, 8-905-915-64-90, kuzgtushev@rambler.ru.

Igor L. Shevchenko – Candidate of Economics, Assistant Professor at the Department of Economics, Kuzbass Institute of Economics and Law.

Статья поступила в редколлегию 30.04.2014 г.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

УДК 342.7

ОТДЕЛЬНЫЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И ИНДИВИДА В КОНТЕКСТЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Э. Ю. Балаян

PARTICULAR CONSTITUTIONAL AND LEGAL FACETS OF THE PROBLEM OF INTERACTION BETWEEN THE STATE AND AN INDIVIDUAL WITHIN THE SCOPE OF HUMAN RIGHTS PROTECTION

E. Yu. Balayan

В контексте исследуемой проблемы, по мнению автора, особенно значимо то, что в результате принятия стержневых исторических правовых актов, индивид становится автономным, государство по возможности воздерживается от вмешательства в сферу свободы личности, защищенную законом, а защита прав человека становится важнейшей обязанностью государства, на определенном уровне также смыслом и целью существования последнего института.

Within the framework of the issue being researched, the author of the paper considers extremely significant the fact that as a result of enactment of the core historic legal acts an individual becomes independent and the State abstains from interference in the sphere of legally protected freedom of the individual within the limits of the possible, and human rights protection becomes the most important responsibility of the State, as well as the purpose and the aim of the later institutional existence at a particular level.

Ключевые слова: права и свободы человека, конституционная обязанность государства, признание, закрепление, защита прав и свобод человека.

Keywords: human rights and freedoms, constitutional responsibility of the State, declaration, providing a legislative framework for and protection of human rights and fundamental freedoms.

Признанный международным сообществом и закреплённый конституциями правовых государств актуальный комплекс прав человека – результат длительного исторического становления таких критериев, которые в современном цивилизованном социуме признаются и охраняются как высшие ценности. Вместе с тем, основанные на принципе свободного выбора поведения и формального равенства, права и свободы человека являются важнейшими факторами развития любого общества. Причем преимущественно этим обусловлен характер государства, так как права человека и гражданина – ограничители абсолютного господства государственной власти.

Однако от момента формирования идеи прав человека до конституционного закрепления их современного комплекса, признания и защиты государством человечество прошло долгий и трудный путь. По этой же причине к содержанию прав человека и значению их в обществе необходимо применить конкретно-исторический подход. Задача в том, что конституционная история человечества, прежде всего история развития конституционно-правового статуса человека и гражданина, так как отсюда берут начало основы взаимоотношения человечества, общества, государства, а также демократии и прав человека [12, с. 58].

Проблема взаимоотношений государства и индивида всегда была и продолжает находиться в ряду важнейших проблем научно-правовой мысли. Она имеет многовековую историю, и каким бы ни было государство по своей сущности, «какой бы режим в нём ни

господствовал – взаимодействия человека и государства всегда представляли интерес не только теоретический, религиозный, философский, но и прикладной, поскольку без учёта этого взаимодействия невозможно было установить в обществе порядок, необходимый для господствующей элиты и для демократически избранных правителей» [32, с. 214].

Отсутствие единого мнения в юридической литературе об отношениях «государство – индивид» привело к возникновению теорий, коренным образом отличающихся друг от друга. Особое место в их ряду занимает либеральная доктрина прав человека, которая применила новый подход к взаимоотношениям человека и государства. В соответствии с этой теорией государство обязано признавать естественные права человека, уважать и защищать их от посягательства каждого, в том числе и своих. Фактически тем самым был положен предел бесконтрольного всевластия и произвола государства, определены границы воздействия государственной власти, выдвинут основной и важнейший фактор деятельности государственной власти: принцип гуманизма, признание и гарантированная защита неотчуждаемых прав человека.

История возникновения и развития естественно-правовой доктрины уходит в эпоху зарождения исходных положений этой доктрины, в основе которых лежит идея всеобщего равенства людей. Задача в том, что становление и развитие прав человека неразрывно связана «с генезисом и эволюцией содержания самого

принципа формального (правового) равенства в различные эпохи и в различных обществах» [22, с. 108].

Стоит отметить, что уже в странах Древнего Востока обращали внимание на идею равенства людей. Идеи естественного равенства людей выражались и в Древнем Китае.

Зарождение древнегреческой политико-правовой мысли обусловлено возникновением древнегреческой государственности в форме самостоятельных и независимых полисов – отдельных городов-государств. Однако необходимо подчеркнуть, что свобода того периода носила ограниченный характер, так как рабы не считались свободными гражданами полиса.

Поиски естественных основ права и закона в самой природе человека и человеческого общества предпринимали греческие софисты. Заслуга последних (Протагора, Горгия) состояла в том, что они сместили центр тяжести философской проблематики в область антропологии, в учение о человеке. В отличие от Протагора, древнегреческий мыслитель-софист Гиппий в духе естественно-правового учения противопоставил природу («фюсис») и закон («номос»), где природа, по его мнению, выступает в качестве того истинного, естественного права, которое противостоит ошибочному и искусственному полисному закону (то есть позитивному праву) [23, с. 406]. Кроме этого, софистам (Антифонт, Ликофрон, Алкидам) принадлежит идея о том, что по природе, по естественному праву все люди равны. Исходя из этого, они ставили равенство между свободными и рабами.

Понятия «естественное право» и «закон города-государства» различал и величайший мыслитель Древней Греции Сократ (469 – 399 гг. до н. э.). Однако, в отличие от прежних мыслителей, единым истоком и естественных, и законов полиса, он считал естественное правило, но не противопоставлял их, признав, что оба справедливы. Таким образом, Сократ хотел объединить в единое целое естественное, справедливое и законное, считая, что они имеют одинаковый смысл, так как все три созданы Творцом [21, с. 46 – 47]. Согласно Сократу, достижение свободы, как индивидом, так и государством возможно посредством выполнения разумных и справедливых законов полиса (города-государства). Очевидно, что он не критикует рабовладельческий строй, однако считает справедливыми и необходимыми естественные права человека, без которых было бы сложно обеспечение справедливости законов государства.

Идеи Сократа продолжал развивать его ученик Платон (427 – 347 гг. до н. э.), в проекте идеального государства которого отсутствуют частная собственность, деление людей на свободных и рабов, признаётся равноправие мужчины и женщины, хотя в число высших правителей женщины в платоновском идеальном государстве не допускаются. У Платона определение справедливости относится и к праву, а закон представляется как дитя разума [31, с. 171]. Кроме этого, мыслитель, справедливо утверждал, что государство, в котором закон не имеет силы и находится под чьей-то властью, проговорено к уничтожению.

По мнению Аристотеля (384 – 322 гг. до н. э.), право вообще и права индивида в частности, носят политический характер и возможны только в «эллинском»

государстве; закон не может насильно превратить в право или представить силу как источник права, в основе закона должно лежать право, которое будет защищаться законом, позитивное право должно быть гармонично с политической справедливостью [2, с. 616 – 623]. Кроме этого, особого внимания заслуживает последовательная защита Аристотелем прав человека на частную собственность и индивидуальную семью.

В эпоху эллинизма прогрессивные идеи о государстве и праве выдвигал и Эпикур (341 – 270 гг. до н. э.). Он считал, что главная цель государства и основания политического общения – обеспечение взаимной безопасности людей. В основе эпикуровской договорной трактовки государства и права лежат идеи свободы, справедливости, равенства и независимости людей, которые впоследствии стали основополагающим камнем ряда прогрессивных учений.

В дальнейшем усилиями греческих и римских стоиков (от Зенона до Сенеки) идея равенства людей, как сограждан единого космополитического государства, была выведена за узко-полисные рамки и распространена на всех представителей человеческого рода.

С позиций естественного права философское учение о государстве, законе и правах человека разработал Цицерон (106 – 43 гг. до н. э.). Суть справедливости, с точки зрения прав человека, считал он, состоит в правовом равенстве людей, а не в уравнивании их имущественного положения. Нарушение неприкосновенности частной или государственной собственности расценивалось им как нарушение справедливости и права.

Идеи, о правах человека, представляющие огромную правовую ценность, выражали и римские юристы. Последние считали, что естественные права человека неразрывно связаны с принципом справедливости [22, с. 433], – все рождаются свободными. Однако они признавали и рабство. Учение римских юристов об естественно-правовой справедливости и справедливом праве имело существенное значение для формирования и развития юридической концепции прав и свобод человека, понимания правового государства, определения полномочий и обязанностей должностных лиц. Кроме этого, согласно римской юриспруденции, государство в его отношениях с индивидом стоит не вне и над порядком, а внутри в качестве его составной части, которой присущи все основные свойства права. Более того, критерием справедливого, правомерного и правильного во взаимоотношениях между индивидом и государством является не государство, а право (правовая справедливость, справедливое право – *boni et aequi, aequum jus*). Поэтому государство не может поступать с человеком в соответствии с установленными им не правовыми нормами, а должно руководствоваться правилами правовой справедливости. И подчеркнём важнейшее – римские юристы связь индивид-государство стали рассматривать в качестве правоотношения, в котором единое определение права распространяется на обе стороны.

Новое дыхание и звучание идеям о правах, свободах и равенстве было передано на следующем этапе развития цивилизации и истории человечества – в Средние века (V – XVI вв.). На этом этапе истории официальной идеологией феодального общества признаётся христианская религия. Политико-правовая и

философская мысль данного периода носила отпечаток абсолютизированной власти церкви и религии, так как церковь считала своей монополией установление правил существования и развития государства, права и образования и научной мысли вообще. Некоторые светские и религиозные авторы пытались различными формами и направлениями развивать идеи о всеобщем равенстве людей, справедливости, правах и т. д.

В армянской действительности естественные права человека последовательно защищал Мхитар Гош (1130 – 1213 гг.). В статье «Г» второй части своего Судебника он пишет, что «люди рождаются Творцом свободными, равными и лишь по материальным причинам становятся господами и крепостными» [39, с. 134]. Кроме этого, Гош предлагает идею разделения властей на две ветви: государственную (королевскую) и церковную, которые должны были обеспечить армянскую государственность, стабильность общества, защищает принцип свободы совести, равенство всех перед законом и наделение одинаковыми правами, необходимость уважения и защиты человеческого достоинства законом, идею наделённого равными правами и обязанностями не только человека, но и гражданина государства.

Идеи естественно-правового равенства и свободы всех людей получили новое звучание в христианстве. Необходимо отметить, что, зародившись при рабовладельческом строе, христианство выступило как религия свободы и сыграло важную роль в процессе становления и развития универсальных понятий прав человека. Согласно христианству, все люди равны как «дети Божии» [цит. по 32, с. 58]. Более того, всеобщее равенство в христианстве сочетается с всеобщей свободой, указывая, что люди должны жить в любви и согласии, соблюдая заповеди Священного Писания. В контексте вышесказанного особенно важным является то, что, даже если человечество оставит без внимания все другие положения Библии, и в своих действиях будет руководствоваться только одним, в частности: «Итак, во всём, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки» (Мф., 7, 12), то, наверное, не было бы никаких споров о правовом равенстве, так как, в сущности, всеобщее правило поведения касается всех.

В этой связи в юридической литературе выражается мнение о том, что Священное Писание является всеобъемлющим сводом общечеловеческих духовных ценностей. В правовом смысле оно содержит как естественные, так и позитивные, права человека, а точнее – основные принципы создания норм позитивного права как необходимого связующего звена для перехода от естественного права к позитивному [29, с. 9].

В данном случае заслуживает внимания тот факт, что в христианском мышлении (Библия, Ветхий Завет, Евангелие, часть первая) человек был сотворён по велению Бога и заслуживает уважения. С этой же целью Библия указывает и учит правилам верной, человеческой и достойной жизни.

Идеи христианской религии глубоко разрабатывались и развивались в политико-правовых учениях ряда мыслителей Средних веков. К ним относился и доминиканский священник, учёный-богослов Фома Аквинский (1225 – 1274 гг.), который считал, что цель

государства – обеспечить условия «общего блага» членам общества, их разумной и достойной жизни. В плане развития концепции прав человека, он предлагал идею естественного закона, согласно которой все люди должны стремиться к самосохранению и продолжению рода, искать истину и истинного Бога, уважать достоинство каждого человека (которое имеет божественное происхождение).

XVII век открывает новую страницу в развитии политико-правовой мысли, которая исторически следует за средневековьем, и которую принято называть Новым временем. Для него характерны такие общие черты, как разрушение феодальных отношений и возникновение ранних капиталистических отношений, усиление авторитета буржуазных прослоек общества, критический пересмотр религиозных учений. И в это время в борьбе со средневековой консервативной идеологией возникла система качественно иных социально-философских взглядов, стержнем которой стала идея о необходимости утверждения самоценности личности, признания достоинства и автономии всякого индивида, обеспечения условий для свободного развития человека, предоставления каждому возможности собственными силами добиваться своего счастья [8, с. 117].

В соответствии с новыми условиями разрабатывались и новые теории прав человека в работах Г. Гроция, Т. Гоббса, Б. Спинозы, Д. Локка, Ш. Монтескье, Д. Дидро, Ж. Ж. Руссо, Т. Джефферсона, Т. Пейна, И. Канта, Г. Гегеля и др. К таким относилась новая рационалистическая теория прав человека, где обосновывались новые концепции прав и свобод личности. Основанная на идее необходимости господства права в отношениях между индивидом и государством, теория внесла большой вклад в формирование нового юридического мировоззрения, в идеологическую подготовку буржуазных революций и юридическое закрепление их результатов.

Один из представителей философии Нового времени Г. Гроций (1583 – 1645 гг.) сыграл существенную роль в формировании рационалистической теории естественных прав человека, а также концепции общественного договора как источника происхождения государства и правовой основы деятельности государства. В своём фундаментальном труде [6] он обосновал деление права на естественное и внутригосударственное, выдвинул договорную концепцию происхождения государства. Кроме того, с пониманием государства как «совершенного союза свободных людей» связано и положение о естественном праве человека сопротивляться насилию властей, нарушающих условия общественного договора.

Развивая естественно-правовые идеи и договорную концепцию государства, Б. Спиноза (1632 – 1677 гг.) отмечал, что цель государства – свобода. Придавая огромное значение решению проблемы отношений государства и человека, он исследовал факторы, определяющие пределы государственной власти в её отношениях с индивидами [38, с. 300 – 303].

В разработке теории о неотъемлемых естественных правах человека, правовой организации государственной жизни, разделении властей и верховенстве закона неопределима роль английского мыслителя Д. Локка [15, с. 31 – 123] (1632 – 1704 гг.), французского юриста

Ш. Монтескье (1689 – 1775 гг.), Дидро (1713 – 1784 гг.), П. Гольбаха (1723 – 1789 гг.), К. Гельвеция (1725 – 1771 гг.), Ж. Ж. Руссо (1712 – 1773 гг.). Последние сформировали теорию естественных прав человека, согласно которой все рождаются свободными и равными в правах, государство создается на основании общественного договора, и его деятельность должна быть направлена, в первую очередь, на защиту прав людей.

Огромный вклад в сферу философского исследования проблем прав и свобод человека, взаимоотношений индивида и государства с либерально-гуманистических позиций внёс известный немецкий мыслитель И. Кант (1724 – 1804 гг.) [цит. по 12, с. 73]. Согласно Канту, политика государства должна быть подчинена морали и праву, категорическим императивам разума о правах и свободах личности [9, с. 72]. Философ к проблеме прав и свобод человека подходит издали, рассматривая эти общечеловеческие ценности не на ограниченной территории государства, а во всемирном масштабе, в перспективе прогрессирующего движения к установлению единого гражданского общества, вечного мира и солидарности между народами.

Обоснованные идеи о правах и свободах человека, правовом государстве выдвигал и другой крупный немецкий мыслитель Гегель (1770 – 1831 гг.). По его мнению, идея свободы людей достигает своей полной реализации лишь в конституционно оформленных и развитых государствах [5, с. 89]. Гегель различал гражданское общество и политическое государство. При этом под первым понимал буржуазное общество, где реализуются права и свободы человека как частного лица. А государству отведены (политические) сферы деятельности законодательства, суда и полиции, направленные на охрану важнейших интересов гражданского общества. В государстве он видит реализацию идеи разума, свободы и права. Одновременно, согласно Гегелю, государство должно по возможности воздерживаться от вмешательства в деятельность гражданского общества [20, с. 61 – 72].

Разработанные параллельно с развитием человеческой мысли идеалы свободы, равенства, естественных и неотчуждаемых прав человека постепенно находят своё выражение в великих исторических правовых актах.

В этом контексте ярким выражением армянской конституционной мысли стала работа «Западня для тщеславных» Акопа и Шаамира Шаамирянов. Она [7] состоит из двух частей. Первая часть посвящена основным положениям и принципам национально-политической концепции авторов, их историческому и теоретическому обоснованию, вторая – государственному законопроекту освобождённой Армении, то есть проекту целостной и завершённой конституции. Авторы подходили к проблемам соотношения права человека и нации, права и закона, закона и государства с позиций естественно-правовой теории. Они считали необходимым формирование такой власти, которая выражала бы волю общества и обеспечивала права и свободы каждого человека. Для реализации указанного, особое внимание обращалось на возможность осуществления народом контроля над деятельностью государственной власти, замена правительства, не выражающего интересы общества.

Согласно Шаамирянам, государственные законы должны соответствовать «естественной и разумной природе» человека, признавать и защищать его естественные права, выражать интересы общества, исполняться и быть обязательными для всех членов общества.

Проблемами обоснования, признания и защиты прав человека занимались не только европейские, но и армянские [1; 10; 17; 18; 19; 35; 36 и др.] выдающиеся мыслители, чьи идеи явились большим вкладом в обеспечение развития идей прав человека, государства, формирования внутригосударственного и международного права.

Таким образом, пройдя длительный и сложный исторический путь, личные права и свободы человека нашли своё закрепление в важнейших исторических документах: в Великой хартии вольностей (1215 г.), Петиции о праве (1628 г.), Хабеас корпус [подробнее см.: 28, с. 23] акте (1679 г.), Билле о правах (1689 г.), Акте о дальнейшем ограничении короны и лучшем обеспечении прав и вольностей подданного (1701 г.); Декларации прав Виржинии [16, с. 17], Декларации независимости США (1776 г.) [45, с. 305], Билле о правах (1791 г.) (Все поправки указанного документа посвящены ограничению государственной власти по отношению к индивиду. Согласно первой поправке Конгрессу запрещалось издавать законы, ограничивающие свободу слова, печати, собраний, вероисповедания. Третья, четвёртая и пятая поправки закрепляли неприкосновенность жилища, право тайны переписки, запрещали незаконные обыски, разрешали гражданам отказываться от дачи таких показаний, которые могли навредить им) [33, с. 224 – 445]; Декларации прав человека и гражданина (1789 г.); конституциях Франции, Бельгии и других европейских стран. Однако либеральный век существенно не расширил перечень этих прав и свобод, например, бельгийская Конституция 1831 г. в более урезанной форме закрепила перечень прав французской модели.

Предполагается, что роль указанных правовых актов неопределима по многим критериям, однако в рамках рассматриваемой темы существенно то, что в результате их принятия, индивид становится автономным, государство лишается права на вмешательство в сферу свободы личности, защищаемую законом, человек и гражданин приобретают гарантии государственной защиты в случае нарушения их прав и свобод, а признание и обеспечение прав человека становятся важнейшей обязанностью государства, смыслом и целью существования последнего.

Под влиянием бурно развивающейся передовой европейской политико-правовой мысли, революционных преобразований в XVIII в. в США и Франции, а также принятия соответствующих документов естественно-правовые идеи о неотчуждаемых правах и свободах человека, равенстве всех людей получили распространение и в России. Защитниками этих идей были А. Н. Радищев (1749 – 1802), Б. Н. Чичерин (1829 – 1904), П. И. Новгородцев (1866 – 1924), В. С. Соловьёв (1853 – 1900), Н. А. Бердяев (1874 – 1948) и многие другие.

С точки зрения естественно-правовых взглядов, А. Н. Радищев развивал представления о свободе и равенстве всех людей в естественном состоянии, о до-

говорном происхождении государства, о неотчуждаемых правах человека на свою жизнь, собственность, равный суд, свободу мысли и слова, о суверенитете народа и его праве свергнуть несправедливый строй [34, с. 130, 176 – 177, 437].

С либерально-индивидуалистических позиций Б. Н. Чичерин защищал свободу, равенство и права людей [41]. По поводу неотчуждаемых прав человека он придерживался позиций Канта, который утверждал, что прирожденное право человека только одно, а именно свобода: все остальное в ней и из нее вытекает. Признание человека свободным лицом Чичерин характеризовал как величайший шаг в историческом движении гражданской жизни и достижение той ступени, когда гражданский порядок становится истинно человеческим. С указанных позиций он обосновывал необходимость реформирования российского самодержавия и продвижения страны к гражданскому обществу и правовому государству (в форме конституционной монархии).

Защита естественно-правовых идей прав личности и свободы занимает основное место в творчестве П. И. Новгородцева. В целом весь его подход пронизан стремлением утвердить нравственный идеализм в юриспруденции. Новгородцев призывает к возрождению естественного права в качестве необходимой духовной основы права. Только с помощью таких идеальных построений и морального обоснования права можно преодолеть кризис современного правосознания [26, с. 200]. Многие народы положили эту идею в основу своего строя.

Естественное право, согласно Новгородцеву, представляет собой неискоренимую потребность человеческого мышления и исконную принадлежность философии права [24, с. 110]. И, кроме этого, естественное право в его соотношении с позитивным правом выступает как идеал, «создаваемый ввиду недостатков и несовершенств положительных установлений».

Защитником идей свободы, равенства и прав человека был В. С. Соловьев. Он трактовал взаимосвязи естественного и положительного права как соотношение разумной сущности права и ее реального проявления в действующем праве. Согласно Соловьеву, в основе права лежит свобода как характеристический признак личности [37, с. 98]. Правом определяется отношение лиц. То, что не есть лицо, не может быть субъектом права. Но свобода лица, отмечал он, превращается в право только тогда, когда за всеми (по общему правилу) одинаково признается их свобода. И поэтому признание свободы и равенства субъектов права в качестве необходимого условия права – это и есть выражение смысла требований и естественного права, которое «всцело сводится к этим двум факторам». Свобода при этом выступает как субстрат права, а равенство – есть необходимая форма.

Выступая с позиций нравственного правопонимания, Соловьев утверждал, что «право (то, что требуется юридическим законом) есть низший предел, некоторый минимум нравственности, равно для всех обязательный». При этом степень и способы реализации добра с помощью права зависят от уровня нравственного сознания общества и от других исторических условий.

Согласно Соловьеву, из сущности права как равновесия двух нравственных интересов (личной свободы и общего блага) вытекает, что общее благо может лишь ограничить личную свободу, но не упразднить ее. А государство, им рассматривалось как «воплощенное право» [37, с. 338] и правовая организация общественного целого, признающая права и свободы личности и заключающая в себе полноту положительного права и единую верховную власть. Вместе с тем в духе христианского гуманизма и идеалов нравственной солидарности человечества Соловьев характеризовал государство «как собирательно-организованную жалость». Он считал, что согласно христианскому правилу общественного прогресса необходимо, чтобы государство «как можно вернее и шире обеспечивало внешние условия для достойного существования и совершенствования людей». То есть, Соловьев, по существу, защищал идеи не только о правовом, но и о социальном государстве, призванном обеспечить определенный набор социальных прав человека.

Свобода личности рассматривалась в качестве основной проблемы творчества Н. А. Бердяева. Права и свободы личности он освещал с позиций разработанной им оригинальной философской концепции христианского персонализма [4]. В своем учении о свободе человека Н. А. Бердяев отличает личность от индивида. Индивид – категория биологическая, социологическая, а личность есть категория духовная. Именно в качестве личности человек есть микрокосм, универсум, а не часть или атом какого-то внешнего целого (общества, государства и т. д.) [3].

Ключевое место в бердяевской концепции правопонимания занимают понятия абсолютных и неотчуждаемых прав человека, имеющих божественное (и духовное) происхождение и идущих от Бога, а не от природы, общества, государства. Корни этого права в том, что «от Бога происходит лишь свобода, а не власть». В иерархии ценностей личность выше государства: личность принадлежит вечности, несет в себе образ и подобие Бога, а государство лишено всего божественного и принадлежит времени и в отличие от личности никогда не войдет в Царство Божье. И хотя личность и государство пребывают в различных кругах бытия, эти круги «соприкасаются в небольшом отрезке». Здесь речи идет о столкновении свободы и власти. В этом столкновении, по мнению Бердяева, друг другу противостоят абсолютные неотчуждаемые права человека и суверенитет государства или любой другой власти. Эту коллизию он решает в пользу верховенства личности и ее неотчуждаемых прав с позиций всеобщего и последовательного отрицания суверенитета любой власти в этом мире.

В трактовке Бердяева любое государство, если оно не имеет тоталитарных претензий, должно лишь признать свободу человеческой личности, которая изначально принадлежит человеку как духовному существу, а не дана ему какой-то внешней властью.

Вместе с тем, положительно оценивая сами идеи о неотчуждаемых правах человека, развитие в религиозных учениях о естественном праве, Бердяев в философско-концептуальном плане трактует эти неотчуждаемые права человека как именно духовные, а не естественные.

Необходимо отметить, что естественно-правовая теория прав человека на протяжении веков не была единственной в определении взаимосвязей индивида и государства, взаимодействия прав человека и государственной власти. Естественно-правовой доктрине противостоял и в значительной мере продолжает противостоять позитивистский подход к природе прав человека, взаимоотношениям человека и государства [32, с. 22], согласно которому права человека, их содержание и объем определяются государством. Задача в том, что различные мнения по этим проблемам не ограничиваются только научной сферой, а находят своё отражение в конституциях современных государств. Так, в конституциях Италии, Испании, США, Франции своё юридическое закрепление нашла естественно-правовая концепция прав человека, в конституциях Австрии, ФРГ – позитивистская. Однако различия в закреплённых нормах не имеют существенного значения, поскольку основные законы этих стран основаны на принципах защиты прав человека.

Современный этап развития государственности Российской Федерации имеет своё специфическое воздействие на конституционную доктрину, которая в себе обобщает как взгляды советского периода, так и подходы современных демократических государств. В данном случае важно то, что любое правовое государство должно подойти к делам общества с точки зрения гарантирования и защиты прав и свобод человека. Однако ограничение государственной власти правами человека не должно вести к абсолютной минимизации роли государства, так как оно является институтом, придающим общеобязательную силу правам и свободам человека и гражданина. В то же время ошибочно считать, что государства, признающие естественно-правовую теорию происхождения прав человека, против их позитивного закрепления, поскольку многие современные страны действуют в направлении смягче-

ния противоположностей этих двух теорий [28; 30; 42; 44]. Поэтому необходимо применить такой гармоничный подход, когда позитивистская теория учтёт нравственные стороны свободы, справедливости, достоинства и самоценности человека, а естественно-правовая доктрина будет иметь ввиду, что, приобретая законодательное закрепление, права человека получают дополнительную силу, а государство обязуется обеспечить и защитить права человека [15, с. 160].

Современные государства не могут не признать комплекс прав, необходимых для достойной жизнедеятельности человека (право на жизнь, неприкосновенность достоинства, личности, жилища и др.), которые принадлежат ему с момента его рождения. Однако естественные права человека могут полностью защищаться только после получения юридической формулировки. То есть, государство обязано конституционно закреплять, обеспечивать и защищать эти права и свободы, поскольку смысл существования и конечная цель деятельности государства – защита прав и свобод человека.

Исходя из этого, в наши дни конституционная практика развитых государств в определённой мере смягчила противостояние естественно-правовых и позитивистских подходов к проблеме прав человека закреплением его основных прав и свобод, и, как следствие, исключив попытки насилия и незаконных действий по отношению к личности со стороны государства, признав автономии человека, приоритет его прав и свобод по отношению к государству. В связи с этим Конституция Российской Федерации закрепляет широкий перечень прав и свобод человека и гражданина, что соответствует духу современной мировой конституционной практики. Вместе с тем эти общечеловеческие ценности обеспечиваются системой гарантий и необходимыми средствами защиты.

Литература

1. Акопян, В. Армянский Законник / В. Акопян. – Ереван, 1964. – Т. 1 (на арм. яз.); – Т. 2. – Ереван, 1972. – 256 с.
2. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. – Минск: Изд. Литература, 1998. – 1392 с.
3. Бердяев, Н. А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии // Н. А. Бердяев Царство Духа и царство Кесаря. – М., 1995. – 264 с.
4. Бердяев, Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого / Н. А. Бердяев // О назначении человека. – М., 1993. – 292 с.
5. Гегель. Философия права / пер. с нем. яз., авт. вступ. ст., с. 3 – 43 и примеч. В. С. Нерсисянц. – М.: Изд. Мысль, 1990. – 524 с.
6. Гроций, Г. О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права / Г. О. Гроций; пер. с латин. А. Л. Сакетти. – М.: Госюриздат, 1956. – 868 с.
7. Западня для тщеславных. – Ереван: Айастан, 2002. – 298 с. (на арм. яз.).
8. История политических и правовых учений. – 2-е изд. / под общ. ред. В. С. Нерсисянца. – М.: Норма-Инфра, 1999. – 736 с.
9. Кант, И. Сочинения: в 6 т. – Т. 4. – Ч. 2 / И. Кант; под общ. ред. В. Ф. Асмуса. – М.: Мысль, 1965. – 478 с.
10. Князь Смбат. Судебник Князя Смбата (Гундстабля), (Киликийский Судебник 13-го века). В соответствии с рукописью опубликовал Арсен св. Клетчан. – Эджмиадзин, 1918. – 86 с. (на арм. яз.).
11. Коваленко, А. И. Конституционное право России / А. И. Коваленко. – М.: Изд. Право и закон, 1997. – 208 с.
12. Конституционное законодательство России / Под ред. Ю. А. Тихомирова. М.: Городец, 1999. – 382 с.
13. Конституция США, американская демократия. Джеймс К. Вильсон. Из книги: Американское правительство, учреждения и политика / пер. с англ. А. Эмина. – Ереван: Фюник, 1993. – 47 с.
14. Локк, Д. Избранные философские произведения / Д. Локк. – М., 1960. – Т. 2. – 426 с.
15. Лукашук, И. И. Глобализация, государство, право, XXI век / И. И. Лукашук. – М.: Спарк, 2000. – 279 с.

16. Маркс, К. Сочинения: в 30 т. – Т. 16 (сентябрь 1864 – июль 1870), изд. 2-е / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Госполиздат, 1960. – 839 с.
17. Мхитар, Гош Басни / Г. Мхитар, В. Айгекци. – Ереван: Айпетрат, 1951. – 42 с. (на арм. яз.).
18. Мхитар, Гош. Судебник / Г. Мхитар; под ред. Х. Т. Торосьяна. – Ереван: Изд. Академии наук АрмССР, 1975 (на арм. яз.);
19. Нерсес, Шнорали. Жизнь и литературная деятельность (сборник статей) / Ш. Нерсес; ред. кол. Л. С. Хачикян [и др.]. – Ереван, 1977. – 227 с. (на арм. яз.).
20. Нерсисянц, В. С. Гегель / В. С. Нерсисянц. – Ереван, 1986. – 156 с. (на арм. яз.).
21. Нерсисянц, В. С. Сократ: жизнь и учение / В. С. Нерсисянц; ред. Л. Г. Нерсисян. – Ереван: Айастан, 1989. – 243 с. (на арм. яз.).
22. Нерсисянц, В. С. Философия права / В. С. Нерсисянц. – М., 1997. – 652 с.
23. Нехаева, Т. Г. Конституционный статус судьи – гарантия судебной защиты прав и свобод гражданина / Т. Г. Нехаева // Администратор суда. – 2009. – № 2. – С. 4 – 8.
24. Новгородцев, П. И. Лекции по истории философии права. Учения Нового времени. XVI – XIX вв. – 3-е изд. / П. И. Новгородцев. – М., 1914. – 234 с.
25. Новгородцев, П. И. Об общественном идеале / П. И. Новгородцев // Власть и право. Из истории русской правовой мысли. – М., 2009. – 241 с.
26. Новгородцев, П. И. Право на достойное человеческое существование / П. И. Новгородцев // Русская философия собственности. XVII – XX. – СПб., 2008. – 249 с.
27. Нуркаева, Т. Н. Личные (гражданские) права и свободы человека и их охрана уголовно-правовыми средствами: вопросы теории и практики / Т. Н. Нуркаева. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 254 с.
28. Опалева, А. А. Ограничение личной неприкосновенности как результат гармонизации интересов личности, общества и государства / А. А. Опалева // Гражданин и право. – 2009. – № 6. – С. 21 – 26.
29. Папаян, Р. Христианские корни современного государственного права: Библия и основные права человека / Р. Папаян. – Ереван, 2000. – 160 с.
30. Михайловская, И. Б. Суды и судьи: независимость и управляемость: монография / И. Б. Михайловская. – М: Проспект, 2010. – 80 с.
31. Платон. Государство. Законы. Политик. – М., 1998. – 798 с.
32. Права человека / отв. ред. Е. А. Лукашева. – М.: НОРМА, 2003. – 573 с.
33. Права человека накануне XXI века: российско-американский диалог / отв. ред. Б. Гросс [и др.]. – М.: Изд. ИГПРАН Российской Федерации, 1994. – 346 с.
34. Радищев, А. Н. Избранные философские сочинения / А. Н. Радищев. – М., 1949. – 558 с.
35. Самуельян, Х. История древнего армянского права. – Т. 1 / Х. Самуельян. – Ереван: АРМФАН, 1939 (на арм. яз.) – 363 с.
36. Сафарян, Г. Памятники армянского права (V – XIII вв.) / Г. Сафарян, Г. Хачатурян. – Ереван: Арег, 1994 (на арм. яз.). – 48 с.
37. Соловьев, В. С. Оправдание добра / В. С. Соловьев. – М., 1996. – 479 с.
38. Спиноза, Б. Избранные произведения / Б. Спиноза. – М., 1957. – Т. 2. – 632 с.
39. Товмасян, А. Древнее и средневековое армянское уголовное право, ЕГУ / А. Товмасян. – Ереван, 1962. – С. 134 (на арм. яз.) – 660 с.
40. Федералист (Политическое эссе Александра Гамильтона, Джеймса Мэдисона и Джона Джея) / пер. с англ. под ред. с предисл. Н. Н. Яковлева). – М.: Прогресс, 1993. – 342 с.
41. Чичерин, Б. Н. Философия права / Б. Н. Чичерин. – М., 1900. – 344 с.
42. Широбоков, С. А. Конституционно-правовые аспекты участия граждан в управление делами государства в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / С. А. Широбоков. – Екатеринбург, 2011. – 49 с.
43. Эбзеев, Б. С. Введение в Конституцию России: монография / Б. С. Эбзеев. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 560 с.
44. Эбзеев, Б. С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности / Б. С. Эбзеев. – М.: Норма, 2008 – 384 с.
45. The American Revolution 1763 – 1783. A Bicentennial Collection (Doc. History of the United States). – N. Y., 1970. – 443 p.

Информация об авторе:

Балаян Эллада Юрьевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного и административного права КемГУ, +7951-573-11-94, elladalaw@rambler.ru.

Ellada Yu. Balayan – Candidate of Law, Assistant Professor at the Department of Constitutional and Administrative Law, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 30.04.2014 г.

УДК 340:004

СПОСОБЫ ПРИЧИНЕНИЯ СМЕРТИ ОГНЕМ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫЕ СИТУАЦИИ РАСКРЫТИЯ УБИЙСТВ, ГДЕ ОГОНЬ ВЫСТУПАЕТ КАК ОРУДИЕ (СПОСОБ) СОКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Р. Г. Дранезо

METHODS OF CAUSING DEATH WITH FIRE AND SPECIAL INVESTIGATION PROCEDURES FOR SOLVING MURDERS WHERE THE FIRE ACTS AS MEANS CONCEALING THE CRIME

R. G. Drapezo

В статье автор делает попытку систематизировать «способы» использования огня против человека, включая и убийства. Сопоставляются способы причинения смерти при помощи огня с группами потерпевших (жертв) и мотивами совершенного деяния. Описываются поисковые признаки и соответствующие им оперативно-розыскные ситуации, возникающие на этапе раскрытия убийств, где огонь выступает как орудие (способ) сокрытия преступлений.

The author attempts to systematize the “ways” of using of fire against people, including murders. Ways of causing death by means of fire are compared with groups of injured (victims) and motives of to perform criminal acts. Search signs and the corresponding special investigation procedures arising at a stage of solving of murders where fire acts are used as means concealing crimes are described.

Ключевые слова: убийства, где огонь выступает как орудие (способ) сокрытия преступления, оперативно-розыскные ситуации, оперативно-розыскные версии, поджоги.

Keywords: murders where fire acts serve as means of concealing the crime, special investigation procedures, quick investigation versions, arsons.

Только за 2013 год Департаментом надзорной деятельности МЧС России в нашей стране было зафиксировано официально около 160 тыс. случаев пожаров [14], в которых погибло свыше 10500 человек, получили травмы около 11 тыс. человек. Согласно той же статистике, четвертое место по основным причинам пожаров, удерживают поджоги (более 16 тыс. за 2013 год), ущерб от которых составил более 3 млн руб. Если учесть «не установленные» (~ 2 тыс.) и «прочие» (~ 16 тыс.) причины пожаров, и условно, конечно, отнести их в строку причин «поджоги», то последние будут занимать вторую позицию среди основных причин пожаров. В пользу этой версии скажем, что по 97 – 98 % случаев от возникших пожаров отказывают в возбуждении уголовных дел, из них в более чем 82 % случаев причины пожаров не установлены. И дело здесь не только в латентности подобных преступлений (имеется в виду убийств сопряженных с огнем) и отсутствием соответствующего показателя в статистической отчетности, как справедливо отмечает Э. В. Лантух [10, с. 3 – 5], но и в их укрывательстве, что убедительно описано в монографии А. Л. Протопопова [18, с. 118 – 127].

В изученной нами оперативно-следственной практике встречаются подобные ситуации [1]. Так, 17 декабря 1995 г. (№ дела 12194) во время распития спиртных напитков между гр. П. Д., М. А. и П. возникла ссора, в ходе которой П. Д. и М. А. задушили П. После чего, они же изнасиловали несовершеннолетнюю З. и с целью сокрытия убийства обложили труп П. горючими материалами и вместе с домом сожгли его. По данному факту в возбуждении уголовного дела было отказано, хотя труп при его осмотре был сверху завален ветошью, обломками деревяшек, что как минимум свидетельствует об

умышленных действиях по сокрытию следов убийства. Потерпевшая З. при ее изнасиловании была заражена венерическим заболеванием и под влиянием матери обратилась в следственные органы. Только после этого 25 сентября 1996 г. было возбуждено уголовное дело, а приговор вынесен 24 марта 1998 г. Понятно, что никакая оперативно-розыскная работа по данному примеру не проводилась.

Лидирующее положение среди объектов пожаров по-прежнему занимает жилой сектор (более 105 тыс. ед. объектов). Подавляющая часть убийств, где огонь выступает как орудие (способ) сокрытия преступления, совершаются именно в жилом секторе либо, так или иначе, в жилищах (садовые домики и т. п.). В среднем по изученным уголовным делам и актам судебно-медицинского исследования обгоревших трупов данный показатель колеблется от 60 до 80 %.

Важно обратить внимание на то, что участились пожары в местах, для которых характерно скопление большого количества людей, а именно: в ночных клубах, интернатах, домах престарелых, жилом секторе. Также участились случаи сжигания заживо молодыми людьми лиц без определенного места жительства [19]. Не вдаваясь в остальные примеры использования огня против человека пока с определенной вероятностью и осторожностью приведем «способы» причинения смерти с помощью огня, включая и убийство. Такая градация представляется не очередной вещью в себе, не еще одним фантомом. Если воспользоваться методологическим принципом У. Оккама, когда «не следует привлекать новые сущности без крайней на то необходимости», то, исходя из обратного понимания данного принципа, появляется потребность каким-то образом описать некое явление (действие огня) в обществе. Кроме

того, такая градация способов поможет в выдвижении оперативно-розыскных и следственных версий о мотиве преступлений, о личности преступника, его местонахождении, поможет в своевременности проведения профилактических мероприятий и т. п.

Итак, первым способом причинения смерти огнем человеку, можно назвать коллективную гибель людей в замкнутых пространствах. Так, в частности, трагедия, случившаяся в Подъельске в результате пожара дома престарелых, унесла жизни 23 стариков. Трагедия в Перми, случившаяся в конце 2009 года, унесла жизни более 150-ти молодых людей. Только за этот год зафиксированы значимые пожары в таких местах как Раменский филиал Московской областной психбольницы, где заживо сгорели 38 человек; в Красноярском крае в частном доме заживо сгорели шестеро детей; в г. Москва в июне 2013 года второй раз загорелась наркобольница [20], но на этот раз обошлось без жертв. Первый раз наркобольница горела в 2006 году, пожар унес жизни 45 человек. Основной версией пожара тогда признали поджог. В апреле 2014 года на Алтае сгорел реабилитационный центр, где погибли 8 человек.

Подобное положение дел, помимо всех прочих причин, на наш авторский взгляд, кроется в совершенно неожиданных вещах. Так, например, если здание (сооружение) было построено в соответствии с ранее действовавшими нормативами [17] и назначение и класс его пожарной опасности при этом, не менялся, то в настоящее время нельзя обязать собственника или лицо, эксплуатирующее данное здание (сооружение) привести его в соответствие с современными требованиями пожарной безопасности. Начиная с 2010 года, только Арбитражным судом Кемеровской области было рассмотрено порядка 40 дел [16], связанных с надзором за пожарной безопасностью. Отметим, что иски органов МЧС в большей своей части не были удовлетворены. Можно предположить, что трагедии в Подъельске, Перми, Москве, Красноярске и т. д., унесшие десятки и сотни жизней, связаны именно с применением ранее действовавшими СНиП, а также назначением и классом пожарной опасности здания. Конечно, дело не в самих СНиП, а в зданиях. К примеру, не предусмотрено нормативно закрепленное расстояние (30 – 60 см.), требуемое от окна до пожарной лестницы.

Второй способ можно условно назвать как воздействие огня против родственников и близких. Примерами могут служить многочисленные случаи, когда обиженные бывшие сожители поджигают дома своих бывших сожительниц вместе с семьями (с детьми, тещей и т. п.), предварительно делая подпорки [21]. Изучение оперативно-следственной практики показало, что в 100 % случаев подпорку применяют родственники или достаточно знакомые потерпевшему лица. В уголовном деле № 860596 [1] с 7 на 8 марта 1999 года на дом потерпевших совершено нападение. Преступники взломали дверь, избили потерпевших, взяли ценные вещи. Потерпевших переместили в чулан и подперли дверь чулана палкой, после чего подожгли дом. Один из преступников оказался хорошим знакомым потерпевшим, который в последнее время проживал вместе с ними.

С подпиранием и запираанием есть нюанс, который необходимо знать оперативным работникам. Ситуация, когда преступник в замке ломает ключ или запирает потерпевшего на замок, характеризуется тем, что преступник и потерпевший незнакомы или мало знакомы. В уголовном деле № 121860 [1] 6-го января 2001 года в квартире многоэтажного дома после тушения пожара был обнаружен труп неизвестного мужчины с телесными повреждениями в области грудной клетки и головы. Замок во входной двери был заклинен. В замочной скважине обнаружена часть ключа, что можно рассматривать как аналог применения подпорки. Преступник и потерпевший познакомились непосредственно перед убийством за совместным распитием спиртных напитков.

Третий способ представляет собой «деятельность» так называемых «черных риелторов», которые активизировались в последние годы в Московской, Кемеровской, Амурской областях, Приморском крае и др. Последние в преступных целях не пренебрегают способами сожжения заживо, либо уже трупов потерпевших в качестве средства сокрытия следов преступления.

Четвертый способ можно представить как безмотивное, преимущественно в качестве средства «развлечения» подростками воздействие огня на лиц асоциальной направленности (бомжей и т. п.). Как было упомянуто выше, такие случаи уже не редкость, когда молодые люди заживо сжигают лиц без определенного места жительства. Так, 7 мая 2012 года гражданка без определенного места жительства (бомж) М. была госпитализирована в медицинское учреждение с ожогами 3 – 4 степени из общежития. 28 декабря 2012 года от полученных телесных повреждений М. скончалась. В материалах проверки имеется объяснение М., согласно которому 7 мая 2012 года находясь в общежитии, ее подожгли неизвестные молодые люди, бросив на ее одежду непотушенную сигарету, отчего произошло ее возгорание [11].

И пятый способ, можно охарактеризовать как направленную на убийство, где огонь выступает как орудие (способ) сокрытия других преступлений. Пятый способ пока предварительно имеет две разновидности: раскрытые и также раскрытые преступления, но в отношении которых остались некоторые неточности. Первая разновидность представлена материалами уголовных дел. Нами были изучены по специально разработанной анкете материалы 322 уголовных дел, возбужденных по факту совершения убийства и рассмотренных Кемеровским областным судом с 1989 по 2011 год. Помимо «рядовых» убийств так или иначе сопряженных с огнем, у всех на слуху и так называемые резонансные убийства, всколыхнувшие сознание общественности. Так, на Украине в г. Николаев, трое подозреваемых совершили групповое изнасилование 18-летней М., после чего с целью сокрытия этого преступления попытались убить жертву, а позднее – подожгли ее. Пострадавшей удалось выжить, и утром 10 марта 2012 года, ее случайно обнаружили и доставили с тяжелейшими ожогами в больницу. 29 марта

2012 года девушка умерла от сильного легочного кровотечения [22].

И даже в отношении тех преступлений, которые, казалось бы, раскрыты, предложенные нами методики позволяют выдвигать версии, объясняющие оставшиеся некоторые неточности (вторая разновидность). Например, преступление, которое произошло в конце мая 2012 года на границе Казахстана и Китая. Тогда было обнаружено сгоревшее здание погранпоста, а на месте пожара находились останки 14-

ти пограничников и одного егеря с признаками насильственной смерти. Часть неточностей, которые обнаруживались по данному делу, можно было бы разрешить, прибегнув к некоторым руководствам по поджогам [8] и руководствам по психиатрии [25, с. 233].

Кроме того, за 2012 и 2013 года изучено 12 материалов доследственных проверок по факту обнаружения обгоревшего трупа неопознанного лица [12].

Таблица 1

Сопоставление способов причинения смерти при помощи огня с группами потерпевших (жертв) и мотивами совершенного деяния

<i>Способы</i>	<i>Социальные группы жертв</i>	<i>Мотив</i>
№ 1 (коллективная гибель людей в замкнутых пространствах)	– «случайные» жертвы	– без мотива; – корысть; – найм (наемные «факелы»?)
№ 2 (действие огня против родственников и близких)	– родственники; – близкие	– месть; – зависть; – ссора
№ 3 («деятельность» «черных риелторов»)	– асоциальный с минимальной защитой элемент (наркоманы, алкоголики и т. п.); – пенсионеры, одинокие пожилые граждане	– корысть
№ 4 («безмотивное» убийство с помощью огня)	– бомжи; – алкоголики; – наркоманы	– без мотива; – хулиганство
№ 5 (убийство, где огонь выступает как орудие (способ) сокрытия других преступлений)	– случайные жертвы; – знакомые; – сослуживцы; – собутыльники и т. п.	– месть; – корысть; – сокрытие следов др. преступления; – найм (наемные «факелы»?)

Основанием такой градации будем считать принадлежность потерпевшего к той или иной социальной группе и мотив совершения преступления. В таблице 1 мы приводим градацию описанных выше способов причинения смерти при помощи огня и сопоставляем эти способы с группами потерпевших, а также с теми или иными мотивами совершенного деяния. Помимо всех прочих, в таблице мы упоминаем такой мотив как найм. Речь идет о так называемых «наемных факелах». Сведения о наемных факелах в отечественной литературе скудны [3, с. 105]. Из зарубежных источников [26] мы знаем, что это лица, не имеющие отношение к убийству, но уничтожающие его следы посредством огня за вознаграждение. Основная проблема для оперативных служб будет заключаться в том, что «наемные факелы» уничтожают следы (биологические и др.) на месте преступления с помощью огня [2, с. 263], что делает деятельность по выявлению, предупреждению и раскрытию подобных преступлений затруднительной. Кроме того, «наемные факелы» имеют только единственный мотив – корыстный и никак не связаны с потерпевшими.

Первые попытки системно описать способы причинения смерти человеку при помощи огня, мотивов совершения подобных преступлений, их жертв мы находим у немецкого ученого Г. Кестле [8]. Современное состояние дел продиктовало нам как расши-

рение самих способов, так и неочевидными еще для времен автора мотивов совершения подобной категории преступлений [24, с. 601]. К таким мотивам можно отнести корысть в форме наемничества, хулиганство, психофизиологические кризисы, повышения уровня стрессированности в обществе и т. п.

Между тем, насколько нам известно, в отечественной и мировой науке не выработан подход к пониманию данного явления (причинение смерти людям с помощью огня) и соответственно нет единого определения и характеристик. Как мы показали выше, такое явление как, причинение смерти людям при помощи огня имеет все предпосылки для отнесения ее к так называемой оперативно-розыскной и криминалистической дефиниции. Это позволит, как мы надеемся, сформировать единое представление сотрудников правоохранительных органов о данном явлении. Для этих целей желательно разработать ряд методических рекомендаций по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию убийств, где огонь выступает как орудие (способ) сокрытия преступления. Данная работа должна проводиться системно и комплексно, используя для этого обширную теоретическую и практическую базу.

В этой связи в оперативно-следственной практике актуальность приобретают так называемые типовые оперативно-розыскные ситуации, возникающие на этапе раскрытия убийств, где огонь выступа-

ет как орудие (способ) сокрытия преступления. Данные литературы показали, что успех выявления, предупреждения и раскрытия убийств изучаемой категории определяется рядом обстоятельств. В их числе можно назвать:

1) наличие методических рекомендаций для следователей и оперативных сотрудников по вопросам выявления, предупреждения и раскрытия преступления;

2) внедрение научных рекомендаций по техническому сопровождению;

3) квалифицированный осмотр места происшествия и трупа с участием судебных медиков и сотрудников МЧС;

4) профессионализм в проведении первоначальных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий;

5) своевременный обмен информацией как минимум между следователем, оперативным работником, судебным медиком и сотрудниками МЧС;

6) своевременное привлечение специалистов к осмотру места происшествия. Такие авторы, как М. С. Жук [7, с. 13], С. И. Соболевская [23, с. 100], Н. Н. Кривых [9, с. 60] и др. показали, что несвоевременность привлечения приводит к безвозвратной утрате следов преступления;

7) практика использования негласных сил, средств и методов ОРД, включая агентурный метод работы. Мы, в свою очередь, исходя из изученной оперативно-следственной практики, добавляем 8-й пункт, а именно, учет и расчет оперативно-розыскных рисков. По изученным уголовным делам можно сказать, что чаще всего в учет оперативно-розыскных рисков попадают: отказы в содействии со стороны граждан, расконспирация и противодействие со стороны объектов оперативной заинтересованности.

В настоящее время в известной нам литературе не существует работ, посвященных оперативно-розыскной работе на этапах выявления, предупреждения и раскрытия убийств изучаемой категории. Отметим только, что имеются серьезные исследования, посвященные:

1) уголовно-правовой и криминологической характеристике поджогов (авторы: С. А. Тимко, А. А. Шиканов и др.);

2) криминалистической методике (авторы: Б. В. Мегорский, М. В. Безуглов, Р. А. Миусская, В. Ф. Ханин, А. А. Умаев, Г. Н. Казаков, Е. Ю. Павлов и др.);

3) криминалистическому обеспечению (авторы: М. С. Жук, Г. П. Шамаев);

4) технико-криминалистическому и технологическому обеспечению (авторы: А. Б. Маханек, С. И. Соболевская, Н. Н. Кривых, М. Ю. Кошмаров);

5) судебно-медицинскому сопровождению (авторы: С. Таге-Иенсен, С. Б. Щеголев, Д. В. Бородулин, А. Н. Архипова и др.);

6) расследованию криминальных пожаров, нарушений правил пожарной безопасности (авторы: А. Н. Евтушенко, А. А. Мухачев, С. И. Кононов, Я. В. Гармышев, А. И. Федор, В. И. Толстых и др.);

7) и в незначительной степени — убийствам, сопряженным с огнем. Для развития этого направления принимали участие такие авторы, как Ю. М. Кубицкий, В. Л. Попов, Э. В. Лантух и др. ученые.

Монография (Расследование пожаров: факторы времени, проблемы квалификации, следственные действия. М.: Юрлитинформ. — 168 с.), изданная в 2013 году, авторами которой стали А. Б. Маханек и В. М. Мешков, посвящена вопросам расследования преступлений, связанных с поджогами и преступлениями нарушениями правил пожарной безопасности. Отдавая должное ученым в своевременности издания подобной литературы, скажем, что вопросы, связанные с оперативно-розыскной работой остались авторами почти незатронутыми.

С. И. Давыдов [6, с. 33] отмечает, что создание методики разрешения оперативно-розыскных ситуаций предшествует созданию типовой модели раскрытия преступлений. Ю. М. Гармаев такую методику назвал базовой. Весовым вкладом в создание методики разрешения оперативно-розыскных ситуаций, возникающие на первоначальном этапе раскрытия убийств, где огонь выступает как орудие (способ) сокрытия преступлений, выступает знание оперативными работниками поисковых признаков. Эти познания создают базу для разработки программы действия оперативных служб, первоначального и последующего этапов расследования, тактики проведения ОРМ. Поэтому поисковые признаки должны, по-возможности, охватывать весь комплекс разработок, то есть содержать представление об уголовно-правовых, криминологическо-криминалистических и судебно-медицинских признаках убийств изучаемой категории.

Рассмотрим вкратце встречающееся в отечественной литературе описание поисковых признаков и соответствующих им оперативно-розыскных ситуаций, складывающихся на момент обнаружения обгоревшего трупа либо с признаками обгорания.

В. Л. Попов [15, с. 18], в зависимости от явного наличия или отсутствия следов убийства и поджога, различает четыре типичные исходные ситуации, возникающие на первоначальном этапе расследования убийств, сокрытых поджогами (таблица 2):

1) явное наличие следов убийства и поджога;

2) явное наличие следов убийства, но нет явных следов поджога;

3) нет явных следов убийства, но имеются явные следы поджога;

4) отсутствуют явные следы убийства и поджога.

Автор предлагает четыре типовые программы, в которых прописываются основные действия оперативно-следственных служб, применение того или иного комплекса оперативно-следственных мероприятий, тактика их проведения, в какое время должен подключиться тот или иной специалист.

**Общая характеристика оперативно-розыскных ситуаций,
возникающих в процессе раскрытия убийств изучаемой категории**

<i>Номер оперативно-розыскной ситуации</i>	<i>Характеристика оперативно-розыскной ситуации</i>	
	<i>следы убийства</i>	<i>следы поджога</i>
№ 1	наличие следов убийства (+)	наличие следов поджога (+)
№ 2	наличие следов убийства (+)	нет явных следов поджога (-)
№ 3	нет явных следов убийства (-)	наличие следов поджога (+)
№ 4	нет явных следов убийства (-)	нет явных следов поджога (-)

М. В. Безуглов [4] и С. И. Неганов [13, с. 13 – 14], в зависимости от таких поисковых признаков как наличие/отсутствие горючих материалов, наличие/отсутствие источника зажигания и доступ кислорода воздуха, различают пять типичных ситуаций, а именно:

1) есть сведения о горючих материалах и о доступе необходимого для горения воздуха, но неизвестен источник зажигания;

2) есть сведения об источнике зажигания и о доступе необходимого для горения воздуха, но неизвестно, что горело;

3) есть сведения об источнике зажигания и горючих материалах, но неизвестно, откуда поступал воздух;

4) есть сведения о доступе необходимого для горения воздуха, но неизвестны горючие материалы и источник возгорания;

5) есть сведения о горючих материалах, доступе необходимого для горения воздуха и источнике зажигания, что облегчает определение виновного лица в возникновении пожара.

В. В. Бородулин [5, с. 21] к типичным ситуациям на момент обнаружения трупа с признаками насилия, в зависимости от наличия явных или не явных признаков насилия, относит следующие:

1) обнаружен труп с видимыми признаками насилия;

2) признаки насилия установлены при судебно-медицинском вскрытии;

3) исчезновение человека при наличии достаточных данных, позволяющих выдвинуть версию о его убийстве.

У каждого перечисленного выше подхода есть свои преимущества и свои недостатки. Так, в подходе В. Л. Попова можно отметить такие достоинства:

1) оптимальность поисковых признаков (как можно видеть из таблицы 2 их всего два);

2) быстрота идентификации той или иной ситуации, что достигается в большей своей части визуализацией осмотра места происшествия и трупа.

С наших позиций недостатки такого подхода также имеются, а именно:

1) наличие относительно высокой информационной неопределенности на начальном этапе расследования преступления, что заключается в не учете других не менее важных поисковых признаков (поза трупа, следы возле трупа, в том числе и следы перемещения, обстановка вокруг трупа и т. п.);

2) трудно выдвинуть оперативно-розыскные версии о мотиве, лице совершившего преступление, его местонахождении, отношениях между преступником и жертвой и т. п. Не вдаваясь особо в детали, скажем, что плюсы и минусы подхода В. Л. Попова могут быть распространены и на подход, предложенный В. В. Бородулиным.

В подходе М. В. Безуглова и С. И. Неганова также имеются как свои плюсы, так и минусы. К плюсам можно отнести то, что видна детализация следовой картины места происшествия, связанного с криминальными пожарами, что позволяет авторам более обоснованно выдвигать те или иные версии и предлагать ту или иную программу расследования. К недостаткам мы отнесем то, что комбинация поисковых признаков, определяющая ту или иную первоначальную ситуацию, в силу рассмотрения специфической категории уголовных дел о криминальных пожарах, полностью не охватывает первоначальные ситуации, возникающие по делам об убийствах, где огонь выступает как орудие (способ) сокрытия преступления. Так, например, по изучаемой категории уголовных дел могут возникнуть ситуации, когда обнаруживается обгоревший труп либо с признаками обгорания на теплотрассе, в шахтных отвалах, в подвале жилого дома, в подъезде и т. п. То есть такие ситуации на начальном этапе расследования, когда для снятия информационной неопределенности достаточно, для выдвижения версии о причине возгорания и способе поджога, оперативным работникам и следователю используя органы чувств (зрение и обоняние) установить два поисковых признака, а именно: наличие/отсутствие горючего материала и наличие/отсутствие источника зажигания.

В таблице 3 мы приводим первоначальные ситуации, возникающие на этапе расследования поджогов, которые могут быть оптимальным образом аппроксимированы на первоначальные ситуации, возникающие по делам об убийствах, где огонь выступает как орудие (способ) сокрытия преступления. Как мы покажем далее, подход авторов (М. В. Безуглова и С. И. Неганова) в более упрощенной модификации применим и к оперативно-розыскным ситуациям, возникающие в процессе раскрытия убийств изучаемой категории.

Первоначальные ситуации, возникающие на этапе расследования поджогов

Номер оперативно-розыскной ситуации	Следы поджога	
	следы горючего материала (ГМ)	следы источника зажигания (ИЗ)
№ 1	наличие следов ГМ (+)	наличие следов ИЗ (+)
№ 2	наличие следов ГМ (+)	отсутствуют следы ИЗ (-)
№ 3	следы ГМ отсутствуют (-)	наличие следов ИЗ (+)
№ 4	следы ГМ отсутствуют (-)	отсутствуют следы ИЗ (-)

Таблица 4

Оперативно-розыскные ситуации, которые имеют место быть в оперативно-следственной практике в процессе раскрытия убийств изучаемой категории

Оперативно-розыскные ситуации из таблиц 2 и 3*	Возможные комбинации	Качественное (уточняющее) описание оперативно-розыскных ситуаций
– есть следы убийства и поджога (1 / 1 (2))	1 / 1	– явное наличие следов убийства; – явное наличие следов поджога: наличие следов как ГМ, так и ИЗ
	1 / 2	– явное наличие следов убийства; – неявное наличие следов поджога: есть следы ГМ, но нет следов ИЗ
– есть следы убийства, но присутствуют незначительные либо косвенные следы, указывающие на поджог (2 / 3 (4))	2 / 3	– явное наличие следов убийства; – присутствуют незначительные следы поджога: нет следов ГМ, но есть следы ИЗ
	2 / 4	– явное наличие следов убийства; – отсутствуют явные следы поджога: нет следов ГМ и ИЗ
– видимых следов убийства нет, есть видимые следы поджога либо незначительное их присутствие (3 / 1 (2))	3 / 1	– нет явных следов убийства; – явное наличие следов поджога: наличие следов как ГМ, так и ИЗ
	3 / 2	– нет явных следов убийства; – неявное наличие следов поджога: есть следы ГМ, но нет следов ИЗ
– видимых следов убийства нет, но присутствуют незначительные либо косвенные следы, указывающие на поджог (4 / 3 (4))	4 / 3	– нет явных следов убийства; – присутствуют незначительные следы поджога: нет следов ГМ, но есть следы ИЗ
	4 / 4	– нет явных следов убийства; – отсутствуют явные следы поджога: нет следов ГМ и ИЗ

Примечание: * – первая цифра – оперативно-розыскная ситуация из таблицы № 2 / вторая цифра – оперативно-розыскная ситуация из таблицы № 3.

В таблице 4 мы приводим возможное сочетание оперативно-розыскных ситуаций, которые имеют место быть в оперативно-следственной практике на этапе раскрытия убийств изучаемой категории. В этой таблице мы попытались объединить и модифицировать вышеописанные подходы, и пришли к выводу о существовании как минимум четырех основных оперативно-розыскных ситуаций и еще двух возможных дополнительных или уточняющих подситуаций для каждой из основных ситуаций.

Изученная нами оперативно-следственная практика позволяет, также как и для первоначальных ситуаций по поджогам, уточнить первоначальные ситуации по убийствам исследуемой категории, дополнив ее первоначальными оперативно-розыскными версиями. В таблице 5 мы приводим уточняющие (или детализирующие) ситуации и их описание, возникающие при осмотре трупа и места происшествия

убийства изучаемой категории, которые позволяют детализировать оперативно-розыскные версии. Из таблицы видно, что для первой ситуации могут быть такие предположения (версии):

а) убийство, если труп при его обнаружении сверху завален ветошью, палками, обломками мебели, кусочками обоев и т. п. Понятно, что в данной ситуации, преступники имели умысел скрыть следы убийства;

б) тоже убийство, но труп находится над очагом возгорания. Это может говорить о перемещении трупа потерпевшего в очаг возгорания также для сокрытия следов преступления.

Для второй ситуации можно предположить следующее:

- а) несчастный случай;
- б) имитация под несчастный случай;
- в) убийство.

В третьей ситуации могут возникнуть предположения: а) имитация под несчастный случай; б) убийство.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы:

1) вопиющая ситуация по преступлениям (включая убийства), которые сопряжены с пожарами и поджогами, сложившаяся в нашей стране начиная с 2006 года, свидетельствует о необходимости изменения отношения к данной проблеме на всех уровнях. А именно, начиная с профилактики возникновения пожаров на локальном уровне, совершенствования оперативно-розыскного обеспечения выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия убийств, где огонь выступает как орудие (способ) сокрытия других более тяжких преступлений и заканчивая борьбой с пожарами и поджогами на государственном уровне;

2) предложенная нами градация способов причинения смерти человеку при помощи огня, включая убийства и их краткий обзор, может стать основой для построения оперативно-розыскной работы, а именно: в выдвижении оперативно-розыскных и следственных версий о мотиве преступления, о личности преступника, его местонахождении, поможет в своевременности проведения профилактических мероприятий и т. п.;

3) мы, по уголовным делам об убийствах, где огонь выступает как орудие (способ) сокрытия преступления, попытались объединить подходы В. Л. Попова, М. В. Безуглова и др. по выделению ситуаций, которые складываются на первоначальном этапе расследования (раскрытия) убийства либо поджога в один подход.

Таблица 5

Ситуации, возникающие при осмотре трупа и места происшествия убийства изучаемой категории, детализирующие оперативно-розыскные версии

<i>Ситуации при осмотре трупа на месте происшествия</i>	<i>Возможные подsituации</i>	<i>Особенности места происшествия и первоначальные оперативно-розыскные версии</i>
Труп в очаге возгорания	№ 1. Труп в очаге (убийство)	Когда труп сверху заброшен ветошью, палками, обломками мебели и т. п.
	№ 2. Труп, в силу его перемещения обнаруживается над, либо близко от очага (убийство)	Вероятно, что труп потерпевшего неизвестные лица переместили (признаки: характерная следовая дорожка; поза трупа; локализация ожогов на теле потерпевшего; характер повреждения одежды и т. п.) в очаг возгорания (с целью скрыть следы)
Труп рядом с очагом возгорания	№ 1. Несчастный случай	– потерпевший споткнулся/поскользнулся; – потерпевший потерял сознание (в результате болезни) и др.
	№ 2. Отсутствуют видимые следы убийства (имитация несчастного случая)	– повреждения электричества, имитирующие самовозгорание, замыкание и т. п.
	№ 3. Убийство	Картина, остающаяся после действия преступника по сокрытию следов убийства
Труп на расстоянии от очага возгорания	№ 1. Отсутствуют видимые следы убийства (имитация несчастного случая)	– перемещение трупа в сторону от очага: следы волочения; установление степени окоченения трупа; неестественная для такой ситуации поза трупа и т. п. (имитация отравления угарным газом)
	№ 2. Убийство	Картина, остающаяся после действия преступника по сокрытию следов убийства

Так как в подходе В. Л. Попова недостаточно уделяется такому компоненту как поджог, а в подходе М. В. Безуглова больше делается упор на такой компонент первоначальных ситуаций как криминальный пожар. Взяв самое удачное из предложенных подходов мы получили объединенный подход, результаты которого отражены в таблицах 4 и 5. В таблице 5, ис-

ходя из изученной оперативно-следственной практики, мы уточнили те оперативно-розыскные ситуации, которые описал В. Л. Попов, вычленив подsituации, что с наших авторских позиций, должно позволить детализировать оперативно-розыскные версии, возникающие по уголовным делам исследуемой категории.

Литература

- Архив уголовных дел Кемеровского областного суда за период с 1989 по 2011 годы.
- Ахмедшин, Р. Л. Криминалистическая характеристика личности преступника: дис. ... д-ра юрид. наук / Р. Л. Ахмедшин. – Томск, 2006. – 413 с.
- Ахмедшин, Р. Л. Психолого-криминалистическая характеристика социально-дезадаптированной личности преступника: дис. ... канд. юрид. наук / Р. Л. Ахмедшин. – Томск, 1999. – 180 с.

4. Безуглов, М. В. Расследование поджогов и преступных нарушений правил пожарной безопасности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М. В. Безуглов. – М., 1972. – 18 с.
5. Бородулин, В. В. Выдвижение и проверка оперативно-розыскных версий при обнаружении трупа с признаками насилия: методические рекомендации / В. В. Бородулин. – М.: ВНИИ МВД России, 2000. – 32 с.
6. Давыдов, С. И. О создании базового комплекса рекомендаций по разрешению оперативно-розыскных ситуаций раскрытия преступлений / С. И. Давыдов // Российский следователь. – 2010. – № 6.
7. Жук, М. С. Использование специальных знаний на первоначальном этапе расследования поджогов: дис. ... канд. юрид. наук / М. С. Жук. – Краснодар, 2003. – 198 с.
8. Кестле, Г. Поджоги: выявление, исследование, предупреждение. На немецком языке. Рихард БООРБЕРГ / Г. Кестле. – Штуттгарт; Мюнхен; Ганновер; Берлин; Веймар, 1992.
9. Кривых, Н. Н. Особенности использования специальных знаний об инициаторах горения при расследовании преступлений, связанных с поджогами: дис. ... канд. юрид. наук / Н. Н. Кривых. – Волгоград, 2007. – 178 с.
10. Лантух, Э. В. Методика расследования убийств, сопряженных с поджогом: дис. ... канд. юрид. наук / Э. В. Лантух. – СПб., 1998. – 154 с.
11. Материал доследственной проверки сообщения о преступлении КРСП № 401/3-97пр-2013, по факту смерти гражданки М., 10.03.1953 г. р. (бомж).
12. Материалы доследственных проверок Следственного Отдела по Ленинскому району г. Кемерово Следственного Управления Следственного Комитета по Кемеровской области за 2012 и 2013 годы.
13. Неганов, С. И. Осуществление защиты по уголовным делам о преступлениях, связанных с криминальными пожарами: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. И. Неганов. – М., 2009. – 26 с.
14. Официальная статистика с сайта МЧС России. – Режим доступа: <http://www.mchs.gov.ru>
15. Попов, В. Л. Расследование убийств, сокрытых поджогами: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. Л. Попов. – Минск, 1993. – 25 с.
16. Портал ВАС РФ. – Режим доступа: <http://arbitr.ru>
17. Постановление Правительства РФ от 25.04.2012 № 390 «О противопожарном режиме» (вместе с «Правилами противопожарного режима в Российской Федерации»); СНИП 21-01-97 «О принятии государственных строительных норм и правил «Пожарная безопасность зданий и сооружений» (утв. Постановлением Минстроя РФ от 13 февраля 1997 г. № 18-7).
18. Протопопов, А. Л. Расследование серийных убийств / А. Л. Протопопов. – СПб.: Дом СПбГУ, 2006. – 278 с.
19. Режим доступа: <http://from-ua.com/crime/aa06221be046b.html>; <http://xxivek.com.ua/article/9795>; <http://newsland.com/news/detail/id/309169/> и т. п.
20. Режим доступа: <http://www.ntv.ru/novosti/625143/>
21. Режим доступа: <http://konkretno.ru/kriminal/32481-pod-peterburgom-zazhivo-sozhgli-trex-chelovek.htm>; <http://www.mediazavod.ru/articles/57077>.
22. Режим доступа: http://news.liga.net/news/incident/625019-nikolaevskie_nasilniki_deti_chinovnikov_zakharchenko.htm
23. Соболевская, С. И. Криминальные пожары: научно-техническое обеспечение расследования: дис. ... канд. юрид. наук / С. И. Соболевская. – Н. Новгород, 2003. – 200 с.
24. Социо-психогамма личности убийцы, использующих огонь для совершения и сокрытия преступлений / Р. Г. Драпезо [и др.] // Материалы I (VIII) Международной научной конференции студентов и молодых ученых (г. Кемерово, 26 – 27 апреля 2007 г.) «Правовое образование – гражданское общество – справедливое государство». – Кемерово: Глобус-пресс, 2007. – С. 599 – 611.
25. Старшенбаум, Г. В. Динамическая психиатрия и клиническая психотерапия / Г. В. Старшенбаум. – М.: Изд-во Высшей школы психологии, 2003. – 367 с.
26. Criminal Profiling: An Introduction to Behavioral Evidence Analysis // Brent E. Turvey. Hardcover, 462 pages. Published by Academic Press, June, 1999.

Информация об авторе:

Драпезо Роман Григорьевич – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета КемГУ, 8-960-909-91-44, Uri_nit@kemsu.ru.

Roman G. Drapezo – Senior Lecturer at the Department of Criminal Trial and Criminalistics, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 30.04.2014 г.

УДК 34 (09)

ЭВОЛЮЦИЯ ИМПЕРСКОЙ ИЕРАРХИИ БЮРОКРАТИИ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XIX В.

Н. И. Красняков

EVOLUTION OF IMPERIAL BUREAUCRATIC HIERARCHY IN RUSSIA IN THE EARLY 19TH CENTURY

N. I. Krasnyakov

Раскрывается эволюция взаимодействия «центр-регион» в структурно-управленческом аспекте укрепления Российской империи первой половины XIX вв. Основное внимание акцентируется на властеотношениях централизации и бюрократизации управления, допускающих лишь некоторую деконцентрацию власти на окраинах государства. При этом имперское управление закрепляет асимметричный статус этносов и регионов по отношению к центру. Динамика их интеграции обусловлена, прежде всего, геополитическими и геоэкономическими факторами. Россия адаптировала совокупность множества социальных иерархий к общегосударственным делам.

The paper reveals the evolution of the “center – region” interaction in the structural-managerial aspect of strengthening the Russian Empire of the first half of the 19th century. Special attention is paid to authorities' attitude to the centralization and bureaucratization of management allowing just some power deconcentration on the skirts of the state. Imperial administration strengthens the asymmetrical status of ethnic groups and regions in their relation to the centre. Their integration dynamics is preconditioned, first and foremost, by geopolitical and geo-economic factors. Russia adapted a set number of social hierarchies to nation-wide affairs.

Ключевые слова: Россия, империя, государственность, бюрократическая природа, регион, многоукладность, иерархическая структура.

Keywords: Russia, empire, statehood, bureaucratic nature, region, multistructurality, hierarchical structure.

К началу XIX в. вопросы преобразования государственно-политической системы Российской империи, превратившиеся к этому времени, в силу буржуазного развития и в связи с территориальными приобретениями, в качественно новое образование, занимали особое место в идейных исканиях общества. Становилось все более очевидно, что государственный механизм в усложнившейся социальной среде не справляется с управлением империей. Имеющееся административное деление в Российской империи было общим – для целей общегосударственного управления и специальным – для отдельных ведомств, поскольку не все ведомства могли рационально осуществлять свои функции в границах существовавших губерний, областей и уездов. В большинстве случаев специальные административные учреждения охватывали несколько губерний, то есть в стране формировались свойства экстерриториальной системы управления [8, с. 51]. В связи с функционированием разнородного «особенного управления» – для отдельных местностей империи, механизм государства становился все более громоздким, сложноуправляемым сам по себе. Достаточно лишь указать, что в 1801 г. даже Сенат, в ведении которого находилось местное управление, указывает на неразбериху и несоответствие в функциональном назначении государственных должностей регионального уровня государственного управления. В его предписании «по поводу порядка сношения Сената с военными губернаторами, заведывающими гражданской частью» оговаривается осуществление таких связей через гражданских губернаторов, «во избежание установления несвойственной военным губернаторам подчиненности Сенату» [15, с. 2 – 7].

О необходимости навести порядок на уровне отдельных местностей и существующих проблемах дос-

точно полно сказано в 18 пунктах «Инструкции господам сенаторам, предназначенным для осмотру Губерний» 1805 г.. Перечисление даже некоторых из них доказывает ситуационный подход в функционировании административной системы империи: «1) Истребовать от всех мест ведомости о решенных и нерешенных делах, рассмотреть в числе последних, нет ли таких, в коих тяжущиеся напрасной волокитой угнетаются и правый не достигает законного удовлетворения. 2) Чинится ли действительное исполнение по именным и сенатским указам, и если где найдутся оные не исполненными, то по каким причинам? 3) Все ли места для управления установленные в действии находятся, или же которые не учреждены и для чего? 15) Сенаторам иметь особенное наблюдение, нет ли каких-либо от местных губернских начальств народу притеснений, безгласных налогов, также жестокостей в употреблении власти и тому подобных обстоятельств. 18) За всем тем, если бы чего в сих пунктах именно не означено было, а сенаторы усмотрят и рассудят что либо за достойное уважения, как по интересам и пользам государственным, так и по добру общему; в таковых обстоятельствах не должны оставлять они оставлять того без внимания, руководствуясь во всем важностию своей присяги, достоинством их звания и правилами чести» [12, с. 14]. Поэтому, важнейшей составляющей преобразований начала XIX в. явилась реформа всей системы правительственных учреждений, в том числе, центральных органов управления – создание Непременного совета [14, с. 1 – 5], позже переименованного в Государственный, министерств, Комитета министров. В 1801 – 1809 гг. происходило определение общих основ построения системы министерств и переход к новому устройству центрального управления с поисками путей отладки его внутреннего устройства. Опыт деятельности от-

дельных министерств позволил концептуально проработать варианты совершенствования министерской системы, получившие оформление в предложениях М. М. Сперанского в 1809 г.

На следующем этапе в 1810 – 1812 гг., министерская реформа получает мощный импульс ее организационно-законодательного оформления [7, с. 21] – происходит четкое закрепление предметов ведения, основ единой организации и ответственности министерств за управление сферами государственной деятельности. Инициатива исходила от самого императора и идейного центра преобразований – Государственного совета. По замечанию авторов известного издания, именно «учреждение Государственного совета 1 янв. 1810 г. было поводом радикального преобразования министерств и нового распределения государственных дел между ними» [2, с. 3]. Значение Совета выделял и М. М. Сперанский, рекомендуя Сенату в своей деятельности при возникновении разногласий руководствоваться порядком деятельности нового законосовещательного учреждения [11, с. 6]. При этом в «Исторических справках о предшественниках Государственного совета (к вопросу установления даты 100-летнего юбилея этого учреждения)» отмечается, что хотя в Манифесте 8 сентября 1802 г. и было объявлено, что «министры, по званию своему, состоят членами Совета и присутствуют в Совете», но его деятельность и образованных министерств не была еще в должной степени согласована. И «в связи с недостатком внутреннего устройства Совета и некоторыми другими причинами», налицо было ослабление значения Совета как сосредоточия государственного управления. Ощущалась необходимость дальнейших преобразований – «несовершенное устройство Совета, Министерств и других установлений побудили Императора Александра I-го поручить Сперанскому составить план нового образования государственного управления во всех его частях» [10, с. 5], что и было реализовано в 1810 – 1811 г. в создании координирующей министерства структуры.

Так, одновременно с утверждением министерств формируется и Комитет министров, который постепенно выделился в качестве органа верховного управления, сочетая функции совещательного учреждения в сфере реализации верховной исполнительной власти при ее носителе – императоре, которым окончательно принимались решения по обсуждаемым в комитете основным проблемам государственного управления. Определенные дела, как правило, не носящие принципиального значения, решались окончательно в комитете министров. Выступая в общем собрании Сената 26 июля 1810 г., Александр I подчеркивал, что «истинный разум сих дополнений состоит в том, чтобы с разделением дел государственных ввести более справедливости, установив в производстве дел более единообразия, сократить и облегчить их движение, означить с точностью пределы власти и ответственности и тем самым доставить порядку исполнительному более способов к скорому и точному законов исполнению» [13, с. 1]. Создание и деятельность учреждения отразили характер подходов монархов к механизмам реализации административной власти: Комитет министров выступал инструментом коллективной выработки

управленческих решений, и даже нередко являлся органом, альтернативным в законосовещательной деятельности Государственному совету, как это было в правление Александра I. Большое значение имело и использование Комитета министров как учреждения «коллективного руководства» государственными делами в период выездов императора из столицы, когда в Комитете сосредоточивалась вся полнота управления страной. Деятельность Комитета обеспечивала переход к коллективному обсуждению дел и координацию реализации своих функций различными органами центрального управления, а также отработку механизмов проведения в жизнь управленческих решений.

Однако департаменты министерств, ставшие местами самостоятельного управления, чрезмерно централизовали власть, придавая ей прежний чиновно-канцелярский характер. По мере развития министерской власти скопление дел в департаментах напрямую было связано с уменьшением степени власти губернских установлений, которые права решения дел и принятия мер должны были обменять на обязанность срочных донесений и представлений в надлежащие департаменты. Система министерского правления, по сути своей не являясь антиподом местному самоуправлению, при недостатке на местах организации общественных сил развивала департаменты в центре, считаящие себя призванными регламентировать местное управление. Потому столкновение департаментов с установлениями местного управления в формах, опасных для последних, неминуемо, если законодательство не берет на себя труд разграничить компетенции местных и центральных учреждений. То есть первоначальное стремление создать министерства как учреждения политического характера, соединяющие главу государства и местное управление, было реализовано на практике совершенно незначительно. То есть, «департаментская централизация поглотила проектированную правительством децентрализацию и земские учреждения из «особого органа одной и той же государственной власти» обратились в подобие частных контор» [9, с. 148]. Расширение прав местного управления на земских началах должно было совершиться на основе полномочий, которыми к этому времени обладали департаменты министерств. Предполагалось, что министры должны занять место посредников между главой государства и местным управлением, сосредоточив в своих руках только руководящие и контролирующие функции.

Следующая веха преобразований связана с дальнейшим расширением территориальных пределов империи после Венского конгресса 1815 г. Поскольку условия присоединения новых территорий – Финляндии, Польши и Бессарабии были оговорены международными договорами и конституционными установлениями этих территорий, то было формально установлено их особое административное устройство. Данные действия оказывали существенное влияние на имперское управление, потому проанализируем правовые последствия их вхождения – как они оцениваются специалистами-юристами и какие последствия имели для конфигурации государственного механизма. Условия вхождения для каждой территории опре-

делялись отдельно различными источниками права, потому в науке сохраняются дискуссии относительно юридической стороны отношений России с этими присоединенными территориями. Официальная позиция, выраженная в учебнике «Русского государственного права» и являющаяся фундаментом правоприменительной практики, конкурирует с различными мнениями по данной проблематике. С. А. Алексеев отмечает, что относительно Финляндии существует два различных мнения: одни утверждают, что Российская империя и великое княжество Финляндское являются двумя самостоятельными государствами, связанными реальной унией. Другие же доказывают, что Россия и Финляндия образуют одно государство и Финляндия не что иное, как провинция, инкорпорированная Россией, но наделенная широкой политической автономией. Указывается, что «на стороне первого мнения стоит большинство русских писателей (Сергеевич, Романович-Славатинский, Градовский), на стороне второго – новейшие немецкие писатели (Еллинек, Бурмилинг, Гольцендорф)» [1, с. 193]. Как видим, юридическая наука начала XX в. не дает точного и полного ответа на поставленный вопрос, что связано с необходимостью однозначного понимания категорий «инкорпорация», «союзное государство», «союз государств», «личная уния», «реальная уния», и единства толкования правовых оснований вхождения этих территорий в состав империи. Обратимся к признакам названных понятий в актуальной для того времени интерпретации.

При инкорпорации происходит соединение государств и подчинение одного другому без всяких условий, присоединенное государство теряет государственный суверенитет, и на дальнейшее сохранение в виде особенностей территории «исторических учреждений... с юридической точки зрения можно смотреть только как на дарованные ему государственной властью присоединившего его государства, ибо все полномочия учреждений в пределах одного государства, каково бы ни было их историческое происхождение, могут иметь свой правовой источник лишь в верховной власти этого государства» [1, с. 193]. В присоединенной территории создаются общеимперские институты государства и права, с учетом названных особенностей, не в полном виде.

Другая форма объединения – союзное государство, создается как новое сложное политическое образование с новой государственной властью во главе, то есть входящие в него государства не сохраняют прежний суверенитет. Самостоятельность частей вновь образованного государства может быть очень значительна, но «находит свой предел в суверенитете центральной власти, который и является источником и последним судьей этой самостоятельности. Примерами таких сложных государств могут служить Германская империя, Северо-Американские штаты, Швейцарский союз» [1, с. 193]. Появление союзного государства приводит к изменению внутреннего публичного права, а союз государств способствует выработке внешнего публичного права, то есть международных правовых норм. Союз государств представляет собой устойчивый союз для решения общих политических интересов, при котором входящие в него

государства сохраняют свой суверенитет. Для достижения совместной цели создается общий союзный орган, деятельность которого и решение всех других вопросов между союзниками осуществляются на основании международного договора самостоятельных государств. Здесь примером являются Соединенные Штаты Америки 1778 – 1787 гг., Германский союз 1815 – 1866 гг. Или же возможен вариант образования союза государств без общего союзного органа, когда монарха одного из соединившихся в союз государств признают выразителем союзной воли.

В своей характеристике объединений государств С. А. Алексеев подчеркивает, что «инкорпорация обусловливается подчинением одного государства суверенной власти другого, союзное государство основывается на законе, союз государств – на договоре». Однако есть и другие соединения, в основе которых лежит случайный исторический факт, а не юридические источники права. Такой формой выступает личная уния, возникающая в результате связи между государствами в лице общего монарха. Общность монарха может быть обусловлена, наследственным правом по родственному признаку – личная уния и, избранием монарха одного государства монархом другого – реальная уния. Личная уния принципиально отличается от реальной, поскольку может прекратиться, основывается на случайном стечении обстоятельств (отсутствие наследников), не вызвана общностью интересов. Реальная же уния основывается на юридическом источнике – договоре, вызвана интересами соединившихся государств, и связь между ними выражена в едином источнике права, общих законах и учреждениях.

Итак, идеологические и научные оценки, новые практические подходы власти по реформированию функционального и отраслевого управления путем создания министерской системы, а также изменившиеся геополитические реалии 20-х годов XIX в. создавали трудности не только в формировании взглядов на эволюцию имперского устройства, но и относительно самой природы регионального управления. Обуславливали эти вопросы территории с собственными длительными традициями государственного существования или самоуправления, населенные народами с развитой национальной культурой [5, с. 133]. Соответственно, несколько иное значение приобретают наместничества, – они уже рассматриваются как механизм соединения всех составных частей империи в единое целое. Тот факт, что во второй половине XIX в. и в начале XX в. (период реформ и революций) наместничества учреждались вновь, говорит о том, что эта форма управления не изжила себя, а, напротив, являлась достаточно актуальной для социально-проблемных регионов. Наместничества, генерал-губернаторства представляли собой, по оценке видного исследователя «особый вид центральных властей, действующих, однако, в ограниченном районе». В доказательство Г. В. Вернадский приводит высказывание М. М. Сперанского: «Генерал-губернатор есть не что иное, как министерство, действующее на месте и принадлежащее к общему всех министерств составу, к Сенату. Таким образом, министерское установление будет иметь два вида: один общий,

в коем все дела разделяются по предметам, другой местный, в коем все дела разделяются по округам» [3, с. 100 – 101]. Практически весь имперский период верховная власть сохраняла неизменно действующим институт наместничества, а в трудных ситуациях разбалансированности администрации на Кавказе, начала инкорпорации среднеазиатских владений, революционных явлений в западных территориях генерал-губернаторства восстанавливались.

Итак, в условиях проявлявшейся в первой половине XIX в. крайней медлительности, скованный бюрократизмом и перегруженный мелочными вопросами законодательный механизм и высшие центральные учреждения не могли оперативно разрешать важные вопросы законодательного и административного характера. Передвинувшиеся вследствие бюрократической централизации из низших государственных звеньев вопросы управления вытеснили из высших и центральных учреждений часть общих вопросов разработки законопроектов и оперативного руководства. Монархом для их разрешения создан еще один вид учреждений – высшие комитеты. Заметим, что в другие периоды истории они существовали лишь как дополнение к системе высших и центральных государственных учреждений, а во второй четверти XIX в. превратились в целую систему органов. Это были немногочисленные, наделенные часто огромными полномочиями оперативные объединения особо доверенных Николаю I высших сановников. Рассматриваемые ими вопросы оформлялись краткой меморией или в журнале. После ее прочтения и одобрения императором содержание в форме «высочайшего повеления» сообщалось в Государственный совет, Комитет министров и министерства. Деятельность большинства Комитетов ограничивалась обсуждением по готовому законопроекту или с последующим его составлением. В XIX в. действовали следующие территориальные комитеты: I и II Сибирский (1821 – 1836 гг.; 1852 – 1864 гг.), Кавказский (1833 – 1840 гг.; 1840 – 1842 гг.; 1842 – 1882 гг.), недолговременными являлись комитеты по делам финляндским, по делам Царства Польского и комитет западных губерний.

Для обладавших наибольшей степенью автономии и имевших прежде государственно-правовые традиции – Финляндии и Польши устанавливалось отдельное представительство в империи, в частности в Комитете министров учреждалось новое должностное лицо – министр-статс-секретарь по делам Великого княжества Финляндского и министр-статс-секретарь по делам Царства Польского (чаще всего к ним применялось наименование статс-секретарь). Если интересы империи в этих территориях надзирали генерал-губернаторы, то интересы самих регионов должны были представлять непосредственно перед императором данные чиновники. Как правило, они назначались из среды авторитетных общественных деятелей соответственно Финляндии и Польши, через них осуществлялись административные отношения, деловая официальная переписка центра и регионов. Будучи в столице, они должны были присутствовать на заседаниях Комитета министров и участвовать в решении касающихся их вопросов. Степень политического влияния статс-секретаря в процессе инкорпорации регионов дина-

мично изменялась, что зависело от уровня фиксированной верховной властью автономии для территорий.

Как видим, для разработки иной организации управления каждым национальным регионом, исходя из конкретных местных задач государственности и предоставления местной администрации значительной самостоятельности, а также поощрения ее оперативной деятельности – как компромисс между территориальными автономиями и централизаторскими тенденциями абсолютизма, создавались новые учреждения, напрямую докладывающие императору. Вынужденная сохранять обособленность внутреннего административного управления отдельными национальными регионами, и даже подчеркивать особенности законов для них, верховная власть ставила действия местных государственных учреждений под известный надзор генерал-губернатора и соответствующего высшего комитета. В интересах государственного единства они выступали структурами, учитывающими местное право автономистских образований, поскольку к середине XIX в. сохраняли действие «в той или другой части империи, для лиц того или другого сословия, в пределах более-менее ограниченных, законы самые разнообразные и самые разновременные» [4, с. 76].

При таком значении генерал-губернаторов в механизме государства, при параллельном функционировании Государственного совета, Комитета министров и министерств, а также территориальных высших комитетов роль Сената как надзирающего за региональным управлением органа в ходе административной реформы в государственной жизни уменьшалась, в основном сохранялась его роль как высшего судебного учреждения страны. Его департаменты превратились в высшие апелляционные инстанции для судов губерний, и были созданы отдельные департаменты по делам автономных территорий. За Сенатом оставалось право ревизовать местные органы, но сам принимать решения по материалам ревизий он не мог, а лишь передавал свои заключения в другие правительственные учреждения [6, с. 174], следовательно, он оказывался выразителем интересов преимущественно все тех же центральных ведомств.

Таким образом, изучение планов преобразования государственного устройства, реализации основных реформ центрального и регионального государственного управления – введения министерств, Комитета министров, временных комитетов, изменение роли наместников и Сената позволяют утверждать, что хотя они и не выходили за традиционные рамки унификации и централизации абсолютизма, но все же создавали условия достаточного учета новой законодательно-территориальной ситуации в деятельности административной системы империи. В этом отношении следует признать, что идеи М. М. Сперанского нашли выражение в кодифицированных актах по региональному управлению, так коллегиальный порядок решения дел в генерал-губернаторствах, создание советов на различных уровнях управления в окраинах, учет социального состава населения и другие системно вписаны в акты по управлению Сибири, Финляндии, Польши, Бессарабии, Кавказа, среднеазиатских владений России. Однако, реализация на функцио-

нальном уровне стоящих перед государством задач тормозилась преобладанием патриархально-дворянской идеологии и консервацией феодальной практики управления. И хотя региональный уровень в системе государственного управления четко не выделялся, но уже в конце XVIII в. наблюдается пристальное внимание центральной власти к возможностям местного уровня власти по реализации функций государства. Империя, включая в свой состав тот или иной регион, начинала его властное освоение постепенно с учетом многоукладности социально-политических традиций, включая их в общие большие административные группы (генерал-губернаторства, наместничества). Кроме того, присоединенные западные территории, представляя собой «цивилизованный» рубеж российской государственности, служили визитной карточкой империи в соблюдении международных правовых норм и способствовали таким образом достижению геополитических интересов. Реализация здесь государственной идеологии конституционализма, законотворческая деятельность представительных органов национальных регионов не только «успокаивали» местное население, но и развивали надежды-иллюзии для всего российского общества.

Региональная политика России преследовала в конечном итоге цели политической и экономической интеграции страны, установления ее социальной, пра-

вовой, административной и даже народонаселенческой однородности. Но конкретные потребности управления заставляли правительство продолжать учитывать региональное своеобразие территорий, что придавало административной политике в национальных регионах определенную противоречивость и непоследовательность. Это отражалось, в свою очередь, на взаимоотношениях центральных и местных властей, приводило к серьезным управленческим коллизиям. Ситуация осложнилась с появлением на губернском уровне органов министерского (отраслевого) подчинения. В государстве теперь стало существовать две линии реализации самодержавных принципов власти: территориальная и отраслевая. Имея общую природу властных полномочий, нечетко разделенные прерогативы на местном уровне, возможность напрямую апеллировать к монарху, министры, генерал-губернаторы и губернаторы с трудом находили возможности для координации своих действий. Все это вело к общей проблеме распределения государственной власти по территории, выделения предметов ведения и полномочий в иерархии государственных органов, а в конечном итоге при отсутствии осознания на уровне политики пределов централизации и концентрации власти, - к многочисленным сложностям обеспечения общегосударственных, имперских интересов.

Литература

1. Алексеев, С. А. Русское государственное право. Конспект лекций / С. А. Алексеев. – М., 1892.
2. Варадинов, Н. История МВД / Н. Варадинов. – Ч. 2. – Книга 1. – СПб., 1859.
3. Вернадский, Г. В. Очерк истории права Русского государства XVIII – XIX вв.: (период империи) / Г. В. Вернадский. – Прага, 1924.
4. Даневский, П. Об источниках местных законов некоторых губерний и областей России / П. Даневский. – СПб., 1857.
5. Дякин, В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – XX вв.) / В. С. Дякин. – СПб., 1998.
6. История государства и права России: учебник / под ред. Ю. П. Титова. – М., 2001.
7. Кодан, С. В. Развитие и организационно-правовое оформление института государственной службы в России в 1800 – 1850-е гг. / С. В. Кодан // Сборник научных трудов преподавателей и сотрудников филиала Уральской академии государственной службы в г. Лангепасе. – Вып. 2. – Екатеринбург, 2005.
8. Национальная политика России: история и современность. – М., 1997.
9. Нотович, О. К. Основы реформ местного и центрального управления / О. К. Нотович. – СПб., 1888.
10. РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Ед. хр. 973.
11. РГИА. Ф. 1251. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 33.
12. РГИА. Ф. 1330. Оп. 12. Ед. хр. 164.
13. РГИА. Ф. 1341. Оп. 11. Ед. хр. 686.
14. РГИА. Ф. 1609. Оп. 1. Ед. хр. 1.
15. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1374. Оп. 3. Ед. хр. 2285.

Информация об авторе:

Красняков Николай Иванович – заведующий кафедрой теории и истории государства и права, кандидат юридических наук, доцент Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, kofe51@yandex.ru.

Nikolay I. Krasniakov – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of History and Theory of State and Law, Siberian Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Статья поступила в редколлегию 24.12.2013 г.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Для публикации в «Вестнике КемГУ» принимаются статьи, в которых отражаются результаты актуальных фундаментальных и прикладных научных исследований, передовых наукоемких технологий, научных и научно-методических работ, посвященных проблемам высшего образования и развитию науки в высшей школе и соответствующие тематике журнала. Представленный к публикации материал может иметь разнообразный характер: от постановки проблемных теоретических вопросов, предложений разработки новых направлений в науке до анализа результатов конкретных исследований.

Предоставляя статью для публикации в журнале «Вестник КемГУ», автор тем самым выражает свое согласие на передачу права на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

Статьи принимаются в соответствии с перечнем научных направлений ВАК:

01.00.00	Физико-математические науки	10.00.00	Филологические науки
02.00.00	Химические науки	12.00.00	Юридические науки
03.00.00	Биологические науки	13.00.00	Педагогические науки
05.00.00	Технические науки	19.00.00	Психологические науки
07.00.00	Исторические науки и археология	22.00.00	Социологические науки
08.00.00	Экономические науки	23.00.00	Политология
09.00.00	Философские науки	25.00.00	Науки о земле

ПОРЯДОК ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА В РЕДАКЦИЮ

1. Текст статьи представляется в редакцию на русском языке, на электронном носителе, проверенном на отсутствие вирусов, в виде файла с расширением *.doc*, построенного средствами Microsoft Word 97-2007, и одного печатного экземпляра на стандартных листах формата 210×297 мм. Иногородные авторы могут представлять указанные материалы по электронной почте vestnik@kemsu.ru. Электронная версия должна быть идентична распечатанному тексту, в случае расхождения, за основу берется печатный вариант.

2. Рекомендуемый объем статьи, включая аннотацию и список литературы, 16 – 25 тыс. знаков без пробелов.

3. Авторам материалов естественнонаучного направления необходимо дополнительно предоставить экспертное заключение¹ о возможности опубликования в открытой печати.

4. Все статьи, поступившие в редакцию, проходят рецензирование, где анализируются актуальность темы, научная новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала, и публикуются по решению редакционной коллегии журнала.

5. Редакция имеет право проводить сокращения и редакционные изменения текста рукописей.

6. Работы общественно-публицистического характера к рассмотрению и публикации не принимаются.

7. Представленные статьи могут быть возвращены автору на доработку или отклонены из-за несоответствия профилю журнала, неприемлемого объема, отрицательного итога экспертизы или несоблюдения правил оформления. Рукописи, не принятые к публикации, авторам не высылаются. Гонорар за опубликованные статьи не выплачивается.

8. Не допускается свыше двух статей одного автора в одном номере журнала.

9. *Статьи аспирантов печатаются в журнале бесплатно при наличии справки из отдела аспирантуры и рекомендации научного руководителя.*

10. Статьи включаются в выпуск только после положительного решения редколлегии и предоставления копии платежного документа в редакцию журнала.

11. Представление оригинальной статьи к публикации в «Вестнике КемГУ» означает согласие авторов на передачу права автора на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

СТРУКТУРА СТАТЬИ

1. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК).
2. Название статьи.
3. Инициалы и фамилия автора (авторов).
4. Аннотация/реферат.
5. Ключевые слова.
6. Текст статьи с таблицами, рисунками, формулами.

¹ Форма экспертного заключения в формате *.pdf* представлена на [сайте издания](#)

7. Список литературы.

8. Публикуемые сведения об авторе (авторах): фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание; должность, место работы; служебные телефоны, адрес электронной почты (e-mail).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Текст набирается без форматирования и нумерации страниц, с учетом абзацев и особых указаний в требованиях к оформлению статей.

2. Последовательность элементов оформления – в соответствии со структурой статьи.

3. Заголовок статьи (не более 3 строк) необходимо предоставить на русском и английском языках.

4. Инициалы и фамилия автора (авторов) – через запятую.

5. Статья должна быть снабжена аннотацией² на русском и английском языках. **Аннотация к статье должна быть:** информативной (не содержать общих слов); оригинальной; содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); структурированной (следовать логике описания результатов в статье); компактной (укладываться в объем от 120 до 250 слов). **Аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:** предмет, цель работы; метод или методологию проведения работы; результаты работы; область применения результатов; выводы.

6. Статья должна быть снабжена ключевыми словами на русском и английском языках (рекомендуемое количество ключевых слов – 5–7).

7. При вставке формул использовать только Microsoft Equation 3.0 (встроенный редактор формул Microsoft Office), расположение формул на странице – по центру. Нумеровать рекомендуется лишь формулы, на которые имеются ссылки.

Например:

$$J_q^+ : q = \begin{cases} \operatorname{Re}(z_1 / z_2)i + \operatorname{Im}(z_1 / z_2)j + \\ + \frac{|z_1|^2 - |z_2|^2}{|z_1|^2 + |z_2|^2} k \mid z_2 \neq 0, \\ k \mid z_2 = 0. \end{cases} \quad (12)$$

8. Рисунки и подписи к ним располагаются непосредственно в тексте. Рисунки должны иметь формат .jpg, допускать перемещение в тексте и возможность уменьшения размеров, в черно-белой палитре.

9. Объекты, созданные средствами Microsoft Office, должны допускать возможность редактирования.

10. Таблицы нумеруются, если их число более одной.

11. Ссылки на цитированную литературу приводятся в квадратных скобках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «СИБИД. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Например:

Ссылка на полный текст документа [6].

Ссылка на фрагмент текста документа или статью в периодическом издании [6, с. 24–28].

12. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется (начиная с первого номера) в алфавитном порядке, предваряется словом «Литература» и оформляется в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «СИБИД. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Под одним номером допустимо указывать только один источник.

13. Сокращения в тексте – по ГОСТ 7.0.12-2011 «СИБИД. Библиографическая запись. Сокращение слов на русском языке. Общие требования и правила». Допускается использование аббревиатур.

14. Примечания и сноски оформляются непосредственно в **тексте** в круглых скобках курсивом.

Например: текст (*Прим. автора: текст примечания*).

15. Внедренные шрифты, используемые в тексте статьи, предоставляются отдельными файлами.

16. На последней странице статьи указываются публикуемые сведения об авторах **на русском и английском языках**: полное название учреждения, где выполнено исследование; фамилии, имена и отчества авторов полностью; ученая степень, звание, должность, место работы, номера контактных телефонов, адрес электронной почты всех авторов.

17. На последней странице статьи должны быть подписи всех авторов.

РЕКВИЗИТЫ РЕДАКЦИИ

Адрес: 650043, Кемерово, ул. Красная, 6, оф. 2125
Телефон: (3842) 58-13-01
Факс: (3842) 58-38-85
Электронный адрес: vestnik@kemsu.ru
Адрес в Интернет: <http://vestnik.kemsu.ru>

² Рекомендации по составлению аннотации (реферата) к статье размещены на [сайте издания](#).

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год.

Минимальный период подписки – 3 месяца (1 выпуск).

Подписка проводится через отделения связи по каталогу «Пресса России» – подписной индекс 42150

Стоимость подписки указана в каталоге.

Редакция журнала приглашает авторов к сотрудничеству

Подробная информация на сайте издателя:

<http://vestnik.kemsu.ru>

Подписано к печати 5.05.2014 г. Формат А 4.

Дата выхода в свет 27.06.2014 г.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy. Усл. печ. л. – 36,75. Уч.- изд. л. – 33,94.

Тираж 500 экз. Заказ № _____

Цена свободная.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет».

650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, <http://kemsu.ru>.

Отпечатано в ООО ПК "ОФСЕТ". г. Кемерово, ул. Пролетарская, 9.